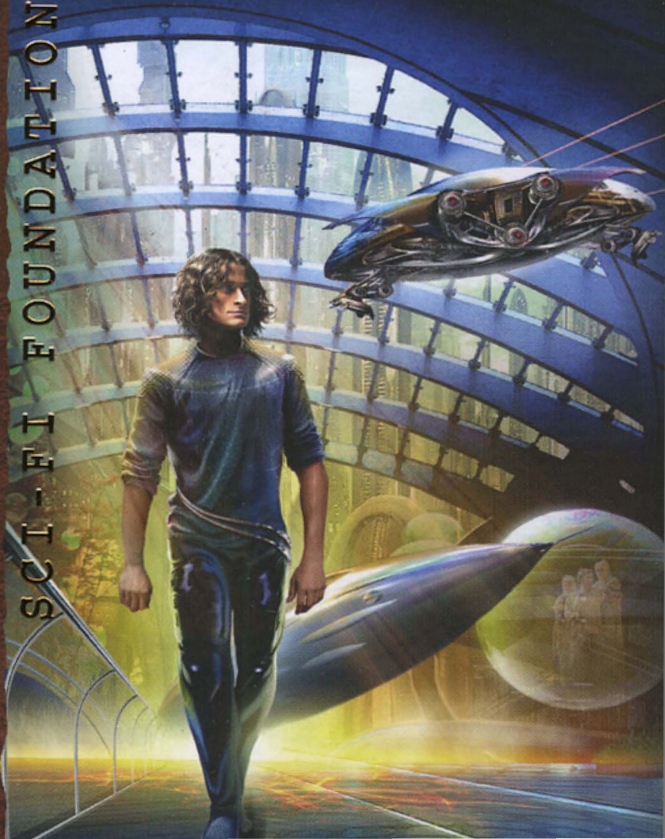
Весь

КЛАРК

ГОРОД И ЗВЕЗДЫ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

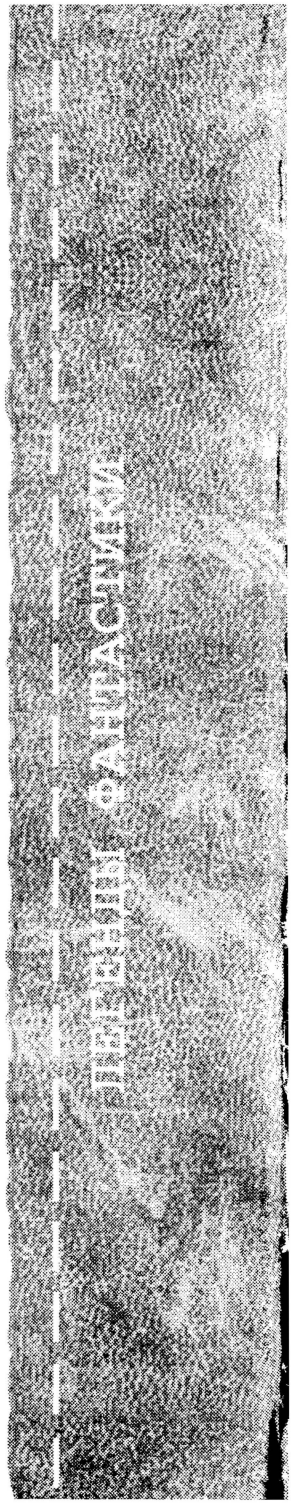
Весь

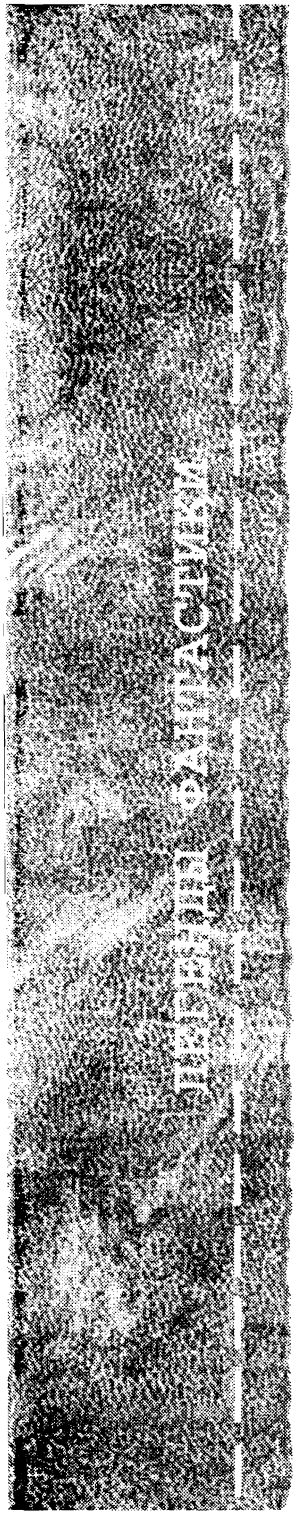
КЛАРК

Весь

КЛАРК

ПЕСКИ МАРСА
ГОРОД И ЗВЕЗДЫ

Артур

КЛАРК

ГОРОД И ЗВЕЗДЫ

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
К 47

Arthur C. Clarke

THE CITY AND THE STARS
© Arthur Clarke, 2001

DEEP RANGE
© Arthur Clarke, 1954

EARTHLIGHT
© Arthur Clarke, 1971

Published by arrangement with David Higham Associates Ltd
and Synopsis Literary Agency

Составитель *А. Жикаренцев*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Кларк А.

К 47 Город и звезды : [сборник] / Артур Кларк ; [пер. с англ. А. Кубичева, М. Пчелинцева, Л. Жданова]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 688 с.

ISBN 978-5-699-39974-1

В сборник повестей «Город и звезды» сэра Артура Чарльза Кларка, одного из основателей научной фантастики и знаменитого ученого, чьи революционные технические идеи получали воплощение еще при его жизни, вошли три повести. «Большая глубина» — о бывшем космонавте, который перенес психологическую травму и начинает жизнь с чистого листа, избрав себе профессию смотрителя за китами. «Земной свет» — одно из ранних произведений Мастера, о противостоянии Земли и ее разбросанных по Солнечной системе колоний. «Город и звезды» — о подлинной Утопии, вечном городе, чьи бессмертные жители утратили тягу к познанию мира.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

**© А. Кубичев, М. Пчелинцев,
Л. Жданов, перевод, 2010**
**© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010**

ISBN 978-5-699-39974-1

БОЛЬШАЯ ГЛУБИНА

Майку, который привел меня в море

В этом романе я высказываю предположения о предельных размерах некоторых морских животных, которые могут быть оспорены биологами. Не думаю, однако, чтобы против меня ополчились подводные исследователи,— они часто встречают рыб, во много раз больших, чем самые крупные известные особи.

Описание острова Герон в наши дни, за три четверти века до начала этой истории, читатель найдет в книге «Берег кораллов». И я надеюсь, что Квинслендский университет одобрительно воспримет небольшую экстраполяцию его ресурсов.

Автор

Часть первая
УЧЕНИК

ГЛАВА 1

В зону проник убийца. Воздушный патруль южной части Тихого океана обнаружил на изрытой волнами поверхности огромную тушу, за которой тянулись алые пятна крови. Тотчас заработала сложная система оповещения; от Сан-Франциско до Брисбена люди передвигали на картах фишки и чертили круги. И Дон Берли, еще не совсем очнувшись от сна, склонился над контрольным пультом «Сабскаут-5», падавшего вниз, к отметке двадцать саженей.

Он был рад, что тревогу объявили в его районе,— впервые за много месяцев какое-то событие. Хотя глаза его следили за приборами, от которых зависела его жизнь, мысленно он уже был на месте происшествия. Что случилось? В коротком сообщении никаких подробностей, одни факты: убитый кит лежит на поверхности в десяти милях позади стада, которое в панике мчится на север. Очевидно, шайке косаток как-то удалось прорваться через защитные ограждения в зону. Если так, Дону и его товарищам-смотрителям предстоит потрудиться.

Узор зеленых огоньков на контрольном пульте был словно светящийся символ безопасности. Пока этот узор неизменен, пока ни одна изумрудная звездочка не сменилась рубиновой, Дон может быть спокоен за себя и свою малень-

---

© Перевод Л. Жданова.

кую подводную лодку. Сейчас его жизнь в руках триумвирата: воздух — горючее — электроэнергия. Если хоть что-то откажет, он ляжет в стальном гробу на пелагический ил, как Джонни Тиндал в позапрошлом году. Но с какой стати им отказывать? И вообще, успокоил себя Дон, не тех неполадок надо опасаться, которые можно предвидеть.

Он нагнулся над пультом к микрофону. «Саб-5» ушел еще недалеко от плавучей базы, можно говорить по радио, но скоро придется перейти на ультразвук.

«Ложусь на курс 255, скорость 50 узлов, глубина 20 саженей, гидролокатор включен на круговой обзор. До цели 40 минут расчетного хода. Буду докладывать каждые десять минут. Все. Прием».

Чуть слышно донеслось подтверждение с «Полосатика», и Дон выключил передатчик. Пришла пора осмотреться.

Он убавил внутренний свет, чтобы лучше видеть экран, опустил на глаза поляроидные очки и стал всматриваться в пучину. Прошло несколько секунд, два изображения слились в его мозгу в одно, и трехмерный индикатор обрел пространственную жизнь.

В такие минуты Дон чувствовал себя богом: под его контролем участок Тихого океана поперечником в двадцать миль и почти неизведанная толща в две тысячи саженей. Медленно вращающийся луч неслышимого звука прощупывал мир, в котором он плыл, отыскивая друзей и врагов в вечном мраке, куда не проникает дневной свет. В подводную ночь уходил прерывистый беззвучный писк, такой тонкий, что его не уловила бы даже летучая мышь, создавшая звуковой локатор за миллионы лет до человека; слабое эхо возвращалось обратно, улавливалось, усиливалось и ползло по экрану голубовато-зелеными пятнышками.

Многолетний опыт позволял Дону легко толковать их. В пятистах футах под ним простирался, теряясь за подводным горизонтом, рассеивающий слой — живое одеяло, накрывшее полмира. Этот океанский луг то поднимается, то опускается в зависимости от солнца, всегда паря на рубеже мрака. За ночь он всплыл почти к самой поверхности, теперь рассвет вновь оттеснял его вглубь. Плотность рассеи-

вающего слоя так мала, что он не препятствие для гидролокатора. И взгляд Дона проникал до самого дна, хотя лодка парила над ним, словно облако над землей. Но бездны морские его не касались: стада, которые он охранял, и враги, которые на них нападали, обитали в верхних слоях.

Он выключил датчик, смотрящий вниз; теперь гидролокатор работал только в горизонтальной плоскости. Без мерцающего эха из пучины легче различать, что окружает тебя в океанской «стратосфере». Вон то светящееся облако в двух милях впереди — громадный косяк рыбы; интересно, на Базе знают о нем? Дон сделал пометку в вахтенном журнале. Выбросы вокруг косяка — это преследующие добычу хищники, которые заботятся о том, чтобы не останавливалось извечное вращение колеса жизни и смерти. Его этот конфликт не занимал, он искал дичь покрупнее.

«Саб-5» шел дальше на запад — стальная игла стремительнее и опаснее любого жителя морей. Турбины вспенивали воду, и маленькая кабина, освещенная лишь тусклым сиянием пульта, подрагивала от натуги. Глянув на карту, Дон убедился, что половина пути до заданного района пройдена. Что, если подняться, посмотреть на убитого кита? По ранам можно составить представление о противнике. Нет, не стоит. Это задержит его, а время в таких случаях дороже всего.

Призывно запищал приемник, и Дон включил дешифровщик. Он так и не научился читать морзянку на слух, но ползущая из прорези бумажная лента уже сделала все за него.

ВОЗДУШНЫЙ ПАТРУЛЬ ДОКЛАДЫВАЕТ СТАДО 50–100 КИТОВ ИДЕТ 95 ГРАДУСОВ КООРДИНАТЫ СЕТКЕ Х186593 У432011 ТЧК ПЛЫВУТ БОЛЬШОЙ СКОРОСТЬЮ ПОСЛЕ ПЕРЕМЕНЫ КУРСА ТЧК НИКАКИХ СЛЕДОВ КОСАТОК НО ПРЕДПОЛАГАЕМ ОНИ ПОБЛИЗОСТИ ТЧК ПОЛОСАТИК

Это предположение показалось Дону маловероятным. Если тут в самом деле замешаны грозные орки, убийцы китов, их непременно заметили бы: ведь они всплывают глот-

нуть воздуха. Не говоря уже о том, что патрулирующий самолет их не испугает: они будут рвать добычу, пока не насытятся.

А то, что испуганное стадо сейчас идет почти прямо на него, очень кстати. Дон стал было наносить координаты на планшет, но тут же увидел, что в этом уже нет нужды. На краю экрана появилось созвездие светящихся точек. Он чуть-чуть изменил курс и пошел навстречу стаду.

Что верно, то верно — киты и впрямь развили небывалую скорость. При такой прыти он окажется среди них минут через пять. Он выключил моторы, и сопротивление воды быстро погасило ход.

В маленькой, тускло освещенной кабине в тридцати метрах от залитых солнцем волн Тихого океана Дон Берли готовил свое оружие к предстоящей битве. Словно рыцарь в доспехах... Этот образ часто представлялся ему в напряженные секунды перед боем, хотя он никому на свете не признался бы в этом. Он чувствовал себя также сродни всем пастухам, которые в древности охраняли свой скот. Он был не только сэром Ланселотом, но и Давидом между седых палестинских холмов, готовым отбить нападение горных львов на баранов своего отца.

Еще ближе и по времени и по духу были люди, каких-нибудь три поколения назад пасшие огромные стада в степях Америки. Они бы его поняли; правда, его снаряжение показалось бы им волшебным. Суть та же, только масштаб изменился: животные, которых пасет Дон, весят по сто тонн каждое, а пастбище — безбрежный океан.

Когда до стада осталось меньше двух миль, Дон переключил локатор с кругового поиска на секторный, нацелив его вперед. Луч заметался из стороны в сторону, и круг сменился широким клином; теперь можно было подсчитать, сколько китов в стаде, даже примерно определить размеры каждого. Наметанный глаз Дона искал отбившихся от стада животных.

Он не смог бы объяснить, что заставило его сразу же обратить внимание на четыре пятнышка к югу от стада. Конечно, они шли отдельно от остальных, но ведь не только

эти отбились. У человека, который часто смотрит на экран индикатора, вырабатывается своего рода шестое чувство — особое чутье, позволяющее ему видеть за движущимися пятнами то, о чем умалчивают приборы. Рука Дона сама протянулась к пульту и пустила турбины.

Главная часть стада поравнялась с ним, идя на восток. Он не опасался столкновения; как бы ни испугались эти исполины, они обнаружат его так же легко, как он их, и тем же способом. А не включить ли акустический маяк? Услышат знакомый сигнал и успокоятся. Нет, нельзя, неизвестный враг тоже может узнать его.

Четыре импульса, которые привлекли его внимание, теперь были почти в центре экрана. Он повел лодку наперерез и нагнулся к самому индикатору, точно задумал напряжением воли вырвать у картинки все, что она могла сообщить. Два крупных раздельных эха, одно из них сопровождают два спутника поменьше. Неужели он опоздал? Мысленно Дон уже представлял себе идущую совсем близко — меньше чем в миле — смертельную схватку. Эти два тусклых пятнышка — враг, они атакуют кита, и его товарищ, вооруженный только могучими плавниками, бессилен ему помочь.

Еще немного — и можно будет увидеть их на экране телевизора. Камеры в носовой части «Саб-5» уставились в сумрак, однако на первых порах обнаружили только планктонный туман. Но вот посреди экрана возник огромный силуэт и пониже два меньших. Дальность действия света сильно ограничена, зато теперь Дон гораздо точнее мог судить о том, что наблюдал на экране индикатора.

И он тотчас понял, что ошибся. Невероятно, но два спутника были детенышами. Вообще-то двойники не редкость, однако Дон впервые видел кита с близнецами. В других условиях он был бы увлечен таким зрелищем, теперь же Дон думал лишь о просчете, из-за которого потеряны драгоценные минуты. Придется начинать поиск сначала.

Порядка ради он направил камеру на четвертое пятно, пойманное гидролокатором. По величине импульса Дон заключил, что это тоже кит. Странно, как предвзятость мо-

жет повлиять на суждение человека о том, что он видит: прошло несколько секунд, прежде чем Дон разобрался в наблюдаемом и понял, что все-таки не промахнулся.

— Силы небесные! — глухо произнес он.— Никогда не думал, что они бывают такими большими.

Акула, самая крупная, какую он когда-либо видел... Еще нельзя было различить подробностей, однако род не вызывал у него сомнения. Только китовая и гигантская акулы могли бы сравниться с ней, но они безобидные вегетарианцы, а это королева всех акулообразных, Carcharodon, большая белая акула. Дон попробовал вспомнить данные о самых крупных известных экземплярах. В 1990 году — может быть, годом раньше или позже — у Новой Зеландии убили сорокафутовую белую, но эта раза в полтора побольше.

Все эти мысли молниеносно пронеслись у него в голове; в ту же секунду он заметил, что хищница, минуя встревоженную мать, уже пошла в атаку на детеныша. Трусость или здравый смысл? Поди угадай. Пожалуй, эти определения вообще неприложимы к работающему по своим законам крохотному мозгу акулы.

Оставалось только одно. Это может затянуть расправу с акулой, но жизнь детеныша важнее. Дон нажал кнопку сирены, и в жидкую среду вокруг него вторгся короткий механический вопль.

Оглушительный звук одинаково напугал акулу и китов. Акула сделала невообразимо крутой поворот, и Дон едва не вылетел из кресла, когда лодка, подчиняясь автопилоту, легла на новый курс. Юля и поворачиваясь не хуже любого равного ему по величине морского жителя, «Саб-5» настигал хищницу; электронный мозг лодки безотказно подчинялся... локатору, позволяя Дону всецело заняться своим оружием. Это очень кстати: следующий шаг окажется трудным, если не удастся выдержать курс хотя бы пятнадцать секунд. На худой конец, можно пустить в ход маленькие подводные ракеты; будь он один перед лицом стаи косаток, так бы и пришлось сделать. Но это жестокий и кровавый способ, Дон предпочитал действовать аккуратнее. Тактика рапиры всегда нравилась ему больше, чем тактика гранаты.

Сейчас их разделяет всего полсотни футов, и они быстро сближаются. Такой миг может не повториться. Он нажал пусковую кнопку.

Из-под лодки вперед вырвалось нечто напоминающее ската хвостокола. Дон сбавил скорость — теперь ближе подходить незачем. Маленькая, меньше метра в ширину, стрела мчится куда быстрее разведчика, она в несколько секунд покроет оставшееся расстояние. На лету стрела разматывала нитку фала, словно подводный паук, плетущий свою сеть. По фалу шла энергия, которая направляла крылатый снаряд в цель и придавала грозную силу его жалу. Стрела мгновенно выполняла команды Дона, и ему казалось, будто он управляет умным и чутким конем.

Акула заметила опасность за долю секунды до удара. Как и задумали конструкторы, ее обмануло сходство снаряда с обыкновенным хвостоколом. Прежде чем крохотный мозг сообразил, что ни один скат не ведет себя так, стрела уже попала в цель. Выброшенная взрывом патрона стальная игла проткнула грубую кожу акулы, и рыбина взорвалась приступом неистового страха. Дон немедля дал задний ход — попадет хвостом, тряхнет его, как горошину в банке, да еще и лодку сомнет. Он уже сделал то, что зависело от него, остается лишь ждать, когда подействует яд.

Обреченная хищница судорожно изгибалась, силясь схватить зубами отравленное жало. Дон уже подтянул стрелу обратно в отсек в средней части судна, радуясь, что удалось вернуть ее на место невредимой. С трепетом и чувством, близким к сожалению, смотрел он, как смерть одолевает огромную акулу.

Заметно ослабев, она беспорядочно плавала взад и вперед, и Дону один раз пришлось быстро вильнуть в сторону, чтобы не столкнуться с ней. Умирающая акула медленно всплывала к поверхности. Дон не последовал за ней, на очереди было дело поважнее.

Меньше чем в миле от места схватки он нашел самку и ее детеныша и придирчиво осмотрел их. Они были невредимы, не надо вызывать ветеринара на специально оборудованной двухместной лодке, способной оказать китообраз-

ным любую помощь — поставить клизму, сделать кесарево сечение.

Испуг прошел; поглядев на экран индикатора, Дон убедился, что стадо уже не спасается бегством. Неужели знают, что произошло? Ученые основательно изучили, как общаются между собой киты, но многое еще остается загадкой.

— Что ж, старушка, надеюсь, тебе доступно чувство благодарности,— пробурчал Дон.

Решил, что пятьдесят тонн материнской любви — это не шутки, и, продув цистерны, всплыл к поверхности.

Море было спокойным, он открыл люк и высунул голову из маленькой боевой рубки. Вода плескалась в нескольких сантиметрах от его подбородка, иногда волна побольше даже пыталась окропить его. Все это было совершенно безопасно, плечи Дона плотно закупорили люк.

А в полусотне футов от него, будто опрокинутая шлюпка, качался на поверхности продолговатый серый гроб. Дон мысленно прикинул, сколько сжатого воздуха нужно накачать в тушу, чтобы она не утонула до подхода вспомогательного судна. Через несколько минут он передаст по радио свой рапорт, а пока хорошо глотнуть свежего тихоокеанского ветра, ощутить чистое небо над головой, взглянуть на солнце, только-только начавшее свое восхождение к зениту.

Сейчас Дон Берли был удачливым воином, отдыхающим после той битвы, которую человеку вести всегда. Они держат в узде призрак голода, во все века преследовавший человечество, но не страшный теперь, когда огромные планктонные фермы поставляют миллионы тонн белка и китовые стада послушны своим новым хозяевам. Человек вернулся в море, после миллионов лет изгнания вернулся в свой древний дом; пока не замерзли океаны, он не будет голодать...

Но не это было главным для Дона. Даже если бы его дело никому не приносило пользы, он не отказался бы от него. Больше всего на свете он ценил веру в себя и свое могущество, которую ощущал, выполняя такие задания. Могущество? Да, именно так. Но могущество, которым он никогда не злоупотребит, слишком сильно в нем чувство род-

ства с обитателями моря, даже с теми из них, кого он обязан уничтожать.

Казалось, Дон в эту минуту только отдыхает, но, если бы хоть один прибор или огонек на пульте вдруг забил тревогу, он реагировал бы немедля. В мыслях он уже вернулся на «Полосатик», где завтрак ждет не дождется его. Чтобы время шло скорее, Дон начал в уме составлять рапорт. Придется кое-кого удивить. Инженеры, которые ведают незримыми оградами из электричества и звука, разделившими могучий Тихий океан на удобные для управления участки, примутся искать брешь; биологи, которые клялись, что акулы не нападают на китов, будут искать оправданий. И те и другие, несомненно, преуспеют, и все опять войдет в свою колею, пока море не подстроит новой каверзы.

Впрочем, каверза уже подстерегала Дона, но ее устроили люди, и они не замышляли ничего дурного. Все началось с одного предложения, которое родилось в Комитете по делам космоса, а оттуда было передано во Всемирный секретариат. Проходя все более высокие инстанции, оно в конце концов попало во Всемирную ассамблею и было одобрено членами соответствующей комиссии, став предписанием, которое спустили через секретариат во Всемирную организацию продовольствия, из ВОП — в Морское управление, наконец, из управления — в Отдел китов. И свершилось это в невероятно короткий срок — в какие-нибудь четыре недели.

Дон, понятно, ничего не знал. Итог всей этой деятельности сложного механизма глобальной бюрократии вылился для него в слова, которыми встретил его капитан, когда он вошел в столовую «Полосатика», с вожделением думая о запоздалом завтраке.

— Привет, Дон. Начальство вызывает тебя в Брисбен, там приготовлено какое-то задание. Надеюсь, ненадолго. У нас и без того нехватка людей, сам знаешь.

— Какое еще задание? — насторожился Дон.

Он не забыл, как ему поручили быть гидом одного помощника министра, глуповатого, на его взгляд, малого, с

которым он и обращался соответственно. А потом выяснилось, что этот помощник — голова (конечно, иначе он не занимал бы такую должность) и видел Дона насквозь.

— Они ничего не сказали,— ответил капитан.— Похоже, и сами толком не знают. Передай мой нежный привет Квинсленду и держись подальше от казино на Золотом Берегу.

— Казино, с моим-то жалованьем,— фыркнул Дон.— Последний раз меня чуть не раздели в «Серферс парадайз».

— Зато в первый раз ты унес несколько тысяч.

— Новичкам везет, а потом... От того выигрыша давно уже ничего не осталось. И пусть счет останется ничейным, я больше не игрок.

— Спорим? Ставлю пятерку!

— Спорим.

— Можешь платить — спор та же игра.

Ложка переработанного планктона застыла в воздухе; Дон лихорадочно искал выход.

— Черта с два ты с меня получишь,— сказал он.— Свидетелей нет, а я не джентльмен.

Быстро допив кофе, он отодвинулся от стола и встал.

— Что ж, пора собираться. Пока, капитан, до новой встречи.

И старший смотритель пулей вылетел из столовой, провожаемый взглядом командира «Полосатика». Словно ураган, пронесся по переходам судна, потом опять воцарилась относительная тишина.

— Держись, Брисбен,— буркнул себе под нос капитан и отправился на мостик, мысленно перестраивая график вахт; одновременно он сочинял неотразимый меморандум, в котором спрашивал начальство, как работать на судне, где тридцать процентов команды постоянно то в отпуске, то выполняют спецзадания.

Когда он вошел в свою каюту, только одно удерживало его от того, чтобы немедленно не подать заявление об уходе: при всем желании капитан не мог представить себе лучшей работы.

ГЛАВА 2

Уолтер Франклин пришел всего несколько минут назад, но уже нетерпеливо мерил шагами приемную. Скользнул равнодушным взглядом по развешанным на стенах глубоководным фотографиям, с минуту посидел на краешке стола, перелистывая журналы, обзоры, доклады, которые всегда копятся в таких местах. Журналы знакомы — последние недели он только и делал, что читал,— остальное тоже малоинтересно. А ведь кто-то обязан по долгу службы изучать все эти размноженные на электропринте отчеты ВОП; как только голова выдерживает этакую уйму цифр! Более привлекательно выглядел орган Морского управления «Нептун», но и он быстро наскучил Уолтеру, которому все эти дискуссии почти ничего не говорили. Даже самые популярные статьи были выше его разумения, так как пестрели незнакомыми терминами.

Секретарша посматривала на него. Конечно, отметила нетерпение посетителя и, наверно, уразумела, что за этим кроется нервозность и душевный разлад. Франклин с трудом заставил себя сесть и сосредоточиться на вчерашнем номере брисбенского «Курьера». Он почти увлекся статьей, в которой редакция отпевала австралийский крикет (только что закончились отборочные соревнования), когда молодая особа, охранявшая кабинет начальника отдела, мило улыбнулась ему и сказала:

— Пожалуйста, мистер Франклин, входите.

Он надеялся, что начальник примет его один; секретари не в счет. Но плечистый молодой человек, занимающий второе кресло для посетителей, выглядел чужим в этом строгом кабинете и смотрел на него скорее с любопытством, чем с дружелюбием. Понятно, они говорили о нем; Франклин тотчас насторожился и ощетинился.

Начальник отдела Кери разбирался в людях почти так же хорошо, как в морских млекопитающих. Он сразу заметил, что посетитель не в своей тарелке, и постарался его ободрить.

— Входите, Франклин, садитесь,— сказал он с преувеличенной сердечностью.— Ну как вам у нас живется? Хорошо устроились?

Франклин был избавлен от необходимости отвечать, потому что директор тут же продолжил:

— Прошу вас, познакомьтесь с Доном Берли. Дон — старший смотритель на «Полосатике», один из наших лучших работников. Он займется вами. Дон, это Уолтер Франклин.

Они обменялись легким рукопожатием, испытующе глядя друг на друга. Наконец Дон через силу улыбнулся улыбкой человека, которому поручили неприятное дело, но он полон решимости добросовестно выполнить его.

— Очень рад,— сказал Дон.— Приветствую нового сторожа наяд.

Франклин попытался улыбнуться. Итог был неутешительным. Он понимал, что обязан этим людям, которые изо всех сил стараются помочь ему. Понимал умом, но не сердцем и не мог заставить себя пойти им навстречу. Боязнь оказаться предметом жалости и назойливое подозрение, что они тут, вопреки всему обещанному, перемывали его косточки, начисто отбивали у него всякую охоту быть с ними на дружеской ноге.

Дон Берли ни о чем не догадывался. Он знал только, что кабинет начальника не самое подходящее место, чтобы знакомиться с новым коллегой, и не успел Франклин опомниться, как они уже вышли на улицу, протиснулись сквозь толпу на Джордж-стрит и нырнули в маленький бар напротив нового почтамта.

Здесь было тихо, хотя сквозь цветное стекло стен Франклин видел снующие силуэты прохожих. Воздух в баре казался особенно прохладным после знойной улицы; власти до сих пор не решили, быть или не быть Брисбену кондиционированным городом и кому передать выгодный подряд, а пока горожане каждое лето изнемогали от жары.

Дон Берли подождал, пока Франклин управится с первой кружкой пива, и заказал вторую. Тут явно кроется какая-то тайна; ему не терпелось поскорее разгадать ее. Это затея ка-

кого-нибудь высокого чина в управлении, если не во Всемирном секретариате. Старшего смотрителя не оторвут от работы, чтобы приставить нянькой к первому попавшемуся новичку, который к тому же намного старше обычных курсантов. Ему, должно быть, тридцать с хвостиком; Дон еще никогда не слышал, чтобы кто-нибудь в этом возрасте проводил спецобучение на смотрителя.

Одно было очевидно, и это лишь усугубляло загадочность истории: Франклин — космонавт, их за милю узнаешь. А что, вот и зацепка. Но тут же Дон вспомнил слова начальника отдела: «Не расспрашивайте Франклина. Я не знаю, что у него было, но нас особо просили не касаться прошлого в разговорах с ним».

Это, конечно, неспроста. Можно представить себе, что Франклин был пилотом и его списали на Землю за какую-нибудь грубую ошибку — скажем, он по рассеянности вместо Марса прилетел на Венеру.

— Вы впервые в Австралии? — осторожно спросил Дон.

Не самый сильный ход, и ответ Франклина как будто не располагал к продолжению.

— Я здесь родился,— сказал он.

Но Дона нелегко было привести в замешательство. Он усмехнулся и продолжил примирительным тоном:

— Мне никто ничего не рассказывает, вот и привык сам дознаваться. Я-то родился на другом конце земного шара, в Ирландии, но меня послали работать в Тихоокеанский филиал отдела. Так я попал в Австралию и теперь уже считаю ее как бы своей второй родиной. Правда, на берегу почти не бываю. Такая работа, восемьдесят процентов времени — в море. Сами понимаете, не всякому понравится этакая жизнь.

— Меня это вполне устроит,— сказал Франклин, однако не стал объяснять почему.

Из этого типа надо каждое слово клещами вытягивать! А ему с ним работать, и не одну неделю... За что такая кара? Все же Дон мужественно продолжал наступать:

— Шеф сказал, что у вас хорошая научная и инженерная подготовка. Значит, вы в общем знакомы с тем, что у

нас проходят на первом курсе. А про организацию нашей отрасли вам толковали?

— Меня напичкали под гипнозом кучей фактов и цифр. Могу прочесть вам двухчасовую лекцию о Морском управлении — история, структура, очередные задачи всего управления и Отдела китов в частности. Но пока что все это для меня пустые слова.

Так, лед тронулся. Оказывается, парень все-таки умеет говорить. Глядишь, еще кружка-другая, и он совсем человеком станет.

— С этой гипнопедией всегда так,— подтвердил Дон.— Накачают в тебя сведений дальше некуда, а что из этого останется в памяти? Я уж не говорю о физических навыках или о том, как действовать в аварийных случаях. Тут никакой гипноз не спасет. Только в деле можно научиться чему-то по-настоящему.

В этом месте Дона отвлек скользнувший по стеклу стройный силуэт. Франклин проследил его взгляд и чуть улыбнулся. Дон тотчас уловил этот первый намек на какую-то непринужденность, и у него появилась надежда на более короткие отношения с порученным ему сфинксом.

Влажным от пива указательным пальцем он принялся чертить на пластиковой крышке стола.

— Глядите,— пояснял он.— Вот это архипелаг Каприкорн — четыреста миль к северу от Брисбена и сорок миль от материка. Здесь находится наш главный учебный центр, который готовит людей для мелководных операций. Отсюда начинается южное заграждение, оно идет на восток до Новой Каледонии и Фиджи. Когда киты с антарктических пастбищ направляются на север, в тропики, чтобы там произвести на свет свое потомство, они могут пройти только через ворота, которые мы оставляем. Мы считаем самыми важными воротами вот эти, у побережья Квинсленда, как раз тут южный проход в Большом Барьерном рифе. Между рифом и материком почти до самого экватора тянется как бы пролив шириной около пятидесяти миль. Когда киты войдут сюда, ими уже легко управлять. А направить их в пролив тоже не трудно. Большинство из них привыкли ходить

этим путем задолго до того, как мы вмешались в их жизнь, а остальных мы приучили, и теперь, даже если выключить заграждение, вряд ли от этого изменится их миграция.

— Это заграждение,— перебил его Франклин,— оно что — чисто электрическое?

— Что вы! Электрическое поле только для рыб годится. Для млекопитающих вроде китов оно слабовато. Наше заграждение почти сплошь ультразвуковое, на глубине полумили тянется цепочка акустических генераторов, и получается как бы звуковой занавес. А на ворота подаются специальные команды. Мы можем направить стадо в любую сторону, куда нам надо, достаточно проиграть сигнал бедствия, который издает кит. Но это крайние меры, к ним мы прибегаем редко, киты уже приучены.

— Понимаю,— сказал Франклин.— Я даже где-то читал или слышал, что заграждения нужны не столько для китов, сколько для других животных, чтобы не пускать их.

— Это верно отчасти, но и китами надо управлять — скажем, когда их загоняют для подсчета или для боя. Правда, мы еще не довели заграждение до полного совершенства. Есть слабые точки на стыках акустических полей, и время от времени приходится выключать секции, пропускать мигрирующую рыбу. Глядишь, и прорвется крупная акула или косатки проскочат. И натворят бед. Косатки хуже всего, они нападают на китов на пастбищах в Антарктике, из-за них мы до десяти процентов стада теряем. Все ждут не дождутся, когда истребят косаток, вот только не могут придумать дешевого способа. Нельзя же патрулировать подводными лодками всю область пакового льда. А жаль — особенно когда увидишь кита, с которым расправилась косатка.

Берли говорил так горячо — Франклин даже удивился. Считается, что китопасы (ласковое название, придуманное народом, которому непременно подавай героев) не склонны ни размышлять, ни чувствовать. И хотя Франклин отлично понимал, что грубоватые и немногословные парни, шествующие по страницам повестей из жизни подводников, очень далеки от действительности, трудно было отрешиться от утвердившегося штампа. Конечно, Дона Берли молчуном

не назовешь, но в остальном он как будто соответствует этому штампу.

Как он поладит со своим наставником, спрашивал себя Франклин, да и вообще со своей новой работой? Пока что она его не увлекла. А что будет потом — время покажет. Судя по всему, эта область богата интересными, даже захватывающими задачами и возможностями. Хоть бы увлечься, найти себе применение! За последний год — тяжелый, долгий год — он многого лишился, потерял вкус к жизни, к работе.

И не верится, чтобы к нему когда-нибудь вернулось воодушевление, продвинувшее его так далеко по пути, который теперь заказан ему навсегда. А Дон все рассказывал, говоря легко и живо, как человек, знающий и любящий свое дело. Франклина вдруг укололо чувство вины. Разве это честно — отрывать Берли от работы и превращать его не то в няньку, не то в воспитательницу детского сада?.. Впрочем, если бы Франклин знал, что Берли сам уже задавал себе этот вопрос, его сочувствие живо прошло бы.

— А теперь пойдем, не то пропустим автобус в аэропорт,— сказал Дон, взглянув на часы и осушив свою кружку.— Самолет вылетает через тридцать минут. Ваши вещи отправлены?

— В гостинице обещали все сделать.

— Ладно, в аэропорту проверим. Поехали.

Прошло полчаса, прежде чем Франклин смог опять вздохнуть полной грудью. Он уже понял, что это свойственно Берли: до последней секунды он не спешил, потом вдруг словно взрывался. Последняя вспышка энергии перенесла их из тихого бара в еще более тихую кабину самолета. Они отыскали свои места, и тут случилось маленькое происшествие, которое надолго озадачило Дона.

— Садитесь у окна,— сказал он.— Я сто раз летал по этому маршруту.

Отказ Франклина он принял за обычную учтивость и повторил свое предложение. И только после третьего или четвертого «нет», произносимого все более решительно, даже раздраженно, он смекнул, что вежливость тут ни при

чем. Это казалось невероятным, но Дон мог бы поклясться, что его спутник отчаянно трусил. Он впервые видел человека, который боялся бы сидеть у окошка в самолете. И мрачные предчувствия, отчасти развеянные разговором в баре, с новой силой овладели им.

Город и знойное побережье ушли вниз; реактивные двигатели легко подняли машину в небо. Франклин штудировал газету с усердием, которое ни на секунду не обмануло Берли. «Ничего, повременю пока,— решил он,— а потом еще раз проверю его».

Над изрезанной оврагами равниной торчали причудливые клыки — Гласхауз-Маунтинз. Но и они остались позади, и замелькали порты, через которые когда-то, еще до того, как сельское хозяйство перекочевало в моря, вывозили плоды земли. Казалось, не прошло и мига, а в голубой мгле на горизонте уже вырисовались темными пятнами островки Большого Барьерного рифа.

Солнце светило почти прямо в глаза, но память Дона хранила подробности, которые сейчас терялись в слепящем блеске моря, и он видел плоские зеленые острова, опоясанные лентой песчаного пляжа и широкой каймой кораллов, чуть-чуть прикрытых водой. Остров за островом, риф за рифом, о которые вечно дробятся тихоокеанские валы... И на тысячи миль к северу поверхность моря исчертили белоснежные барашки.

Сто лет назад — даже пятьдесят — среди множества островов Большого рифа лишь десять — пятнадцать были обитаемы. Но вездесущий авиатранспорт в сочетании с дешевой энергией и установками для очистки воды позволил не только государству, но и частным лицам нарушить древний покой рифа. Некоторым счастливчикам удалось даже — неведомо как — стать единоличными владельцами кое-каких мелких островков. Появились здесь и организации, ведающие отдыхом и развлечениями; это не всегда способствовало украшению творений природы. Но главенствующую роль, бесспорно, играла Всемирная организация продовольствия с ее сложной системой рыбных промыслов, морских ферм

и исследовательских учреждений; их было несметное количество.

— Уже почти прилетели,— сказал Берли.— Только что прошли над островом Леди Масгрейв, на нем стоят главные генераторы западной секции заграждения. А вот и архипелаг Каприкорн под нами — Мастхед, Уантри, Нортвест, Вильсон... Вон тот, посередине, со всеми строениями, это Герон. В большой башне находится администрация, а возле бассейна — аквариум. И две подводные лодки видны, смотрите, у длинного пирса, который тянется до края рифа.

Говоря, Дон уголком глаза следил за Франклином. Тот наклонился к окошку и как будто слушал этот репортаж, но Берли мог бы поклясться, что он не смотрит на раскинувшуюся внизу панораму рифов и островов. Лицо Франклина напряглось, и взгляд был отсутствующим, точно он принуждал себя ничего не видеть.

В душе Дона боролись жалость и презрение. Он узнал симптомы, хотя не понимал причин болезни; самая настоящая высотобоязнь. А он-то принял Франклина за космонавта! Но кто же он? Во всяком случае, не тот человек, с которым Дону хотелось бы делить тесное пространство двухместной учебной лодки.

Амортизаторы самолета коснулись посадочной площадки острова Герон, и Франклин, ступив на прямоугольник стесанного коралла и щурясь от яркого солнца, мгновенно оправился от своего недуга. «Вот так же быстро приходят в себя иные после морской болезни, стоит им только сойти на берег,— подумал Дон.— Да, если Франклин такой же моряк, как пилот, я от силы дня через два вернусь на работу, больше эта идиотская затея не продлится». Хотя, по чести говоря, Дон вовсе не спешил: Герон был очень приятным местом, можно отлично развлечься, если знаешь, как обойти все эти запреты и ограничения, без которых не могутжить бюрократы.

Небольшой грузовик помчал людей и багаж по дороге между высокими писониями, плотные кроны которых не пропускали солнечных лучей. Всего четверть мили отделя-

ло пирсы и ремонтные мастерские в западной части острова от административных зданий на восточном берегу. С севера на юг, деля островок на две части, тянулась полоса бережно сохраняемого леса. Дон с нежностью подумал о заманчивых тропинках и уединенных полянах, которыми этот лес изобиловал.

Мистера Франклина уже ждали и заранее позаботились о нем. Было ясно, что в глазах администрации он занимал привилегированное положение, рангом ниже кадровых сотрудников вроде Берли, но несравненно выше обычных курсантов. Самое удивительное, ему отвели отдельную комнату. Такой чести на Героне не удостаивалось даже начальство из Отдела китов. Берли только облегченно вздохнул; он так боялся, что придется жить вместе с этим странным воспитанником. Тем более что это было бы серьезной помехой для некоторых сугубо личных дел Дона.

Он проводил Франклина в его комнату на втором этаже учебного корпуса. Она была не очень просторной, но уютной; из окна открывался вид на простершийся до самого горизонта риф. Внизу группа курсантов, пользуясь переменой, разговаривали с преподавателем. Дон сразу узнал его, хотя и не помнил фамилии. Приятно вернуться в школу, когда знаешь все ответы...

— Здесь вам будет хорошо,— сказал он Франклину, который уже разбирал свои вещи.— Вид-то какой, а?

Обычно поэтические восторги были чужды Дону, но ему хотелось проверить, как Франклин воспримет картину могучего океана с белыми шапками кораллов. Его ожидало разочарование: тридцать футов высоты, по-видимому, не пугали Франклина, он с явным восхищением любовался голубовато-зеленым простором, уходящим в безбрежные океанские дали.

Так тебе и надо, отругал себя Дон, нашел кого дразнить. Какая бы холера ни пристала к этому бедняге, ему, наверно, несладко с ней.

— Я пойду, а вы устраивайтесь,— сказал он, идя к двери.— Завтрак через полчаса в столовой, мы проезжали мимо нее. Там и увидимся.

Франклин рассеянно кивнул, доставая из чемодана белье и раскладывая его на кровати. Сейчас он больше всего хотел побыть один, без посторонних, освоиться с новой обстановкой, в которой ему, хочешь не хочешь, предстоит жить.

Прошло минут десять, когда раздался стук в дверь и кто-то негромко спросил:

— Можно войти?

— Кто там? — откликнулся Франклин, поспешно наводя порядок.

— Доктор Майерс.

Фамилия незнакомая, но — Франклин криво усмехнулся — неспроста первым его навестил врач. И нетрудно угадать, какой именно.

Майерс был некрасивый, но приятный мужчина лет сорока, коренастый, с пристальным, испытующим взглядом, который как-то не сочетался с его дружелюбием и предупредительностью.

— Извините, что врываюсь вот так, сразу,— учтиво произнес он.— Но у меня просто нет другого выхода, сегодня вечером я вылетаю на Новую Каледонию и вернусь только через неделю. Профессор Стивенс просил меня зайти к вам и передать наилучшие пожелания от него. Если вам что-нибудь понадобится, звоните мне, мы постараемся все устроить.

Франклин отдал должное искусству, с каким Майерс обошел подводные камни. Он не сказал: «Мы говорили о вашем заболевании с профессором Стивенсом»,— хотя, конечно, именно так и было. И не предложил прямо своих услуг, подал все так, словно Франклин не нуждается больше в лечении и присмотре.

— Я вам очень признателен,— искренне ответил Франклин.

Доктор Майерс пришелся ему по душе, и он решил не злиться попусту на надзор, которого ему все равно не избежать.

— Скажите,— продолжал он,— что здесь известно обо мне?

— Ровным счетом ничего. Знают лишь, что нужно помочь вам как можно скорее выучиться на смотрителя. Вы не думайте, это далеко не первый случай срочной переквалификации. Разумеется, будут любопытствовать, кто вы, что вы, от этого никуда не денешься. Пожалуй, в этом и заключается для вас главная трудность.

— Берли уже умирает от любопытства.

— Хотите послушать мой совет?

— Конечно, говорите.

— Вам работать с Доном не один день, и будет только справедливо по отношению к нему поделиться с ним, когда вы почувствуете, что пришло время. И это в ваших же интересах. Я уверен, он все поймет. Если хотите, могу сам ему объяснить.

Франклин молча покачал головой. Возразить было нечего, он понимал, что Майерс говорит дело. Рано или поздно истина все равно всплывет; оттягивать неизбежное — себе вредить. Но победа в борьбе за рассудок и уважение к себе была еще слишком непрочной, он боялся даже подумать о том, чтобы работать с людьми, посвященными в его тайну, как бы благожелательно к нему ни относились.

— Ну хорошо. Как решите, так и будет. Желаю удачи и надеюсь, что я не понадоблюсь вам как врач.

Майерс давно ушел, а Франклин все еще сидел на краешке кровати, обозревая свою будущую сферу — море. Да, удача нужна ему. Он чувствовал, что интерес к жизни возрождается. Дело даже не в том, что все стараются ему помочь; к этому он, можно сказать, привык за последние месяцы. Главное, он наконец-то сам увидел какой-то просвет, поверил, что может наполнить свою жизнь новым смыслом.

Вдруг Франклин очнулся от размышлений и взглянул на часы. На десять минут опаздывает на завтрак — плохое начало новой жизни! Он представил себе, как Дон Берли нетерпеливо ждет его в столовой, беспокоясь, не случилось ли чего.

— Иду, мой учитель,— с улыбкой сказал он. Он уже успел забыть, когда шутил в последний раз.

ГЛАВА 3

Когда Франклин в первый раз увидел Индру Лангенбург, руки у нее были по локоть в крови и она деловито разрезала внутренности десятифутовой тигровой акулы, которую сама же и выпотрошила. В лучах солнца тускло поблескивало белое брюхо чудовища, распростертого на песчаном пляже, облюбованном Франклином для утренних прогулок. Из пасти акулы свисала крепкая цепочка с крючком; видно, рыбина попалась на удочку ночью и с отливом очутилась на мели.

Несколько секунд Франклин глядел на это странное сочетание — милая девушка и мертвый монстр, потом раздельно произнес:

— Это не совсем то, что я хотел бы видеть перед завтраком. Чем вы, собственно, заняты?

К нему повернулось смуглое лицо с очень строгими глазами; длинный острый нож, который произвел такое кровопролитие, продолжал ловко рассекать хрящ и кишки.

— Я пишу диссертацию о витаминах в печени акулы,— ответил ему голос, такой же строгий, как глаза.— Для этого мне нужно много акул. Это моя третья за неделю. Возьмете зубы? Отличный сувенир, а у меня их уже хватает.

Она подошла к голове хищницы и засунула нож в пасть, которой не давал закрыться деревянный брусок. Рука девушки сделала быстрое движение, и появилось целое ожерелье страшных треугольников — как бы ленточная пила из кости.

— Нет-нет, спасибо,— поспешно отказался Франклин; хоть бы не обиделась: молодая, ей, наверно, и двадцати нет.— Вы работайте, не обращайте на меня внимания.

Появление незнакомого лица на этом маленьком островке его не удивило: сотрудники Научно-исследовательской станции редко общались с управленцами и работниками учебного комбината.

— Вы новичок? — спросила окровавленная исследовательница, с довольным видом бросая в ведро кусище печени.— Я не видела вас на последнем танцевальном вечере.

У Франклина сразу поднялось настроение. Как приятно встретить человека, который ничего не знает о тебе и не любопытствует, зачем ты приехал! Впервые он мог говорить свободно, не ощущая неловкости.

— Да, только что прилетел, буду учиться. А вы давно здесь?

Он поддерживал этот глубокомысленный разговор, потому что ему было приятно ее общество, и она, конечно, понимала это.

— С месяц,— небрежно бросила девушка. Ведро опять чавкнуло: оно было уже почти полным.— Сейчас у меня каникулы, я учусь в университете в Майами.

— Значит, вы американка? — спросил Франклин.

— Э нет,— важно ответила она.— Во мне почти поровну голландской, бирманской и шотландской крови. А родилась я в Японии, вот и разберитесь.

Подшучивает? Да нет, на лице ни тени лукавства. Славная девушка... Но не стоять же тут с ней весь день. У него всего сорок минут на завтрак, в девять занятия по вождению подводной лодки.

Он тут же забыл об этой встрече; с каждым днем круг его знакомых ширился, и он постоянно видел новых людей. Ускоренный курс не оставлял времени для развлечений, и он был только рад этому. Франклин с головой ушел в новое дело; он даже удивлялся тому, как легко ему думалось. Видно, те, кто послал его сюда, не ошиблись.

Все эмпирические сведения — цифры, факты, структура управления — более или менее безболезненно закачали ему в мозг под легким гипнозом. Проверяя себя с помощью магнитофона, который задавал вопросы и сам погодя давал верные ответы, Франклин убедился, что информация запомнилась, а не вылетела из другого уха, как это иногда бывает.

Дон Берли в этом не участвовал, но и тогда, когда он не был занят с Франклином, ему не очень-то давали отвести душу. Начальник курсов был счастлив, что Дон снова попал к нему в лапы, и — весьма учтиво, с подкупающей

улыбкой — «осведомился», не согласится ли он, когда у него будет время, читать лекции трем учебным группам. Дона обошли так ловко, что оставалось лишь покориться и сделать вид, будто ему это приятно. А он-то мечтал погулять...

Зато в другом, самом главном его опасения не оправдались. С Франклином вполне можно было ладить, если не касаться личных дел. Он быстро соображал, а его техническая подготовка во многом превосходила ту, которую получил Дон. Редко приходилось объяснять ему что-либо дважды, и еще задолго до того, как они стали упражняться на учебных стендах, Дон обнаружил в своем ученике задатки хорошего навигатора. Руки Франклина действовали уверенно, он реагировал быстро и четко, и во всей его манере держаться было что-то неуловимое, что отличает первоклассного водителя от заурядного.

Но Дон знал, что кроме знаний и навыков необходимо еще кое-что, а вот есть ли это у Франклина, он пока не мог сказать. Только проверив своего ученика в погружении, он сможет определить, что трудился не зря.

Франклину нужно было усвоить так много, что казалось — это невозможно сделать за два месяца, предусмотренные программой. Сам Дон прошел полный шестимесячный курс, и ему было как-то обидно думать, что кто-то может управиться в три раза быстрее, пусть даже с репетиторами. Да одну только материальную часть — виды и устройство подводных лодок — надо изучать два месяца, как бы тебе ни помогали. А он должен в этот же срок пройти с Франклином основы мореплавания и подводной навигации, основы океанографии, подводную сигнализацию и связь, курс ихтиологии, специальную психологию и, само собой, китоведение. Франклин пока что не видел ни одного кита, ни живого, ни мертвого; Дону было очень важно, как пройдет первая встреча — тут сразу узнаешь, получится ли из него смотритель.

Две недели прошли в упорной работе, прежде чем Дон решил взять Франклина с собой под воду. К этому времени между ними установились отношения, своеобразно сочета-

ющие дружелюбие и отчужденность. Они уже называли друг друга просто Дон и Уолт, но дальше этого пока не пошло. Берли по-прежнему ничего не знал о прошлом Франклина, хотя не скупился на догадки. Особенно нравилось ему представлять себе своего ученика очень ловким преступником, возможно, даже убийцей, которого реабилитировали после тотальной терапии. А что, вот было бы здорово!..

В поведении Франклина больше не проявлялись те странности, которые бросились в глаза Дону при первой встрече, хотя он, бесспорно, продолжал выделяться нервозностью и раздражительностью. И биография Франклина не занимала Берли так, как прежде; ему просто некогда было раздумывать над ней. Он умел быть терпеливым, когда не оставалось ничего другого, и не сомневался, что рано или поздно все узнает. Несколько раз — Дон мог бы в этом поклясться — Франклин готов был поверить ему свою тайну, но тут же опять замыкался. А Дон не показывал виду, что заметил это, и между ними возобновлялись их прежние отношения.

Ясным утром, когда ленивая зыбь чуть колебала поверхность моря, они шли по узкому пирсу, соединявшему западный берег Герона с кромкой рифа. Несмотря на прилив, расстояние от кораллового дна до поверхности нигде не превышало пяти-шести футов, и вода была прозрачнейшая, видно все до мелочей. Однако этот природный аквариум не занимал ни Франклина, ни Берли. Это все привычное зрелище; главная прелесть и красота — глубже, на подводном склоне.

В двухстах ярдах от острова коралловое поле довольно круто падало вниз, но опирающийся на все более длинные сваи пирс протянулся еще дальше, заканчиваясь горсткой служебных зданий. Строители сделали героическую, в общем-то удавшуюся попытку избежать впечатления мрачного беспорядка, которое почти неизбежно производят всякие доки и пирсы; даже краны не казались уродливыми. С неохотой отдавая в аренду Всемирной организации про-

довольствия архипелаг Каприкорн, власти Квинсленда поставили непременным условием, чтобы не пострадала первозданная красота островов. И ВОП, можно сказать, справилась с этим.

— Я предупредил, чтобы нам приготовили две торпеды,— сказал Берли.

Спустившись по лестнице в конце эстакады, они через двойную дверь вошли в просторный воздушный шлюз. Давление повысилось, и у Франклина заложило уши; он прикинул, что они сейчас футов на двадцать ниже уровня моря. В ярко освещенном эллинге хранилось различное подводное снаряжение — от обычного акваланга до хитроумнейших двигательных устройств. Заказанные Доном торпеды лежали на тележках на аппарели, которая уходила в недвижимую воду в конце эллинга. Они были покрашены в ярко-желтый цвет, отличающий все учебное оборудование. Дон неприязненно посмотрел на них.

— Да, уже года два, если не больше, как я ими не пользовался,— сказал он Франклину.— У тебя это, наверно, получится лучше, чем у меня. Я предпочитаю обходиться без механизации, когда иду под воду.

Они разделись, оставшись только в плавках и свитерах, навесили на спину дыхательные аппараты. Дон дал в руки Франклину небольшой, но очень тяжелый баллон из пластика.

— Вот это и есть баллон со сжатым воздухом, о котором я тебе рассказывал. Тысяча атмосфер, представляешь себе, воздух в нем плотнее воды. Поэтому с обоих концов есть пустые отсеки для нулевой плавучести. По мере того как ты расходуешь воздух, автоматика подпускает в поплавки воду, и баллоны все время остаются почти невесомыми. А без этого выскочишь наверх, как пробка, когда тебе этого меньше всего хочется.

Он посмотрел на манометры и кивнул.

— Половинный запас,— отметил он.— Нам и того не понадобится. Полный заряд рассчитан на сутки, а мы всего-то с час походим.

Они подогнали новые, во все лицо, маски, тщательно проверенные заранее, чтобы не протекали и не давили. Теперь до конца курса маски будут принадлежать только им, вроде как зубные щетки, потому что нет двух людей с одинаковым овалом лица, а малейшая щель может оказаться роковой.

Затем они проверили подачу воздуха, убедились, что маленькие переносные радиостанции работают, и наконец легли каждый на свою торпеду. Прозрачные щитки защищали голову, ведь скорость встречной струи достигает тридцати узлов. Франклин получше вставил ноги в подпертки и нащупал пальцами педали скорости и реверса. Перед лицом у него, посередине пульта, находился рычажок, который управлял торпедой, как ручной штурвал самолетом. На том же пульте было несколько тумблеров, компас, спидометр, глубиномер, вольтметр. И все.

Дон дал Франклину последние наставления и заключил:

— Держись правее меня футах в двадцати, чтобы я все время видел тебя. Если что не так и придется бросить торпеду, не забудь только выключить мотор, не то будет носиться, потом ищи ее. Готов?

— Да, готов,— ответил Франклин в маленький микрофон.

— Ну, пошли.

Тележки покатились вниз по аппарели, и вот они уже в воде. Знакомое ощущение: как и все, Франклин немножко занимался подводным плаванием, иногда ходил с аквалангом. Предвкушая приятную прогулку, он услышал, как зажужжала маленькая турбина в корпусе торпеды; стены эллинга медленно заскользили назад.

Как только они вышли из-под свай, кругом стало светлее. Видимость здесь была не очень хорошая, от силы тридцать футов, но дальше вода была прозрачнее. Дон развернулся и под прямым углом к рифу пошел в море со скоростью пяти узлов.

— Главная опасность с этой игрушкой,— говорил его голос в маленьком наушнике, вставленном в ухо Франклина,— разгонишься слишком быстро и на что-нибудь на-

летишь. Под водой трудно судить о расстоянии, тут нужен опыт. Вот, посмотри.

И он заложил крутой вираж, огибая внезапно выросшую перед ними коралловую башню. Если это было рассчитано заранее, то рассчитано здорово, подумал Франклин. Они прошли в каких-нибудь десяти футах от живой горы; он успел заметить полчища ярко окрашенных рыб, которые невозмутимо смотрели на него. Должно быть, привыкли к торпедам и подводным лодкам. Лов тут строго-настрого запрещен, так что человека им тоже нечего бояться.

Включив крейсерскую скорость, они через несколько минут очутились в проливе, который отделял остров от соседних рифов. Тут было где разгуляться, и Франклин стал повторять за Доном бочки, петли и горки. Он никак не поспевал за своим учителем. Они то устремлялись ко дну, на глубину около ста футов, то выскакивали из воды, чтобы сориентироваться. И все время Дон вел репортаж, прерывая его, чтобы выяснить, как себя чувствует ученик.

А Франклин чувствовал себя великолепно. В проливе вода была намного прозрачнее, и они видели почти на сто футов. В одном месте они врезались в косяк любопытных бонит, которые сопровождали их, пока Дон не прибавил скорости и не ушел от эскорта. Акулы почему-то не попадались, и Франклин спросил Дона, в чем дело.

— Так ведь с торпедой многого не увидишь,— ответил тот.— Шум водомета распугивает их. Если хочешь познакомиться со здешними акулами, плавай по старинке. Или выключи мотор и жди, пока сами не придут взглянуть на тебя.

Впереди что-то темное возвышалось над дном; сбросив ход, они приблизились к коралловой гряде высотой двадцать — тридцать футов.

— Здесь живет один мой старый приятель,— сказал Дон.— Посмотрим, может быть, он дома? Почти четыре года не виделись, да разве это срок для него — ему лет двести, не меньше!

Они проплывали мимо огромного, покрытого зеленью кораллового гриба. Франклин рассматривал тени под ним. Вот огромные глыбы, а вот чета изящных помакантид, со-

всем плоских: он чуть не потерял их из виду, когда они повернулись к нему хвостом. Но ничего похожего на то, о чем рассказывал Берли.

Вдруг одна из глыб сдвинулась с места и поплыла — хорошо, что не в его сторону! Рыбина, какой он в жизни не видел,— длиной почти с торпеду и намного толще,— уставилась на него огромными выпуклыми глазищами. Она разинула толстогубую пасть, и Франклин почувствовал себя как Иона в тот великий миг, который навеки прославил его. Блеснули неожиданно мелкие зубы, и пасть захлопнулась; он даже ощутил толчок воды.

По голосу Дона чувствовалось, как он рад этой встрече, напомнившей ему пору, когда он сам был курсантом.

— Привет, старина Губошлеп, давненько не виделись! Правда хорош? Семьсот пятьдесят фунтов, положись на мое слово. Есть его фотографии, снятые восемьдесят лет назад, он на них ненамного меньше. Удивительно, как подводные охотники не добрались до него, когда еще тут не было заповедника.

— Меня больше удивляет, как он до них не добрался,— заметил Франклин.

— Он же совсем безопасен. Промикропсы питаются только тем, что могут проглотить целиком. Зубешки у него мелковаты, кусать не приспособлены. Нет, человека ему не одолеть. Разве что еще лет через сто...

Оставив великана охранять вход в свою обитель, они продолжали плыть вдоль рифа. Дальше особых приключений не было, если не считать встречи с большим скатом, который, завидев их, снялся со дна, часто-часто хлопая «крыльями». Плывя, он удивительно напоминал огромные самолеты с дельтовидным крылом, которые парили в воздушном океане лет шестьдесят — семьдесят тому назад. Удивительно, подумал Франклин, как природа предвосхитила многие изобретения человека. Взять хотя бы форму этой торпеды, даже самый принцип реактивного движения.

— Обогнем риф, замкнем круг,— сказал Дон.— Минут за сорок дойдем до пирса. Как самочувствие?

— Отлично.

— Уши не болят?

— Левое ухо поначалу вроде бы заложило, но теперь ничего.

— Ладно, тогда пошли. Иди чуть сзади и выше, чтобы я видел тебя в зеркальце. А то, пока ты шел справа, я все время боялся врезаться в тебя.

Перестроившись, они со скоростью десяти узлов устремились на восток, следуя за извивами рифа. Дон был доволен прогулкой; Франклин уверенно держался под водой. Конечно, окончательный вывод делать рано, надо еще посмотреть, как он поведет себя в аварийном случае. Но это до следующего раза.

Без ведома Франклина ему уже подстроили небольшую каверзу.

ГЛАВА 4

Дни были похожи один на другой; надолго установился штиль, солнце описывало дугу за дугой в безоблачном небе. Но учение и работа не давали скучать.

По мере того как разум Франклина воспринимал новые знания и навыки, он явно освобождался от власти кошмара, который прежде угнетал его. Про себя Дон иногда сравнивал Франклина с тугой пружиной, которая теперь постепенно раскручивалась. Правда, у него еще бывали ничем не оправданные, казалось бы, вспышки; раз или два из-за этого даже срывались занятия. В одном случае отчасти был повинен Дон, за что он до сих пор казнил себя.

В тот день он с утра туго соображал, так как накануне поздно засиделся с ребятами, которые отмечали окончание курса; им присвоили звание младших смотрителей (с испытательным сроком), и они чрезвычайно гордились значком серебряного дельфина, украсившим их форменки. Похмелье не похмелье, просто мозги работали вяло, а тут, как назло, подвернулся какой-то сложный вопрос подводной акустики. Даже будь у него голова как стеклышко, Дон постарался бы обойти этот вопрос по кривой — дескать, он не

силен в математике, но если взять графики сжимаемости и температуры, получится то-то и то-то...

Это почти всегда проходило с другими учениками, но Франклина отличало нелепое пристрастие к частностям. Он принялся вычерчивать графики и дифференцировать уравнения, а Дон тихо бесился, предвидя, что сейчас будет разоблачено его невежество. Франклин быстро убедился, что орешек ему не по зубам, и попросил помощи у своего наставника. Тот сам ничего не понимал, но как в этом признаться? Создалось впечатление, что он просто не хочет помочь; в итоге Франклин вспылил и сердито вышел из класса. А Дон отправился в амбулаторию и с досадой обнаружил, что выпускники уже разобрали весь аспирин.

К счастью, такие недоразумения случались редко; оба научились уважать друг друга и идти на какие-то уступки. Вообще же Франклин не пользовался любовью преподавателей и курсантов. Во-первых, он сам избегал близких знакомств, за что местное общество признало его зазнайкой. Курсанты завидовали его привилегиям, особенно отдельной комнате. Преподаватели были недовольны дополнительной нагрузкой, а еще тем, что ничего не могли о нем выведать. И Дон, к своему собственному удивлению, не раз ловил себя на том, что с жаром защищает Франклина от нападок своих коллег.

— Он не такой уж плохой парень, когда узнаешь его поближе,— говорил он.— Не хочет о себе рассказывать — ну и что же, это его личное дело. Самое высокое начальство стоит за него — значит, заслужил. Я уж не говорю о том, что он любого из вас за пояс заткнет, когда я сделаю из него смотрителя.

Несколько человек недоверчиво фыркнули, а кто-то спросил:

— А на сюрпризах ты проверял его?

— Еще нет, но скоро проверю. Отличную штуку придумал. Поглядим, как выпутается. Потом расскажу.

— Пять против одного, что он перетрусит.

— Идет. Копи деньги.

Выходя второй раз с Доном на торпедах, Франклин не подозревал, какое развлечение ему приготовлено, и, конечно, не мог знать, что от него зависит исход пари. Оставив позади пирс, они пошли южным курсом на глубине около тридцати футов. Пересекли расчищенный взрывами узкий проход для мелких судов научно-исследовательской станции и сделали круг возле подводной кабины, позволяющей ученым со всеми удобствами изучать обитателей морского дна. Но в кабине было пусто, никто не смотрел на них сквозь толстое зеркальное стекло иллюминаторов. Интересно, спросил себя Франклин, чем сейчас занята юная любительница акул?

— А теперь — к рифу Вистари,— сказал Дон.— Поупражняешься в навигации.

И он развернулся на запад; там было глубже. Видимость в этот день не достигала и тридцати футов, уследить за ним было нелегко. Но вот Дон сбавил ход и пошел по кругу, ставя задачу Франклину.

— Сперва пойдешь так: курс двести пятьдесят, скорость десять узлов, время — одна минута. Потом с той же скоростью курсом ноль десять, время то же. Там встретимся. Понятно?

Франклин повторил условия; они сверили часы. Смысл задачи был ясен: маршрут представляет собой две стороны равностороннего треугольника — сам Дон, очевидно, не спеша пойдет к назначенной точке вдоль третьей стороны.

Франклин лег на заданный курс, нажал педаль скорости, и торпеда рванулась вперед, в голубую мглу. Лишь по тому, как тугая встречная струя хлестала по коленям, мог он судить о быстроте хода, а ведь без щитка его сразу бы смело с аппарата. Иногда внизу мелькало дно — гладкое и скучное здесь, в проливе между могучими рифами,— а в одном месте он настиг стайку щетинозубов, которые, заметив его, бросились врассыпную.

Вдруг он осознал, что впервые идет под водой один, окруженный стихией, в которой ему жить и работать. Эта среда служит ему опорой, она защищает его, но может в две-три

минуты убить, если он ошибется. Или если вдруг подведет снаряжение. Однако мысль об этом не испортила ему настроения, он был достаточно уверен в себе и в своих навыках, которые совершенствовались с каждым днем. Франклин знал теперь, чего море требует от человека, и готов был принять вызов. С радостью он подумал, что жизнь его вновь наполнилась смыслом.

Одна минута... Он реверсировал водомет и сбавил скорость до четырех узлов. Пройдена треть мили, пора ложиться на новый курс; вторая сторона треугольника приведет его к Дону.

Он повернул рычажок вправо и тотчас понял: что-то неладно. Торпеда вышла из повиновения и тяжело переваливалась с боку на бок. Тогда он выключил двигатель; лишенный тяги, аппарат медленно повлек его ко дну.

Лежа на спине своего взбунтовавшегося рысака, Франклин пытался сообразить, в чем дело. Неудача не столько встревожила, сколько рассердила его. Вызывать Дона бессмысленно, эти маленькие радиостанции обеспечивают связь под водой от силы на двести метров. Как же быть?

Мозг подсказал сразу несколько ответов — и все не то. Починить торпеду нельзя, приборная доска запечатана, да у него и нет инструментов. Судя по тому, что отказали вертикальный и горизонтальный рули, поломка серьезная. Непонятно, как это могло случиться.

Уже пятьдесят футов, и он погружается все быстрее. Внизу показался плоский песчаный грунт; Франклин с трудом подавил безотчетный порыв — продуть цистерны торпеды и всплыть. Кажется, что может быть естественнее при неисправности — подняться к солнцу и воздуху, но это было бы самое неудачное решение. На дне он не торопясь все обдумает, а на поверхности его может унести течением на много миль в сторону. Конечно, База быстро поймает его радиосигналы, но Франклин хотел выпутаться сам, без посторонней помощи.

Торпеда легла на грунт; несильное течение быстро унесло поднятое ею облачко песка. Откуда-то явился небольшой

промикропс и уставился на чужака своими выпученными глазами. Франклину было не до зрителей. Он осторожно слез с аппарата и направился к корме. Без ластов его подвижность была сильно ограничена; к счастью, на корпусе было достаточно ручек, позволявших без труда передвигаться вдоль торпеды.

Так и есть (но непонятно почему) — рули болтаются как попало. Он легко вертел их во все стороны, не ощущая никакого сопротивления. А если приладить наружные тяжи и попробовать править вручную?

В кармашке на поясе есть нейлоновый тросик и нож. Но как прикрепить тросик к гладким, обтекаемым лопастям?

Похоже, придется шагать обратно пешком — пустить мотор на малой скорости и идти за торпедой, направляя ее руками. Не очень удобно, но теоретически допустимо, а что тут еще придумаешь?

Франклин поглядел на часы. Всего две минуты, как он сделал безуспешную попытку лечь на новый курс; значит, он пока только на минуту опаздывает к месту встречи. Дон еще не успел встревожиться, но скоро начнет искать запропавшего ученика. Может быть, самое разумное — ждать здесь, пока не появится Дон?

И тут в душе Франклина родилось подозрение, которое через секунду сменилось полной уверенностью. Он припомнил различные толки, которые ему доводилось слышать, вспомнил, как держался Дон перед выходом в море: у него было смущенно-натянутое лицо, точно он втайне приготовил какую-то каверзу.

Ну конечно. Все это подстроено нарочно. И Дон сейчас ждет, что он предпримет: парит за пределами видимости, готовый прийти на помощь, если дело обернется скверно. Франклин окинул взглядом полушарие, которым ограничивалось его поле зрения,— не притаилась ли во мгле вторая торпеда? Он ничего не увидел — и не удивился. Берли слишком умен, его так легко не поймаешь. Но это в корне все меняет. Теперь задача Франклина не только выпутаться самому, но и сообразить, как можно отыграться на Доне.

Он вернулся к пульту и включил двигатель. Легонько нажал на педаль скорости; торпеда вздрогнула, под соплом забился вихрь песка. После нескольких проб Франклин убедился, что можно идти за аппаратом пешком, надо только все время следить, чтобы он не взмыл к поверхности или не зарылся носом в песок. Конечно, так не скоро доберешься до дому, но другого выхода нет.

Франклин прошел не больше десятка шагов, провожаемый свитой озадаченных рыб, когда его осенила новая мысль. Да нет, слишком это просто, ничего не выйдет... А почему не попробовать? Он лег на торпеду как положено и, двигаясь вперед и назад, добился полного равновесия. Потом поднял нос аппарата, раздвинул руки в стороны и дал педалью малый ход.

Нелегко было все время напрягать запястья, мгновенно отзываясь, когда торпеда пыталась вильнуть вниз или в сторону. Но, в общем-то, вполне можно было править ладонями; примерно то же самое, что ехать на велосипеде, сложив руки на груди. На скорости в пять узлов площадь его ладоней оказалась в самый раз, торпеда хорошо слушалась.

Интересно, кто-нибудь до него ходил таким способом?.. Франклин был очень доволен собой. Попробовал увеличить скорость до восьми узлов, но руки не выдерживали такого напора воды, и он сбавил ход, не дожидаясь, пока потеряет управление.

А почему бы теперь не пойти к назначенному месту — вдруг Дон ждет его? Он опоздает на несколько минут, зато докажет, что способен, несмотря на подстроенные — он в этом больше не сомневался — препятствия, выполнить задание.

Дона не было ни в условленной точке, ни по соседству с ней. Нетрудно было представить себе, что произошло. Неожиданная прыть Франклина застигла Берли врасплох, и он потерял ученика в подводной мгле. Ничего, пусть поищет. Чтобы все было по правилам, Франклин включил радио и сделал вызов, но ответа не последовало.

— Иду домой! — крикнул Франклин в окружающую его толщу.

Тишина. Видно, Дон ушел слишком далеко, мечется, не зная, где и искать своего подопечного.

Идти и дальше под водой — значило только затруднять себе ориентировку и управление. Франклин всплыл и увидел, что меньше тысячи ярдов отделяет его от пирса ремонтников. Перенеся тяжесть назад, так что нос торпеды задрался, он заскользил по поверхности, словно глиссер, и через пять минут был дома.

Пропустив аппарат через антикоррозийную обмывку, обязательную после работы в соленой воде, Франклин приступил к исследованию. Снял приборную доску и тотчас увидел, что ему досталась не совсем обычная торпеда. Без схемы нельзя было точно определить назначение этих радиоуправляемых реле, но он догадывался, что у них увлекательнейший репертуар. Они, конечно, могут остановить двигатель, продуть или наполнить водой цистерны плавучести, отключить рули. Франклин подозревал, что при желании можно также вывести из строя компас и глубиномер. Словом, кто-то основательно потрудился и создал подходящего рысака для чересчур самоуверенных курсантов.

Он поставил на место доску и доложил о своем прибытии дежурному.

— Видимость никудышная,— добавил он; это была чистая правда.— Мы с Доном потеряли друг друга, и я решил вернуться. Наверно, и он скоро придет.

Когда Франклин вошел в столовую один, без инструктора, молча сел в сторонке и погрузился в чтение журнала, все были явно озадачены. Сорок минут спустя грохот дверей возвестил о прибытии Дона. Надо было видеть его лицо, эту смесь облегчения и растерянности, когда он, окинув взглядом помещение, узрел своего пропавшего ученика, который с самым невинным видом спросил его:

— Ты где пропал?

Берли повернулся к своим коллегам и вытянул руку ладонью кверху.

— Платите, ребята,— скомандовал он.

Его сомнениям пришел конец: этот парень ему определенно нравился.

ГЛАВА 5

«Не похожи на обычных ученых гостей»,— решила Индра, когда по пути в свою лабораторию заметила двух мужчин, которые стояли у перил, ограждающих главный бассейн аквариума. И только подойдя ближе, она разглядела их. Тот, что пошире в плечах и повыше ростом,— старший смотритель Берли, а второй, очевидно, знаменитый человек-загадка, которого он обучает по ускоренной программе. Она слышала его фамилию, но не запомнила, так как дела школы ее мало занимали. Как представитель чистой науки, Индра свысока смотрела на сугубо практическую деятельность Отдела китов, хотя, если бы кто-нибудь открыто обвинил ее в интеллектуальном снобизме, она бы возмутилась.

Их разделяло несколько шагов, когда Индра сообразила, что и второго тоже уже встречала. В свою очередь, обращенное к ней лицо Франклина словно говорило: «А ведь мы где-то виделись?»

— Здравствуйте,— сказала она, остановившись рядом с ними.— Вы меня помните? Девушка, которая коллекционирует акул.

Франклин улыбнулся и ответил:

— Конечно помню, меня до сих пор иногда мутит. Надеюсь, вы нашли уйму витаминов?

Но озадаченное выражение, как у человека, который тщетно силится что-то припомнить, не покидало его лица. У Франклина был такой потерянный вид, что Индра поймала себя на сочувствии к нему. Уж это совсем ни к чему! Мало ей тех случаев, когда с трудом удавалось уберечься от сердечных конфликтов? И она строго повторила в уме свое твердое решение: «Не раньше чем получу степень магистра...»

— Вот как, вы знакомы,— уныло произнес Дон.— Что ж, представь меня.

Дона можно не опасаться. Он немедля начнет ухаживать за ней; какой смотритель не считает себя сердцеедом! И она вовсе не против — хотя плечистые блондины не в ее вкусе, приятно сознавать, что ты производишь впечатление.

Серьезного ничего не будет, она может поручиться. Правда, с Франклином Индра чувствовала себя далеко не так уверенно.

Они непринужденно беседовали, слегка подтрунивая друг над другом и рассматривая дельфинов и крупных рыб, которые кружили в овальном водоеме. Главный бассейн лаборатории представлял собой искусственную лагуну, вода в нем дважды в сутки освежалась помпой и приливно-отливным течением. Бассейн делился на секции; сквозь проволочные заграждения алчно поглядывали друг на друга неуживчивые экспонаты. Небольшая тигровая акула с неизбежными прилипалами на спине металась в подводной клетке, не сводя глаз с вкуснейших пампано, сновавших по соседству. В других отделениях можно было наблюдать удивительные примеры сосуществования. Ярко окрашенные лангусты — ни дать ни взять, огромные размалеванные креветки — копошились в нескольких дюймах от хищной пасти страшной мурены. А стайка молодых лососей, похожих на сардины из консервной банки, юлила перед носом у старого промикропса, который мог всех их проглотить одним махом.

Этот маленький безмятежный мирок был так не похож на риф, где шла непрекращающаяся битва. Правда, если бы сотрудники лаборатории хоть раз забыли покормить своих подопечных, гармонии быстро пришел бы конец и население бассейна катастрофически сократилось бы.

Разговаривал преимущественно Дон; он как будто совсем забыл, что привел сюда Франклина, чтобы показать ему учебные фильмы про китов из обширной лабораторной фильмотеки. Старший смотритель Берли явно старался произвести впечатление на Индру, не подозревая, что она видит его насквозь. Франклин не без интереса наблюдал за этой игрой. Один раз Индра перехватила его взгляд, когда Дон расписывал трудности и лишения, выпадающие на долю простого смотрителя, и они улыбнулись друг другу как люди, знающие забавный секрет. И вдруг Индра подумала, что степень магистра, возможно, еще не самое главное на свете. Нет-нет, никаких романов, но не мешало бы побольше

узнать о Франклине. Как его имя?.. Да — Уолтер. Есть более красивые имена, ну и это ничего.

Твердо уверенный, что покоряет еще одно слабое женское сердце, Дон не улавливал эмоциональных токов, которые пронизывали воздух, не касаясь его. Обнаружив вдруг, что они уже на двадцать минут опаздывают в просмотровый зал, он шутя пожурил Франклина; тот принял выговор кротко и рассеянно. Весь этот день его мысли витали далеко от занятий, но Дон ничего не заметил.

Первая часть курса была, в сущности, закончена. Франклин изучил основы профессии смотрителя, теперь дело было за опытом, который он мог приобрести только со временем. Его успехи по всем статьям превзошли ожидания Дона. Сыграла роль научная подготовка да и врожденная смекалка. К тому же Франклин занимался с настойчивостью и решимостью, которая иногда пугала его учителя. Словно для него было вопросом жизни и смерти одолеть этот курс. Слов нет, поначалу он раскачивался туговато, первые дни был апатичный, новая профессия его, очевидно, не захватила. Потом он ожил, открыв для себя замечательные возможности, щедро заложенные в стихии, которую ему надлежало подчинить себе. Дон не был склонен к образному мышлению, но Франклин напоминал ему человека, пробуждающегося от долгого тяжелого сна.

Первый выход на торпедах был решающей проверкой. Возможно, Франклину никогда не придется пользоваться торпедами, разве что для развлечения; эти аппараты создавали с расчетом на мелководье и короткие переходы, а рабочее место смотрителя — в сухой уютной кабине подводной лодки, под защитой прочного корпуса. Однако каким бы умелым и знающим ни был водитель, если он не держался в воде легко и уверенно (но не самонадеянно!), он не годился в смотрители.

Успешно прошел Франклин и другие испытания: декомпрессия, углекислый газ, глубинное опьянение. Берли отвел его в «камеру пыток» учебного комбината, и врачи начали постепенно повышать давление, имитируя спуск. Он чувствовал себя хорошо до глубины ста пятидесяти фу-

тов, дальше стал туго соображать и не мог решить простейших арифметических примеров, которые ему задавали по интеркому. На глубине трехсот футов он захмелел и отпускал остроты, от которых сам хохотал до слез; следившие за ним врачи не видели в них ничего смешного. (Потом, прослушивая магнитофонную запись, Франклин согласился с ними.) На глубине трехсот пятидесяти футов он еще был в сознании, но не реагировал на голос Дона, даже когда тот поносил его самыми черными словами. Наконец на глубине четырехсот футов он впал в беспамятство, после чего давление медленно понизили до нормального.

Хотя это вряд ли могло ему понадобиться, Франклин испытал на себе также газовые смеси, позволяющие человеку сохранять работоспособность на гораздо больших глубинах. Конечно, он будет погружаться не с дыхательным аппаратом, а в удобной кабине подводной лодки, дыша обычным воздухом при нормальном давлении. Но смотритель должен быть на все руки мастер — мало ли какую технику придется использовать при аварии.

Мысль о том, чтобы оказаться с Франклином вдвоем в учебной лодке, теперь не пугала Берли. Несмотря на скрытность ученика и загадочность его прошлого, они сработались, как полагается коллегам. Друзьями они пока не стали, но в душе уважали друг друга.

Выйдя первый раз на подводной лодке, они держались на малой глубине между Большим Барьерным и материком. Франклин осваивал управление лодкой и — самое главное — навигационные приборы. «Сумеешь провести лодку здесь, в лабиринте рифов и островков,— сказал Дон,— потом проведешь ее где угодно». И если не считать того, что он чуть не врезался на полном ходу в остров Мастхед, Франклин совсем неплохо выполнил задачу. Сложные маршруты по пульту управления его пальцы проходили осмотрительно и точно. Дон знал, что скоро к Франклину придет автоматизм, он будет подсознательно регистрировать показания всех шкал и индикаторов, пока что-нибудь не насторожит его.

Дон предлагал все более трудные задания — например, прокладывать счислением замысловатейшие курсы; по сетке гидролокатора они проверяли, куда пришли на самом деле. И лишь когда он почувствовал, что Франклин уверенно управляет лодкой, они через край материковой отмели вышли на глубоководье.

Но мало водить «Сабкаут-5»; надо, чтобы глаза и уши разведчика стали твоими и ты понимал все виды информации, подаваемой на пульт приборами, которые непрерывно зондируют подводный мир. Пожалуй, главными были датчики гидролокатора. В самой мутной воде и в кромешной тьме акустические импульсы безошибочно находили все препятствия в пределах десяти миль и показывали многие подробности. Гидролокатор рисовал очертания морского дна, за полмили видел двух-трех футовых рыб. А китов и других крупных животных он обнаруживал на пределе дальности и точно устанавливал их положение.

Зрение разведчика было более ограниченно. В океанской толще, подальше от нескончаемых струй ила, ползущих над шельфом, иногда — очень редко — можно было видеть на двести футов. А в прибрежных водах телевизионный глаз с трудом проникал дальше пятидесяти футов, зато уж получалось такое изображение, какого другие приборы дать не могли.

Но поисковая лодка должна не только видеть и слышать, ей надо действовать. И Франклин учился владеть своим арсеналом. Тут были буры, которые брали пробы грунта, приборы для проверки заграждений, механизмы, чтобы собирать образцы фауны и флоры, клейма для безболезненного мечения строптивых китов, электрозонды — давать острастку излишне любопытным хищникам. Маленькие торпеды и отравленные «жала», которые в несколько секунд убивали даже самых могучих животных, применялись в исключительных случаях.

Осваивая все эти принадлежности своей новой профессии, Франклин каждый день выходил далеко в океан. Иногда они пересекали заграждение, и ему казалось, что он буквально воспринимает этот никогда не смолкающий тонкий

пронзительный визг. Акустические генераторы, посылающие из пучины к поверхности веерные лучи, опоясывали уже половину земного шара.

Что сказали бы об этом наши деды и прадеды? — спрашивал себя Франклин. В известном смысле это можно было назвать величайшим и самым дерзким из всех свершений человека. Море, с начала времен диктовавшее людям свою волю, наконец-то было укрощено. Победа, которую можно поставить в один ряд с покорением космоса.

Но эта победа никогда не будет окончательной. Море только и ждет случая, чтобы нанести удар, каждый год оно требует жертв. В Отделе китов Франклин видел список погибших. В нем немало имен — и много места для новых.

Хочешь вести дела с морем, умей с ним ладить, и Франклин постигал эту науку. Ему некогда было читать что-нибудь сверх программы, но он пролистал «Моби Дика» — книгу, которую почти всерьез называли библией Отдела китов. В целом она показалась ему скучной и очень далекой от мира, в котором он жил. Но местами повесть Мелвилла с ее архаичным и напыщенным слогом задевала какие-то струны его души и помогала лучше узнать океан, который он тоже должен был научиться ненавидеть и любить.

А вот Дон Берли начисто отвергал «Моби Дика» и частенько подшучивал над теми, кто без конца его цитировал.

— Мы могли бы кое-чему поучить этого Мелвилла! — снисходительно бросил он однажды.

— Конечно могли бы,— согласился Франклин.— А ты бы решился бить кашалотов ручным гарпуном с открытой лодки?

Дон промолчал. Он не был в этом уверен, а врать не хотел.

Зато он был уверен в другом. Видя, как быстро Франклин осваивает новое дело, обещая уже через несколько лет стать старшим смотрителем, Дон с уверенностью мог сказать, кем был прежде его ученик. Не хочет говорить — его дело. Конечно, обидно, что Франклин ему не доверяет, но ведь рано или поздно все равно расскажет.

Однако не Дон первым узнал истину, а Индра, и получилось это совершенно случайно.

ГЛАВА 6

Они ежедневно встречались в столовой, правда, Франклин до сих пор не сделал решающего — и почти беспрецедентного — шага, не пересел за стол, за которым обедали научные сотрудники. Столь открытое объяснение в любви привело бы в восторг всех местных сплетников; да и вообще для этого еще не созрело время. Пока что к Индре и Франклину вполне было приложимо избитое «мы только друзья».

Конечно, они нравились друг другу, и, конечно, это подметили чуть ли не все, кроме Дона. Не раз товарищи Индры по работе одобрительно говорили ей: «Айсберг-то начал таять...» — и эти слова доставляли ей удовольствие. Те, кто узнал Франклина поближе и мог позволить себе шутку в разговоре с ним, советовали ему не забывать, что Дон — старший смотритель, а они очень дорожат своей славой неотразимых. Франклин отвечал натянутой улыбкой, маскирующей чувства, в которых он сам еще как следует не разобрался.

Одиночество, стремление уйти от воспоминаний и потребность отвести душу, особенно острая при такой нагрузке,— все это играло не меньшую роль, чем естественная для всякого мужчины симпатия к обаятельной девушке, какой была Индра. Он не знал, придут ли на смену товарищеским отношениям более серьезные, и даже не был уверен, что хочет этого.

Не была уверена в этом и Индра, хотя ее прежние взгляды были явно поколеблены. Иногда она позволяла себе мечтать, и в этих мечтах карьера отступала куда-то на задний план. Рано или поздно она выйдет замуж, это неотвратимо, и ее избранник будет очень похож на Франклина... Прямо сказать себе, что она мечтает о нем, Индра пока не решалась.

Многое мешало любви на острове Герон, в том числе теснота: чересчур много людей на слишком маленьком пятачке суши. Оставшийся клочок леса не выручал тех, кому хотелось уединиться. Бродя ночью по его тропинкам и закоулкам, следовало очень тактично пользоваться фонари-

ком, который был необходим для того, чтобы не напороться на низко висящие сучья. Частенько любимое место оказывалось занятым — каково это, если больше некуда пойти!

Только сотрудникам Научно-исследовательской станции повезло. Всеми подводными и большинством надводных плавучих средств на острове распоряжалась администрация, она предоставляла ученым суда для работы. Но по какой-то необъяснимой случайности в ведении лаборатории остался собственный небольшой флот: баркас и два катамарана, которые принадлежали неизвестно кому. Во всяком случае, они почему-то неизменно были в море, когда приезжали ревизоры.

Юрким катам всегда находилась работа, так как маленькая осадка, всего шесть дюймов, позволяла ходить над рифом в любое время, исключая часы отлива. При хорошем попутном ветре они свободно делали двадцать узлов, что очень нравилось любителям гонок. Когда каты не были заняты, ученые ходили на них к соседним островам, чтобы поразить своей удалью друзей, обычно противоположного пола.

Как ни странно, суда и команды всегда благополучно возвращались из походов. Аварий не было, разве что в моральной сфере. Так, после увеселительной прогулки на кате одного очень заслуженного старшего смотрителя пришлось снести на берег на руках, и он поклялся, что никто и ничто не заставит его путешествовать по поверхности моря.

Когда Индра спросила Франклина, не сходить ли им на Мастхед, он тотчас согласился. Потом осторожно справился:

— А кто поведет лодку?

Индра даже обиделась.

— Я, конечно,— ответила она.— Маршрут знаю, десятки раз ходила.

Было видно, что она приготовилась дать отпор, если он подвергнет сомнению ее способности, но Франклин промолчал. Он давно убедился, что Индра разумная и уравновешенная — пожалуй, даже слишком уравновешенная — девушка. Если она говорит, значит, справится.

Но сперва нужно было решить еще один вопрос. Кат рассчитан на четверых — кого они возьмут с собой?

Ни Франклина, ни Индру нельзя было назвать автором окончательного решения. Оно словно само созрело, пока они перебирали возможных спутников — Дона и друзей Индры по лаборатории. Вдруг разговор оборвался и наступила неловкая тишина, какая порой нарушает самую оживленную беседу.

И они почувствовали, что думают одно и то же и в их отношениях наступила новая пора. Они никого не возьмут с собой на Мастхед, воспользуются случаем впервые побыть наедине. Ни он, ни она не хотели признаваться себе, что это значит: способность человека к самообману поразительна.

Им удалось улизнуть только во второй половине дня. Франклина мучило чувство вины перед Доном. Как он это воспримет? Наверно, обидится. Ладно, Дон не злопамятный. Переживет это как мужчина.

Индра ничего не упустила: продукты, крем от загара, полотенца — все, что нужно в походе, она припасла. Молодец. Вон как основательно все делает, из нее выйдет хорошая хозяйка. Но тут же Франклин подумал, что деловитые женщины, как правило, счастливы лишь тогда, когда им удается всецело подчинить себе супруга.

С материка дул свежий ветер, и кат запрыгал по волнам, словно живое существо. Франклин еще никогда не ходил под парусами, он с упоением отдался скорости. Откинувшись на потертую обивку открытой кабины, он смотрел, как остров Герон стремительно уходит назад. Взгляд его остановился на двойной, кремового цвета кильватерной струе, потом скользнул по наполненным ветром тугим парусам. И он с мимолетным сожалением подумал: почему все созданные человеком средства транспорта не так же просты и стремительны... Как не похоже это суденышко на полный всевозможных приспособлений скаутсаб. А впрочем, есть задачи, которые не решить простейшим способом, и с этим ничего не поделаешь.

Слева длинной чередой тянулись округлые глыбы коралла, выброшенные за сотни лет штормами на гребень ри-

фа Вистари. Исступленная ярость прибоя на этот раз особенно поразила Франклина. Он часто видел, как волны разбиваются о затопленную преграду, но впервые — так близко и с такого хрупкого суденышка.

Вот и кипящий риф позади, скоро ветер доставит катамаран к цели. А если ветер подведет (что маловероятно), их выручит небольшой водометный двигатель. Но это самое крайнее средство, каждый считал делом чести вернуться с полным баком горючего.

Хотя они впервые очутились вдвоем, говорить не хотелось. Они вели немой диалог, им было хорошо в открытом море под открытым небом. Сверху и снизу чистая голубизна, и только вдали мглистая кромка горизонта. Остальной мир не существовал, и даже время как будто остановилось.

Франклин был готов лежать так вечно, отдавшись плавному движению лодки, перышком скользившей по волнам.

Но вот впереди возникло низкое темное облако, потом оно обернулось лесистым островком; барьерный риф преграждал путь к полоске песчаного пляжа. Индра нахмурилась и сосредоточила все внимание на лодке. Франклин озабоченно посмотрел на опоясавшие остров буруны.

— Как же мы тут пройдем? — спросил он.

— С подветренной стороны. Там спокойнее, и сейчас прилив, проскочим над рифом. В крайнем случае бросим якорь и дойдем до берега вброд.

Франклин подумал, что к такой задаче можно было бы отнестись и посерьезнее. Если Индра переоценит свои силы и промахнется, они будут добираться до берега вплавь. Это не так уж опасно, но и не очень приятно. Еще неприятнее ждать постыдной минуты, когда за ними придут спасатели с Герона...

То ли он по незнанию преувеличивал трудности, то ли Индра и впрямь знала свое дело. Обогнув остров, они с другой стороны нашли место, где в бурунах был просвет; Индра развернула кат и пошла к берегу.

Франклин напрасно ждал хруста кораллов и треска крошащейся пластмассы. Катамаран птицей пронесся над гребнем, отчетливо видным в сморщенной рябью воде. Мино-

вав опасный участок, лодка заскользила по тихой лагуне. Казалось, чем ближе берег, тем больше скорость.

В последнюю секунду Индра убрала грот. Мягкий толчок — катамаран коснулся песка и с ходу почти весь выскочил на пляж.

— Приехали,— сказала Индра.— Необитаемый остров в вашем распоряжении, распишитесь.

Франклин никогда не видел ее такой веселой и беззаботной; было заметно, что и она рада случаю несколько часов отдохнуть от повседневной напряженной работы. Или это его общество превратило сосредоточенного исследователя в живую, бойкую девушку? Как бы то ни было, ему нравилась перемена.

Выбравшись из лодки, они отнесли свои припасы в тень, под кокосовые пальмы, недавно завезенные на эти острова, где прежде безраздельно властвовали пандануса с корнями-ходулями и писонии. Можно было подумать, что накануне тут побывал кто-то еще: от кромки воды в глубь острова тянулись странные следы, будто прошел узкорядный трактор. Эти следы могли бы озадачить любого, кто не знал, что большие черепахи выходят на берег, чтобы отложить яйца.

Зачалив кат, Франклин и Индра отправились на разведку. Верно сказано, что все коралловые острова на одно лицо; они действительно схожи между собой и отличаются только в частностях. Но даже если вы побывали на десятках таких островков, каждый из них — новое волнующее открытие.

Они пошли вдоль узкой песчаной полоски между лесом и морем. Местами, где в зарослях были просветы, отклонялись от берега, даже забирались в гущу леса и представляли себе, будто они в сердце Африки, а не в ста ярдах от моря.

На плоском гребне песчаной дюны, где обрывалась одна черепашья тропа, они принялись раскапывать песок руками. Сдались, только углубившись на два фута и не обнаружив ни одного яйца с мягкой кожистой скорлупой. Вероятно, мамаша проложила ложный след, чтобы обмануть своих врагов. За десять минут они развили эту догадку в потрясающую идею о разуме пресмыкающихся. Хорошо, что эта

гипотеза осталась неизвестной широкому кругу,— вряд ли она прибавила бы лавров Индре, зато, наверно, испортила бы ей научную карьеру.

Пересекая неровный участок, они взялись за руки, да так и пошли дальше, когда изрытые кораллы сменились ровной тропой. Они молчали, но думали друг о друге, и у обоих было хорошо на душе.

Шли они не спеша, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться очередным чудом растительного или животного царства, и кругосветное путешествие заняло два часа. У них разыгрался аппетит, и, когда они вернулись к кату, Франклин нетерпеливо принялся разбирать корзину с продовольствием, а Индра занялась примусом.

— Сейчас я заварю котелок настоящего австралийского чая,— сказала она.

— И не удивите меня,— ответил Франклин, улыбаясь; ей очень нравилась его странная улыбка.— Как-никак я здесь родился.

Она даже обиделась.

— Могли бы сказать мне об этом раньше! И вообще пора бы уже...

Индра оборвала фразу на полуслове, но Франклин мысленно договорил за нее: «Пора бы вам уже бросить эту глупую скрытность и рассказать мне что-нибудь о себе».

Невысказанный укор был справедлив, и Франклин смутился; счастливое расположение духа, которое он испытал впервые за много месяцев, на миг покинуло его. Вдруг ему пришла в голову мысль, которой он до сих пор чурался, потому что она могла убить их дружбу. Индра — ученый и женщина, значит, она вдвойне любопытна. И однако она ни разу не задавала ему вопросов о его прошлом. Почему? Это можно объяснить только так: доктор Майерс, который, конечно же, что бы он ни говорил, неприметно наблюдал за Франклином, предупредил ее.

Ему стало совсем горько от мысли, что Индра жалеет его, недоумевая, как и все остальные, что же такое с ним было. И он твердо сказал себе, что не примет любви, основанной на сострадании.

Индра, казалось, не замечала угрюмого молчания Франклина и его смятения. Опустив в бак с горючим гибкую трубку, она тщетно пыталась с помощью этого примитивного сифона заправить примус. Ее усилия показались Франклину такими потешными, что все мрачные мысли вылетели у него из головы.

Наконец примус заработал, и они легли на песок под пальмами, уписывая бутерброды и ожидая, когда закипит вода. Солнце было уже совсем низко, и Франклин прикинул, что они вернутся на Герон только к ночи. Ничего, сейчас почти полнолуние, будет светло, доберутся до дома даже без помощи сигнальных огней.

Чай в котелке получился отличным, хотя настоящий австралийский свегмен назвал бы его жидковатым. Они запили свой ужин и, отдыхая после еды, снова как бы невзначай взялись за руки. «Теперь у меня есть все, чтобы быть довольным»,— сказал себе Франклин. И однако что-то — он не мог понять что — беспокоило его.

Тревога особенно усилилась за последние несколько минут, но он старался ее подавить, оттеснить в глубь сознания. Смешно и нелепо ожидать какой-то опасности здесь, на этом мирном необитаемом островке. Почему же в лабиринтах мозга звучит тревожный сигнал и что он означает?

Франклин обрадовался, когда Индра отвлекла его новым вопросом. Она пристально глядела на запад, словно искала что-то на небе.

— Скажите, Уолтер,— заговорила она,— это правда, что можно днем увидеть Венеру, если знать, в какую точку смотреть? Я видела ее вчера сразу после заката — она была такая яркая, что можно в это поверить.

— Чистая правда,— ответил Франклин.— И это совсем не трудно. Главное, определить место, а там сразу различишь.

Он сел спиной к стволу, защитил глаза ладонью от лучей заходящего солнца и направил взгляд в небо, хотя не очень-то надеялся найти крохотное серебристое пятнышко. Последние недели Венера была царицей вечернего неба, но не так-то просто ее отыскать, прежде чем скрылось солнце.

Ага... Есть! В молочно-голубом небе блестела звездочка.

— Нашел! — крикнул Франклин, показывая рукой.

Индра прищурилась, но ничего не увидела.

— У вас просто рябит в глазах,— пошутила она.

— Да нет же, честное слово, вижу. Приглядитесь получше,— настаивал Франклин, не отрывая взгляда от звезды, чтобы не потерять ее.

— Но Венера не может быть там,— возразила Индра.— Это слишком далеко на север.

Тотчас Франклин с тоской убедился, что она права. Звезда, на которую он смотрел, быстро восходила над горизонтом на западе наперекор законам, управляющим всеми небесными телами.

Он смотрел на Космическую Станцию, самый большой из искусственных спутников Земли, запущенный на высоту тысячи миль. Франклин попытался оторвать глаза от светила, созданного человеком, побороть этот гипноз. Словно он очутился на краю пропасти: в его душу, грозя поколебать рассудок, вторгся страх перед безбрежной пустотой, разделяющей миры.

Он победил бы, отделавшись легким потрясением, если бы не еще одна роковая случайность. Вдруг его озарило — он понял, что ему не давало покоя: запах горючего, которое Индра набирала из двигателя, характерный сладковатый запах синтена. А память не замедлила подсказать, где он в последний раз чувствовал этот знакомый — слишком хорошо знакомый — аромат.

Синтен... Он был создан для ракетных двигателей, потом, как и все виды химического горючего, устарел и применялся только в маломощных системах, скажем для космических скафандров.

Космический скафандр.

Это было чересчур. Обоняние и зрение, объединившись, предали его, и он не устоял против двойной атаки. Под напором волны страха в несколько секунд рухнули плотины, воздвигнутые для защиты его сознания.

Франклин чувствовал, как Земля, на которой он сидит, кружится, кружится в космосе, все быстрее, быстрее вра-

щается на своей оси, силясь метнуть его в пространство, словно молот, словно камень. Франклин глухо вскрикнул, упал на живот и зарылся лицом в песок. Обеими руками он ухватился за ствол пальмы, но это не помогло, падение не прекращалось.

ГЛАВА 7

Потрясенная, сбитая с толку, Индра тупо уставилась на лежащего ничком, горько, совсем по-детски плачущего Франклина. Но тут же душа и здравый смысл подсказали ей, что надо делать. Она быстро пододвинулась к нему и обняла его вздрагивающие плечи.

— Уолтер! — крикнула Индра.— Все хорошо, чего ты испугался?

Плоские, наивные слова, она сама это понимала, но ей больше ничего не пришло на ум. А Франклин будто и не слышал ее, его по-прежнему била дрожь, и он отчаянно цеплялся за дерево. Жалкое зрелище — мужчина во власти малодушного страха, полностью утративший чувство гордости и собственного достоинства. Он продолжал всхлипывать, но одновременно Индра услышала, что Франклин произносит чье-то имя,— и невольно, даже в такой миг, она ощутила укол ревности: это было женское имя. Чуть слышно шепнет: «Айрин» — и опять зальется слезами.

Того, что Индра знала о медицине, тут явно было недостаточно. Она помешкала, потом бросилась к катамарану, вскрыла аптечку и достала пузырек с сильным болеутоляющим средством. На ярлыке крупными буквами было написано: «ПРИНИМАТЬ НЕ БОЛЬШЕ ОДНОЙ КАПСУЛЫ». Силой вложив капсулу в рот Франклину, она снова обняла его. Мало-помалу дрожь унялась, приступ прекратился.

Трудно провести границу между состраданием и любовью. Но если она есть, Индра пересекла ее в эти минуты тревожного ожидания. То, что случилось с Франклином, не оттолкнуло ее от него, она понимала: это последствие

чего-то ужасного, пережитого им в прошлом. И что бы это ни было, ради своего же будущего она должна помочь ему одолеть преследующий его страх.

Сейчас Франклин лежал неподвижно. Он дал себя перевернуть на спину и отпустил дерево, но взгляд его был пустым, губы беззвучно шевелились.

— А теперь поедем домой,— шепотом сказала Индра, словно успокаивала перепугавшегося ребенка.— Вставай, все уже прошло.

Поддерживаемый Индрой, Франклин послушно встал, потом как-то безучастно помог собрать вещи и столкнуть на воду катамаран. Он как будто совсем пришел в себя, только́ упорно молчал, и глаза его наполняла такая тоска, что Индре было больно глядеть на него.

Надо поспешить, подумала она и пустила двигатель в помощь парусу. Индра беспокоилась не за себя, как ни опасно очутиться вдали от людей с ненормальным человеком. Ее заботило только одно: поскорее доставить Франклина к врачам.

Начало темнеть; солнце уже коснулось горизонта, и с востока наползала ночь. Один за другим оживали маяки на материке и окружающих островах. И ярче всех сияла на западе косвенная виновница случившегося — Венера.

Неожиданно Франклин заговорил, как будто через силу, но вполне рассудительно.

— Пожалуйста, Индра, извините меня,— сказал он.— Я испортил вам всю прогулку.

— Не говорите глупостей,— возразила она.— При чем тут вы? Выкиньте все из головы. И молчите, не насилуйте себя.

Он снова замолчал и больше не открывал рта до конца путешествия. Она попробовала взять его за руку, но Франклин сразу как-то напрягся, и стало ясно: сейчас он не хотел этого. Как ни обидно было Индре, она выполнила его невысказанную просьбу. Тем более что нужно было внимательно следить за сигнальными огнями, лавируя среди рифов.

Поздновато они возвращаются... Правда, восходящая луна хорошо освещала море, но посвежел ветер, и совсем рядом то возникали, то пропадали, то вновь возникали прозрачно-белые грозные шеренги бурунов вдоль рифа Вистари. Индра следила и за волнами и за мигалкой, которая обозначала оконечность пирса на Героне. Только подойдя достаточно близко к острову, так что было хорошо видно и пирс и берег, она позволила себе перевести дух и взглянуть на Франклина.

Поставив катамаран на якорь, они направились к лаборатории; Франклин держался совсем нормально. Наконец пришло время проститься. Здесь, на берегу, не было фонарей, и в тени под пальмами она не могла разобрать выражения его лица, но, судя по голосу, он вполне владел собой.

— Спасибо, Индра. Вы для меня столько сделали.

— Знаете что, пойдемте к доктору Майерсу. Вам надо посоветоваться с ним.

— Это совсем не нужно. Я в полном порядке, не беспокойтесь.

— А по-моему, все-таки вам нужен врач. Я провожу вас и вызову его.

Франклин затряс головой:

— Нет-нет, прошу вас, дайте мне слово, что вы не сделаете этого.

Как поступить? Индра была в замешательстве. Конечно, самое разумное — согласиться, а потом сделать по-своему. Но простит ли ей Франклин такой обман? В конце концов она пошла на компромисс:

— Тогда обещайте, что вы сами к нему пойдете!

Франклин заколебался. Ему не хотелось на прощанье лгать этой девушке, которая могла бы стать его любимой. Но приглушенный лекарством рассудок одолел все угрызения.

— Хорошо, завтра зайду. Еще раз спасибо!

И он решительно зашагал по тропе, ведущей к учебному корпусу, не дожидаясь новых вопросов Индры.

Она проводила его взглядом; в ее душе соревновались радость и тревога. Радость, что полюбила, тревога — пото-

му что ее любви угрожало что-то непонятное. Постепенно эта тревога вылилась в мысль о том, что, наверно, надо было, даже против воли Франклина, настоять на том, чтобы он немедленно обратился к доктору Майерсу...

Всякому сомнению пришел бы конец, если бы Индра видела, как Франклин, пройдя через лес, свернул к пирсу и, словно лунатик, зашагал к эллингу, откуда начинались все его подводные вылазки.

Сейчас его разум был всего лишь покорным орудием эмоций, а эмоции настроились на одно. Удар оказался слишком болезненным, чтобы он мог рассуждать; Франклин, будто раненое животное, думал только о том, как избавиться от боли. Его неудержимо влекло туда, где он на какое-то время обрел душевное равновесие.

Никто не встретился Франклину на всем пути до конца пирса. Спустившись в эллинг, он, как всегда, тщательно стал готовиться к выходу в море. Конечно, не годится посягать на принадлежащее отделу снаряжение, не говоря уже том, что будут нарушены все учебные графики, но у него просто нет выбора.

Торпеда почти бесшумно выскользнула через подводные ворота наружу. Впервые Франклин шел ночью. После наступления темноты применялись только закрытые суда, так как ночные плавания были слишком опасны для незащищенного человека. Но Франклин решительно направился к проходу в рифе, за которым простиралось открытое море.

Боль поутихла, но решимость не ослабевала. Здесь он нашел счастье, здесь найдет и забвение.

Кругом был мир полуночной синевы, в который с трудом проникали бледные лучи луны. Привлеченные или, наоборот, испуганные шумом торпеды, жители рифа метались вокруг него, будто светящиеся призраки. Во тьме внизу угадывались знакомые бугры коралла и лощины. Он прощался с ними отрешенно, без грусти.

Участь его решена, мешкать нечего. Франклин выжал до конца педаль скорости, и торпеда рванулась вперед, словно пришпоренный конь, со скоростью, не доступной ни одному

обитателю моря. Далеко позади остались острова Большого Барьерного.

Только раз поглядел он вверх; где-то там простирался мир, из которого он ушел. Вода была на редкость прозрачной, и в ста футах над своей головой Франклин увидел серебряную лунную дорожку снизу, откуда ее мало кто наблюдал. А это размытое пляшущее пятнышко — сама луна. На секунду застынет, четкая, ясная, и опять волны ее дробят.

В одном месте за ним погналась очень крупная — он еще никогда не видел таких — акула. Сперва огромный силуэт, за которым тянулся светящийся след, возник прямо перед ним, и Франклин даже не попытался свернуть. Она промахнулась совсем немного, он успел заметить устремленный на него глаз, пластинчатые жабры и неизменную свиту — лоцманов и прилипал. А когда Франклин оглянулся назад, акула шла за ним, влекомая то ли любопытством, то ли голодом, то ли еще каким-нибудь инстинктом,— какая разница! Почти минуту она его преследовала, но скорость торпеды была слишком велика, и акула отстала. Франклин впервые встретил такую назойливую акулу. Обычно гул турбины отпугивал их; но в темное время суток жизнью рифа управляли уже не те законы, что днем.

Прикрытый выпуклым щитом от тугих вихрей воды, спеша выйти на океанский простор, он пронизывал лучезарную ночь, окутавшую половину земного шара. Франклин и теперь вел торпеду уверенно и безошибочно; он точно знал, где находится и когда достигнет цели. Знал, какие глубины впереди. Еще несколько минут — и дно круто устремится вниз, придет время прощаться с рифом.

Он слегка наклонил нос торпеды и сбавил ход до малого. Могучий встречный поток прекратился, и Франклин медленно пошел над скрытым во тьме длинным откосом, зная, что не увидит его конца.

Хилый, процеженный свет луны становился все слабее по мере того, как увеличивался пласт воды, отделяющий Франклина от поверхности. Он нарочно не глядел на глубиномер, чтобы не думать о том, сколько саженей над ним.

С каждой минутой росло давление на его тело, но ему это не было неприятно, напротив, он приветствовал это ощущение, добровольно отдавая себя во власть великой праматери всего живущего.

Темнота стала полной; он был один в ночи, какой никогда не знал на суше, настолько она была осязаемой, плотной. Иногда внизу — расстояния не определишь — мелькал свет; это неведомые жители пучины занимались своими таинственными делами. Или вспыхивали целые галактики — и тут же гасли, напоминая ему, что перед вечностью и настоящие созвездия столь же эфемерны.

Ему туманило голову глубинное опьянение; еще ни один аквалангист, дышащий сжатым воздухом, не возвращался живым с такой глубины. Баллоны подавали воздух в десять раз плотнее обычного, а торпеда продолжала идти вниз, в кромешную пучину. Блаженная эйфория затопила его сознание, стирая все обязательства, все печали, все страхи.

Впрочем, нет — одна вещь его печалила в преддверии конца. Жаль Индру: с ним она могла найти счастье, а теперь ей придется снова искать.

Потом... потом было только море и неодушевленная машина, которая все медленнее шла вглубь, удаляясь от берега в океан.

ГЛАВА 8

В комнате было четверо; все они молчали. Начальник школы нервно кусал губы, Дон Берли отупело глядел на стену, Индра старалась удержать слезы. Только доктор Майерс сохранял невозмутимый вид, хотя в душе он чертыхался. Что за проклятое невезение! Невероятно и необъяснимо: он мог побиться об заклад, что Франклин полным ходом поправляется, все самое страшное позади. И вдруг такой срыв!

— Остается только одно,— неожиданно сказал начальник школы,— выслать на поиск все наши подводные суда.

Дон Берли зашевелился — медленно, словно у него на плечах лежал тяжелый груз.

— Сейчас двенадцать часов. За это время он мог пройти пятьсот миль. А у нас здесь всего шесть опытных водителей.

— Знаю, это все равно что искать иголку в стогу сена. Но ничего другого мы не можем сделать.

— Лучше несколько лишних минут подумать, чем искать наобум и тратить впустую часы,— возразил доктор Майерс.— Полсуток прошло, теперь минуты роли не играют. С вашего разрешения, я хотел бы поговорить с мисс Лангенбург наедине.

— Пожалуйста, если она не против.

Индра молча кивнула. Она кляла себя — это все ее вина, надо было немедленно пойти к врачу, как только они вернулись с прогулки. Интуиция обманула... Теперь эта же интуиция подсказывала, что положение безнадежно. Хоть бы она опять ошиблась!

— Послушайте, Индра,— мягко начал Майерс, когда остальные вышли,— если мы хотим помочь Франклину, надо сохранять присутствие духа и попытаться представить себе, что могло случиться. Перестаньте корить себя, вы ни в чем не виноваты. Тут вообще никого нельзя винить.

«Разве что меня,— мрачно подумал он.— Но кто мог это предвидеть? Мы до сих пор так мало знаем об астрофобии... И ведь это совсем не моя специальность».

Индра изобразила мужественную улыбку. До вчерашнего дня она считала себя вполне самостоятельной, способной выдержать любые испытания. Но это было так давно...

— Прошу вас, расскажите, что произошло с Уолтером? — сказала она.— Тогда мне легче будет понять.

Естественный и разумный вопрос; Майерс и сам уже решил, что Индре надо знать правду.

— Хорошо. Но помните, ради самого Уолтера: это строго между нами. Я вам рассказываю лишь потому, что дело идет о его жизни. Еще год назад Уолтер был космонавтом очень высокой квалификации, точнее, главным инженером лайнера, который ходил на Марс. Сами понимаете, должность ответственная, а это было только начало его карьеры. Где-то на полпути случилась авария. Выключили ионную тягу, и Уолтер вышел в скафандре из корабля, чтобы устранить

неисправность. Ничего особенного, рядовая операция, но, прежде чем он ее закончил, скафандр вышел из строя. Вернее, сам скафандр был цел, он не мог управлять силовой установкой, не мог выключить ракеты своего индивидуального двигателя.

И вот он, набирая скорость, летит прочь от корабля, а до Земли и Марса — миллионы миль. Да он еще в самом начале столкнулся с лайнером и потерял антенну. В итоге Уолтер не мог воспользоваться своей радиостанцией — ни помощи вызвать, ни узнать, что делается для его спасения. Несколько минут, и корабль пропал из виду, он остался в полном одиночестве.

Кто сам этого не пережил, не может представить себе, что это такое. Вы только подумайте: предельная изоляция, летишь в межзвездном пространстве и не знаешь, спасут ли тебя. Никакие земные ощущения, скажем сильное головокружение или — еще того хуже — морская болезнь, не сравнятся с этим.

Его спасли через четыре часа. Строго говоря, Уолтеру ничто не угрожало, и он, вероятно, понимал это, но от этого легче ему не было. Его сразу нащупали корабельным радаром, но пойти за ним смогли лишь после того, как исправили двигатель. Когда Уолтера наконец подобрали, он... скажем так: он был очень плох. Лучшие психологи Земли почти год лечили его, но, как мы с вами убедились, недолечили. Правда, тут еще примешалось одно обстоятельство, с которым психологи ничего не могли сделать.

Майерс остановился. Что сейчас думает Индра? И как повлияет на ее чувство к Франклину то, что он ей скажет? Первое потрясение как будто прошло. Слава богу, она не принадлежит к истеричному типу, не то ему пришлось бы туго.

— Понимаете, Уолтер был женат. Жена и дети жили на Марсе, он их очень любил. Жена там и родилась, а дети представляли уже третье поколение уроженцев Марса. Они всю жизнь росли при марсианском тяготении, там были зачаты, там появились на свет. В итоге путь на Землю им

закрыт, ведь здесь они бы весили в три раза больше, собственный вес раздавил бы их.

А Уолтер не может выйти в космос! Его удалось подлечить настолько, что он в состоянии работать на Земле. Но невесомость или сознание того, что кругом, до самых звезд, простирается пустота,— все это ему теперь, мягко говоря, противопоказано. Так что он стал изгнанником на родной планете, навсегда отрезанным от семьи.

Мы сделали для него все, и сделали хорошо. Подобрали такое дело, в котором он мог найти приложение своим способностям. Были и важные психологические соображения считать эту работу особенно подходящей, чтобы вернуть его к полноценной жизни. Вы, как биолог, не хуже, если не лучше меня, это поймете. Вы знаете, как сильно мы связаны с морем. Это не то что космос, там мы никогда не будем чувствовать себя как дома. Во всяком случае, пока человек не видоизменится.

Здесь я наблюдал за Франклином; он знал об этом, и ему это не мешало. С каждым днем он чувствовал себя лучше, и работа ему нравилась все больше. Дон не мог на него нахвалиться, говорил, что у него никогда не было лучшего ученика. И я обрадовался, когда узнал — не спрашивайте как! — что Франклин увлекся вами. Сами понимаете, у человека вся жизнь поломалась — и вот он начал строить ее заново. Вы только не обижайтесь на мои выражения, но, когда выяснилось, что он проводит с вами свои свободные часы, даже нарочно выкраивает время для вас, я понял, что он перестал цепляться за прошлое.

И вдруг такое несчастье. Прямо скажу, я совершенно сбит с толку. Вот вы говорите, что он в это время смотрел на Космическую Станцию. Ну а дальше? Уолтер приехал сюда с сильной высотобоязнью, но ведь потом она почти прошла. И Станцию он видел далеко не первый раз. Значит, был еще какой-то неизвестный нам фактор.

Доктор Майерс прервал свой монолог, словно ему только что пришла в голову новая мысль, и осторожно спросил:

— Скажите, Индра, он по-настоящему ухаживал за вами?

— Нет,— ответила она спокойно, без всякого замешательства.— Ничего такого не было.

Он почувствовал, что это правда, об этом говорила нотка сожаления в голосе Индры.

— Я почему спросил: может быть, Франклин считает себя виноватым перед женой? Возможно, он этого сам не сознавал, но вы напомнили ему ее, с этого все и началось. Но оставим эти догадки, они тоже не объясняют всего. Единственное, что мы знаем точно: у него был какой-то очень сильный приступ. Вы правильно поступили, что дали ему успокоительное, это было самое лучшее в той обстановке. Теперь скажите, вы совершенно уверены, в его словах не было никакого намека, что он собирался делать, вернувшись на Герон?

— Уверена. Он сказал только: «Не говорите об этом доктору Майерсу». Сказал, что вы тут не поможете.

И вероятно, был прав, мрачно подумал Майерс. Плохо... Если он так упорно уклонялся от встречи с единственным человеком, который что-то мог сделать для него, это может означать лишь одно: Франклин твердо решил, что он безнадежен.

— Но он обещал зайти к вам утром,— добавила Индра.

Майерс промолчал. Они оба понимали, что это обещание было лишь хитростью.

Однако Индра не хотела расставаться с надеждой.

— Я уверена,— произнесла она дрожащим голосом, который плохо вязался с ее словами,— если бы он задумал что-нибудь... такое... он оставил бы записку.

Майерс грустно посмотрел на нее; видно, Индра ничем не сможет помочь.

— Его родители умерли,— сказал он.— С женой он давно расстался. Кому писать?..

«Он прав»,— подумала Индра с болью в сердце. На всей Земле она, похоже, была единственным человеком, к кому Франклин был привязан. И вот ушел...

Майерс неохотно встал.

— Да, остается только одно,— заключил он.— Объявим всеобщий поиск. Может быть, он просто где-нибудь отси-

живается, остывает. Придет в себя и явится с пристыженной физиономией. Такие случаи тоже бывали.

Он похлопал пригорюнившуюся Индру по плечу и помог ей встать с кресла.

— Ну, не падайте духом. Наши ребята не пожалеют сил.

Однако Майерс знал, что уже поздно. Все сроки прошли несколько часов назад, поисково-спасательную операцию ведут лишь потому, что бывают случаи, когда люди действуют вопреки логике.

Начальник школы и Берли ждали их в кабинете заместителя начальника. Доктор Майерс отворил дверь кабинета — и застыл на месте. Либо у него появились еще два пациента, либо он сам сошел с ума. Позабыв о чинах и рангах, обняв друг друга за плечи, Дон и начальник школы дико хохотали. Так, ясно: истерия, вызванная чувством облегчения. И смех вызван той же причиной.

Несколько секунд доктор Майерс созерцал невероятную сцену, потом быстро обвел глазами кабинет и тотчас заметил на полу телеграфный бланк, оброненный кем-то из этих помешанных. Не говоря ни слова, он бросился к бланку и поднял его.

Ему пришлось прочесть телеграмму три или четыре раза, прежде чем до него дошел ее смысл. И доктор Майерс тоже захохотал так, как много лет не хохотал.

ГЛАВА 9

Капитан Берт Деррил мечтал о спокойном рейсе; должна же быть на свете справедливость! В последний раз он напоролся на полицию в Маккайе; перед тем ему подложил свинью не показанный на картах риф у острова Лизард; а до того, черт бы его побрал, все настроение испортил этот неуравновешенный молодой болван, который выпустил в пятнадцатифутовую тигровую акулу гарпун с неотделяющейся головкой — уж она его потаскала за собой.

На этот раз, если судить по внешности, как будто подобрались более разумные клиенты. Конечно, «Спортивное

агентство» всегда клянется, что люди надежные и заплатят хорошо; однако на деле попадаются такие типы, что просто диву даешься. И никуда не денешься. Ведь надо как-то зарабатывать на жизнь, и немалых денег стоит держать эту посудину на плаву.

Странное совпадение: у клиентов всегда одни и те же фамилии — мистер Джонс, мистер Робинсон, мистер Браун, мистер Смит. Курам на смех. Но так уж хочется агентству. Ну что ж, попытаться угадать, кто они на самом деле,— тоже развлечение. Есть среди них такие осторожные, что все время носят резиновые маски, не снимают их, даже когда идут под воду. Ясное дело, какие-нибудь важные шишки, которые боятся, как бы их не узнали. Только представьте себе, какой будет скандал, если члена Верховного суда или, скажем, главного секретаря Комитета по делам космоса поймают на браконьерстве в заповеднике Всемирной организации продовольствия! Капитан Берт даже рассмеялся при мысли о таком казусе.

Сорок миль отделяло от кромки рифа пятиместную спортивную лодку, которая заходила со стороны океана. Разумеется, опасно орудовать так близко от Каприкорна, в самом логове врага, но лучшая рыба там, где ее охраняют строже всего. Хочешь угодить клиентам, не бойся риска...

Операция, как всегда, была тщательно разработана. Дозоры по ночам не ходят, а если и выйдут, дальнобойный гидролокатор нащупает их, и можно удрать. Поэтому самое верное дело идти так, чтобы перед рассветом добраться до места и, едва выглянет солнце, выпустить через воздушный шлюз горящих нетерпением «бобров». А самому притаиться на дне, поддерживая с ними связь по радио. Уйдут за пределы дальности радиопередатчика — не страшно, будут ориентироваться по лучу маломощного гидролокатора. Если еще дальше того заберутся, пусть пеняют на себя. Он похлопал рукой по карману куртки, в котором хранились четыре расписки, снимающие с него всякую ответственность за то, что может случиться с гг. Смитом, Джонсом, Робинсоном и Брауном. Капитан Берт был не из тех, кто терзается без нужды, не то он давно бросил бы эту работу.

Гг. С., Д., Р. и Б. в эту минуту лежали каждый на своей кушетке, в последний раз проверяя снаряжение. Смит и Джонс припасли новехонькие ружья, которые еще ни разу не были в употреблении, и понавешали на себя всевозможные приспособления. Смешно... Он хорошо знал этот тип клиентов. Они так дрожат за свое снаряжение, будь то ружье или фотоаппарат, что всегда возвращаются без добычи. Будут носиться вокруг рифа, такой шум поднимут, что на много миль кругом все рыбы попрячутся. Можно побиться об заклад — эти великолепные ружья, способные с пятидесяти футов пробуравить тысячефунтовую акулу, ни разу не выстрелят. И горе-охотники не станут унывать, они и без улова будут рады-радешеньки.

Совсем другое дело Робинсон. Вон у него какое ружье — побитое, лет пять ему, не меньше. Сразу видно, что хорошо послужило и хозяин умеет с ним обращаться. Это не тот «спортсмен», который не пропускает ни одного каталога и бежит в магазин за каждой новой моделью, словно женщина, боящаяся отстать от моды. Капитан Берт не сомневался, что мистер Робинсон всех своих спутников за пояс заткнет.

Напарник Робинсона, Браун, был единственный, кого капитан не смог определить для себя. Крепкое сложение, волевое лицо, возраст — лет сорок с лишним, самый старший из четверки. Где-то Берт его видел... Не иначе какой-нибудь высокопоставленный чин, который решил позволить себе немного согрешить. Капитан Берт, органически не способный тянуть служебную лямку, отлично его понимал.

Глубина безопасная, больше тысячи футов под килем, до рифа еще несколько миль. Но в таком деле всегда надо быть начеку, и капитан Берт, даже следя одним глазом за приготовлениями своей маленькой команды, все время видел приборы на пульте. И он сразу заметил маленькое четкое эхо на экране гидролокатора.

— Большая акула идет, ребята,— весело объявил он.

Все сгрудились возле индикатора.

— Почем вы знаете, что это акула? — спросил кто-то.

— Больше некому. Киты не выходят из пролива за рифом.

— Вы уверены, что это не подводная лодка? — тревожно осведомился другой.

— Что вы! Не те размеры. Лодка в десять раз больше на экране. Так что можете не дрожать.

Пристыженный клиент замолчал. Несколько минут царило молчание; тем временем эхо приближалось к центру экрана.

— Пройдет в четверти мили от нас,— заметил мистер Смит.— Может, изменим курс, попробуем взглянуть на нее поближе?

— Бесполезно. Она задаст стрекача, как только услышит наши моторы. Другое дело, если бы стояли на месте, она могла бы подойти, чтобы обнюхать нас. А что толку? Во-первых, еще темно, во-вторых, она слишком глубоко, с акваланго не выйдешь.

На минуту их внимание отвлек большой косяк рыбы — должно быть, тунцы, определил капитан,— в южном секторе экрана. Когда косяк прошел, изысканный мистер Браун заметил:

— Если это акула, ей уже пора сворачивать.

А ведь он прав. Что бы это могло быть?

— Пожалуй, стоит на нее посмотреть,— сказал капитан Берт.— Мы ничего не потеряем.

Он слегка изменил курс. Странное эхо продолжало идти, никуда не отклоняясь. Оно двигалось очень медленно, можно было сближаться, не боясь столкновения. Подойдя на визуальную дистанцию, капитан включил телевизионную камеру и ультрафиолетовый прожектор — и ахнул.

— Влипли, ребята. Это полиция.

Четверка испуганно вскрикнула, потом послышалось:

— Но ведь вы же говорили...

Несколько отборных выражений заставили их смолкнуть.

— Странно,— пробормотал капитан Берт, не отрываясь от экрана.— Все-таки я был прав с самого начала: это не подводная лодка, а всего-навсего торпеда. А на торпеде нет

таких приборов, чтобы нас засечь. Но что он тут делает среди ночи?

— Повернем обратно! — раздались голоса.

— Помолчите! — отрезал капитан Берт.— Дайте подумать.

Он взглянул на глубиномер:

— Черт возьми, сто саженей... Если этот парень не дышит какой-нибудь особенной смесью, он давно готов.

Капитан пристально всмотрелся в изображение на экране телевизора. Что-то уж очень неподвижна эта фигура на торпеде, а впрочем... Да нет, точно, по голове видно. Водитель в обмороке, если не мертв.

— Вот некстати подвернулся! — воскликнул капитан.— И ведь ничего не поделаешь. Мы обязаны забрать его на борт.

Кто-то хотел возразить, но тут же осекся. Капитан Берт прав, это ясно. А дальше... Дальше будет видно.

— Но как вы это сделаете? — спросил Смит.— Сами же говорили: на такой глубине нельзя выходить.

— Да, задача не из легких,— согласился капитан.— Хорошо, что он идет так медленно. Пожалуй, я смогу его развернуть.

Легко касаясь ручек управления, он повел лодку прямо на торпеду. Вдруг что-то звякнуло, и все подскочили — все, кроме капитана, который точно знал, когда и с какой силой раздастся этот звук.

Он дал задний ход и облегченно вздохнул:

— С первого захода!

По голосу капитана Берта было слышно, что он доволен собой. Торпеда перевернулась так, что водитель болтался под ней на ремнях. Зато теперь она шла не вниз, а к поверхности моря.

Капитан направил лодку следом за торпедой и, не теряя времени, объяснил, что и как делать. Еще есть надежда, что водитель жив. Но если он поднимется к поверхности, это уже верная смерть. Перепад давления с десяти до одной атмосферы прикончит его.

— Мы должны забрать его на глубине около ста пятидесяти футов, не больше, и устроить ему декомпрессию в воздушном шлюзе. Кто пойдет? Я не могу бросить пульт.

Что правда, то правда; пассажиры не сомневались, что капитан, не раздумывая, пошел бы сам, если бы кто-нибудь мог заменить его у пульта.

После короткой заминки раздался голос Смита:

— Я погружался на триста футов с обычным воздухом.

— И я тоже,— сказал Джонс. Потом тихо добавил: — Правда, не ночью.

Не мешало бы побольше энтузиазма, подумал капитан, да ладно, сойдет.

Они выслушали его наставления с таким видом, словно им предстояло идти в атаку под огнем противника, надели акваланги и вошли в переходную камеру.

По счастью, оба были хорошо тренированны, и капитан Берт за две минуты поднял давление до полного.

— Ну, ребята,— сказал он,— открываю... Пошли!

Прожектор был бы очень кстати для ориентировки, но его закрывал фильтр, не пропускающий видимого света. Фонарики в их руках казались на экране телевизора маленькими светлячками. Капитан следил, как подводные пловцы приближаются к ползущей вверх торпеде. Впереди шел Джонс, Смит выдавал ему линь, тянущийся из воздушного шлюза. Как ни медленно шла торпеда, вплавь ее не догнать, поэтому надо было линем то подтягивать, то отпускать Джонса, чтобы он, идя на буксире у лодки, смог попасть в нужную точку. Вряд ли этот способ был приятен пловцу, зато Джонс достиг цели со второй попытки.

Остальное было просто. Он выключил мотор торпеды, оба судна остановились. После этого Смит подошел на помощь Джонсу; они сняли водителя и отнесли его к лодке. Его маска прилегала плотно к лицу, вода не просочилась. Это позволяло надеяться, что удастся его спасти. Втиснуть обмякшее тело в маленькую переходную камеру оказалось трудно; пришлось Смиту ждать в одиночестве снаружи, пока его напарник проходил в лодку.

И когда Уолтер Франклин через полчаса пришел в сознание, он увидел несколько неожиданно для себя, в общем-то, знакомую обстановку. Он лежал на койке в кабине небольшой прогулочной подводной лодки, около него стояли пять человек. Странно: у четверых лица были закрыты носовыми платками, виднелись одни глаза...

Он перевел взгляд на пятого — морщины, шрамы, седые виски, лихая бородка. Даже без этой грязной фуражки сразу видно, что это капитан.

Голова раскалывалась от боли, и Франклин никак не мог собраться с мыслями. Наконец он с трудом выговорил:

— Где я?

— Не все ли равно, приятель,— ответил бородач.— Лучше скажи-ка, кой черт занес тебя на глубину ста саженей с обычным аквалангом. А, дьявол, опять глаза закатил!

Когда Франклин очнулся вторично, он чувствовал себя гораздо лучше, в нем пробудился интерес к жизни, и ему даже захотелось выяснить, что это за лодка. Наверно, он должен испытывать благодарность к этим людям, кто бы они ни были, однако мысль, что он спасен, не вызывала в нем пока ни облегчения, ни разочарования.

— К чему это все? — спросил он, показывая на платки конспираторов.

Капитан — он уже сел за свой пульт — повернул голову и лаконично ответил:

— Еще не сообразил, где ты?

— Нет.

— Ты что же, и меня не знаешь?

— Простите, нет.

Капитан издал звук, который мог выражать и недоверие и разочарование.

— Значит, ты из новеньких. Я Берт Деррил, и ты на борту «Морского льва». Вон те два джентльмена за твоей спиной рисковали жизнью, чтобы спасти тебя.

Франклин обернулся и посмотрел на белые полотняные треугольники.

— Спасибо,— сказал он. И запнулся, не в состоянии что-либо добавить.

Теперь он догадывался, что произошло.

Значит, это и есть знаменитый (или пресловутый — в зависимости от точки зрения) капитан Деррил, чьи объявления можно прочесть во всех журналах для спортсменов и моряков. Капитан Деррил — организатор захватывающих дух подводных сафари, бесстрашный и ловкий охотник — и столь же бесстрашный и ловкий браконьер, неуловимость которого давно уже вызывала ехидные комментарии смотрителей. Капитан Деррил — один из немногих авантюристов нашего регламентированного века, по словам одних. Капитан Деррил — великий мошенник, по словам других...

Понятно, почему команда маскируется. Капитан вышел в одно из своих неафишируемых плаваний, в которых, по слухам, нередко участвуют люди из высшего общества. А другим это просто не по карману. Должно быть, «Морской лев» обходится Деррилу недешево, ведь говорят о капитане Берте, что он никогда не рассчитывается наличными и задолжал в каждом порту от Сиднея до Дарвина.

Франклин обвел взглядом загадочные фигуры. Любопытно, кто они, может быть, среди них есть знакомые? На соседней койке лежали прикрытые кое-как мощные ружья. Куда направляется «Морской лев» и какую добычу они себе наметили? Впрочем, ему сейчас лучше поменьше знать и ничего не видеть.

Капитан Деррил тоже пришел к этому выводу.

— Сам понимаешь, приятель,— сказал он, заслоняя от Франклина приборы, указывающие курс,— твое присутствие здесь, на борту, не совсем кстати. Но не могли же мы позволить тебе утонуть, хотя ты этого заслужил своей глупой выходкой. А теперь спрашивается: что нам делать с тобой?

— Высадите меня на берег Герона, тут, наверно, недалеко.

Улыбка Франклина показывала, что он понимает: вряд ли его предложение примут всерьез. Удивительно, как легко и весело было у него на душе. Реакция? Возможно. А может, он просто был рад тому, что жизнь все-таки продолжается.

— Черта с два! — Капитан негодующе фыркнул.— Эти джентльмены не для того заплатили деньги, чтобы ваши бойскауты испортили им охоту.

— Пусть хоть снимут платки. Им же неудобно, а я все равно не выдам, даже если узнаю кого-нибудь.

Они неохотно демаскировались. Так и есть: он никого из них не видел прежде — ни в жизни, ни на фотографиях. И слава богу...

— Хочешь не хочешь,— продолжал капитан,— а придется нам где-то сбросить тебя, чтобы ты нам не мешал.— Он почесал затылок, пропуская перед внутренним взором карту архипелага Каприкорн, которая была запечатлена в его памяти со всеми, даже самыми мелкими подробностями, и принял решение.— А до утра как-нибудь тебя потерпим. Будем спать по очереди. Хочешь сделать доброе дело — иди поработай в камбуз.

— Есть, начальник, будет сделано,— отчеканил Франклин.

Светало, когда Франклин подплыл к песчаному берегу, тяжело встал и снял ласты с ног. («Это не самая лучшая моя пара, но ты все-таки постарайся прислать мне их по почте»,— сказал напоследок капитан Берт, выпуская его через переходную камеру.) Где-то там за рифом «Морской лев» продолжал свой тайный рейд. Наверно, охотники уже приготовились выходить. И хотя это противоречило его убеждениям и служебному долгу, Франклин мысленно пожелал им удачи.

Капитан Берт обещал через четыре часа дать знать по радио в Брисбен: оттуда его радиограмму немедленно передадут на Герон. Видимо, четырех часов капитану и его клиентам достаточно, чтобы завершить свою вылазку и выбраться из владений ВОП.

Франклин отошел подальше от воды, сбросил снаряжение и лег, любуясь восходом, который уже и не чаял когда-либо увидеть вновь. Четыре часа на ожидание и размышление, на то, чтобы продумать, как жить дальше... А впрочем, раздумывать нечего, все и так ясно.

Он больше не вправе распоряжаться своей жизнью по собственному произволу. Ведь люди, которых он никогда не видел прежде и больше не увидит, вернули ему ее, рискуя собой.

ГЛАВА 10

— Вы же понимаете,— сказал Майерс,— я всего-навсего участковый врач, а не ученый-психиатр. Так что придется мне послать вас к профессору Стивенсу и его веселым ребятам.

— Это обязательно? — спросил Франклин.

— По-моему, нет, но я не могу брать на себя ответственность. Будь я игрок вроде Дона, я бы побился об заклад, что вы больше никогда не выкинете такого фортеля. Но медицина — не азартная игра. И вообще, сдается мне, вам будет только полезно на несколько дней расстаться с Героном.

— До конца курса две недели. Может быть, подождем до тех пор?

— Не спорьте с врачами, Уолт, все равно не переспорите. И если я еще не забыл арифметику, полтора месяца — это не две недели. От небольшого перерыва вреда не будет. Вряд ли профессор Стивенс продержит вас долго. Скорее всего, задаст вам хорошую головомойку и отправит обратно. А пока я хотел бы высказать вам свое мнение, если оно вас интересует.

— Валяйте.

— Прежде всего, мы знаем, чем был вызван ваш приступ. Запах быстрее других чувств вызывает воспоминания и ассоциации. Как только вы рассказали мне, что в переходной камере космического корабля всегда пахнет синтеном, все стало понятно. Роковое невезение: знакомый запах вы почувствовали в тот самый миг, когда смотрели на Космическую Станцию. Она и меня иной раз чуть ли не гипнотизирует, эта чертова штука,— носится в небе, словно шальной метеор. Но дело не только в этом, Уолтер. Чтобы стать таким восприимчивым, требовалась, так сказать, эмоциональ-

ная сенсибилизация. Скажите, у вас есть с собой фотография жены?

Неожиданный и как будто не имеющий отношения к делу вопрос скорее удивил, чем смутил, Франклина.

— Есть,— ответил он.— А что?

— Потом поймете. Можно взглянуть на нее?

Порывшись в карманах (гораздо дольше, чем это, по мнению Майерса, было необходимо), Франклин наконец достал кожаный бумажник. И отвернулся, пока врач рассматривал портрет женщины, разлученной с мужем законами, против которых человек бессилен.

Небольшого роста, брюнетка, лучистые карие глаза. Одного взгляда было достаточно, и все же он продолжал смотреть на фотографию с необъяснимым чувством, в котором сочетались сострадание и любопытство. Интересно, как она восприняла случившееся? Тоже строит заново свою жизнь там, в далеком мире, к которому ее навеки приковали наследственность и гравитация? Впрочем, нет, «навеки» — не то слово: она может без всяких опасений лететь на Луну, там тяготение вдвое слабее, чем на ее родной планете. Да что толку от этого, ведь Франклину теперь даже пустяковый перелет Земля — Луна не под силу.

Доктор Майерс вздохнул и сложил бумажник. Даже при самом совершенном общественном строе, в самом безмятежном и обеспеченном из миров не избежать разбитых сердец и личных трагедий. К тому же, по мере того как власть человека будет простираться все дальше во Вселенной, его неизбежно будут подстерегать новые трудности и несчастья. Правда, здесь разница только в частностях, сам конфликт далеко не нов. Сколько раз в прошлом человек оказывался разлученным со своими близкими, когда из-за стихийных бедствий, когда по злой воле других людей.

— Послушайте, Уолт,— сказал Майерс, возвращая фотографию.— Мне известно о вас кое-что, чего даже профессор Стивенс не знает. Примите мой совет. Отдаете вы себе в этом отчет или нет, но Индра похожа на вашу жену. Это-то и привлекло к ней ваше внимание. Но по той же причине в душе у вас возник конфликт. Вы не допускаете мыс-

ли о том, чтобы изменить даже человеку, который — извините меня за прямоту — для вас все равно что мертв. Ну как, верно мое рассуждение?

Франклин долго молчал, прежде чем ответить.

— Пожалуй... И что же я должен делать?

— Я не хочу показаться циником, но есть одно старое изречение, которое подходит к этому случаю. «Не противься неизбежному». Признав, что в вашей жизни есть вещи, раз и навсегда решенные, вы перестанете с ними бороться. Это не будет капитуляцией, зато даст вам силы, необходимые для битв, в которых вы можете победить.

— Что думает Индра обо мне?

— Девочка влюблена в вас, если вы это подразумеваете. И вы в долгу перед ней после всего, что она пережила по вашей милости.

— Значит, вы считаете, мне нужно опять жениться?

— Уже то, что вы задаете этот вопрос,— добрый признак, однако я не могу ответить вам просто «да» или «нет». Мы сделали все, чтобы вернуть вас к труду; в области чувств наши возможности гораздо более ограниченны. Разумеется, вам же лучше, если новая прочная привязанность придет взамен утраченной. А Индра... что ж, она умная и обаятельная девушка, но, как знать, может быть, ее теперешнее чувство во многом вызвано состраданием. Не торопите событий, пусть идут своим ходом. Вам просто нельзя рисковать.

Вот так, вот и все мое поучение... Да, еще одно. Беда в том, Уолтер Франклин, что вы всегда были чересчур независимы и самонадеянны. Никак не хотели признать, что вы не всемогущ и вам тоже нужна чья-то помощь. А когда столкнулись с чем-то, превосходящим ваши силы, нервы-то и не выдержали. И вы с тех пор ненавидите себя за это. Ну так вот: все это было и прошло. Допустим даже, что старый Уолт Франклин был дрянь человек — второе издание должно быть лучше. Согласны?

Франклин криво улыбнулся. Переживания совсем измотали его, и все же на душе стало легче. В самом деле, мысль о том, что приходится пользоваться чьей-то помощью, долго его точила. Теперь он смирился с этим и сразу почувствовал себя лучше.

— Спасибо за лечение, доктор,— сказал он.— Вы не хуже самого искусного специалиста, и я уверен, что мне незачем ехать к профессору Стивенсу.

— Я тоже уверен, и все-таки ехать надо. Ну, ступайте, чтобы я мог заняться своим основным делом, лепить пластырь на ссадины и порезы.

На пороге Франклин вдруг остановился.

— Чуть не забыл,— озабоченно произнес он.— Дон непременно хочет завтра выйти со мной на подводной лодке. Вы не против?

— Конечно нет. Он достаточно рассудительный человек, сумеет присмотреть за вами. Об одном прошу — не опоздайте к самолету, вылет в двенадцать.

Франклин вышел из Медицинского центра (за этим пышным названием скрывались три скромные комнаты), ничуть не огорченный тем, что ему велели на время оставить остров. Конечно, к нему отнеслись куда более заботливо и доброжелательно, чем он ожидал и заслуживал, и легкая враждебность, с которой на него раньше смотрели менее привилегированные курсанты, улетучилась. И все-таки для него же лучше на несколько дней покинуть эту атмосферу подчеркнутого сочувствия. Особенно неловко он себя чувствовал в обществе Дона и Индры.

Вспомнился совет, полученный от доктора Майерса, и как екнуло сердце, когда врач сказал: «Девочка в вас влюблена». Разумеется, было бы нечестно воспользоваться нынешней обстановкой. Обоим надо как следует, серьезно продумать, что они значат друг для друга. Гм... не слишком ли это похоже на холодный расчет?.. Разве тот, кто истинно любит, взвешивает все «за» и «против»?

Он знал ответ. Верно сказал Майерс: ему нельзя рисковать. Лучше повременить и добиться полной уверенности, чем ставить под угрозу счастье двоих.

Солнце едва выглянуло из-за простершегося на восток могучего рифа, когда Дон Берли поднял Франклина с постели. В последние дни отношение Дона к Уолтеру как-то неуловимо изменилось. Случившееся потрясло и огорчило

его, и он по-своему, в присущей ему бурной манере, попытался выразить сочувствие и понимание. В то же время он был уязвлен, даже теперь ему не верилось, что Индра ничуть не увлекалась им, что ее занимал только Франклин, которого он не считал соперником. Нет, Дон не ревновал, ревность вообще была ему чужда. Его, как это бывает с большинством мужчин, беспокоило открытие, что он вовсе не такой уж знаток женского сердца.

Франклин уже уложил вещи, и его комната казалась пустой и унылой. Хотя он уезжал всего на несколько дней, нужда в комнатах была слишком велика, чтобы ее оставили за ним на это время. «Поделом тебе»,— философски заключил он.

Дон спешил, как обычно, однако Франклин заметил, что у него вид заговорщика, словно он приготовил какой-то сюрприз и по-детски озабочен тем, чтобы затея удалась. При других обстоятельствах Франклин заподозрил бы подвох, но сейчас это было исключено.

Франклин настолько освоился с маленькой учебной лодкой, что она стала как бы частью его самого, и он, выполняя команды Дона, уверенно вывел ее в тридцатимильный пролив между рифом Вистари и материком. Не объясняя причин, Дон выключил экран главного локатора, так что Франклин шел вслепую. Сам Дон видел все на установленном в кормовой части репитере. Как ни хотелось Франклину заглянуть туда, он поборол соблазн. Это тоже входило в программу обучения; ведь может случиться так, что придется вести подводную лодку, лишившуюся своих органов чувств.

— Теперь можешь всплывать,— сказал наконец Дон.

Он старался говорить непринужденно, но голос выдавал его волнение. Франклин продул цистерны и, не глядя на глубиномер, по качке определил, когда они вышли на поверхность. Ощущение не из приятных, скорей бы опять погрузиться...

Дон взглянул на свой экран, потом указал на люк боевой рубки.

— Открывай. Полюбуемся природой.

— А не зачерпнем? — возразил Франклин.— Качка довольно сильная.

— Вдвоем закупорим люк, много не просочится. На всякий случай, вот, держи брезент.

Странная затея, подумал Франклин, но, наверно, у Дона есть веские причины. Крышка люка откинулась, и показался эллиптический клочок неба. Дон первым вскарабкался вверх по трапу, за ним — Франклин, щуря глаза от соленых брызг.

Да, Дон знал, что делал. Неудивительно, что ему так загорелось совершить эту вылазку прежде, чем Франклин уехал. Он оказался неплохим психологом. Глубокая благодарность к Дону наполнила душу Франклина, который переживал одну из самых великих минут своей жизни. Только один миг мог поспорить с этим: когда он впервые увидел неизъяснимо прекрасную Землю на фоне бесконечно далеких звезд. И сейчас он испытывал такое благоговение, словно наблюдал проявление космических сил.

Киты плыли на север, и он был среди них. Видно, вожаки ночью прошли через Квинслендские ворота, направляясь в теплые воды, где самки могли спокойно произвести на свет потомство. Живая армада, воплощение силы и мощи, легко и уверенно рассекала волны. Громадные темные туши появлялись из воды и снова ныряли без малейшего всплеска.

Величественная картина так захватила Франклина, что он не думал об опасности. Вдруг один великан всплыл в каких-нибудь сорока футах от лодки. Из дыхала с оглушительным свистом вырвался несвежий воздух, и до Франклина дошло ослабленное расстоянием зловоние. Прямо на него глядел до смешного маленький, совершенно теряющийся в этой чудовищной, уродливой голове глаз. Несколько секунд два млекопитающих — двуногое, которое покинуло море, и четвероногое, которое вернулось туда,— смотрели друг на друга через пропасть, разделившую их по воле эволюции. Интересно, каким представляется человек киту? Вряд ли есть способ выяснить это...

Затем голова исполина перевесила, могучие плавники взмыли вверх, и внезапно возникла воронка, в которую тотчас ринулась вода.

Далекий удар грома заставил Франклина повернуться в сторону материка. В полумиле от них играли киты. И он с замиранием сердца увидел, как животное, мало похожее на то, что он знал по фильмам и фотографиям, медленно поднялось над водой и повисло в воздухе. Как солист балета в высшей точке своего прыжка словно побеждает тяготение, так и кит на миг будто зацепился за горизонт. Потом, с той же неспешной грацией, он упал обратно в море, и над волнами прокатился грохот.

Замедленное течение этого богатырского прыжка придавало происходящему характер сновидения, как будто нарушился обычный ход времени. Яснее, чем когда-либо, Франклин осознал, до чего же эти животные огромны — ну прямо ожившие острова. И он подумал: что, если какой-нибудь кит всплывет как раз под лодкой или захочет поближе познакомиться с ней?..

— Не беспокойся, они нас знают,— заверил его Дон.— Иногда подходят поскрестись, чтобы освободиться от паразитов,— не совсем приятно. А случайных столкновений нечего бояться, они ориентируются лучше нашего.

Словно в опровержение его слов, из воды выросла покатая гора, и на них обрушился ливень брызг. Лодку сильно тряхнуло, Франклину даже показалось, что они вот-вот опрокинутся, но она тут же выровнялась. До всплывшей на поверхность обросшей морскими уточками головы было буквально рукой подать. Причудливо изогнутый рот распахнулся в чудовищном зевке, и, переливаясь, как жалюзи на ветру, заблестели сотни пластин китового уса.

Будь Франклин один, он бы перепугался насмерть, но Дон оставался невозмутим. Наклонившись над обрезом люка, он крикнул в едва различимое слуховое отверстие кита:

— Двигай дальше, мамаша! Мы не твоя крошка!

Огромная пасть с роговой драпировкой захлопнулась, блестящий глаз — до странности похожий на коровий — вы-

разил нечто вроде обиды, лодка снова качнулась, и кит исчез.

— Убедился, что бояться нечего? — спросил Дон.— Без детенышей они миролюбивы и добродушны, как всякий домашний скот.

— А зубатые — кашалот, например? К ним бы ты подошел так близко?

— Все зависит от обстоятельств. Если это старый хитрый самец вроде Моби Дика, я бы не решился. И косатки тоже могут посчитать меня лакомым кусочком, правда, их легко отогнать — включил ревун, и все. Один раз я затесался в стадо кашалотов голов на двенадцать, и дамы отнеслись ко мне совершенно спокойно, хотя у некоторых были детеныши. Даже старик, представляешь себе, не протестовал. Должно быть, понимал, что я ему не соперник.— Дон задумался, потом добавил: — Это был единственный раз, когда я видел китовую свадьбу. Внушительное зрелище, у меня сразу такой комплекс неполноценности развился, что я неделю был не в форме.

— А сколько голов в этом стаде? — спросил Франклин.

— Что-нибудь около сотни. Счетчики у ворот дадут тебе точные сведения. Словом, сейчас тут резвится самое малое пять тысяч тонн первоклассного мяса и жира. Два миллиона долларов, если считать на деньги. Не захватывает у тебя дух при виде такого богатства?

— Нет,— ответил Франклин.— И готов поклясться, тебе тоже безразлично. Я теперь понимаю, почему ты так любишь свою работу, и можешь не притворяться.

Дон промолчал. Общие мысли и чувства объединяли двух товарищей, которые стояли рядом в тесном люке, не чувствуя соленых брызг, поглощенные зрелищем самых могучих животных, каких когда-либо знал мир. В эту минуту Франклин по-настоящему твердо ощутил, что его жизнь вошла в новое русло. Конечно, ему всегда будет жаль многого из того, что потеряно, но пора пустой тоски и мрачных размышлений миновала. Путь в космические просторы ему закрыт, зато открылись просторы морей.

А этого довольно для любого человека.

ГЛАВА 11

Секретно, держать в запечатанном конверте.

К сему прилагается медицинское заключение о состоянии здоровья Уолтера Франклина, который ныне успешно закончил курсы и получил звание младшего инспектора с самым лучшим аттестатом. Учитывая жалобы руководителей Управления кадров и трудоустройства, что наши заключения перегружены специальной терминологией, я излагаю здесь суть дела языком, доступным пониманию управленцев.

Хотя у У. Ф. есть свои недостатки, его незаурядные качества и способности позволяют отнести его к небольшой группе людей, из которых набираются руководители производственных отделов. Эта группа настолько мала, что, как я не раз подчеркивал, само существование нашего государственного аппарата окажется под угрозой, если мы не сумеем ее расширить. Несчастный случай, вынудивший У. Ф. расстаться с Космической Службой, где его, несомненно, ожидала блестящая карьера, не лишил У. Ф. его дарований и предоставил нам возможность, пренебречь которой было бы преступно. Мы смогли не только изучить случай, вошедший затем как классический в учебники по астрофобии, но и проверить, насколько мы преуспели в переквалификации людей. Аналогии между космосом и морем отмечались много раз; человек, привыкший к одной из этих двух сред, легко приспосабливается к другой. Но в этом случае не меньшую роль играло различие; попросту говоря, то, что море представляет собой сплошную, достаточно плотную жидкую среду, в которой видимость не превышает нескольких ярдов, вернуло У. Ф. чувство безопасности, утраченное им в космосе.

Его покушение на самоубийство незадолго до окончания курсов на первый взгляд говорит против правильности нашего лечения. Это не так: покушение было вызвано рядом неподдающихся предвидению факторов (см. пункты 57–86 прилагаемого заключения), и в конечном счете оно, как это часто бывает, привело к сдвигу в лучшую сторо-

ну. Весьма показателен сам способ, избранный покушавшимся. Он подтверждает, что мы верно подобрали новую профессию для У. Ф. И насколько серьезно было это покушение? Если бы У. Ф. твердо решил убить себя, он выбрал бы более простой и надежный путь.

Теперь, когда субъект наладил — как будто успешно — свою эмоциональную жизнь и отклонения не выходят за рамки обычного, я уверен, что можно не опасаться новых срывов. Чрезвычайно важно поменьше давить на него. Его независимость и самостоятельность суждений, хотя и не так сильно выраженные, как прежде, представляют собой важнейшую черту характера У. Ф. и во многом определят его будущее.

Только время покажет, окупятся ли усилия специалистов. Но даже если нет, люди, которым пришлось этим заниматься, вознаграждены уже сознанием, что возродили к жизни человека, который, несомненно, окажется полезным для дела, а может быть, даже бесценным.

Ян К. Стивенс,
начальник Отдела прикладной психиатрии,
Всемирная организация здравоохранения

ГЛАВА 12

Когда прозвучал сигнал аварийного вызова, смотритель Уолтер Франклин проходил ежемесячную процедуру бритья. Его всегда удивляло, почему биохимики до сих пор не придумали какого-нибудь способа совсем обуздать эту щетину. А впрочем, грех жаловаться: ведь всего полвека назад мужчинам — только подумать! — приходилось бриться каждый день, применяя для этого целый набор замысловатых и дорогих, порой даже смертоносных приспособлений.

С мазью на лице Франклин выскочил из ванной, промчался через кухню и влетел в холл прежде, чем сигнальное устройство успело перевести дух и исполнить новую

трель. Он нажал клавишу «прием», экран коммуникатора осветился, и возникло чем-то озабоченное лицо дежурной.

— Вам нужно сейчас же прибыть для исполнения служебных обязанностей, мистер Франклин,— торопливо вымолвила она.

— А в чем дело?

— Фермы бьют тревогу. В заграждении брешь, одно стадо проскочило и ест весенний урожай. Мы должны выгнать их поскорее.

— Только и всего? — отозвался Франклин.— Через десять минут буду на пристани.

В самом деле, авария, хотя и не такая, из-за которой стоило бы волноваться. Конечно, фермы будут кричать — ведь что ни глоток, то полтонны, а тысяча таких глотков может поставить под угрозу весь годовой план. Но втайне Франклин был на стороне китов; пусть отведут душу, раз сумели проникнуть в планктонные прерии.

— Что там стряслось? — спросила Индра, выходя из спальни.

Она еще не успела причесаться, и ее блестящие черные волосы длинными красивыми прядями спадали на плечи. Ответ Франклина явно встревожил ее.

— Это серьезнее, чем ты думаешь,— сказала она.— Если будете мешкать, потом не оберетесь хлопот с больными. Весенняя вспышка размножения прошла всего две недели назад, и она побила все рекорды. Как бы не объелись твои прожорливые питомцы.

А ведь она права. Планктонные фермы составляли автономный отдел Морского управления, и Франклин не соприкасался с ними непосредственно, но он хорошо знал их работу — как-никак вроде бы конкуренты в добыче пищи из моря. Энтузиасты планктона утверждали — пожалуй, не без основания,— что выращивать планктонный урожай целесообразнее, чем пасти китов: ведь киты сами питаются планктоном, значит, в пищевой цепи они стоят ступенькой ниже. Зачем тратить десять фунтов планктона на производство одного фунта китового мяса, говорили они, если можно просто собирать планктонный урожай?

Дискуссия продолжалась уже двадцать лет, и пока что ни одна из сторон не взяла верх. Иногда спор становился довольно желчным, напоминая соперничество между земледельцами и скотоводами в пору освоения американского Среднего Запада; только масштабы были иные да вопрос посложнее. Правда, на беду современных мифотворцев, конкурирующие отделы Морского управления ВОП сражались между собой протоколами и действенным, но малоимпозантным оружием бюрократизма. Никто не ходил крадучись по ранчо с винтовкой в руке, и если в изгороди появлялась брешь, то по причинам чисто техническим, а не из-за полуночных диверсий...

В море, как и на суше, вся жизнь зависит от растительности. А количество растений зависит от обилия минералов в среде — азотных, фосфорных и множества иных соединений. В океане все эти важнейшие вещества скапливаются в глубинах, куда не доходит свет, а потому не могут существовать растения. Верхние пятьсот футов моря — первооснова его жизни; все, что обитает ниже, через промежуточные звенья живет пищей, созданной в этом слое.

Каждую весну, когда тепло проникает в пучину, глубокие воды тоже отзываются на незримое солнце. Увеличиваясь в объеме, они поднимаются и несут к поверхности несчетные миллиарды тонн солей и минералов. Удобренные питательными веществами снизу и подстегнутые солнечными лучами сверху, плавучие растения размножаются с интенсивностью взрыва. Естественно, выигрывают и животные, которые ими кормятся. Весна приходит на морские луга.

До появления человека цикл этот повторялся не менее миллиарда раз. Теперь человек изменил его. Не удовлетворяясь восходящими потоками минералов, производимых природой, он в стратегических точках погрузил в океан на большую глубину атомные генераторы, тепло которых вызывало исполинские подводные фонтаны, несущие к животворному солнцу химические сокровища. Среди многочисленных приложений ядерной энергии это искусственное

подстегивание естественного круговорота оказалось одним из самых неожиданных и самых продуктивных. Один этот способ позволил почти на десять процентов увеличить количество продовольствия, поставляемого морями.

И вот киты изо всех сил стараются свести на нет этот прирост.

Облава была задумана как комбинированная морская и воздушная операция. Одни подводные лодки не справятся: их мало и они слишком тихоходны. Три из них, включая одноместного разведчика Франклина, перебросят к бреши на транспортном самолете; потом этот самолет будет помогать выслеживать китов с воздуха, если они разошлись так далеко, что дальность действия гидролокаторов подводных лодок окажется мала. Еще два самолета будут отгонять китов, сбрасывая рядом с ними генераторы звука. Впрочем, прежде этот способ плохо помогал, и на него не возлагали особых надежд.

Через двадцать минут после аварийного вызова Франклин уже смотрел, как уходят вниз огромные пищевые комбинаты Пирл-Харбора. Он по-прежнему не любил летать и старался держаться подальше от самолетов. Но когда надо было, перелет переносил спокойно и мог без тошноты смотреть на простершийся внизу мир.

В ста милях к востоку от Гавайских островов море вдруг из голубого стало золотым. До самого горизонта тянулись кочующие поля с первым в году урожаем; казалось, им не будет конца. Тут и там, словно причудливые игрушки полинезийских детей, на поверхности Тихого океана лежали уборочные машины — своего рода шумовки с милю длиной; по соседству стояли гораздо более компактные понтоны и плоты с аппаратами, производящими концентрат. Зрелище было внушительным даже в эту эпоху титанических инженерных сооружений, но Франклина оно не волновало. Мысль о миллиардах тонн отборных диатомей и рачков не вызывала в нем радостного трепета, хоть он и знал, что это пища одной четверти человечества.

— Проходим над Гавайским коридором,— раздался в динамике голос пилота.— Через минуту увидим брешь.

— Вижу,— сказал один из товарищей Франклина, указывая рукой вниз.— Вон они, наслаждаются...

Да, что и говорить, фермеры-бедняги, наверно, рвут на себе волосы. Неожиданно Франклину вспомнилась детская песенка, которую он последний раз слышал самое малое тридцать лет назад:

Голубой Пастушок,
Подуди в свой рожок,
Ходят овцы по лугам,
А коровы по хлебам.

Действительно, «коровы ходят по хлебам»; придется Пастушку потрудиться, чтобы выгнать их оттуда. Множество узких прокосов в желтых планктонных лугах показывало, где проедают себе путь прожорливые великаны. Извивающаяся голубая полоска чистой воды отмечала путь каждого из полчища китов, очутившихся в своем китовом раю. Задача Франклина — поскорее изгнать грешников из этого рая.

Получив короткий радиоинструктаж, три инспектора прошли из кабины в грузовой отсек, где скаутсабы уже висели на шлюпбалках, которые должны были опустить их в море. Операция несложная, труднее будет потом поднять их. Если ветер нагонит волну, придется возвращаться на Базу своим ходом.

Не совсем это обычно: на самолете очутиться внутри подводной лодки. Но Франклину было некогда задумываться, он готовился к погружению. Заговорил динамик на пульте: «Высота тридцать футов, открываю люки грузового отсека. Лодка номер один, приготовиться». Франклин был вторым в очереди. Огромный транспортный самолет висел неподвижно, и тали шли так гладко, что Франклин не почувствовал, когда его разведчик погрузился в свою естественную среду. И вот уже три лодки расходятся заданным курсом — ни дать ни взять, механические собаки, сгоняющие скот.

Франклин быстро убедился, что это будет посложнее, чем он думал. Кругом был густой суп — никакой видимости, даже гидролокатор сбит с толку. Но главное — этот ки-

сель тормозил крыльчатки, и водометы еле тянули. Чего доброго, засорятся... Лучше опуститься ниже планктонного слоя и без крайней нужды не всплывать.

На глубине трехсот футов муть кончилась. Из-за темноты Франклин по-прежнему ничего не видел, но хоть можно было развить хорошую скорость. Догадываются пирующие киты, что он уже близко и идиллии скоро придет конец? Вот они, яркие эхо-сигналы, медленно плывущие по мерцающему зеркалу, которое обозначает непроницаемую для звукового луча границу воды и воздуха. Любопытно: акустическим органам чувств гидролокатора поверхность моря представляется снизу такой же, как человеческому глáзу.

В обход стада с двух сторон заходили приметные маленькие эхо-сигналы двух подводных лодок. Франклин поглядел на хронометр: меньше чем через минуту начнется гон. Он включил наружные микрофоны и прислушался к голосам моря.

Как можно говорить, будто море безмолвно? Даже несовершенный слух человека улавливал многие шумы: скрип хитинизированных клешней, рокот каменных глыб, свист дельфинов, характерное «шлеп» хвоста акулы после крутого поворота. Но все это звуки слышимого спектра; чтобы сполна оценить симфонию моря, надо выйти за пределы того, что доступно нашему уху. Простейшая задача для установленных на лодке преобразователей частоты. Их можно при желании настроить на любой звук — от миллиона циклов в секунду до самых медленных колебаний, которые хочется сравнить с тягучим движением безнадежно заржавевшей двери.

Франклин настроил приемник на самую широкую полосу, и сознание тотчас принялось толковать многочисленные голоса, врывающиеся в маленькую кабинку из подводного мира. Шумы, произведенные человеком, он отсеивал сразу. К тому же гудение его лодки и лодок товарищей почти всецело поглощалось соответствующими фильтрами; однако они пропускали свист трех гидролокаторов (его дат-

чик почти совсем заглушал два остальных) и далекое «бип-бип-бип» Гавайского коридора. Так назывался огражденный с двух сторон проход, по которому киты могли следовать через планктонные поля, не причиняя ущерба фермам. Каждый генератор слал импульсы с пятисекундным интервалом. Правда, ближайший участок вышел из строя, но отчетливо шли сигналы более удаленных частей акустического барьера. Импульсы были причудливо искажены и сливались в длинное, непрерывное эхо, так как за каждым сигналом тут же подходили посланные более удаленными генераторами. Прислушаешься — звук как бы передается вдаль по цепочке, наподобие стихающего раската грома.

На этом фоне явственно выделялись звуки природные. Со всех сторон, ни на миг не смолкая, доносились писк и крики китов, которые переговаривались между собой или просто давали выход своему восторгу. Франклин различал голоса самцов и самок; правда, он еще не научился узнавать по голосу отдельных китов и толковать их речь.

В подводном царстве нет звука более жуткого, чем крики стада китов. Закроешь глаза — и кажется, ты попал в заколдованный лес и тебя со всех сторон окружают бесы и лешие. Если бы Гектор Берлиоз слышал этот зловещий хор, он убедился бы, что природа предвосхитила его «Шабаш ведьм».

Но суеверный страх вызывает только то, что незнакомо, а эти голоса теперь уже прочно вошли в жизнь Франклина. Они больше не вызывали у него кошмаров, как это бывало вначале. Напротив, рождали чувство радости и симпатии, да еще легкое удивление: как эти исполины могут издавать такой тонкий писк?!

Впрочем, иногда звуки моря навевали воспоминание, от которого сердце переполнялось печалью. Будто он снова в радиорубке космического корабля или космической станции, сидит у приемников-автоматов, прочесывающих заданный диапазон. И отдаются в ночи призрачные голоса, очень похожие на эти: вызывают далекие корабли, работают радиомаяки, поселения на других планетах переговаривают-

ся с Землей высокочастотным кодом. И всегда за немощными голосами передатчиков был слышен рокочущий фон, вечное шушуканье звезд и галактик, наводняющих всю Вселенную своим радиоизлучением.

Стрелка хронометра коснулась нуля. Прежде чем она успела отмерить следующую секунду, море взорвалось адской какофонией. Дикое улюлюканье с подвыванием заставило Франклина поспешно убавить громкость. Так, акустические бомбы сброшены, бедные те киты, которые окажутся поблизости. Рисунок на экране индикатора вмиг изменился; испуганные животные в панике кинулись на запад. Франклин не отрывал глаз от прибора, готовый идти на перехват тех, кто свернет в сторону от бреши и вместо коридора опять окажется на планктонных полях.

То ли акустические бомбы усовершенствовали с прошлого раза, то ли киты стали более дисциплинированными: только три или четыре кита откололись от стада. Всего десять минут ушло на то, чтобы догнать их и с помощью установленных на лодках сирен вернуть в строй. Через полчаса после начала гона все стадо вышло обратно сквозь незримое окно в заграждении и закружилось в узком коридоре. Лодкам оставалось лишь дежурить, пока инженеры не закончат ремонт и не восстановят звуковую завесу.

Никто не назовет это крупной победой. Обыкновенный, будничный труд, второстепенная схватка в непрекращающейся кампании. Азарт погони уже прошел, и Франклин спрашивал себя, скоро ли транспортник извлечет их из океана и доставит обратно на Гавайские острова. Как-никак у него сегодня выходной, и он обещал Питеру вместе поехать в Вайкики, чтобы поучить его плавать.

Хороший смотритель даже в минуты затишья следит за гидролокатором. Каждые три минуты Франклин машинально включал каскад дальнего действия и нацеливал датчик на дно — просто так, чтобы знать обстановку. Он не сомневался, что его товарищи делают то же самое, томясь ожиданием.

На краю экрана появилось слабое эхо — след предмета, который находился на пределе дальности прибора: расстоя-

ние десять миль, глубина почти две мили. Франклин присмотрелся, потом недоуменно сдвинул брови. Чтобы его было видно на таком расстоянии, это должно быть что-то очень крупное, не меньше кита. Но кит — в этой пучине?.. Правда, кашалотов встречали на глубине одной мили, однако даже эти непревзойденные ныряльщики так глубоко не забираются. Глубоководная акула? Возможно... Как бы то ни было, не мешает взглянуть поближе.

Он переключил прибор на автоматическое сопровождение предмета и увеличил изображение, сколько позволял индикатор. Подробностей не различить, слишком далеко, но видно, что объект длинный, тонкий и довольно быстро движется. Он посмотрел еще, потом вызвал товарищей. Не относящиеся к делу разговоры во время операций не поощряются, но эта загадка заинтриговала его.

— Я «Сабскаут-два»,— сказал он.— Есть крупный эхосигнал, азимут сто восемьдесят пять градусов, дальность девять целых семь десятых мили, глубина одна целая восемь десятых мили. Похоже на подводную лодку. Вам известно, кто-нибудь еще действует в этом районе?

— «Сабскаут-два», я «Сабскаут-один»,— послышался ответ.— Это за пределами радиуса действия моего прибора. Может быть, там лодка Комитета по исследованиям? Какие размеры дает индикатор?

— Около ста футов, чуть больше. Скорость выше десяти узлов.

— Я «Сабскаут-три». Здесь сейчас нет никаких исследовательских лодок. «Наутилус-четыре» на ремонте, «Кусто» работает в Атлантике. Наверно, тебе рыба попалась.

— Таких рыб не бывает. Разрешите сходить туда? По-моему, мы обязаны проверить.

— Разрешаю,— ответил «Сабскаут-1».— Мы справимся без тебя. Держи связь с нами.

Франклин развернулся на юг и плавным поворотом ручки дал полный ход. Преследуемый объект успел уйти слишком глубоко для его разведчика, но ведь он еще может подняться. Даже если не поднимется, то, сократив дальность, можно получить более четкое изображение.

Через две мили он убедился, что погоня ничего не даст. Животное, несомненно, уловило вибрацию от двигателя или импульсы гидролокатора и быстро пошло вниз. Франклину удалось сократить расстояние до четырех миль, после чего эхо-сигнал затерялся в хаосе отражений от океанского дна. Напоследок он успел убедиться, что оно очень большое и относительно тонкое, но подробностей различить не смог.

— Ушло? — осведомился «Сабскаут-1».— Так я и думал.

— Значит, ты знаешь, что это было?

— Нет, и никто не знает. И вот тебе мой совет: не рассказывай об этом репортерам, не то сам не рад будешь.

Франклин ошеломленно поглядел на маленький динамик, который только что произнес эти слова. Выходит, никто его не разыгрывал... Он перебирал в памяти рассказы, которые слышал в баре на Героне — да всюду, где собирались в свободное время смотрители. Тогда он смеялся, но теперь понимает: они говорили правду.

Это робкое эхо, ускользнувшее от гидролокатора... Великий морской змей.

Индра — она по-прежнему работала на полставки в Гавайском аквариуме, когда позволяли домашние дела,— выслушала его рассказ куда спокойнее, чем он ожидал. А когда она заговорила, то и вовсе обескуражила его.

— Постой, о какой именно морской змее идет речь? Нам известно по меньшей мере три различных вида.

— Первый раз слышу.

— Во-первых, гигантский угорь, его видели три или четыре раза, но точно опознать не смогли. А личинок ловили еще в сороковых годах прошлого столетия. Этот угорь достигает шестидесяти футов в длину — чем не Великий Змей! Но особенно великолепна ремень-рыба Regalecus glesne. Ее рыло напоминает лошадиную морду, сверху на голове — ярко-красный султан вроде головного убора индейцев. Тело змееподобное, длиной до семидесяти футов. Сам посуди, можно ли нас удивить, когда мы знаем, на какие чудеса способно море?

— Погоди-ка, а третий вид?

— Он совсем не опознан и не описан. Мы называем его просто «Икс», потому что люди все еще не принимают разговоров о морских змеях. Точно известно одно: это животное, несомненно, существует, оно чрезвычайно скрытно и обитает на большой глубине. Когда-нибудь мы его поймаем, скорее всего — по чистой случайности.

Весь этот вечер Франклин был задумчив. Его преследовала мысль, что, несмотря на все приборы, которые прощупывают море, и непрерывное исследование глубин человеком с подводных лодок, океан все еще хранит — и веками будет хранить — много секретов. Он чувствовал: даже если ему больше не суждено увидеть это существо, его всю жизнь будет преследовать воспоминание о далеком дразнящем эхе, которое так стремительно ушло в свою обитель в морской бездне.

ГЛАВА 13

Почему-то многие считают, что жизнь смотрителя — это сплошная романтика. Франклин никогда не был в плену таких заблуждений, поэтому его не удивило и не разочаровало, что столько времени уходит на долгое, однообразное патрулирование морских далей. Ему это даже нравилось. В походе есть время для раздумий, но некогда грустить. Именно в эти часы, когда Франклин вплотную соприкасался с живым сердцем океана, прошли его последние страхи и окончательно исцелились душевные раны.

Жизнь смотрителя определялась ежегодными миграциями китов, но пути и сроки миграций постоянно менялись, по мере того как все новые участки моря огораживали и превращали в возделываемую ниву. Глядишь, летом смотритель ходит под полярными льдами, а всю зиму курсирует взад и вперед через экватор. Иногда он базируется на береговых станциях, иногда базы плавучие — «Полосатик», «Гринда» или «Кашалот». Один сезон он работает с усатыми китами, которые извлекают пищу из моря, плывя с открытой

пастью сквозь густой планктонный суп. А другой сезон сводит его с их свирепыми родственниками, зубатыми китами во главе с кашалотом. Зубатые киты — не кроткие вегетарианцы; в черной бездне, куда не проникает ни один луч солнца, они выслеживают морских чудовищ и вступают с ними в бой.

А порой смотритель неделями, даже месяцами не видит ни одного кита. Люди и снаряжение использовались не только для присмотра за китами; все организации, связанные в своей работе с морем, рано или поздно шли за помощью в Отдел китов. Иногда это было вызвано каким-нибудь трагическим происшествием: что ни год, подводные лодки не раз и не два выходили на поиски — чаще всего безуспешные — утонувших спортсменов или исследователей.

Были и другие крайности; недаром среди смотрителей ходил анекдот про сенатора, обратившегося в сиднейскую контору с просьбой поднять со дна моря его искусственную челюсть, которую он потерял, попав в сильный прибой. И будто бы ему вскоре же прислали огромную челюсть тигровой акулы и записку с извинением: дескать, это единственная бесхозная челюсть, которую после тщательных поисков удалось обнаружить у Бонди-Бич, где купался сенатор.

Конечно, бывали задания увлекательные, и смотрители состязались за право получить их. Например, в Отделе рыболовства занималась жемчугом небольшая группа с явно недостаточным штатом. И когда у китопасов наступало межсезонье, им разрешали поработать на промысле жемчуга.

В одну такую командировку — в Персидский залив — попал Франклин. Дело было несложное, чем-то напоминающее труд садовода, глубины не превышали двухсот футов, так что подводник пользовался простейшим легководолазным аппаратом на сжатом воздухе, а передвигался с помощью торпеды. Лучшие площади для жемчуга «засевали» избранными сортами; главной задачей было охранять моллюсков от их естественных врагов, прежде всего от морских звезд и скатов. Дав раковинам созреть, их собирали и под-

нимали на поверхность для проверки: одна из немногих операций, которые никак не удавалось механизировать.

Разумеется, найденные жемчужины принадлежали Отделу рыболовства. Но почему-то жены всех смотрителей, которых командировали на эту работу, вскоре начинали щеголять жемчужными ожерельями или серьгами. Индра не была исключением.

Она получила свою нитку жемчуга в день рождения Питера. Снова став отцом, Франклин почувствовал, что старая глава его жизни совсем кончилась. Да нет, неверно это, он не мог — и не хотел — навсегда забыть, что в мире, который для него теперь был так же недосягаем, как планеты самой далекой звезды, Айрин родила ему Роя и Руперта. Но боль от неизбежной разлуки унялась; никакая тоска не может длиться вечно.

Он был только рад — хотя прежде возмущался этим,— что невозможен прямой радиоразговор с кем-нибудь на Марсе, вообще за пределами орбиты Луны. Даже во время наибольшего сближения Земли и Марса радиоволны туда и обратно шли шесть минут; какой уж тут разговор! Так что он не мог вызвать Айрин и ребят к видеофону и обречь себя на мучительное свидание. К Новому году они посылали друг другу магнитозапись, в которой рассказывали о событиях истекших двенадцати месяцев. Тем и ограничивался их контакт, если не считать редких писем, и Франклину этого было достаточно.

Как-то Айрин освоилась со своим вдовством? Конечно, с детьми легче, и все-таки, думал он иногда, хорошо бы ей выйти замуж — лучше и для нее и для него. Но сказать ей так у него не поворачивался язык, и она не заговаривала об этом, даже когда он сам снова женился.

Что она думает об Индре? Еще один трудный вопрос... Вероятно, какая-то доля ревности неизбежна. Недаром Индра, когда у них случались раздоры, давала понять, как неприятна ей мысль, что она вторая женщина в его жизни.

Впрочем, они редко ссорились, тем более после рождения Питера. Супружеская пара представляет собой динами-

чески неустойчивую систему, пока появление первого ребенка не превращает ее из двучлена в трехчлен.

Франклин был вполне счастлив. Чего еще можно себе пожелать? Семья давала ему душевный покой, работа наполняла бытие красками и смыслом, которых он искал — и которые потерял — в космосе. В толще морей оказалось больше жизни и чудес, чем в безбрежных межпланетных просторах, и он все реже тосковал по зрелищу восходящей голубой Земли или серебряных вихрей Млечного Пути, по венчающим долгий перелет напряженным минутам посадки на один из спутников Марса.

Море уже наложило свою печать на его поступки и мысли, как это неизбежно бывает с каждым человеком, который хочет покорить океан и проникнуть в его тайны. Франклин чувствовал себя сродни всем животным, населяющим разные ярусы океана, даже врагам, которых он по долгу службы был обязан истреблять. Но особенно тепло, даже с каким-то мистическим благоговением (которого он немного стыдился) Франклин относился к могучим животным, чья судьба была ему вверена.

Он утешал себя тем, что в душе, наверно, все смотрители испытывают то же самое, хотя ни за что не признаются в этом. Правда, иногда вырвется в разговоре невесть кем придуманный оборот «китовая горячка» — так говорили о китопасе, который вдруг начинал вести себя скорее как кит, чем как человек. Вообще-то без этой способности не станешь хорошим смотрителем, но иногда она проявлялась чересчур сильно. Классическим считался случай (вполне достоверный, спроси кого хочешь!) с одним старшим смотрителем, который каждые десять минут поднимался на своей лодке к поверхности за воздухом; иначе ему казалось, что он задыхается.

Среди всемирной армии подводных специалистов смотрители слыли, так сказать, избранниками (они и сами поддерживали этот взгляд), и к ним шли со всеми необычными делами, за которые больше никто не брался. Бывали задания и слишком рискованные, тогда приходилось отвечать клиенту, чтобы он поискал другого выхода.

Но иногда другого выхода просто не было. В Отделе китов до сих пор вспоминали, как в 2022 году старший смотритель Кирхер вошел в огромный водозаборник охлаждающей рубашки атомного котла, который снабжал энергией половину Южной Америки. В одном из фильтров расшаталась решетка, и ее можно было укрепить только вручную. Обвязавшись вокруг пояса крепкими канатами, чтобы самого не затянуло, Кирхер нырнул в ревущую тьму. Он выполнил задачу и вернулся невредимый, но больше никогда не работал под водой.

Пока что на долю Франклина выпадали только самые заурядные дела, ничего похожего на то, что испытал Кирхер, и он не знал, как поведет себя в подобном случае. Проще всего, если риск окажется чрезмерным, отказаться — это и в контракте обусловлено. Но «пункт о самоубийстве», как его насмешливо называли, был фактически мертвой буквой. Смотритель, который без самой крайней нужды ссылался на него, не навлекал на себя гнева начальства, однако товарищи его после этого не жаловали.

Только на пятом году своей достаточно напряженной, но, в общем-то, довольно однообразной работы Франклин получил поручение, выходящее за пределы его прямого долга. Зато дело было таким, что с лихвой вознаграждало его за долгое ожидание.

ГЛАВА 14

Главный бухгалтер бросил на стол свои таблицы и карты и победоносно взглянул поверх архаичных очков на горстку слушателей.

— Как видите, джентльмены,— сказал он,— всякие сомнения исключены. В этом районе,— он еще раз ткнул пальцем в карту,— убыль кашалотов ненормально велика. Речь идет уже не об обычных отклонениях в численности поголовья. За последние пять лет во время миграций на этом маленьком участке исчезало от семи до одиннадцати китов в год.

Вам, конечно, известно, что у кашалота нет естественных врагов, если не считать косаток, которые иногда нападают на небольших самок с детенышами. Между тем мы совершенно уверены, что сюда уже много лет не проникали косатки; к тому же в числе исчезнувших кашалотов по меньшей мере три крупных самца. На наш взгляд, возможно только одно объяснение.

Глубина здесь немногим меньше четырех тысяч футов. Это значит, что кашалот успевает достигнуть дна и несколько минут уделить охоте, прежде чем он оказывается вынужденным всплыть за воздухом. С тех самых пор, как было установлено, что Pheseter питается почти исключительно кальмарами, ученые задают себе вопрос: может ли кальмар победить напавшего на него кашалота? Чаще всего отвечают — нет, не может, ибо кит намного крупнее и сильнее.

Но нам следует помнить, что до сих пор не выяснено, где проходит предел роста гигантского кальмара. Биологи сообщили мне, что найдены щупальца Bathyteutis Maximus, достигающие в длину восьмидесяти футов. Кроме того, на такой глубине кальмару достаточно продержать кита несколько минут, после чего кашалот уже не сможет вернуться к поверхности, он утонет. И вот года два назад мы выдвинули предположение, что в том районе живет по меньшей мере один редкостно крупный кальмар. Мы... гм... окрестили его Перси.

До прошлой недели Перси был существом гипотетическим. Но несколько дней назад, как вы знаете, на поверхности океана был обнаружен мертвый кит К.87693. Туша его сильно искалечена, вся кожа покрыта характерными следами от присосков и зубцов. Прошу вас посмотреть вот на эту фотографию.

Главный бухгалтер достал из своего портфеля большие глянцевые отпечатки и передал слушателям. На каждом отпечатке был показан участок тела кита, испещренный белыми полосами и кольцами правильной формы. Не совсем уместная на первый взгляд футовая линейка в середине снимка позволяла судить о масштабе.

— Так вот, джентльмены, эти следы от присосков достигают шести дюймов в поперечнике. Думаю, мы вправе сказать, что Перси больше не гипотеза. Спрашивается: как с ним поступить? Он обходится нам самое малое в двадцать тысяч долларов в год. Прошу высказывать предложения.

Некоторое время было тихо, собравшиеся представители задумчиво разглядывали снимок. Наконец заговорил начальник Отдела китов:

— Я пригласил на наше совещание мистера Франклина. Послушаем его. Ваше слово, Уолтер. Справитесь с Перси?

— Справлюсь, если найду его. Но в этом месте очень неровное дно, трудно искать. Обычная подводная лодка не годится, запас прочности мал для такой глубины, особенно если попадешь в объятия Перси. Кстати, что вы думаете о его величине?

Главный бухгалтер, обычно без запинки называвший все цифры, на этот раз помедлил, прежде чем ответить.

— Это не моя оценка,— сказал он, словно извиняясь,— но биологи полагают, что в длину он достигает примерно ста пятидесяти футов.

Кто-то тихонько свистнул, только начальник отдела сохранял невозмутимое выражение лица. Он давным-давно убедился в верности старой истины: какую бы огромную рыбу ни выловили, в море есть еще больше. В среде, где тяготение не ограничивает размеров, животное продолжает расти почти до самой смерти. А гигантский кальмар, пожалуй, лучше всех обитателей моря защищен от любых атак. Даже его единственный враг, кашалот, не может добраться до кальмара, пока тот остается ниже четырех тысяч футов.

— Есть десятки способов убить Перси, когда мы выследим его,— заговорил главный биолог.— Взрывчатка, яд, электрический разряд — выбирайте любой. И все-таки я просил бы по возможности не умертвлять его. Это же одно из крупнейших животных на нашей планете, убить его было бы преступлением.

— Извините, доктор Робертс! — возразил начальник отдела.— Позвольте напомнить вам, что наш отдел занимается

производством продовольствия, а не исследованием и охраной животных. Не считая китов, конечно. И вообще слово «убийство», по-моему, странно звучит в применении к какому-то моллюску-переростку.

Однако выговор начальника явно не произвел особого впечатления на доктора Робертса.

— Я согласен, сэр,— бодро отозвался он,— что наша главная задача — производство, что мы всегда обязаны помнить об экономических факторах. Но ведь мы сотрудничаем с Комитетом научных исследований. И мне кажется, это как раз тот случай, когда можно поработать вместе к обоюдной пользе. В конечном счете мы только выиграем.

— Ну ладно, говорите,— сказал начальник, и в глазах его мелькнула лукавая искорка.

Любопытно, что за гениальный план придумали вместе со своими товарищами из КНИ эти ученые, которые обязаны работать на его отдел.

— Еще никому не удавалось поймать живьем гигантского кальмара по той простой причине, что не было нужного снаряжения. Конечно, эта операция обойдется недешево, но, коль скоро мы все равно задумали охотиться на Перси, дополнительный расход будет не так уж велик. Итак, я предлагаю взять его живьем.

Никто не спросил его, как он собирается это сделать. Если доктор Робертс говорит, что это возможно, значит, у него уже все продумано. Начальник отдела, как обычно, не стал задерживаться на технических деталях операции по подъему с глубины одной мили сопротивляющегося многотонного зверя, его занимало главное.

— Какую часть расходов берет на себя КНИ? И что вы собираетесь делать с Перси, когда поймаете его?

— Мы предоставляем подводные лодки с водителями, КНИ оплачивает добавочное оборудование, но это неофициально. Нам понадобится также плавучий док, который мы брали в прошлом году у ремонтников. В нем помещаются два кита, значит, и кальмару места хватит. Тут будут дополнительные расходы: нужна установка для аэрации

воды, проволочная сетка под электрическим напряжением, чтобы Перси не вылез, еще кое-что. Словом, док может служить лабораторией, пока мы будем изучать кальмара.

— А потом?

— Потом? Продадим его, только и всего.

— Боюсь, что любители домашних животных не кинутся покупать стопятидесятифутового кальмара.

И тут доктор Робертс, словно опытный актер, с небрежным видом пустил в ход свой главный козырь:

— Если мы доставим Перси в добром здравии, Мэринленд готов дать за него пятьдесят тысяч долларов. Столько предложил мне сегодня утром профессор Милтон, когда я разговаривал с ним. Но я уверен, что мы сможем получить больше. Почему бы не выговорить себе процент со сбора? Как-никак это будет величайший аттракцион в истории Мэринленда.

— Мало нам Комитета научных исследований, вы еще хотите втравить нас в сделку со зрелищными предприятиями,— проворчал начальник.— Ну ладно, я не возражаю. Если счетоводы убедят меня, что эта затея не потребует слишком больших расходов, и если не появится никаких других подводных камней, что ж, будем ловить. Разумеется, при условии, что мистер Франклин и его товарищи возьмутся за это. Работать-то им.

— Если у доктора Робертса готов план действий, я охотно с ним поговорю. Проект очень интересный.

Мягко сказано? Да. Но Франклин был не из тех, кто загорается восторгом от каждого нового дела; он давно убедился, что это только приводит к разочарованию. Если операция «Перси» состоится, это превзойдет все, что было за пять лет его работы смотрителем. Да нет, ничего не получится, непременно возникнет какая-нибудь закавыка, и план сорвется.

Он не сорвался. Меньше чем через месяц Франклин вел на дно приспособленную для нового задания дозорную лодку. Следом за ним, в двухстах футах, шел Дон Берли. Впервые после Герона — как давно это было! — Франклин рабо-

тал вместе с Доном. Когда ему предложили выбрать себе напарника, он сразу назвал своего учителя. Такой случай предоставляется раз в жизни, и Дон никогда не простил бы Уолтеру, если бы он выбрал кого-нибудь другого.

Иногда Франклин спрашивал себя, не завидует ли Дон его быстрому продвижению. Пять лет назад Берли был старшим смотрителем, Франклин — зеленым курсантом. Теперь они оба старшие, и Уолтера вскоре ожидает новое повышение. Его это и радовало и не радовало. Франклин вовсе не был лишен честолюбия, просто он знал: чем выше он поднимется по бюрократической лестнице, тем меньше времени сможет уделять морю. Пожалуй, у Дона верный расчет — очень уж трудно представить себе его пришитым к канцелярии...

— Слышишь, включи свет,— прозвучал в динамике голос Дона.— Доктор Робертс просит меня сделать снимок.

— Есть,— ответил Франклин,— включаю.

— Ух ты! Красота какая! Будь я кальмаром, ни за что не устоял бы против тебя. Так, теперь повернись в профиль. Спасибо. Ну картина — первый раз вижу, чтобы рождественская елка шла со скоростью десяти узлов на глубине шестисот саженей.

Франклин усмехнулся и выключил иллюминацию. Идея доктора Робертса очень проста; теперь все дело в том, чтобы проверить ее. Многие глубоководные обитатели наделены светящимися органами, которые, словно созвездия, сияют в вечном мраке. Этот свет они включают, чтобы приманить добычу или свою пару, но и огромные глаза кальмара восприимчивы к нему. Если гигантские кальмары такие умные, какими слывут, говорил себе Франклин, Перси быстро раскусит обман. А может случиться и так: этот свет собьет с толку нырнувшего кашалота, и, хочешь не хочешь, придется схватиться с ним!

До каменистого дна оставалось всего пятьсот футов; на экране гидролокатора ближнего действия его было видно во всех подробностях. Да, картина неутешительная, здесь должно быть несчетное множество впадин, в которых Пер-

си никакими приборами не сыщешь. Но ведь кашалоты его находили — ценой своей жизни. А что по силам Physeter'у, заключил Франклин, посильно и моей лодке.

— Смотри-ка, нам повезло,— заметил Дон.— Никогда не видел тут такой прозрачной воды. Если только не замутим ее сами, видимость будет футов двести.

Это было очень важно: световая приманка Франклина окажется ни к чему, если ее лучи пропадут в мутной воде. Включив наружную телекамеру, он быстро обнаружил притушенный двухсотфутовым расстоянием правый отличительный огонь Дона. Точно, им повезло; это намного упростит их задачу.

Он поймал ближайший маяк и тщательно определил свою позицию. Для большей верности попросил Дона проделать то же самое, и они взяли среднюю величину. После чего друзья, медленно идя на параллельных курсах, принялись придирчиво исследовать морское дно.

Странно было видеть на такой глубине голый камень; обычно дно океана покрыто слоем осадков и ила мощностью в сотни, а то и тысячи футов. Не иначе здесь бывают сильные течения, которые все уносят, подумал Франклин. Правда, прибор не показывал никаких течений; видимо, они были сезонными, связанными с расположенной всего в пяти милях оттуда впадиной Миллера глубиной в десять тысяч футов.

Каждые несколько секунд Франклин включал свои разноцветные огни, потом нетерпеливо всматривался в экран — нет ли реакции. Вскоре за ним шло уже с полдюжины причудливых глубоководных рыб, кошмарные создания двух-трехфутовой длины с огромными челюстями и развевающимися усиками и щупальцами. Видно, огни манили так сильно, что даже вибрации двигателей их не пугали; это хороший признак. Рыбы не поспевали за лодкой, но место отставших тут же занимали новые, и среди них не было двух одинаковых.

Телевизионный экран не так привлекал Франклина, сейчас куда важнее был дальнобойный гидролокатор, который видел все на тысячу футов вперед. Нужно не только высмат-

ривать добычу, но и следить за тем, чтобы не врезаться в скалы и выступы, вдруг возникающие на пути лодки. И хотя скорость не превышала десяти узлов, надо было глядеть в оба. Порой Франклину чудилось, что он идет бреющим полетом над окутанными туманом холмами.

Они отмерили пять миль — ничего! — развернулись на сто восемьдесят градусов и пошли обратно параллельным курсом. «Если даже не найдем его,— утешил себя Франклин,— то хоть заснимем этот участок так, как никто до нас не снимал». У обоих работали самописцы, автоматически нанося на бумажную ленту профиль дна.

— Кто сказал, что это увлекательно? — пожаловался Дон после четвертого поворота.— Я пока даже кальмаренка не увидел. Может быть, мы их всех распугиваем?

— Вряд ли, Робертс уверяет, что они не очень восприимчивы к вибрациям. И вообще, сдается мне, Перси не из робкого десятка.

— Если он существует,— скептически заметил Дон.

— А эти шестидюймовые отпечатки? Кто их, по-твоему, оставил — мыши?

— Постой! — воскликнул Дон.— Ну-ка, взгляни на эхосигнал, азимут двести пятьдесят, дальность семьсот пятьдесят футов. Как будто скала, но мне на миг почудилось какое-то движение.

Опять ложная тревога?.. Нет, эхо и в самом деле размазанное. Честное слово, движется!

— Сбавь скорость до пол-узла,— сказал Франклин.— И отстань немного, а я подберусь поближе к нему и включу свет.

— Необычное эхо! Все время меняется.

— Похоже, это и есть наш Перси. Пошли.

Лодка шла над теряющейся вдали покатой равниной, по-прежнему сопровождаемая любопытной свитой морских драконов. На телеэкране все, что находилось за пределами ста пятидесяти футов, терялось во мгле; дальше лучи ультрафиолетовых прожекторов не проникали. Франклин выключил все наружные огни и продолжал подкрадываться, ориентируясь только по гидролокатору.

На расстоянии пятисот футов эхо приняло вполне определенный облик, когда осталось четыреста футов, развеялись последние сомнения, за триста футов до цели рыбья челядь Франклина вдруг поспешно разбежалась, точно почуяла, что здесь небезопасно. Двести футов... Он включил световую приманку. И, помедлив несколько секунд, нажал клавиши прожекторов и телевизора.

По дну моря шагал лес, лес судорожно извивающихся стволов. Великий кальмар на миг замер, точно осаженный прожекторами: должно быть, он видел их незримый для человеческого глаза свет. Потом молниеносно подобрал щупальца, сжался в плотный обтекаемый ком и ринулся навстречу подводной лодке, пустив на полную мощность свой водомет.

В последний миг кальмар свернул в сторону, и Франклин успел заметить громадный, не меньше фута в поперечнике, глаз. Последовал мощный удар в корпус лодки, и в кабине раздался скребущий звук, словно металл царапали огромные когти. Франклин вспомнил исполосованную шрамами толстую кожу кашалотов; слава богу, его защищала прочная сталь. Было слышно, как рвались провода иллюминации. Ничего, они уже выполнили свое предназначение.

Определить, что сейчас делает кальмар, не было никакой возможности. То и дело лодку сильно встряхивало, но Франклин не пытался отступить. Пока нет прямой опасности, можно и потерпеть.

— Ты не видишь, что он там творит? — жалобно спросил он Дона.

— Вижу: он держит тебя восемью щупальцами, а двумя ловчими тянется ко мне. А как цвет меняет, чудо — не берусь описать. Хотел бы я знать, он в самом деле пытается тебя слопать или это в нем страсть играет.

— Ничего не могу тебе сказать, но мне сейчас кисло. Живей заканчивай съемку, да я выберусь отсюда.

— Сейчас-сейчас, потерпи две минуты, у меня ведь еще киноаппарат... Потом испытаем на нем гарпун.

Эти две минуты показались Франклину очень долгими, но наконец Дон управился со съемкой. Хотя Перси, наверно, успел убедиться, что обнимает не головоногое существо, он пока вел себя далеко не робко. А доктор Робертс еще говорил о пугливости кальмаров!

Дон ловко и метко вонзил жало в самую толстую часть мантии Перси, где оно прочно засело, не причинив моллюску никакого вреда. Неожиданный укол заставил моллюска ослабить свою хватку, и Франклин воспользовался случаем, чтобы дать полный вперед. Шершавые щупальца со скрежетом прошлись по обшивке кормы, лодка вырвалась и устремилась вверх. Хорошо, что не понадобилось оружие, которым на всякий случай обильно оснастили лодку.

Дон последовал за Франклином, и они стали ходить по кругу в пятистах футах над дном, далеко за пределами прямой видимости. На экране индикатора каменистое дно представлялось ровной плоскостью, но теперь посреди нее мерцала яркая звездочка. Вонзенный в Перси маленький световой маяк — неполных шесть дюймов в длину и дюйм в поперечнике — начал работать. Он будет мигать больше недели, прежде чем сядут батареи.

— Запятнали! — ликовал Дон.— Теперь не спрячется.

— Пока не избавится от жала,— осторожно добавил Франклин.— Если он его вытолкнет, начинай все сначала.

— Ты забываешь, кто ставил маяк,— внушительно заметил Дон.— Десять против одного, что он никуда не денется.

— Нет уж,— отпарировал Франклин,— биться об заклад с тобой я не буду, ученый.

До поверхности было еще полмили, и, нацелив нос лодки вверх, он дал предельный ход.

— Не будем больше мучить доктора Робертса, бедняга может заболеть от нетерпения. Да мне и самому хочется посмотреть на твои снимки. Никогда не приходилось играть главную роль в кино, да еще в паре с гигантским кальмаром.

И ведь это, напомнил он себе, только начало. Гвоздь программы впереди.

ГЛАВА 15

— Хорошо быть женатым на женщине, которая не дрожит от страха за тебя, когда ты на работе,— сказал Франклин, предаваясь неге в удобном кресле на террасе.

— Бывает, что дрожу,— призналась Индра.— Не люблю я эти глубоководные затеи. Случись там что-нибудь, и ты пропал.

— Что десять футов, что десять тысяч — утонуть одинаково легко.

— Сам знаешь, что вздор говоришь. Кроме того, я еще ни разу не слышала, чтобы смотритель просто утонул. Когда гибнет китопас, все это происходит далеко не так просто и мило.

— Ну ладно, я зря затеял этот разговор,— виновато сказал Франклин и оглянулся: не слышал ли их Питер.— Но неужели ты всерьез волнуешься из-за операции «Перси»?

— Пожалуй, нет. Мне тоже не терпится увидеть, как вы его поймаете. Еще интереснее, сумеет ли доктор Робертс сохранить его живым в неволе.

Индра поднялась и подошла к книжной полке. Долго рылась в груде бумаг и журналов, наконец извлекла нужную книгу.

— Вот, послушай,— продолжала она,— и учти, что это было написано почти двести лет назад.

Она принялась читать внятно, раздельно, словно перед студентами в аудитории. Сперва Франклин слушал не очень внимательно, но незаметно для себя увлекся.

— «Возникла огромная белая масса, она поднималась все выше и выше над морской лазурью, и казалось, перед носом нашего корабля переливается блеском снежная лавина, только что скатившаяся с гор. Она пролежала так несколько секунд, затем медленно стала погружаться и совсем ушла под воду. Потом снова всплыла и безмолвно застыла, мерцая. "На кита не похоже — и все же это, верно, Моби Дик",— подумал Дэггу. Фантом опять исчез в море, когда же он показался вновь, чей-то крик пронзил каждого, как

ножом, и разогнал дремоту. Негр кричал: "Смотрите! Опять! Вон он всплыл! Прямо на носу! Белый кит! Белый кит!"

Быстро были спущены на воду четыре лодки, в первой сидел Ахаб, и все помчались к добыче. Вскоре она погрузилась. Мы сушили весла, ожидая, когда животное покажется вновь,— и гляди! — оно медленно всплыло еще раз в том самом месте, где исчезло. Все мысли о Моби Дике на время вылетели у нас из головы при виде поразительнейшего из созданий, какие когда-либо являлись человеку из тайников морской пучины. Исполинская рыхлая туша, несколько ферлонгов в длину и столько же в ширину, белесая, сверкающая, лежала на поверхности воды, и множество длинных рук простиралось в разные стороны из ее середины, они крутились, извивались, будто анаконды, готовые схватить все без разбора, что окажется в пределах их досягаемости. Ни переда, ни зада; и никакого подобия чувств или инстинктов; бесформенное, чудовищное, невероятное проявление жизни корчилось среди волн.

С глухим протяжным всплеском оно снова скрылось, и Старбак, не отрывая глаз от изрытой воды, в отчаянии воскликнул: "Лучше бы мне увидеть Моби Дика и сразиться с ним, чем увидеть тебя, белое привидение!"

"Что это было, сэр?" — спросил Фласк.

"Сам великий кальмар, о котором говорят, что редкий китобоец, повстречавший его, возвращался в свой порт".

Но Ахаб ничего не сказал. Развернув лодку, он пошел обратно к судну, и остальные безмолвно последовали за ним».

Индра выдержала паузу и закрыла книгу, ожидая, что скажет муж. Франклин поежился в своем удобном кресле и задумчиво произнес:

— Не помню этот кусок. А может быть, вообще не дошел до него. Очень точно схвачено, только зачем этот кальмар всплыл?

— Наверно, он умирал. Ночью они иногда поднимаются к поверхности, но днем не всплывают, а у Мелвилла сказано, что стояло «голубое ясное утро».

— Допустим, а сколько в нем было, если перевести на футы? Можно сравнить его с Перси? По нашим фото получается, что длина Перси от плавников до кончиков щупалец — сто тридцать футов.

— Выходит, он больше самого большого замеренного синего кита.

— Да, на несколько футов. Но весит, конечно, раз в десять меньше.

Франклин встал и вышел в соседнюю комнату за справочником. Индра услышала, как он негодующе фыркнул.

— Ну что там? — спросила она.

— Тут написано, что ферлонг — устаревшая мера длины, равная одной восьмой мили. Твой Мелвилл несет что-то несусветное.

— Он обычно очень точен, во всяком случае, когда говорит о китах. Но ферлонг... в самом деле странно. И удивительно, что никто до сих пор не обратил на это внимания. Наверно, он хотел написать «фетом». А может быть, наборщик ошибся.

Возможно... Франклин поставил на место справочник и вернулся на террасу в ту самую минуту, когда туда ворвался Дон Берли. Дон поднял Индру на руки, запечатлел у нее на лбу братский поцелуй и бережно опустил ее в кресло.

— Пошли, Уолт! — загромыхал он.— Вещи собраны? Я подброшу тебя до аэродрома.

— Где там Питер прячется? — спросил Франклин.— Питер! Иди сюда, проводи меня, папе пора на работу.

Клубок неукротимой энергии выкатился на террасу и взлетел на руки отца, чуть не сбив его с ног.

— А ты купишь мне кальмала? — крикнул четырехлетний Питер.

— Откуда ты знаешь, за чем я еду?

— Как же, утром в последних известиях передавали, ты еще спал,— объяснила Индра.— И показали отрывок из Донова фильма.

— То, чего я больше всего боялся. Теперь за нами повсюду будут тащиться толпы операторов и репортеров. И непременно что-нибудь сорвется.

— Не бойся, на дно они за нами не пойдут,— возразил Берли.

— Надеюсь... Только ты не забывай, что не у нас одних есть подводные лодки.

— Как ты уживаешься с ним? — обратился Дон к Индре.— Он всегда видит во всем плохие стороны?

— Не всегда,— улыбнулась Индра, отдирая сына от отца.— Два раза в неделю он бывает веселым.

Улыбка сошла с ее лица, когда она проводила взглядом шуршащую приземистую спортивную машину. Индра очень тепло относилась к Дону, видя в нем как бы члена семьи. Иногда он беспокоил ее: до сих пор не женился, не остепенился, нынче здесь, завтра там — неужели его устраивает такая беспорядочная жизнь? С тех пор как они его знают, он все время либо на воде, либо под водой, если не считать бурной отпускной поры, во время которой их дом служит ему базой. Они сами его приглашали и все-таки испытывали замешательство всякий раз, когда приходилось за завтраком вести милую беседу с новой незнакомкой.

Конечно, Франклин и Индра тоже немало разъезжали, но у них всегда было место, которое они могли назвать домом. Сперва — комната в Брисбене, где с рождением Питера кончилась ее короткая, но приятная карьера преподавателя Квинслендского университета, затем — бунгало на Фиджи, с кочующей течью в крыше, которую строители никак не могли выследить; квартира в поселке китобоев на острове Южная Георгия (Индра до сих пор помнила запах отбросов и кружащиеся над разделочным цехом полчища чаек); наконец, этот дом, из которого открывается вид на соседние острова Гавайского архипелага. Четыре места за пять лет — это может показаться многовато, но любая жена смотрителя скажет вам, что это еще ничего.

Индра не очень сожалела о том, что в ее карьере наступил перерыв.

Вот подрастет немного Питер, и можно будет вернуться к научной работе. Она и теперь читала всю специальную литературу, следила за текущими исследованиями. Несколько месяцев назад «Журнал Хрящеперых» поместил ее пись-

мо «О возможных путях эволюции акулы Scapanorhynchus owstoni», и Индра с наслаждением окунулась в полемику с пятью учеными, которые разбирались в этом вопросе.

Пусть даже ее мечты не сбудутся, все равно приятно знать, что в твоих силах преуспеть и тут и там. Так говорила себе Индра Франклин, домашняя хозяйка и ихтиолог, направляясь на кухню, чтобы приготовить поесть своему вечно голодному отпрыску.

Плавучий док переоборудовали так, что конструктор вряд ли узнал бы свое детище. Во всю его длину простерлась укрепленная на изоляторах сетка из толстой стальной проволоки; над сеткой растянули брезентовый полог, чтобы защитить от солнечных лучей чувствительные глаза и кожу Перси. Внутри док освещали только желтые лампочки; впрочем, сейчас широкие ворота в обоих концах огромного бетонного ящика были открыты и пропускали воду и солнечный свет.

С облепленного людьми переходного мостика, возле которого были причалены обе подводные лодки, доктор Робертс давал последние указания водителям.

— Я постараюсь поменьше надоедать вам,— говорил он,— но вы уж сами не забывайте нам рассказывать, что у вас делается.

— Связного репортажа не ждите, нам будет не до этого,— ухмыльнулся Дон.— Но в общем, постараемся. Ну а если что приключится, сразу голос подадим. Ты готов, Уолт?

— Готов,— ответил Франклин, спускаясь в люк.— До свидания, через пять часов увидимся и Перси прихватим, надеюсь!

Они полным ходом пошли вниз; меньше чем через десять минут лодки погрузились на четыре тысячи футов, и на экранах телевизора и гидролокатора открылся знакомый бугристый ландшафт. Но они нигде не видели мигающей звезды, которая должна была выдать Перси.

— Надеюсь, дело не в маяке,— заключил Франклин свой доклад ученым.— Если он вышел из строя, на поиски может уйти не один день.

— Думаешь, он ушел отсюда? — спросил Дон.— Я бы не удивился.

Из мира солнца и света, до которого была почти целая миля, к ним донесся твердый, уверенный голос доктора Робертса:

— Он либо в расщелине прячется, либо закрыт скалой. Вы вот что: поднимитесь футов на пятьсот, чтобы неровности не мешали, и походите на высокой скорости. Радиус действия маяка больше мили, вы его быстро отыщете.

Час спустя голос ученого звучал уже не так уверенно, и реплики, которые доносил вниз гидроакустический передатчик, показывали, что репортеры и операторы телевидения начинают терять терпение.

— Осталось одно место,— сказал наконец Робертс.— Если Перси не ушел совсем из этого района и если маяк работает, ищите его в каньоне Миллера.

— Там пятнадцать тысяч футов,— возразил Дон.— А наши лодки рассчитаны на двенадцать.

— Знаю, знаю. Но ведь он не обязательно на дне сидит. Скорее всего, охотится где-нибудь на склонах. Вы его сразу увидите, если он там.

— Ладно,— отозвался Франклин без особого воодушевления.— Посмотрим. Но если он глубже двенадцати тысяч, мы за ним не пойдем.

На экране гидролокатора на светлой плоскости морского дна четко выделялась черная брешь каньона. Мчась со скоростью сорока узлов, лодки стремительно приближались к цели; Франклину подумалось, что под водой никто не сравнится с ними в ходе. Ему довелось как-то раз лететь на малой высоте в районе Гранд-Каньона, и он помнил, как равнина внизу вдруг оборвалась и разверзся зияющий провал. И хотя он сейчас видел только картинку, нарисованную отражением зондирующих дно импульсов, проход над гранью еще более могучей расселины в морском дне вызвал то же самое чувство.

Звенящий от возбуждения голос Дона прервал его размышления.

— Вон он! В тысяче футов под нами!

— Пожалей мои барабанные перепонки,— пробурчал Франклин.— Я и так его вижу.

Обозначая отвесный склон каньона, середину экрана сверху вниз секла четкая, почти вертикальная линия. А вдоль этой линии ползла крохотная мигающая звездочка, которую они искали. Работяга маяк выдал преследователям Перси.

Они доложили доктору Робертсу. Франклин представил себе, какое ликование царит наверху. Кое-что просочилось к ним вниз через микрофон; наконец Робертс, заметно волнуясь, спросил:

— Как по-вашему, удастся выполнить наш план?

— Попробуем,— ответил Франклин.— Конечно, стенка будет мешать. Надеюсь, в ней нет пещер, Перси не скроется. Ты готов, Дон?

— Командуй, пойду за тобой вниз.

— Мне кажется, мы доберемся до него без моторов. Поехали.

Франклин заполнил водой носовые цистерны и пошел круто вниз, надеясь, что планирует бесшумно. Перси, конечно, научился быть осторожным, он, наверно, обратится в бегство, как только заподозрит неладное.

Кальмар продолжал рыскать вдоль склона. Удивительно, какую пищу он может найти в таком безотрадном, безжизненном на вид месте... Рывками, выталкивая воду из мантийной полости через воронку, Перси двигался вперед и, судя по всему, еще не заметил их.

— Двести футов... Включаю огни,— сказал Франклин Дону.

— Что толку, видимость сегодня меньше восьмидесяти футов.

— Ничего, я ближе подойду. Есть, увидел! Идет на меня!

Франклин не очень-то рассчитывал, что такое умное животное, как Перси, второй раз клюнет на ту же удочку. Но в следующий миг лодку тряхнуло, могучие щупальца сомкнулись вокруг нее, и по корпусу заскребли жесткие когти. Он знал, что ему не грозит никакая опасность, даже самому

сильному животному не смять оболочку, выдерживающую давление в тысячу тонн на квадратный фут, и все-таки ему было не по себе от этого липкого скребущего звука.

И вдруг — тишина. А затем раздался голос Дона:

— Ух ты, вот это зелье, мигом подействовало! Перси в нокауте.

Тут же последовал тревожный возглас доктора Робертса:

— Не переусердствуйте! Он должен двигаться и дышать!

Дон не ответил, он был слишком занят. Выполнив роль приманки, Франклин мог только смотреть, как его товарищ ловко маневрирует вокруг огромного моллюска. Анестетическая бомба совсем оглушила кальмара, и он медленно погружался, вытянув вверх ослабевшие щупальца. Чудовище отрыгнуло свой обед, и из грозного клюва вырвались куски рыбы до фута величиной.

— Ты можешь зайти снизу? — крикнул Дон.— Я не поспеваю за ним, он тонет слишком быстро.

Франклин включил двигатель и заложил крутой вираж. Послышался мягкий стук, словно на тротуар упал сорвавшийся с крыши снег; это пять — десять тонн живого студня легли на подводную лодку.

— Отлично... Держи его. Сейчас я подойду.

Франклин на время как бы ослеп, но по доносившимся снаружи звукам мог себе представить, что происходит.

Наконец Дон торжествующе воскликнул:

— Есть! Можно идти.

Лодка Франклина освободилась от ноши, и он снова видел. Да, Перси попался. Толстая эластичная лента надежно обхватывала его тело в самом узком месте, позади плавников. Стофутовый трос соединял ленту с лодкой Дона, скрытой в подводной мгле. Перси плыл на буксире за лодкой задом наперед, как обычно плавают кальмары. Не будь он оглушен, ему бы ничего не стоило вырваться; теперь же хомут позволял Дону тянуть кальмара в любую сторону. Иное дело, когда Перси начнет приходить в себя...

Франклин сжато описал эту картину терпеливо ожидающим их товарищам. Наверно, его слова сразу идут в эфир;

хорошо бы Индра и Питер слушали сейчас... Но надо следить за Перси: начался подъем.

Они могли идти со скоростью не больше двух узлов, чтобы не сорвался хомут; уж очень тяжела эта огромная скользкая масса. Да и все равно им всплывать три часа — Перси должен постепенно приспосабливаться к перемене давления. Если учесть, что кашалот, который дышит легкими,— а значит, более уязвим,— поднимается с такой же глубины за десять — двадцать минут, это, пожалуй, излишняя предосторожность. Но добыча была слишком редкостная, и доктор Робертс не желал рисковать.

Прошел почти час, они уже достигли отметки три тысячи футов, когда Перси начал приходить в себя. Два самых длинных щупальца, усеянные на конце огромными присосками, целеустремленно зашевелились; ожили чудовищные глаза, способные, казалось, заворожить человека, как это было с Франклином, когда он смотрел в них с расстояния пяти футов. Уолтер тотчас доложил обо всем доктору Робертсу, не подозревая, что говорит лихорадочным шепотом.

Он услышал облегченный вздох.

— Отлично! — воскликнул ученый.— Я уже боялся, что мы его прикончили. Вам не видно, он дышит как следует? Сифон сокращается?

Франклин опустился на несколько футов, чтобы лучше видеть торчащую из мантийной щели кальмара мясистую воронку. Воронка то открывалась, то закрывалась, поначалу неравномерно, затем все ритмичнее и сильнее.

— Превосходно! — обрадовался доктор Робертс.— Значит, он в полном порядке. Если начнет артачиться, угостите его маленькой бомбой. Но только в самом крайнем случае.

Что считать крайним случаем? Сейчас Перси светился красивым голубым светом; его легко рассмотреть даже при выключенных прожекторах. А голубой цвет, говорил доктор Робертс, признак того, что кальмар возбужден. Самая пора действовать.

— Ну-ка, пускай бомбу, Дон, а то он очень уж оживился.

— Есть... Пошла.

Стеклянный шар пересек экран Франклина и пропал вдали.

— Чертова штука, не взорвалась! — крикнул он.— Давай еще одну!

— Есть дать еще одну. Надеюсь, эта сработает, у меня всего пять штук осталось.

Но и вторая наркотическая бомба не взорвалась. Франклин вообще не увидел ее, зато он отметил про себя, что Перси, вместо того чтобы притихнуть, с каждой секундой стано́вится все бодрее. Восемь коротких щупалец (коротких рядом с ловчей парой, достигающей почти ста футов) непрерывно переплетались. Как там у Мелвилла? «Извивались, будто анаконды». Нет, это сравнение, пожалуй, не подходит. Скорее кальмар сейчас напоминает скрягу, этакого подводного Шейлока, который алчно потирает руки, созерцая свои сокровища. Так или иначе, на душе как-то нехорошо от зрелища этих щупалец толщиной около фута, которые шевелятся в двух ярдах от тебя...

— Попробуй следующую,— сказал он Дону.— Если мы его не усмирим, он уйдет от нас.

Франклин облегченно вздохнул — через экран поплыли сверкающие осколки разбитого стекла. Они были бы невидимы в воде, если бы на них не падали лучи его ультрафиолетовых прожекторов. Впрочем, Франклину сейчас было не до того, чтобы размышлять над этим явлением; его занимало лишь то, что Перси перестал разжигать в себе злобу и присмирел.

— Ну что там? — донесся сверху жалобный голос доктора Робертса.

— Это ваше чертово зелье... Две бомбы вхолостую. У меня осталось только четыре. При таком проценте отказов, дай бог, чтобы хоть одна сработала.

— Не понимаю, в чем дело. Мы проверяли механизм в лаборатории, он действовал отлично.

— А вы испытывали его при давлении сто атмосфер?

— Гм... нет. Разве это необходимо?

Возглас, который вырвался у Дона, выразил все, что он думал о биологах, возомнивших себя инженерами. Пять минут всплытие продолжалось при полном молчании. Наконец доктор Робертс, заметно смущенный, снова подал голос:

— Ну, если нельзя положиться на бомбы, пожалуй, стоит прибавить ход. Он очнется минут через тридцать.

— Идет. Я удваиваю скорость. Только бы хомут не соскользнул.

Двадцать минут прошло спокойно, а затем начались осложнения.

— Он опять оживает,— доложил Франклин.— Наверно, скорость повлияла.

— Я этого боялся,— ответил доктор Робертс.— Терпите сколько можно, потом пускайте бомбу. Вряд ли все четыре подведут.

В ту же секунду кто-то еще включился в их сеть.

— Говорит капитан. Наблюдатель заметил кашалотов, дальность две мили. Похоже, идут к нам, проверьте-ка, у нас нет горизонтального локатора.

Франклин включил дальнобойный индикатор и тотчас поймал приметные эхо-сигналы.

— Ничего страшного,— сказал он.— Если подойдут слишком близко, мы их отпугнем.

Переведя взгляд на экран телевизора, он обнаружил, что Перси резвится вовсю.

— Давай бомбу! — крикнул он Дону.— И моли Бога, чтобы не отказала.

— Сегодня я не бьюсь об заклад,— ответил Дон.— Ну как?

— Пустышка. Следующую!

— Осталось три. Пошла.

— Я ее даже не заметил, не сработала.

— Осталось две... А теперь одна.

— Опять холостой. Как нам быть, доктор? Рисковать последней? Боюсь, еще немного — и Перси вырвется.

— У нас нет другого выхода.— Голос доктора Робертса выдавал его тревогу.— Давайте, Дон.

— Есть! — торжествующе крикнул Франклин.— Нокаут! Как вы думаете, надолго?

— От силы двадцать минут, так что вы всплывайте, не мешкайте. Мы как раз над вами. Но не забывайте, что я вам говорил: не меньше десяти минут на последние двести футов. Столько усилий потрачено, не хватало, чтобы все дело испортила баротравма.

— Эй, постойте,— вступил Дон.— Я с этих кашалотов глаз не спускаю. Они прибавили ходу и идут прямо на нас. Должно быть, заметили Перси или маяк, который мы в него вóткнули.

— Ну и что? — отозвался Франклин.— Мы их отгоним нашими... н-да!

— Вот именно, Уолт, ты позабыл: мы не на дозорных лодках. У нас нет сирен. А гул двигателей на кашалота не действует.

Все верно. Хотя лет пятьдесят назад, когда китов чуть не истребили, шума двигателей было бы вполне достаточно. Но с той поры в мире китов сменилось больше десятка поколений; нынешние кашалоты не шарахались от подводных лодок, тем более когда их манил лакомый кусок. В самом деле, Перси сейчас за себя не постоит, как бы кальмара не съели прежде, чем они упрячут его в клетку!

— Мне кажется, мы успеем,— сказал Франклин, озабоченно прикидывая скорость кашалотов.

Никто не мог предусмотреть такой помехи; и ведь во время подводных операций всегда так, непременно на корягу напорешься...

— Пойду побыстрее к отметке двести футов,— снова заговорил Дон.— Там выждем сколько можно — и к доку. Что скажете, доктор?

— Больше ничего не остается. Только не забывайте, эти киты, когда надо, развивают пятнадцать узлов.

— Точно, развивают, но ненадолго, даже если обед из-под носа уходит. Поехали!

Лодки ускорили всплытие, кругом стало светло, и чудовищное давление постепенно ослабло. Наконец они вернулись в узкую зону, доступную подводному пловцу без скафандра. Меньше ста ярдов оставалось до плавучей базы, но эта последняя ступень на пути к поверхности была самой критической. На протяжении двухсот футов давление понижалось с восьми атмосфер до одной. В теле Перси не было замкнутых воздушных полостей, которые могли бы лопнуть при чересчур быстром всплытии, но поди поручись, что никакие внутренние органы не пострадают.

— Киты в полумиле,— доложил Франклин.— Кто сказал, что они не могут долго идти с такой скоростью? Через две минуты будут здесь.

— Не подпускайте их, придумайте какой-нибудь способ,— взмолился доктор Робертс.

— Что вы предлагаете? — не без иронии осведомился Франклин.

— Попробуйте сделать вид, что вы их атакуете; может быть, это заставит их отступить.

«Не смешно»,— подумал Франклин, но выбора не было. Он бросил напоследок еще один взгляд на явно оживающего Перси и пошел средним ходом навстречу кашалотам.

Прямо по носу было три эхо-сигнала — не очень крупные, но это не утешало Франклина. Даже если это самки, каждая из них в десять раз больше слона, а скорость сближения достигала сорока миль в час. И хотя он изо всех сил старался шуметь, проку от этого пока не было.

А тут еще голос Дона:

— Перси просыпается! Зашевелился, я чувствую.

— Идите в док,— скомандовал доктор Робертс.— Мы открыли ворота.

— Будьте готовы закрыть их, как только я отдам трос. Я пройду насквозь, мне вовсе не улыбается быть в одной банке с Перси, когда он смекнет, в чем дело!

Франклин слушал все это вполуха. Три эха угрожающе близко надвинулись на лодку. Неужели киты раскусят его

ложный выпад? Кашалоты едва ли не самые драчливые среди обитателей моря, этим они так же отличаются от своих травоядных родичей, как дикие буйволы от стада премированных гернзеев. Заключительная глава «Моби Дика» написана под впечатлением случая, когда кашалот напал на «Эссекс» и потопил судно; Франклин совсем не мечтал вдохновить современного писателя на продолжение этой книги.

И все же, хотя всего пятнадцать секунд отделяло его от них, он держал прежний курс. Ага, расходятся в стороны! Струсили? Во всяком случае, растерялись. Видимо, шум двигателей сбил настройку их локаторов. Он сбросил ход, и три кита с любопытством закружили вокруг него в ста футах. То́ один, то другой силуэт мелькал на телевизионном экране. Как он и думал, молодые самки; жаль, что они по его милости теперь остались без своей законной добычи — кальмара.

Франклин сорвал атаку кашалотов; остальное зависело от Дона. Судя по коротким и порой не совсем деликатным возгласам, которые вырывались из динамика, ему приходилось нелегко. Перси еще не очнулся совсем, но уже почуял неладное и начал отбиваться.

Последний акт был лучше всего виден с плавучего дока. Дон всплыл в пятидесяти ярдах от него, и тотчас море за кормой лодки превратилось в колышущееся, бурлящее желе. Развив предельную скорость, Дон пошел на открытые ворота. Перси как-то вяло попытался ухватиться за створку щупальцем, словно он чуял, что ему грозит заточение, но разгон был чересчур велик, и щупальце разжалось. Как только кальмар очутился в ловушке, тяжелые стальные ворота стали смыкаться, будто огромные челюсти, и Дон отпустил буксирный конец, прикрепленный к хомуту, который обхватывал тело добычи. Не медля ни секунды, он выскочил из вторых ворот; они уже сдвигались. Весь этот маневр занял меньше пятнадцати секунд.

Когда Франклин вышел на поверхность, окруженный тремя разочарованными, но нисколько не враждебными кашалотами, остальным участникам операции было не до

него. Все до единого — кто с трепетом, кто с торжеством, кто с любопытством, а кто с откровенным недоверием — не отрываясь смотрели на чудовище, которое заметно оживилось с тех пор, как попало в бетонный резервуар. Два десятка труб насыщали воду пузырьками воздуха, и организм Перси быстро освобождался от последних остатков дурманящего снадобья. При свете тусклых желтых ламп гигантский кальмар принялся исследовать свою тюрьму.

Сперва он медленно проплыл из конца в конец прямоугольной коробки, ощупывая стены. Потом два огромных ловчих щупальца поднялись над водой и протянулись к затаившим дыхание людям, которые заполнили галереи дока. Щупальца кальмара коснулись наэлектризованной проволочной сетки и молниеносно отпрянули. Перси повторил эксперимент дважды, прежде чем убедился, что с этой стороны выхода нет. И все это время он не сводил со зрителей-лилипутов взгляда, исполненного, казалось, разума, ничуть не уступающего их интеллекту.

Когда Дон и Франклин поднялись на борт, кальмар как будто уже успел смириться с неволей и даже слегка заинтересовался брошенной ему рыбой. Два смотрителя подошли к доктору Робертсу и с галереи впервые по-настоящему увидели чудовище, которое вытащили из морской пучины.

Они долго рассматривали эти сильные гибкие щупальца стофутовой длины, несчетные присоски с жесткими крючьями, медленно пульсирующий сифон, громадные глаза хищника, вооружение которого превосходило все, что когда-либо видел свет. Наконец Дон высказал мысли обоих:

— Что ж, получайте, доктор. Надеюсь, вы знаете, как с ним управляться.

Доктор Робертс самоуверенно улыбнулся. Он чувствовал себя очень счастливым. Однако в душу его уже закралась тревога. Ученый не сомневался, что справится с Перси; но сумеет ли он столковаться с начальником Отдела китов, когда начнут поступать счета за научную аппаратуру, которую нужно заказать, и за горы рыбы, которую будет поглощать Перси?..

ГЛАВА 16

Руководитель Комитета научных исследований выслушал Франклина с должным вниманием, даже с интересом. Уолтер немало сил потратил, чтобы его речь прозвучала убедительно и обоснованно, а закончив ее, он почувствовал себя неожиданно опустошенным. Он сделал все, что мог; дальнейшее, в общем-то, от него не зависело.

— Мне хотелось бы уточнить несколько вопросов,— сказал министр.— Начнем с самого естественного: почему вы обратились через Всемирный секретариат в КНИ, вместо того чтобы пойти в научно-исследовательский отдел вашего́ Главного управления моря?

Да, вопрос естественный. И щекотливый. Но Франклин ждал его и заранее приготовил ответ.

— Уверяю вас, мистер Фарлан,— ответил он,— я не пожалел сил, чтобы добиться поддержки в Главном управлении. Они заинтересовались, тут и поимка кальмара сыграла свою роль. Но операция «Перси» обошлась куда дороже, чем думали, и пошло: что, да как, да почему... Кончилось тем, что многие ученые ушли от нас в другие управления.

— Знаю, знаю,— сказал с улыбкой министр.— Несколько человек попали к нам.

— Ну вот, и теперь в нашем управлении бесполезно заговаривать об исследованиях, которые не сулят прямой отдачи. Это одна из причин, почему я пришел к вам. И, по чести говоря, тут просто не обойдешься без высших инстанций. Две глубоководные лодки — это же немалый расход, управление не может само его утвердить.

— А если ваше предложение пройдет, вы ручаетесь, что удастся найти людей?

— Конечно. Надо только выбрать правильное время. Заграждение теперь надежно на сто процентов, за последние три года не было ни одной серьезной аварии, так что у нас, смотрителей, не такая уж большая нагрузка, если не считать сезон облавы и боя. Вот я и подумал, что было бы неплохо...

— Использовать расточаемые впустую таланты смотрителей?

— Ну зачем же так резко. Я вовсе не хочу сказать, что у нас в отделе не умеют организовать работу.

— Что вы, что вы,— улыбнулся министр,— я ничего такого не подразумеваю. Но перейдем ко второму вопросу, он более личного свойства. Почему вы так упорно пробиваете этот проект? Наверно, немало времени и сил на него потратили. Наконец, вы, скажем прямо, рискуете навлечь на себя немилость своего начальства, обращаясь непосредственно ко мне.

На этот вопрос и другу было бы нелегко ответить, не говоря уж о незнакомом человеке. Сумеет ли этот господин, занимающий столь высокую должность в государственном аппарате, понять завораживающее действие таинственного эха, виденного на экране гидролокатора всего один раз, да и то несколько лет назад? Должен понять, ведь он — пусть отчасти — ученый.

— Я старший смотритель,— объяснил Франклин.— Но в этом качестве мне осталось служить недолго — не тот возраст: тридцать восемь лет, придется расстаться с морем. И вообще, я любопытный; видно, надо было самому пойти в науку. Мне очень хочется решить эту загадку, хотя надежд на успех совсем мало.

— Да, вам будет нелегко. Эта карта, на которой вы обозначили достоверные наблюдения, покрывает почти половину Мирового океана.

— Я знаю, на первый взгляд это безнадежно, но наши новые гидролокаторы в три раза мощнее прежних, а эхо такого размера сразу бросится в глаза. Не я, так кто-нибудь другой, это теперь только вопрос времени.

— И вам хочется, чтобы это были вы. Что ж, это вполне резонно. Когда пришло ваше первое письмо, я переговорил с нашими биологами, услышал три разных мнения — и ни одного обнадеживающего. Некоторые признают, что такие эхо-сигналы в самом деле наблюдались, но относят их за счет дефектов гидролокатора или особого состояния воды.

Франклин фыркнул:

— Кто сам видел эти эхо, никогда так не скажет. А что касается всяких ложных эхо и дефектов аппаратуры, то уж мы-то их распознаем, это наша обязанность.

— Согласен. Другие считают, что все... скажем так: обычные морские змеи — не что иное, как кальмары, ремень-рыбы и угри, что это их видели ваши дозорные. Их или крупную глубоководную акулу.

Франклин покачал головой:

— Все эти эхо я знаю. А тут совсем другое.

— Третье возражение — чисто теоретическое. В океанской пучине слишком мало пищи, очень крупное, активно передвигающееся животное не прокормится.

— Откуда такая уверенность? Каких-нибудь сто лет назад ученые твердили, что на дне океана не может быть никакой жизни. Но ведь оказалось — чепуха, мы в этом убедились.

— Ничего не скажешь, вы хорошо подготовились. Ладно, посмотрим, что можно будет сделать.

— Большое спасибо, мистер Фарлан. Пожалуй, лучше, чтобы у нас в отделе не знали, что я побывал у вас.

— Мы не проговоримся, да ведь они сами сообразят.

Министр встал, и Франклин решил, что разговор окончен. Он ошибся.

— Постойте, мистер Франклин, не уходите,— сказал министр.— Помогите мне сперва разобраться в одном деле, которое занимает меня уже много лет.

— Какое дело?

— Я до сих пор никак не возьму в толк, как мог смотритель, то есть человек, прошедший специальную подготовку, среди ночи оказаться за Большим Барьером на глубине пятисот футов с одним только обычным аквалангом.

После этих слов, которые сразу меняли их отношения, они долго смотрели молча друг на друга. Франклин усиленно рылся в памяти, но лицо собеседника не вызвало в нем никаких ассоциаций. Это было так давно, после того было столько всяких встреч!

— Вы один из тех, кто вытащил меня? Тогда я в большом долгу перед вами.— Он остановился, потом добавил: — Понимаете, это не был несчастный случай.

— Я так и думал. Тогда все ясно. И раз уж об этом зашла речь, что стало с Бертом Деррилом? Почему-то я ничего не смог узнать о нем.

— Его погубили долги, ведь «Морской лев» не окупал себя. Последний раз я видел Деррила в Мельбурне, он страшно сокрушался: тогда только что отменили таможенные пошлины и честные контрабандисты остались без заработка. Он попытался получить страховку за «Морского льва» — устроил вполне убедительный пожар и недалеко от берега оставил судно. Лодка пошла ко дну, но оценщики не поленились спуститься следом, обнаружили, что перед пожаром было снято все ценное оборудование, и стали задавать капитану неприятные вопросы. Не знаю уж, как он выпутался.

Собственно, на том и кончилась карьера старого мошенника. Он запил, и как-то ночью — это было в Дарвине — ему вздумалось искупаться. Капитан прыгнул с пирса, но забыл про отлив, а там разница уровня достигает тридцати футов. В итоге капитан Деррил сломал себе шею, и многие — не только кредиторы — искренне горевали.

— Бедняга Берт... На Земле будет скучно жить, когда совсем не останется таких, как он.

В устах видного деятеля Всемирного секретариата такие слова, бесспорно, звучали еретически. Но Франклин слушал их с радостью, и не только потому, что сам думал так же. Ему стало ясно, что он неожиданно обрел влиятельного друга и надежды на успех его замысла чрезвычайно выросли.

После этого разговора долго ничего не было слышно, но Франклин и не рассчитывал, что колеса завертятся сразу, а потому не огорчался. Тем более что работы хватало. До периода затишья оставалось целых три месяца, а тут еще на него взвалили ряд не слишком серьезных, но и не очень приятных дел.

Впрочем, к одному случаю эти определения не подходили: на свет божий явилась большеглазая и горластая Энн

Франклин, и Индра начала всерьез сомневаться, что ей удастся продолжить свою ученую карьеру.

Отца не было дома, когда родилась дочь. Во главе отряда из шести подводных лодок он ходил к островам Прибылова; там они устроили облаву на косаток, а то уж очень много их развелось. Франклин и раньше выполнял такие задания, но в этот раз благодаря усовершенствованной технике отряд добился особенно большого успеха. Под водой разносились записанные на ленту голоса тюленей и мелких китов, и притаившиеся лодки ждали убийц.

Косатки сходились сотнями, их били беспощадно. Отряд истребил больше тысячи косаток, прежде чем вернулся на Базу. Работа была тяжелая, порой даже опасная, но хотя Франклин понимал, как это нужно, ему вовсе не нравилась роль ученого мясника. Красота и стремительность этих свирепых охотников втайне его восхищала, и он даже обрадовался, когда добыча пошла на убыль. Похоже было, что горький опыт научил косаток осторожности. Теперь экономистам решать, есть ли смысл повторять эту операцию в следующем сезоне.

Только кончилось это дело и Франклин примчался домой, чтобы излить свою нежность на маленькую Энн (которая даже не признала отца), как его отправили на Южную Георгию. Здесь нужно было выяснить, с чего это киты, которые прежде безропотно заплывали в бойню, вдруг стали подозрительными и никак не хотели входить в электрические шлюзы. Правда, загадка решилась без помощи Франклина. Пока он доискивался психологических факторов, один сметливый молодой инспектор обнаружил, что кровь из перерабатывающих цехов просачивается в море. Неудивительно, что киты, хотя у них обоняние слабее, чем у других морских животных, настораживались, когда движущиеся барьеры подталкивали их туда, где столько их родичей встретили свой смертный час.

Как главный смотритель, которого уже готовили на более серьезные роли, Франклин был теперь, так сказать, разъездным мастером на все руки, и Отдел китов направлял его

всюду, где возникало какое-нибудь осложнение. Его это вполне устраивало, огорчали только частые отлучки из дома. Когда втянешься в смотрительскую работу, обычная дозорная служба и присмотр за стадами быстро теряют привлекательность. Правда, Дон Берли считает свою работу достаточно волнующей и интересной, но ведь он лишен честолюбия да и вообще звезд с неба не хватает. Франклин думал об этом без тени превосходства; речь шла об очевидном факте, который Дон первым был готов признать.

Уолтер находился в Англии (его пригласили на заседание Китобойной комиссии как эксперта-консультанта, и он рьяно отстаивал интересы своего отдела), когда его разыскал по телефону весьма озабоченный доктор Люндквист, сменивший доктора Робертса, который перешел из Отдела китов на гораздо лучше оплачиваемую должность в Мэринленд.

— Только что от Комитета научных исследований пришло три ящика с аппаратурой. На них указано ваше имя, хотя мы ничего такого не заказывали. В чем тут дело?

Ну конечно, этого следовало ожидать; прислали в его отсутствие. И если начальник отдела проведает об этом прежде, чем Франклин успеет подготовить почву, будет фейерверк.

— Слишком долго рассказывать,— ответил он Люндквисту,— а мне через десять минут надо быть в комиссии. Уберите их куда-нибудь до моего приезда, я вернусь и все объясню.

— Надеюсь, здесь не кроется ничего... такого...

— Не беспокойтесь. Послезавтра увидимся. Если Дон Берли появится на Базе, попросите его проверить, что прислали. Документы я подпишу, когда приеду.

Да, задача... Внести в инвентарные списки отдела имущество, которое никто официально не заказывал, так чтобы избежать нежелательных вопросов,— это будет не легче, чем выследить Великого морского змея.

Но он напрасно беспокоился. Его новый могущественный союзник, руководитель Комитета научных исследова-

ний, предвидел возможные осложнения. Аппаратура предоставлялась отделу взаймы; ее надлежало возвратить, как только она освободится. Больше того, начальнику Отдела китов намекнули, что экспедиция задумана КНИ. Поверит он или нет, это его дело, но официально к Франклину нельзя было придраться.

— Раз уж вы в курсе дела, Уолтер,— сказал начальник, когда снаряжение было извлечено из ящиков,— расскажите нам, для чего все это предназначено.

— Это автоматический самописец, только куда совершеннее, чем те, которыми мы в воротах подсчитываем китов. Попросту говоря, мощный гидролокатор с радиусом действия пятнадцать миль, обзор во все стороны, включая морское дно. Неподвижные предметы он отсеивает, записывает только движущиеся эхо. Можно настроить его так, чтобы он регистрировал объекты заданной величины. Например, считал китов больше пятидесяти футов в длину, пренебрегая всеми остальными. Всю сферу он прощупывает за шесть минут, это значит двести сорок циклов в сутки. Словом, мы можем непрерывно получать полные данные о любом нужном районе.

— Хорошо придумано. Очевидно, КНИ хочет, чтобы мы где-то установили прибор и следили за ним?

— Да. И снимали показания раз в неделю. Это и нам очень пригодится. Гм... Они прислали три прибора.

— Вот это размах — что значит КНИ! Нам бы столько денег! Так вы держите меня в курсе дела. Если эти штуки вообще будут работать.

И весь разговор; о морском змее не было сказано ни слова.

Прошло два месяца, а приборы все еще не обнаружили его. Еженедельно патрулирующие поблизости лодки снимали показания. Самописцы стояли на глубине полумили, в точках, которые Франклин выбрал, тщательно изучив все известные наблюдения. Сперва лихорадочно, потом с упрямой решимостью он исследовал сотни футов кинопленки;

шестнадцатимиллиметровая лента по-прежнему оставалась непревзойденным материалом для записи сигналов. Проектируя фильм на экран, он видел тысячи эхо и в несколько минут узнавал все о перемещении морских великанов за много суток.

Пустые кадры преобладали, так как импульсный фильтр был настроен на объекты от семидесяти футов и больше. Франклин рассчитал, что такая настройка исключит всех животных, кроме самых крупных китов и добычи, которую он искал. Когда мимо прибора проходили китовые стада, лента оказывалась испещренной пятнами, и во время просмотра они мчались через экран с неслыханным ускорением. Перед его глазами жизнь моря проходила в десять тысяч раз быстрее, чем в действительности.

После двух месяцев бесплодной работы он уже начал подумывать, что неправильно выбрал место для всех трех приборов, надо переносить их. И наконец решил, что сделает это после очередной проверки, даже наметил, куда именно.

Однако на этот раз Франклин увидел то, что искал. Эхо помещалось у самого края индикатора, и луч развертки только четыре раза захватил его. Памятный, причудливо удлиненный всплеск был отмечен самописцем два дня назад. Итак, улики есть, но еще нет доказательств.

Он перевез в этот район оба других прибора и расставил их в вершинах треугольника с длиной стороны в пятнадцать миль, так что локаторы перекрывали друг друга. Дальше оставалось запастись терпением, ждать, что покажет следующая неделя.

Ожидание оправдалось: через неделю Франклин располагал всем, что было нужно, чтобы начать кампанию. Он получил ясные и неопровержимые доказательства.

Очень крупное животное, слишком длинное и тонкое, чтобы спутать его с известными обитателями моря, жило на глубине двадцати тысяч футов и дважды в сутки — видимо, для охоты — поднималось вверх на половину этого расстояния. Его регулярное появление на экранах самописцев позволило Франклину хорошо представить себе привычки

и маршруты животного. Если только оно не уйдет вдруг из этого района, так что Франклин его потеряет, повторить успех операции «Перси» будет не трудно.

Он упустил из виду, что в море не бывает, не может быть точных повторений.

ГЛАВА 17

— А знаешь,— сказала Индра,— я рада, что это задание — одно из твоих последних.

— Если тебе кажется, что я уже стар...

— Нет, дело не только в этом. Когда ты перейдешь в управление, у нас начнется более нормальный образ жизни, я смогу спокойно приглашать людей на обед, и не надо будет потом извиняться — дескать, мужа срочно вызвали загонять заболевшего кита. И для детей лучше, а то приходится всякий раз объяснять им, что это за чужой дядя иногда появляется в доме.

— Как, Пит, неужели до этого дошло? — Франклин, смеясь, потрепал непокорные черные кудри сына.

— Когда ты возьмешь меня с собой на подводную лодку, папа? — спросил Питер, наверно, в сотый раз.

— Скоро, скоро, как только ты подрастешь и научишься не мешать мне.

— Но когда я вырасту, я, конечно, буду мешать тебе.

— Вполне логичное рассуждение! — сказала Индра.— Я же говорила тебе, что мой ребенок гений.

— Допустим, волосы у него твои,— отпарировал Франклин.— Но почему он тебя должен благодарить за то, что у него под волосами? — Он повернулся к Дону, который издавал какие-то странные звуки, стараясь развеселить Энн. Малютка явно не могла решить, отвечать ли ей смехом или слезами на его усилия; во всяком случае, она пристально изучала этот вопрос.— А ты когда начнешь вкушать сладость домашней жизни? Нельзя же до конца своих дней оставаться почетным дядюшкой.

Дон слегка смутился.

— По чести говоря,— заговорил он с расстановкой,— я как раз подумываю об этом. Мне удалось наконец встретить девушку, которая как будто не против.

— Поздравляю! То-то я смотрю, вы с Мэри частенько встречаетесь.

Дон совсем растерялся.

— Э... гм... нет, это не Мэри. С ней я решил распроститься.

— Вот как,— опешил Франклин.— А кто же тогда?

— Ты вряд ли знаешь ее. Ее зовут Джун — Джун Кертис. Она не из нашего отдела, и это даже лучше. Я еще не совсем уверен, но, скорее всего, на следующей неделе сделаю ей предложение.

— Все ясно,— твердо сказала Индра.— Когда вы вернетесь с вашей охоты, приводи ее к нам на обед, и я скажу тебе наше мнение о ней.

— А я скажу ей, что мы думаем о тебе,— вставил Франклин.— Ведь это только справедливо, верно?

Идя косо вниз в вечную ночь на маленькой глубоководной лодке, Франклин подумал о словах Индры: «Это задание — одно из твоих последних». Она ошибается; хоть его и переводят с повышением на берег, ему еще придется выходить в море, правда, все реже и реже. Во всяком случае, этот поход — его лебединая песня как смотрителя. Он не знал, грустить или радоваться.

Семь лет Франклин скитался в океанах — по году на каждое из семи морей — и изучил обитателей пучины так, как в прошлом нельзя было изучить. Все настроения моря были ему знакомы; он скользил по зеркальной глади и даже на глубине ста футов ощущал мощь штормовых валов. Прекрасное и отвратительное, жизнь и смерть — он видел их во всем их необъятном разнообразии, работая в подводном мире, перед которым суша выглядела безжизненной пустыней. Никому не дано исчерпать все чудеса моря, но Франклин понимал, что пришло время посвятить себя новым задачам.

Он поглядел на индикатор: на месте ли светящаяся сигара — лодка Дона? И с нежностью подумал о том, что их объединяло. Но есть и различия, которые неизбежно будут уводить их друг от друга. Кто бы мог подумать, что учитель и ученик, так настороженно относившиеся друг к другу, станут такими хорошими друзьями?

Да, всего семь лет прошло с тех пор, а он уже с трудом представляет себе, каким был тогда. Великое спасибо психологам; они не только отстояли его разум, но и подобрали работу, которая помогла ему вернуться к деятельной жизни.

От этой мысли до следующей был один шаг. Память попыталась воссоздать образ Айрин и мальчиков (силы небесные, Руперту уже двенадцать лет!). Некогда они были центром его личного мира, теперь стали чужими и, что ни год, все больше удаляются от него. Последняя фотография — годичной давности; последнее письмо Айрин пришло с Марса полгода назад — кстати, он до сих пор не ответил!

Боль унялась давно, Франклина не терзала мысль о том, что он ссыльный на родной планете, и он не томился желанием снова увидеть друзей той поры, когда считал своим царством весь космос. Разве что иногда найдет на него легкая, сладкая печаль, и немножко неловко: почему горе так непостоянно?

Голос Дона прервал эти размышления, правда, Франклин и без того ни на миг не отвлекался от испещренной индикаторами приборной доски.

— Сейчас мы бьем мой личный рекорд, Уолт. Я еще не бывал глубже десяти тысяч футов.

— И еще столько же впереди. А какая разница, если лодка надежная? Немного дольше погружаешься, немного дольше всплываешь. У этих лодок даже на дне Филиппинской впадины будет пятикратный запас прочности.

— Верно, верно, а все-таки психологическая разница есть, что ни говори. Будто ты не чувствуешь веса этих двух миль воды?

Гляди, как фантазия разыгралась — что это с Доном? Обычно Франклин изрекал такие вещи, и друг немедля под-

нимал его на смех. Ну что ж, если Дон раскис, надо выдать ему его же лекарства.

— Ты не забудь сказать мне, когда появится течь, я тебе кину ведро,— предупредил Франклин.— Как только вода поднимется до ушей, повернем обратно.

Не ахти какая острота, но самому Франклину она помогла. Все-таки неприятно, как подумаешь, что давление кругом неумолимо приближается к отметке пять тонн на квадратный дюйм. Ничего подобного он не ощущал на малых глубинах, хотя там тоже могла случиться беда, и с не менее губительными последствиями. Франклин вполне полагался на свою технику, знал, что лодка его не подведет, и все же на душе было так тоскливо, что операция, в которую он вложил столько сил, уже не радовала его.

Через пять тысяч футов прежний пыл вернулся к нему в полной мере. Оба одновременно заметили эхо и наперебой кричали что-то невразумительное, пока не вспомнили наконец о правилах связи. Как только был восстановлен порядок, Франклин дал команду:

— Малый ход! Эта зверюга слишком восприимчива, как бы ее не спугнуть.

— А если заполнить носовые цистерны и погружаться с выключенными двигателями?

— Слишком долго, ведь до него еще три тысячи футов. Да, поставь гидролокатор на минимальную мощность — еще поймает наши импульсы.

Животное плыло, не поднимаясь и не опускаясь, по причудливой траектории вдоль склона очень крутой подводной горы; иногда оно делало бросок влево или вправо, словно в погоне за добычей. Гора вздымалась на четыре тысячи футов со дна моря, и Франклин — в который раз — подумал: как обидно, что самые величественные в мире ландшафты скрыты от глаз человека в океанской пучине! Ничто на суше не сравнится с достигающими в ширину ста миль рифами Северной Атлантики или с огромными провалами в ложе Тихого океана, где отмечены величайшие в мире глубины.

Медленно погружаясь, они миновали вершину, которая на три мили не дотягивалась до поверхности океана. Внизу, теперь уже совсем близко, по-змеиному извивалось таинственное продолговатое эхо. «Вот будет смешно,— подумал Франклин,— если Великий морской змей в самом деле окажется змеей. Да нет, это невозможно — змей с водным дыханием не существует».

Примолкнув, друзья осторожно подкрадывались к добыче. Они знали, что это одна из величайших минут их жизни, и старались ничего не упустить. Дон до последней секунды был настроен скептически, ему казалось, что они найдут какое-нибудь уже известное животное. Но чем больше становилось эхо на экране индикатора, тем сильнее бросалась в глаза его необычность. Да, это что-то невиданное.

Гора нависла над ними; они шли вдоль подножия очень высокой — больше двух тысяч футов — скалы, и меньше полумили отделяло их от добычи. У Франклина чесались руки включить ультрафиолетовые прожекторы, чтобы вмиг решить древнейшую из загадок и прославить в веках свое имя. Так ли уж это важно? (Как тянутся секунды!) Чего уж тут скрывать: конечно важно. Может быть, ему больше никогда не представится такая возможность...

Вдруг без малейшего предуведомления лодка вздрогнула, будто от удара молотом. Одновременно раздался голос Дона:

— Ух ты! Это еще что такое?

— Какой-то кретин занимается взрывами,— ответил Франклин; от злости он даже не ощутил страха.— А ведь я просил всех предупредить о нашем погружении!

— Это не взрыв. Такой толчок... Землетрясение, вот что это такое!

Одно слово — и Франклина захлестнул страх перед бездной, все это время таившийся где-то в глубине души. Чудовищный вес водной толщи разом навалился на его плечи, И бравое маленькое суденышко показалось ему хрупче яичной скорлупы, жалкой игрушкой сил, которых даже самый изощренный ум не укротит.

Франклин знал, что в пучинах Тихого океана, где грунт и вода всегда пребывают в неустойчивом равновесии, землетрясения обычны. Он и прежде, в дозоре, ощущал иногда далекие толчки, но теперь они явно очутились вблизи эпицентра.

— Полный наверх,— скомандовал он.— Это, наверно, только начало!

— Да нам всего пять минут нужно,— возразил Дон.— Давай, Уолт, рискнем.

Франклин и сам колебался. Ведь может случиться, что толчков больше не будет, если напряжение в земной коре разрядилось. Он взглянул на эхо, которое привело их сюда. Ого, как быстро двигается, словно и его испугало внезапное проявление дремлющих сил природы.

— Ладно, попробуем,— согласился он.— Но если это повторится, сразу всплываем.

— Идет,— ответил Дон.— Ставлю десять против одного...

Он не договорил. Новый удар молота был не сильнее первого, зато более длительным. Как будто у океана начались родовые схватки — распространяясь со скоростью больше мили в секунду, между поверхностью и дном метались ударные волны. Франклин выкрикнул: «Вверх!» — и под самым крутым углом, какой допускала конструкция лодки, устремился к «небу».

Но где же оно? Отчетливо видимая плоскость, обозначающая рубеж между воздухом и водой, исчезла с экрана индикатора, ее вытеснила невообразимая мешанина размытых эхо-сигналов. В первую секунду Франклин решил, что толчки вывели из строя гидролокатор, но тут же ему стал понятен страшный смысл этой невероятной картины.

— Дон,— закричал он,— скорей уходи, гора падает!

Миллиарды тонн горной породы, которые громоздились над ними, поползли в пучину. Весь склон откололся, водопад камня рухнул вниз с обманчивой неторопливостью и неотразимой мощью, как лавина в замедленном фильме, но Франклин знал, что через несколько секунд все пространство вокруг него пронижут обломки.

Моторы работали на полную мощность, но Франклину казалось, что он не двигается с места. Даже без усилителей были слышны грохот и гул сталкивающихся глыб. Град обломков, огромные тучи осадков и ила занимали половину изображения; он буквально ослеп. Оставалось только идти прежним курсом и надеяться на чудо.

Что-то глухо ударило в корпус. Лодка застонала и на секунду вышла из повиновения, но ему тут же удалось ее выровнять. А затем Франклин почувствовал, что его подхватило сильное течение, видимо вызванное обвалом. Очень кстати — поток уносил его прочь от горы. Кажется, он выкарабкается!

Но где Дон? Не было никакой возможности различить его эхо в этой свистопляске. Включив на полную мощность коммуникатор, Франклин послал вызов в колышущийся мрак. Молчание... Может быть, Дону просто не до того, чтобы отвечать?

Ударные волны прекратились, теперь уже было не так страшно. Можно не бояться за корпус: вода не раздавит и гора далеко. Течение, пришедшее на помощь двигателям, ослабло; это тоже говорит о том, что лодка достаточно удалилась от обвала, который вызвал его. По мере того как оседали обломки и ил, рассеивалась светящаяся дымка на экране.

Постепенно сквозь мглу беспорядочных эхо-сигналов проступил изуродованный лик горы, и Франклин различил огромный шрам, оставленный лавиной. Дно океана все еще было скрыто в тумане; понадобится не один час, чтобы оно вновь стало видимым, и можно будет судить о разрушениях, вызванных пароксизмом стихий.

Франклин не отрывал глаз от экрана. С каждым оборотом луча искорки помех становились слабее. Муть еще не осела, но все обломки легли на дно. Видно уже на милю... две... три.

И нигде никакого намека на яркое, четкое эхо лодки Дона. Последние надежды рушились: видимость росла, а экран по-прежнему оставался пустым. Снова и снова Франк-

лин слал свой зов в безмолвие; скорбь и чувство беспомощности боролись в его душе.

Взрывом сигнальных гранат он оповестил все гидрофоны в Тихом океане. Сейчас по воде и по воздуху к нему мчится помощь. Франклин сам уже начал поиск, идя по спирали вниз. Но он знал, что все это напрасно.

Дон Берли проиграл свое последнее пари.

Часть вторая
ЧИНОВНИК

ГЛАВА 18

Огромная, во всю стену, карта в меркаторской проекции отличалась своеобразием. Все материки были показаны белым цветом; если верить этому картографу, исследование суши еще не начиналось. Зато моря изобиловали подробностями и переливались множеством огоньков, проектируемых каким-то устройством на карту с обратной стороны. Цветные пятнышки каждый час перемещались, рассказывая опытному глазу о скитаниях основных китовых стад Мирового океана.

За четырнадцать лет Франклин десятки раз видел эту карту, но сегодня он впервые смотрел на нее с такой выгодной позиции. Потому что теперь Уолтер Франклин сидел в кресле начальника Отдела китов.

— Вряд ли мне нужно напоминать вам, Уолтер,— сказал ему, сдавая дела, бывший начальник,— вы принимаете отдел в трудную пору. В ближайшие пять лет придется нам, так сказать, схватиться вплотную с планктонными фермами. Если мы не повысим производительность, скоро белки из планктона будут намного дешевле наших. И это лишь одна из наших проблем. Что ни год — все труднее с кадрами. А тут еще вот это.

Он подтолкнул к Франклину лежавшую на столе папку, Уолтер раскрыл ее и усмехнулся. Знакомое объявление, за

последнюю неделю оно обошло все крупнейшие журналы; должно быть, Комитет по делам космоса ухлопал уйму денег.

На весь разворот — неправдоподобно четкая и красочная картина подводного царства. В кристально чистой толще насмерть бились друг с другом громадные, отвратительные чешуйчатые чудовища, каких Земля не видела с юрского периода. Вспоминая известные фотографии, Франклин должен был признать, что животные нарисованы очень точно; ну а четкость и яркость красок под водой — ладно, не будем придираться, позволим художнику небольшую вольность.

Текст был спокойным, намеренно бесстрастным; выразительный рисунок избавлял от необходимости что-либо приукрашивать. Комитет по делам космоса извещал о срочном наборе молодых людей на должности смотрителей и пищевиков для эксплуатации морей Венеры. Во всей Солнечной системе нет более увлекательной и стоящей работы; жалованье хорошее, спрос с вербуемых не так строг, как, скажем, с космических пилотов и астрогаторов. За кратким перечнем требований, касающихся здоровья и образования, следовал призыв, который Комиссия по Венере твердила уже полгода и который успел порядком намозолить глаза Франклину: ПОМОГИ СОЗДАТЬ ВТОРУЮ ЗЕМЛЮ.

— А мы должны заботиться о том, чтобы благополучно существовала первая,— сказал бывший начальник,— хотя смышленые ребята, которые могли бы прийти к нам, бегут на Венеру. Между нами говоря, я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что Комитет по делам космоса добирается до наших людей.

— Они себе такого не позволят!

— Не позволят? А заявление старшего смотрителя Макрэ с просьбой о переводе? Если не сумеете отговорить его, попробуйте выяснить, почему он решил уйти.

Да, легкой жизни не жди, подумал Франклин. Конечно, он и Джо старые друзья, но можно ли напирать на эту дружбу теперь, когда он стал начальником Макрэ?

— Или вот еще задача: держать в узде ученых. Люндквист даже Робертса перещеголял, работает сразу над полудюжиной безумных затей. Почти все время торчит на Героне. Не мешало бы слетать туда и посмотреть. Я так и не выбрался...

Франклин продолжал учтиво слушать, как предшественник с нескрываемым удовольствием перечисляет все минусы его новой должности. Все это было ему, в общем-то, известно, и мысли его витали далеко. Он думал, как славно будет начать свою новую деятельность официальным визитом на остров Герон, с которым связано столько воспоминаний о начале его работы в Отделе китов; ведь уже лет пять, как не бывал там.

Приезд нового начальника польстил доктору Люндквисту, который простодушно надеялся, что результатом будет рост ассигнований на его работы. Он не радовался бы так, если бы знал, что обратное куда более вероятно. Франклин всей душой был за научные исследования, но теперь, когда он сам утверждал расходы, его точка зрения слегка изменилась. Все, что задумает Люндквист, должно приносить прямую пользу отделу, иначе поддержки ему не будет, разве что он сумеет заинтересовать Комитет научных исследований.

Люндквист был маленького роста, очень живой человек, который своими проворными, порывистыми движениями напомнил Франклину воробья. Неподдельный энтузиаст, каких не много осталось, он сочетал основательную научную подготовку с необузданным воображением — в этом Франклину предстояло скоро убедиться.

Правда, на первый взгляд могло показаться, что в лаборатории идет обыкновенная текущая работа. Франклин провел тридцать скучных минут в обществе двух молодых ученых, которые толковали о новых способах борьбы со всевозможными паразитами, и еле-еле спасся от лекции о родовспоможении китообразным. Несколько больше увлек его отчет о последних работах по искусственному осеменению; он сам когда-то помогал делать первые опыты — не

всегда удачные, но неизменно веселые. Осторожно понюхав комки синтетической амбры, он согласился, что получилось очень похоже на настоящую. Затем, делая вид, что улавливает разницу, прослушал звуковую кардиограмму кита до и после удачной операции на сердце.

Словом, все было в полном порядке и все отвечало его ожиданиям. А потом Люндквист из лаборатории повел его к большому бассейну, предваряя на ходу:

— Думаю, это покажется вам более интересным. Конечно, это пока только эксперименты, но кто знает...

Он взглянул на часы и пробурчал себе под нос:

— Две минуты осталось... Обычно в это время ее уже видно,— перевел взгляд на пролив за рифом и удовлетворенно сказал: — Ага, вот и она!

К острову приближался черный продолговатый бугор. Тут же Франклин увидел короткий, словно обрубленный, фонтан пара, по которому узнают горбатого кита. А вот и второй фонтан, поменьше,— значит, идет самка с детенышем. Киты решительно прошли через узкий проход в коралловом барьере, расчищенный взрывами много лет назад для небольших судов лаборатории, и свернули влево, в освежаемый приливами просторный бассейн; этого бассейна Франклин прежде не видел. Здесь самка и детеныш остановились и стали терпеливо ждать, словно ученые собаки.

Два лаборанта в непромокаемой одежде катили к краю бассейна что-то похожее на огнетушитель.

Люндквист и Франклин поспешили к ним на помощь, и вскоре стало понятно, зачем в ясный, безоблачный день понадобилось так одеваться. Каждый раз, когда киты пускали фонтаны, люди попадали под зловонный душ, и Франклин тоже поспешил облачиться в комбинезон.

Даже смотритель редко видит живого кита так близко и при таких идеальных условиях. Мамаша была длиной около пятидесяти футов и, как и все горбачи, выглядела очень грузной. Никто не назвал бы ее красавицей, усеявшие переднюю грань плавников вздутия только усугубляли картину. Детеныш был около двадцати футов; судя по тому, как беспокойно он сновал вокруг своей флегматичной роди-

тельницы, китенок скверно чувствовал себя в тесном бассейне.

Один из лаборантов что-то крикнул неожиданно высоким голосом, и мамаша повернулась на бок, так что половина ее плиссированного брюха очутилась над водой. Она безропотно позволила накрыть ей сосок большим резиновым стаканом и даже сама помогла процедуре: прибор на баллоне, измеряющий скорость струи, показывал поразительные цифры.

— Ну, вы-то знаете,— сказал Люндквист,— что самка выделяет молоко сильной струей, чтобы не смешивалось с водой. Но совсем маленького детеныша мать кормит иначе, она ложится на бок, и он может сосать над водой. Это облегчает нам дело.

Франклин не услышал новой команды, однако послушная родительница перевернулась на другой бок и подставила для дойки второй сосок. Он посмотрел на прибор: почти пятьдесят галлонов, а молоко все прибывает. Детеныш явно был встревожен; может быть, в воду попало несколько капель молока, и это его взбудоражило. Он даже попытался отбить сосок для себя, и пришлось его прогнать двумя-тремя сильными шлепками.

Франклин смотрел с интересом, но без особого удивления. Он и прежде слышал, что китов можно доить, только не подозревал, что это делается так чисто и проворно. Так в чем же смысл эксперимента? Зная доктора Люндквиста, можно было догадаться.

— Итак,— заговорил ученый, очевидно надеясь, что демонстрация произвела должное впечатление,— мы можем получать от одной самки минимум пятьсот фунтов молока в день, без вреда для развития детеныша. Если же займемся выведением молочных пород, как это делали фермеры на суше, то без труда добьемся и тонны в день. Много, скажете? А я считаю это скромной целью. Ведь коровы лучших пород дают больше ста фунтов молока в день. Но кит весит в двадцать с лишком раз больше, чем корова!

Франклин поспешил остановить поток цифр.

— Хорошо, хорошо,— сказал он.— Я не сомневаюсь, что все это так. И не сомневаюсь, что вы придумали, как из-

бавить китовое молоко от привкуса жира... Спасибо, я уже пробовал. Но как вы будете собирать самок на дойку, тем более что стадо покрывает за год десять тысяч миль?

— Все уже продумано. Это во многом вопрос дрессировки, и мы неплохо набили себе руку, когда приучали Сьюзен выполнять записанные на ленту команды. Вы бывали хоть раз на молочной ферме? Видели, как коровы в назначенный час сами идут к автодоилкам, потом уходят, и все это без участия человека? А киты, честное слово, в сто раз умнее коров и легче поддаются обучению! Я набросал чертежи молочного танкера, который одновременно доит четырех китов и может сопровождать мигрирующие стада. И вообще, теперь мы управляем урожаем планктона, в наших силах совсем прекратить эти миграции. Дадим китам корм в тропиках и будем держать их там постоянно. Уверяю вас, все это вполне осуществимо.

В самом деле, отличная мысль! Не новая, конечно, впервые это было предложено много лет назад, но доктор Люндквист решил наконец перейти от слов к делу.

Мамаша и все еще негодующий отпрыск уже направились в море; за кромкой рифа они затеяли нырять и пускать фонтаны. Глядя на них, Франклин спрашивал себя: неужели через несколько лет он будет смотреть, как сотни морских великанов выстраиваются в очередь у плавучего молокозавода, чтобы сдать по тонне едва ли не самой калорийной пищи на свете? Или это только мечта? Слишком много трудностей, и то, чего удалось добиться в лаборатории с одним животным, может оказаться неосуществимым в открытом море.

— Вот что,— сказал он Люндквисту.— Представьте мне доклад и укажите, какое снаряжение и сколько обслуживающего персонала потребуется для... гм... китовой молочной фермы. Если можете, подсчитайте примерные расходы. Напишите, сколько молока будете надаивать и сколько рассчитываете получить за него от перерабатывающих фабрик. Чтобы у нас была основа для обсуждения. Опыт интересный, но о практической ценности пока судить нельзя.

Сдержанность Франклина заметно огорчила Люндквиста, но он тут же опять воодушевился. Если новый началь-

ник думал, что творческая мысль ученого не идет дальше какого-то там проекта китовой молочной фермы, он ошибался.

— Следующее дело, о котором я хотел поговорить,— начал ученый, идя по дорожке,— у нас пока еще в самом начале. Мне известно, что одна из главных трудностей нашего отдела — нехватка людей. Вот я и попытался придумать, как поднять рентабельность, освобождая людей от шаблонных операций.

— А что тут еще придумаешь, и так уже почти все автоматизировано. И года не прошло, как у нас работала комиссия по рентабельности.

(И отдел до сих пор не может прийти в себя, мысленно добавил Франклин.)

— Я подошел к этому вопросу несколько иначе,— ответил Люндквист.— По-моему, вам это должно быть особенно интересно, вы ведь работали смотрителем. Сами знаете, чтобы загнать большое стадо китов, нужно две, а то и три подводные лодки — одна лодка только распугает их. Меня давно возмущает такое расточительство, ведь одной головы тут вполне достаточно. Роль помощников сводится к тому, чтобы в нужных местах производить нужные звуки, а с этим и машина справится.

— Если вы подразумеваете лодки-роботы,— сказал Франклин,— то это уже испытано — и ничего не вышло. Смотритель не может одновременно управлять двумя лодками, тем более тремя.

— Слышал я об этом эксперименте,— ответил Люндквист.— И если бы взялись как следует, все бы получилось. Но у меня-то задумано совсем другое. Вам что-нибудь говорит слово «овчарка»?

Франклин собрал лоб в складки.

— Припоминаю,— сказал он.— Кажется, так назывались собаки, которые давным-давно, несколько сот лет назад, помогали пастухам охранять стада?..

— С тех пор не прошло и ста лет. И «охранять» — это такая недооценка!.. Я видел фильмы про этих собак, чего только они не умели делать, вы не поверите! Хорошо обученные

овчарки по одному слову пастуха направляли овец туда, куда ему было нужно, разбивали стадо на части, отделяли овцу от остальных, заставляли стадо стоять на месте.

Вы угадали, куда я клоню? Собак мы натаскивали сотни лет, и такие трюки нам уже не кажутся чудом. Я предлагаю перенести те же приемы в море. Известно, что многие морские животные — ну хотя бы тюлени и дельфины — умом не уступают собакам. Но дрессировать их пробовали только в цирках да бассейнах вроде Мэринленда. Вы, конечно, видели, какие штуки делают наши дельфины, знаете, что они привязчивы и дружелюбны. Посмотрите старые фильмы про овчарок, и вы согласитесь: чему сто лет назад могли научить собак, тому мы вполне можем сегодня обучить дельфинов.

— Постойте,— прервал его слегка ошарашенный Франклин.— Давайте разберемся: вы предлагаете, чтобы смотритель, загоняя китов, работал с помощью двух... э... собак?

— Да, в некоторых случаях, не во всех, конечно, все-таки морские животные не сравнятся скоростью и дальностью хода с подводной лодкой. Кроме того, собаки, как вы их назвали, не всегда сумеют проникнуть туда, куда будет нужно. Но я провел кое-какие исследования, и мне кажется, мы сможем сделать труд наших смотрителей вдвое производительнее, когда освободим их от необходимости работать вдвоем и втроем.

— По-вашему,— возразил Франклин,— киты послушаются дельфинов? Да они на них и не посмотрят.

— Так ведь речь идет не о дельфинах, это просто к слову пришлось. Вы совершенно правы, киты их даже не заметят. Тут нужны животные покрупнее, умом не хуже дельфинов и такие, чтобы киты с ними считались. Только одно животное отвечает всем этим требованиям, и я прошу вас разрешить нам отловить и обучить его.

— Продолжайте,— сказал Франклин так смиренно, что даже мало склонный к юмору Люндквист не удержался от улыбки.

— Ну так вот,— продолжал он,— я собираюсь поймать двух косаток и натаскать их, чтобы они работали с кем-нибудь из наших смотрителей.

Франклин представил себе живые хищные тридцатифутовые торпеды, на которых столько раз успешно охотился в студеных полярных водах. Трудновато будет сделать это кровожадное существо покорным слугой человека... Но тут он вспомнил о пропасти, разделяющей овчарку и волка. Древний человек сумел одолеть этот разрыв. Да, это можно проделать снова — был бы смысл.

Если вы не уверены, попросите представить вам доклад, так его когда-то учил один из его начальников. Кажется, с Герона он увезет сразу два доклада, и будет над чем поразмыслить... А вообще-то задумки Люндквиста, хоть они и увлекательны,— дело будущего, а Франклину надо руководить отделом теперь. На первые несколько лет лучше избегать рискованных шагов, сначала нужно освоиться. К тому же, если даже идеи Люндквиста окажутся практически ценными, уйма времени и трудов потребуется, чтобы запродать их тем, от кого зависят ассигнования. «Прошу разрешить мне закупить пятьдесят аппаратов для доения китов». Франклин живо представлял себе реакцию некоторых консервативных кругов. А обучение косаток? Да его просто сочтут сумасшедшим.

...Остров быстро уменьшался, теряясь вдали; самолет нес Франклина домой. (Любопытно: после всех своих скитаний он снова живет на родине, в Австралии.) Почти пятнадцать лет минуло, как он впервые летел здесь с беднягой Доном. Эх, старина, ты бы обрадовался, если бы видел, какие плоды принес в конечном счете твой труд! И профессор Стивенс тоже... Франклин всегда его побаивался, но теперь, будь профессор жив, смог бы спокойно посмотреть ему в глаза. Боль уколола его: он так и не поблагодарил по-настоящему психолога за все, что тот сделал.

За пятнадцать лет — от неврастеничного стажера до начальника отдела. Неплохо. Что дальше, Уолтер? Он не жаждал новых подвигов; очевидно, его честолюбие насытилось. Теперь лишь бы удалось обеспечить Отделу китов мирное, безмятежное будущее.

Для него же лучше, что он не знал, насколько тщетна эта надежда.

ГЛАВА 19

Фотограф уже управился, но молодой человек, который последние два дня тенью ходил за Франклином, явно не исчерпал запас своих блокнотов и вопросов. Стоит ли переносить столько неудобств ради того, чтобы твоя не бог весть какая выдающаяся физиономия, отпечатанная в рамке из китов, красовалась во всех журнальных киосках мира? Франклин сомневался в этом, но у него не было выбора. «Слуга общества принадлежит обществу». Он помнил этот афоризм, который, как и все афоризмы, был лишь наполовину верен. Никто не рекламировал предыдущего начальника отдела; и он тоже мог бы жить незаметно, если бы Отдел информации Главного морского управления не постановил иначе.

— Ваши люди, мистер Франклин,— не унимался молодой представитель журнала «Земля»,— рассказывали мне о вашем интересе к так называемому Великому морскому змею, об экспедиции, во время которой погиб старший смотритель Берли. Что сделано в этой области с тех пор?

Франклин вздохнул. Он боялся, что рано или поздно об этом зайдет речь; хоть бы этот журналист не слишком налегал на змея, когда сядет писать статью.

Франклин подошел к шкафу, где хранился его личный архив, и достал толстую папку с бумагами и фотоснимками.

— Вот, Боб, тут все данные о встречах со змеем,— сказал он.— Пролистайте этот материал, я все время его пополняю. Надеюсь, когда-нибудь загадка разрешится. Можете записать, что увлечение остается увлечением, но последние восемь лет я совсем не мог им заниматься. Теперь все зависит от Комитета научных исследований. У Отдела китов хватает других дел.

Он мог бы еще кое-что порассказать, но воздержался. Если бы вскоре после их трагической неудачи министра Фарлана не перевели из КНИ на другую работу, возможно, удалось бы снарядить вторую экспедицию. Но после катастрофы посыпались обвинения и контробвинения, и о новой экспедиции пришлось забыть — скорее всего, на много лет. Видно, это неминуемо: никому не избежать неудачи

в чем-то очень важном и дорогом, в жизни каждого остается невзятой какая-то заветная вершина, и никакие победы не могут покрыть эту потерю.

— Тогда у меня остался только один вопрос,— заключил репортер.— Что вы скажете о будущем отдела? Есть у вас какие-нибудь интересные долгосрочные планы, о которых вам хочется рассказать?

Опять каверзный вопрос. Конечно, Франклин давно усвоил, что в его положении нужно сотрудничать с печатью, и этот парень за последние два дня стал почти своим человеком в отделе, однако есть вещи, о которых как-то трудно говорить. Недаром, когда Боб отправился на остров Герон, Франклин постарался сделать так, чтобы он не встретил доктора Люндквиста. Правда, журналист увидел опытный образец доильной машины, и она произвела на него должное впечатление, но ему ничего не сказали про двух молодых косаток, которых, не считаясь с расходами и хлопотами, держали в загоне у восточной кромки рифа.

— Что ж, Боб,— начал он с расстановкой.— Цифры вы теперь, наверно, знаете не хуже меня. Мы рассчитываем в ближайшие пять лет увеличить поголовье китов на десять процентов. Если удастся наладить доение — пока что все это только опыты,— перенесем центр тяжести с кашалотов на горбачей. Сейчас мы обеспечиваем двенадцать с половиной процентов всех пищевых потребностей человека. Это возлагает на нас большую ответственность. Я надеюсь довести эту цифру до пятнадцати процентов.

— Попросту говоря, чтобы каждый не меньше раза в неделю ел китовый бифштекс?

— Если хотите, да. Вообще-то люди, сами того не зная, каждый день едят что-нибудь, связанное с китами. Например, когда жарят что-то на сале или мажут хлеб маргарином. Даже если бы мы удвоили нашу продукцию, славы нам от этого не прибавится: наша продукция почти всегда, так сказать, замаскирована.

— Наши художники сделают все как надо. Мы дадим такую иллюстрацию: все продукты, которые потребляет за неделю средняя семья, и на каждом предмете — циферблат

и стрелки, показывающие, какой процент вложили китобойни.

— Очень хорошо. Гм... кстати... вы уже решили, как обзовете меня?

Репортер осклабился.

— Это зависит от редактора. Я постараюсь уговорить его ни в коем случае не писать «китопас». Такой затасканный штамп...

— Поверю, когда увижу статью. Каждый журналист клянется не писать «китопас» — и еще ни один не устоял против соблазна. Да, вы не скажете, когда выйдет статья?

— Если не помешает какой-нибудь другой материал, примерно через месяц. Но сперва вы, конечно, получите гранки. Это будет не позже следующей недели.

Франклин проводил репортера через приемную; ему было даже жалко расставаться с занимательным собеседником, который, хоть и задавал иногда щекотливые вопросы, с лихвой возмещал это своими рассказами о знаменитейших людях планеты. Кажется, Франклин теперь сам попал в их число: не меньше ста миллионов человек прочтут очередной очерк в серии «Интервью Земли».

Статья, как и было обещано, появилась через месяц — дельная, живо написанная, и всего одна ошибка, совсем пустячная, Франклин сам не заметил ее в гранках. Превосходный фотоматериал, особенно хорош был сосущий мамашу китенок. Сразу видно, что снимок сделан с риском для жизни после долгой охоты. Зачем читателю знать, что фотограф снял этот кадр в бассейне на острове Герон, не замочив при этом даже ног?

Если исключить идиотский каламбур под фотографией на обложке («Наш Кит Китыч» — это надо же!), Франклин был доволен; его чувства разделяли все сотрудники отдела, Главного морского управления и даже Всемирной организации продовольствия. Разве мог кто-нибудь предполагать, что эта самая статья навлечет на Отдел китов величайший в его истории кризис.

И дело вовсе не в недостатке прозорливости. Иногда можно предвидеть будущее и загодя принять нужные меры, но бывает и так в человеческой практике, что события, как будто ничем не связанные между собой,— словно они происходят в разных мирах,— оказывают друг на друга прямотаки ошеломляющее воздействие.

Полвека потребовалось, чтобы Отдел китов достиг своего нынешнего размаха: двадцать тысяч сотрудников, общая стоимость снаряжения — больше двух миллиардов долларов. Одно из звеньев построенного на научной основе мирового государства, наделенное соответствующим авторитетом и властью.

И вот его до самого основания потрясли добрые слова человека, который жил за полтысячелетия до нашей эры.

Первые признаки надвигающейся бури застигли Франклина в Лондоне. Вообще-то работники аппарата Всемирной организации продовольствия нередко обращались к нему через голову его непосредственных начальников в Главном морском управлении. Но на этот раз сам генеральный секретарь ВОП вмешался в текущие дела Отдела китов, заставив Франклина все бросить и отправиться за тридевять земель, в маленький цейлонский городишко с каким-то головоломным названием.

К счастью, лето в Лондоне выдалось жаркое, и, когда оказалось, что в Коломбо жарче всего на каких-нибудь десять градусов, это было не трудно перенести. В аэропорту его встречал местный представитель ВОП, явно чувствующий себя очень удобно в прохладном саронге — одежде, которую теперь признали даже самые консервативные европейцы. Франклин поздоровался с должностными лицами, облегченно вздохнул, не увидев репортеров, способных рассказать ему о его задании больше того, что он сам знал, и быстро прошел к самолету местной линии, на котором ему предстояло покрыть последние сто миль.

— А теперь,— сказал он, когда внизу замелькали аккуратные многоугольники автоматизированных чайных план-

таций,— введите меня, пожалуйста, в курс дела. С какой стати вдруг понадобилось срочно гнать меня в эту Анна...

— Анурадхапура. Разве генеральный секретарь вам не объяснил?

— Мы с ним виделись всего пять минут в Лондонском аэропорту. Так что давайте все с самого начала.

— Тогда слушайте. Это назревало вот уже несколько лет. Мы сигнализировали, но начальство отмахивалось — мол, пустяки. А тут в «Земле» появилось ваше интервью, и дело приняло серьезный оборот. Маханаяке Тхеро — он пользуется огромным влиянием на Востоке, вы еще не раз услышите о нем — прочел статью и сразу же попросил нас помочь ему ознакомиться с работой Отдела китов. И мы не можем ему отказать, хотя нам отлично известно, что у него на уме. Он захватит с собой кинооператоров и соберет материал для решительного пропагандистского наступления против отдела. Потом, когда эта кампания сделает свое дело, потребует референдума. И если итог будет не в нашу пользу, нам придется очень туго.

Кусочки мозаики легли на место, теперь картина была ясна. На секунду Франклин подосадовал, что его оторвали от дела и послали в такую даль из-за какого-то вздора. Правда, те, кто отправил его сюда, не считают это вздором; вероятно, они лучше его представляют себе силы, которые введены в бой. Глупо недооценивать могущество религии, пусть даже такой миролюбивой и терпимой, как буддизм.

Всего сто лет назад это было бы немыслимо. Но коренные политические и социальные перемены последних десятилетий подготовили почву. Три главных конкурента буддизма потерпели крах, и среди всех религий он один еще сохранял заметную власть над умами.

Христианство, не успев оправиться от ударов, нанесенных ему Дарвином и Фрейдом, было окончательно добито археологическими открытиями конца двадцатого столетия. Индуизм с его изумительным пантеоном богов и богинь был обречен на гибель в век научного рационализма. И наконец, мусульманство, подорванное теми же факторами, совер-

шенно утратило престиж, когда восходящая звезда Давида затмила тусклый полумесяц Пророка.

Эти три веры не исчезли окончательно, однако их былой власти пришел конец. Только учение Будды, заполнив вакуум после других верований, ухитрилось не только сохранить, но и укрепить свое влияние. Буддизм — не религия, а философия, он не основан на откровениях, которые может разрушить молоток археолога, поэтому удары, сокрушившие прочих великанов, не причинили ему ущерба. Его огромное здание было очищено внутренними реформами, но фундамент остался в неприкосновенности.

Франклин отлично знал, что одно из основных правил буддизма — уважение ко всему живущему. Правда, мало кто из буддистов понимал этот закон буквально, и они охотно пускали в ход софизм — мол, не грех есть мясо животного, убитого другим. Однако в последние годы стали добиваться, чтобы этот принцип соблюдался строже, а посему вегетарианцы и мясоеды повели нескончаемые споры, полные всевозможных словесных хитросплетений. Но Франклину никогда не приходило в голову, что эти раздоры могут практически повлиять на работу Всемирной организации продовольствия.

— Теперь расскажите мне,— попросил он, скользя взглядом по убегающим назад зеленым пригоркам,— что за человек этот Тхеро, с которым вы собираетесь меня познакомить.

— Тхеро — это титул, что-то вроде архиепископа. Его настоящее имя Александр Бойс, он родился в Шотландии шестьдесят лет назад.

— В Шотландии?

— Да, он первый европеец, достигший вершин буддийской иерархии, и это далось ему нелегко. Один мой друг, бхикку, то есть монах, однажды с горечью сказал мне, что Маха Тхеро — самый настоящий старейшина пресвитерианской общины, только он родился с опозданием на пятьсот лет, вот и взялся преобразовать буддизм, а не свою шотландскую церковь.

— А как он вообще попал на Цейлон?

— Хотите верьте, хотите нет, он тогда работал на киностудии на какой-то второстепенной должности. Ему было около двадцати. Рассказывают, будто он приехал в пещерный храм Дамбулла, чтобы запечатлеть на киноленте умирающего Будду, и был обращен. За двадцать лет он стал большим человеком, и почти все реформы, которые последовали затем, связаны с его именем. Двух тысячелетий довольно, чтобы загнила любая религия, потом истоки надо чистить. На Цейлоне этим занялся Маха Тхеро, он изгнал индуистских богов, которые просочились в храмы.

— И теперь ищет, какие еще миры покорить?

— Да, похоже на то. Притворяется, будто ему нет дела до политики, хотя уже свалил два-три правительства мановением своего мизинца. У него тьма последователей на Востоке. Его программу «Голос Будды» слушают несколько сот миллионов человек, а общее число сочувствующих определяют в один миллиард; правда, они не во всем с ним согласны. Теперь вы понимаете, почему мы считаемся с Маха Тхеро?..

Так вот кто скрывается за странным титулом! Франклин вспомнил, что года два или три назад «Земля» посвятила большую статью преподобному Александру Бойсу. (Так что их даже что-то объединяет.) Жаль, он не прочел эту статью, но тогда она его вовсе не интересовала, ему даже не запомнился портрет.

— Это кроткий с виду, небольшого роста человек,— рассказывал представитель,— с ним очень легко ладить. Вы убедитесь в его дружелюбии и сговорчивости, но уж если он что решит, то все препятствия со своего пути сметет, как движущийся ледник. Нет-нет, он отнюдь не фанатик. Если вы докажете необходимость ваших действий, он не будет мешать, хотя бы в душе и не одобрял их. Его никак не устраивает кампания за большее производство мяса, которую мы здесь развернули, но он понимает, что все не могут быть вегетарианцами. Со своей стороны, и мы пошли на уступки, отказались от мысли строить мясокомбинаты в священных городах, как было задумано сначала.

— Почему же он вдруг заинтересовался Отделом китов?

— Видно, решил, что на каком-то рубеже надо давать бой. А вам разве не кажется, что китов нельзя ставить в один ряд с другими животными? — Представитель сказал это не совсем уверенно, словно ожидал отрицательного ответа, даже усмешки.

Франклин промолчал. Он сам двадцать лет искал ответа на этот вопрос; по счастью, открывшаяся внизу картина избавила его от необходимости что-либо говорить.

Здесь некогда был величайший город мира, город, рядом с которым Рим и Афины в пору их расцвета показались бы деревнями, город, который по числу жителей и размерам уже две тысячи лет спустя превзошли только такие города, как Нью-Йорк и Лондон. Цепь огромных искусственных озер — до мили в поперечнике — окружала древнюю резиденцию сингальских королей. С воздуха особенно бросался в глаза резкий контраст между старым и новым в современной Анурадхапуре. Тут и там между ажурных красочных строений двадцать первого столетия выделялись могучие купола огромных дагоб. Самолет прошел совсем низко над самой большой из них — Абхаягири. Кирпичная кладка купола давно поросла травой, даже мелкими деревцами, и теперь великолепный храм казался попросту горкой, из которой торчал сломанный шпиль. Из всех пирамид, сооруженных фараонами на берегу Нила, только одна превосходила размерами эту «горку».

Франклин побывал в местной конторе ВОП, побеседовал с управляющим, изрек несколько банальных фраз пронюхавшему о его прибытии репортеру, не торопясь перекусил — и после всего этого сказал себе, что все ясно. Если разобраться, это рядовая задача из области рекламы и информации. Что-то в этом роде было три недели назад, когда одна падкая на сенсации и не слишком склонная к точности газета напечатала статью о способах боя китов и на Франклина набросилось около дюжины обществ по борьбе с жестокостью. Была назначена комиссия, она живо разобралась и отвергла все обвинения, так что никто не пострадал, кроме сотрудника газеты, готовившего статью.

Но, глядя через несколько часов на устремленный ввысь золоченый шпиль Руанвели-дагобы, Франклин чувствовал себя уже не так уверенно. Исполинский белый купол был очень искусно восстановлен, ни за что не скажешь, что его заложили почти двадцать два столетия назад. Статуи слонов в натуральную величину окружали мощеный дворик храма, образуя стену длиной более четверти мили. Искусство и вера, объединившись, создали один из мировых шедевров архитектуры. Все здесь дышало древностью. «Многие ли творения современного человека доживут в такой сохранности до 4000 года?» — спросил себя Франклин.

Солнце раскалило огромные плиты; хорошо, что, разуваясь у ворот, он не снял носки. У подножия купола — вздымающейся к ясному синему небу ослепительно белой горы — стояло одноэтажное современное здание. Его строгие линии и светлые пластиковые стены отлично сочетались с произведением архитекторов, умерших за сто лет до нашей эры.

Бхикку в шафрановом облачении провел Франклина в уютный и опрятный кабинет Тхеро, где царил искусственный климат. Такой же кабинет мог быть у любого официального лица в любой части света, и преследовавшее Франклина с той минуты, как он вошел в дворик храма, чувство неловкости, которое было вызвано непривычной обстановкой, поумерилось.

При виде гостя Маха Тхеро встал. Он и впрямь был невысокого роста, всего лишь по плечо Франклину. Блестящая бритая голова как-то обезличивала его, трудно было угадать, что он думает, еще труднее определить, какого он склада человек. С первого взгляда он не производил сильного впечатления, но тут же Франклин вспомнил, сколько малорослых людей было среди деятелей, которые потрясли мир.

Хотя Маханаяке Тхеро покинул родину сорок лет назад, шотландский акцент остался. В таком окружении он звучал совсем странно, даже забавно, но через несколько минут Франклин перестал его замечать.

— Вы очень добры, мистер Франклин, проделали такой путь, чтобы встретиться со мной,— приветливо произнес Тхеро, пожимая ему руку.— Признаюсь, я не ждал, что моя просьба будет рассмотрена так быстро. Надеюсь, я вам не причинил хлопот?

— Нет-нет,— бодро ответил Франклин.— Должен сказать вам,— добавил он уже более искренне,— здесь все так ново для меня, что я только рад этому путешествию.

— Отлично! — воскликнул Тхеро с радостью в голосе.— Я тоже предвкушаю путешествие на вашу Базу на Южной Георгии. Не знаю, правда, придется ли мне по душе тамошняя погода.

Франклин вспомнил свои инструкции: «Если можно, отговорите его, но не перегибайте палку». Что ж, кажется, самая пора делать первый ход.

— Вот об этом самом я и хотел поговорить с вами, ваше преподобие,— начал он, надеясь, что выбрал правильный титул.— Сейчас на Южной Георгии в разгаре зима, цехи, по сути дела, законсервированы до весны. По-настоящему работа развернется месяцев через пять.

— Как же я не подумал об этом! Да-да... Понимаете, я еще никогда не бывал в Антарктике и давно мечтаю об этом. А тут, можно сказать, предлог появился. Ну ладно, тогда остается какая-нибудь из северных баз. Что вы посоветуете — Гренландию или Исландию? Назовите самое удобное для вас место. Мне вовсе не хочется затруднять вас.

Последние слова Маха Тхеро обезоружили Франклина еще до начала боя. Он сразу уразумел, что такого противника не перехитришь и не собьешь с толку,— придется сопровождать этого Тхеро, не отставая от него ни на шаг; авось обойдется...

ГЛАВА 20

Над широким заливом вырастали пышные султаны пара — огромное стадо неуверенно ходило по кругу; неуверенно не потому, что было насторожено голосами, которые зазвали его в эту бухту между гор, а потому, что не знало зачем.

Киты привыкли всю жизнь выполнять приказы в виде вибраций или электрических импульсов, отдаваемые маленькими существами, которых они признали своими повелителями. Они давно убедились, что приказы эти не приносят им вреда, напротив, часто приводят на богатые пастбища, которых киты сами не отыскали бы, так как весь опыт и наследственная память говорили им, что эти участки моря должны быть бесплодными. А иногда маленькие повелители обороняли их от косаток, отгоняли кровожадную шайку, не давая тем разорвать на клочки свою добычу.

Киты не ведали ни врагов, ни страхов. Не первое поколение бороздило Мировой океан, живя в сытости и довольстве, какого никогда не испытывали их предки. Благодаря заботе своих хозяев они за полвека прибавили в среднем десять процентов в росте и тридцать процентов в весе.

В эти самые дни в Гольфстриме резвился со своей супругой и новорожденным детенышем глава всего племени стопятидесятидвухфутовый синий кит С 69322, более известный под кличкой Левиафан. В прежние эпохи он не смог бы достичь таких размеров; конечно, этого не докажешь, но, по-видимому, он был самым крупным животным в истории Земли.

Неразбериха мало-помалу сменилась порядком, когда электрическое поле повело стадо по незримым коридорам. За электрическими барьерами были бетонные, и дальше киты один за другим шли по четырем параллельным дорожкам. Автоматы измеряли и взвешивали каждого, недомерков отделяли и возвращали в море, а они, слегка озадаченные всей этой процедурой, и не замечали, как сильно поредели их ряды. Те, которые прошли контроль, доверчиво плыли по двум дорожкам, ведущим в широкий и мелкий залив. Еще не во всем можно было положиться на машины, и тут люди следили, чтобы не было ошибок, проверяли животных и записывали в книгу номера тех, которые выходили из залива в последний, очень короткий путь — на бойню.

— С 52111 идет,— сказал Франклин Тхеро; они стояли в кабине наблюдательного поста.— Семидесятифутовая самка родила пять детенышей, ее зрелая пора уже позади.

За его спиной бесшумно работали кинокамеры в руках обритых наголо и облаченных в шафрановые рясы операторов, мастерство которых так удивляло Франклина, пока он не узнал, что они учились в Голливуде.

Животные ничего не подозревали и, скорее всего, даже не чувствовали легкого прикосновения гибких медных пальцев. Вот кит спокойно плывет по загону, миг — и это безжизненная туша, еще двигающаяся вперед по инерции. Пятьдесят тысяч ампер молнией пронзали сердце, не оставляя времени для предсмертных судорог.

В конце загона исполинская туша попадала на широкую ленту транспортера. Короткий подъем — и кит ложился на вращающиеся валики, которые терялись вдалеке.

— Самый длинный в мире конвейер такого типа,— сообщил Франклин; он был вправе гордиться.— Его грузоподъемность десять китов, то есть около тысячи тонн. Мы всегда размещаем разделочные цехи минимум в полумиле от загонов. Конечно, это влечет за собой дополнительные расходы и затрудняет нам выбор места для боен. Зато можно не опасаться, что китов напугает запах крови. Согласитесь: ток умертвляет их мгновенно, и животные до последней секунды не проявляют никакой тревоги.

— Верно,— сказал Тхеро.— Все происходит очень гуманно. Кстати, с китами, наверно, было бы трудно справиться, если бы они пугались? Или вы сделали бы то же самое только ради того, чтобы пощадить их чувства?

Каверзный вопрос, Франклин не знал, как лучше на него ответить; и за последние дни он не раз оказывался в таком положении.

— Вероятно, это зависело бы от ассигнований,— медленно произнес он.— А их в конечном счете утверждает Всемирная ассамблея. Наша доброта зависит от финансовых органов. Но ведь ваш вопрос чисто теоретический.

— Безусловно, однако есть и другие, не столь теоретические вопросы,— отозвался преподобный Бойс, провожая задумчивым взглядом восемьдесят тонн мяса и костей, увлекаемых вдаль рольгангом.— Может быть, мы вернемся в

машину? Мне хотелось бы посмотреть, что происходит на том конце.

«А я,— мрачно подумал Франклин,— не прочь посмотреть, как вы и ваши коллеги к этому отнесетесь». Большинство посетителей выходили из разделочных цехов бледные и слегка потрясенные; кое-кто падал в обморок. В Отделе китов стало ходячей остротой, что наглядный урок — как производят пищевые продукты — на много часов отбивает аппетит любому непосвященному.

За сто ярдов они ощутили зловоние. Уголком глаза Франклин заметил, что молодому бхикку, который нес звукозаписывающий аппарат, уже не по себе; но Маха Тхеро держался как ни в чем не бывало. Он и пять минут спустя оставался таким же спокойным и бесстрастным, созерцая смердящий ад, где исполинские туши превращались в горы мяса, костей и внутренностей.

— Позвольте напомнить вам,— сказал Франклин,— что почти двести лет эту работу делали вручную, подчас в штормовую погоду на кренящейся палубе. И теперь неприятно смотреть, а вы представьте себе, что сами орудуете вон там внизу ножом длиной с метр!

— Что ж, представить можно,— ответил Тхеро,— а впрочем, не стоит.

Он повернулся к операторам, отдал им какие-то распоряжения, потом стал внимательно наблюдать, как рольганг подает следующего кита.

Фотоэлектрические глаза уже прощупали могучую тушу и сообщили все данные счетной машине, которая управляла операцией. Этот секрет был всем известен, и все же нельзя было без содрогания смотреть, с какой точностью ножи и пилы раздвигают свои суставы, делают в нужных местах надрезы и снова прячутся. Громадные пальцы захватывали футовый слой жира и сдирали его, как снимают кожуру с банана, а голая окровавленная туша скользила дальше.

Конвейер двигался со скоростью шагающего человека, и кит был рассечен на части на глазах у зрителей. Куски мяса величиной со слона уходили вниз по боковым слипам; в облаке костной пыли вгрызались в ребра циркулярные

пилы; оттаскивались в сторону набитые тоннами рачков и планктона сообщающиеся мешки внутренностей.

Меньше двух минут понадобилось, чтобы превратить владыку морей в кровавые куски, которые опознал бы только специалист. И кости не пропали: в конце конвейера распиленный скелет упал в яму для размола на удобрение.

— Тут конец линии,— объяснил Франклин,— но переработка только начинается. Нужно извлечь жир из ворвани, которую отделили на первой стадии. Мясо разрезают на более удобные порции и стерилизуют — для этого у нас есть интенсивный источник нейтронов. И еще около десятка основных продуктов надо отделить и упаковать для перевозки. Я готов показать вам любой цех. Это будет не такое кровавое зрелище, как то, что мы видели сейчас.

Тхеро постоял в раздумье, просматривая записи, которые сделал своим чрезвычайно мелким почерком. Потом повернулся лицом к протянувшемуся на четверть мили залитому кровью конвейеру; из загона уже катилась следующая туша.

— Боюсь, один эпизод получился не так, как надо,— сказал он с внезапной решимостью.— Если вы не против, вернемся к началу и пройдем еще раз.

Франклин поймал на лету аппарат, оброненный молодым бхикку.

— Спокойно, сынок,— подбодрил он монаха.— Лиха беда начало. Через несколько дней вы будете удивляться, почему новички жалуются на дурной запах.

Вообще-то сомнительно, но работники завода поклялись ему, что это так и есть. Только бы преподобный Бойс в своем непомерном рвении не предоставил ему случая проверить это...

— А теперь, ваше преподобие,— сказал Франклин, когда самолет взмыл над заснеженными вершинами и началось обратное путешествие в Лондон и на Цейлон,— разрешите спросить вас: что вы собираетесь делать с материалом, который собрали?

За эти два дня священник и администратор научились уважать друг друга, между ними даже возникло что-то вроде

дружбы; на взгляд Франклина, это было так же неожиданно, как приятно. Он считал, что неплохо разбирается в людях (кто так не считает?), но не мог раскусить до конца Маханаяке Тхеро. И не огорчался: подсознательно Франклин чувствовал, что этот человек воплощает не только силу, но и — никуда не денешься от этого избитого, невыразительного слова — добро. Пожалуй, в другое время он мог бы войти в историю как святой...

— Мне нечего скрывать,— мягко сказал Тхеро.— К тому же, как вы знаете, учение Будды осуждает обман. Наша точка зрения проста. Мы считаем, что все живое вправе существовать. Из этого вытекает, что вы действуете неправильно. И нам хотелось бы, чтобы это было прекращено.

Так Франклин и думал — и теперь услышал. И он чуть-чуть разочаровался. Такой умный человек, как Тхеро, должен бы понимать, что это требование нереально — разве можно урезать на одну восьмую мировые ресурсы продовольствия? И если уж на то пошло, почему только киты? А как же коровы, овцы, свиньи — все те животные, которых человек растит и холит, чтобы при надобности зарезать?

— Я знаю, о чем вы думаете,— продолжал Тхеро, не дожидаясь доводов Франклина.— Мы отдаем себе отчет во всех трудностях и отлично понимаем, что придется действовать шаг за шагом. Но где-то надо начинать, а Отдел китов дает нам особенно яркий материал.

— Благодарю,— сухо сказал Франклин.— Только справедливо ли это? Вы могли бы увидеть то же самое в любой бойне на Земле. Конечно, масштабы другие, но это вряд ли меняет суть.

— Вполне согласен. Однако мы люди дела, не фанатики. Мы знаем, сперва нужно найти другие источники пищи, потом прекращать производство мяса.

Франклин отрицательно покачал головой.

— Извините,— сказал он,— но даже если вы решите эту задачу, вам не удастся сделать всех обитателей Земли вегетарианцами. Разве что вы задумали увеличить эмиграцию на Марс и Венеру. Да я бы пустил себе пулю в лоб, если бы навсегда лишился возможности отведать хорошего

бифштекса или бараньей отбивной. Так что ваши планы сорвутся. Причин две: человеческая психология и наши продовольственные ресурсы.

Маха Тхеро даже немного обиделся.

— Дорогой начальник отдела,— сказал он,— неужели вы думаете, что мы могли позабыть о столь очевидных вещах? Позвольте мне сперва закончить изложение наших взглядов, а потом я объясню, как мы предлагаем решить задачу. Мне важна ваша реакция, ведь вы олицетворяете, так сказать, максимум сопротивления, которое нам окажет потребитель.

— Пожалуй,— улыбнулся Франклин.— Попробуйте уговорить меня бросить мое дело.

— Испокон веков,— начал Тхеро,— человек привык считать, что остальные животные существуют только для его блага. Многие виды он вовсе истребил — то ли из алчности, то ли потому, что они травили его посевы или еще как-то ему мешали. Не буду отрицать: часто это было оправданно, а порой просто не оставалось другого выхода. И все же за тысячи лет человек осквернил свою душу преступлениями против животного царства. Между прочим, одно из худших злодеяний совершалось как раз в вашей области, и было это всего лет шестьдесят — семьдесят тому назад. Я читал, как загарпуненные киты умирали после страшных мук, по многу часов мучились, а мясо их уже никуда не годилось, оно оказывалось отравленным токсинами, которые выделяются во время предсмертных судорог.

— Это исключительные случаи,— вставил Франклин.— И ведь мы давно с этим покончили.

— Верно, но из таких случаев тоже складывается наша вина, которую мы обязаны искупить.

— Свенд Фойн не согласился бы с вами. Когда он в тысяча восемьсот семидесятых годах изобрел гарпун со взрывающимся наконечником, он в своем дневнике возблагодарил Господа Бога и назвал Его творцом гарпуна.

— Любопытная точка зрения,— сухо ответил Тхеро.— Я бы охотно поспорил с ним. Знаете, есть простой опыт, который позволяет разделить людей на два разряда. Человек идет по улице и там, куда должна опуститься его нога,

видит жука. Перед ним выбор: либо изменить свой шаг и пощадить жука, либо раздавить его. Как бы вы поступили, мистер Франклин?

— Это зависит от жука. Если известно, что он ядовит или вреден, я убью его. Если нет — дам ему уйти. И любой разумный человек сделает то же самое.

— Значит, мы неразумны. На наш взгляд, убийство оправданно, только чтобы спасти жизнь более высоко организованного существа. А такие случаи бывают удивительно редко. Но позвольте мне вернуться к сути дела, а то мы, кажется, уклонились в сторону.

Лет сто назад ирландский поэт Дансени написал пьесу «Какая польза от человека», вы скоро увидите ее в одной из наших телевизионных программ. Герою пьесы снится, что чудесные силы перенесли его куда-то из Солнечной системы и он предстал перед судом зверей. Если за него не вступятся хотя бы два животных, человечество будет уничтожено. Только собака находит добрые слова в защиту своего повелителя, все остальные, помня старые обиды, говорят, что для их блага было бы лучше, если бы человек никогда не существовал. Вот-вот будет вынесен роковой приговор, но в последнюю секунду появляется еще один поручитель и спасает человечество от погибели. Единственным, кроме собаки, существом, которое нуждается в человеке, оказался... комар.

Вы скажете, что это всего-навсего забавная шутка. Наверно, и сам Дансени так думал — он был заядлым охотником. Однако поэты часто, сами того не подозревая, высказывают глубокие истины. И мне сдается, что эта почти забытая пьеса содержит чрезвычайно важную для человечества аллегорию.

Лет через сто, Франклин, мы в буквальном смысле слова выйдем за пределы Солнечной системы. Рано или поздно мы встретим разумные существа намного совершеннее человека, но совсем не похожие на него. И когда придет это время, вполне возможно, что превосходящие нас существа будут обращаться с нами так, как мы обращались с другими обитателями своей планеты.

Эти слова были произнесены негромко, но так убежденно, что Франклину на миг стало не по себе. И он подумал: а ведь, пожалуй, во взглядах Маханаяке Тхеро есть что-то, и не только простая гуманность. (Если к понятию «гуманность» вообще приложимо слово «простая».) Ему и самому никогда не нравилось то, во что выливалась его работа, настолько он привязался к своим исполинским питомцам,— но что поделаешь!..

— Все это звучит очень убедительно,— признал Франклин,— однако, хотим мы того или нет, надо мириться с объективной реальностью. Не знаю, кто автор выражения «Зубы и когти природы в крови», но сказано верно. И если миру придется выбирать между пищей и этикой, могу заранее сказать, что победит.

Тхеро чуть-чуть улыбнулся, намеренно или подсознательно копируя благостное выражение лица, которое столько поколений художников сделали главной и неотъемлемой чертой Будды.

— Но ведь в том-то и дело, дорогой Франклин,— ответил он,— что выбирать нет нужды. Нам впервые в истории предоставлена возможность выйти из древнего круга и есть в свое удовольствие, не проливая крови невинных созданий. И я искренне благодарен вам, вы помогли мне увидеть, как это сделать.

— Я? — воскликнул Франклин.

— Вот именно,— сказал Тхеро, и его улыбка нарушила все каноны буддийского искусства.— А теперь, если вы не против, я немного посплю.

ГЛАВА 21

— И это,— бурчал Франклин,— моя награда за двадцать лет преданной службы обществу: собственная семья смотрит на меня как на запятнанного кровью мясника.

— Но ведь это все было правдой,— сказала Энн, показывая на экран телевизора, где только что ручьями лилась кровь.

— Конечно правда. И вместе с тем очень искусный монтаж с определенной целью. Я могу так же убедительно выступить в нашу защиту.

— Ты уверен? — спросила Индра.— Можешь не сомневаться, Главное управление попросит тебя об этом — справишься ли?

Франклин негодующе фыркнул:

— Эти цифры и расчеты — вздор! Дурацкая мысль — превратить наше стадо из мясного в молочное. Если мы все бросим на производство китового молока, это не возместит и четверти жиров и белков, которые мы потеряем, закрыв разделочные цехи.

— Давай, Уолтер,— ласково произнесла Индра,— отводи душу, не то еще лопнет какой-нибудь сосуд. Я же знаю, что тебя больше всего задело: его предложение расширить планктонные фермы, чтобы возместить потерю.

— Но ведь ты биолог, скажи сама, есть смысл делать из этого горохового супа грудинку или бифштексы?

— Во всяком случае, это возможно. Ловко они придумали — сам шеф-повар ресторана «Уолдорф» попробовал настоящий и синтетический бифштексы и не сумел их отличить. Да, тебя ждет тяжелый бой — планктонники сразу станут на сторону Тхеро, и в Главном морском управлении будет полный раскол.

— Он на это и рассчитывал,— сказал Франклин с невольным восхищением.— Он чертовски хорошо осведомлен. Не надо было мне тогда столько говорить корреспонденту о производстве молока, а они еще постарались, так расписали, что дальше некуда. Уверен, с этого все и пошло.

— Кстати, я как раз хотела спросить — откуда у него данные, на которых построены расчеты? По-моему, они были известны только работникам отдела.

— Верно,— признал Франклин.— Как я сразу не подумал? Завтра утром отправлюсь на Герон, потолкую с доктором Люндквистом.

— Возьми меня, пап,— попросила Энн.

— В следующий раз, дочурка. Ты еще маленькая.

— Доктор Люндквист сейчас в лагуне, сэр,— сказал старший лаборант.— И его никак не вызовешь, пока сам не вернется.

— Вот как? А если я отправлюсь туда и позволю себе отвлечь его?

— Вы знаете, сэр, не стоит. Аттила и Чингисхан не любят чужих.

— Черт возьми, он с ними плавает?

— Да, они к нему очень привязались. И к своим смотрителям хорошо относятся. Но постороннего человека могут нечаянно скушать.

«Гляди, какие чудеса тут творятся без моего ведома,— подумал Франклин.— Придется сходить к лагуне. Если не слишком жарко и если ты без груза, нет никакого смысла ехать на машине — тут же два шага».

Пока Франклин добрался до нового восточного пирса, он несколько раз успел пожалеть о своем решении. То ли Герон вырос, то ли годы дают о себе знать... Он сел на опрокинутый ялик и посмотрел в море. Несмотря на прилив, было ясно видно кромку рифа и время от времени два облачка в воздухе над огороженным загоном: влажный выдох двух косаток. А вон и маленькая лодка с человеком, только издали не разобрать кто — доктор Люндквист или кто-нибудь из его помощников.

Франклин подождал несколько минут, потом вызвал по телефону лодку. Добравшись до загона (сам доплыл бы быстрее), он впервые увидел Аттилу и Чингисхана.

Косатки были чуть поменьше тридцати футов в длину. Когда подошла лодка, обе высунулись из воды, и на Франклина уставились огромные умные глаза. Странная поза и эти белые «манишки» вызвали у него оторопь, точно он видел перед собой не животных, а существа, которые превзошли человека в развитии. Он, конечно, понимал, что это не так и что перед ним самые жестокие убийцы, каких знает море.

А впрочем, нет, не самые жестокие — косатки на втором месте...

Киты, как будто удовлетворенные результатом осмотра, нырнули. Только теперь Франклин увидел Люндквиста.— ученый шел на глубине около тридцати футов на торпеде с множеством приборов. Очевидно, ему что-то помешало, потому что он быстро поднялся к поверхности и сдвинул маску с лица.

— А, доброе утро, мистер Франклин. Я не ждал вас сегодня. Что вы скажете о моих учениках?

— Замечательно. А как успеваемость?

— Все в порядке, у них блестящие способности! Они умнее дельфинов. И очень привязчивы. Берусь обучить их чему угодно. Захочу совершить идеальное убийство, достаточно сказать им, что вы — тюлень на льдине. Через две секунды лодка будет опрокинута.

— В таком случае лучше продолжим нашу беседу на берегу. Вы уже закончили свою работу?

— Такую работу никогда нельзя считать доведенной до конца, но это не важно. Я пойду на торпеде, не стоит перегружать лодку.

Ученый развернул свою металлическую рыбу носом к острову и с места дал полный ход, оставив ялик позади. Обе косатки немедленно ринулись вдогонку; высокие спинные плавники рассекали воду, оставляя пенную кильватерную струю. Вот так пятнашки, подумал Франклин, не слишком ли опасно? Но ему не довелось узнать, что будет, когда косатки догонят человека: Люндквист проскочил над проволочной изгородью, которая чуть-чуть не доходила до поверхности, и преследователи круто свернули в сторону, разметав облако брызг.

Всю дорогу обратно Франклин был задумчив. Сколько лет он знает Люндквиста, а сегодня словно впервые увидел его по-настоящему. Он привык, что это очень одаренный, даже блестящий ученый, а теперь вдруг оказалось, что он еще наделен недюжинной энергией и отвагой. Но ни то ни другое его не спасет, мрачно заключил Франклин, если он не сможет удовлетворительно ответить на кое-какие вопросы.

В привычной лабораторной обстановке, одетый в свой рабочий костюм, это был прежний, знакомый Люндквист.

— Ну, Джон,— заговорил Франклин,— думаю, вы видели эту телепропаганду против нашего отдела?

— Видел. Но почему же против?

— Конечно, против того, что составляет суть нашей работы. Но не будем спорить об этом. Я вот что хочу узнать: вы разговаривали с Маха Тхеро?

— Разумеется. Он связался со мной, как только появилась эта статья в «Земле».

— И вы сообщили ему секретные сведения?

Люндквист не на шутку обиделся:

— Простите, мистер Франклин, но единственная информация, какую он от меня получил,— это гранки моей статьи о производстве китового молока, она будет напечатана в «Вестнике китоведения» в следующем месяце. Вы сами ее одобрили.

Все обвинения, заготовленные Франклином, рухнули еще до того, как он их высказал. Он смутился.

— Прошу прощения, Джон,— сказал Франклин,— беру свои слова обратно. Я совершенно выбит из колеи всем этим, и мне необходимо разобраться, прежде чем управление примется за меня. Но почему вы все-таки ничего не сказали мне о его письме?

— По чести говоря, я не видел для этого причин. Мы каждый день получаем бездну всяких запросов. Мне и в голову не пришло, что это что-нибудь необычное. Мне было приятно, что кому-то любопытен мой проект, и я постарался им помочь.

— Ладно,— с отчаянием произнес Франклин.— Снявши голову, по волосам не плачут. Однако ответьте мне на такой вопрос: как ученый, вы действительно верите, что можно спокойно прекратить бой китов и перейти на молоко и синтетические продукты?

— Дайте нам десять лет, и, если это будет нужно, можно переходить. Технических препятствий я не вижу. Конечно, я не могу поручиться за точность цифр, касающихся произ-

водства планктона, но готов побиться об заклад, что и там у Тхеро были достоверные источники.

— Да вы понимаете, к чему это приведет? Если начнут с китов, рано или поздно примутся перебирать одно за другим всех домашних животных.

— Ну и что же? Мне нравится такая перспектива. Если религия и наука могут вместе добиться того, чтобы природа не так страдала от жестокости человека, разве это плохо?

— Да вы не тайный ли буддист? Сколько можно твердить: в том, что мы делаем, нет ничего жестокого! Так или иначе, если Тхеро опять обратится с какими-нибудь вопросами, пожалуйста, направьте его ко мне.

— Слушаюсь, мистер Франклин,— сдержанно ответил Люндквист.

Тягостную паузу очень кстати нарушил приход посыльного.

— Вас вызывает Главное управление, мистер Франклин. Срочно.

— Еще бы,— пробурчал Франклин.

Взглянул на все еще сердитое лицо Люндквиста и невольно улыбнулся.

— Если вы умеете из косаток делать смотрителей, Джон,— сказал он,— подыщите заодно какое-нибудь подходящее млекопитающее, лучше всего земноводное, на должность начальника отдела.

На планете, оплетенной нитями быстродействующих средств связи, идеи распространялись от полюса до полюса быстрее, чем некогда молва из конца в конец деревни. Искусно составленная и поданная программа, которая испортила аппетит каким-нибудь двадцати миллионам зрителей, при повторной передаче собрала у телевизоров несравненно больше народу. И вскоре почти все только об этом и говорили; в разумно устроенном мировом государстве, не знающем ни войн, ни кризисов, ощущался явный недостаток в том, что некогда называли сенсациями. Часто можно было даже услышать жалобы, что, когда изжил себя национальный суверенитет, пришел конец и истории. И теперь

повсюду — в клубах и на кухнях, во Всемирной ассамблее и в космическом лайнере — шел жаркий спор, одна проблема владела всеми умами.

Всемирная организация продовольствия хранила важное молчание, но за кулисами шла лихорадочная деятельность. А тут еще планктонники, как и предсказывала Индра (для этого не надо было быть великим пророком), повели себя словно политические махинаторы. Эти попытки соперничающего отдела сыграть на его трудностях особенно возмущали Франклина, и, когда ближний бой принимал слишком уж беззастенчивый характер, он обращался к начальнику ферм.

— Черт бы меня побрал, Тед,— кричал он по визифону,— ты такой же мясник, как я! В каждой тонне планктонного сырья, которое ты поставляешь, полмиллиарда рачков, а у каждого из них столько же права на жизнь, свободу и счастье, сколько у моих китов. Так что не прикидывайся чистеньким. Рано или поздно Тхеро и до тебя доберется, это только первый шаг.

— Допускаю, что ты прав, Уолтер,— бодро соглашался злодей.— Но я-то надеюсь, что наш отдел меня переживет. Трудно заставить людей проливать слезы из-за рачков — у них нет таких милых десятитонных крошек.

Что верно, то верно. Как провести границу между слезливой сентиментальностью и гуманизмом? Франклин вспомнил недавно виденную карикатуру: кто-то грубо срывает кочан капусты, кочан кричит, а рядом, протестующе вскинув руки, стоит Тхеро. Художник никому не отдавал своего голоса, он лишь выражал точку зрения тех, кто говорил — «много шума из ничего». Возможно, через несколько недель все и кончится — надоест этот предмет, и люди примутся спорить о чем-нибудь другом. Да нет, вряд ли. Первая же телевизионная передача показала, что Тхеро — мастер создавать общественное мнение; он не даст железу остыть...

Меньше месяца понадобилось Тхеро, чтобы собрать десять процентов голосов, нужных по конституции для созыва следственной комиссии. Конечно, то, что одна десятая человечества требовала обнародовать все факты, еще не

означало полного согласия с Тхеро; просто люди любопытны, да к тому же очень уж интересно наблюдать, как одно из государственных управлений обороняется, ведя арьергардный бой. Сама по себе следственная комиссия ничего не означала. Все решит голосование по ее отчету, а до этого еще есть время, по крайней мере несколько месяцев.

Одним из неожиданных следствий электронной революции двадцатого века было то, что впервые в истории стало возможным устроить во всем мире истинно демократическое правление — то есть каждый гражданин мог высказать свою точку зрения по всем вопросам политики. То, что афиняне без особого успеха пытались провести в жизнь для нескольких десятков тысяч свободных граждан, теперь осуществилось в глобальном масштабе, в обществе, объединившем пять миллиардов человек. Автоматические машины, первоначально созданные для оценки телевизионных программ, получили куда более широкое применение. С ними можно было сравнительно просто и без больших расходов точно выяснить, что думает общественность о том или ином предмете.

Такой порядок мог бы привести к катастрофе до эпохи всеобщего образования, вернее — до начала двадцать первого столетия. Конечно, нужда в контроле не миновала; даже теперь голосование по какому-нибудь особенно острому вопросу могло обернуться против интересов общества. Ни одно правительство не сможет функционировать, если последнее слово в вопросах политики не будет оставаться за ним. Пусть даже девяносто девять процентов голосующих выскажутся за новый курс — государственные органы могли не посчитаться с волей народа; правда, им пришлось бы держать ответ на очередных выборах.

Франклину ничуть не улыбалась роль главного свидетеля, когда начнется разбор, но он знал, что этого испытания все равно не избежать. Теперь он прилежно собирал данные, чтобы опровергнуть доводы тех, кто хотел прекратить бой китов. Это оказалось труднее, чем он ожидал. Нельзя просто заявить, что, мол, китовое мясо в готовом для потребления виде будет стоить столько-то за фунт, тогда как мясо,

синтезированное из планктона или водорослей, обойдется дороже. В этом нет полной уверенности, тут слишком много неизвестных величин. И главный икс — расходы на эксплуатацию предполагаемых морских молочных ферм, если постановят превратить все китовое стадо из мясного в молочное.

Словом, данных для вывода недостаточно. Честнее всего так и сказать, но от Франклина хотели, чтобы он безапелляционно заявил — прекратить бой китов практически и экономически невозможно ни сейчас, ни в будущем. На такой ответ его толкала верность своему отделу, не говоря уже о нежелании рубить сук, на котором он сидел.

И если бы дело ограничивалось экономическими расчетами, но были еще эмоциональные факторы. Дни, проведенные вместе с Маха Тхеро, когда Франклин соприкоснулся с древней цивилизацией и ее философией, повлияли на него гораздо сильнее, чем он думал. Как и большинство людей этой эры материалистов, он был опьянен победами естественных наук и социологии, озарившими начальные десятилетия двадцать первого века. Он гордился своим скептическим рационализмом и свободой от всяких суеверий. Главные вопросы философии его никогда особенно не занимали; он знал, что они есть, но считал это не своей областью.

И вот этот неожиданный вызов, который застиг его врасплох, даже неизвестно, как обороняться. Франклин всегда считал себя гуманным человеком, однако ему напомнили, что иногда гуманности мало. Чем больше он ломал себе голову над этим, тем раздражительнее становился; в конце концов Индра решила принять меры.

— Уолтер,— твердо сказала она, уложив спать заплаканную Энн после ссоры, в которой отец и дочь были одинаково повинны,— ты избавишь себя и других от многих неприятностей, если посмотришь в лицо фактам и перестанешь обманывать себя.

— Что ты хочешь сказать, черт возьми?

— Вот уже целую неделю ты на всех сердит. Напустился на Люндквиста — правда, тут отчасти и моя вина,— огрыза-

ешься на репортеров, воюешь со всеми отделами, с собственными детьми, того и гляди, на меня набросишься. Только один человек тебе мил — Маха Тхеро, который заварил всю эту кашу.

— С какой стати мне сердиться на него? Пусть он одержимый, но ведь он святой — во всяком случае, более святого человека мне вряд ли доведется встретить.

— А я и не спорю. Я только говорю, что в душе ты с ним согласен, да не хочешь это признать.

Франклин чуть не вспылил.

— Знаешь, это просто смешно! — начал он. И осекся; вся ярость сошла с него. Да, это смешно, но вместе с тем это правда.

И сразу на душе стало спокойно, он больше не злился на весь мир и на себя самого. Ребяческая обида — за что на его голову такие неприятности? — разом испарилась. С какой стати он должен стыдиться своей привязанности к великанам, которых опекает? Если можно обойтись без того, чтобы резать их, он будет рад, независимо от того, чем это кончится для Отдела китов.

Внезапно вспомнилась улыбка Тхеро при расставании. Неужели этот удивительный человек предвидел, что Уолтер в конце концов примет его точку зрения? Если его мягкая настойчивость, которую он умел сочетать с тактикой смелого лобового удара, как в случае с телевизионной программой, одолела даже Франклина, значит, Тхеро наполовину выиграл битву.

ГЛАВА 22

«Прежде было гораздо проще жить»,— со вздохом подумала Индра. Правда, Питер и Энн почти весь день в школе, но почему-то у нее от этого не прибавилось досуга. Нужно было куда-то ездить, самой принимать гостей — ведь Уолтер занимал один из высших постов в государстве. Впрочем, нет, это преувеличение; не меньше шести ступеней отделя-

ло начальника Отдела китов от президента и его советников.

Есть, однако, вещи поважнее чинов и званий. Что ни говори, работа Уолта окружена неким ореолом, и его дела вызывают повышенный интерес; недаром он известен гораздо больше, чем начальники других отделов Морского управления. И ведь слава пришла к нему еще до статьи в «Земле» и полемики из-за китобойни. Кто знает по имени начальника Планктонных ферм или заведующего Отделом пресноводных ресурсов? А Уолтера знают. Индра гордилась этим, хотя понимала, что слава неизбежно влечет за собой зависть.

Но сейчас ему явно грозило нечто похуже. Пока что никому в отделе, не говоря уже о деятелях из Главного морского управления или ВОП, в голову не приходило, что у Уолтера могут быть какие-то сомнения, что он не поддерживает всей душой нынешний порядок...

Она попыталась сосредоточиться на последнем номере «Природы», но ей помешал служебный визифон. Его установили в их доме, сколько она ни возражала, в тот день, когда Уолтер стал начальником отдела. Линии общественного пользования посчитали недостаточными, и теперь Уолтера можно было вызвать в любой миг, если только он не принимал мер, чтобы помешать этому.

— Доброе утро, миссис Франклин,— сказала дежурная; она успела стать как бы другом семьи.— Шеф дома?

— Должна вас огорчить,— с удовлетворением ответила Индра.— Муж целый месяц работал без выходных, и сейчас он в заливе, на яхте вместе с Питером. Кстати, радиостанция не работает, придется вам выслать за ним самолет, если он вам нужен.

— Как, и запасная тоже? Странно. Вообще-то это не так срочно. Когда он вернется, передайте ему, пожалуйста, телефонограмму.

Тихий щелчок, и в поместительную корзину для памятных записок скользнул лист бумаги. Индра пробежала глазами текст, рассеянно сказала дежурной «до свидания» и поспешила вызвать Франклина; его радиостанция была вполне исправна.

Скрип снастей, плеск рассекаемой яхтой воды, крики морских птиц, отчетливо слышимые в динамике, перенесли Индру в залив Мортон.

— По-моему, это важно для тебя, Уолтер,— сказала она.— В среду здесь, в Брисбене, состоится специальное заседание Перспективной комиссии. Выходит, у тебя остается три дня, чтобы решить, что ты скажешь.

Было слышно, как Франклин пробирается к микрофону, потом он заговорил:

— Спасибо, дорогая. Я знаю, что хочу сказать, не знаю только как. Но ты мне можешь кое в чем помочь. Ты знаешь жен всех смотрителей — попробуй обзвонить их, скольких успеешь, выясни, что думают обо всем этом их мужья. Сделаешь? Только так, чтобы не бросалось в глаза. Мне теперь трудновато узнать мысли рядовых работников. Они все стараются угадать, что мне хочется услышать.

В голосе Франклина звучала грусть, которую за последние дни Индра замечала все чаще, хотя, зная своего супруга, она не сомневалась, что он не жалеет о взятом на себя обязательстве.

— Хорошая мысль,— сказала она.— Мне уже давно надо позвонить кое-кому, так что повод есть. И придется, видимо, устроить вечеринку.

— Ничего, пока еще я начальник отдела, мне это по карману. Но если меня через месяц разжалуют в смотрители, приемов больше не будет.

— Неужели ты думаешь...

— Ну, до этого, конечно, не дойдет, но меня могут перевести на какую-нибудь не столь ответственную должность. Правда, я себе не представляю, куда еще меня можно деть, кроме нашего отдела. Уйди с дороги, болван,— не видишь, что ли? Извини, дорогая, уж больно много здесь отдыхающих катается. Мы вернемся домой через полтора часа, если только какой-нибудь идиот нас не протаранит. Пит просит меду к чаю. Пока.

Плеск яхты смолк, а Индра все еще задумчиво глядела на динамик. Она тоже хотела пойти с Уолтером и Питом в залив, но сказала себе, что сейчас сыну нужнее отец. Иногда

эта мысль ее огорчала, ведь через несколько месяцев они расстанутся с сыном. Отец и мать лепили его тело и душу, а теперь вот он от них ускользает.

И ничего не поделаешь; то, что связывало отца и сына, должно их разлучить. Вряд ли Питер задумывался, почему его так притягивает космос, ведь это обычно для ребят его возраста. Но он один из самых юных трипланетных стипендиатов, и она-то знает, в чем дело: сын полон решимости покорить стихию, которая победила его отца.

«Ладно, хватит грезить»,— сказала себе Индра. Она взяла свою визифонную книгу и принялась отмечать галочками фамилии тех, кого в этот час можно было застать дома.

Перспективная комиссия заседала два раза в год, но перспективами почти не занималась, так как деятельность Отдела китов достаточно успешно направлялась комитетами, которые ведали финансами, производством, кадрами и техникой. Франклин участвовал во всех них — правда, как рядовой член, председателем всегда был кто-нибудь из Главного морского управления или Всемирного секретариата. Случалось, он приходил домой с заседаний удрученный и обескураженный, но чтобы он еще был и расстроен — это уже редкость.

Вот почему Индра почувствовала неладное, едва он вошел в дом.

— Ну, говори уж сразу,— покорно молвила она, когда ее усталый супруг плюхнулся в ближайшее кресло.— Будешь искать новую работу?

Она шутила лишь наполовину, и Франклин выжал из себя тусклую улыбку.

— До такой беды не дошло,— ответил он,— но дело оказалось посложнее, чем я думал. У старика Берроза все было подготовлено заранее; видно, его здорово натаскали в секретариате. Вот суть его выступления: пока нет уверенности, что продукты из китового молока и синтетических веществ окажутся намного дешевле нынешних, бой китов будет продолжаться. Даже выигрыш в десять процентов считается недостаточным, чтобы оправдать перестройку. Говоря сло-

вами Берроза, нас должен беспокоить стоимостный учет, а не туманные философские категории вроде справедливости к животным.

Это еще вполне разумно, из-за этого я бы не стал лезть на рожон. Неприятности начались во время перерыва, когда Берроз отвел меня в сторонку и спросил, что обо всем этом думают смотрители. Я сказал ему, что восемьдесят процентов из них за прекращение боя, даже если от этого продукты подорожают. Не знаю, почему он задал мне этот вопрос. Может, проведал что-нибудь насчет нашей маленькой рекогносцировки.

Как бы то ни было, он сразу расстроился. Вижу, мнется, хочет что-то сказать и не решается. Потом вдруг выпалил — мол, меня назначили главным свидетелем и Морскому управлению вовсе не улыбается, если я в открытом заседании, на глазах у нескольких миллионов зрителей выступлю на стороне Тхеро. «А если меня спросят, что я сам думаю? — говорю.— Уж кажется, я больше всех старался увеличить производство китового мяса и жира, и все же мне хочется, чтобы наш отдел возможно скорее превратился в управление заповедника». Он спросил меня, хорошо ли я все продумал. Говорю — да.

Дальше разговор пошел уже горячее, хотя и в благожелательном тоне. Мы согласились с ним, что есть две точки зрения: для одних киты — это киты, а для других — только цифры в производственных сводках. После этого Берроз отправился звонить по телефону, а мы ждали. С полчаса он разговаривал с деятелями из секретариата, наконец вернулся и передал мне приказ — конечно, он это выразил иначе, но ведь ясно. Словом, во всем этом разборе мне отводится роль куклы в руках чревовещателя.

— А если противная сторона напрямик спросит твое личное мнение?

— Наш адвокат постарается отвести этот вопрос. Не удастся — тогда... короче говоря, у меня не должно быть личного мнения.

— А в чем же все-таки дело?

— Это самое я спросил у Берроза, и он в конце концов признался. Оказывается, тут замешана политика. Всемирный секретариат боится, как бы Маха Тхеро, если он выиграет дело, не приобрел слишком большой вес. Так что борьба будет нешуточная.

— Понимаю,— медленно сказала Индра.— Думаешь, Тхеро добивается политической власти?

— Во всяком случае, не из властолюбия. Но может быть, ему нужно влияние, чтобы проводить свои идеи. А это не устраивает секретариат.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Не знаю,— ответил Франклин.— Честное слово, не знаю.

Он все еще колебался, когда открыли разбор и Маха Тхеро впервые лично выступил перед всемирной аудиторией. Глядя на маленького человечка в желтом облачении, с голым блестящим черепом, Франклин невольно подумал, что на первый взгляд он кажется невзрачным, чуть ли не смешным. Но стоило ему заговорить, и сразу все изменилось: перед зрителями был сильный, убежденный в своей правоте человек.

— Я хочу внести полную ясность,— сказал Маха Тхеро, обращаясь не только к председателю комиссии, но и к незримым миллионам, которые следили за разбором по телевидению.— Неверно, будто мы пытаемся навязать миру вегетарианство, как утверждают некоторые наши противники. Сам Будда не отвергал мяса, когда ему предлагали. И мы не отказываемся, гость должен с благодарностью принимать все, что ему предлагает хозяин.

Нами руководит нечто посерьезнее, чем предубеждение к той или иной пище,— ведь это обычно чистая условность. Больше того, мы уверены, что большинство разумных людей независимо от веры рано или поздно примут нашу точку зрения. Ее очень просто изложить, хотя она представляет собой итог двадцатишестивековых размышлений. Ранить, убивать живые существа, какие бы то ни было, по-нашему, неправильно. Конечно, было бы глупо утверждать, что без

этого можно вовсе обойтись. Мы признаем, например, необходимость уничтожать микробы, вредных насекомых, хотя и сожалеем об этой необходимости.

Но везде, где можно, надо отказаться от убийства. Сейчас экономически возможно производить все виды синтетического белка из растительного сырья, стоит только постараться. Два или три десятилетия — и мы сбросим бремя вины, которое, несомненно, угнетает душу каждого думающего человека при взгляде на тех, кто вместе с нами населяет эту планету.

Однако мы никому не навязываем нашу точку зрения. Добрые дела теряют цену, если их проводят насильно. Нам хочется, чтобы представленные нами факты сами говорили за себя, и пусть мир выбирает.

Что ж, подумал Франклин, сказано ясно, без обиняков, и ни тени фанатизма, который в наш разумный век обрек бы все дело на неудачу. Правда, этот вопрос не втиснешь в рамки трезвых рассуждений. Если бы мир во всем подчинялся чистой логике, такой спор не возник бы — никто не усомнился бы в праве человека по своему произволу распоряжаться животным царством. Но логика годится не всегда, ведь с ее помощью ничего не стоит оправдать и людоедство.

В своей речи Тхеро вовсе не коснулся того, что так поразило Франклина. Он не сказал о возможной встрече с внеземными цивилизациями, которые будут судить о человеке по тому, как он относится к животным. Может быть, решил, что широкая публика посчитает этот довод надуманным и вообще перестанет принимать всерьез все дело? Или Тхеро рассчитал, что такой аргумент сильнее всего подействует на бывшего астронавта? Об этом можно только гадать; во всяком случае, очевидно, что он великолепно учитывает психологию массы и отдельного человека.

Дальше пошли знакомые сцены — Франклин сам помогал Тхеро снимать их,— и он выключил телевизор. Небось Главное управление теперь не радо, что предоставило всякие льготы его преподобию,— а что оно могло сделать?

Через два дня выступление перед комиссией. Франклин чувствовал себя скорее обвиняемым, чем свидетелем. Если

разобраться, он и впрямь ответчик — вернее, не он, а его совесть. Странно подумать: когда-то он попытался убить самого себя, теперь отказывается убивать других. Тут есть какая-то связь, но слишком сложная, не стоит доискиваться. К тому же это все равно не поможет ему решить задачу.

Между тем решение приближалось, правда, с совершенно неожиданной стороны.

ГЛАВА 23

Франклин уже поднимался по трапу в самолет, чтобы лететь на заседание комиссии, когда пришла весть о подводной аварии. Он взял из рук связного депешу на бланке с красной полосой и тотчас позабыл обо всем остальном.

Телеграмма с сигналом бедствия была отправлена Отделом шахт и рудников — самым крупным из отделов Морского управления. Название не совсем точное, в ведении отдела давно не осталось ни одной настоящей шахты. Лет двадцать — тридцать назад на дне океана добывали руду; теперь море само стало неисчерпаемым источником сокровищ. Почти все элементы периодической таблицы можно было вполне рентабельно извлекать непосредственно из миллионов тонн вещества, растворенных в каждой кубической миле морской воды. Усовершенствованные избирательные ионообменные фильтры позволили навсегда устранить угрозу нехватки металлов.

Отделу рудников были также подчинены сотни нефтяных вышек, которые пронизали скважинами морское дно и выкачивали драгоценную жидкость — основное сырье половины всех химических предприятий мира; эту жидкость прежние поколения с преступной близорукостью сжигали, используя как горючее. В огромном хозяйстве отдела трудно было избежать аварий; не далее как в прошлом году у Франклина брали дозорную лодку, чтобы поднять цистерну золотого концентрата; правда, золото так и не удалось спасти. Но на этот раз беда была посерьезнее, в этом Франк-

лин убедился после двух-трех срочных телефонных разговоров.

Через полчаса он вылетел, хотя и не в ту сторону, куда собирался первоначально. И лишь еще через час, передав все приказы, Франклин смог наконец связаться с Индрой.

Неожиданный звонок удивил ее, но удивление быстро сменилось тревогой.

— Послушай, любимая,— начал Франклин,— не пришлось мне лететь в Берн. У нефтяников катастрофа, просят нашей помощи. Одна из их лодок попала в западню. Они бурили скважину и напоролись на карман с газом. Буровую вышку сшибло, она упала прямо на лодку, и теперь лодка ни туда ни сюда. Там на борту всякие высокопоставленные лица, среди них начальник Отдела рудников и один сенатор. Я пока не представляю себе, как их выручить, но мы все сделаем. Как только представится случай, опять свяжусь с тобой.

— Ты сам пойдешь вниз? — озабоченно спросила Индра.

— Наверно. Да ты не волнуйся! Будто я раньше не погружался!

— Я не волнуюсь,— твердо ответила Индра.

— Ладно, до свидания,— сказал Франклин.— Поцелуй Энн и не беспокойся за меня.

Индра смотрела, как тает изображение на экране. Оно уже пропало, как вдруг она сообразила, что давно не видела Уолтера таким радостным. Нет, «радостным» — не то слово, ведь жизнь многих людей под угрозой. Вернее будет сказать, что он весь ожил, воодушевился.

Она улыбнулась: все понятно. Наконец-то Уолтер может забыть о затруднениях своего отдела и — хотя бы на время — с головой погрузиться в морскую стихию, где ему все ясно и знакомо.

— Вот она,— сказал водитель дозорной лодки, показывая на край индикатора, где показалось изображение.— Лежит на твердом грунте, глубина тысяча сто футов. Через две-три минуты сможем рассмотреть детали.

— Как прозрачность — можно работать телевизором?

— Вряд ли. Газовый гейзер еще извергается, вот он, видите, это размытое эхо. Он взмутил весь ил.

Франклин смотрел на экран и сопоставлял изображение с лежащими на столе чертежами и схемами. Большая, яйцевидной формы подводная лодка, предназначенная для малых глубин, была отчасти закрыта обломками буровой вышки и снаряда. Тысячетонная стальная махина пригвоздила ее к океанскому дну; неудивительно, что, продув все цистерны и включив на полную мощность моторы, лодка не смогла сдвинуться с места.

— Н-да, история,— сказал Франклин.— Сколько дней надо большим буксирам, чтобы дойти сюда?

— Не меньше четырех. «Геркулес» может поднять пять тысяч тонн, но он сейчас в Сингапуре. По воздуху его не перебросишь, слишком велик, пойдет своим ходом. Это ваши лодки можно перевозить на самолетах.

«Верно,— подумал Франклин,— но зато они слишком малы для работы с такими тяжестями. Вся надежда на то, что с их помощью удастся расчленить вышку кислородным резаком и освободить лодку».

Одна из дозорных лодок Отдела китов уже работала резаком. Кто-то заслужил благодарность за быструю установку резаков на судне, выполняющем совсем другие задачи. Даже Комитет по делам космоса, об эффективности которого рассказывают легенды, вряд ли управился бы с этим быстрее.

— Здесь капитан Якобсен,— заговорил динамик.— Рад, что вы с нами, мистер Франклин. Ваши ребята молодцы, но эта работа потребует времени.

— Как у вас дела?

— Ничего. Меня только беспокоит корпус между третьей и четвертой переборками. Туда пришелся главный удар, есть вмятины.

— Вы можете перекрыть этот отсек, если появится течь?

— Трудновато,— сдержанно ответил Якобсен.— Там как раз центральный пост. Если придется его оставить, мы будем совсем беспомощны.

— Ну а как пассажиры?

— Э... гм... хорошо,— сказал капитан тоном, который выдавал его неуверенность.— Сенатор Чемберлен хочет поговорить с вами.

— Здравствуйте, Франклин,— послышался голос сенатора.— Не рассчитывал я встретиться с вами при таких обстоятельствах. Как вы думаете, сколько времени понадобится, чтобы выручить нас?

У этого сенатора хорошая память — или хороший секретарь. Франклин всего трижды встречался с ним; в последний раз — в Канберре, на заседании Комитета по охране природных ресурсов. Франклин выступал там не больше десяти минут, и он никак не надеялся, что председатель КОПР запомнит его.

— Я ничего не могу обещать, сенатор,— осторожно ответил он.— Нужно немало времени, чтобы разобрать все эти обломки. Но мы справимся, вы не беспокойтесь.

Когда они подошли ближе, его уверенность поколебалась. Резак отщипывает такие маленькие кусочки, а длина вышки — двести футов с лишним, это надолго...

Последовало десятиминутное совещание между Франклином, капитаном Якобсеном и командиром второй дозорной лодки, старшим смотрителем Барлоу. Три стороны согласились, что лучше всего продолжать работу; как бы медленно ни шло дело, они управятся на два дня раньше, чем подоспеет «Геркулес». Разумеется, если ничего не случится. Пока что подвохом грозил только помятый корпус, о котором упомянул капитан Якобсен. Как и все крупные подводные суда, его лодка была оснащена воздухоочистительной установкой. На несколько недель они обеспечены чистым воздухом, но, если корпус, защищающий центральный пост, не выдержит, выйдут из строя все основные службы. Можно укрыть людей за герметичными переборками, однако это даст лишь короткую отсрочку, ведь тотчас прекратится очистка воздуха. И «Геркулесу» будет куда труднее поднять лодку с затопленным отсеком.

Прежде чем вместе с Барлоу приступать к работе, Франклин вызвал базу и заказал все, что могло им понадобиться.

Он попросил также незамедлительно перебросить на самолетах еще две дозорные лодки, а мастерским велел наладить массовое производство цистерн плавучести — попросту говоря, на старые бочки ставить воздушные вентили. Если приторочить к вышке достаточно бочек, может быть, удастся поднять ее до прихода спасателей.

Он помешкал, прежде чем называть последний пункт заказа, но потом подумал, что лучше заказать лишнего, чем что-то упустить. Пусть даже в Отделе материального обеспечения скажут, что он рехнулся.

Разрезать фермы искореженной вышки было делом трудоемким, но, в общем-то, несложным. Работали вместе: одна лодка орудовала резаком, другая тут же оттаскивала куски прочь. Скоро Франклин позабыл о времени, для него существовал только очередной металлический брус. Непрерывным потоком следовали донесения, отдавались приказы, но этим занималась другая часть его сознания. Сейчас руки и мозг действовали как две раздельные системы.

Вода заметно светлела. Вероятно, рокочущий газовый гейзер, который бил из морского дна в каких-нибудь ста ярдах от них, вызвал сильное течение и оно унесло взбаламученный ил. Так или иначе, теперь, когда снова видели телевизионные глаза дозорных лодок, работать стало намного легче.

И когда прибыло подкрепление, Франклин даже удивился. Неужели они здесь уже больше шести часов — а он не чувствует ни голода, ни усталости! Две лодки тянули за собой первую партию сделанных по его заказу цистерн.

Сразу работа пошла веселее. Одну за другой бочки крепили к вышке, затем продували воздушным шлангом, и они всплывали, словно аэростаты. Подъемная сила одной бочки — две-три тонны; вот наберется сотня бочек, глядишь, лодка сама выскользнет из капкана.

Механические руки дозорной лодки чаще всего бездействуют, но теперь они казались Франклину продолжением его собственных рук. Четыре года, если не больше, прошло с тех пор, как он последний раз двигал великолепными металлическими пальцами, которые позволили человеку ра-

ботать там, куда ему самому нет доступа. Франклин помнил свою первую попытку (это было четырнадцать лет назад) завязать узел механическими руками и какая путаница получилась. Потом он наловчился, но очень редко применял свое искусство — кто мог подумать, что оно окажется таким важным теперь, когда он давно оставил море и должность смотрителя?

Они принялись накачивать вторую связку бочек, когда их вызвал капитан Якобсен.

— Боюсь, мои новости вас не обрадуют, Франклин,— мрачно сказал он.— Вода просачивается, и течь все сильнее. Если дальше так пойдет, часа через два нам придется уйти из этого отсека.

Этого Франклин опасался больше всего. Незамысловатая спасательная операция разом превратилась в гонку со временем. И гандикап не в их пользу — чтобы разрезать до конца вышку, нужно самое малое двенадцать часов.

— Какое давление у вас внутри лодки? — спросил он капитана Якобсена.

— Я уже поднял до пяти атмосфер. Дальше некуда, опасно.

— Постарайтесь поднять до восьми. Пусть даже половина людей потеряет сознание, не страшно, лишь бы кто-нибудь остался на посту. Сейчас самое главное остановить течь.

— Хорошо, сделаю. Но если люди будут без сознания, это затруднит эвакуацию центрального поста.

Чересчур много слушателей, поэтому Франклин промолчал. Капитан Якобсен понимает это не хуже его, но пассажиры могут и не знать: если дойдет до эвакуации, то можно ставить крест.

Хочешь не хочешь, остается только одно. Отщипывать от вышки по кусочку — слишком долго, надо рвать ее взрывчаткой на две части; верхняя половина отвалится в сторону и освободит лодку.

Казалось бы, чего проще, с этого следовало начинать, но, во-первых, опасно взрывать вблизи от поврежденного корпуса лодки, во-вторых, нужно правильно разместить

взрывчатку, а из четырех главных ферм вышки лишь верхние две были легкодоступны; до нижних механическими руками не дотянуться. Тут только подводный пловец справится. На мелководье на это ушло бы от силы пять минут.

К сожалению, здесь не мелководье. Глубина — тысяча сто футов, давление — больше тридцати атмосфер.

ГЛАВА 24

— Это очень рискованно, Франклин, я не могу разрешить.

Не часто выдается случай поспорить с сенатором, а сейчас Франклин был готов не только спорить, но и в крайнем случае поступить по-своему.

— Я знаю, что это опасно, сэр,— сказал он.— Но у нас нет выбора. Есть полный смысл рискнуть одним человеком, чтобы спасти двадцать три.

— Но ведь это самоубийство — погружаться с аквалангом на глубину больше трехсот — четырехсот футов!

— Конечно, если дышать сжатым воздухом. Азот нокаутирует человека, а кислород добивает его. Нужна правильная смесь. С тем аппаратом, которым я пользуюсь, люди погружались на полторы тысячи футов.

— Я вынужден вам возразить, мистер Франклин,— негромко сказал капитан Якобсен.— Насколько мне известно, только один человек опускался на полторы тысячи футов, и то под строжайшим контролем. И он не выполнял никакой работы.

— Я не собираюсь работать, только установлю два заряда.

— А давление?

— Давление, пока оно уравновешено, роли не играет, сенатор. Пусть мою грудную клетку сжимает сто тонн, я ничего не почувствую, ведь столько же будет давить изнутри.

— Извините... все-таки, может, лучше послать кого-нибудь помоложе?

— Я не хочу никому перепоручать это дело. И когда ныряешь, возраст не влияет. Я здоров — это главное.

Франклин повернулся к водителю и выключил микрофон.

— Пошли вверх,— сказал он,— а то они весь день проспорят. Лучше скорей начать, пока не отговорили.

Во время всплытия он лихорадочно размышлял. Может быть, это в самом деле безрассудство и он, глава семьи, не вправе так рисковать? Или ему до сих пор, столько лет спустя, важно доказать, что он не трус, готов бросить вызов опасности, от которой однажды чудом спасся?

Да нет, все объясняется проще. Это своего рода попытка уйти от ответственности. Чем бы ни кончилось дело, он прослывет героем, а тогда секретариат не возьмет его голыми руками. Интересная задачка: может ли физическая отвага уравновесить недостаток морального мужества?

К тому времени, когда лодка достигла поверхности, Франклин не столько решил эти вопросы, сколько отмахнулся от них. Пусть все эти обвинения против самого себя справедливы; это не играет роли. В душе он знал, что поступает правильно, иначе нельзя. Другого способа спасти людей, очутившихся в западне на глубине четверти мили, нет; перед этим все остальные соображения отступали в тень.

Сочащаяся из скважины нефть так пригладила море, что командир транспортного самолета смог совершить посадку, хотя его машина не была предназначена для земноводных операций. Поблизости дозорная лодка возилась с очередной гроздью цистерн, готовясь тащить их вниз. Подводникам помогали летчики, которые сидели в маленьких, автоматически надувающихся лодках.

Коммандер Хенсон, главный водолаз Морского управления, ждал Франклина в самолете. Здесь снова возник спор, но он длился недолго, коммандер сдался — с достоинством и, как показалось Франклину, с облегчением. Если бы понадобился второй человек, Хенсон с его огромным опытом был бы лучшей кандидатурой. Франклин даже на минуту засомневался: может быть, он зря настаивает на собственной кандидатуре, это только уменьшает надежды на успех? Нет, он уже побывал внизу, знает обстановку, а Хен-

сону пришлось бы сперва сходить на разведку с дозорной лодкой — это лишняя трата драгоценного времени.

Франклин проглотил особые таблетки, получил инъекции и влез в резиновый гидрокостюм, призванный защитить его от почти нулевой температуры на морском дне. Он не любил гидрокостюмов, они сковывали движения и нарушали плавучесть, но выбирать не приходилось. Ему надели на спину три баллона — один со сжатым водородом, зловещего красного цвета,— затем спустили в воду.

Коммандер Хенсон минут пять плавал вокруг него, проверяя и подгоняя ремни, грузы, гидроакустический передатчик. Здесь можно было дышать обычным воздухом, на кисловодородную смесь он перейдет на глубине триста футов. Аппарат переключится автоматически, и регулятор подачи кислорода сам будет следить за тем, чтобы состав смеси был везде правильным — насколько это возможно в среде, к которой человек вовсе не приспособлен.

Но вот все готово. Заряды надежно укрепили на поясе Франклина, и он взялся за поручни маленькой боевой рубки.

— Пошли вниз,— сказал он водителю дозорной лодки.— Скорость погружения пятьдесят футов в минуту, ход под водой не больше двух узлов.

— Есть пятьдесят футов в минуту. Если ход увеличится, приторможу реверсом.

Почти тотчас дневной свет сменился гнетущим зеленым сумраком. Из-за мути, принесенной восходящими токами, поверхностный слой воды почти не пропускал света. Франклин даже рубку видел плохо; уже в двух футах очертания поручней расплывались и пропадали во мгле. Это скверно. Ладно, на худой конец, он может работать на ощупь. Впрочем, внизу ведь вода намного прозрачнее.

Погрузившись всего на тридцать футов, он был вынужден прервать спуск почти на минуту, чтобы дать привыкнуть ушам. Франклин продувал носовые ходы и усиленно глотал, пока долгожданный щелчок не возвестил, что все в порядке. Вот будет позор, если заложит евстахиеву трубу

и придется вернуться! Конечно, никто его не упрекнет — самый лучший подводный пловец может быть выведен из строя даже незначительной простудой; но он сам никогда бы не простил себе такого провала.

Свет быстро угасал; солнечные лучи не могли пробить мутную воду. На глубине ста футов Франклин словно очутился в лунной мгле, в мире, лишенном красок и тепла. Уши его больше не беспокоили, дышалось легко, но в душу вкралась неуловимая тоска. Он сказал себе, что все дело в темноте; мысль о том, что впереди еще тысяча футов, ни при чем.

Чтобы отвлечься, Франклин вызвал водителя и попросил доложить обстановку. Он услышал, что к вышке уже приторочено пятьдесят бочек с общей подъемной силой больше ста тонн. Шесть пассажиров потеряли сознание, но беспокойства не внушают; остальные семнадцать, хотя чувствуют себя скверно, приспособились к возросшему давлению. Течь не усилилась, однако в отсеке центрального поста три дюйма воды, скоро могут быть короткие замыкания.

— Триста футов,— послышался голос коммандера Хенсона.— Взгляни на манометр, уже должен идти водород.

Франклин посмотрел на маленькую, убористую приборную доску. Все в порядке, автомат переключил баллоны. Кажется, что воздух не изменился, а между тем через несколько сот футов его ткани освободятся от большей части коварного азота. На первый взгляд непонятно, почему его заменяют гораздо более активным, даже взрывоопасным водородом. Но водород не поглощается тканями так, как азот, и не производит наркотического действия.

Еще сто футов пройдено, и как будто не стало темнее; здесь вода прозрачнее, да и глаза уже привыкли к тусклому свету. Видимость достигла двух-трех ярдов, он различал даже часть гладкого корпуса, увлекавшего его на глубину, которой до него достигли лишь несколько аквалангистов и не все вернулись живыми.

Снова заговорил коммандер Хенсон:

— Сейчас должно быть пятьдесят процентов водорода. Чувствуется?

— Да, есть немного — металлический привкус. Ничего страшного.

— Говори помедленнее,— попросил коммандер.— У тебя сейчас такой тонкий голос, слов не разберешь. Самочувствие в порядке?

— В порядке,— ответил Франклин, глядя на глубиномер.— Давай-ка ускорим погружение до ста футов в минуту. Надо спешить.

Водитель подпустил воды в балластные цистерны, лодка пошла вниз быстрее, и стало осязаемым давление воды. При такой скорости спуска чуть отставал автомат, который регулировал напор изолирующего слоя воздуха в гидрокостюме; в итоге руки и ноги Франклина словно сжало в мощных мягких тисках, так что его движения были несколько скованны.

Сгустился мрак, но тут, предвосхищая команду Франклина, водитель включил оба носовых прожектора. Их лучи не могли ничего выявить в пустоте между дном и поверхностью моря, и все же при виде скользящих впереди ореолов рассеянного света Франклин как-то приободрился. Фиолетовые фильтры нарочно сняли; теперь глазу было на чем остановиться, и гнетущее чувство полной изоляции пропало.

Восемьсот футов — пройдено больше трех четвертей.

— Здесь стоит передохнуть минуты три,— посоветовал коммандер Хенсон.— Я бы подержал тебя все полчаса. Ну ничего, обратно пойдем потише.

Франклин покорился, призвав на помощь всю свою кротость. Задержка показалась ему невыразимо долгой; вероятно, нарушилось чувство времени, поэтому каждая минута была равна десяти. Он хотел было спросить Хенсона, что у того с часами, когда вспомнил, что у него есть свои. Забыл столь очевидную вещь — это плохо, он тупеет. Да, но ведь он сам сообразил, что тупеет, значит, дело обстоит не так уж скверно... К счастью, спуск возобновился прежде, чем Франклин успел окончательно запутаться в собственных мыслях.

Уже слышен, с каждой минутой все громче, непрестанный гул газового гейзера, бьющего из скважины, пробурен-

ной в океанском ложе пытливыми, беспокойными людьми. От этого рева вибрировала вода; Франклин с трудом различал, что ему сообщают и советуют помощники. Да, тут не только давления надо остерегаться: попадешь в газовую струю, тебя в несколько секунд подбросит вверх на сотни футов — и лопнешь, будто исторгнутая из пучины глубоководная рыба.

— Совсем немного осталось,— сказал водитель.— Через минуту покажется вышка. Включаю нижний свет.

Лодка замедлила ход. Франклин перегнулся через поручни и скользнул взглядом вдоль мглистых столбов света. Сначала он ничего не увидел, потом возникли какие-то загадочные прямоугольники и круги. Что за штука?.. А, так это же бочки с воздухом пытаются поднять сломанную вышку.

Вот и покореженные фермы, а эта яркая звездочка по соседству с лучом прожектора, такая неожиданная в мрачной преисподней,— работающий резак, управляемый механическими руками скрытой во тьме дозорной лодки.

Водитель осторожно подвел лодку к вышке, и Франклин сразу понял, что вслепую он бы тут ничего не сделал. Две фермы, на которых ему предстояло укрепить заряды, были окружены беспорядочным переплетением балок, прутьев и проводов. Как-то надо сквозь все это пробраться...

Франклин оттолкнулся от лодки, благодаря которой так легко проник в пучину, и, спокойно работая ногами, медленно поплыл к горе металла. Только теперь он заметил неясные очертания придавленной ко дну лодки, и при мысли о всех трудностях, которые надо преодолеть, им на миг овладело отчаяние. Затем, повинуясь внезапному импульсу, Франклин подошел к лодке, достал из сумки с инструментами кусачки и постучал ими по корпусу. Конечно, они и без того знают, что он здесь, но этот сигнал резко поднимет их дух.

Теперь можно приступать к делу. Стараясь не замечать вибрации, от которой вода вокруг буквально ходила ходуном, даже мысли путались, он стал пристально рассматривать металлический лабиринт.

Так... Добраться до первой фермы и установить взрывчатку будет нетрудно. Вон там, между тремя двутавровыми балками, есть свободное пространство, один провод свисает петлей, но его легко отодвинуть (надо только следить, чтобы не зацепиться баллонами). И он окажется прямо перед фермой, есть даже место развернуться, потом не надо будет выходить задом наперед.

Франклин проверил еще раз — да нет, никаких препятствий не видно. Для полной уверенности он запросил командера Хенсона, который видел все почти так же хорошо на экране телевизора, потом медленно заплыл в переплетение металла, перехватываясь одетыми в перчатки руками. И удивился, найдя даже на такой глубине вдоволь морских желудей и прочих наростов, из-за которых опасно касаться предметов, пролежавших под водой несколько месяцев.

Стальная конструкция трепетала, точно исполинский камертон; мощь взбунтовавшейся скважины ощущалась и в толще морской, и в металле. Франклин как бы попал в трясущуюся клетку. От непрестанного гула и от безумного давления им овладела тупая вялость. Чтобы делать что-то, приходилось переламывать себя, поминутно напоминать себе, что сейчас от каждого его шага зависит жизнь многих людей.

Наконец он добрался до фермы и старательно прилепил к металлу лепешку взрывчатки. Это оказалось не просто, но Франклин работал, пока не удостоверился, что заряд не отвалится. Управившись, он отыскал взглядом следующий объект — вторую несущую ферму.

От его движений вода замутилась, и видимость стала хуже, но, насколько он мог судить, на пути ко второй ферме не было непреодолимых препятствий. Иначе пришлось бы дать задний ход и обойти вокруг вышки. Очень просто в обычных условиях, теперь же все надо было тщательно рассчитывать, энергию расходовать чрезвычайно скупо, убедившись, что этот расход совершенно необходим.

С величайшей осторожностью Франклин пошел вперед сквозь вибрирующую мглу. Лившийся сверху свет прожекторов был настолько ярок, что резал глаза. Франклину не

пришло в голову, что достаточно сказать несколько слов в микрофон и тотчас свет убавят так, как ему удобно. Вместо этого он жался в тень, плывя среди беспорядочной кучи обломков.

Дойдя до фермы, он нагнулся над ней и стал вспоминать, что от него требуется. Его вернул к действительности голос коммандера Хенсона, отдавшийся в наушниках, подобно далекому эху. Не торопясь, проверяя каждый свой жест, Франклин установил заветную лепешку, потом повис в воде рядом с ней, невесть почему восхищаясь своей работой, а в ушах все время звучал докучливый голос. Да ведь от него очень просто избавиться — снял и выбросил маску и вместе с ней эти чертовы наушники. Неплохая мысль... Но оказалось, что у него просто-напросто не хватает сил отстегнуть удерживающие маску ремешки. Вот досада! Может быть, проклятый голос смолкнет, если сделать то, что он требует.

Но Франклин просто не представлял себе, как выбраться из этого уютного лабиринта. От шума и света все путалось в голове. Куда ни подашься, непременно на пути препятствие, приходится отступать. Это злило его, но не тревожило, он чувствовал себя хорошо и здесь.

Однако голос не унимался. Теперь он звучал не дружески-наставительно; Франклин улавливал грубые, даже оскорбительные ноты, ему отдавали приказы так, как прежде с ним никто не смел говорить (кстати, почему?). Снова и снова все более настойчиво повторялись одни и те же слова, ему упорно втолковывали, как действовать, и наконец он тупо подчинился. Отвечать не было сил, Франклин только всплакнул от обиды. Никогда в жизни его так не называли, да ему вообще редко доводилось слышать слова, подобные тем, которые звучали в наушниках. Кто это позволяет себе такую наглость?..

— Не туда, болван чертов, сэр! Влево... Влево! Вот так... теперь вперед... не останавливайся! А, черт, опять спит. Проснись... Вылезай оттуда скорей, а то как дам по башке! Вот так, умница... совсем немного осталось... еще несколько футов...

И так далее в том же духе, причем были выражения куда покрепче.

Вдруг Франклин с удивлением обнаружил, что его больше не окружает скрученное железо. Он медленно шел в чистой воде. Впрочем, он плыл недолго — металлические пальцы не очень-то ласково подхватили его и понесли в ревущую ночь.

Издалека донеслись четыре отрывистых приглушенных взрыва. Что-то подсказало Франклину, что он отвечает за два из них. Но ему не пришлось увидеть короткого и драматического зрелища, когда в ста футах под ним сработали радиодетонаторы и огромная вышка развалилась надвое. Секция, которая придавила подводную лодку, была слишком тяжела, бочки с воздухом все еще не могли ее поднять, но теперь макушка перевесила, исполинские качели соскользнули в сторону и рухнули на дно.

Освобожденная от оков лодка направилась вверх, ускоряя ход. Она прошла совсем близко от Франклина, он даже ощутил ток воды, но был слишком ошеломлен, чтобы понять, что это означает. Он еще сражался с туманом, который окутал его мозг. На глубине около восьмисот футов Франклин вдруг начал реагировать на ядовитые наказы Хенсона и даже, к великому облегчению коммандера, заговорил с ним таким же языком. Вплоть до отметки семьсот футов он лихо сквернословил, потом окончательно пришел в себя и смущенно запнулся. Только сейчас до него дошло, что задача выполнена и спасаемые уже намного его обогнали, идя к поверхности.

Франклину нельзя было всплывать так быстро. На глубине трехсот футов его ожидала декомпрессионная камера; в ней ему предстояло без особых удобств лететь в Брисбен и ждать восемнадцать долгих часов, пока ткани не отдадут растворившийся в них избыточный газ.

И когда наконец врачи отпустили его на волю, разумеется, было поздно изымать магнитофонную ленту, которая обошла кабинеты Отдела китов. Для всего мира Франклин был героем, но зазнайство ему не грозило, ведь он знал, что все его подчиненные с упоением слушали, как непочтительно коммандер Хенсон увещевал их начальника.

ГЛАВА 25

Поднимаясь по трапу в аппарат, из которого ему меньше чем через полчаса предстояло впервые увидеть, как пропадает вдали земной шар, Питер ни разу не оглянулся. Франклин понимал, почему его сын упорно глядит прямо перед собой: восемнадцатилетние парни считают, что стыдно плакать на людях. Впрочем, то же самое можно сказать и о пожилых начальниках отделов.

Энн была свободна от таких предрассудков и, как ни старалась Индра ее унять, плакала навзрыд. Только когда люк корабля закрылся и все заглушила сирена получасовой готовности, рыдание перешло в прерывистое всхлипывание.

Передвижные барьеры стали теснить толпу провожающих — друзей и родных, кинооператоров и представителей Комитета по делам космоса. Держа жену и дочь за руки, Франклин дал увлечь себя человеческому потоку. Какая смесь надежд и тревог, радостей и печалей окружала его сейчас! Он попытался вспомнить, что чувствовал, когда сам первый раз выходил в космос. Это была одна из величайших минут его жизни, и, однако, все забыто, стерто тридцатью годами полнокровной жизни.

Теперь вот Питер ступил на путь, по которому когда-то следовал его отец. Пусть тебе повезет среди звезд больше, чем мне, сынок... Если бы можно было перенестись в Порт-Ловелл, когда Айрин будет встречать юношу, который мог быть ее сыном! Как-то Рой и Руперт примут своего сводного брата? Наверно, обрадуются ему; Питер не будет на Марсе таким одиноким, каким когда-то чувствовал себя младший лейтенант Уолтер Франклин.

В полном молчании истекали последние долгие минуты. Питер, конечно, уже увлечен всем тем волнующим и необычным, что будет окружать его целую неделю, горечь расставания забыта. И кто его упрекнет за то, что все его мысли — о новой жизни, которая сулит столько неизведанных переживаний...

«Ну а моя собственная жизнь?» — спросил себя Франклин. Теперь, когда сын стартует в будущее, вправе ли он ска-

зать, что она удалась? Трудно дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Далеко не все его начинания были успешными, а некоторые кончились бедой. И пусть его считают героем, все равно вряд ли он достигнет новых высот: слишком много людей было задето и возмущено, когда он — несколько неожиданно для самого себя — оказался союзником Маха Тхеро. Уж во всяком случае, ему нечего надеяться на повышение (да он его и не хочет) в ближайшие пять или десять лет, которые нужны, чтобы перестроить Отдел китов. Франклину ясно сказали: поскольку он сам отчасти повинен во всем (во всей этой заварухе, говорили люди попроще), пусть теперь расхлебывает.

Есть одна вещь, которой ему никогда не дано узнать. Если бы судьба не даровала ему общественное признание и не столь преходящую, зато более ценную дружбу сенатора Чемберлена, хватило бы ему решимости отстаивать свои новые взгляды? Легко было, став очередным (сегодня всеми почитаемым, а завтра всеми забытым) героем толпы, излагать свою точку зрения. Какая бы злоба ни кипела в душе у начальства, оставалось только смириться с отступничеством Франклина. Иногда он даже жалел, что его выручила прихоть судьбы. Да и можно ли приписывать его показаниям решающую роль? Пожалуй, да. При всенародном опросе голоса разделились почти поровну; без его помощи Маха Тхеро мог бы и проиграть.

Три резких сигнала сирены прервали мысли Франклина. В торжественной тишине, которая казалась неестественной тем, кто еще помнил ракетный век, огромный корабль сбросил тысячетонное бремя своего веса и двинулся вверх, возвращаясь в родную стихию. В полумиле над стартовой площадкой вступило в действие собственное поле тяготения корабля, и земные понятия о «верхе» и «низе» потеряли смысл. Нос нацелился на зенит, и на миг среди облаков словно повис чудом заброшенный в небо металлический обелиск. Но тут же — по-прежнему в великом безмолвии — обелиск превратился в туманную полоску, а затем небеса и вовсе опустели.

Напряжение схлынуло. Кто-то вытирал слезы, но большинство провожающих смеялись и шутили, может быть,

чуть громче обычного. Обняв за плечи Энн и Индру, Франклин повел их к выходу.

Сыну он охотно завещает безбрежное море космоса. С него самого хватит земных океанов. В них обитают те, с кем связан его труд,— от могучего, как гора, Левиафана до новорожденного дельфина, который еще не научился сосать молоко под водой.

В меру своих сил и разумения он будет их охранять. Уже теперь Франклин ясно представлял себе будущую роль своего отдела, когда смотрители на самом деле станут покровителями всего живущего в морях. Всего? Нет, это, конечно, абсурд; нет средств, чтобы остановить или хотя бы заметно смягчить свирепствующую во всех океанах борьбу за существование. Но в своих отношениях с родственными ему огромными млекопитающими человек может, так сказать, положить начало, навязать частичное перемирие кровожадной природе.

Невозможно предугадать, во что это выльется в отдаленном будущем. Даже смелый и еще не осуществленный замысел Люндквиста — приручить косаток — может оказаться лишь слабым намеком на то, что свершится уже в ближайшие десятилетия. Кто знает, не принесут ли они ответ на загадку, которая до сих пор владеет его умом и к решению которой он был так близок, когда подводное землетрясение отняло у Франклина его самого дорогого друга.

Завершается едва ли не лучшая глава его жизни. Конечно, трудности еще могут быть, и немало, но вряд ли будущее припасло для него такие задачи, какие выдавались прежде. В известном смысле он выполнил свою миссию, хотя работа только начинается.

Франклин еще раз поднял взгляд в пустое небо, и в памяти, как волна на мелководье, возникло то, что сказала ему Маха Тхеро, когда они возвращались из Гренландии. Разве можно забыть слова, от которых холодок под ложечкой... «Когда придет это время, вполне возможно, что превосходящие нас существа будут обращаться с нами так, как мы обращались с другими обитателями нашей планеты».

Может быть, и глупо подчинять свои мысли и поступки призрачным догадкам об отдаленном и непостижимом бу-

дущем, но он не жалел о сделанном. Пристально глядя в голубую бесконечность, которая поглотила его сына, Франклин вдруг почувствовал, что звезды совсем близко.

— Дайте нам еще сто лет,— прошептал он,— и мы встретим вас с чистой душой и чистыми руками, в каком бы облике вы нам ни явились.

— Пошли, милый,— позвала его Индра; ее голос чуть-чуть дрожал.— У тебя осталось совсем мало времени. Из Отдела звонили и просили напомнить тебе: через полчаса начнется заседание Комитета межведомственной стандартизации.

— Знаю.— Франклин решительно высморкался, словно поставил точку.— Я их не задержу, не бойся.

ЗЕМНОЙ СВЕТ

Поднимаясь с погруженной в ночную тьму равнины на взгорье, монорельс терял скорость. «Скоро и солнце догоним»,— подумал Садлер. Здесь терминатор двигался совсем медленно, при желании человек мог бы без особого труда идти с ним вровень, удерживать раскаленный шар точно на горизонте — пока не захотелось бы передохнуть. Но даже и потом Солнце будет закатываться так медленно и неохотно, что только через час с лишним последний его ослепительный сегмент исчезнет и наступит долгая лунная ночь.

Сквозь эту ночь и мчался сейчас Садлер, пересекая землю, открытую первопроходцами два столетия тому назад, со скоростью пятисот километров в час. Кроме него и истомленного скукой кондуктора, чьи обязанности, похоже, ограничивались приготовлением для пассажиров кофе, в вагоне ехали четыре астронома Обсерватории, остальные места пустовали. Дружелюбно кивнув своему попутчику при входе, жрецы науки тут же перестали его замечать и с головой погрузились в какой-то свой — научный, конечно же,— спор. Несколько уязвленный таким пренебрежением, Садлер утешился мыслью, что его приняли не за новичка, впервые выполняющего задание на Луне, а за бывалого старожила.

Свет, горящий в салоне, не давал возможности толком рассмотреть окутанную тьмой местность, над которой по-

© Перевод М. Пчелинцева.

чти бесшумно мчался вагон. «Тьма» — это, пожалуй, слишком сильно сказано. Солнце все еще оставалось за горизонтом, но почти в зените висела Земля, приближавшаяся к первой четверти. Через неделю, в лунную полночь, родная планета человечества превратится в ослепительный диск — ослепительный в самом буквальном смысле, глядеть на «полную Землю» незащищенными глазами невозможно.

Садлер встал, миновал все еще увлеченных спором астрономов и направился вперед, к небольшому купе, отделенному от салона плотной занавеской. Не успевший еще привыкнуть к тяготению в одну шестую земного, он пробирался по узкому коридору, зажатому между туалетами и кабиной управления, медленно и осторожно.

Вот теперь что-то видно; обзорные окна могли бы быть и побольше, но это не допускалось по каким-то малопонятным соображениям безопасности. Однако здесь не мешал внутренний свет, так что можно было наконец насладиться застывшим великолепием этого древнего, пустынного мира.

Застывшим... Да, было совсем не трудно поверить, что за окнами уже двести градусов ниже нуля, хотя Солнце зашло всего несколько часов назад. Собственно говоря, впечатление холода создавал скорее не пролетающий мимо ландшафт, а голубовато-зеленый, льющийся на него свет; в стылом этом сиянии, отраженном от морей и облаков далекой Земли, не было ни грана тепла. Странный парадокс, подумал Садлер, ведь сам по себе повисший в небе мир полон тепла и уюта.

Впереди летящего сквозь ночь (земную, что ли? Ведь на Земле я сказал бы «лунную») вагона прямой, как стрела, тянулся тонкий рельс, поддерживаемый как-то слишком уж редко поставленными опорами. Еще один парадокс, этот мир на них не скупится. Ну почему бы Солнцу не заходить по-человечески, на западе? Этому было какое-то очень простое астрономическое объяснение, но сейчас Садлер не мог его вспомнить. Затем он сообразил, что, если разобраться, все подобные названия совершенно произвольны и их мог-

ли перепутать при составлении карты новых просторов, завоеванных человеком.

Путь все еще шел вверх; сперва все поле зрения занимал крутой, почти отвесный обрыв. Слева — это что же будет, юг, что ли? — местность спадала вниз слоистыми, неровными террасами; похоже, что когда-то, миллиарды лет назад, изливающаяся из раскаленной сердцевины Луны лава застывала здесь серией последовательных, все ослабевающих волн. Леденящий душу вид, но ведь и на Земле есть места ничуть не более жизнерадостные. Например — мрачная, враждебная всему живому Аризонская пустыня, а склоны Эвереста еще хуже, здесь, на Луне, нет хотя бы тамошнего вечного, до костей пронизывающего ветра.

А потом Садлер с трудом сдержал крик: обрыва вдруг не стало, он исчез, словно обрубленный исполинским зубилом, и справа открылась новая картина. С трудом верилось, что этот потрясающий эффект — случайность, что он создан спонтанным артистизмом природы.

Словно ангелы в огненной своей славе, вдоль края неба нескончаемой чередой шагали вершины Апеннин, раскаленные последними лучами заходящего Солнца. Внезапный взрыв света почти выжигал сетчатку; Садлер инстинктивно зажмурился и прикрыл глаза рукой. Через несколько секунд, когда он снова — и опасливо — их открыл, мир оказался совершенно преображенным. Звезды, заполнявшие небо, исчезли — сузившиеся зрачки не могли уже их различить; Земля — бывшая только что ослепительно яркой — превратилась в жалкий зеленоватый лоскуток. Даже с расстояния в сотню с лишним километров залитые Солнцем горы затмевали все остальные источники света.

Фантастические пламенные пирамиды словно не имели под собой никакой опоры, они парили в небе, подобно земным закатным облакам,— линия, отделяющая день от ночи, была настолько резкой, что подножия гор совершенно скрывались в непроницаемом мраке, казалось, что реально существуют только сверкающие вершины. Пройдут еще долгие часы, прежде чем последний из этих горделивых пиков погрузится в ночную тень.

Занавески раздвинулись, пропуская в смотровое купе одного из астрономов. Все еще уязвленный полным пренебрежением спутников, Садлер неловко молчал. К счастью, проблема этикета разрешилась без его участия.

— Стоит того, чтобы лететь сюда с Земли? — спросил почти неразличимый в темноте сосед.

— Да, несомненно,— согласился Садлер, но тут же добавил подчеркнуто безразличным тоном: — Только это первое время, а потом привыкнешь и перестанешь замечать.

Из темноты донеслось хмыканье:

— Не сказал бы. Некоторые вещи никогда не приедаются, сколько тут ни живи. Только что с корабля?

— Да. Прилетел вчера вечером на «Тихо Браге». Ничего еще толком не видел.

Садлер заметил, что бессознательно подражает отрывистой, состоящей из коротких фраз речи собеседника. Интересно, они все здесь так разговаривают? Может быть, пытаются экономить воздух?

— Где будете работать? В Обсерватории?

— Вроде того, хотя я и не буду в штате. Я бухгалтер. Анализирую затратную эффективность здешних работ.

В купе нависла долгая, задумчивая тишина.

— Вы уж извините меня за невежливость,— снова заговорил астроном.— Я должен был представиться. Роберт Молтон. Начальник Отдела спектроскопии. Вот, теперь будет у кого спросить, как начисляется подоходный налог.

— Боюсь, может дойти и до этого,— сухо заметил Садлер.— Меня зовут Бертрам Садлер. Я из аудиторского бюро.

— Хмм. Думаете, мы здесь транжирим деньги попусту?

— Это решат другие. Я должен прояснить, как вы их тратите, а не почему.

— Развлечение вам предстоит еще то. Здесь каждый докажет, что на его работу нужно в два раза больше денег, чем ассигновано. Да и вообще — каким, к черту, образом можно налепить ценник на чисто научное исследование?

Эту проблему Садлер обдумывал довольно давно, однако счел за лучшее не вдаваться в объяснения. От добра доб-

ра не ищут; легенду восприняли без всяких сомнений — стараясь сделать ее еще убедительнее, обязательно на чем-нибудь сгоришь. Он не был особенно хорошим лжецом, хотя надеялся, что мало-помалу умение придет.

Во всяком случае, то, что услышал сейчас Молтон, было чистой правдой, жаль только, что не всей правдой, а какими-то там пятью ее процентами.

— Я вот тут думаю,— заметил он, указывая на пылающие впереди вершины,— как мы преодолеем эти горы. Туннелем — или поверху?

— Поверху,— откликнулся Молтон.— Они не такие уж высокие, хотя выглядят, конечно же, здорово. Вот посмотрите на горы Лейбница и на хребет Оберта — те раза в два выше.

Для начала хватит и этих, подумал Садлер. Плавно, но неуклонно трасса уходила вверх. Навстречу низко сидящему на единственном своем рельсе вагону мчались скалы и дикие каменистые обрывы; с бешеной скоростью промелькнув, они исчезли позади, в почти непроглядной тьме. Единственное, пожалуй, место в мире, где человек может путешествовать так быстро — и так близко от земли. Ни один реактивный лайнер, несущийся над облаками, не создает у своих пассажиров такого пугающе острого впечатления скорости.

Будь сейчас день, Садлер мог бы полюбоваться на чудеса строительной техники, перебросившие эту дорогу через подножия Апеннин, однако темнота скрывала паутинно-тонкие мосты и объезды вокруг слишком уж широких провалов; он видел только все те же вершины — сказочные огненные корабли, плывущие в безбрежном океане ночи.

А затем далеко на востоке из-за края Луны высунулся крошечный, ослепительно сверкающий ломтик — вагон вышел из тьмы на свет, догнал Солнце в его беге по угольно-черному небосводу. Сияние, затопившее кабину, заставило Садлера отвернуться от окна, и он впервые ясно рассмотрел попутчика.

В свои пятьдесят с лишком лет доктор (или надо «профессор»?) Молтон сохранил роскошную гриву черных, без

малейшего проблеска седины волос. Лицо — очень уродливое, но при этом очень к себе располагающее. Глядя на такое лицо, сразу чувствуешь, что перед тобой насмешливый, преисполненный здравого смысла философ, этакий современный Сократ, достаточно далекий от житейской суеты, чтобы любому человеку дать непредвзятый совет, но в то же самое время ничуть не чуждающийся людского общества. «Золотая душа, скрывающаяся под внешней грубой оболочкой»,— подумал Садлер и чуть не сморщился от пошлости этой избитой фразы.

Они обменялись внимательными, оценивающими взглядами — два человека, догадывающиеся, что это не последняя их встреча, очень напоминали сейчас двух обнюхивающих друг друга собак. Затем Молтон улыбнулся; наморщившись, его лицо стало почти таким же корявым, как пролетающий за окнами пейзаж.

— Насколько я понимаю, первый для вас лунный восход... не совсем, правда, обычный — не в той стороне и без последующего дня. Жаль, что все продлится каких-то десять минут — перевалив через гребень, мы снова окунемся в ночь. И следующего, более правильного восхода придется ждать две недели.

— А не слишком ли это утомительно — сидеть взаперти по две недели подряд?

Задав вопрос, Садлер сразу же прикусил язык — это нужно же было сморозить такую глупость. Однако Молтон не стал смеяться и ответил вполне серьезно:

— Сами увидите. День или ночь — под землей этого не замечаешь. А выйти на поверхность можно когда угодно. Некоторые даже предпочитают ночь — земной свет создает у них романтическое настроение.

Монорельс достиг верхней точки своей траектории. Оба путешественника замолкли, наблюдая, как озаренные Солнцем пики на несколько секунд загородили половину неба, а затем побежали, быстро уменьшаясь, назад. Со стороны Моря Дождей склон был гораздо круче; вагон быстро опускался, и Солнце сперва превратилось из сверкающего ломти-

ка в полоску, затем стало крошечной огненной точкой — и потухло. Под самый конец этого искусственного заката, за несколько секунд до окончательного погружения в тень Луны, был потрясающий момент, который никогда не исчезнет из памяти Садлера. Они двигались вдоль гребня, уже окутанного непроглядной тьмой, однако путевой рельс, тянувшийся в каких-то метрах над поверхностью, все еще был освещен последними лучами Солнца. Казалось, что вагон мчится по висящей в пространстве ленте пламени, созданной скорее каким-то волшебством, чем технической изобретательностью человека. Затем наступила ночь, и все волшебство развеялось. В небе постепенно, одна за одной, зажигались звезды — глаза Садлера начинали привыкать к темноте.

— А вы везучий,— заметил Молтон.— Сотню раз проезжал по этому месту и никогда не видел ничего подобного. Идемте в вагон — скоро будут кормить. Все равно смотреть больше нечего.

А вот это уж, подумал Садлер, и совсем неверно. Теперь, с заходом Солнца, снова вступил в свои права свет Земли, заливающий огромную, вечно сухую равнину, так неточно названную в древности Морем Дождей. Зрелище не такое яркое, как оставшиеся позади горы, но и от него перехватывало дыхание.

— Я постою еще. Это вы ко всему тут привыкли, а мне хочется смотреть и смотреть.

— Ничуть вас не осуждаю,— добродушно рассмеялся Молтон.— Боюсь, мы тут и вправду отвыкли удивляться чудесам.

Вагон летел вниз под головокружительно крутым углом, на Земле это было бы настоящим самоубийством. А навстречу поднималась призрачно-зеленая равнина, огороженная по краю цепочкой невысоких гор — просто холмиков, если сравнивать с горделивыми вершинами, оставшимися позади. А затем горизонт снова сжался в непривычно узкое — как и должно быть на шаре, в три с половиной раза меньшем, чем Земля,— кольцо.

Садлер проследовал за Молтоном в салон, где проводник уже расставлял подносы.

— У вас всегда так мало пассажиров? — поинтересовался он, проходя на свое место.— Не очень-то экономично.

— Экономию можно понимать по-разному,— пожал плечами Молтон.— Если судить по бухгалтерским книгам, многие из здешних дел выглядят более чем странно. Но к дороге это не относится, ее эксплуатация стоит совсем недорого. Оборудование служит практически вечно — ничто не ржавеет, не портится. Профилактический ремонт раз в два года — вот, собственно, и вся забота.

Как же он об этом не подумал? Садлеру предстояло узнать здесь очень много нового, кое-что — на своей собственной шкуре.

Обед оказался достаточно съедобным, хотя оставалось полной загадкой, из чего он был приготовлен. По большей части Луна кормилась продукцией гидропонных ферм, чьи огромные — конечно же, герметические — теплицы раскинулись в экваториальных областях на десятки квадратных километров. Похожее на говядину мясо было, вне всякого сомнения, синтетическим — Садлер где-то слышал, что единственная местная корова роскошествовала в зоопарке Гиппарха*, нимало не рискуя превратиться в бифштекс. Его необыкновенно цепкая память имела привычку ухватывать такие вот клочки совершенно бесполезной информации и хранить их затем с не меньшей тщательностью, чем что-нибудь действительно ценное.

На сытый желудок астрономы оказались более общительными; во время проведенной доктором Молтоном церемонии знакомства они вели себя достаточно дружелюбно и даже сумели несколько минут подряд не обсуждать свою работу. При всем при том не вызывало никаких сомнений, что ученые воспринимают и этого свалившегося вдруг им на голову бухгалтера, и его миссию с некоторой тревогой. Садлер буквально видел, как они перебирают в уме все свои

* Один из лунных кратеров. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

расходы по работе и лихорадочно обдумывают, что отвечать в случае возможных придирок. Разумеется, доводы их окажутся в высшей степени убедительными и любая попытка найти перерасход будет встречена развешиванием большого количества весьма научной лапши на уши и пусканием не менее научной пыли в глаза. Со всем этим ему уже приходилось встречаться, и не раз,— но в более простой обстановке.

Еще час с небольшим — и конец пути. Последний перед Обсерваторией перегон пересекал Море Дождей почти по прямой, если не считать небольшого объезда к востоку — трассировщики дороги не захотели прокладывать ее через холмистую местность, прилегающую к огромной, окруженной отвесными стенами равнине кратера Архимеда. Садлер уселся поудобнее, вытащил свои бумаги и углубился в их изучение.

В развернутом виде структурная схема организации едва уместилась на столике. Этот шедевр бюрократического искусства, аккуратно напечатанный в несколько красок — чтобы выделить разные отделы Обсерватории,— вызывал у Садлера сильное раздражение. Человек есть животное, изготавливающее орудия,— такое, кажется, было определение? Современного человека точнее будет определить как животное, зазря изводящее бумагу.

Наверху — «Директор» и «Заместитель директора», дальше схема распадается на три части, озаглавленные «Администрация», «Технические службы» и «Обсерватория». Садлер поискал доктора Молтона — ну да, вот он, конечно, в разделе «Обсерватория», прямо под «Научным руководителем», во главе короткой колонки фамилий, помеченной надписью «Спектроскопия». Уважаемый доктор имел шестерых ассистентов, с двоими из которых — Джеймисоном и Уилером — Садлер только что познакомился. Как оказалось, последний из пассажиров вагона совсем не принадлежал к ученой братии. Он имел на схеме свой собственный, личный прямоугольник и не подчинялся никому, кроме самого директора. У Садлера появились сильные подозрения,

что секретарь Уагнэл — весьма влиятельная в этих местах персона и с ним стоит сойтись поближе.

Он изучал схему уже добрых полчаса и с головой ушел в хитросплетения квадратиков и линий, когда кто-то включил радио. Садлер ничуть не возражал против негромкой музыки, заполнившей салон,— его способность к сосредоточению могла совладать и с гораздо худшими помехами. Затем музыка смолкла, после краткой паузы прозвучало «би-ип, би-ип, би-ип, би-ип, би-ип, бип!» сигнала времени, а сразу следом — мягкий, убаюкивающий голос диктора:

— Вы слушаете Землю, второй канал межпланетной службы. Шестой сигнал соответствовал двадцати одному часу по Гринвичу. Передаем новости дня.

Никакого треска, никаких помех, голос звучит ясно и отчетливо; полное впечатление, что передачу ведет местная станция. Однако Садлер видел на крыше вагона направленную в небо антенную тарелку и точно знал, что слушает сейчас прямую трансляцию. Каждое из этих слов покинуло Землю чуть больше секунды назад, они уже пролетели мимо Луны и мчатся дальше, в самые глубины космоса. Кто-то услышит их через несколько минут — и даже часов, если передачу примут корабли Федерации, находящиеся сейчас за орбитой Сатурна. И этот голос Земли будет лететь и лететь, распространяясь все шире и затихая, в те места, до которых человек не успел еще добраться, и наконец где-то там, по пути к альфе Центавра, затихнет окончательно, поглощенный неумолчным радиошепотом самих звезд.

— Передаем новости дня. Как только что сообщили из Гаити, Конференция по планетарным ресурсам закончилась полным провалом. Завтра делегаты Федерации покидают Землю, а тем временем канцелярия президента выступила со следующим заявлением...

Все это не было для Садлера неожиданностью, однако какой толк знать заранее, что вот сейчас тебе на голову свалится кирпич — такое предвидение ничуть не уменьшает силу удара, разве что дает возможность горестно возгласить: «Ну вот, сбылись наихудшие мои опасения!» А попутчики? Как они, понимают, насколько все это серьезно?

Понимают. Секретарь Уагнэл судорожно мнет рукой подбородок; доктор Молтон откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза; Джеймисон и Уилер мрачно уставились в темный провал окна. Да, они понимают. Отдаленность от Земли не отрезала их от потока земных событий.

Казалось, что сквозь стенки вагона просачивается нечеловеческий холод лунной ночи — таким леденящим ужасом веяло от этого безликого голоса, невозмутимо перечисляющего пункты разногласий, обвинения и контробвинения, взаимные угрозы, чуть-чуть прикрытые фиговыми листками дипломатических эвфемизмов. Интересно, а все ли население Земли понимает страшный смысл случившегося? Вряд ли, скорее всего, миллионы людей так и продолжают пребывать в блаженном самообмане, не рискуя взглянуть горькой истине в лицо. Пожмут плечами и скажут с натужным безразличием: «Да чего тут беспокоиться — как-нибудь пронесет».

Но Садлер не верил, что пронесет. Сидя в этом маленьком, ярко освещенном цилиндре, мчавшемся на север через Море Дождей, он четко осознавал, что впервые за последние двести лет над человечеством нависла угроза войны.

ГЛАВА 2

«Начало войны, если она все-таки начнется,— думал Садлер,— будет скорее трагедией обстоятельств, чем результатом чьей-то сознательной политики. И действительно, единственная — но очень серьезная — причина столкновения Земли с ее бывшими колониями сильно смахивала на дурацкую шутку матери-природы.

Задание было неожиданным, как снег на голову, однако Садлер и прежде прекрасно знал основные факты, определившие теперешний кризис; этот нарыв созревал не первое десятилетие, а зародился он из-за уникального положения Земли.

Людям очень повезло. Минеральные богатства их родной планеты не имеют себе равных в Солнечной системе.

Благодаря этому подарку судьбы человек с почти молниеносной скоростью развил технику, начал осваивать другие планеты и тут же столкнулся с тем неожиданным и неприятным обстоятельством, что продолжает полностью зависеть от Земли в удовлетворении многих своих первоочередных потребностей.

Земля — самая плотная из планет, в этом отношении к ней приближается только Венера. Однако у Венеры нет спутников, а Земля с Луной образуют двойную систему, не имеющую известных аналогов. Как возникла такая система — загадка для ученых, однако можно с уверенностью сказать, что в те далекие времена, когда Земля была еще расплавленным шаром, Луна вращалась вокруг нее по значительно более тесной орбите, поднимая в пластичном веществе своей соседки — или, если хотите, хозяйки — огромные приливные волны.

В результате кора Земли богата тяжелыми металлами, и не просто богата, а несравненно богаче, чем кора любой другой планеты. Та же самая, скажем, Венера хранит свои сокровища в ядре, где давление и температура надежно оберегают их от всех посягательств человека. Вот так и вышло, что по мере космической экспансии человеческой цивилизации нагрузка на быстроиссякающие ресурсы материнской планеты непрерывно возрастала.

Другие планеты обладали неисчерпаемыми количествами легких элементов, однако могли только мечтать о ртути, свинце, уране, тории, платине и вольфраме. Для многих из этих металлов не существовало никаких замен, их крупномасштабный синтез так и оставался — несмотря на двести лет отчаянных усилий — чудовищно дорогим, а современная техника не могла без них существовать.

Тем временем на Марсе, Венере и крупных спутниках внешних планет образовались независимые республики, объединившиеся затем в Федерацию; ситуация с ресурсами была для молодых государств, мягко говоря, досадной. Она держала их в зависимости от Земли, мешала дальнейшему продвижению к рубежам Солнечной системы. Поиски

на астероидах и спутниках, копание в строительном мусоре, оставшемся после формирования крупных миров, чаще всего не давали ничего, кроме льда и никому не нужных камней. За каждым граммом драгоценных — дороже золота — металлов приходилось идти с протянутой рукой все к тем же землянам.

Но и это бы еще полбеды, не относись Земля к своим молодым и шустрым потомкам с завистью, непрерывно возраставшей в течение всех двухсот лет, прошедших после начала космических полетов. Песенка старая, как мир: достаточно вспомнить отношения Англии и ее американских колоний. Верно сказано, что, хотя история и не повторяется, исторические ситуации воссоздаются раз за разом с почти пугающей регулярностью. Люди, управлявшие Землей, были несравненно умнее Георга Третьего, однако они начинали вести себя подобно этому бесчестному монарху.

У обеих конфликтующих сторон были свои извиняющие обстоятельства (а когда их нет?). Земля устала, она обескровила себя, посылая лучших своих сыновей к звездам. Она видела, что власть выскальзывает из рук, знала, что не имеет будущего. Так чего же ради было ей ускорять этот процесс, снабжая соперников необходимыми им орудиями?

Федерация же глядела на мир, бывший когда-то ее колыбелью, с жалостью и презрением. Она занималась вербовкой; многие из самых лучших ученых Земли, многие из самых активных, непоседливых ее уроженцев перебирались на Марс, Венеру и спутники гигантских планет. Здесь проходил новый рубеж человечества — рубеж, который будет расширяться вечно, уходя все дальше и дальше к звездам. Чтобы достойно встретить такой вызов, нужно было обладать высочайшей научной квалификацией, несгибаемой решимостью. На Земле же эти достоинства давно утратили решающее значение, и Земля прекрасно об этом знала — но не делала ничего для исправления ситуации.

Все это могло породить несогласие и потоки взаимных обвинений, но никак не более. К прямому насилию мог привести только какой-нибудь новый, неожиданный фактор;

не хватало последней искры, которая инициирует вселенский взрыв.

Теперь же искра была высечена. Садлер узнал об этом каких-то шесть месяцев назад, а большая часть мира и по сию пору пребывала в неведении. Планетарная разведка, малоизвестная, предпочитавшая держаться в тени организация, чьим сотрудником он стал против собственной воли, ни днем ни ночью не оставляла лихорадочных попыток нейтрализовать ущерб. Трудно поверить, чтобы математический труд, озаглавленный «Количественная теория образования элементов лунной поверхности», вызвал войну, но не нужно забывать, что когда-то в прошлом не менее теоретическая статья некоего Альберта Эйнштейна войну закончила.

Работу эту написал профессор Роланд Филлипс, мирный оксфордский космолог, нимало не интересовавшийся политикой. Он подал ее в Королевское астрономическое общество больше двух лет назад, так что объяснять, чем вызвана задержка с публикацией, становилось все труднее и труднее. К величайшему сожалению — именно этот факт и переполошил Планетарную разведку,— профессор Филлипс в святой своей простоте разослал экземпляры статьи марсианским и венерианским коллегам. Отчаянные — и запоздалые — попытки перехватить эти отправления ни к чему не привели. Так что теперь Федерация знает, что Луна — совсем не такой бедный мир, как считалось все эти двести лет.

Знает — и знает, тут уж ничего не поделаешь, остается только хранить в строжайшей тайне другие, не менее важные обстоятельства, связанные с Луной. Именно это и не удавалось — информация утекала с Земли на Луну, а оттуда — на планеты.

Обнаружив протечку в доме, думал Садлер, вызывают водопроводчика. Но что прикажете делать с протечкой невидимой — которая к тому же может оказаться в любой точке мира, равного по площади Африке?

Даже являясь сотрудником Планетарной разведки, он почти ничего не знал о ее размерах, о размахе и методах ее

операций и все еще кипел негодованием на грубое вмешательство этой организации в свою жизнь. По профессии Садлер был бухгалтером, так что особенно притворяться ему сейчас не приходилось. Некоторое время назад по причинам, которых он не знал и, скорее всего, никогда не узнает, с ним провели собеседование, закончившееся предложением некоей не совсем определенной работы. Он согласился, в некотором роде добровольно — после прозрачного намека, что отказываться не в его интересах. Затем последовали шесть месяцев монашеской жизни в канадской глуши (собственно говоря, он только думал, что живет в Канаде, возможно, это была Гренландия или Сибирь). Его почти непрерывно держали под гипнозом и накачивали самой разнообразной информацией. И вот теперь он на Луне, пешка в разыгрываемой кем-то межпланетной шахматной партии. Он с тоской мечтал о том времени, когда весь этот ужас закончится. Неужели же бывают люди, добровольно становящиеся тайными агентами? Только крайне инфантильные и неуравновешенные личности могут получать какое-то удовольствие от такой откровенно нецивилизованной деятельности. Были, конечно же, и кое-какие плюсы. В нормальной обстановке он никогда бы не попал на Луну, полученные сейчас впечатления и опыт могут очень пригодиться в дальнейшей жизни. Садлер всегда старался смотреть в будущее, а особенно тогда, когда его удручало текущее положение вещей. В данный момент положение вещей выглядело из рук вон плохо — что на личном, что на межпланетном уровне.

Безопасность Земли — вещь весьма серьезная. Слишком серьезная, чтобы один отдельно взятый человек серьезно о ней заботился. Непомерное бремя межпланетной политики беспокоило Садлера значительно меньше, чем мелкие повседневные заботы. Постороннему наблюдателю могло бы показаться весьма пикантным, что величайшая забота Садлера была связана не с выживанием человечества, а с одним-единственным человеческим существом. Простит ли когда-нибудь Жанетта, что он не приедет домой на

годовщину свадьбы? И даже не позвонит. Ни жена Садлера, ни его друзья ничуть не сомневались, что он где-то на Земле. А позвонить с Луны, не признаваясь, где ты находишься, невозможно — тебя сразу же выдаст запаздывание в две с половиной секунды между вопросом и ответом.

Планетарная разведка может очень многое, но ускорить радиоволны не под силу и ей. Она доставит ко времени подарок — но не сможет сказать Жанетте, когда ее муж вернется домой.

И она никак не сможет изменить тот печальный факт, что в ответ на вопрос жены, куда он уезжает, Садлер соврал. Соврал во славу Безопасности.

ГЛАВА 3

Конрад Уилер кончил сравнивать ленты, на секунду задумался, встал и трижды обошел лабораторию. Глядя на него сейчас, любой старожил с уверенностью сказал бы, что спектроскопист попал на Луну сравнительно недавно. За шесть месяцев работы в Обсерватории он не успел еще окончательно привыкнуть к кажущейся легкости своего тела. Его резкие, угловатые, словно у марионетки на ниточках, движения резко контрастировали с плавной, почти как в замедленном фильме или во сне, походкой бывалых «лунатиков». Надо сказать, частично в этой порывистости был виноват темперамент Уилера, недостаток у него самодисциплины, склонность к поспешным выводам. Именно со своим темпераментом он и пытался сейчас бороться.

Ему случалось допускать ошибки — но ведь на этот раз не остается никакого места для сомнений. Факты неоспоримы, вычисления тривиальны, а ответ — ответ внушает почтительное благоговение. Одна из далеких, затерянных в глубинах космоса звезд взорвалась, выплеснув из своих недр потоки невообразимой энергии. Уилер взял листок с набросанными на нем цифрами, по десятому разу их перепроверил и потянулся к телефону.

— Это что, действительно важно? — недовольно проворчал Сэм Джеймисон.— Ты меня выдернул из фотолаборатории, я как раз делаю одну штуку для Старого Крота. Ладно, говори, все равно нужно подождать, пока пластинки промоются.

— Сколько им еще полоскаться?

— Минут пять. Но потом я займусь следующими.

— Мне кажется, что это очень важно. Тут нужна буквально секунда. Забегай, я тут рядом, в пятой приборной.

За три сотни лет фотография изменилась очень мало. Уилер, считавший, что электроника может сделать все и еще немножко, воспринимал деятельность старого своего приятеля как некий пережиток века алхимии.

— Так что там? — с обычным своим немногословием поинтересовался Джеймисон.

Уилер ткнул пальцем в лежащую на столе перфоленту:

— Я делал очередную проверку амплитудного интегратора. Он обнаружил одну штуку.

— А он только тем и занимается,— пренебрежительно фыркнул Джеймисон.— Стоит кому-нибудь в Обсерватории чихнуть, как эта твоя железяка открывает новую планету.

Скептицизм Джеймисона имел под собой серьезные основания. Интегратор — прибор очень сложный и капризный — ошибался при каждом удобном случае и даже без оного, а потому многие астрономы считали, что от него больше хлопот, чем толку. Однако директор питал к этому шкафу, набитому электроникой, нежную любовь, так что избавиться от него было невозможно, во всяком случае — до смены руководства. Собственно говоря, Маклорин сам же его и изобрел — в те далекие дни, когда имел еще время для научной работы. Автоматический страж небес, этот прибор оглядывал их год за годом, терпеливо ожидая, когда же наконец вспыхнет новая звезда.

— Вот эта запись,— сказал Уилер.— Посмотри сам, если не веришь.

Джеймисон прогнал ленту через преобразователь, переписал числа, сделал быструю прикидку... После чего у него

отпала челюсть. К величайшему облегчению — и удовлетворению — Уилера.

— Тринадцать величин* за двадцать четыре часа! Это да!

— Тринадцать и четыре десятых, если уж точно, но у тебя получилось достаточно близко. Это сверхновая. И совсем близко.

В комнате повисла тишина.

— Слишком уж здорово, чтобы быть правдой,— вздохнул наконец Джеймисон.— Не будем никому говорить, пока не убедимся окончательно. Снимем спектр, а до того времени давай считать ее обычной новой.

— Когда там в нашей Галактике была последняя сверхновая? — мечтательно закатил глаза Уилер.

— Наверное, звезда Тихо... нет, была вроде и попозже, где-то около тысяча шестисотого.

— В любом случае — очень и очень давно. Пожалуй, это вернет мне благорасположение директора.

— Будем надеяться,— пожал плечами Джеймисон.— Во всяком случае, ничем меньшим, чем сверхновая, ты его не проймешь. Пиши теперь краткое извещение, а я пойду готовить спектрограф. Не нужно жадничать, другим обсерваториям тоже захочется поучаствовать. Ты,— повернулся он к интегратору, продолжавшему нести свой небесный дозор,— оправдал-таки свое существование. Даже если в дальнейшем ты никогда не найдешь ничего, кроме навигационных сигналов космических кораблей.

Через час в гостиной Обсерватории было объявлено об открытии сверхновой. Садлер воспринял новость совершенно равнодушно. Озабоченный своими личными проблемами и горой предстоящей работы, он не имел никакого желания вникать во всю эту рутину, тем более что не понимал в ней ровно ничего. Однако тут же выяснилось, что событие произошло далеко не рутинное.

— Вот это бы занести в ваши бухгалтерские книги, в графу «приход»,— широко улыбнулся секретарь Уагнэл.— Круп-

* Пять звездных величин — это прирост яркости в сто раз. Тринадцать величин — примерно в сто шестьдесят тысяч раз.

нейшее астрономическое открытие за многие годы. Идемте на крышу.

Можно и сходить, подумал Садлер, со все возраставшим раздражением читавший язвительную передовицу последнего номера «Тайм интерпланетари». Он выпустил журнал из рук, посмотрел, как тот с бредовой, нереальной медлительностью опускается на пол, встал и пошел следом за Уагнэлом к лифту. Проехав жилой уровень, уровни административный, энергетический и транспортный, они попали в смотровой купол. Тент, прикрывавший этот маленький — не более десяти метров в диаметре — пластиковый пузырек от прямых лучей Солнца, был сейчас откинут; Уагнэл выключил внутреннее освещение... Словно повинуясь тому же нажиму кнопки, в небе вспыхнули бесчисленные звезды и растущая, в начале второй четверти Земля. Садлер бывал здесь неоднократно, он не знал лучшего средства против умственной усталости.

В четверти километра от них вздымался крупнейший телескоп, когда-либо построенный человеком. Садлеру было уже известно, что этот гигантский глаз не смотрит ни на одну из доступных глазу обычному звезд — да и вообще ни на одну из звезд нашей Галактики. Его невероятно острый взгляд устремлен к самым далеким пределам Вселенной, на расстояние в миллиарды световых лет.

Неожиданно титаническое сооружение начало поворачиваться к северу. Уагнэл негромко рассмеялся.

— Уйма людей будут рвать на себе волосики,— пояснил он.— Мы прервали программу исследований, чтобы направить главный калибр на Nova Draconis*. Посмотрим, видна она или нет.

Он начал всматриваться в небо, время от времени справляясь с набросанной на листке бумаги схемой. Садлер тоже глядел на север, но не замечал ровно ничего необычного — звезды и звезды, кто ж их разберет. Уагнэлу стоило большого труда навести его — пользуясь Большой Медве-

* Новая звезда из созвездия Дракона *(лат.)*.

дицей и Полярной звездой как ориентирами — на крошечную, низко висящую над северным горизонтом звездочку.

— Не слишком, конечно, впечатляет,— сказал секретарь директора, почувствовавший, по всей видимости, разочарование своего спутника.— Но ведь она продолжает расти. Если так пойдет и дальше, дня через два или три нам представится роскошное зрелище.

Каких два дня, подумал Садлер, земных или лунных? Каждый раз эта путаница — да добро бы только эта. Все здешние часы имели двадцатичетырехчасовой циферблат и показывали время по Гринвичу. В этом было определенное удобство — посмотри на Землю, и ты уже достаточно точно знаешь время. Но вот смена лунных дня и ночи не имеет к показаниям часов ровно никакого отношения. В «полдень» (если считать по часам) Солнце может быть абсолютно где угодно, как над горизонтом, так и ниже его.

Ну ладно, через пару дней и посмотрим; Садлер перевел взгляд на Обсерваторию. Направляясь сюда, он ожидал увидеть этакое скопление огромных куполов — совершенно при этом забывая, что на Луне нет ни дождя, ни ветра, а потому нет и необходимости укрывать приборы. И десятиметровый рефлектор и его меньший собрат стояли прямо в космическом вакууме, ничем не защищенные, и только их изнеженные хозяева отсиживались в укрытых глубоко под землей, наполненных теплым воздухом клетушках.

Идеальная, без единой зазубринки окружность горизонта. Обсерваторию построили в центре Платона, однако кривизна лунной поверхности не позволяла увидеть кольцо гор, опоясывающее кратер. Мрачный, унылый пейзаж; ни единого холмика, на котором мог бы задержаться глаз. Только пыльная равнина, взрытая кое-где ударами метеоритов,— и загадочные творения рук человеческих, напряженно вглядывающиеся в небо, пытающиеся выведать секреты звезд.

Покидая купол, Садлер еще раз посмотрел на созвездие Дракона, однако не смог уже вспомнить, которая из тусклых приполярных звездочек — причина сегодняшнего астрономического переполоха.

— А вы не могли бы мне объяснить,— со всей возможной тактичностью спросил он Уагнэла,— что такого важного в этой звезде?

На лице секретаря появилось полное недоумение, смешавшееся с обидой, а затем — снисходительным пониманием.

— Звезды,— начал он,— чем-то похожи на людей. Спокойные и благонамеренные никогда не привлекают к себе особого внимания. Они тоже нам кое-что рассказывают, но гораздо больше можно узнать от тех, которые сорвались с привязи.

— А что — со звездами часто такое случается?

— Каждый год в нашей Галактике происходит около сотни взрывов, но все это обычные новые. В своем максимуме они ярче нашего Солнца примерно в сто тысяч раз. Сверхновые появляются гораздо реже, но зато они явление воистину грандиозное. Мы все еще не знаем, почему так происходит, но сверхновая сияет в несколько миллиардов раз ярче Солнца. Некоторые из них превосходят светимостью все звезды нашей Галактики, вместе взятые.

Уагнэл помолчал, давая своему слушателю время проникнуться благоговением перед могуществом космических сил.

— К сожалению,— продолжил он,— за все время существования телескопов ничего подобного не случалось. Последняя сверхновая нашей Галактики появилась около шести столетий назад. В других галактиках их было сколько угодно, но это слишком далеко, чтобы провести хорошее исследование. А эта сверхновая — если она сверхновая — вспыхнула прямо у нас под носом. Через пару дней все станет ясно. А уже через несколько часов она будет ярче любого другого светила — за исключением Солнца и Земли.

— А что можно от нее узнать?

— Взрыв сверхновой — самое грандиозное из природных явлений. Мы посмотрим, как ведет себя материя при условиях, в сравнении с которыми центр ядерного взрыва — полный штиль в холодную погоду. Но если вы — один

из тех людей, которым просто необходимо, чтобы из всего была какая-то практическая польза, задумайтесь: разве не важно выяснить, что именно заставляет звезду взорваться? А то вдруг и нашему Солнцу захочется выкинуть подобный фокус.

— В каковом случае,— возразил Садлер,— я предпочел бы ничего не знать заранее. Скажите, пожалуйста, а были у этой новой планеты?

— Неизвестно — и никогда не будет известно. Но такое бывает довольно часто, ведь планеты есть по крайней мере у каждой десятой звезды.

От неожиданной мысли сжималось сердце. В любой день и час где-нибудь во Вселенной целая солнечная система со своими несчетными мирами и цивилизациями падает — словно брошенная чьей-то безразличной рукой — в космическое горнило. Ну, необязательно, но вполне возможно. Жизнь — феномен нежный и хрупкий, балансирующий на тонком лезвии между холодом и жарой.

Но человеку, видимо, не хватало природных опасностей. Сам, собственными своими руками он складывал себе погребальный костер.

Такая же мысль появилась и у доктора Молтона, однако в отличие от Садлера он смягчил ее другой, более оптимистической. Nova Draconis вспыхнула в двух тысячах световых лет от Земли, ее свет несется сквозь Вселенную со времен Христа. По пути он омыл уже сотни солнечных систем, привлек внимание обитателей тысяч миров, да и сейчас, прямо в этот момент, его наблюдают какие-то другие астрономы, разбросанные по поверхности огромной, диаметром в четыре тысячи световых лет, сферы. Их приборы, вряд ли сильно отличающиеся от земных, ловят излучение умирающего светила, уходящее все дальше и дальше в неизведанные глубины Вселенной. И уж совсем странно подумать, что через несколько сотен миллионов лет некие бесконечно далекие наблюдатели, для которых вся наша Галакти-

ка не более чем тусклое пятнышко, заметят, что этот островок Вселенной почти мгновенно удвоил свою яркость.

Доктор Молтон стоял у пульта управления. Когда-то эта комната, служившая ему одновременно лабораторией и мастерской, почти не отличалась от прочих помещений Обсерватории, однако личность хозяина наложила на нее заметный отпечаток. В одном из углов красовалась ваза с цветами — предмет, мало соответствующий обстановке, но одновременно приятный. Эта небольшая — и единственная — причуда Молтона ни у кого не вызывала возражений. Полная непригодность местной, лунной флоры для целей декоративных вынудила его использовать цветы из воска и проволоки, весьма артистично изготовленные в мастерских Сентрал-Сити по специальному заказу. Их подбор и расстановка изменялись с такой изобретательностью, что ни одному букету не приходилось стоять два дня подряд.

Уилер иногда подшучивал, что подобное хобби — очевидное свидетельство тоски по дому и желания вернуться на Землю. Со времени последнего визита доктора Молтона в родную Австралию прошло уже более трех лет, но он совсем не рвался туда снова, говоря, что здесь, на Луне, работы хватит и на сотню жизней, а кроме того, лучше уж подкопить отпуска побольше, чтобы потом взять все сразу.

Рядом с цветами стояли металлические шкафы — хранилища многих тысяч спектрограмм, собранных Молтоном за годы работы. Он не был астрономом-теоретиком — и всегда старался это подчеркнуть. «Я только смотрю и регистрирую; объяснять, почему все так, а не иначе, не моя забота». Случалось, что прибегал кипящий негодованием теоретик, абсолютно уверенный, что ни одна звезда не может иметь такой спектр. Тогда Молтон обращался к своему архиву, проверял, нет ли тут какой-нибудь ошибки, а затем пожимал плечами: «Я тут ни при чем. Все претензии к старушке Природе»

Большую часть комнаты заполняло сваленное грудами оборудование, способное поставить в тупик даже многих астрономов, а на взгляд постороннего — просто бессмыслен-

ное. Основную часть этих приборов Молтон сделал собственными руками или в крайнем случае сконструировал и передал для изготовления своим ассистентам. Уже два столетия каждому астроному-практику приходилось быть по совместительству электриком, инженером, физиком и даже — в связи со все возрастающей стоимостью оборудования — экспертом по связям с общественностью.

Молтон задал прямое восхождение и склонение. Электрические импульсы бесшумно скользнули по проводам, и в то же мгновение высоко вверху, на поверхности, громоздкий, напоминающий титаническую пушку телескоп начал плавно разворачиваться к северу. Огромное зеркало, устанóвленное в нижней части трубы, собирало в миллионы раз больше света, чем человеческий глаз, а затем с ювелирной точностью фокусировало его в пучок. Отражаясь от зеркала к зеркалу, этот пучок приходил в конце концов к доктору Молтону, который был волен делать с ним все, что только заблагорассудится.

Не было и речи, чтобы рассматривать сверхновую прямо — как в подзорную трубу: миллионократно усиленное сияние звезды мгновенно ослепило бы глаз, да и что такое этот глаз по сравнению с приборами? Молтон установил электронный спектрометр и включил сканирование. Теперь спектр Nova Draconis будет изучен со скрупулезной тщательностью, от красного цвета через желтый, зеленый, синий в фиолетовый и даже дальше, до далекого ультрафиолета, не воспринимаемого человеком. Интенсивность каждой спектральной линии будет записана на ленту, которая станет неопровержимым свидетельством космической катастрофы, свидетельством, всегда доступным для использования — хоть завтра, хоть через тысячу лет.

В дверь постучали. На пороге появился Джеймисон с еще не просохшими фотопластинками.

— При последних экспозициях все получилось.— В голосе молодого астронома звенело торжество.— Отчетливо видно расширяющееся газовое облако. Скорость — в полном согласии с доплеровским сдвигом.

— Да уж надеюсь,— проворчал Молтон.— Дай-ка посмотреть.

Под мерное гудение электромоторов — спектрометр продолжал свой автоматический поиск — он начал изучать пластинки. Изображение на них было, конечно же, негативное, однако Молтон, как и любой другой астроном, давно к этому привык и читал детали не хуже, чем на позитивном отпечатке.

В центре была сама Nova Draconis — крошечный диск почти выжженной колоссальным количеством света эмульсии. А вокруг — бледное, едва различимое глазом кольцо. Молтон знал, что день ото дня это кольцо будет расширяться, пока наконец не рассеется. Только сделав над собой усилие, можно было понять, что же оно такое на самом деле — это маленькое и невинное колечко.

Они смотрели в прошлое, на катастрофу, случившуюся две тысячи лет назад. Звезда сбросила с себя пламенную оболочку — не успевшую еще остынуть до «белого каления», а потому почти невидимую,— и та рванулась в пространство, ежечасно расширяясь на несколько миллионов километров. Летящая стена огня, способная выжечь любую, даже самую большую планету, ничуть не замедлив своего движения. А вот отсюда, из Солнечной системы, она всего лишь бледное, на грани видимости, кольцо.

— Интересно,— негромко сказал Джеймисон,— узнаем ли мы хоть когда-нибудь, почему это происходит?

— Иногда,— откликнулся Молтон,— я слушаю радио и думаю: а пусть бы и с нами такое случилось. Пламя отлично стерилизует.

Джеймисон не верил своим ушам — неужели Молтон мог такое сказать? Молтон, за чьей грубоватой внешностью угадывалось глубокое внутреннее тепло.

— Вы просто шутите,— только и сумел он возразить.

— Пожалуй, что да. Как ни говори, за последний миллион лет мы добились некоторого прогресса, кроме того, астроному подобает быть терпеливым. И все же посмотри, что происходит сейчас, во что мы изо всех сил стараемся вля-

паться! Ты задумывался когда-нибудь, чем все это может кончиться?

Неожиданная страсть, звучавшая в этих словах, удивила — и даже привела в смятение — Джеймисона. Кто бы мог подумать, что доктор Молтон болеет о чем-то, кроме своей работы, принимает близко к сердцу вещи, никаким боком к астрономии не относящиеся? Джеймисон догадывался, что стал свидетелем нечаянной слабости, что Молтон на мгновение утратил свой железный самоконтроль. Мысль эта получила в его мозгу неожиданный отклик, и он, как громом пораженный, отшатнулся.

Долгую, словно вечность, секунду двое ученых пристально смотрели друг на друга, оценивая, строя догадки, пытаясь преодолеть пропасть, отделяющую каждого человека от всех его ближних. А затем раздался пронзительный звон — автоматический спектрометр закончил порученную ему работу. Все напряжение разом исчезло, они вернулись в обычный, повседневный мир. Момент, который мог привести к совершенно непредсказуемым последствиям, поколебался на самой грани бытия — и снова канул в забвение.

ГЛАВА 4

Садлер заранее знал, что никак не может рассчитывать на собственный кабинет, в лучшем случае ему дадут стол в каком-нибудь углу бухгалтерии — так оно и случилось. Ничего страшного, и то слава богу; он изо всех сил старался доставлять окружающим как можно меньше забот, не привлекать к себе излишнего внимания, да и вообще сидеть за этим столом почти не приходилось. Все окончательные заключения он писал в своей комнате — тесной, как мрачный бред клаустрофоба, ячейке; именно из таких ячеек и состоял жилой уровень.

Потребовалось несколько дней, чтобы хоть немного свыкнуться с абсолютно неестественным образом жизни. Здесь, глубоко под поверхностью Луны, времени не существовало.

Резкие температурные перепады дня и ночи проникали в скальный грунт на метр, может — на два, но никак не более; волны жары и холода затухали, не в силах добраться до тех глубин, где спрятались люди. Одни только часы мерно отсчитывали минуты и секунды; время от времени свет в коридорах тускнел — это значило, что прошло еще двадцать четыре часа и наступила так называемая ночь. Но даже тогда Обсерватория не засыпала, у кого-то обязательно была вахта. Астрономам ритм лунной жизни не причинял особых неудобств, они всегда работают в неурочное для других время — к вящему негодованию астрономических супруг, разве что те — как это часто бывает — тоже астрономы. Страдали и ворчали техники, на чьих плечах лежала задача круглосуточно обеспечивать Обсерваторию воздухом и энергией, поддерживать бесперебойную работу связи и вообще всего, чего угодно.

А лучше всего живется административному персоналу, думал Сандлер. Ну кому какое дело, если бухгалтерия, магазин и развлекательные учреждения раз в сутки закрываются на восемь часов, самое главное — чтобы работали медпункт да кухня.

Первоочередная задача — жить со всеми мирно, никому не мозолить глаза — разрешалась вполне успешно. Садлер познакомился уже со всем начальством Обсерватории (за вычетом улетевшего на Землю директора) и знал в лицо добрую половину рядовых сотрудников. Согласно плану, он должен был изучать отделы последовательно, один за другим, пока не удастся ознакомиться со всем, что здесь есть. А после этого — посидеть пару дней и подумать; есть дела, с которыми никак нельзя спешить, какой бы спешной ни была необходимость.

Спешная необходимость — да, именно она и создавала главные затруднения. Садлеру несколько раз говорили — без всякой враждебности,— что он появился здесь в очень неудачное время. Растущая политическая напряженность отражалась и на маленьком коллективе Обсерватории, люди стали раздражительными, часто и легко срывались. С откры-

тием сверхновой положение несколько улучшилось, кто же будет интересоваться ерундой вроде политики, когда в небесах сверкает настоящее чудо? Но уж тем более сотрудники Обсерватории не хотели отвлекаться от этого чуда на всякие там дебиты-кредиты, и Садлер ничуть их не осуждал.

Немногие минуты, которые удавалось урвать у работы, он проводил в общей гостиной, куда собиралось все местное население, свободное от вахты. Этот центр общественной жизни предоставлял идеальную возможность поближе присмотреться к мужчинам и женщинам, добровольно обрекшим себя на ссылку, одни — во имя науки, другие — во имя более чем приличной зарплаты, которая одна только и могла заманить на Луну людей, как они сами себя характеризовали, разумных.

Всю свою жизнь Садлер интересовался не столько людьми, сколько цифрами и фактами, а сплетен так попросту не переносил, однако он понимал, что не имеет права проходить мимо подобной возможности,— не говоря уж о том, что инструкции особо, даже с излишней, пожалуй, циничностью подчеркивали этот момент. Да и то сказать, ведь природа человеческая одинакова везде, в любой общественной прослойке, на любой планете. Значительную часть наиболее ценной информации Садлер попросту подслушал, стоя неподалеку от бара.

Общую гостиную проектировали с величайшим вкусом и тщанием, а постоянно меняющаяся фотороспись стен заставляла совершенно забыть, что этот просторный зал находится глубоко под поверхностью Луны. Благодаря капризу дизайнера здесь имелся даже большой камин, в котором вечно горела — и никогда не сгорала — весьма реалистично выполненная груда дров. Садлер никогда не видел камина настоящего, а потому был от этой имитации в полном восторге.

Показав себя вполне приличным собеседником и партнером по играм, он заслужил положение признанного члена общества и знал теперь всю местную скандальную хронику. Обсерватория оказалась точным уменьшенным слепком

Земли — если оставить за скобками тот факт, что средний ее сотрудник был на порядок умнее среднего обитателя их родной планеты. За исключением убийств (вполне возможно, это было лишь делом времени), почти все, что происходило в земном обществе, происходило и здесь. Садлер редко чему удивлялся, а такому очевидному факту — и подавно. Только естественно, что после длительной жизни в почти полностью мужском обществе все шесть девушек из вычислительного центра имеют, мягко говоря, сомнительную репутацию. А кого удивит, что главный инженер не разговаривает с заместителем главного администратора, или что профессор Икс считает доктора Игрека окончательным психом, или что, согласно общему мнению, мистер Зет мухлюет в гиперканасту? Садлер выслушивал все эти истории с большим интересом; не представляя ровно никакой важности, они лишний раз доказывали, что Обсерватория — одна большая семья.

Поперек весьма аппетитной девицы, украшавшей обложку номера «Трипланет ньюс» за прошлый месяц, стоял жирный штамп «ИЗ ГОСТИНОЙ НЕ ВЫНОСИТЬ». «Это кто же ее так разукрасил? — подумал Садлер.— Я бы таким шутникам...» Его размышления прервал Уилер, буквально ворвавшийся в гостиную.

— Что там у тебя? — поинтересовался Садлер.— Нашел еще одну сверхновую? Или ищешь жилетку, куда поплакаться?

Не вызывало сомнений, что нужна именно жилетка, ровно так же было понятно, чья это будет жилетка. Садлер довольно быстро сошелся с Уилером и знал его теперь насквозь. Молодой астроном был одним из самых младших по должности сотрудников Обсерватории, но в то же время и самым из них примечательным. Едкое остроумие, полное отсутствие уважения к авторитетам, постоянная уверенность в собственной правоте и страсть поспорить по любому поводу — все эти качества ни в коей мере не позволяли ему поставить свою свечу в сокровенном месте*. Даже люди,

* Евангелие от Луки, 11:33.

относившиеся к Уилеру не очень одобрительно, соглашались, что он блестящий ученый и, скорее всего, далеко пойдет. В данный момент этот многообещающий молодой человек не успел еще растранжирить кредит всеобщей любви, порожденной открытием сверхновой (успех сам по себе достаточный, чтобы обеспечить астроному пожизненную репутацию).

— Я ищу не жилетку, а Уагтэйла*,— в кабинете его нет, а мне нужно написать кляузу.

— Секретарь Уагнэл,— укоризненно поправил Садлер,— пошел в сектор гидропоники полчаса назад. И да будет мне дозволено спросить, с каких это пор ты пишешь на кого-то кляузы? Раньше их писали на тебя.

Лицо Уилера расплылось в широкой улыбке хулиганистого мальчишки.

— К сожалению, ты прав. И я знаю, что тут нужно действовать по какому-то там определенному порядку и вся такая мутота, но ведь дело действительно срочное. Какому-то придурку вздумалось сесть без разрешения, а в результате вся моя работа — псу под хвост.

Садлеру потребовалось несколько секунд, чтобы понять, о чем говорит Уилер. Затем он вспомнил, что эта часть Луны — запретная зона: любой корабль, желающий пролететь над Северным полушарием, должен получить разрешение у Обсерватории. Попав в поле зрения огромных телескопов, слепящее пламя ионных двигателей может сорвать фотосъемку, а при случае — даже изуродовать нежные, сверхчувствительные приборы.

— Вдруг это несчастный случай? — предположил Садлер.— Твоих трудов, конечно же, жаль, но ведь этот корабль мог находиться в безвыходном положении.

Мысль оказалась для Уилера новой, он сразу стих, словно спрашивая — а что же тогда делать? Садлер уронил журнал на стол и поднялся.

— Может, обратиться к связистам? Уж они-то обязаны знать, что там стряслось. Ты не против, если и я прогуляюсь?

---

* Wagtail *(англ.)* — виляющий хвостом.

Он относился к подобным мелочам этикета с крайней щепетильностью и все время повторял себе: не забывай, что ты здесь посторонний, которого только терпят. И пусть людям кажется, будто они делают тебе одолжение, это полезно всегда и при любой обстановке.

Уилер с радостью ухватился за предложение. Центр связи представлял собой большое, безукоризненно чистое помещение самого верхнего, расположенного в каких-то метрах от поверхности уровня Обсерватории. Здесь находился автоматический телефонный коммутатор (фактически — центральная нервная система всего подземного поселка), а также приемники и передатчики, поддерживающие связь с Землей. Всем этим хозяйством распоряжался старший связист, вывесивший для острастки случайных посетителей табличку с крупной, издалека читаемой надписью: «ПОСТОРОННИМ ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН».

— К нам это не относится,— небрежно бросил Уилер, открывая дверь. «ЭТО И К ТЕБЕ ОТНОСИТСЯ»,— мгновенно возразила вторая, совсем уж огромными буквами выполненная надпись.— Ерунда это все,— без тени смущения добавил он в ответ на ухмылку Садлера.— Те места, куда и вправду нельзя входить, запирают,— но все-таки не стал прямо ломиться во вторую дверь, а осторожно постучал.

— Войдите,— откликнулся скучающий голос.

Старший связист, разбиравший по винтику рацию космического скафандра, был, очевидно, рад, что ему помешали. Он вызвал Землю и попросил главную диспетчерскую выяснить, чего это ради какой-то корабль залез в Море Дождей, не связавшись предварительно с Обсерваторией. В ожидании ответа Садлер прогулялся вдоль стоек с оборудованием.

Столько приборов — и все лишь для того, чтобы позволить людям разговаривать друг с другом да чтобы посылать изображение с Луны на Землю и обратно; странно, хотя, в общем-то, и понятно. Зная, как любят техники рассказывать о своей работе, кто бы и когда их ни спросил, Садлер

задал несколько вопросов и постарался запомнить ответы. К счастью, обитатели Обсерватории давно уже перестали усматривать в его любопытстве какие-то задние мысли, попытку выяснить — а нельзя ли делать ту же работу при половинных расходах. Заезжего бухгалтера воспринимали просто как живого, заинтересованного слушателя, тем более что многие из его вопросов явно не имели никакого финансового значения.

Принтер застучал почти сразу, как только старший связист разделался с ролью экскурсовода и вернулся на свое место. Текст ответа вызывал, мягко говоря, недоумение.

ПОЛЕТ ВНЕ РАСПИСАНИЯ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ. ОПОВЕЩЕНИЯ НЕ ТРЕБОВАЛОСЬ. ПОСАДКИ БУДУТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ, СОЖАЛЕЕМ О ПРИЧИНЕННЫХ НЕУДОБСТВАХ.

Уилер глядел на листок — и не верил своим глазам. Вплоть до этого момента небеса над Обсерваторией были святыней. Гнев аббата, обнаружившего кощунственное нарушение неприкосновенности своей обители,— вот, пожалуй, единственное и еще слишком слабое сравнение для чувств, которые буквально булькали и пузырились в юном астрономе.

— Это что же, и дальше так будет? — вопросил он, заикаясь от возмущения.— А как же наша программа?

— Ты, Кон, прямо как маленький,— снисходительно улыбнулся связист.— Ты вообще радио слушаешь? Или только и знаешь, что любоваться на свою драгоценную новую? Из радиограммы следует вполне очевидный вывод: в этом самом море делается нечто секретное. Угадай с трех... да нет, с одного раза.

— Да знаю я,— раздраженно отмахнулся Уилер.— Очередная экспедиция, выискивающая руды тяжелых металлов, а все эти тайны — чтобы Федерация ничего не узнала. Детские игрушки.

— А почему ты так думаешь? — резко спросил Садлер.

— Да это не первый год продолжается. Прогуляйся в город, зайди в любой бар — там тебе все подробно расскажут.

Но Садлер верил ему и так, без «прогулки в город», то бишь поездки в Сентрал-Сити. Объяснение Уилера выглядело весьма правдоподобно, особенно если принять во внимание общую ситуацию.

— Так что они летают и будут летать, а мы — выворачивайся как можешь,— сказал связист, берясь за недоразобранную рацию.— Есть, правда, и одно утешение. Все эти дела к югу от нас, в части неба, противоположной Дракону. А значит, главной твоей работе ничто особо не помешает, так ведь?

— Да вроде и так,— неохотно и словно обиженно согласился Уилер. Ни в коем случае не желая никаких помех своей работе, он в то же самое время предвкушал хорошую драку, а потому испытал горькое разочарование, когда повод для драки исчез.

Было странно и вспомнить, что совсем недавно новую звезду искали по расположению звезд старых; сейчас она сверкала ярче всех — за исключением Земли — объектов ночного неба. По сравнению с этой невесть откуда взявшейся нахалкой даже богиня любви — ушедшая вслед за Солнцем к востоку Венера — выглядела бледной немочью. Свет новой уже порождал вполне различимые тени — и продолжал прибывать.

По сообщению с Земли, там Nova Draconis была видна даже днем. На какое-то время она вытеснила с первых полос газет политику, но затем напряженность положения снова взяла свое. Люди не могут долго думать о вечности, к тому же расстояние до планет Федерации измерялось не световыми столетиями, а световыми минутами.

ГЛАВА 5

Все еще находились отдельные личности, считавшие, что человек зря сунулся в космос, что сидеть бы ему на своей планете и не трепыхаться, но даже эти упорные ретрограды вынужденно признавали: плакать поздно, поезд давно ушел.

К тому же Человек не был бы Человеком, останься он на Земле. Та врожденная непоседливость, которая гнала его к крайним пределам родного мира, заставляла подниматься в небо и опускаться на морское дно, разве могла она не откликнуться на вечный, доносящийся из бездонных глубин пространства зов Луны и планет?

Колонизация Луны была предприятием медленным, трудным, иногда трагическим и всегда разорительно дорогим. Даже теперь, через два столетия после первых полетов, большая часть гигантского спутника Земли оставалась необследованной. Съемки из космоса позволили нанести на карту все, даже самые мелкие детали рельефа, однако вблизи большую часть этого корявого шара никто и никогда не видел.

Сентрал-Сити и остальные ценой долгого и мучительного труда построенные базы являлись островками жизни в безжизненных просторах, оазисами в молчаливой, залитой попеременно то ослепительным светом, то чернильной темнотой пустыне. Многие задавались вопросом: да стоит ли овчинка выделки? Колонизация Марса и Венеры была значительно проще и сулила большие выгоды. Однако человек не мог обойтись без Луны. Бывшая когда-то первым его космическим плацдармом, она и по сию пору осталась ключом к планетам. Именно здесь лайнеры, трудолюбиво сновавшие от мира к миру, брали на борт тяговую массу — заполняли свои огромные баки мельчайшей пылью, выбрасывавшейся потом сквозь сопла ионных ракетных двигателей. Получение этой пыли на Луне позволяло не тащить ее сквозь могучее гравитационное поле Земли, что десятикратно снижало расходы. Собственно говоря, без такой, как Луна, заправочной базы космические полеты надолго остались бы убыточными.

А ее значение для науки? Лунными лабораториями пользовались буквально все области исследований, к неизменной для себя выгоде, не говоря уж об астрономии, исполнившей вековую свою мечту вырваться из-под мутной пелены земной атмосферы. Политики (публика по преимуществу ограниченная) и те давно осознали следующую непрелож-

ную истину: научные исследования — основа цивилизации, они не только окупают себя, но и дают гарантированный вечный доход.

Мало-помалу, ценой бессчетных ошибок человек научился сперва существовать, затем — жить и в конце концов — процветать на Луне. Он создал целые новые отрасли вакуумной техники, низкогравитационной архитектуры и методов контроля за составом и температурой воздуха. Ему удалось справиться с лунным днем и лунной ночью, хотя необходимость бдительно следить за их дьявольскими кознями все же оставалась. Палящая жара вызывала расширение куполов и прочих зданий, они могли растрескаться, ледяной холод мог в клочья порвать любую металлическую конструкцию, изготовленную без учета сжатий, никогда не встречающихся на Земле. Но все эти проблемы поддавались разрешению — и были разрешены.

Сколько ни вспомнишь масштабных честолюбивых проектов, осуществление любого из них оказывалось далеко не таким трудным и опасным, как то виделось в перспективе; освоение Луны не стало исключением из общего правила. Проблемы, казавшиеся до высадки на Луну неразрешимыми, давно стали достоянием местного фольклора, препятствия, перед которыми у первых исследователей опускались руки, почти забыты. А над местами, где когда-то боролись с опасностями пешие первопоселенцы, в роскоши и комфорте монорельсовых вагонов проносились земные туристы.

В некоторых — не очень, к сожалению, многочисленных — отношениях лунные условия скорее помогали людям, чем мешали. Взять, например, лунную атмосферу. Она совершенно не мешает астрономическим наблюдениям и на Земле считалась бы глубоким вакуумом. И все же ее достаточно для надежной защиты от метеоров. Почти все камешки и пылинки, бомбардирующие Землю, сгорают на высотах порядка сотни километров, то есть в воздухе не более плотном, чем атмосфера Луны. Лунный метеоритный щит даже эффективнее земного — благодаря низкому тяготению он простирается на большее расстояние.

Самым, пожалуй, большим потрясением для первых исследователей Луны стало существование на ней растительной жизни. Своеобразные изменения окраски таких кратеров, как Аристарх и Эратосфен, давно наводили на мысль о некоей растительности, однако сразу же возникали сомнения — невозможно было представить себе живой организм, способный существовать в столь суровых условиях. И все же, говорили самые смелые из ученых, нельзя отрицать возможность, что на Луне есть несколько видов примитивных мхов и лишайников; интересно бы посмотреть, как это они умудряются там выжить.

Ученые ошибались. А ведь не составляло особого труда догадаться, что лунные растения должны быть не примитивными, а совсем наоборот, очень сложными — чтобы успешно справляться с враждебной всему живому средой. Примитивное растение способно существовать на Луне ничуть не больше, чем первобытный человек.

Самые распространенные из лунных растений имели яйцевидную, зачастую совсем сферическую форму и сильно смахивали на кактусы. Их толстая, ороговевшая кора, предотвращавшая испарение драгоценной воды, была усеяна прозрачными «окошками», пропускавшими свет Солнца. При всей своей удивительности это изобретение не уникально. На ту же самую хитрость пошли и некоторые растения африканских пустынь, столкнувшиеся с той же самой задачей: как поймать в ловушку солнечный свет, не теряя при этом воду.

Другое дело — способ отбора воздуха. Тут приоритет лунных «кактусов» не вызывает никаких сомнений. Сложная система заслонок и клапанов, отдаленно напоминающая ту, при помощи которой некоторые из обитателей моря прокачивают сквозь свои тела воду, исполняет роль компрессора. Растения селятся вдоль глубоких, уходящих в недра Луны трещин и год за годом терпеливо ждут, когда из трещины появляется слабенькое, жалкое облачко углекислого газа или сернистого ангидрида, они начинают лихорадочно работать, втягивая в свои поры каждую оказавшуюся

поблизости молекулу. Продолжается это очень недолго — мимолетный туман быстро рассеивается в почти полном вакууме лунной атмосферы.

Вот таков был этот странный мир, ставший пристанищем нескольких тысяч людей. Странный и суровый — но они любили его и не хотели возвращаться на Землю, где жизнь текла легко, а потому не давала простора для инициативы и предприимчивости. При всей своей экономической зависимости от Земли лунная колония имела с ней гораздо меньше общего, чем с планетами Федерации. На Марсе, на Венере, на Меркурии, на спутниках Юпитера и Сатурна люди вели войну с природой — примерно такую же, какая позволила им освоить Луну. Марс уже покорился — он стал первым после Земли миром, где человек мог ходить без всяких скафандров и дыхательных приборов. Близилась победа и на Венере — победа, обещавшая в качестве трофея сухопутные просторы, в три раза большие всех земных материков. В прочих местах были пока только плацдармы, а пылающий Меркурий и ледяные внешние планеты оставались вызовом для будущих поколений.

Так считала Земля. Но Федерация не хотела ждать, а профессор Филлипс в святой своей простоте довел это нетерпение до крайности. Далеко не первый случай, когда научная статья меняет ход истории,— и, скорее всего, не последний.

Садлер никогда не видел уравнений, вызвавших весь этот переполох, однако был знаком со следующими из них выводами. За шесть месяцев, грубо вырванных из его жизни, он узнал много самых разнообразных вещей. Кое-что он выучил в маленькой, с голыми стенами комнатке за компанию с шестью другими мужчинами, чьих имен ему не сказали, но большая часть информации была передана ему во сне либо в гипнотическом трансе. Вполне возможно, что когда-нибудь ее извлекут обратно с помощью тех же самых методов.

Поверхность Луны, как сказали Садлеру, состоит из областей двух резко различающихся типов — темных, так на-

зываемых морей, и светлых, более высоких и более гористых. Светлые области испещрены бесчисленными кратерами; судя по всему, они были когда-то зонами вулканической активности. Поверхность морей — плоская и относительно гладкая. Там есть отдельные кратеры, а также много трещин и провалов, но все это не идет ни в какое сравнение с дикой неровностью плоскогорий.

Судя по всему, моря образовались гораздо позже, чем горы и цепочки кратеров, оставшиеся от бурной молодости Луны. Старые формации затвердели вроде бы окончательно, но прошли миллионы лет, и некоторые участки коры расплавились, превратившись потом, после остывания, в гладкие темные равнины. Старые кратеры и горы, бывшие на месте «морей», растеклись подобно воску и бесследно исчезли, а другие, оказавшиеся поблизости, «на берегу», носят на себе следы разрушения.

Задача, долго привлекавшая внимание ученых и разрешенная наконец профессором Филлипсом, формулировалась так: «Почему внутреннее тепло Луны прорвалось только в определенных районах — будущих морях,— оставив возвышенности нетронутыми?»

Недра планеты разогреваются радиоактивностью. Профессор Филлипс сделал совершенно естественное предположение, что под морями должны находиться богатые залежи урана и сопутствующих элементов. В результате сложной игры приливных течений, бушевавших в расплавленной сердцевине Луны, они распределились неравномерно, сконцентрировались в отдельных местах, а затем, за миллионы лет радиоактивности, расплавили под собой кору. Так образовались моря.

За два столетия люди обследовали Луну при помощи всех вообразимых и невообразимых измерительных приборов. Они сотрясали ее недра искусственными сейсмическими толчками, прощупывали их электрическими и магнитными полями. Благодаря этим наблюдениям профессор Филлипс мог подкрепить свою теорию весьма серьезными расчетами.

Глубоко под морями находились огромные отложения урана. Сам по себе этот элемент не имел уже такого жизненно важного значения, как в двадцатом и двадцать первом веках — старомодные ядерные реакторы давно уступили место термоядерным. Однако там, где есть уран, обязательно найдутся и другие металлы.

Профессор Филлипс был абсолютно уверен, что его теория не получит никакого практического применения. Как он неоднократно подчеркивал, все эти богатства находятся на такой глубине, что вопрос об их добыче не то чтобы отпадает, а даже и не стоит. До них не меньше сотни километров, а давление на таких глубинах настолько велико, что самый прочный из металлов потечет там, как жидкость, так что любая шахта или скважина затянется за доли секунды.

А ведь жаль. Все эти манящие сокровища, заключал профессор Филлипс, навсегда останутся недосягаемы для людей, которые остро в них нуждаются.

Ученый, кисло думал Садлер, мог бы и не делать таких скоропалительных выводов. Недалек день, когда профессор Филлипс очень удивится.

ГЛАВА 6

Садлер лежал на койке, не разуваясь, и старался думать только о прошедшей неделе. Никак не верилось, что он прибыл сюда с Земли всего восемь дней (земных, каких же еще) назад, но висевшие на стене часы подтверждали — да, в дневнике нет никаких пропусков и ошибок. А если не верить ни одному из этих свидетелей, можно подняться на поверхность, в какой-нибудь из наблюдательных куполов, и справиться по неподвижно застывшей в небе Земле, только-только начинающей идти на ущерб. В день его прибытия на Луну она была как раз в первой четверти.

Несмотря на полночный (по лунному, естественно, времени) час, Море Дождей было залито светом. Nova Draconis, ставшая уже ярчайшей звездой в истории, бросала вызов полной Земле. Даже Садлер, обычно считавший всякие не-

бесные происшествия слишком далекими и безличными, чтобы затрагивать чувства, выходил время от времени «наверх» полюбоваться неожиданной гостьей — да не гостьей скорее, а захватчицей — северного неба. Что это — фейерверк или погребальный костер миров много более древних и мудрых, чем Земля? Было странно, что такое грандиозное, внушающее благоговейный трепет событие точно совпало по времени с кризисом человечества. Обычное совпадение, не более того — хотя Nova Draconis и относится к близким звездам, все равно сообщение о ее смерти отправлено уже два тысячелетия назад. Только очень суеверный и беспредельно геоцентричный человек мог бы вообразить, будто такое событие спланировано заранее, в предостережение землянам. А что оно должно было сказать обитателям других планет, вращающихся вокруг других солнц, в чьих небесах сверхновая сверкала с той же, что у нас, или даже большей яркостью?

Садлер сделал над собой усилие, выкинул все эти праздные мысли из головы и начал думать о деле. О деле. Так что же еще не сделано? Он посетил каждый из отделов Обсерватории, встретился со всеми ее руководителями, за исключением директора. Профессор Маклорин должен был вернуться со дня на день, а пока что его отсутствие только упрощало задачу Садлера. Все сотрудники Обсерватории в один голос утверждали, что с возвращением шефа жизнь перестанет быть такой свободной и беззаботной, как сейчас, все будет делаться согласно Установленному Порядку. К Установленному Порядку Садлеру было не привыкать, однако это не значит, что он ему нравился.

Висящий над кроватью динамик негромко загудел. Закинув вверх ногу, Садлер ткнул носком сандалии в кнопку; теперь это удавалось ему с первой попытки, однако неглубокие царапины, испещрявшие стену, свидетельствовали о долгом и многотрудном пути к такому мастерству.

— Да? — пробурчал он.— Кто там?

— Это из транспортного отдела. Я закрываю список на завтра. Осталось два места — вы не хотели бы съездить?

— Если место есть, то да,— сказал Садлер.— Не хотелось бы перебегать дорогу более заслуженным людям.

— Хорошо, я вас записываю,— коротко откликнулся динамик, щелкнул и стих.

Садлер почти не чувствовал угрызений совести. Неделей непрерывной напряженной работы он вполне заслужил несколько часов в Сентрал-Сити. Время первого контакта со связным еще не наступило, пока что все его донесения, облеченные в совершенно безобидную форму, отправлялись обычной почтой. И все равно пора познакомиться с городом, не говоря уже о том, что, сидя здесь безвылазно, работая без выходных, обязательно навлечешь на себя подозрения.

Но главная причина поездки была чисто личной. Садлер хотел отослать некое письмо — и знал, что вся корреспонденция Обсерватории внимательно просматривается его же коллегами по Планетарной разведке. В письме не было ровно ничего криминального, однако от мысли, что кто-то будет его читать, становилось немного не по себе. Личное должно быть личным.

От космопорта до Сентрал-Сити добрых два десятка километров, поэтому в день своего прибытия на Луну Садлер так и не увидел ее столицу.

— Центральный залив,— произнес чей-то голос.— Почти приехали.

Оглядывая салон монорельса, заполненный на этот раз почти под завязку, Садлер не чувствовал себя таким чужаком, как во время прошлой поездки. Со многими из сидящих здесь он был уже знаком, остальных знал в лицо. Сегодня Сентрал-Сити примет почти половину штата Обсерватории, вторая половина возьмет выходной через неделю. Даже Nova Draconis не сумела нарушить этот порядок, основанный на здравом смысле и понимании человеческой психологии.

Из-за горизонта стадом огромных черепах выползали купола. В верхней точке каждого из них горел маяк, ника-

ких иных признаков жизни не замечалось. Садлер знал, что некоторые из этих строений можно при желании сделать прозрачными, но сейчас все они были темными — берегли тепло.

Монорельс нырнул в длинный туннель, проложенный в основании одного из куполов. Садлер заметил, как, пропустив вагон, за ним закрываются огромные ворота, затем еще одни и еще. Не хотят рисковать, подумал он, и вполне одобрил такую осторожность. Послышалось характерное шипение заполняющего шлюз воздуха, открылись последние ворота, вагон проехал еще немного и плавно затормозил у платформы, похожей на платформу любого земного вокзала. Садлер взглянул в окно и вздрогнул от непривычной картины людей, разгуливающих под открытым, как казалось, небом без скафандров.

— Вы в какое-нибудь определенное место? — поинтересовался Уагнэл; как и Садлер, он пережидал образовавшуюся у дверей давку.

Садлер покачал головой:

— Нет, просто хочу побродить и посмотреть, что здесь и как. Очень интересно, куда это вы умудряетесь потратить все свои огромные деньги.

Уагнэл явно не мог понять, шутка это или нет; к вящему своему облегчению, Садлер не услышал стандартного: «А хотите, я покажу вам город». Сейчас, как и часто, ему хотелось побыть одному.

Сойдя с платформы, он оказался наверху длинного пандуса, полого спускающегося к небольшому, плотно застроенному поселку. Главный уровень располагался двадцатью метрами ниже; прежде Садлер и не предполагал, что купол так сильно заглублен в грунт — скорее всего, для экономии строительных материалов. Протянутый рядом с пандусом транспортер неторопливо поднимал на станцию грузы и багаж. Ближайшие здания походили на промышленные. Вроде бы и не грязные, они имели тем не менее запущенный вид, неизменно присущий всему находящемуся в окрестностях доков и железнодорожных станций.

Только на половине спуска Садлер сообразил, что над его головой — голубое небо с плывущими в высоте перистыми облаками и что в спину ему светит солнце.

Иллюзия была настолько полной, что он принял эту картину за чистую монету, на мгновение забыв, что находится на Луне и сейчас — лунная полночь. И даже после долгого вглядывания в головокружительную глубину синтетического небосвода ему не удалось найти в нем ни одного изъяна. Становилось понятным, почему лунные поселки обязательно строят эти умопомрачительно дорогие купола, а не зарываются, подобно Обсерватории, под землю.

Заблудиться тут было трудно. Все, за одним-единственным исключением, купола Сентрал-Сити застраивались по одной и той же схеме: радиальные авеню, пересеченные концентрическими кольцами дорог. Исключением является Пятый купол, главный промышленный район столицы, по сути дела — один огромный завод. Садлер решил, что туда можно не ходить.

Некоторое время он бродил совершенно случайным образом, вслепую. Поскольку основательно познакомиться с городом было невозможно, Садлер пытался хотя бы его «почувствовать». Он сразу заметил, что Сентрал-Сити — город со своим лицом, со своим — вполне определенным — характером. Никто, вероятно, не сможет сказать, почему у одних человеческих поселений все это есть, а у других отсутствует; Садлера немного удивила естественность города, построенного в таких искусственных условиях, однако он тут же вспомнил, что все города — на Луне ли, на Земле ли — в равной степени искусственны...

По узким улочкам неспешно, со скоростью не больше тридцати километров в час, двигались маленькие трехколесные открытые машины, предназначенные исключительно для перевозки грузов. Через некоторое время выяснилось, что здесь есть еще и автоматическое «метро», соединяющее шесть внешних, стоящих по кругу куполов и имеющее станцию в центре каждого из них. Фактически это был самый обыкновенный ленточный транспортер, двигающийся

только в одном направлении, против часовой стрелки. Чтобы попасть в соседний купол, могло потребоваться объехать вокруг всего города; к счастью, это не было особенно страшно — вся поездка по кольцу занимала не более пяти минут.

Торговые и увеселительные заведения находились по большей части в Первом куполе; здесь же обитало административное и техническое начальство, причем самое высокое начальство — в своих особняках. Крыши большинства жилых домов были заняты садами; привезенные с Земли растения достигали здесь умопомрачительной высоты — естественное следствие низкой гравитации. Садлер старательно высматривал лунные растения, но так их и не обнаружил. Он не знал, что существует строгий закон, запрещающий провоз этих чудес природы в места проживания людей. В непривычно богатой атмосфере они начинают бешено расти, а затем быстро гибнут; вонь, распространяющаяся при гниении останков этих перенасыщенных серой организмов, не поддается никакому описанию.

Здесь же, в Первом куполе, концентрировались прибывшие с Земли туристы. Садлер, и сам-то не обремененный большим лунным опытом, поймал себя на том, что созерцает этих новичков со снисходительным презрением. Многие из них сразу же по прилете обрядились во взятые напрокат балластные пояса, простодушно поверив заверениям прокатчиков, что «так значительно безопаснее». Вовремя предупрежденный, Садлер ускользнул из лап этого мошеннического бизнеса и тем сэкономил некоторую сумму. Не подлежит сомнению, что, нагрузившись свинцом, ты уменьшаешь опасность взмыть при неосторожном шаге над землей (луной?) и, вполне возможно, впилиться головой во что-нибудь твердое. Однако на удивление мало людей представляют себе различие между весом и массой — различие, делающее ценность этих поясов более чем сомнительной. Пытаясь привести себя в движение или (случай более опасный) спешно остановиться, они быстро обнаруживают, что, хотя девяносто килограммов свинца действительно весят здесь только шестнадцать килограммов, инерция у них точно такая же, как и на Земле.

Пробираясь сквозь негустую уличную толпу, толкаясь по лавочкам и магазинам, Садлер нередко натыкался на своих, обсерваторских. Некоторые из них были уже обвешаны свертками — старались наверстать упущенное за целую неделю вынужденной экономии. Молодые сотрудники обоего пола успели уже по большей части найти себе спутниц (спутников); знаменитая самообеспеченность Обсерватории была не такой уж и полной — в некоторых вещах там не хватало разнообразия.

Три чистых, как удары колокола, звука застали Садлера врасплох. Он растерянно оглянулся, но так и не смог понять, откуда они исходят. Сперва казалось, что на этот сигнал — что бы он ни обозначал — никто не обратил внимания. Затем улицы стали понемногу пустеть, а небо — темнеть.

Солнце заволокло облаками. Облака — скорее уж тучи — были черные и рваные, с пламенными краями; кое-где сквозь их разрывы пробивались расходящиеся снопы солнечного света. Садлер снова восхитился искусством, с которым эти изображения (а чем же еще они могут быть?) проецировались на купол; фальшивая гроза выглядела реалистичнее любой самой настоящей, а потому при первом же раскате грома он начал озираться в поисках какого-нибудь укрытия. Хотя улицы и не успели еще обезлюдеть, не вызывало сомнения, что организаторы спектакля не забудут о деталях...

К тому моменту, когда по земле застучали первые капли, а в небе огненной змеей сверкнула первая молния, маленькое придорожное кафе было уже битком набито. Совершенно непроизвольно, повинуясь давней своей привычке, Садлер начал отсчитывать секунды. Удар грома прозвучал на счете «шесть», что давало удаление в два километра. Получалось, что все это происходит далеко за пределами купола, в непроводящем звука космическом вакууме. Да ладно, было бы о чем говорить — в искусстве допустили некоторые вольности.

Капли становились все тяжелее и падали все гуще, раскаты грома усиливались. По мостовой бежали потоки воды;

оказалось, что вдоль улицы проложены сточные канавы — прежде Садлер то ли не замечал их, то ли не придавал им никакого значения. Да, в этом месте ничто нельзя считать самоочевидным, всегда нужно остановиться и задать себе вопрос: «А для чего эта вещь предназначена? Какую функцию выполняет она на Луне? Да и вообще, то ли это, что мне кажется?» Действительно, если подумать, сточная канава столь же неожиданна в Сентрал-Сити, как, скажем, снегоуборочная машина. А ведь как знать, чем черт не шутит...

— Извините, пожалуйста,— обратился Садлер к ближайшему своему соседу, который наблюдал гиперреалистичную грозу с очевидным восхищением.— Не могли бы вы сказать, как часто такое происходит?

— Приблизительно два раза в день,— охотно пояснил тот.— Я хотел сказать — в лунный день. Оповещают всегда заранее, за несколько часов, чтобы не мешать делам.

— Мне бы не хотелось быть чересчур назойливым,— продолжил Садлер,— но просто удивительно, сколько во все это вкладывается труда. Неужели подобный реализм так уж необходим?

— Возможно, нет, но нам это нравится. Дождь нужен обязательно, чтобы смывать пыль и вообще держать города в чистоте. Ну вот, мы и стараемся, чтобы дождь этот был самым настоящим.

Если у Садлера и оставались на этот счет некоторые сомнения, они рассеялись без следа, когда через небо перекинулась великолепная двойная радуга. По тротуару ударили последние капли, откуда-то издали донесся последний, еле слышный раскат. Представление закончилось, мокрые улицы Сентрал-Сити снова ожили.

Садлер успел уже проголодаться, так что уходить из кафе не было смысла; заодно после недолгой, но ожесточенной торговли он избавился от части своей земной валюты — по курсу чуть-чуть ниже рыночного. Обед, к вящему его удивлению, оказался превосходным. Садлер прекрасно понимал, что натуральными продуктами здесь и не пахнет;

то, что не синтетика, пришло на стол из дрожжевых либо хлорелловых гидропонных баков, однако вот же — чье-то кулинарное мастерство сумело справиться и с таким неблагодарным материалом. На Земле, подумал он, считают пищу чем-то естественным, само собой разумеющимся и редко уделяют ей должное внимание. А здесь нельзя полагаться на благосклонную щедрость природы. Пищу нужно сделать, а перед этим — придумать, как ее сделать, а раз все это является работой, кто-то следит, чтобы работа была выполнена соответствующим образом. Ну, примерно как с той же самой грозой...

Сидеть, конечно же, хорошо, но нужно двигаться. Через два часа забирают последнюю почту. Если опоздать, Жанетта получит письмо чуть не на неделю позже. А она и так успела переволноваться.

Садлер вытащил из кармана незаклеенный конверт и в очередной раз перечитал письмо — не нужно ли что-нибудь добавить.

Здравствуй, любимая.

Очень хотелось бы сказать тебе, где я сейчас нахожусь, но это мне запрещено. Идея была не моя, но все равно мне дали специальное задание, и я обязан сделать все возможное, чтобы выполнить его наилучшим образом. Со здоровьем все в порядке, связаться с тобой прямо я не могу, но ты пиши мне на почтовый ящик, номер которого я тебе давал, и твои письма дойдут до меня раньше или позже.

Очень жаль, что я не приехал на годовщину, но, честное слово, с этим абсолютно ничего нельзя было поделать. Надеюсь, ты получила мой подарок и он тебе понравился. Я искал эти бусы очень долго и никогда не признаюсь тебе, сколько они стоят.

Ты очень обо мне скучаешь? Господи, как же мне хочется вернуться домой! Я знаю, что ты очень расстроилась и обиделась, когда я уехал, но ты постарайся поверить мне и понять: я никак не мог рассказать тебе, в чем тут дело. Ты, конечно же, понимаешь, что я хочу Джонатана Питера так же силь-

но, как и ты. Верь мне, пожалуйста, и не смей думать, будто я поступаю так из эгоизма или потому, что не люблю тебя. У меня были очень серьезные причины, когда-нибудь я смогу тебе о них рассказать.

А самое главное — береги себя и поменьше волнуйся. Ты же знаешь, что я вернусь при первой же к тому возможности. И я тебе обещаю: как только я вернусь, мы не будем больше откладывать. Только вот знать бы, когда это будет.

Я люблю тебя, милая, никогда в этом не сомневайся. У меня сейчас очень трудная работа, и я справляюсь с ней только потому, что знаю: ты в меня веришь.

Он прочитал свое письмо очень внимательно, стараясь на момент позабыть, что для него значат все эти слова, и читать их, словно написанные кем-то другим, чужим и незнакомым. Не слишком ли многое здесь раскрыто? Вряд ли. Возможно, это письмо и не следовало писать, но оно никоим образом не выдает ни смысла работы своего автора, ни где тот находится.

Садлер заклеил конверт, однако не стал писать на нем ни адреса, ни фамилии. Вместо этого он сделал нечто являвшееся, строго говоря, грубым нарушением присяги. Он вложил его в другой конверт, адресованный в Вашингтон, его адвокату. Вместе с сопроводительной запиской:

Дорогой Джордж, ты бы очень удивился, узнав, где я сейчас нахожусь. Жанетта этого тоже не знает, и я не хочу, чтобы она беспокоилась. Поэтому напиши на этом конверте ее адрес и опусти в ближайший ящик. Считай сведения о моем теперешнем местонахождении абсолютно конфиденциальными. Как-нибудь я все тебе объясню.

Джордж догадается, в чем тут дело, но он умеет хранить секреты почище Планетарной разведки. Садлер не мог придумать никакого более надежного способа послать Жанетте письмо и решил немного рискнуть — для своего и, главное, ее спокойствия.

Он расспросил, где тут ближайший почтовый ящик (в Сентрал-Сити их было совсем немного), и опустил пись-

мо. Через пару часов оно будет уже лететь на Землю, а завтра, вот к этому времени, доберется и до Жанетты. Оставалось надеяться, что она все поймет, а если не поймет, то хотя бы не будет судить его заочно, до возвращения.

Рядом с почтовым ящиком стоял газетный лоток, и Садлер купил «Сентрал ньюс». Время еще есть, несколько часов, и, если в городе происходит что-нибудь интересное, местная газета обязательно напишет.

Политических новостей почти нет, возможно, тут действует что-то вроде цензуры. Пробежав глазами заголовки, даже не догадаешься, что где-то там есть какой-то там кризис. Чтобы найти серьезные сообщения, нужно тщательно просмотреть всю газету. Вот, скажем, на второй странице короткая информация, что у лайнера, прибывшего с Земли на Марс, возникли странные карантинные неприятности и ему запретили посадку, а другому, находящемуся на Венере, не дают разрешения на взлет. Садлер почти не сомневался, что эти неприятности связаны с причинами не столько медицинского, сколько политического характера: Федерация показывает зубки.

А на четвертой — пища для размышлений. В окрестностях Юпитера, на каком-то Богом и людьми забытом астероиде, арестована группа исследователей. Обвиняют их в некоем нарушении правил техники безопасности. Очень похоже, что обвинение липовое — равно как и сами исследователи. Скорее всего, Планетарная разведка снова лишилась нескольких своих агентов.

На развороте — довольно наивная передовица, проливающая свет на истинное положение вещей и выражающая полную уверенность, что в конечном итоге восторжествует здравый смысл. Садлер не питал особых иллюзий относительно распространенности среди людей этого самого здравого смысла, а потому отнесся к надеждам на его торжество скептически и перешел к местным новостям.

Все людские общины, где бы они ни находились, занимаются примерно одним и тем же. Люди рождаются, людей кремируют (образующиеся в результате фосфорные и азотные соединения тщательно хранятся), люди женятся

и разводятся, уезжают из города, подают в суд на соседей, организуют пьянки и митинги протеста, становятся жертвами совершенно невероятных несчастных случаев, пишут «письма редактору», меняют работу... Да, тут все точно так же, как и на Земле. Такая мысль ввергала в тоску. Ну зачем, спрашивается, человек стремился покинуть родную планету, если все эти странствия и путешествия ни на йоту не изменили его природу? Сидел бы уж лучше дома, чем — ценой огромных расходов — экспортировать свою персону со всеми ее глупостями и слабостями в другие миры.

Новая работа делает тебя циником, укорял себя Садлер. Посмотрим-ка лучше, что тут есть по части развлечений.

В Четвертом куполе — теннисный турнир, идти поздно, хотя посмотреть на это зрелище, по всей видимости, стоило. На Луне играют мячами стандартных размеров и массы, однако мячи эти пронизаны бесчисленными порами, увеличивающими трение о воздух, а потому летят не дальше, чем на Земле. Если бы не это умышленное мячевредительство, хороший драйв легко послал бы мяч через весь купол.

К сожалению, траектории, избираемые пористыми мячами, весьма своеобразны и способны довести любого земного теннисиста до нервного припадка.

Циклорама (это в Третьем куполе) обещает поездку по бассейну Амазонки (комариные укусы — по желанию и за дополнительную плату). Сеансы — через каждые два часа. Садлер прибыл с Земли совсем недавно и не успел еще особенно по ней истосковаться. Кроме того, он уже видел сегодня великолепный сеанс циклорамы — ту самую недавнюю грозу. Скорее всего, этот разгул стихий проецировался аналогичным образом, при помощи целой батареи широкоугольных проекторов.

В конце концов он остановил свой выбор на плавательном бассейне. Самое знаменитое и роскошное сооружение располагавшегося во Втором куполе спорткомплекса Сентрал-Сити, он пользовался у сотрудников Обсерватории большой популярностью. Одна из главных опасностей, подстерегающих человека на Луне,— это нехватка физических на-

грузок и связанный с ней риск мышечной атрофии. Любой, пробывший здесь больше пары недель, испытывает заметные трудности, вернувшись на Землю, к нормальной силе тяжести. Однако совсем не профилактические соображения привели Садлера в бассейн. Ему просто захотелось испытать свои силы в сложных прыжках с вышки, слишком уж рискованных дома, где за первую же секунду падения проходишь пять метров, а к тому же врезаешься в воду с чересчур большой скоростью.

Второй купол располагался на противоположной стороне города. Садлер не хотел приходить в спорткомплекс уставшим, а потому решил воспользоваться услугами подземки; однако он проворонил выход — медленно движущийся участок дорожки, проложенный параллельно основному, быстрому и непрерывному транспортеру. Не желая делать полный круг, он вышел в Третьем куполе и вернулся коротким переходным туннелем — все купола были соединены между собой в точках соприкосновения. Двери этих туннелей открывались автоматически, только дотронься рукой, и мгновенно закрывались, если в одном из куполов падало давление.

В спорткомплексе собралась добрая половина обсерваторских. Доктор Молтон прилежно работал на гребном тренажере, не спуская глаз с индикатора, фиксировавшего количество и силу взмахов веслами. Главный инженер стоял в кольце призрачно мерцающих ультрафиолетовых ламп; глаза его — в строгом соответствии с правилами техники безопасности при загаре — были зажмурены. Некий эскулап из медпункта обрабатывал боксерскую грушу с такой яростной ненавистью, что у Садлера пропало всякое желание познакомиться с его целительскими способностями. Некий плотный, крутого вида мужчина, вроде бы из ремонтников, пытался поднять ни больше ни меньше как целую тонну; при всех поправках на низкую гравитацию подобное зрелище внушало благоговейный трепет.

Все остальные бултыхались в бассейне, к ним Садлер и присоединился. Он ожидал, что лунное плавание окажется

радикально отличным от земного, не совсем ясно себе представляя, в чем же именно. Однако все было как обычно, если не считать слишком уж высоких волн и того, как медленно катятся они по поверхности прозрачной, зеленоватой воды.

Первые — без особых ухищрений — прыжки прошли вполне удачно. Было очень приятно успеть за время неспешного, словно в замедленном фильме, падения осмотреться по сторонам, непрерывно осознавая, в каком положении находится корпус и что тут вообще происходит. Но затем Садлер рискнул сделать полное сальто с высоты в пять метров. А что тут такого, удар — как на Земле с метра, даже слабее...

К несчастью, он неправильно оценил время полета и сделал полуоборотом больше (или меньше), чем надо. И врезался в воду плечами, тут же — слишком, увы, поздно — вспомнив, каким неприятным может оказаться падение даже с небольшой высоты, если приземлишься неудачно. Да, невесело подумал Садлер, вот так, наверное, чувствует себя груша того кровожадного медика; чуть прихрамывая, он выбрался из бассейна, с твердым решением оставить подобные забавы тем, кто помоложе.

Усталый, но довольный, а главное — уверенный, что за сегодня ему удалось прочувствовать лунный образ жизни, Садлер присоединился к Молтону и остальным сотрудникам Обсерватории, как раз собиравшимся уходить из спорткомплекса.

Монорельс тронулся от платформы, открылись и закрылись одни огромные ворота, вторые, третьи... Голубые, с рваными клочьями облаков небеса сменились стылой реальностью лунной ночи. Все так же висела над головой Земля, ничуть за эти часы не изменившаяся. Садлер поискал слепящий огонь сверхновой, но тут же вспомнил, что в этих широтах ее не видно,— она где-то там, за северным краем Луны.

Темные купола, не подававшие никаких признаков кипящей в них жизни, ушли за горизонт. И тут Садлера по-

разила мрачная, тревожная мысль. Построенные, чтобы выдержать весь натиск враждебных сил природы, какими жалкими и хрупкими окажутся эти скорлупки, доведись им испытать на себе ярость человека.

ГЛАВА 7

— И все-таки я думаю,— сказал Джеймисон, глядя сквозь лобовой фонарь трактора на приближающуюся стену Платона,— что Старик поднимет дикий хай, как только узнает.

— А чего бы ради,— беззаботно пожал плечами Уилер.— По возвращении у него будет слишком много дел, чтобы снизойти до нас. За горючее мы заплатили, чего ж еще? Так что кончай паниковать. Развлекаешься, так развлекайся. Выходной у нас сегодня или нет?

Джеймисон не ответил; все его внимание было сосредоточено на дороге — если только это можно назвать дорогой. Единственным признаком, что здесь кто-то когда-то проезжал, были немногочисленные борозды, пропаханные в пыли. На Луне, в полном вакууме, эти борозды сохранятся навечно, их не занесет никакой ветер, так что иных дорожных знаков и не требовалось, но все равно время от времени встречались щиты с тревожными надписями: «ОПАСНОЕ МЕСТО — ВПЕРЕДИ ТРЕЩИНЫ!» или «АВАРИЙНЫЙ ЗАПАС КИСЛОРОДА — 10 КИЛОМЕТРОВ».

Лунный транспорт не отличается большим разнообразием. Основные поселки связаны монорельсовыми линиями, вагончики которых бегают быстро и точно по расписанию и обеспечивают своим пассажирам полный комфорт. Но сеть этих линий очень редка и вряд ли когда-нибудь станет особенно густой из-за непомерной своей дороговизны. Все прочие передвижения обеспечиваются мощными газотурбинными тракторами, известными в народе как «катерпиллеры», или, для краткости, «кэты». По сути своей это небольшие космические корабли, взгроможденные на маленькие, но очень широкие колеса, дающие им возможность про-

браться куда угодно — в разумных, конечно же, пределах — даже по удивительно корявой поверхности нашего естественного спутника. На ровном месте они легко выжимают до сотни километров в час, однако в нормальных условиях скорость редко доходит даже до пятидесяти. Есть у этих машин и гусеницы, выпускаемые в случае необходимости, что позволяет им — благодаря низкому тяготению — вскарабкиваться по совершенно головокружительным склонам. Были даже случаи, когда тракторы, с помощью своих лебедок, втаскивали себя наверх по отвесным стенам. Они бывают разных размеров, в более крупных моделях можно прожить, не испытывая особых неудобств, несколько недель кряду; именно ими пользовались исследователи, проводившие подробную съемку Луны.

Джеймисон был очень опытным водителем, прекрасно знал дорогу, и все равно только через час после начала поездки Уилер перестал стучать зубами и у него опустились дыбом стоящие волосы. Не так-то просто привыкнуть к тому, что на Луне даже сорокапятиградусный склон не представляет собой опасности, если, конечно же, относиться к нему с должным уважением. Было, пожалуй, и к лучшему, что Уилер — новичок; пассажир более опытный пришел бы в полный ужас от весьма неортодоксальной техники вождения, применяемой Джеймисоном.

С чего это Джеймисон оказался таким блестящим, бесстрашным — этот парадокс обсуждался его коллегами много и долго. Именно парадокс — ведь при любых прочих обстоятельствах он неизменно проявлял крайнюю осторожность и скорее уж не делал ничего, чем делал что-либо без полной уверенности в последствиях. Никто и никогда не видел Джеймисона сильно раздосадованным или очень возбужденным, многие считали его лентяем, но уж это-то было явной клеветой. Он мог потратить на какое-либо наблюдение несколько недель, добиваясь абсолютной надежности результатов, а затем отложить их на два-три месяца, чтобы перепроверить заново.

И вот, садясь за руль «кэта», этот тишайший из астрономов превращался в отчаяннейшего из водителей, устано-

вившего неофициальный рекорд чуть ли не на каждом тракторном маршруте Северного полушария. Причина этого — не осознаваемая даже самим Джеймисоном — лежала в давней детской мечте стать космическим пилотом, мечте, осуществлению которой помешало больное сердце.

Из космоса — или с Земли в телескоп — стены Платона имеют вид неприступный и даже устрашающий, особенно в косых лучах солнца. Действительная же их высота не превышает километра, и путешествие из кратера в Море Дождей не представляет особых трудностей, если правильно выбрать путь через один из многочисленных перевалов. Джеймисон проскочил горы менее чем за час, не доставив тем особой радости Уилеру, который предпочел бы езду помедленнее.

Они подъехали к краю высокого обрыва, нависшего над равниной. Прямо впереди безупречную гладкость линии горизонта нарушал треугольный выступ — ровная конусообразная вершина Пико. По правую руку на северо-восток уходили Тенерифские горы, ни в чем не похожие на своего одинокого родственника*. Большую часть этих рваных, изубренных вершин никто еще не покорил, в основном потому, что никто не давал себе такого труда. Свет Земли красил их в призрачные зеленовато-синие тона, но пройдет неделя, и в безжалостном сиянии дня они поблекнут, станут грязно-белыми, с черными провалами теней.

После остановки трактора Уилер тщательно осмотрел местность в мощный бинокль, но не заметил ровно ничего необычного. Это его не удивило — мешавшие астрономам корабли садились где-то дальше, за горизонтом.

— Поехали,— повернулся он к лениво любовавшемуся красотами природы Джеймисону.— До Пико можно добраться за пару часов, там и пообедаем.

— Ну а что потом? — безучастно поинтересовался водитель.

* Тенерифе — главный из Канарских островов, в честь него и назван этот лунный хребет. Лунная гора Пико названа по имени Тенерифского пика (Пико де Тенерифе) — горы на этом острове.

— Если так ничего и не увидим — вернемся домой, как хорошие мальчики.

— Ладно, только дальше веселенький участок, так что держись. В этом месте спускались очень немногие тракторы, хорошо, если десяток. Но ты особенно не дрожи, наш «Фердинанд» как раз из этого десятка.

Тронув машину с места, он осторожно объехал огромную осыпь — склон, накопивший за тысячелетия толстый слой растрескавшейся горной породы. Подобные места очень опасны — зачастую достаточно малейшего прикосновения, чтобы хлынул безудержный, сметающий все на своем пути каменный поток. Несмотря на кажущуюся безрассудность, Джеймисон не любил рисковать и старался держаться от всяческих ловушек подальше; менее опытный водитель самым жизнерадостным образом проскочил бы у подножия такого склона, и это сошло бы ему с рук — в девяноста девяти случаях из ста. Но Джеймисону приходилось видеть, что случается в этом сотом случае. Трактор, накрытый пыльной каменной волной, обречен — любые попытки спасти его только вызывают новые обвалы.

Недолгий спуск показался Уилеру бесконечным, тягостным кошмаром, а ведь можно было ожидать, что по наружному, значительно более пологому, чем внутренний, склону трактор пойдет ровнее. Однако Джеймисон решил воспользоваться легкими условиями и прибавил скорость, с тем побочным результатом, что «Фердинанд» начал ритмично раскачиваться. Дело кончилось тем, что несчастный пассажир исчез на некоторое время где-то в задней части трактора.

— Ни разу еще не слышал,— довольно обиженно сказал он по возвращении,— что на Луне может случиться приступ морской болезни.

Теперь их окружал малопривлекательный, даже угнетающий (иначе говоря — обычный для лунной равнины) пейзаж. Горизонт сошелся в тесное кольцо; через некоторое время стало казаться, что крохотный, не больше трех километров в радиусе, каменистый пятачок — единственное, что осталось от мира. Иллюзия эта настолько сильна, что ино-

гда водители даже сбавляют скорость из подсознательного страха свалиться через край Луны.

Через два часа спокойной, без всяких приключений поездки впереди появилась тройная громада Пико; когда-то он был частью стены кратера, сходного с Платоном, однако затем кипящая лава Моря Дождей смыла это огромное, стопятидесятикилометровое кольцо, пощадив одну-единственную, но зато великолепную гору.

У подножия Пико была сделана остановка, чтобы поесть и сварить кофе. Одно из неудобств лунного быта состоит в том, что низкое давление повсеместно используемой здесь атмосферы (компенсируемое высоким содержанием кислорода) заставляет воду кипеть уже при семидесяти градусах Цельсия, так что о горячем питье не приходится и мечтать. Поначалу это раздражает, но проходит время — и человек привыкает. Человек ко всему может привыкнуть.

— А ты уверен, что хочешь выполнить все по полной программе? — спросил Джеймисон, убирая со стола посуду и объедки.

— Да, пока ты не скажешь, что дальше опасно. Отсюда эти склоны кажутся чуть ли не отвесными.

— Слушай меня, и никаких опасностей не будет. Я только боюсь за твое самочувствие: блеванешь в скафандр — мало не покажется.

— Со мной все в порядке,— гордо вскинулся Уилер и тут же спросил, словно что-то вспомнив: — А сколько времени мы будем снаружи?

— Ну, часа два. А может, и четыре. Так что все, что может зачесаться, почеши сейчас, авансом.

— Я совсем не об этом,— с прежней гордостью ответствовал Уилер и снова удалился в заднюю часть кабины.

За шесть месяцев своего пребывания на Луне он облачался в скафандр не больше десятка раз, в основном — при учебных тревогах. Необходимость выйти в вакуум возникает у астрономов крайне редко, все их приборы имеют дистанционное управление. Не будучи полным новичком, Уилер все еще находился в стадии повышенной осторожно-

сти, гораздо менее опасной, чем следующая за ней стадия излишней уверенности в своих силах.

Связавшись (через висевшую в небе Землю) с базой, они доложили о своем местоположении и дальнейших намерениях, а затем проверили друг у друга скафандры. Джеймисон, а затем Уилер нараспев читали мнемонический алфавитный список: «А — антенна, Б — батареи, В — воздух, Г — герметичность...»; сначала эта детская считалочка кажется странной и даже глупой, однако она быстро становится естественной частью лунного быта и над ней никто никогда не смеется. Убедившись, что все оборудование находится в идеальном порядке, они открыли люк шлюза и вышли на устланную толстым слоем пыли равнину.

Подобно большинству лунных гор, с малого расстояния Пико выглядит не так устрашающе, как издалека. Немногие отвесные стены было нетрудно обойти. Крутизна склонов, по которым приходилось взбираться, редко превышала пять градусов. При одной шестой земного тяготения это совсем не трудно, даже когда на тебе скафандр.

И все равно уже через полчаса непривычная нагрузка начала сказываться; Уилер взмок и сорвал дыхание, стекло его шлема запотело и не позволяло ничего толком видеть. Слишком упрямый, чтобы попросить Джеймисона сбавить темп, он очень обрадовался, когда тот остановился.

С почти километровой высоты северная часть равнины просматривалась на глубину километров в пятьдесят. Теперь молодые астрономы обнаружили цель своих поисков буквально за секунду. На полпути к горизонту стояли две транспортные ракеты; широко раскинутые лапы посадочных опор придавали им сходство с кошмарными пауками. Но даже эти необычно огромные космические корабли терялись рядом с шарообразным сооружением, ни в чем не похожем на обычный герметический купол. Оно выглядело как полная металлическая сфера, закопанная в грунт на треть своего диаметра. Через бинокль (специальные окуляры позволяли пользоваться им даже в шлеме) Уилер рассмотрел у основания купола людей и какие-то механизмы. Время от времени в

воздух взмывало, тут же оседая, облако пыли — очевидно, шли взрывные работы. Еще одна лунная странность, мелькнуло у него в мозгу. По вине слабой гравитации предметы падают здесь слишком медленно — все, кроме пыли, которая падает слишком быстро. При отсутствии воздуха она опускается ровно с такой же скоростью, как и объекты более солидные.

— Ну что тут скажешь,— пожал плечами Джеймисон, также изучавший непонятное сооружение в бинокль.— Кто-то не жалеет денег.

— А что это, думаешь, такое? Шахта?

— Не исключено.— Как и всегда, лихой водитель был предельно осторожен.— Возможно, они решили перерабатывать руду на месте, и в этом шаре обогатительный завод. Но это только предположение, я никогда не видел ничего подобного.

— Чем бы это ни было, мы сумеем доехать туда за час. Может, взглянем поближе?

— Вот так и знал, что ты загоришься. Пожалуй, не стоит, чего доброго, нас попросят остаться в гостях.

— Ты читаешь слишком много детективов. Можно подумать, сейчас война, а мы с тобой — шпионы. Да чего там бояться, в Обсерватории знают, где нас искать; если мы не вернемся вовремя, директор устроит дикий скандал.

— Боюсь, он устроит дикий скандал, когда мы вернемся, так что съездим: семь бед — один ответ. Пошли, вниз это будет легче, чем вверх.

— А я и на подъем не жаловался,— не очень убедительно возразил Уилер.

Через несколько минут, уже на спуске, у него появилась тревожная, неприятная мысль.

— А вдруг они нас слушали? Вдруг за этой частотой следят — тогда они слышали каждое наше слово, ведь мы в прямой видимости.

— И ты еще обвинял меня в мелодраматичности. Никого, кроме Обсерватории, эта частота не интересует, а нашим ничего не слышно, через столько гор ни одна радиоволна

не пробьется. А если бы даже и подслушали? Сколько я помню, сегодня ты не сказал ни одного такого слова, за которое мама заставляет вымыть рот с мылом.

Имелся в виду неприятный эпизод, заметно омрачивший Уилеру первые дни лунной жизни и заставивший его накрепко запомнить, что приватность частных разговоров, самоочевидная на Земле, далеко не всегда доступна человеку, одетому в скафандр,— малейший его шепот слышен всем находящимся в зоне радиосвязи.

Горизонт снова сузился, однако еще наверху они взяли азимут, так что знали, куда вести «Фердинанда». Теперь Джеймисон ехал с предельной осторожностью — местность была для него совершенно незнакомой. Прошло два часа, и только тогда из-за горизонта начал подниматься горб загадочного купола, а чуть позднее — и приземистые цилиндры транспортных ракет.

Уилер снова направил наружную антенну на Землю, вызвал Обсерваторию, объяснил свои с Джеймисоном намерения и тут же прервал связь — из опасения услышать запрет. Как ни говори, подумал он, а ведь это бред какой-то — связываться с людьми, до которых рукой подать, через расстояние в восемьсот тысяч километров. Бред не бред, но другого способа не было — все лежащее за горизонтом полностью экранировалось. В некоторых случаях отражение длинных волн от еле заметной ионосферы Луны позволяло послать сигнал на дальнее расстояние, однако метод этот был крайне ненадежен. Так что вся лунная связь осуществлялась на принципе «прямой видимости».

Было очень забавно наблюдать суматоху, вызванную приближением «Фердинанда». Ну совсем, подумал Уилер, как растревоженный муравейник. Буквально через несколько минут плотное кольцо тракторов, бульдозеров, грузовиков и взбудораженных людей в скафандрах вынудило их остановить «Фердинанд».

— Того и гляди,— ухмыльнулся Уилер,— позовут охранников.

Джеймисон явно не разделял его веселья.

— Не к добру такие шутки,— укорил он товарища.— Слишком уж это похоже на правду.

— Как бы там ни было, к нам приближается представитель Комитета по организации торжественного приема. Что там написано на его шлеме? «БЕЗ. два» вроде? Он, наверное, из отдела техники безопасности.

— Может, да, а может — из службы безопасности. Ладно, твоя идея — ты и расхлебывай, а я человек простой, мое дело — вести машину.

В наружный люк громко, настойчиво постучали. Джеймисон нажал кнопку, открывающую шлюз, через какую-то минуту «представитель комитета» уже сидел в кабине и снимал шлем. На худощавом лице этого седеющего господина читалась озабоченность, скорее всего — врожденная и вечная. И — ни малейших следов приветливости.

— Мы не очень привыкли к посетителям,— сказал он, задумчиво глядя на астрономов, старательно изображавших невиннейшие, добродушнейшие улыбки.— Как вы здесь оказались?

«Не очень»,— подумал Уилер, это он сильно выразился. Да они ни одного посетителя никогда не видели и надеялись никогда не увидеть.

— Мы из Обсерватории, и у нас выходной. Это доктор Джеймисон, а я — Уилер. Мы оба астрофизики. Мы знали, что вы где-то тут рядом, и решили посмотреть.

— Откуда вы знали? — резко спросил седеющий господин. Он так и не представился, проявив, по земным понятиям, дурные манеры, а по лунным — невероятное хамство.

— Возможно, вы слышали,— спокойно, не выходя из себя, объяснил Уилер,— что у нас в Обсерватории есть пара довольно больших телескопов. И вы доставили нам порядочно неприятностей. У меня у самого из-за ваших ракет погибли две спектрограммы. Так что стоит ли удивляться нашему любопытству?

На тонких, плотно сжатых губах появилась легкая улыбка; она тут же исчезла, однако обстановка заметно разрядилась.

— Думаю, вам лучше пройти в контору и там подождать, пока мы организуем проверку. Это будет совсем недолго.

— Простите, я что-то не понимаю. С каких это пор на Луне есть частные владения?

— Мне очень жаль, но иначе нельзя. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Астрономы надели скафандры и вылезли из машины. Несмотря на сознание полной своей невиновности, Уилер начал ощущать некое беспокойство. В его мозгу крутились не очень ободряющие обрывки читанных когда-то историй про шпионов, одиночное заключение и кирпичные стенки на рассвете.

Открылся почти незаметный, абсолютно точно повторявший искривленную поверхность купола люк, и они оказались в промежутке между внешней сферой и внутренней, ей концентричной. Насколько достигал глаз, две эти оболочки были соединены сложным переплетением прозрачных пластиковых стержней; из того же незнакомого материала был изготовлен и пол. Все это показалось Уилеру несколько странным, однако разглядывать было некогда.

Неразговорчивый провожатый двигался почти бегом; скорее всего, чтобы астрономы увидели как можно меньше. Вскоре они вошли во второй шлюз и только здесь сняли скафандры. «Наденем ли мы их снова?» — мрачно подумал Уилер.

Судя по длине этого шлюза, внутренняя сфера имела чудовищную толщину: когда открылась ведущая в центральное помещение дверь, оба астронома мгновенно ощутили знакомый запах озона. Где-то неподалеку располагалось высоковольтное оборудование. Ничего особо странного, но запомнить все-таки стоит.

Они оказались в узком коридоре, вдоль которого тянулись двери с номерами и табличками вроде «ВХОД ВОСПРЕЩЕН», «ТОЛЬКО ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА», «ИНФОРМАЦИЯ», «АВАРИЙНЫЙ ВОЗДУХ» и «ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ». Ни Уилеру, ни Джеймисону все это ровным счетом ничего не говорило, однако, остановившись в

конце концов перед дверью с надписью «СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ», они невесело переглянулись. «Ну вот, так я и думал!» — яснее всяких слов говорило лицо Джеймисона.

После недолгой паузы вспыхнула надпись «ВОЙДИТЕ», и дверь автоматически отворилась, пропуская астрономов и их провожатого в самого заурядного вида кабинет. За неоглядным столом восседал мужчина с подобающей его профессии суровой решительностью на лице. Уже сама грандиозность этого стола громко объявляла миру, что деньги здесь не считают; астрономы скорбно припомнили канцелярское оборудование Обсерватории. В углу на отдельном столике стоял вроде бы телепринтер, но какой-то необычно сложной конфигурации, а все стены кабинета были сплошь покрыты стеллажами с картотеками и папками.

— Что это за люди? — вопросил он.

— Два астронома из Обсерватории, расположенной в Платоне. Подъехали сюда на тракторе, я решил, что вы захотите на них посмотреть.

— Обязательно. Ваши фамилии?

Следующую четверть часа заняла скучная, утомительная процедура выяснения и тщательного записывания всех данных молодых астрономов и обстоятельств их поездки; затем была организована связь с Обсерваторией. Так что теперь, мрачно подумал Уилер, крику не оберешься. Раньше друзья из центра связи отмечали передвижения «Фердинанда» только так, на случай несчастья, но теперь им придется доложить о происходящем начальству.

Выяснив окончательно, что Уилер — это Уилер, а Джеймисон — Джеймисон, хозяин грандиозного стола некоторое время хмуро их созерцал; постепенно его лицо разгладилось.

— Вы сами видите, сколько из-за вас хлопот. Нам и в голову не приходило опасаться здесь неожиданных посетителей, иначе мы поставили бы предупредительные знаки. Вы подъехали сюда прямо, не скрываясь, и это очень разумно — у нас, естественно, есть средства, позволяющие обнаружить любого гостя, сколько бы он ни прятался. Как бы

то ни было, теперь вы здесь, и я думаю, в этом нет ничего особенно страшного. Как вы, скорее всего, уже догадались, это правительственный проект, который пока что держится в секрете. Домой я вас отпущу, но сначала — две небольшие просьбы.

— Какие такие просьбы? — недоверчиво поинтересовался Джеймисон.

— Я хочу, чтобы вы обещали не рассказывать об этой поездке ничего, кроме самого необходимого минимума. Ваши сотрудники знают, куда вы направлялись, так что полного секрета никак не получится. Просто не вдавайтесь в подробные объяснения — вот и все.

— Хорошо,— согласился Джеймисон.— А вторая просьба?

— Если кто-либо начнет вас настойчиво расспрашивать и вообще проявит излишний интерес к этому вашему приключению — незамедлительно поставьте нас в известность. Вот, собственно, и все. Счастливого пути.

Уилер долго не мог успокоиться.

— Ну и наглец! — продолжал негодовать он, занимая свое место в тракторе.— Ведь даже закурить не предложил.

— А вот я считаю,— негромко заметил Джеймисон,— нам еще сильно повезло, что так дешево отделались. Они заняты делом и настроены весьма серьезно.

— Хотел бы я знать, каким именно делом. Неужели это действительно шахта? И чего бы, спрашивается, ради кто-то решил копаться в куче шлака, именуемой «Море Дождей»?

— Думаю, шахта. Подъезжая, я заметил по другую сторону купола нечто очень похожее на бурильную установку. Непонятно только, с какой такой стати все эти шпионские страсти.

— Объяснение может быть одно — они обнаружили здесь нечто такое, о чем не должна знать Федерация.

— В каковом случае и мы тоже вряд ли что-нибудь узнаем, а потому не стоит и голову зря ломать. Переходя к вещам более насущным — куда мы теперь?

— Давай держаться первоначального плана. Вполне возможно, следующая наша поездка на «Фердинанде» состо-

ится ой как не скоро, так что используем эту на полную катушку. К тому же мне давно хочется посмотреть на Залив Радуги вблизи.

— Это же добрых три сотни километров на восток.

— Да, но ты же сам говорил, что местность довольно гладкая, если держаться подальше от гор. Доберемся часов за пять. Я вожу машину достаточно прилично, если устанешь — подменю.

— В незнакомом месте это слишком рискованно. Давай сойдемся на том, что я довезу тебя до мыса Лапласа. Ты поглазеешь оттуда на свой драгоценный залив, а потом поведешь машину домой, дорога будет уже проложена. Только не сбивайся с колеи.

Уилер с радостью согласился; у него были сильные и, как теперь выяснилось, несправедливые опасения, что Джеймисон плюнет на все договоренности и двинет прямо в Обсерваторию.

Следующие три часа они ползли вдоль подножия Тенерифских гор, а затем свернули к Прямому хребту — совершенно изолированной полоске гор, представляющей собой нечто вроде слабого отзвука могучих Альп. Теперь Джеймисон вел трактор с предельной внимательностью — незнакомая местность не позволяла расслабляться. Время от времени он указывал на известные ориентиры, и Уилер сверял их по фотографической карте.

Километрах в десяти к востоку от Прямого хребта они сделали остановку и ознакомились с содержимым коробок, полученных на кухне Обсерватории. В одном из уголков кабины был оборудован крохотный камбуз, однако пользоваться им сегодня никто не собирался, ну разве что при каких-нибудь чрезвычайных обстоятельствах. Ни Уилер, ни Джеймисон не любили, да толком и не умели, готовить; к тому же, считал каждый из них, к чему все эти хлопоты? Выходной у нас или не выходной?

— Сид,— неожиданно начал Уилер между двумя кусками сэндвича,— а что ты вообще думаешь о Федерации? Ты встречался с этими ребятами гораздо больше моего.

— Да, и мне они нравятся. Жаль, что ты не видел последнюю команду — их было около десятка, изучали конструкцию телескопа. Они думают построить пятнадцатиметровый прибор на одном из спутников Сатурна.

— Вот это да! Я всегда говорил, что мы сидим слишком близко к Солнцу. Они избавятся от влияния зодиакального света и прочего мусора, которого вокруг внутренних планет навалом. Но я не про то — было по этим ребятам похоже, что они готовы поцапаться с Землей?

— Трудно сказать. Очень дружелюбные и раскованные, но это же они с нами, ученые с учеными. Будь мы политиками или работниками государственной службы, все могло бы выглядеть совсем иначе.

— Да мы же и есть работники государственной службы! Наш драгоценный бухгалтер Садлер напоминал мне об этом только вчера.

— Конечно, но мы хотя бы научные работники государственной службы, а это совсем другое дело. Можно с уверенностью сказать, что приезжающие к нам ребята далеко не в восторге от Земли, хотя вежливость не позволяла им об этом и заикаться. А насчет оскорбительности квот по металлам — тут уже они высказывались вслух, и неоднократно. Их главный довод состоял в том, что Федерация испытывает в освоении внешних планет значительно больше трудностей, чем мы, и что половина металлов, используемых Землей, транжирится попусту.

— Ну и кто же, ты думаешь, прав?

— Трудно сказать, ведь очень многого мы просто не знаем. Но на Земле есть уйма людей, которые боятся Федерации и не хотят, чтобы она становилась сильнее. Федералы прекрасно об этом осведомлены; не исключено, что однажды они устанут спорить и начнут попросту хапать все, до чего руки дотянутся.

Джеймисон скомкал обертки от сэндвичей и закинул их в мусорный ящик. Затем взглянул на часы и направился к водительскому месту.

— Пора двигаться. Уже выпадаем из графика.

От Прямого хребта они свернули на юго-восток, и вскоре из-за горизонта поднялся мыс Лапласа. Огибая этот огромный каменный массив, Джеймисон вдруг притормозил и показал рукой куда-то в сторону. Неожиданное зрелище располагало к печальным размышлениям: изуродованные останки трактора, а рядом с ними — груда каменных глыб, увенчанная металлическим крестом. Судя по всему, трактор погиб от взрыва топливных баков, и очень давно — Уилер никогда не видел такой допотопной модели. Он ничуть не удивился, услышав от Джеймисона, что несчастье произошло чуть ли не целый век назад — и через тысячу лет и через миллион обломки останутся точно такими же, как сейчас.

Впереди показалась могучая северная стена Залива Радуги. Миллионы лет назад здесь была равнина, окруженная замкнутым кольцом гор,— кратер, один из самых больших на Луне. Однако катаклизм, сформировавший Море Дождей, разрушил попутно всю южную часть стены, превратив ее в серповидный хребет; концы этого хребта — мыс Гераклидов и мыс Лапласа — смотрят друг на друга через всю ширину залива, вспоминая о тех далеких днях, когда они были соединены цепью четырехкилометровых гор, от которых остались теперь только немногочисленные холмики.

Глядя на шеренгу каменных исполинов, развернувшихся лицом к далекой Земле, Уилер благоговейно затих. Льющийся с неба зеленоватый свет отчетливо вырисовывал каждую деталь крутых уступчатых склонов, по которым не поднимался еще никто и никогда. Да, конечно же, со временем будут покорены и эти гордые вершины, но как еще много на Луне мест, куда не ступала нога человека, мест, в достижении которых человеку придется рассчитывать исключительно на собственные свои силы и умение.

Уилер вспомнил, как давным-давно, еще школьником, впервые увидел Залив Радуги в слабенький самодельный телескоп. Две маленькие линзы, укрепленные в картонной трубке,— вот, собственно, и все устройство, но радости от него было даже больше, чем теперь — от гигантских приборов Обсерватории.

«Фердинанд» описал широкую дугу, развернулся в обратном направлении, носом на запад, и замер. Впереди ясно виднелась прорезанная в толстом слое пыли колея, которая пребудет здесь вечно, разве что ее затопчут колеса других пришедших следом машин.

— Конечная остановка,— провозгласил Джеймисон.— Меняемся местами, до Платона машина в полном твоем распоряжении. Через горы снова поведу я, так что разбуди. Спокойной ночи.

«И как это он умудряется?» — удивленно думал Уилер, глядя на почти мгновенно заснувшего Джеймисона. Возможно, укачало мягким движением трактора, как ребенка в люльке. Надо и дальше обойтись без резких бросков... Он включил двигатель и повел машину к Платону, стараясь ни на сантиметр не съезжать с колеи.

ГЛАВА 8

Рано или поздно это должно было случиться, философически утешил себя Садлер и постучал в дверь директора. Сколько ни старайся, при такой работе обязательно кого-нибудь обидишь. И будет крайне интересно узнать — кто успел уже пожаловаться...

Сказать, что профессор не отличался высоким ростом, значит не сказать ничего; он был настолько миниатюрен, что некоторые люди не принимали его всерьез — и очень потом горько каялись. Садлеру возможность подобной ошибки не грозила, он прекрасно знал, насколько часто очень низкорослые люди прилагают все старания, чтобы компенсировать свой физический недостаток (многие ли диктаторы имели хотя бы средний рост?), а вдобавок был уже наслышан, что Маклорин — один из самых своенравных обитателей Луны.

Перед Маклорином расстилалась девственно-чистая, ничем не захламленная поверхность письменного стола. Безукоризненную эту гладь не нарушали даже непремен-

ные блокнот с ручкой — только маленький пульт коммуникатора со встроенным динамиком. Ничего неожиданного — уникальные административные методы директора, его ненависть ко всей и всяческой писанине также были притчей во языцех. Руководство жизнью Обсерватории осуществлялось почти исключительно в устной форме. Конечно же, кто-то там делал записи, составлял рабочие графики и доклады, но сам Маклорин только включал свой микрофон и отдавал приказы. Система работала без сучка без задоринки по той простой причине, что он записывал все свои указания в голове и мог мгновенно «проиграть» их наглецу (таких давно уже не осталось), который осмелился бы заявить: «Но, сэр, вы же никогда мне этого не говорили!» Ходил слушок (а скорее всего — низкая клевета), что Маклорин занимается иногда фальсификацией, меняет свои ментальные записи задним числом. Доказательств, естественно, ни у кого не было.

Директор указал на свободный стул (единственный в кабинете).

— Не знаю, чья это была блестящая идея,— начал он, не дожидаясь, пока Садлер сядет,— но меня даже не предупредили о вашем будущем приезде. Знай я заранее, я попросил бы отменить его — или хотя бы отложить. Эффективность необходима, но сейчас очень сложное, беспокойное время. У моих сотрудников есть занятия значительно более серьезные, чем объяснять вам свою работу, особенно сейчас, когда мы кладем все силы на наблюдение сверхновой.

— Мне искренне жаль, что вас не оповестили,— дружелюбно улыбнулся Садлер.— Скорее всего, решение было принято уже после вашего отлета на Землю.— (Интересно, что бы сказал директор, знай он, что все это тщательно подстроено?) — Я понимаю, что в некотором роде путаюсь у ваших работников под ногами, однако они оказывали мне всю возможную помощь, и я не слышал ни одной жалобы. Более того, у нас установились вполне приличные отношения.

Маклорин задумчиво помял свой подбородок. Садлер с трудом оторвал взгляд от крошечной, не больше, чем у ребенка, но при этом идеальных пропорций кисти.

— Сколько еще вы намерены здесь пробыть?

Да, усмехнулся про себя Садлер, не очень-то он бережет чужое самолюбие.

— Трудно сказать. Область моих исследований имеет довольно неопределенный характер. Следует, вероятно, предупредить вас, что я почти еще не занимался научной стороной деятельности Обсерватории, а ведь она, скорее всего, и представляет наибольшие трудности. Пока что я ограничивал свои интересы административной и техническими службами.

Новость явно не обрадовала Маклорина; сейчас он был похож на крошечный вулкан, готовый к извержению; предотвратить катастрофу можно было только одним способом.

Садлер встал, подошел к двери, быстро ее открыл, выглянул наружу и снова закрыл. Этот намеренно мелодраматичный спектакль лишил директора дара речи; тем временем Садлер обогнул стол и щелкнул тумблером коммуникатора.

— Вот теперь можно и поговорить,— начал он.— Очень не хотелось, но деваться, похоже, некуда. Скорее всего, вы таких штук еще не встречали.

Ошеломленный, никогда прежде не сталкивавшийся с подобной наглостью директор увидел перед собой белую, совершенно чистую пластиковую карточку. Неожиданно на ней появились — чтобы тут же снова исчезнуть — фотография Садлера и короткий печатный текст.

— А откуда она взялась,— спросил он, немного придя в себя,— эта самая Планетарная разведка? Никогда о такой не слыхал.

— Так и должно быть.— Белая карточка спряталась в кармане Садлера.— Организация у нас довольно молодая, и она совсем не рвется на первые страницы газет. Как ни печально, сотрудники Обсерватории сильно заблуждаются

относительно смысла моей работы. Говоря откровенно, мне безразлична эффективность вашей организации, и я полностью согласен с тем, что бессмысленно расписывать научные исследования по графам приход-расход. Но легенда получилась хорошая — или вам так не кажется?

— Продолжайте.— В голосе Маклорина звучало опасное, ледяное спокойствие.

Сцена начинала доставлять Садлеру удовольствие, неприлично выходящее за рамки удовлетворения успешно выполненным служебным долгом. Нет, нельзя позволять себе упиваться властью...

— Я ищу шпиона.— По его голосу можно было подумать, что речь идет о чем-то совершенно будничном, заурядном.

— Вы что — серьезно? Мы же в двадцать втором столетии!

— Я говорю абсолютно серьезно. Не стоит, вероятно, и добавлять, что вы не должны сообщать об этой беседе никому, даже Уагнэлу.

— Чтобы кто-то из наших сотрудников занимался шпионажем? — презрительно фыркнул Маклорин.— Даже подумать об этом смешно.

— Об этом всегда смешно подумать,— терпеливо объяснил Садлер.— Что ничуть не меняет положения.

— А если на секунду предположить, что ваши обвинения имеют под собой хоть какую-нибудь основу — у вас есть догадки, кто же это такой?

— Если бы и были, на этой стадии я не мог бы вам ничего сказать. Однако постараюсь быть предельно откровенным. Мы не уверены, что шпион — кто-то из ваших сотрудников; в пользу этого говорит некий туманный намек, подхваченный одним из наших агентов, но никак не более. Однако наличие утечки информации где-то на Луне несомненно, и я расследую данный конкретный вариант. Теперь вам понятно, почему я выспрашиваю всех с такой дотошностью — стараюсь не выбиваться из роли, и только. К этой роли все уже привыкли, а потому остается надеяться, что

и таинственный мистер Икс — если он, конечно же, существует — тоже принимает ее за чистую монету. Кстати сказать, именно поэтому мне и хочется знать, кто на меня жаловался. Такие, скорее всего, нашлись.

Маклорин начал издавать негодующие звуки, но тут же капитулировал:

— Если верить Дженкинсу — это который со склада,— вы отнимаете у него слишком много времени.

— Весьма, весьма любопытно,— удивленно протянул Садлер; Дженкинс заведовал складом и никогда не состоял в списке подозреваемых.— Правду говоря, именно там я провел очень мало времени — достаточно, чтобы не ставить легенду под подозрение, но никак не более. К мистеру Дженкинсу придется присмотреться.

— Все это как-то очень неожиданно,— задумчиво сказал Маклорин.— Но если и предположить, что кто-то из наших передает сведения Федерации, я не совсем понимаю, как они могут это сделать. Разве что ваш шпион — один из связистов.

— Да,— согласился Садлер,— это и есть главный вопрос.

Ему хотелось обсудить с директором именно такие, самые общие черты проблемы — возможно, удастся узнать что-либо новое. Садлер прекрасно понимал трудность и масштаб порученного ему задания. Он никак не мог считать себя настоящим контрразведчиком, оставалось только утешаться, что гипотетический противник находится в аналогичном положении. Последний представитель экзотического — и во все времена малочисленного — племени профессиональных шпионов умер, скорее всего, сотню с лишним лет назад.

— Кстати сказать,— заметил Маклорин с деланой и не очень убедительной улыбкой,— а почему вы так уверены, что я не шпион?

— А я и не уверен,— утешил его Садлер.— Полная уверенность — недопустимая для контрразведки роскошь. Но мы изо всех сил стараемся обеспечить максимально возможную уверенность. Надеюсь, вас не слишком тревожили на Земле?

В первую секунду Маклорин ничего не понял, но тут же взорвался возмущением:

— Так вы что, следите за мной?

— Это может случиться с любым,— пожал плечами Садлер.— Для утешения попробуйте себе представить, через что прошел я, прежде чем получить эту работу. Которой я к тому же абсолютно не хотел.

— Так что же, в конце концов, вам от меня нужно? — прорычал Маклорин; как ни странно, у этого крошечного человечка был низкий, густой голос (если верить сплетникам — приобретавший в минуты крайнего раздражения пронзительные, визгливые интонации).

— Само собой, я хотел бы, чтобы вы извещали меня обо всем подозрительном. Иногда я буду у вас консультироваться и всегда с благодарностью выслушаю ваши советы. В остальном старайтесь меня по возможности не замечать и продолжайте относиться ко мне как к досадной неприятности, свалившейся на вашу голову.

— Вот уж это-то,— криво усмехнулся Маклорин,— не составит ровно никаких трудностей. Но можете не сомневаться — я окажу вам всю возможную помощь. Хотя бы для того, чтобы доказать беспочвенность ваших подозрений.

— Хотелось бы надеяться, что они беспочвенны,— вполне искренне откликнулся Садлер.— И большое вам спасибо за содействие.

Прикрывая за собой дверь, он начал было насвистывать, но тут же себя одернул — очень, конечно, приятно, что разговор с директором прошел так удачно, однако, сколько помнится, выходя из этого кабинета, никто никогда не проявляет особой радости. Серьезный и задумчивый, в полном соответствии с ситуацией, Садлер миновал кабинет Уагнэла, вошел в главный коридор и тут же натолкнулся на Джеймисона с Уилером.

— Вы были у Старика? — озабоченно поинтересовался Уилер.— Как он, в хорошем настроении?

— Я встречался с ним впервые, так что не могу сравнивать. Но поговорили мы вполне хорошо. А в чем дело? У вас сейчас вид как у нашкодивших мальчишек.

— Он только что нас вызвал,— объяснил Джеймисон.— Не знаю зачем; возможно, просто хочет разобраться получше, что тут делалось в его отсутствие. Он уже поздравил Кона с открытием сверхновой — может быть, захотел обсудить это дело поподробнее. Но скорее всего, Старику доложили, что мы немного покатались на «кэте».

— А что тут такого?

— Вообще-то тракторы предназначены исключительно для работы, но их все берут. А чего, собственно: заплати за использованное горючее — и все в порядке, никто ничего не потерял. Вот черт, забыл, с кем разговариваю, вам-то про это лучше не знать.

Садлер настороженно вскинул глаза, но тут же с облегчением сообразил, что в данном случае имеются в виду исключительно его, им же лично разрекламированные, функции финансового сторожевого пса.

— Успокойтесь,— расхохотался он.— В худшем случае я использую эту информацию как орудие шантажа, чтобы при очередной поездке навязаться к вам в попутчики. Будем надеяться, что старик Мак... профессор Маклорин не устроит вам особенно крупной выволочки.

Они очень удивились бы, узнав, с какой нерешительностью обдумывает предстоящую беседу сам директор. При обычных обстоятельствах такие мелкие нарушения распорядка, как взятый без спросу трактор, разбирались Уагнэлом, но сегодня произошло нечто более серьезное. Еще пять минут назад ситуация была совершенно неясной; именно чтобы разобраться в ней, и пригласил к себе молодых астрономов Маклорин. Он гордился своим умением держать руку на пульсе всего происходящего в Обсерватории, ну а персонал, естественно, старался максимально ограничить осведомленность начальника и не жалел на это ни времени своего, ни изобретательности.

Отчет о несанкционированной поездке давал Уилер — в надежде на не совсем еще исчерпавшееся доброе отношение окружающих к первооткрывателю сверхновой. Если верить его изложению, два бесстрашных, в сияющие латы облаченных рыцаря отправились в темный лес на розыски дракона, угрожающего прекрасной деве Обсерватории. Ге-

рой не скрыл ни одного существенного обстоятельства — к своему счастью, так как директор и сам их знал.

По мере того как Маклорин слушал это повествование, бессвязные вроде бы части головоломки, хранившиеся в его голове, начали складываться. Недавняя и совершенно загадочная радиограмма, строго приказывавшая не подпускать сотрудников к Морю Дождей, только пришла с Земли; можно не сомневаться, что составлена она в том куполе, куда занесло эту шкодливую парочку. С тем же самым, по всей видимости, местом связана и утечка информации, которой занимается Садлер. Маклорину все еще не верилось, что кто-либо из его людей — шпион, но ведь ни один мало-мальски компетентный шпион и не будет похож на шпиона, так что...

Он отпустил Уилера и Джеймисона без всякого скандала (чем привел их в полное недоумение), а затем тяжело задумался. Возможно, тут просто совпадение — ведь к рассказу этого мальчишки не придерешься. Но если один из них охотится за информацией, он организовал поездку самым разумным для своих целей образом. Разумным — или не очень? Разве станет настоящий шпион действовать настолько откровенно, прекрасно при этом понимая, что навлекает на себя подозрения? А может, это отчаянный двойной блеф, основанный на расчете, что такая вот лобовая атака не вызовет серьезных подозрений?

Слава тебе господи, что это не мои проблемы. И нужно спихнуть их с рук — чем скорее, тем лучше.

Профессор Маклорин щелкнул тумблером «ПРИЕМНАЯ» и сказал, обращаясь к Уагнэлу:

— Вызовите, пожалуйста, мистера Садлера. Я хочу с ним поговорить.

ГЛАВА 9

С возвращением директора статус Садлера претерпел изменения — не очень, может быть, заметные на глаз, но все равно существенные. Садлер изо всех сил старался это предотвратить, наперед зная тщетность своих стараний. Первые

дни все относились к нему с вежливой подозрительностью; чтобы пробить лед отчуждения, потребовалась долгая, серьезная работа. Постепенно люди разговорились, стали дружелюбнее, и только тогда дело сдвинулось с места. Судя по всему, теперь они жалели о прошлой своей откровенности; работать становилось все труднее и труднее.

Он знал, в чем тут дело. Никто, конечно же, и не подозревал истинных причин его пребывания на Луне, однако все видели, что возвращение директора не только не ограничило деятельность «этого бухгалтера», но даже в чем-то укрепило его положение. В маленьком мирке Обсерватории слухи и сплетни разносятся со скоростью, мало уступающей скорости света, секреты здесь почти невозможны. Судя по всему, прошел слушок, что Садлер — птица значительно более важная, чем можно бы подумать. Оставалось только надеяться, что пройдет много времени, пока кто-либо догадается, насколько более важная...

До настоящего момента Садлер ограничивал свое внимание административным отделом; делалось это по расчету — ведь именно такого поведения от него и ожидали. Однако Обсерватория существует для ученых, а не для поваров, машинисток, счетоводов и секретарей, хотя, конечно же, не может обойтись без услуг всего этого вспомогательного персонала.

Если здесь действительно угнездился шпион, вставали два главных вопроса. Если шпион не может переслать информацию своим хозяевам, она совершенно бесполезна. Мистеру Иксу мало иметь агентов, снабжающих его материалами, ему необходим надежный канал внешней связи.

Выбраться из Обсерватории можно только тремя способами — на тракторе, монорельсом или пешком. Последний вариант можно не принимать в расчет. Теоретически человек мог бы пройти несколько километров и оставить записку под каким-либо заранее оговоренным камушком, однако странности его поведения обратили бы вскоре на себя внимание, а проверить немногочисленных служащих ремонтного отдела — единственных, кто регулярно пользуется ска-

фандром,— было бы проще простого. Каждый вход и выход через шлюзы должен фиксироваться в журнале (правда, Садлер сильно сомневался, что эта инструкция выполняется так уж безукоризненно).

Несколько интереснее выглядели тракторы, на которых можно уехать гораздо дальше. Однако их использование предполагает сговор, так как в тракторе должно находиться не менее двух человек, это одно из тех правил безопасности, которые не нарушаются никогда. История с Уилером и Джеймисоном выглядит, конечно же, странновато. Их прошлое тщательно изучается, через несколько дней должны прислать резюме. Однако при всей безалаберности поведения этих парней слишком уж оно было откровенным, чтобы вызывать серьезные подозрения.

Оставался монорельс в Сентрал-Сити. Туда катались все, приблизительно раз в неделю. Вот уж где бесконечное количество возможностей передавать информацию; в этот самый момент целая бригада «туристов» осторожно прощупывает все контакты сотрудников Обсерватории и, скорее всего, узнает уйму пикантных подробностей их личной жизни. Но в этой пьеске Садлер не мог играть никакой роли — разве что составить список наиболее частых посетителей города.

Вот и все возможности прямой связи. Садлер не верил ни в одну из них. Существуют, и во множестве, другие, значительно более тонкие методы, не нужно забывать и о том, что мистер Икс, скорее всего, ученый. Любой из сотрудников Обсерватории может построить радиопередатчик, а найти его среди всего этого приборного хлама будет просто невозможно. Нужно признать, что до сих пор терпеливо вслушивающиеся в эфир мониторы не обнаружили ровно ничего, однако рано или поздно их работа должна увенчаться успехом.

А тем временем Садлеру предстояло выяснять, чем же это тут занимаются ученые. С жалким ускоренным курсом астрономии и физики, вбитым ему в голову за время подготовки к заданию, нелепо и надеяться понять работу Обсер-

ватории по-настоящему, но хоть какое-то общее представление о ней получить можно, и, если повезет, можно будет вычеркнуть из бесконечно длинного, вселяющего тоску списка подозревамых хоть несколько фамилий.

С вычислительным центром Садлер покончил очень быстро. В одном из его помещений царила полная тишина; безукоризненно чистые, укрытые за стеклянными панелями машины мыслили, а прислуживающие этим электронным чудовищам девушки скармливали в их ненасытные пасти одну программную ленту за другой. Соседняя, звукоизолированная комната оглушала бешеным треском принтеров, выбивающих бесконечные вереницы чисел. Глава этого отдела, доктор Мейз, попытался объяснить посетителю, что тут происходит, но задача была явно безнадежной. Его машины ушли бесконечно далеко от таких элементарных операций, как интегрирование, таких детсадовских функций, как косинусы и логарифмы. Они оперировали математическими понятиями, о которых Садлер и слыхом не слыхал, решали задачи, сама постановка которых не имела для него никакого смысла.

Это нимало его не расстроило — все, что ему нужно было увидеть, он увидел. Основное оборудование центра находилось под замком и пломбой, добраться до него могли только обслуживающие инженеры, приходившие раз в месяц. На цыпочках, чтобы не нарушать тишину, Садлер удалился из этого храма науки.

Оптические мастерские, где терпеливые мастера обрабатывали стекло с точностью до малой доли одной миллионной части дюйма, используя для этого приемы, за сотни лет не претерпевшие никаких изменений, привели Садлера в восторг, расширили его кругозор, но ни на вот столько не продвинули расследование. Он вглядывался в частоколы интерференционных полос, производимых сшибающимися световыми волнами, наблюдал, как бешено они прыгают от микроскопического расширения безукоризненных стеклянных брусков, вызываемого теплом его собственного тела. Здесь наука соединялась с искусством, чтобы дос-

тичь совершенства, не имеющего себе равных во всем множестве земных технологий. Неужели нужный ему ключ закопан здесь, среди всех этих линз, призм и зеркал? Вряд ли...

«Я нахожусь в положении человека,— мрачно подумал Садлер,— разыскивающего в темном подвале черного кота, который то ли есть там, то ли нет». Для полной точности аналогии следовало бы добавить: человека, который даже не представляет себе, как именно выглядит этот самый кот.

Беседы с Маклорином происходили теперь регулярно и неизменно оказывались полезными. Настроение директора оставалось скептическим, однако он с готовностью оказывал любую помощь — для того, по всей видимости, чтобы поскорее избавиться от непрошеного и настырного гостя. Садлер расспрашивал обо всех технических аспектах деятельности Обсерватории, стараясь, однако, ни одним намеком не показать, какой характер приобретает расследование.

Он успел уже составить на каждого сотрудника Обсерватории по небольшому досье — достижение нешуточное, даже если принять во внимание, что всеми первичными биографическими данными его снабдили еще на Земле. Чаще всего такое досье представляло собой один-единственный лист бумаги, но были и состоявшие из нескольких страниц шифрованных записей. Точно установленные факты Садлер заносил чернилами, а догадки и предположения — карандашом, чтобы было проще их менять. Некоторые из предположений были совсем уж дикими, многие — оскорбительными; перечитывая их, Садлер краснел от стыда. И не только перечитывая — вот, скажем, узнал ты, что некий человек все свои деньги просаживает на содержание обитающей в Сити любовницы, и сделал отсюда вывод, что человека этого легко подкупить; с какими глазами будешь ты потом принимать от него по-дружески предложенную кружку пива?

Этим конкретным подозреваемым был один из инженеров строительного отдела. Он никогда не скрывал от окружающих своего положения, а наоборот — плакался на тран-

жирские привычки своей пассии каждому встречному-поперечному и даже предостерег как-то Садлера, чтобы тот никогда не вешал себе такого камня на шею, после чего и был благополучно вычеркнут из списка возможных жертв шантажа.

Все подчиненные Маклорина были разбиты на три категории. В списке «А» содержались фамилии десяти, или около того, людей, которых Садлер считал наиболее реальными подозреваемыми, хотя ни против одного из них не было весомых улик. Некоторые числились здесь на том лишь основании, что имели больше всего возможностей передать информацию наружу — пожелай они это сделать. Одним из таких был Уагнэл; Садлер практически не сомневался в полной невиновности секретаря, однако не вычеркивал его из списка «А» — на всякий случай.

Попадали в список главных подозреваемых и те, кто имел в Федерации близких родственников либо слишком уж яро и откровенно критиковал политику земного правительства. Само собой, хорошо подготовленный шпион никогда не станет вести себя столь вызывающе, не захочет без всякой нужды вызывать к себе подозрение, однако кто же сказал, что обсерваторский шпион — профессионал? Восторженный, с горящими от энтузиазма глазами дилетант опасен ничуть не менее. Садлер внимательно изучал исследование по атомному шпионажу периода Второй мировой войны, и там этот момент подчеркивался особо.

Находился в списке «А» и Дженкинс, заведующий складом. Насчет него Садлер не имел ничего, кроме весьма туманного и никуда не ведущего подозрения. Личность угрюмая и нелюдимая, Дженкинс не пользовался большими симпатиями остальных сотрудников. Злопыхатели утверждали, что получить с обсерваторского склада оборудование — самая трудная на Луне работа, но это попросту характеризовало Дженкинса как достойного представителя известного своей прижимистостью племени кладовщиков, и не более.

Вот еще эта интересная парочка, весьма оживляющая тусклые будни Обсерватории,— Джеймисон и Уилер. Прис-

нопамятная поездка в Море Дождей была типичным образчиком их развлечений и вполне, как заверили Садлера, соответствовала обычной схеме этих развлечений.

Заводилой всегда оказывался Уилер. Его беда — если можно считать это бедой — заключалась в избытке энергии и изобилии интересов. Ему не стукнуло еще и тридцати; придет, надо думать, время, когда годы плюс бремя ответственности заставят его малость поутихнуть, но пока что этим и не пахло. И тут нельзя было попросту отмахнуться, списать все на задержку в развитии, дескать, вот еще один пример студентика, который рос-рос, да не вырос. Он обладал первоклассным интеллектом и никогда не совершал поступков действительно глупых. Недолюбливали Уилера многие, особенно те, кому довелось стать жертвой одной из его шуточек, однако настоящего зла к нему не испытывал никто. Он не принимал никакого участия в мелких обсерваторских дрязгах и обладал неизменно располагающими добродетелями: абсолютной честностью и прямотой. Общаясь с этим enfant terrible* лунной Обсерватории, не нужно было спрашивать, что он думает о том или ином предмете,— Уилер сообщал свое мнение сам, без секунды раздумий.

Джеймисон был совершенно иным; вполне возможно, именно контрастное несходство характеров и притягивало этих двух молодых людей друг к другу. Двумя годами старше Уилера, он, по всеобщему мнению, «хорошо на него влиял». Однако Садлер сильно в этом сомневался: насколько он мог судить, от присутствия Джеймисона поведение его неукротимого товарища не менялось ни на йоту. Он поделился своими наблюдениями с Уагнэлом, который на некоторое время задумался, а потом вздохнул:

— Да, конечно, но вы только подумайте, что мог бы натворить Кон, если бы Сида не было рядом?

Как бы там ни было, Джеймисон отличался значительно большей уравновешенностью, а потому и скрытностью. Далеко не такой блестящий, как Уилер, он вряд ли сделает

* Ужасный ребенок *(фр.)*.

какие-нибудь потрясающие открытия, но именно такие — надежные и здравомыслящие — люди и приводят в божеский вид новые территории, куда ворвался с налету гений.

Надежный в научном смысле — да, несомненно, но вот в политическом... Садлер пытался осторожно его прощупать, однако, увы, с нулевым успехом. Создавалось впечатление, что Джеймисона интересуют только работа и живопись (он писал маслом лунные пейзажи), но никак не политика. При малейшей к тому возможности он выходил на поверхность, вооружившись мольбертом и специальными красками, приготовленными на основе масла с низким давлением паров; комната его успела уже превратиться в некое подобие художественной выставки. Для подбора красок, пригодных к использованию в вакууме, потребовалось долгое, мучительное экспериментирование, однако конечные результаты вряд ли стоили таких трудов. Садлер считал себя достаточно сведущим в искусстве и был вполне уверен, что у Джеймисона гораздо больше энтузиазма, чем таланта. Эту же точку зрения разделял и Уилер. «Вот некоторые говорят,— признался как-то он Садлеру,— что к картинам Сида привыкаешь, а потом они вроде и ничего. А по мне, так настоящее "ничего" — в смысле пустое место — гораздо симпатичнее».

К категории «В» относились все остальные сотрудники Обсерватории, достаточно сообразительные для нелегкого и опасного шпионского труда. Садлер время от времени просматривал этот убийственно длинный список, пытаясь найти подходящих кандидатов для перевода в категорию «А» или — что было гораздо приятнее — в категорию «С»; к этой третьей и последней категории относились люди, полностью свободные от подозрений. Сидя в крохотной подземной клетушке, перетасовывая листы бумаги и пытаясь встать на место своих поднадзорных, Садлер иногда ощущал себя участником какой-то изощренной карточной игры, в которой большая часть правил меняется на ходу, а противники неизвестны. И это была смертельно опасная игра, ходы в ней делались со все возрастающей скоростью, а исход мог повлиять на будущее рода человеческого.

ГЛАВА 10

Бархатистый баритон звучал искренне и убедительно. Эти слова странствовали в пространстве уже много минут; пробившись через венерианские облака, они преодолели двести миллионов километров, достигли Земли, а оттуда были ретранслированы на Луну. И все же они доносились из динамика ясно и чисто, почти без искажений и помех.

«За это время ситуация здесь значительно осложнилась. Официальные источники отказываются высказывать какое-либо мнение, однако пресса и радио не отличаются подобной сдержанностью. Я прилетел из Геспера сегодня утром, и трех проведенных здесь часов более чем хватило для оценки общественного мнения.

Я буду говорить прямо и откровенно, даже с риском огорчить многих своих сограждан. Землю здесь не любят. "Собака на сене" — эти слова звучат, пожалуй, чаще любых других. Никто не отрицает ваших собственных трудностей со снабжением, однако господствует мнение, что, в то время как молодые планеты испытывают острую нужду в самом необходимом, Земля транжирит значительную часть своих ресурсов на излишества и роскошь. Приведу вам один пример. Во вчерашних новостях появилось сообщение о гибели на меркурианской базе пяти человек. Причиной несчастного случая стал дефектный теплообменник — нарушилось охлаждение, и эти люди, попросту говоря, изжарились. Не очень приятная смерть, которой легко было бы избежать, имей изготовитель оборудования достаточное количество титана.

Я не могу согласиться с теми, кто возлагает вину за эту трагедию на Землю, но надо же было так случиться, что всего неделю назад вы снова урезали титановую квоту. Можете не сомневаться — на Венере есть силы, которые не дадут народу об этом забыть; не желая, чтобы эту передачу прекратили, я не стану называть имена, однако вы и сами легко догадаетесь, о ком идет речь.

При всем при том я не думаю, чтобы ситуация могла измениться к худшему, если только не появится какой-либо

новый фактор. Предположим, например,— здесь я хочу еще раз подчеркнуть, что рассматриваю чисто гипотетический вариант,— предположим, что Земля обнаружит новые месторождения тяжелых металлов. Скажем, в неисследованных океанских глубинах. Или даже на Луне — несмотря на все разочарования, которыми кончались прежние поиски.

Если такое произойдет и Земля не захочет поделиться находкой, последствия окажутся очень серьезными. И можно сколько угодно говорить о законном праве собственности — людям, которые сражаются с чудовищным давлением атмосферы Юпитера или пытаются растопить лед на спутниках Сатурна, все юридические аргументы покажутся легковесной чушью. Наслаждаясь своей мягкой весной, своими мирными летними вечерами, старайтесь не забывать, какое это счастье — жить в средней температурной зоне Солнечной системы, где воздух никогда не замерзает и камни никогда не плавятся.

И как же поступит при таком повороте событий Федерация? Я не знаю, а если бы и знал, не мог бы вам сказать. Но никому не возбраняется строить догадки. Мысль о какой-то там войне — в прежнем смысле этого слова — кажется мне нелепой. Ни одна из сторон не может нанести своему противнику решительного поражения, хотя и способна причинить ему тяжелейший ущерб. У Земли много ресурсов; правда, они расположены очень концентрированно, а потому легко уязвимы. Кроме того, у нее гораздо больше космических кораблей.

Преимущество Федерации состоит в рассредоточенности ее сил. Земля просто не сможет сражаться с полудюжиной планет и спутников одновременно, как бы слабо ни были они вооружены, проблема снабжения станет абсолютно безнадежной.

И если, господь упаси и помилуй, дело дойдет до насилия, скорее всего, оно сведется к неожиданным ударам по стратегически важным точкам. Нанеся такой удар, специально оборудованные боевые корабли будут незамедлительно отходить в космос. Все разговоры о вторжении относят-

ся к области чистой фантазии; Земля не имеет ни малейшего желания захватывать другие планеты, а что касается Федерации, то даже при весьма гипотетическом желании подчинить Землю своей воле ей не хватит для полномасштабного десанта ни кораблей, ни войск. Насколько я понимаю, нам угрожает нечто вроде дуэли, ни место, ни время которой еще не назначены. Каждый из противников постарается ошеломить другого своей мощью. Однако не надо рассчитывать, что эта война будет ограниченной и джентльменской — войны редко бывали ограниченными, а джентльменскими — никогда. До следующей встречи в эфире, Земля. Родерик Бейнон, Венера».

Чья-то рука выключила приемник, и в комнате повисла тишина — никто не хотел начинать неизбежное обсуждение передачи. Первым не выдержал Янсен, инженер энергетического отдела.

— Да-а,— восхищенно протянул он,— силен этот Бейнон.

— И мне кажется,— заметил Мейз,— что он во многом прав.

Медленная, размеренная речь Верховного Жреца Компьютерленда странным образом контрастировала с ошеломляющим быстродействием его машин.

— А вы на чьей, собственно, стороне? — поинтересовался чей-то голос.

— Я храню дружественный нейтралитет.

— Но деньги-то вам платит Земля — так на чьей же стороне вы будете, если дело дойдет до драки?

— Ну, это зависит от многих обстоятельств. Мне хотелось бы поддержать Землю. Но я оставляю за собой право принимать решения самостоятельно. Не знаю уж, кто там сказал: «Это моя планета — права она или ошибается», но только он был круглым идиотом. Если правота Земли окажется очевидной, я буду с ней и душой, и сердцем. В случае не совсем определенном я постараюсь истолковать неопределенность в ее пользу. Но я никогда не поддержу дело, кажущееся мне неправым.

Никто ему не ответил; люди молчали, стараясь переварить услышанное. Все это время Садлер пристально наблюдал за Мейзом; он знал, что начальник вычислительного центра известен честностью и прямотой. Человек, занятый активной работой против Земли, никогда бы не решился выражать свое мнение с такой откровенностью. Интересно, подумал Садлер, а как бы вел себя Мейз, знай он, что в комнате находится контрразведчик? Скорее всего, сказал бы ровно то же самое, слово в слово.

— Какого черта! — взорвался наконец старший инженер, по всегдашней своей привычке напрочь загораживавший синтетическое пламя псевдокамина.— Откуда тут взялась ка́кая-то правота-неправота? Все найденное на Земле или Луне принадлежит нам, и только нам, и мы можем поступать с такими находками, как наша левая нога захочет.

— Правильно, однако не забывайте, что мы односторонне пересматриваем — в сторону снижения — ранее договоренные квоты, а ведь Федерация на них рассчитывала. Нарушай мы соглашение из-за нехватки нужных материалов — это можно было бы хоть и с трудом, но понять; совсем другое дело, если материалы у нас имеются, но мы их попросту придерживаем, намеренно ставим Федерацию в трудное положение.

— А с чего бы это мы стали?

На вопрос старшего инженера ответил, к своему и окружающих удивлению, молчавший до этого момента Джеймисон.

— Страх,— сказал он.— Наши политики безумно боятся. Они понимают, что у Федерации больше мозгов, а скоро будет и больше силы. И тогда Земля отойдет на вторые роли.

Прежде чем кто-либо успел возразить, электронщик Чуйков сменил тему разговора на другую, не менее острую.

— А вот я все думаю,— сказал он,— про эту передачу. Мы знаем, что Бейнон — парень довольно честный, но он же, как ни говори, ведет передачи с Венеры, по их линии связи, с их разрешения. Не все здесь так просто, как кажется.

— Что ты хочешь сказать?

— Как знать, а вдруг он работает на их пропаганду? И не то чтобы сознательно, просто подсунули ему информацию — вот он и говорит то, что они хотели бы вбить нам в голову. Например, насчет рейдов. Возможно, нас хотят запугать.

— Мысль интересная. А вот что думаете вы, Садлер? Вы же совсем недавно с Земли.

Неожиданная атака застала Садлера врасплох, однако он ловко отпасовал мяч назад:

— Вряд ли Землю так уж легко запугать. А вот момент насчет возможных источников на Луне — это и вправду очень интересно. Слухи, похоже, дошли уже и до них.

Эта намеренная неосторожность даже и не была, если разобраться, неосторожностью, ибо каждый сотрудник Обсерватории знал, что: а) Уилер с Джеймисоном наткнулись в Море Дождей на какие-то очень странные работы, ведущиеся по заданию правительства; б) что им настрого приказано держать язык за зубами. Садлеру было очень интересно посмотреть на реакцию этой парочки.

Джеймисон очень натурально изобразил искреннее изумление, но зато Уилер заглотил приманку прямо с поплавком.

— А чего бы вы хотели? — вскинулся он.— В Море Дождей садятся корабли, кто же этого не знает, их же вся Луна видит. И там же у них сотни рабочих, и вряд ли все они прилетели с Земли, а те, которые местные, катаются в Сентрал-Сити, так неужели они не ляпнут лишнего своим девицам, особенно после второй бутылки?

«Знал бы ты,— подумал Садлер,— какая это правда и какую головную боль обеспечивает службе безопасности одна уже эта маленькая проблема».

— Как бы там ни было,— продолжал Уилер,— мне это все безразлично. Пусть там делают что угодно, лишь бы меня не трогали. Что это за штука — снаружи не разберешь, только понятно, что встала она налогоплательщикам в хорошую сумму.

Негромкое нервное покашливание исходило от тихого, невзрачного сотрудника приборного отдела. Именно в этом

отделе Садлер провел сегодняшнее утро, тоскливо разглядывая детекторы космических лучей, магнитометры, сейсмографы, часы, работающие на молекулярном резонансе, и батареи прочих устройств, которые деловито регистрировали информацию в таких количествах, что никто и никогда не сумеет ее проанализировать.

— Не знаю уж, трогают они вас или нет, но мне они устраивают черт знает что.

— Как это? — хором спросили все присутствующие.

— Полчаса назад я взглянул на магнитометры. Поле здесь почти постоянное, если не считать магнитных бурь, но о них нас всегда предупреждают заранее. А вот тут происходило нечто странное. Поле все время прыгало вверх и вниз — не очень сильно, всего на несколько микрогауссов, но происхождение бросков явно было искусственным. Я обзвонил всю Обсерваторию, но все клялись и божились, что ничего такого с магнитами не делают. Тут я подумал: а вдруг что-нибудь выделывает эта таинственная команда из Моря Дождей, и так, на всякий случай, взглянул на другие приборы. Ну и ничего, все тихо-спокойно — пока я не добрался до сейсмографов. Они же у нас телеметрические, так вот, стрелки того, который установлен на южной стене кратера, швыряло от упора до упора. Все это выглядело очень похоже на взрывы — мы ведь всегда регистрируем толчки, приходящие из Гигинуса и со всех других шахт. Кроме того, на ленте самописца было заметно небольшое, весьма своеобразное подрагивание, практически синхронное с бросками магнитного поля. Если умножить время запаздывания на скорость звука в скальных породах, все сходится. Так что я точно знаю, откуда идет это безобразие.

— Весьма интересное исследование,— заметил Джеймисон.— Только какие же отсюда выводы?

— Истолковать можно и так и сяк, но я бы сказал, что там, в Море Дождей, кто-то генерирует импульсы магнитного поля продолжительностью примерно в секунду и совершенно невероятной силы.

— А что насчет лунотрясений?

— Просто побочный результат. Тут же много магнитных пород, при таком мощном поле их должно встряхивать. Не очень, конечно, сильно; вы бы даже там ничего не заметили, но наши сейсмографы такие чувствительные, что регистрируют падение метеора с расстояния в двадцать километров.

Разгорелась техническая дискуссия, Садлер слушал ее без особого понимания, но зато с большим интересом. Когда экспериментальные данные обсуждаются таким количеством умных людей, нельзя сомневаться, что кто-нибудь из них угадает правду,— но точно так же нельзя сомневаться, что остальные участники обсуждения противопоставят ему свои хорошие теории. Все это не имело никакого значения, важно было другое — не проявит ли кто-либо слишком уж большой осведомленности. Или слишком большого любопытства.

Ничего подобного не произошло, а потому Садлер так и остался при трех своих не вызывающих особой радости вариантах — либо мистер Икс непомерно хитер, либо мистер Икс не входит в число присутствующих, либо, наконец, мистера Икс и вовсе не существует.

ГЛАВА 11

Уставшая сиять ярче всех звезд Галактики, вместе взятых, Nova Draconis постепенно тускнела, однако она все еще оставалась значительно ярче Венеры; пройдут, вероятно, тысячи лет, прежде чем людям снова представится подобное зрелище.

Очень близкая к Земле в галактическом масштабе, эта звезда была в то же время настолько далека, что ее видимая светимость не менялась на всем протяжении Солнечной системы. Она сверкала одинаково ярко и над раскаленными скалами Меркурия, и над азотными ледниками Плутона. Ее преходящее (а каким оно еще бывает?) величие заставило людей на момент отвлечься от своих мелких дрязг и задуматься о высших сущностях.

Но ненадолго. Слепящий фиолетовый свет самой яркой на памяти человека звезды пронизывал теперь разделившуюся систему — систему, планеты которой уже прекратили взаимные угрозы и готовились перейти от слов к делу.

Приготовления эти успели зайти гораздо дальше, чем могли представить себе простые люди. Ни одно из правительств — что земное, что федеративное — не желало особо откровенничать со своими гражданами. Укрывшись в секретных лабораториях, люди приспосабливали силы, открывшие им дорогу в космос, к целям убийства и разрушения. Даже работай ученые обеих сторон независимо, в полной изоляции, они неизбежно создали бы примерно однотипное оружие, ибо отталкивались от одной и той же технологии.

Но и Земля, и Федерация имели достаточное количество шпионов, а потому довольно хорошо знали оружие друг друга. Определенные сюрпризы — любой из которых мог оказаться решающим — не исключались, однако в целом технический уровень противников был приблизительно одинаков.

В одном отношении Федерация имела заметное преимущество. Она могла надежно спрятать свою деятельность, все свои исследования и испытания, среди огромного количества планетных спутников и астероидов; Марс и Венера узнавали о любом старте земного корабля буквально через несколько минут.

Каждую из сторон одолевали сомнения относительно эффективности ее разведки. Надвигавшейся войне предстояло стать войной дилетантов, не профессионалов. Любая секретная служба прошлого могла похвастаться долгой — хотя, возможно, и не очень славной — традицией. Шпиона нельзя подготовить за неделю, да и вообще человек, способный стать блестящим агентом,— большая редкость, на его поиски могут уйти годы и годы.

Никто не понимал все это лучше Садлера. Иногда он задумывался: неужели каждый из его неизвестных коллег, рассеянных по просторам Солнечной системы, пребывает в такой же растерянности? Ведь полную картину — или хотя

бы нечто на нее похожее — видят только люди, сидящие наверху. Прежде ему и в голову не приходило, в какой полной изоляции вынужден действовать секретный агент, насколько ужасно почувствовать, что ты один, что ты никому не можешь довериться, ни с кем не можешь разделить свое бремя. С самого момента прибытия на Луну он не беседовал ни с одним сотрудником Планетарной разведки (хотя как знать, кто из окружающих может оказаться коллегой). Все контакты с организацией были косвенными и безличными. Его регулярные донесения (постороннему читателю они представлялись бы на удивление занудными отчетами об обсерваторской бухгалтерии) отправлялись монорельсом в Сентрал-Сити, и он не имел ни малейшего представления, кто там их получает и что с ними делают. Тем же самым путем приходили — очень редко — инструкции, а в самом экстренном случае можно было воспользоваться телепринтером.

Садлер с нетерпением ждал первой, еще на Земле обговоренной встречи со связником. Трудно было надеяться на какую-нибудь практическую пользу от этого рандеву, но оно хоть немного ослабит груз одиночества.

Он успел уже, к глубокому своему удовлетворению, близко познакомиться с деятельностью административной и технической служб. Он заглянул (с почтительного удаления) в пылающее сердце микрореактора, снабжавшего Обсерваторию энергией. Он сходил посмотреть огромные зеркала солнечных генераторов. В нормальной обстановке эта техника не применялась, и было приятно сознавать, что вот она здесь, готовая при необходимости подключиться к неисчерпаемым ресурсам дневного светила.

Самым большим сюрпризом оказалась ферма. Было очень странно, что в этот век научных чудес, век искусственного того и синтетического сего, остались еще области, где превосходство природы неоспоримо. Ферма являлась составной частью системы кондиционирования воздуха и лучше всего выглядела долгим лунным днем. Садлер увидел ее ночью, с наглухо задраенными огнями, при свете флюоресцентных

ламп, но вот выйдет из-за горизонта солнце, и отодвинутся тяжелые металлические ставни, и уж тогда...

Однако и сейчас зрелище впечатляло, можно было подумать, что находишься на Земле, в хорошо ухоженной теплице. Медленно текущий воздух омывал шеренги растений, отдавая им избыточный углекислый газ, приобретая взамен не только кислород, но и ту трудно определимую свежесть, скопировать которую не способна никакая химия.

Здесь Садлеру презентовали небольшое, но очень зрелое яблоко, каждый атом которого имел своим источником Луну. Он отнес драгоценный плод к себе в клетушку, чтобы насладиться им в одиночестве; становилось понятно, почему в помещения фермы не пускали никого, кроме обслуживающего персонала,— иначе не прошло бы и недели, как все деревья оказались бы ободраны наголо.

После этого блаженного зеленого уголка центр связи казался холодным, бездушным — и опасным. Здесь, откуда осуществлялась вся связь Обсерватории с остальными лунными базами, с Землей и при необходимости даже с планетами, находилась самая уязвимая точка. Поэтому каждое принимаемое и отправляемое сообщение непременно регистрировалось, а связисты находились под неусыпным наблюдением службы безопасности. Двое из них были недавно переведены — без всякого объяснения причин — на менее ответственную работу. Более того (об этом не знал даже Садлер), в тридцати километрах от Обсерватории телескопическая камера каждую минуту фотографировала огромные антенные комплексы, применявшиеся для дальней связи. И если какой-либо из этих радиопрожекторов будет значительное время развернут в непредусмотренном программой направлении, служба безопасности незамедлительно примет меры.

Все без исключения астрономы рассказывали о своих исследованиях и о своем оборудовании с величайшей охотой. Даже если кого-нибудь из них и удивляли некоторые вопросы бухгалтера, виду никто не подавал. Он же старался ни на секунду не выходить из принятой на себя роли. Основным методом был прямой, откровенный разговор по

душам. «Это, собственно, к работе не относится, но я всегда интересовался астрономией, а раз уж попал на Луну, то хотел бы посмотреть все, что только возможно. Ну конечно, если вы сейчас заняты...» Такая увертюра действовала как заклинание.

Все подобные визиты организовывались Уагнэлом. Секретарь оказывал любую помощь настолько охотно, что Садлер было заподозрил тут попытку отвести от себя подозрения, однако позднее понял, что это обычная его манера. Бывают такие люди, бессознательно старающиеся произвести хорошее впечатление на всех и каждого, установить со всеми дружеские отношения. И насколько же, наверное, плохо, подумал Садлер, работается ему с таким бесчувственным начальником, как профессор Маклорин.

Сердцем Обсерватории являлся десятиметровый телескоп — крупнейший оптический инструмент, когда-либо созданный человеком. Скорее внушительный, чем изящный, он располагался на верхушке небольшого холма, чуть поодаль от жилой зоны. Сложное переплетение форм, опутывавших огромный бочонок, придавало ему нужный наклон, а для разворотов служила круговая рельсовая дорожка.

— Ничего похожего на земные телескопы,— объяснял Молтон. Они с Садлером находились в ближайшем к прибору наблюдательном куполе.— Вот, скажем, труба. Она устроена так, чтобы можно было работать и днем. Без нее солнечные блики от опорных конструкций попадали бы на зеркало и неизбежно создавали бы фон. К тому же зеркало искривлялось бы от нагрева, требовались бы часы на охлаждение и настройку. На Земле такие дела никого не беспокоят, там телескопы используются только ночью — те немногие, которые еще используются.

— Я даже и не знал, что на Земле остались действующие обсерватории,— заметил Садлер.

— Да, несколько штук еще есть. Почти все они заняты подготовкой специалистов. Там, в этой атмосфере, похожей на суп с клецками, никакие настоящие астрономические наблюдения не возможны. Вот, скажем, то, чем занимаюсь я сам,— ультрафиолетовая спектроскопия. Интересующие

меня длины волн полностью поглощаются атмосферой. Пока люди не вышли в космос, этих линий никто и не видел. Иногда я даже удивляюсь, как это могла на Земле появиться астрономия?

— Странно он установлен,— задумчиво заметил Садлер.— Словно на пушечном лафете, ничего похожего на телескопы, которые я видел раньше.

— Совершенно верно. Было решено не делать установку экваториальной — компьютер и без того легко отслеживает любую звезду. Но давайте спустимся и посмотрим, что из всего этого получается.

Лаборатория Молтона являла собой фантастическое нагромождение полуразобранных (а может, полусобранных) приборов, абсолютно Садлеру незнакомых, в чем тот и признался.

— И нечего вам особенно стесняться,— рассмеялся профессор.— Тут же почти сплошь самоделки собственной конструкции — пробуем и так и сяк, пытаемся что-нибудь улучшить. А вообще дело обстоит следующим образом. Свет, собранный большим зеркалом, проходит через эту вот трубу. Продемонстрировать его я не могу, сейчас фотографирует кто-то другой, а моя очередь чуть попозже. Но когда телескоп передадут мне, я смогу направить его на любой участок неба, дистанционно, вон с того пульта. Ну а потом — анализировать свет выбранной звезды одним из этих спектроскопов. Боюсь, нам не удастся посмотреть, что там у них внутри,— кожухи совершенно глухие. Как я уже говорил, интересующее меня излучение сильно поглощается воздухом, поэтому во время работы оптические системы откачиваются.

И тут Садлера поразила неожиданная, показавшаяся ему дурацкой мысль.

— Послушайте,— сказал он, оглядывая путаницу проводов, батареи электронных счетчиков, атласы спектральных линий,— а вы смотрели когда-нибудь в этот телескоп?

— Ни разу,— улыбнулся Молтон.— Устроить это совсем нетрудно, только какой смысл? Все настоящие телескопы —

не более чем гигантские фотоаппараты, никто через них не смотрит.

Имелись, однако, в Обсерватории и телескопы поменьше, вполне пригодные для визуального наблюдения; некоторые из них, снабженные телевизионными камерами, использовались для поиска комет и астероидов, чье точное местонахождение не было известно. Иногда Садлеру удавалось получить один из этих приборов в свое распоряжение, и тогда он осматривал небо, причем делал это совершенно наобум — набирал на клавиатуре пульта произвольные координаты, а затем вглядывался в телеэкран — что же за добыча попалась на этот раз. Через некоторое время он научился пользоваться Астронавтическим ежегодником, и какое же это было торжество, когда вызванный с пульта Марс повис точно в центре поля зрения.

Садлер смотрел на охристо-зеленый диск, почти заполнивший собой экран, со смешанными чувствами. Одна из полярных шапок чуть повернута к Солнцу — там у них начинается весна, иней и снег, покрывающие тундру, медленно оттаивают после долгой, жестокой зимы. Прекрасная планета, если смотреть издалека, но как же трудно строить на ней цивилизацию. Мало удивительного, что ее решительным, закаленным сынам надоело терпеть выходки Земли.

Яркое, невероятно четкое изображение стояло на экране как влитое, без малейшего подрагивания и неустойчивости; на Земле Садлеру довелось как-то посмотреть на Марс в телескоп, и теперь он мог непосредственно убедиться, какие оковы сбросила с себя астрономия, выйдя в открытое пространство. Маленький вспомогательный прибор, установленный на Луне, дает возможность за несколько часов увидеть гораздо больше, чем видели земные астрономы, десятилетиями изучавшие Марс при помощи огромных установок. И дело совсем не в расстоянии — оно фактически не меняется, да и вообще Марс сейчас очень далеко от Земли,— а в том, что исчезло дрожащее марево атмосферы.

Налюбовавшись вдосталь на Марс, Садлер набрал координаты Сатурна. От потрясающей красоты зрелища перехватывало горло, невозможно было поверить, что этот ше-

девр создан природой, а не руками какого-либо великого художника. Большой, чуть приплюснутый желтый шар плавал в центре сложной системы колец. Даже с расстояния в два миллиарда километров отчетливо различались неяркие полосы и пятна атмосферных возмущений, а чуть подальше, за пределами драгоценного пояса колец, Садлер насчитал по крайней мере семь спутников.

Хорошо зная, что мгновенно действующему глазу телекамеры не под силу равняться с терпеливой фотопластинкой, он все-таки взглянул на некоторые из отдаленных туманностей и звездных скоплений. Он прошелся вдоль столбовой дороги небес — Млечного Пути, задерживая поле изображения на некоторых особенно прекрасных группах звезд и сверкающих облаках алмазной пыли. Через некоторое время Садлер опьянел от беспредельной красоты небес; чтобы вернуться к низким повседневным делам, нужна была какая-нибудь более грубая закуска. Он направил телескоп на Землю.

Такую огромную, что даже при наименьшем увеличении экран не мог вместить ее целиком. Освещенные Солнцем области все еще занимали чуть больше половины диска, однако Садлер стал смотреть на темную его часть. Там, в ночи, тускло фосфоресцировали бессчетные светлячки городов, и в одном из них спала сейчас Жанетта и, может быть, видела его во сне. Он уже знал, что жена получила письмо — ее удивленный и в то же время осторожный ответ заметно приободрил Садлера, хотя от укора и одиночества, читавшихся между строк, ему хотелось плакать. Неужели он допустил ошибку, ну зачем были все эти откладывания... Подобно большинству семейных пар этой плывущей сейчас перед его глазами планеты, Садлеры не торопились обзавестись детьми, хотели сперва «проверить свою совместимость». В этот век на людей, ставших родителями в первые годы совместной жизни, смотрели с удивлением и даже осуждением — такое поведение считалось верным знаком пустоты и безответственности.

Оба они хотели иметь полноценную семью и намеревались начать с сына — развитие медицины позволило плани-

ровать семью заранее. А потом Садлер получил задание и впервые в жизни осознал всю серьезность межпланетной ситуации. И уже не мог бросить Джонатана Питера в неопределенное, даже страшное будущее.

В прошлом подобное рассуждение остановило бы очень немногих мужчин. Более того, угроза собственного ухода из мира зачастую заставляла их еще сильнее стремиться к единственной известной человеку разновидности бессмертия. Однако мир не знал войны уже двести лет, жизнеустройство Земли стало сложным и хрупким, вспышка насилия разорвет его в клочья. Женщина, обремененная ребенком, почти не будет иметь шансов уцелеть.

А может быть, все это просто мелодрама и не нужно было позволять, чтобы пустые страхи взяли верх над здравым смыслом. Знай Жанетта факты, она и секунды бы не задумалась, несмотря на весь предполагаемый риск. Но Садлер не мог говорить с ней откровенно — и не мог воспользоваться ее незнанием.

И поздно рвать на себе волосы — все, что он любит, находится сейчас на этом погруженном в сон шаре, отделенном от него бездонной пропастью пространства. Он вернулся от звезд к людям, через беспредельную пустыню космоса — к одинокому оазису человеческой души.

ГЛАВА 12

— Я не имею оснований предполагать,— сказал человек в синем костюме,— что кто бы то ни было вас подозревает, однако организовать тайную встречу в Сентрал-Сити не представлялось возможным. Там слишком много людей, и все всех знают. Вы и представить себе не можете, насколько трудно там уединиться.

— А не слишком ли на посторонний взгляд странно, что я вдруг решил пойти в это место? — спросил Садлер.

— Отнюдь нет, сюда приходят почти все гости города — если им удается. Это вроде Ниагарского водопада — зрели-

ще, ознакомиться с которым каждый считает своей обязанностью. И ведь их можно понять, вы согласны?

Не согласиться было трудно. Вряд ли кто-нибудь уходил отсюда разочарованным, широко разрекламированная картина превосходила все ожидания. Выйдя на балкон, Садлер испытал настоящее потрясение, от которого и сейчас еще не совсем оправился. Легко поверить, что очень многие люди физически не могут дойти до этого места.

С края каньона выступал прозрачный, даже скорее призрачный, словно и не существующий цилиндр, и он стоял в этом цилиндре над пустотой. Единственными признаками надежности, безопасности являлись металлическая дорожка под ногами да хрупкие перильца, за которые отчаянно цеплялся каждый, сюда приходящий,— в том числе и Садлер.

Разлом Гигинуса числится среди величайших чудес Луны. Длина его больше трехсот километров, а ширина достигает пяти. Это не столько каньон, сколько цепочка связанных друг с другом кратеров, расходящаяся в две стороны от огромного центрального провала. И здесь находится та самая дверь, через которую люди добрались до погребенных сокровищ богини ночи.

Садлер уже мог смотреть себе под ноги, не подавляя ежесекундного желания зажмуриться. На бесконечной, как казалось, глубине в маленьких лужицах искусственного света бестолково тыкались из стороны в сторону какие-то странные насекомые. Они походили на тараканов, внезапно попавших в луч карманного фонарика.

Каждый из крошечных жучков являлся в действительности огромной землеройной машиной, разрабатывающей дно каньона. Дно это, расположенное на многокилометровой глубине, было на удивление плоским — судя по всему, вскоре после образования разлома его затопила лава; застывая, огненная река превратилась в ровную каменную поверхность.

Земля, повисшая прямо над головой, освещала противоположный обрыв. Каньон словно разрезал Луну пополам,

ему не было конца ни слева, ни справа; в некоторых местах зеленовато-синий свет, лившийся сверху на отвесную каменную стену, создавал неожиданную иллюзию — Садлеру начинало казаться, что перед ним огромный водопад, извечно низвергающийся в недра Луны. И вдоль всего этого водопада на невидимых отсюда паутинках тросов поднимались наполненные рудой емкости, опускались пустые. Каждая такая бадья — Садлер видел их движущимися по канатной дороге к расположенным где-то вдали металлургическим заводам — имела несколько метров в высоту, но сейчас они казались крошечными, как бусинки. Как жаль, подумал он, что в этой руде есть только сера, кислород, кремний и алюминий, а не тяжелые металлы.

Однако хватит таращиться на чудеса природы, это все-таки конспиративная встреча, а не туристическая экскурсия. Садлер вынул из кармана свои записки и начал рассказывать.

Доклад занял совсем не так много времени, как хотелось бы. И было совершенно непонятно — остался слушатель доволен расплывчатыми, неопределенными выводами агента или нет.

— Хотелось бы чем-нибудь вам помочь,— заметил он после минутного раздумья,— но нам страшно не хватает людей. Дело принимает плохой оборот, ближайшие десять дней будут критическими. В окрестностях Марса что-то происходит, но мы не можем узнать точно, что именно. Федералы построили по крайней мере два корабля совершенно необычной конструкции, скорее всего, они их испытывают. К сожалению, у нас нет никаких определенных сведений, одни слухи, кажущиеся бессмысленными, но в то же самое время переполошившие Министерство обороны. Я рассказываю все это, чтобы вы получше представляли себе обстановку. На Луне об этом не знают, так что если кто-нибудь начнет рассуждать на подобные темы, значит, он каким-то образом получил доступ к секретной информации.

Теперь насчет списка основных подозреваемых. Я вижу в нем Уагнэла, но, по нашему мнению, он чист.

— Хорошо, я переведу его в список «В».

— Затем Браун, Лефевр и Толанский — у них совершенно определенно нет в Сентрал-Сити никаких сомнительных контактов.

— Вы в этом полностью уверены?

— Почти. Они используют свое свободное время на цели, весьма далекие от политики.

— Я, собственно, так и думал.— Садлер позволил себе роскошь улыбнуться.— Уберем их совсем.

— Теперь этот кладовщик, Дженкинс. Почему вы держите его в списке?

— Он единственный сотрудник Обсерватории, которому не нравится моя предполагаемая деятельность, вот, пожалуй, и все основания. Ничего уличающего у меня нет.

— Ну что ж, понаблюдаем за ним здесь. Дженкинс приезжает в город очень часто, правда, по вполне понятной причине: на нем лежат все закупки в местных магазинах. Теперь в списке «А» остается, если не ошибаюсь, пять фамилий.

— Да, но меня бы очень удивила виновность любого из них. Об Уилере и Джеймисоне мы уже говорили. Поход в Море Дождей вызвал у Маклорина сомнения относительно Джеймисона, но я не думаю, что это серьезно. Да и вообще, все задумал Уилер.

— Далее — Бенсон и Карлин. Их жены родились на Марсе, и к тому же они с очень большим жаром спорят на политические темы. Бенсон — электрик из ремонтного отдела, а Карлин — санитар. У них вроде бы есть некое подобие мотива, но все это как-то очень туманно. Да и слишком уж они бросаются в глаза.

И есть один человек, которого стоило бы переместить в ваш список «А». Молтон.

— Доктор Молтон? — поразился Садлер.— А что, есть какие-нибудь основания?

— Ничего особо серьезного, но он летал несколько раз на Марс, по астрономическим делам, и имеет там друзей.

— Молтон никогда не говорит о политике; я пробовал его прощупать, но реакции не было ровно никакой. Не думаю, чтобы у профессора было много контактов в Сентрал-

Сити — судя по всему, он не интересуется ничем, кроме своей работы, а в город ездит исключительно из-за спорткомплекса, чтобы не терять форму. Что-нибудь еще у вас есть?

— К величайшему сожалению, нет. Все остается по-прежнему, пятьдесят на пятьдесят. Утечка, несомненно, имеется, но как знать, вдруг она здесь, в Сентрал-Сити? А намек насчет Обсерватории вполне может оказаться намеренной дезинформацией. Очень трудно себе представить, каким образом кто-нибудь из ее сотрудников передает сведения Федерации,— да вы и сами обратили на это внимание. Радиопрослушивание не обнаружило ничего, кроме нескольких не зарегистрированных, но вполне невинных переговоров личного характера.

Садлер со вздохом спрятал записную книжку и еще раз посмотрел вниз, в головокружительную бездну, над которой опасно парил этот хрупкий, еле заметный пластиковый пузырек. Тараканы поспешно расползались, освобождая довольно большую площадку около самого основания обрыва; неожиданно по залитой светом прожекторов стене начало медленно расползаться серое пятно. (Сколько дотуда? Два километра? Или три?) Пыль начала оседать, а облачко дыма быстро рассеялось в вакууме. Садлер начал считать секунды, дошел до двенадцати и только тогда сообразил бессмысленность этого занятия. Рвани там даже атомная бомба, он все равно бы ничего не услышал.

Человек в синем костюме кивнул Садлеру, поправил ремешок фотоаппарата и снова превратился в обыкновенного туриста.

— Подождите тут десять минут,— сказал он,— и ни в коем случае не приближайтесь ко мне при случайных встречах.

Садлер обиженно насупился — как ни говори, он не был таким уж зеленым новичком. Его стаж в Планетарной разведке достиг уже половины лунных суток.

Зайдя в небольшое кафе, Садлер оказался единственным его посетителем, а ведь обычно на вокзале Гигинуса не протолкнуться. Общая неопределенность ситуации отпугивала туристов; те, которых она застала на Луне, спеши-

ли домой, билеты на отбывающие корабли брались с бою. Никто ничего толком не знал, но все чувствовали: первые неприятности начнутся здесь. Вряд ли Федерация атакует саму Землю, решится на уничтожение миллионов ни в чем не повинных людей. Подобное варварство давно ушло в прошлое — так, во всяком случае, надеялись. Но уверенности не было. Откуда знать, как пойдет война? А Земля — она же такая легкая мишень.

На какой-то момент Садлер окунулся в тоскливые, полные жалости к самому себе мысли. Догадалась ли Жанетта, где он находится? Уж лучше бы нет — это только увеличит ее страхи и беспокойство.

За чашкой кофе — неизвестно почему, но на Луне никогда не получишь хорошего кофе, так что не стоило и заказывать — он обдумал полученную от связника информацию. Информация эта не прояснила практически ничего, предстояли все те же поиски в темноте. Совет присмотреться к Молтону вызывал полное недоумение: такой честный, прямой человек — и вдруг шпион? С другой стороны, кто же не знает, насколько опасно полагаться на интуитивные соображения, а потому придется теперь уделять Молтону побольше внимания. Только можно спорить на что угодно — ни к чему это не приведет.

Саддер перебрал в памяти все известные ему сведения про начальника спектроскопического отдела. Он и сам знал про три поездки Молтона на Марс. Последняя из них состоялась больше года назад — а ведь, скажем, тот же самый Маклорин был там совсем недавно. Да и кто из межпланетного братства астрономов не имеет друзей и на Марсе, и на Венере?

Есть ли в Молтоне что-нибудь такое необычное? Разве что всегдашняя его отрешенность, странным образом контрастирующая с внутренней теплотой. Ну и еще эта забавная, даже трогательная «клумба», как называли за спиной профессора его вазу с цветами. Но много же будет работы, если начать присматриваться к таким вот невинным причудам всех и каждого.

Тут, правда, есть один момент, достойный некоторого внимания. Нужно узнать, в каком магазине Молтон покупает свои восковые цветочки (это, пожалуй, единственное — за исключением спорткомплекса — место в городе, куда он ходит), и пусть местная агентура там все проверит. Весьма довольный своей дотошностью, Садлер расплатился, покинул совершенно пустое кафе, миновал недлинный коридор и оказался на почти пустом вокзале.

Монорельсовая ветка, соединявшая Сентрал-Сити с Гигинусом, проходила мимо Триснекера* по невероятно растрескавшемуся скальному плато. Вдоль ее трассы шагали столбы канатной дороги, по которой ползли огромные емкости: полные — с рудника и пустые — обратно. Длинные, до километра, пролеты делали это транспортное средство самым экономичным на Луне, да, пожалуй, и самым практичным, пока дело касалось не срочных грузов. Чуть не доезжая города, канатка плавно свернула направо и ушла куда-то за горизонт, к заводскому комплексу, который — прямо либо косвенно — кормил и одевал каждого человека, живущего на Луне.

Даже удивительно, как быстро этот город перестал казаться чужим; Садлер переходил из купола в купол с уверенностью старожила. Сперва — в парикмахерскую. Один из обсерваторских поваров прирабатывал — в свободные от кухни часы — стрижкой, однако результаты его трудов выглядели весьма печально. Ну а потом, если останется время, покрутиться минут пятнадцать на центрифуге.

Как и обычно, в спорткомплексе было полно сотрудников Обсерватории, старавшихся на случай срочного отъезда домой сохранять приличную физическую форму. Записавшись в очередь на центрифугу, Садлер закинул одежду в шкафчик и пошел купаться; через некоторое время затихающий вой мотора просигналил, что «карусель» готова принять новую порцию пассажиров. Подойдя к ней, почти что бывалый контрразведчик с трудом подавил усмешку — он

* Небольшой кратер неподалеку от центра видимой части Луны.

оказался в компании двух подозреваемых из списка «А» — Уилера и Молтона, а также семи или около того почти подозреваемых категории «В». И мало удивительного, особенно что касается категории «В». В этом жутком списке, подходящим названием для которого было бы: «Лица, достаточно умные и активные для шпионской деятельности, относительно которых, однако, нет никаких сведений ни в ту ни в другую сторону», состояли добрых девяносто процентов персонала Обсерватории.

Центрифуга вмещала шесть человек и была снабжена каким-то хитрым предохранительным устройством, не позволявшим ей запускаться без более-менее приличной балансировки. Вот и сейчас она наотрез отказывалась вертеться, пока толстый сосед Садлера не поменялся местами с худощавым мужчиной, сидевшим напротив. После этого завыл мотор, и большая металлическая бочка с уравновешенными — в физическом смысле слова — людьми начала набирать обороты. И чем быстрее она вращалась, тем тяжелее становилось тело Садлера; одновременно менялось и направление «вверх» — оно поворачивалось к центру барабана. Дышать стало трудно, Садлер попробовал приподнять свою руку — и не смог, она словно налилась свинцом.

Его сосед слева — тот самый, худощавый — с видимым трудом поднялся на ноги и начал прохаживаться, аккуратно придерживаясь «своей» территории, обозначенной на полу жирными белыми линиями. То же самое делали и остальные; было чуть жутковато смотреть, как они стоят на вертикальной — с точки зрения Луны — поверхности. Пассажиров центрифуги прижимала к ней сила, в шесть раз превышающая жалкое лунное тяготение, попросту говоря — вес, который они имели бы (и будут когда-то иметь) на Земле.

Ощущение не из приятных. Садлеру казалось совершенно невероятным, что неполные две недели назад все его существование проходило в гравитационном поле такой силы. Он понимал, что, вернувшись на Землю, неизбежно привыкнет к ее тяготению, но сейчас расплывался в своем кресле, как медуза по песку. И какая же была радость, когда вой мотора стал затихать, а затем и вовсе прекратился

и появилась возможность выбраться из этого чертова колеса, вернуться в мягкие, любящие объятия Луны.

В вагон монорельса Садлер вошел усталым и расстроенным. Его не ободрил даже огненный привет наступающего дня, когда все еще прячущееся за горизонтом Солнце чуть тронуло верхушки западных гор. Он пробыл здесь больше двенадцати земных суток, долгая лунная ночь подходила к концу. И было страшно подумать, что может принести с собой наступающий день.

ГЛАВА 13

У каждого человека есть какая-нибудь слабость, поищи хорошенько — и найдешь, но слабость Джеймисона не требовалось искать, она сама бросалась в глаза. Даже стыдно както таким пользоваться, думал Садлер, но сейчас щепетильность была ему не по карману. Все население Обсерватории относилось к живописным упражнениям молодого астронома с легкой насмешкой и не удостаивало их ни единым одобрительным словом. Чувствуя себя последним лицемером, Садлер начал разыгрывать роль восхищенного почитателя.

Потребовалось порядочно времени, чтобы пробить броню сдержанного, необщительного астронома и заставить его разговориться. Излишняя поспешность могла вызвать подозрение, однако Садлер заметно ускорил процесс при помощи простейшей техники — каждый раз, когда товарищи начинали подшучивать над «нашим живописцем», он бросался на его защиту. А происходило это после создания каждого нового шедевра.

Перевести разговор с искусства на политику оказалось очень просто — в эти дни о политике задумывался каждый. Кроме того, как ни странно, Джеймисон сам поднял вопрос, к которому осторожно подбирался Садлер. Собственно говоря, начиная с тех далеких времен, когда на Земле появилась атомная энергия, эта проблема — в той или иной форме — мучила практически каждого ученого. Судя по всему,

Джеймисон обдумывал ее долго и со всей своей обычной методичностью.

— А что бы вы сделали,— неожиданно спросил он Садлера в первый же вечер по возвращении последнего из Сентрал-Сити,— если бы вам пришлось выбирать между Землей и Федерацией?

— А почему вы спрашиваете именно меня? — откликнулся Садлер, изо всех сил стараясь не проявить слишком уж живой заинтересованности.

— Я спрашивал уже многих,— объяснил Джеймисон. В его голосе звучала недоуменная растерянность человека, ищущего и не находящего пути в непонятном, невероятно сложном мире.— Помните этот спор в гостиной, ну, еще когда Мейз назвал полными идиотами всех, чей лозунг: «Это моя планета — права она или ошибается».

— Что-то такое припоминаю,— равнодушно кивнул Садлер.

— Я думаю, что Мейз прав. Нужно хранить верность не месту, где ты родился, а своим идеалам. Бывают моменты, когда этика и патриотизм вступают в противоречие.

— А почему вы стали обо всем этом думать?

Ответ Джеймисона оказался совершенно неожиданным.

— Nova Draconis,— сказал он.— Мы только что получили данные обсерваторий Федерации, расположенных за пределами орбиты Юпитера. Данные переправлены через Марс, и кто-то присовокупил к ним письмо — Молтон мне показал. Текст очень короткий и без подписи. Просто обещание, что при любом развитии событий — «при любом» повторено дважды — они сделают все возможное, чтобы мы и дальше получали их данные.

Весьма трогательный образчик солидарности ученых, подумал Садлер. Судя по всему, на Джеймисона это письмо произвело неизгладимое впечатление. Большинство людей, во всяком случае большинство людей, не принадлежащих ко всемирному братству ученых, сочли бы происшествие мелким и незначительным. Но в критический момент такие вот мелочи вполне способны поколебать человека — или даже склонить его в другую сторону.

— Не понимаю,— пожал плечами Садлер, чувствуя, что ступает на очень тонкий лед,— какие такие особенные выводы можно отсюда сделать. Кто же не знает, что в Федерации сколько угодно честных, порядочных и доброжелательных людей. Но эмоции — очень ненадежная опора при решении вопросов, касающихся будущего Солнечной системы. И если дело дойдет до столкновения между Землей и Федерацией, неужели вы хоть на минуту задумаетесь?

Последовало долгое молчание. Затем Джеймисон вздохнул.

— Не знаю,— сказал он убитым голосом.— Ничего я не знаю.

Ответ честный и абсолютно откровенный. По мнению Садлера, он практически выводил Джеймисона из списка подозреваемых.

А приблизительно через двадцать четыре часа в Море Дождей произошло нечто фантастическое — там был замечен прожектор. Садлер узнал новость от Уагнэла — по утрам он довольно часто заходил к секретарю выпить кофе.

— Совершенно непонятная история,— сказал Уагнэл, как только бухгалтер переступил порог кабинета.— Только что один из техников электронного отдела был в наблюдательном куполе, любовался красотами, и вдруг над горизонтом вспыхнул луч света. Голубовато-белый, ослепительно яркий, погорел около секунды и пропал. Источник совершенно очевиден — то самое место, куда залезли Уилер с Джеймисоном. Я уже наслышан, что у приборного отдела к ним большие претензии, а потому решил проверить, как там на этот раз. Ну и оказалось, что десять минут назад зашкалило магнитометры, одновременно зарегистрировано сильное лунотрясение.

— Очень странно, как все это мог наделать прожектор? — искренне удивился Садлер. И только тут до него дошел смысл услышанного.— Луч света? — ошеломленно переспросил он.— Но это же абсолютно невозможно. Луч света в вакууме? Его же не видно!

— Вот именно.— Уагнэл откровенно наслаждался произведенным на собеседника впечатлением.— Световой пучок виден только тогда, когда он проходит через воздух, желательно — пыльный. А ведь этот луч был яркий, почти ослепительный; Уильямс даже выразился следующим образом: «Он был словно твердый, словно добела раскаленный стержень». Хотите знать, что я думаю об этом самом шаре в Море Дождей?

Вопрос был риторическим и не требовал ответа, но Садлеру и вправду было очень интересно, насколько близко Уагнэл подошел к правде.

— Скорее всего, там построили что-то вроде крепости,— неуверенно, словно стесняясь бредовой своей гипотезы, сообщил секретарь.— Я и сам понимаю, насколько фантастично это звучит, но вы подумайте и сами увидите, что нет никакого другого объяснения, в которое укладывались бы все факты.

Прежде чем Садлер успел что-либо ответить — или хотя бы придумать ответ,— негромко загудел зуммер, и телепринтер выкинул на стол полоску бумаги. Обычный вроде бы бланк имел одну крайне необычную особенность — в его углу ярко выделялся красный флажок, отмечающий сообщения высшей важности.

Уагнэл прочитал радиограмму вслух, с каждым словом его глаза становились шире и шире.

СРОЧНО ДИРЕКТОРУ ОБСЕРВАТОРИИ ПЛАТОН ДЕМОНТИРУЙТЕ ВСЕ НАРУЖНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ И ПЕРЕНЕСИТЕ ВСЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ ПОД ЗЕМЛЮ. НАЧНИТЕ С БОЛЬШИХ ЗЕРКАЛ. МОНОРЕЛЬСОВОЕ СООБЩЕНИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ ВПЛОТЬ ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ. ПО ВОЗМОЖНОСТИ ДЕРЖИТЕ ПЕРСОНАЛ ПОД ЗЕМЛЕЙ. ОСОБО ПОДЧЕРКИВАЮ, ВСЕ ЭТО ТОЛЬКО МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ. НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ НЕ ОЖИДАЕТСЯ.

— Ну вот,— медленно произнес Уагнэл,— похоже, начинается. Боюсь, моя догадка была абсолютно точной.

Никогда еще прежде Садлеру не доводилось видеть всех сотрудников Обсерватории собранными в одном месте. Профессор Маклорин стоял на просцениуме главного зала Обсерватории — месте для объявлений, докладов, а также музыкальных вечеров, любительских спектаклей и прочих развлечений. Сегодня о развлечениях не думал никто.

— Я хорошо понимаю,— с горечью говорил Маклорин,— в каком положении окажутся все ваши программы. Остается только надеяться, что эти перетаскивания — излишняя предосторожность и через несколько дней мы снова приступим к работе. Но совершенно ясно, что рисковать оборудованием нельзя; оба зеркала, и десятиметровое, и пятиметровое, должны быть незамедлительно сняты и убраны под землю. Не знаю уж, в чем могут выразиться предполагаемые неприятности, но наше здесь положение заставляет желать лучшего. Если начнутся военные действия, я тотчас же свяжусь с Марсом и Венерой; необходимо им напомнить, что наша Обсерватория — научное учреждение, что многие из граждан Федерации были ее почетными гостями и что она — мирный объект, не имеющий ровно никакого военного значения. Теперь подойдите, пожалуйста, к руководителям своих групп; все их указания должны выполняться быстро и по возможности эффективно.

Маклорин сошел с помоста; сейчас эта маленькая фигурка словно еще больше усохла, съежилась. В зале не было ни одного человека, не разделявшего его боль, как бы ни поносили они директора в прошлом.

— А мне не найдется какого-нибудь дела? — спросил Садлер, оставшийся за пределами наспех составленных планов экстренных работ.

— Вам доводилось пользоваться скафандром? — повернулся к нему Уагнэл.

— Нет, но могу попробовать.

К вящему разочарованию Садлера, секретарь решительно покачал головой:

— Слишком опасно, с вами может что-нибудь приключиться; да и вообще, на всех скафандров не хватит. Но мне и самому пригодилась бы помощь, мы отменяем текущие

программы и переходим на двухвахтовую систему. Нужно пересмотреть все графики и расписания — можете принять участие.

«Вот тебе и урок — не высовывайся,— с тоской подумал Садлер.— А с другой стороны, Уагнэл прав: ну чем я там помогу техническим бригадам?»

Что же касалось его настоящей миссии, для ее целей было, пожалуй, и лучше сидеть в кабинете секретаря, фактически главном штабе всех ближайших операций, чем в любом другом месте.

Хотя и это, снова помрачнел приободрившийся было агент Планетарной разведки, не имеет ровно никакого значения. Если таинственный мистер Икс действительно существует и по-прежнему пребывает в Обсерватории, теперь он может отдохнуть с приятным сознанием хорошо выполненной работы.

Малыми, легкозаменяемыми приборами решили рискнуть. Операция «Убежище» — так окрестил эти авральные работы некий любитель военной терминологии — сосредоточила все свои усилия на поистине бесценных оптических элементах гигантских телескопов и коэлостатов*.

Джеймисон и Уилер поехали на «Фердинанде» снимать зеркала интерферометра — гигантского прибора, чьи расставленные на двадцать километров глаза позволяли измерять диаметры звезд. Основная же деятельность кипела вокруг десятиметрового рефлектора.

Бригаду, занимавшуюся зеркалами, возглавил Молтон; без его подробной осведомленности в свойствах и конструкции оптической системы прибора эта работа была бы неосуществимой. Однако никакие познания не позволили бы быстро снять огромное зеркало, будь оно цельнолитым — наподобие зеркала знаменитого телескопа древности, все еще взиравшего в небо с вершины Маунт-Паломар. К счастью, зеркало Большого лунного телескопа представляло

* Коэлостат — телескоп с неподвижной трубой, осуществляющий слежение за звездой при помощи поворотного плоского зеркала.

собой мозаику из сотни с лишним шестиугольных секций; каждую из них можно было снять по отдельности и унести, хотя работа эта была кропотливая и медленная, а на обратную сборку зеркала — с учетом фантастических требований по точности — предстояло убить многие недели еще более каторжного труда.

Космические скафандры не слишком приспособлены для подобных манипуляций; то ли по неловкости, то ли из-за спешки, но один из помощников умудрился выронить свой конец вынимаемой из ячейки секции. Прежде чем кто-либо успел среагировать, тяжелый шестиугольный блок плавленого кварца набрал достаточную скорость, чтобы от его края откололся небольшой кусочек. Других потерь по части оптики не было — результат, с учетом обстоятельств, весьма достойный.

Через двенадцать часов после начала операции дверь шлюза закрылась за последним из ее смертельно усталых и впавших — при виде собственными же руками осуществленного разгрома Обсерватории — в уныние участников. Была, правда, программа, работы по которой продолжались — единственный нетронутый телескоп с прежним вниманием следил за медленно угасавшей, уходившей в небытие Nova Draconis. Война не война, но эти исследования будут идти своим чередом.

Вскоре после оповещения, что оба больших зеркала находятся в безопасности, Садлер поднялся в наблюдательный купол. Он не знал, скоро ли представится другая возможность увидеть полукруг ущербной Земли, окруженный алмазной россыпью звезд, и хотел сохранить память о них, унести ее в глубь подземного убежища.

На первый взгляд Обсерватория ничуть не изменилась. Ну разве что огромная бочка десятиметрового рефлектора глядела прямо в зенит — при вертикальном положении телескопа его зеркало оказывалось на уровне земли, облегчая разборку. Этой массивной, способной выдержать все, за исключением прямого попадания, конструкции предстояло встретить будущие опасности без всякого укрытия. На поверхности все еще оставались несколько человек во гла-

ве, как сразу заметил Садлер, с директором. Маклорин был, пожалуй, единственным на Луне человеком, легко узнаваемым даже в скафандре; изготовленный по специальному заказу, скафандр этот увеличивал его рост до внушительной величины в полтора метра.

К телескопу, вскидывая маленькие фонтанчики пыли, спешил один из открытых грузовиков, использовавшихся для перемещения грузов в пределах Обсерватории. Он остановился рядом с кольцевой дорожкой, по которой разворачивалась титаническая конструкция, и одетые в скафандры фигурки неуклюже полезли в кузов. Затем грузовик рванул направо и вскоре исчез под землей — съехал по пандусу, ведущему к шлюзу гаража.

Теперь плато совсем опустело, а Обсерватория совсем ослепла. Нет, не совсем — один из приборов продолжал глядеть на север, в великолепном пренебрежении ко всем людским глупостям. Через несколько минут динамик вездесущей системы оповещения приказал Садлеру покинуть наблюдательный купол; он последний раз взглянул на Землю и неохотно вошел в кабину лифта. Хотелось постоять здесь еще немного, ведь буквально через несколько минут из-за горизонта появится краешек восходящего Солнца. Как жаль, что никто его не встретит.

Лицо Луны, вечно обращенное к Земле, все больше поворачивалось к Солнцу. Линия восхода медленно ползла через горы и равнины, изгоняя невообразимую стужу долгой ночи. Западная стена Апеннин уже сверкала от самых высоких, зажегшихся первыми вершин до основания; светало и в Море Дождей. Однако Платон все еще лежал в зеленоватом полумраке.

И вдруг на западе, очень низко, у самого горизонта, вспыхнуло несколько звездочек. Высочайшие из пиков кольцевой стены дождались наконец восхода — свет заливал их склоны все больше и больше, пока через несколько десятков минут ставшие ослепительно яркими звезды не слились в сплошное огненное ожерелье. Теперь, когда солнечный свет бил почти горизонтально, начали загорать-

ся и вершины восточной части кольца. Посмотри в этот момент на Луну земной наблюдатель, Платон предстал бы его глазам как пятно густой, чернильной темноты, окаймленное тонким сверкающим кольцом. Пройдут еще долгие часы, пока наступающие армии солнечных лучей перевалят через горы и захватят последние твердыни ночи.

И никто не видел, как второй раз за эти сутки в небо ударило копье плотного синевато-белого света. Никто не видел — к счастью для Земли. Федерация сумела узнать очень многое, и все равно ее ожидали сюрпризы.

ГЛАВА 14

Обсерватория приготовилась к долгой осаде. Новое положение вещей оказалось далеко не таким неприятным, как можно бы ожидать. Хотя все основные исследовательские программы были приостановлены, оставалась бесконечная работа по обработке результатов измерений, по проверке гипотез и написанию статей — работа, вечно откладываемая на потом из-за вечной же нехватки времени. Многие астрономы почти радовались такой редкой возможности; вынужденное безделье большого творческого коллектива привело к появлению нескольких фундаментальных работ по космологии.

Самыми удручающими обстоятельствами были общая неопределенность ситуации и отсутствие достоверных новостей. Как разворачиваются события? Можно ли полагаться на регулярно получаемые с Земли бюллетени — странную смесь попыток успокоить общественность и одновременно приготовить ее к самому худшему?

Судя по всему, ожидалось некое нападение, и Обсерватории крупно не повезло оказаться в непосредственном соседстве с опасной точкой. Земля, похоже, предугадывала возможную форму атаки и — это уже не «похоже», а совершенно точно — приготовилась к ее отражению.

Противники кружили друг возле друга, ни один не хотел нанести удар первым, каждый надеялся блефом заставить

другого капитулировать. Но они зашли слишком далеко, теперь отступление означало для любого из них полную потерю престижа.

Садлер давно опасался, что точка, за которой нет возврата, уже пройдена; окончательно его убедило сообщение, что в Гааге представитель Федерации вручил правительству Земли послание, фактически равносильное ультиматуму. Земля обвинялась в нарушении взаимно договоренных квот по тяжелым металлам, в намеренном, связанном с политическими мотивами задерживании поставок, в сокрытии появления новых источников. Если Земля не согласится на переговоры по распределению продукции этих источников, она и сама не сможет ими воспользоваться.

Прошло шесть часов, и за ультиматумом последовала радиопередача на Землю, осуществленная прямо с Марса, радиопередатчиком потрясающей, невероятной мощности. Все народы колыбели человечества получили заверения, что им никто не желает зла и что, если в результате прискорбного несчастного случая, неизбежного в период военных действий, Земле будет нанесен какой-либо ущерб, вся ответственность за это ляжет на собственное их правительство.

Обсерватория слушала обращение Федерации к землянам со смешанными чувствами. Его смысл не вызывал ни малейших сомнений — как и то, что Море Дождей официально считается ненаселенной областью. Неожиданным образом передача усилила настроения в пользу Федерации даже среди тех, кто скорее прочих должен был пострадать от военных действий. В частности, Джеймисон стал выражать свои взгляды со значительно меньшей, чем прежде, сдержанностью, что далеко не прибавило ему популярности. Очень скоро в Обсерватории наметился раскол. На одной стороне были те ее сотрудники (по большей части молодежь), которые, подобно Джеймисону, осуждали Землю за нетерпимость и реакционность. Против них выступали умеренные, консервативно настроенные личности, которые автоматически, почти рефлекторно поддерживали любую

власть в любой ситуации, не беспокоясь насчет всяких там моральных абстракций.

Садлер наблюдал за этими спорами с большим интересом, хотя и понимал, что судьба секретной его миссии уже решена и никакие его действия ничего теперь не изменят. Правда, всегда оставался вариант, что мифический мистер Икс утратит былую свою осторожность и, возможно, даже сделает попытку выбраться из Обсерватории. Пользуясь содействием директора, Садлер предпринял против этого определенные меры. Теперь никто не мог получить скафандр или трактор без высочайшего разрешения, так что база была закупорена наглухо. С точки зрения охранных служб, жизнь в вакууме имеет вполне определенные преимущества.

Осадное состояние, в котором находилась Обсерватория, принесло Садлеру крошечный триумф, без которого он с радостью бы обошелся и который казался злой насмешкой над всеми его усилиями. В Сентрал-Сити был арестован заведующий складом Дженкинс, состоявший в привилегированном, если можно так выразиться, списке «А». Приостановка монорельсового сообщения застала его в городе; он находился там по сугубо неофициальному делу и попал в руки секретных агентов, наблюдавших за ним с подачи Садлера.

Дженкинс действительно боялся прибывшего с Земли «ревизора» и имел к тому весьма серьезные основания. Однако он не продавал никаких государственных секретов, возможно, просто потому, что никогда их не имел. Подобно многим своим собратьям по профессии, главный кладовщик Обсерватории приторговывал казенным имуществом. Справедливость восторжествовала — Дженкинса выдала собственная его нечистая совесть. Садлер вычеркнул из своего списка одну из фамилий, однако это было, пожалуй, единственным удовлетворением, которое доставила ему победа, вряд ли достойная такого гордого имени.

Час тянулся за бесконечным часом, люди становились все раздражительнее. Солнце, медленно вползавшее на утреннее небо, уже поднялось выше западной стены Плато-

на. Начальное возбуждение притупилось, оставив после себя только скуку и разочарование. Попытка организовать концерт самым блистательным образом лопнула, вогнав всех в еще большую тоску.

Никаких вражьих происков не замечалось, а поэтому люди стали потихоньку выбираться на поверхность, хотя бы затем, чтобы взглянуть на небо и убедиться, что все в порядке. Поначалу эти тайные вылазки беспокоили Садлера, однако он сумел убедить себя в полной их невинности. В конце концов и директор согласился со сложившимся положением вещей, позволив ограниченному числу сотрудников посещать наблюдательные купола «строго в отведенное для этого время».

Один из инженеров энергетического отдела организовал тотализатор, победитель которого должен был максимально точно угадать продолжительность осадного — а скорее дурацкого — положения, в котором оказалась Обсерватория. Участниками стали абсолютно все сотрудники; по завершении списка Садлер его изучил весьма внимательно, хотя и почти без надежды узнать что-либо интересное. Если тут, под землей, есть человек, знающий верный ответ, он постарается не выигрывать. Вероятно. Чтение не дало ровно ничего; Садлер отложил список, искренне изумляясь, какими же кривыми, неестественными путями движутся теперь его мысли. Иногда он начинал бояться, что никогда уже не сумеет думать нормальным, здравым образом.

Тупое ожидание окончилось через пять суток после первоначальной тревоги. Приближался лунный полдень, и Земля превратилась в узенький серп, висящий слишком близко к Солнцу, чтобы глядеть на него без опасности ослепнуть. Когда Уагнэл бесцеремонно вломился в комнату Садлера, тот уже спал — по обсерваторским часам было ровно полночь.

— Да просыпайтесь вы скорее,— сказал секретарь, глядя на ничего не соображающего, растерянно трущего глаза бухгалтера.— Вас хочет видеть директор.

Роль мальчика на побегушках явно его оскорбляла.

— Там что-то такое случилось,— добавил он с чем-то вроде подозрения в голосе.— Шеф даже мне не сообщил, отчего такой переполох.

— Да я тоже ничего не понимаю,— признался Садлер, торопливо натягивая халат.

Это была чистая правда; по пути к директорскому кабинету он старательно — без всякого успеха — ворочал сонными мозгами, пытаясь угадать причину ночного вызова.

А ведь профессор, подумал Садлер, сильно за эти дни постарел. Теперь он совсем не похож на непоколебимого, горящего энергией человечка, железной рукой наводившего в Обсерватории порядок. Невозможная прежде вещь — на краю девственно-чистого когда-то стола скопилась беспорядочная кипа бумаг.

Дождавшись, пока его секретарь с видимой неохотой закроет за собой дверь, Маклорин заговорил.

— Что понадобилось на Луне Карлу Стеффансону? — резко спросил он.

Не совсем еще проснувшийся Садлер недоуменно поморгал, а затем ответил, тоже недоуменно:

— А кто это такой? Я что, должен бы его знать?

На лице Маклорина появилось изумление, тут же сменившееся разочарованием.

— Я думал, ваши люди сообщили вам о его приезде. Он один из самых блестящих физиков Земли в своей области. Пятнадцать минут назад звонили из Сентрал-Сити, говорят, он только что приземлился и мы должны как можно скорее переправить его в Море Дождей, в это место, которое они называют «Проект Тор»*.

— А почему его не отправят ракетой? Мы-то здесь при чем?

— Так и собирались, но единственная, какая есть под рукой, вышла из строя. Быстрее чем через шесть часов ее не поднимешь. Поэтому Стеффансона посылают сюда монорельсом, чтобы мы доставили его на место трактором. Меня попросили отрядить на эту работу Джеймисона. Всем

* В скандинавской мифологии Тор — бог грома.

известно, что он лучший на Луне водитель, а к тому же единственный человек, посещавший «Проект Тор», что бы там ни было за этим названием.

— Ну так и поступайте.

Садлер начинал смутно подозревать, что будет дальше.

— Я не доверяю Джеймисону. И я опасаюсь поручать ему задание такой важности.

— А кто еще может справиться?

— Достаточно быстро — никто. Работа эта требует очень высокой квалификации, вы даже себе не представляете, насколько легко там сбиться с пути.

— Тогда деваться некуда, поедет Джеймисон. А почему вам кажется, что тут есть какой-то риск?

— Я слышал его разглагольствования в гостиной. Да чего там рассказывать, вы же и сами прекрасно слышали. Он даже и не скрывает своих симпатий к Федерации.

Все это время Садлер не сводил с директора глаз. Негодование — почти бешенство,— звучавшее в голосе этого человека, казалось чрезмерным, преувеличенным; снова шевельнулась давняя мысль: а не пытается ли Маклорин отвлечь внимание от себя самого?

Однако мгновенная вспышка недоверия мгновенно же и угасла. Бессмысленно искать тут какие-то скрытые мотивы. Просто Маклорин смертельно устал и вымотался — Садлер уже раньше догадывался, что при всей своей внешней крутости и энергии директор Обсерватории слаб не только телом, но и духом. А потому ведет себя словно обиженный ребенок — ведь все его планы нарушены, исследовательские программы заморожены, даже любимые его игрушки — драгоценные телескопы — находятся в опасности. И во всем этом виновата противная Федерация, и каждый с этим несогласный — потенциальный враг Земли.

Как тут не посочувствуешь; Садлер видел, что профессор стоит на грани нервного срыва и нуждается в очень бережном обращении.

— И что же вы хотите, чтобы я сделал? — спросил он самым безразличным, на какой был способен, голосом.

— Мне хотелось бы знать, согласны ли вы со мной в отношении Джеймисона. Думаю, вы изучали его весьма тщательно.

— Мне запрещено разглашать свои оценки,— развел руками Садлер.— Слишком уж часто они основываются на одних слухах и догадках. Но мне кажется, сама уже откровенность Джеймисона говорит в его пользу. Есть огромная разница между несогласием и предательством.

Некоторое время Маклорин молчал. А затем яростно тряхнул головой:

— Слишком большой риск. Я не могу брать на себя такую ответственность.

«Да,— подумал Садлер,— положение, прямо скажем, аховое». Он не имел здесь никаких официальных полномочий и уж точно не мог отменять решение директора. Никто не прислал ему никаких указаний — люди, направлявшие Стеффансона через Обсерваторию, скорее всего, даже не подозревали о существовании какого-то там Садлера. Взаимодействие Министерства обороны и Планетарной разведки оставляло желать много лучшего.

Однако и без указаний все было ясно. Если военные так спешат доставить Стеффансона в этот самый «Проект Тор» — значит, у них есть к тому весьма серьезные причины. И надо им помочь, даже если придется для этого расстаться с ролью пассивного наблюдателя.

— Я бы предложил вам следующее, сэр,— решился он наконец.— Поговорите с Джеймисоном, обрисуйте ему положение. Спросите, возьмется ли он за эту работу добровольно. Я буду слушать вашу беседу из соседней комнаты, а затем дам свою рекомендацию — посылать его или нет. Я уверен: если Джеймисон согласится, то сделает все как надо. Иначе он просто откажется. Не думаю, чтобы этот человек стал вас обманывать.

— И вы подпишетесь под такой рекомендацией?

— Да,— нетерпеливо кивнул Садлер.— И еще, если вы позволите вам посоветовать, не выражайте откровенно своих подозрений. Как бы вы к нему ни относились, старайтесь проявить максимум доверия и дружелюбия.

Маклорин ненадолго задумался, а затем обреченно пожал плечами и щелкнул тумблером.

— Уагнэл,— сказал он.— Притащите сюда Джеймисона.

Сидевшему в соседней комнате Садлеру казалось, что он ждет уже несколько часов. Затем из динамика послышались звуки шагов, а вслед за ними — голос Маклорина:

— Извините, пожалуйста, что пришлось вас разбудить, но тут появилась срочная работа, и как раз по вашей части. Сколько вам потребуется времени, чтобы доехать на тракторе до Перспективы?

Садлер даже улыбнулся — так отчетливо был слышен судорожный, изумленный вдох молодого астронома. Перспективой назывался перевал в южной части кольцевой стены Платона, выходящий в Море Дождей. Тракторы там обычно не ходили, выбирали кружной, но более легкий маршрут, проходивший несколькими километрами западнее. Зато именно через этот перевал была проложена трасса монорельса, именно оттуда пассажиры могли полюбоваться — при подходящем освещении — на один из самых знаменитых лунных пейзажей — широкую перспективу Моря Дождей с выступающим из-за горизонта огромным конусом Пико.

— Постаравшись, можно управиться за час. Тут всего сорок километров, но дорога очень плохая.

— Вот и прекрасно,— сказал голос Маклорина.— Мне только что позвонили из Сентрал-Сити, просят, чтобы я послал именно вас. Они знают, что вы наш лучший водитель и уже один раз там были.

— Был — это где? — спросил Джеймисон.

— «Проект Тор». То самое место, куда вы ездили ночью, хотя названия вам, конечно же, тогда не сказали.

— Продолжайте, пожалуйста, сэр,— сказал Джеймисон.— Я вас слушаю.

Садлер отчетливо ощущал звучавшее в его голосе напряжение.

— Ситуация такая. Некий человек, находящийся в Сентрал-Сити, должен как можно скорее туда попасть. Предполагалось отправить его ракетой, но сейчас это невозможно.

Поэтому он выезжает сюда монорельсом; для экономии времени вы встретите его в районе перевала, а затем по кратчайшему пути доставите на место. Вам все понятно?

— Не совсем. Почему эти, из «Тора», не могут забрать его сами?

«Он что, пытается увильнуть? — подумал Садлер.— Да нет, вопрос вполне естественный».

— Если вы посмотрите на карту,— объяснил Маклорин,— то увидите, что Перспектива — единственное удобное место для пересадки с монорельса на трактор. Кроме того, у них там вроде бы нет особо хороших водителей. Они высылают свой трактор, но, скорее всего, к тому времени, как он доберется до перевала, вы уже закончите работу.

Последовала долгая тишина — очевидно, Джеймисон изучал карту.

— Я согласен попробовать,— снова заговорил Джеймисон.— Но хотелось бы знать, отчего весь этот переполох.

«Ну вот,— подумал Садлер,— начинается. Хоть бы Маклорин не забыл моего совета».

— Да,— ответил Маклорин,— пожалуй, вы имеете право узнать. Человек, направляющийся в «Тор»,— это Карл Стефансон. Его миссия жизненно важна для безопасности Земли. Большего я и сам не знаю, да здесь, собственно, и добавить-то нечего.

Наступившая тишина показалась пригнувшемуся к динамику Садлеру бесконечно долгой. Он понимал, что Джеймисон делает выбор. Молодому астроному предстояло неприятное открытие, насколько велика разница между критикой земного правительства, осуждением его политики в яростных, но не имеющих ровно никакого практического значения спорах и поступком, который может прямо содействовать поражению родной планеты. Сколько бы ни было в стране пацифистов, с началом войны количество их резко уменьшается, это правило действовало на протяжении всей истории человечества. Сейчас Джеймисон решает, с кем он, чью сторону велит ему принять чувство долга, если уж не логика.

— Я поеду.

Эти слова были произнесены так тихо, что Садлер их едва расслышал.

— Имейте в виду,— настаивал Маклорин,— что вы можете отказаться.

— Вы так думаете?

В голосе Джеймисона не было и тени сарказма, он просто думал вслух, говорил скорее сам с собой, чем с директором.

Судя по доносившимся из динамика звукам, Маклорин перекладывал бумаги.

— А кто поедет вторым? — спросил он.

— Я бы взял Уилера. Он же и тогда со мной ездил.

— Хорошо. Идите будите его, а я позвоню транспортникам. И — ни пуха ни пера.

— К черту, сэр.

Садлер подождал, пока за Джеймисоном закроется дверь, и только тогда вернулся в кабинет.

— Ну так что? — устало взглянул на него Маклорин.

— Все прошло гораздо лучше, чем можно было надеяться. Я слушал вас и восхищался.

Садлер не пытался польстить директору, его искренне восхитило, насколько удачно сумел тот скрыть свои настоящие чувства. Беседа с Джеймисоном прошла без особой сердечности, но зато и без малейшего следа враждебности.

— Хорошо,— сказал Маклорин,— что с ним поедет Уилер. Очень надежный человек.

При всей своей озабоченности Садлер с трудом сдержал улыбку. Он ничуть не сомневался, что доверие профессора к Конраду Уилеру имеет своим источником реабилитацию маклоринского амплитудного интегратора, последовавшую за открытием Nova Draconis. Эмоции зачастую перевешивают всякую логику, и в этом отношении ученые практически не отличаются от простых смертных. Коммутатор коротко загудел:

— Трактор выезжает, сэр. Сейчас открываются наружные ворота шлюза.

Маклорин бросил взгляд на стенные часы.

— Быстро же управились,— пробормотал он, а затем посмотрел на Садлера:

— Ладно, мистер Садлер, что сделано, то сделано. Надеюсь, мы об этом не пожалеем.

Зачастую забывают, что ездить по Луне днем неприятнее и даже опаснее, чем ночью. Безжалостное сияние вынуждает пользоваться плотными светофильтрами, в результате чего неизбежные — за исключением тех редких случаев, когда солнце висит прямо в зените,— пятна густой, непроницаемой тени становятся еще опаснее. Зачастую в них прячутся трещины, куда легко может провалиться трактор. Ночью же вождение не требует такой осторожности и неусыпного внимания; свет Земли гораздо мягче, не дает резких контрастов.

А для полной радости Джеймисону пришлось сегодня ехать на юг, то есть почти прямо против Солнца. Иногда условия становились настолько скверными, что он был вынужден выписывать нелепые зигзаги, дабы уберечься от нестерпимо ярких бликов, отбрасываемых обнаженными скалами. Засыпанные пылью участки представляли гораздо меньше трудностей, однако по мере подъема к подножию кольцевых гор участков таких становилось все меньше и меньше.

Уилер сидел, не раскрывая рта, он прекрасно сознавал, какого внимания требует от товарища эта часть пути. Затем пошел крутой подъем к перевалу — бесконечное петляние по растресканным, усеянным огромными каменными обломками склонам. Сзади расстилалась равнина; на самом ее краю из-за горизонта выглядывали хрупкие, словно игрушечные, фермы огромных телескопов. А ведь в них, с горечью подумал Уилер, вбуханы миллионы человеко-часов труда. И какой же результат? Обсерватория простаивает, теша себя надеждой на некое отдаленное будущее, когда эти великолепные приборы снова начнут прощупывать дали Вселенной.

Равнина исчезла из виду, заслоненная скальной грядой, и тут же Джеймисон круто свернул направо, в узкое ущелье. Теперь, посмотрев наверх, можно было различить сверкающую паутинку рельса, огромными прыжками спускавшуюся по склону горы. Здесь трасса совершенно недосягаема, однако после перевала к ней можно будет приблизиться практически вплотную. Дорога стала еще хуже, трещина на трещине; правда, водители, проходившие ее прежде, оставили кое-где отметки, в помощь своим последователям. Часто приходилось двигаться сквозь тень, и Джеймисон почти не выключал фары. В целом он даже предпочитал эти мощные поворотные прожекторы слепящему сиянию Солнца — в их свете дорога различалась гораздо лучше. Вскоре управление прожекторами взял на себя Уилер, которого буквально заворожили прыгающие по камням овалы света. Полная невидимость самих лучей придавала зрелищу какой-то мистический характер. Казалось, что свет приходит из ниоткуда, не имеет ровно никакого отношения к трактору.

Они поднялись на Перспективу через пятьдесят минут после выезда и сразу же сообщили об этом в Обсерваторию. До намеченной точки встречи оставалось несколько километров спуска. Трасса монорельса постепенно сближалась с их маршрутом; дальше она уходила на юг, в сторону Пико,— серебряная ниточка, теряющаяся в просторах Луны.

— Ну что ж,— удовлетворенно заметил Уилер,— мы не заставили их долго ждать. Вот только хотел бы я знать, что все это такое и зачем.

— А разве не ясно? — пожал плечами Джеймисон.— Стеффансон — наш крупнейший специалист по радиационной физике. А если война и вправду начнется, можешь себе представить, какое в ней будет использоваться оружие.

— Я как-то об этом не задумывался — да я и не верил, что это может начаться. Ракеты какие-нибудь, наверное.

— Вполне возможно. Но будет, пожалуй, и что-нибудь посерьезнее. Разговоры о лучевом оружии идут уже не первую сотню лет. И вот теперь оно стало возможным.

— Ты что, веришь во всякие там лучи смерти?

— А почему бы и не верить? Вспомни учебник истории: разве не лучи смерти убили тысячи жителей Хиросимы? И это двести лет тому назад.

— Да, но защита от таких штук не представляет ровно никаких трудностей. А вот настоящее, механическое повреждение, нанесенное лучом,— вот такое ты можешь себе представить?

— Все зависит от расстояния. Если на нескольких километрах, то да. Ведь мы можем распоряжаться практически неограниченными мощностями. Думаю, есть и способы сжать энергию в пучок и послать ее в желаемом направлении. Просто до настоящего момента в этом не было особой необходимости. Зато теперь... откуда нам знать, чем там занимались в секретных лабораториях, рассыпанных по всей Солнечной системе?

Прежде чем Уилер успел ответить, он увидел сверкающую точку. Вылетев подобно метеору из-за горизонта, она с ошеломляющей скоростью неслась прямо на них и через несколько минут превратилась в тупоносую сигару монорельсового вагона, тесно прижавшегося к единственному своему рельсу.

— Схожу-ка я помогу,— сказал Джеймисон.— Он же, скорее всего, и скафандром-то никогда не пользовался. Да и багаж, наверное, какой-нибудь есть.

Перебравшийся на водительское место Уилер с интересом следил за товарищем, шагающим по пологому каменистому склону. Едва Джеймисон приблизился к вагону, как открылся аварийный шлюз и на поверхность Луны вышел человек, совершенно — судя по неуверенности его движений — непривычный к низкой гравитации.

Стеффансон передал Джеймисону свою сумку, однако наотрез отказался расстаться с раздутым портфелем и большим деревянным ящиком, в котором явно находилось что-то хрупкое; другого багажа у физика не было.

Две одетые в скафандры фигуры шли торопливо, почти бежали; Уилер открыл наружный люк и впустил их в шлюз. Тем временем выполнивший свою работу монорельсовый вагон сорвался с места и быстро исчез за горизонтом. Слов-

но кто за ним гонится, мелькнуло в голове Уилера, никак не ожидавшего от этого серебристого цилиндрика такой прыти. У него появилось смутное опасение, что над мирной, выжженной Солнцем равниной Моря Дождей скапливаются грозовые тучи и что не только «Фердинанд» спешит сейчас к стальному яйцу «Проекта Тор».

Уилер не ошибался. В свободном космосе, вдали от плоскости эклиптики, по которой кружат и Земля, и остальные планеты, командующий вооруженными силами Федерации строил свой крошечный флот в боевой порядок. Подобно ястребу, кружащему над жертвой, прежде чем сложить крылья и камнем рвануться вниз, коммодор Бреннан, в недавнем прошлом профессор электротехники Гесперского университета, собрал свои корабли над Луной.

Он ждал сигнала — в отчаянной надежде, что сигнала этого не будет.

ГЛАВА 15

Доктор Карл Стеффансон даже не задумывался, храбрый он человек или нет. Никогда в жизни не испытавший нужды в таком примитивном достоинстве, как физическая — в отличие от интеллектуальной — отвага, он был слегка удивлен своим спокойствием в критический момент, но не более того. Вполне возможно, что через несколько часов его не будет в живых — эта мысль не столько пугала, сколько раздражала; ведь остается так много невыполненной работы, непроверенных теорий. Каким счастьем было бы вернуться от всей этой суеты, на которую угроблены два года, к нормальной исследовательской работе. Мечты, пустые мечты; сейчас нужно думать о том, как бы выжить.

Открыв свой портфель, Стеффансон извлек кипу монтажных схем и список комплектующих деталей. Заметив, с каким откровенным любопытством косится на бумаги, помеченные грифом «СЕКРЕТНО», Уилер, он слегка улыбнулся. Сейчас осторожность уже ни к чему, да и кто может разобраться в этих головоломных цепях, кроме их автора?

Он снова оглянулся, проверяя, надежно ли привязан драгоценный груз. Вполне возможно, что содержимое этого невзрачного ящичка определит судьбу не только Земли, но и других миров. Многим ли людям выпадала такая ответственная миссия? Стеффансон припомнил только два случая, оба они относились ко временам Второй мировой войны. Британский ученый перевез через Атлантику небольшой ящик с самым, как потом говорили, важным грузом, доставленным когда-либо в Соединенные Штаты. Это был первый магнетрон, главный элемент радара — оружия, сокрушившего воздушные армады Гитлера. А затем, несколькими годами спустя,— самолет, летевший над Тихим океаном на остров Тиниан с грузом почти всего имевшегося в тот момент чистого урана-235.

Однако ни в одной из этих миссий — при всей их важности — счет времени не шел на минуты.

До сих пор все общение Стеффансона с Уилером и Джеймисоном ограничивалось несколькими словами благодарности за помощь. Однако он знал, что эти молодые ребята — астрономы из Обсерватории, добровольно вызвавшиеся в опасную поездку, понимал, насколько им любопытно, с какой целью прибыл на Луну знаменитый физик, а потому совсем не удивился, когда Джеймисон передал управление товарищу, а сам прошел из кабины трактора в салон.

— Дальше трясти не будет,— сообщил он.— До «Тора» доберемся минут за двадцать. Как, устраивает?

— Вполне,— кивнул Стеффансон.— Когда этот чертов корабль сломался, мы сперва даже и не надеялись, что я успею вообще. Вам, наверное, дадут теперь какую-нибудь медаль.

— Меня это не интересует,— холодно ответил Джеймисон.— Я хочу только одного: знать, что действую во имя добра. А вот вы — вы вполне уверены, что действуете во имя добра?

Стеффансон удивленно вскинул глаза, но тут же все понял. Среди его собственных сотрудников тоже попадались молодые люди, подобные Джеймисону, и все эти идеалисты

терзались одними и теми же сомнениями. Ничего, подрастут и образумятся, хотя как знать, благо это или трагедия.

— Фактически вы хотите,— спокойно ответил он,— чтобы я предугадал будущее. Если рассматривать далекую перспективу, ни один человек никогда не может сказать, послужат его действия добру или злу. Но я работаю на оборону Земли и при этом уверен, что мы войну не начнем, первый удар — если он будет нанесен — совершит Федерация.

— А вам не кажется, что мы их провоцируем?

— В какой-то степени — да, но разве они лучше? Вы считаете федералов этакими гордыми и мужественными первопроходцами, строящими на планетах новую и прекрасную цивилизацию, совершенно забывая при этом, насколько они бывают жесткими и неразборчивыми в средствах. Припомните хотя бы, как эти люди буквально выжили нас с астероидов, заломив за снабжение наших баз бешеные, ни с чем не соразмерные цены. И насколько это затруднило нам отправление кораблей за пределы орбиты Юпитера — они же фактически повесили знак «вход воспрещен» на трех четвертях Солнечной системы! Получив все, что им нужно, они обнаглеют окончательно. Так что ребята эти давно напрашивались на хорошую порку, и, надеюсь, они ее вскоре получат. Жаль, конечно, что все так получается, но лично я не вижу никаких других вариантов.

Он взглянул на часы и добавил:

— Вы не могли бы включить радио? Сейчас как раз будут последние известия, хотелось бы послушать, что там делается.

Джеймисон включил приемник и развернул антенну. Несмотря на сильные помехи — ведь Земля висела сейчас в небе совсем рядом с Солнцем,— мощность радиостанции позволяла слышать передачу совершенно отчетливо, без малейших замираний.

Стеффансон с удивлением обнаружил, что часы трактора спешат — хотя и немного, примерно на секунду. Затем он понял, что они установлены по этому странному гибриду — лунному гринвичскому времени; сигнал, прозвучав-

ший из динамика, пролетел почти четыреста тысяч километров — кидающее в озноб напоминание, как далеко они находятся от дома.

Затем последовала пауза, такая долгая, что Джеймисон вывел громкость на максимум, начиная уже сомневаться в исправности приемника. Диктор заговорил только через минуту; отчетливо чувствовалось, как трудно дается ему сегодня обычная бесстрастность голоса.

— Говорит Земля. Мы только что получили из Гааги следующее заявление:

«...Трипланетарная Федерация сообщила правительству Земли, что намерена захватить некоторые районы Луны и что любая попытка воспрепятствовать этой акции будет подавлена силой.

Правительство заявляет о необходимости сохранить целостность Луны и уже предприняло все необходимые для этого меры. Вскоре будет сделано новое заявление. Следует подчеркнуть, что в настоящий момент какая-либо опасность отсутствует, так как в пределах двенадцатичасового полета от Земли нет ни одного враждебного корабля.

Говорит Земля. Ожидайте дальнейших сообщений».

И снова полная тишина, нарушаемая только негромким шипением несущей частоты да потрескиванием солнечных помех. Слушая заявление, Уилер остановил трактор; сейчас он повернулся и посмотрел на своих спутников. Стеффансон склонился над разложенными по столику схемами, но явно их не видит. Замерший после первых донесшихся из динамика слов, Джеймисон так и стоит, держась рукой за регулятор громкости. Затем он пошевелился, молча вернулся в кабину и снова занял водительское место.

Стеффансону показалось, что прошли долгие годы, пока раздалось восклицание Уилера:

— Почти приехали! Смотрите прямо по курсу!

Он прошел вперед и взглянул на изрытую трещинами, усыпанную камнями равнину. Да уж, мелькнула мысль, не очень похоже, чтобы из-за такого местечка стоило устраивать войну. Но вся эта метеоритная пыль и застывшая ла-

ва — только камуфляж, прячущий сокровища природы, на поиски которых люди потратили двести лет. А может, лучше бы эти сокровища так и лежали ненайденными...

Впереди, на расстоянии двух-трех километров, в ярком солнечном свете сверкал купол «Проекта Тор». С этой стороны он выглядел очень странно, словно огромное металлическое яйцо, рассеченное ножом какого-то великана,— густая тень, окутывавшая половину купола, делала ее почти невидимой. И ни одного человека, ни малейшего признака жизни. Хотя внутри его кипит сейчас лихорадочная деятельность. Стеффансон страстно надеялся, что приехавшие раньше помощники успели уже управиться с монтажом силовых й субмодуляторных цепей.

Он приладил шлем к так и не снятому за все это время скафандру, а затем подошел к Джеймисону, придерживаясь для равновесия за грузовые полки.

— Раз уж вы меня довезли,— сказал физик,— хотелось бы в благодарность хотя бы объяснить вам, как все произошло. Вот эта штука,— он указал на быстро увеличивающийся в размерах купол,— начиналась как шахта, да она и теперь шахта. Мы сумели сделать невиданную доселе вещь — пробурили в лунной коре стокилометровую скважину, добрались до богатых рудных залежей.

— Сто километров? — пораженно воскликнул Уилер.— Но это же невозможно! Такого давления не выдержит никакая дырка!

— Выдерживает, и прекрасно,— отмахнулся физик.— У меня нет времени на подробности, да я не очень-то с ними и знаком. Не забывайте, кстати, что при прочих равных условиях на Луне можно пробурить скважину в шесть раз более глубокую, чем на Земле. Но это только часть дела. Основной секрет состоит в работе с противодавлением. По мере углубления скважина все время заполняется тяжелым силиконовым маслом, плотность которого примерно соответствует плотности окружающей породы. Поэтому при любой глубине проходки давление внутри и снаружи уравнивается, скважина не стремится схлопнуться. Есть стандарт-

ное правило — чем проще идея, тем больше труда и изобретательности требует ее воплощение; так произошло и на этот раз. Вся техника должна работать в погруженном состоянии, под невероятным давлением, но эти проблемы были постепенно разрешены, и теперь мы имеем возможность извлекать руду в промышленных масштабах.

Федерация узнала о происходящем здесь года два назад. Есть основания предполагать, что их инженеры пробовали сделать нечто аналогичное у себя, но безрезультатно. Тогда эти герои решили: раз уж лунные сокровища проходят мимо нашего носа — пусть они вообще никому не достанутся. Хотят силой вынудить нас на дележку, только ничего у них не выйдет.

Но все это только предыстория, сейчас важнее другое. Здесь установлено оружие. Кое-что из него готово и опробовано, кое-что нуждается в окончательной доводке. Я везу с собой ключевые элементы самой, вероятно, важной системы; именно поэтому Земля перед вами в неоплатном долгу. Не перебивайте, пожалуйста, мы уже почти на месте, а мне нужно сказать кое-что еще. Двенадцать часов безопасности, про которые вы слышали по радио,— чистое вранье. Это то, в чем хотела бы убедить нас Федерация, а мы просто делаем вид, что не имеем никаких сомнений. Но мы обнаружили корабли, приближающиеся со скоростью в десять раз большей, чем все известное прежде. Похоже, их двигатели работают по какому-то совершенно новому принципу. Остается надеяться, что этот же принцип не привел заодно и к созданию нового оружия. Они появятся здесь часа через три, если не будут больше наращивать скорость. Можете, конечно, остаться с нами, но я бы вам советовал развернуться и гнать изо всех сил в свою Обсерваторию — так, пожалуй, надежнее. Если начало атаки застанет вас в пути — ищите укрытия. Забирайтесь в трещину — да, собственно, куда угодно, лишь бы спрятаться — и сидите там до самого конца. А теперь — прощайте и желаю всякой вам удачи. Надеюсь, мы еще встретимся по окончании этих неприятностей.

Прежде чем астрономы успели что-либо ответить, Стеффансон вместе со своим загадочным ящиком исчез в люке шлюза. Теперь трактор находился в тени купола; в поисках какого-нибудь отверстия Джеймисон начал объезжать огромное металлическое яйцо вокруг. Через некоторое время он узнал то место, где входили они с Уилером, и затормозил. Хлопнула крышка наружного люка, и тут же на приборной панели вспыхнула надпись «Шлюз свободен». Они увидели, как Стеффансон подбегает к куполу, как он ныряет в открывшийся на мгновение люк, как круглая крышка люка снова встает на место.

Джеймисон с Уилером остались одни. Ничто вокруг не подавало признаков жизни, однако неожиданно металлический остов «Фердинанда» начал вибрировать со все возрастающей частотой. Стрелки установленных на панели управления приборов бешено заплясали, свет в кабине потускнел — и тут же все снова пришло в норму; некое потрясающей мощности силовое поле ушло дальше в космическое пространство, оставив после себя острое ощущение сжатой, подобно пружине, энергии, готовой по первому сигналу рвануться наружу. Астрономы начали смутно понимать настойчивость и озабоченность последних слов Стеффансона; весь окружающий ландшафт словно замер в напряженном ожидании.

«Фердинанд» мчался по бесплодной равнине Моря Дождей к спасительному убежищу все еще далеких гор. Окажется ли оно спасительным? Джеймисон сильно в этом сомневался. Какое страшное оружие сумела создать наука еще два века назад, а ведь современное искусство войны пойдет гораздо дальше. Вполне возможно, что эта раскаленная полуденным солнцем пустыня вскоре будет выжжена излучением, в тысячи раз более мощным.

Трактор ехал прямо по собственной тени — Джеймисон вел его на север, туда, где из-за горизонта вздымались вершины Платона, похожие сейчас на башни какой-то исполинской крепости. Но настоящая крепость осталась позади — она затихла, приготавливая неведомое свое орудие к грядущей битве.

ГЛАВА 16

Думай Джеймисон побольше об управлении трактором и поменьше о политике, такого бы никогда не случилось, хотя, если учесть все обстоятельства, винить его было трудно. Ведь это место казалось ровным и твердым, точно таким же, как и вся предыдущая дорога.

Ровное, конечно, но твердое? Примерно такое же твердое, как вода. Джеймисон понял, что тут происходит, мгновенно, как только двигатель «Фердинанда» яростно взвыл, а нос его исчез в огромном облаке пыли. Машину начало бросать из стороны в сторону, она сильно наклонилась вперед и потеряла — сколько ни старался помешать этому Джеймисон — скорость. Трактор начал тонуть, совсем как корабль, терпящий крушение в штормовом море. Расширившимися от ужаса глазами Уилер смотрел на клубящиеся за лобовым стеклом облака пыли; прошло несколько секунд, и стало совершенно темно. Джеймисон выключил двигатель, теперь они шли на дно в полной тишине, нарушаемой только еле слышным гудением системы циркуляции воздуха.

Джеймисон нащупал выключатель, и в кабине вспыхнул свет. Какое-то время оба астронома были слишком ошеломлены, чтобы что-либо предпринять, они просто сидели и беспомощно взирали друг на друга. Затем Уилер встал и неуверенно подошел к ближайшему иллюминатору. И не увидел абсолютно ничего; казалось, что наружная сторона толстой кварцевой пластины затянута гладким, абсолютно черным — чернее самой глубокой ночи — бархатом.

Неожиданно пол под ногами мягко, но вполне ощутимо вздрогнул — «Фердинанд» опустился на дно.

— Слава тебе господи,— облегченно вздохнул Джеймисон.— Могло быть и глубже.

— А что, есть какая-нибудь разница?

Уилер не решался поверить, что не все еще пропало. Слишком уж много он наслышался об этих предательских пылевых озерах, о поглощенных ими людях и машинах.

К величайшему счастью, пылевые озера встречаются на Луне значительно реже, чем можно бы заключить из расхо-

жих баек, они образуются только при весьма специфических, все еще не до конца понятных условиях. Если вы хотите создать такую ловушку, возьмите неглубокий кратер в скальном грунте вполне определенной природы, а затем подождите несколько сотен миллионов лет, пока температурные перепады между днем и ночью не превратят поверхностные слои камня в пыль. Чем дольше протекает этот неспешный процесс, тем тоньше становится образовавшаяся пыль; наступает момент, когда она приобретает способность течь, подобно жидкости, и собирается на дне кратера. И почему, собственно, «подобно»? — во многих отношениях она действительно является жидкостью; если набрать ведро этой невероятно тонкой пыли, она будет плескаться в нем на манер не очень вязкой нефти. Ночью в ней циркулируют — и это подтверждается прямыми наблюдениями — конвекционные потоки: верхние слои остывают и опускаются на дно, откуда навстречу им поднимаются струи теплой пыли. В результате пылевые озера очень легко обнаружить — инфракрасные детекторы видят их аномальное тепловое излучение за несколько километров. Но это только ночью, в дневное время все подобные эффекты напрочь забиваются солнечным жаром.

— Не стоит впадать в панику,— сказал Джеймисон, хотя собственное его лицо и не выказывало при этом особой уверенности.— Думаю, мы отсюда выкарабкаемся. Озеро, скорее всего, совсем маленькое, иначе его успели бы уже обнаружить. Считается, что эти места обследованы очень подробно.

— Достаточно большое, чтобы мы в нем утонули.

— Да, но ты не забывай, что такое эта самая пыль. Пока движки не заглохли, остается шанс выползти наружу — примерно как подводный танк вылезает на берег реки. Меня вот только одно беспокоит: идти нам вперед или попробовать задним ходом.

— Вперед мы можем забраться еще глубже.

— Совсем не обязательно. Как я уже говорил, озеро, скорее всего, маленькое, и мы могли по инерции пролететь за

его середину. Как ты думаешь, в какую сторону наклонен пол?

— Спереди вроде как чуть повыше.

— И мне так кажется. Пошли-ка мы вперед, к тому же при заднем ходе и тяга слабее.

Осторожно, очень осторожно Джеймисон включил самый малый ход; трактор протестующе задрожал, дернулся на несколько сантиметров вперед и снова замер.

— Вот этого я и боялся,— сказал Джеймисон.— Непрерывно идти не получается, придется такими вот рывками. Моли Бога, чтобы выдержали двигатели, о передаче я уж и не говорю.

Рывок-остановка, рывок-остановка... Они пробивались вперед с мучительной медлительностью, а затем Джеймисон и вовсе заглушил моторы.

— Чего это ты? — озабоченно спросил Уилер.— Мы же вроде двигались.

— Да, но заодно и перегревались. Эта пыль — почти идеальный теплоизолятор. Нужно немного остыть.

Кабина была ярко освещена. А ведь она, подумал Уилер, вполне может стать нашей могилой. Такая обстановка совсем не располагала его к разговорам, да и Джеймисона тоже. Стремиться к спасению и нарваться по пути на такую вот неприятность — в этом была какая-то мрачная насмешка.

— Ты слышишь звуки? — настороженно поднял голову Джеймисон. Он включил циркуляцию воздуха, и в кабине повисла гробовая тишина.

Снаружи доносился легчайший, еле различимый шорох. Легкое потрескивание, причины которого Уилер не мог себе и представить.

— Пыль начинает подниматься. Она же очень нестабильна, чуть-чуть тепла — и тут же образуется конвекционный поток. Думаю, на поверхности образуется небольшой, но вполне заметный гейзер. При случае он поможет нас найти. Какое ни на есть, а все-таки утешение. И воздуха, и пищи им хватит надолго — все тракторы снабжены солидным неприкосновенным запасом,— а в Обсерватории знают примерный маршрут «Фердинанда». К сожалению, вполне

может случиться, что в самое ближайшее время у Обсерватории своих-то забот будет по самые уши, так что никто не сможет заниматься поисками двух пропавших астрономов...

Джеймисон снова запустил двигатели, и мощный трактор начал пробиваться сквозь поглотившую его сухую зыбь. Было невозможно определить, насколько быстро он движется, а что случится, если двигатели откажут,— об этом Уилер боялся и подумать. Траки гусениц скрежетали по скальному дну пылевого озера, вся машина сотрясалась и стонала от невыносимой нагрузки.

Нечто вроде уверенности, что они действительно куда-то движутся, появилось только через час. Нос трактора вполне определенно задрался, хотя, как и прежде, оставалось совершенно непонятно, насколько далека поверхность этой квазижидкости, покажется ли благословенный свет лунного дня через секунду или впереди лежат еще сотни метров пути, долгие часы медленного, черепашьего хода.

Джеймисон делал все более продолжительные остановки, что уменьшало нагрузку на машину, но никак не на экипаж. Во время одной из таких пауз Уилер наконец не выдержал и прямо спросил, что они будут делать, если трактор тем или иным образом застрянет.

— Тут есть две возможности,— задумчиво ответил Джеймисон.— Можно сидеть и не рыпаться в надежде на спасательную команду: найти нас будет совсем не трудно, ведь следы гусениц ведут прямо к этой луже. Ну а другой вариант — выбираться наружу.

— Как? Но это же невозможно!

— Ничего подобного. Я знаю случай, когда именно так и сделали. Выбираются же из затонувших подводных лодок — вот и здесь примерно то же самое.

— Плавать в этой гадости — да у меня от одной такой мысли мурашки по коже.

— Давно, еще ребенком, я как-то попал в снежную лавину и могу себе примерно представить, на что это будет похоже. Тут самое страшное — утратить ориентировку и ходить кругами до полного изнеможения. И все-таки лучше бы нам обойтись без подобных экспериментов.

«Я бы сказал посильнее»,— усмехнулся про себя Уилер.

Кабина поднялась над поверхностью примерно через час, и вряд ли хоть один солнцепоклонник встречал когда-нибудь своего бога с такой радостью, как Джеймисон с Уилером сегодня. Однако до полной безопасности было еще далеко, хотя уменьшившееся сопротивление и позволяло «Фердинанду» развивать большую, чем прежде, скорость, впереди могли скрываться новые глубокие места.

Уилер смотрел, как струится эта отвратительная субстанция мимо трактора, как в ней образуются вихри,— и не мог оторвать глаз. Временами было невозможно поверить, что это не жидкость, и только натуга, с которой пробивался вперед «Фердинанд», немного портила иллюзию. А не стоит ли предложить, чтобы тракторам придавали более обтекаемую форму, ведь тогда им будет проще выбираться из подобных положений... Ну кто же на Земле мог предположить, что тут потребуется такое?

В конце концов «Фердинанд» оказался на сухом месте — не более, собственно говоря, сухом, чем страшное озеро, из которого он выбрался. Выжатый как лимон, Джеймисон бессильно опустил голову на приборную панель; Уилера била крупная дрожь, но он этого даже не замечал, поглощенный одной ликующей мыслью — спаслись!

Он совсем забыл, что они покинули «Проект Тор» уже три часа тому назад и отъехали от него меньше чем на двадцать километров.

Даже и так можно было успеть, но как только они двинулись дальше и начали переправляться через невысокую, совсем пологую гряду, раздался скрежет рвущегося металла и «Фердинанд» резко повернул направо с очевидным намерением завертеться волчком. Джеймисон мгновенно вырубил двигатели, и не выдержавший непосильной работы трактор замер боком к первоначальному своему курсу.

— А вот это,— негромко сказал Джеймисон,— уже серьезно. Хотя вряд ли мы имеем право жаловаться. Полети правая передача в то время, когда мы еще бултыхались в этой отраве...

Не закончив фразу, он повернулся к правому иллюминатору, смотревшему сейчас назад — туда, где тянулась пропаханная ими в пыли колея. Уилер проследил за его взглядом.

Огромный купол все еще вздымался над горизонтом. Возможно, их везение уже кончилось, и как жаль, что они не успели загородиться от назревающего — и неведомого — шторма спасительной кривизной лунного шара.

ГЛАВА 17

Даже к настоящему дню системы оружия, использовавшиеся в битве при Пико, держатся в значительной степени под секретом. Известно, что управляемые снаряды играли там очень незначительную роль: в космической пустоте все, кроме прямого попадания, практически бесполезно — нет среды, передающей энергию ударной волны. Атомная бомба, разорвавшаяся на расстоянии в сотню метров, не причинит никаких механических повреждений, а от ее радиации не так уж трудно защититься. Кроме того, как Земля, так и Федерация создали вполне эффективные средства отражения и увода в сторону обычных снарядов.

Основной упор был сделан на лучевое и полевое оружие, оно оказалось и наиболее эффективным. Простейший его образец — ионные излучатели, разработанные на основе двигателей космических кораблей. Первую радиолампу изобрели чуть не три века назад, и все это время люди учились оперировать все более мощными корпускулярными потоками. В конце концов работы ученых увенчались изобретением ионного ракетного двигателя, который создавал тягу, выбрасывая мощный концентрированный пучок электрически заряженных частиц. Смертельная опасность таких пучков привела к многочисленным несчастным случаям в космосе — и это при всех стараниях намеренно их расфокусировать для снижения эффективного радиуса действия.

Средства защиты от ионного оружия были очевидны. Те же самые электромагнитные поля, которые генерируют

ионный пучок, могут использоваться и для его рассеяния, могут превратить всесжигающую струю частиц в редкий безобидный дождичек.

Более эффективными — но одновременно и более трудными в изготовлении — являются системы оружия, использующие чистое излучение. Трудности не оказались непреодолимыми; как Земля, так и Федерация отлично с ними справились. Оставалось только убедиться на практике, что обеспечило больший успех — научное превосходство Федерации или промышленная мощь Земли.

Коммодор Бреннан, чья маленькая эскадра с разных сторон сходилась к Луне, прекрасно все это знал. Подобно любому полководцу прошлого, он начинал военные действия со значительно меньшими силами, чем хотелось бы. А больше всего ему хотелось вообще не начинать никаких военных действий.

Переоборудованный лайнер «Эридан» и почти наново перестроенный грузовик «Лета», числившиеся когда-то в ллойдовском регистре под именами «Утренняя звезда» и «Ригель», находятся сейчас между Землей и Луной, несутся по тщательно продуманным траекториям. Бреннан не знал, удалось ли им сохранить фактор внезапности, но даже если Земля и заметила что-то, вряд ли она подозревает о существовании третьего — и самого большого — корабля, «Ахерона». Интересно, какой это сдвинутый на мифологии романтик придумал такие названия, скорее всего — комиссар Черчилль, везде, где только возможно, подражающий своему знаменитому предку. И очень получилось к месту. Многим, очень многим людям принесут эти корабли смерть и забвение — и скоро, уже сегодня.

Лейтенант Кертис, один из немногих членов команды, проработавших значительную часть своей жизни в космосе, поднял голову от пульта связи:

— Радиограмма с Луны, сэр. Адресована нам.

Бреннан был потрясен. Даже если их и обнаружили — неужели земляне относятся к своим противникам с таким презрительным высокомерием, что спокойно признают этот факт? Пробежав глазами бланк, он облегченно вздохнул.

ОБСЕРВАТОРИЯ — ФЕДЕРАЦИИ. ХОТИМ ВСЕМ НАПОМНИТЬ О НАЛИЧИИ В ПЛАТОНЕ УНИКАЛЬНЫХ ПРИБОРОВ. ЗДЕСЬ ЖЕ НАХОДИТСЯ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ И ВЕСЬ ПЕРСОНАЛ ОБСЕРВАТОРИИ. МАКЛОРИН, ДИРЕКТОР.

— Ты меня больше так не пугай,— сказал коммодор.— Я уж было решил, что это прямо нам, направленным пучком. Не хотелось бы думать, что они способны заметить нас с такого расстояния.

— Простите, сэр. Это всего лишь общее оповещение. Обсерватория повторяет его раз за разом на своей частоте.

Бреннан передал радиограмму начальнику штаба капитану Мертону:

— Ну и что вы скажете? Вы же вроде там работали?

Мертон прочитал текст и улыбнулся:

— Маклорин во всей своей красе. Сперва приборы, а люди уж потом. Думаю, ничего страшного. Постараемся в него не угодить. Сотня километров — вполне приличное расстояние, чтобы тихо отсидеться. Обсерватории ничто не угрожает — разве что прямое попадание сбившегося с курса снаряда. К тому же они очень прилично закопались.

Безжалостная стрелка хронометра отсчитывала последние минуты. Все в той же уверенности, что окутанный непроницаемым коконом ночи «Ахерон» так и не обнаружен противником, коммодор Бреннан смотрел на штурманскую сферу, по которой, следуя намеченным траекториям, ползли три искорки. Три корабля эскадры Федерации. Разве мог себе представить мирный университетский профессор, что однажды на его долю выпадет держать в своих руках судьбу миров?

Но Бреннан сейчас совсем не думал о мощи, таящейся в реакторах и ждущей только его сигнала, чтобы рвануться наружу. Его совсем не занимало место, которое займет он в истории, когда люди оглянутся на сегодняшний день. Подобно каждому солдату, впервые идущему в бой, он пытался угадать, где он будет в этот же час завтра.

Меньше чем в миллионе километров от него Карл Стеффансон сидел у пульта управления и смотрел на изображение Солнца, передаваемое одной из телекамер — многочисленных глаз «Проекта Тор». Его окружала группа еле живых от усталости техников: к приезду своего шефа они уже почти закончили монтаж оборудования; теперь были подключены и дискриминаторные блоки, в такой спешке привезенные с Земли.

Стеффансон повернул ручку, и Солнце погасло. Он переключил монитор на другую камеру, на третью... Все глаза крепости ослепли. Защита была полной.

Слишком усталый, чтобы ощущать хоть какой-нибудь подъем, он откинулся на спинку и махнул рукой в сторону пульта:

— Ну а дальше вы сами. Пусть пропускает часть видимого света — смотреть-то надо,— но начиная с ультрафиолета и вверх — полное отражение. Точно известно, что все пучки, с которыми нам придется иметь дело, жесткие, ни один из них не несет заметной энергии на длинах волн меньше тысячи ангстрем. Вот уж удивятся федералы, когда эти «лучи смерти» начнут отскакивать от нас, как солнечные зайчики. Жаль, мы не можем направить их туда, откуда они пришли.

— Интересно, а как выглядит включенный экран снаружи? — спросил один из инженеров.

— Как идеальное зеркало. Пока оно отражает, мы можем не опасаться никакой радиации. Вот, собственно, и все, что я могу обещать.

Стеффансон взглянул на часы:

— Если верить данным разведки, у нас осталось еще минут двадцать. Но я бы не очень на это рассчитывал.

— Во всяком случае,— сказал Джеймисон, выключая рацию,— теперь Маклорин знает, где мы засели. И трудно осуждать старика, что он не стал никого сюда посылать.

— А что же нам делать?

— Перво-наперво поесть,— ответил Джеймисон, направляясь к камбузу.— Думаю, мы вполне этого заслужили, к то-

му же не исключено, что нам предстоит прогулка, и очень неблизкая.

Уилер нервно вскинул глаза на далекий, но, к сожалению, очень ясно различимый купол «Проекта Тор». Затем он разинул рот и только через несколько секунд смог поверить, что все так и есть, ничего ему не мерещится.

— Сид! — крикнул он.— Иди-ка посмотри.

Джеймисон бросил свои хозяйственные дела, подбежал к товарищу — и испытал такое же потрясение. Частично затененная полусфера купола претерпела разительное изменение. Там, где раньше виднелся узкий блестящий полумесяц, теперь висела ослепительно сверкающая точка, похожая на отражение Солнца от идеального сферического зеркала.

Подзорная труба подтвердила это впечатление. Самого купола не было видно вовсе, его место занял какой-то фантастический серебряный призрак. Словно, подумал Уилер, большая капля ртути, уложенная на горизонт.

— И как они только это сделали? — совершенно спокойно, хотя и с любопытством, заметил Джеймисон.— Защита, похоже, какая-то. Фокусы с интерференцией.

— Нам бы поторопиться,— озабоченно сказал Уилер.— Что-то мне все это не нравится. А мы здесь торчим на самом виду.

Джеймисон начал быстро открывать ящики и вытаскивать оттуда припасы.

— Начинай жевать.— Он кинул Уилеру несколько плиток шоколада и пакетов сублимированного мяса.— Толком поесть уже не удастся. И попей, если хочешь, но не слишком старайся. В этих скафандрах нет особых удобств, а мы надеваем их надолго.

Уилер прикинул в уме. Восемьдесят километров пути, не говоря уж о том, что придется переваливать через стену Платона. Да, прогулочка получится еще та — лучше уж остаться здесь. Стоит ли бросать «Фердинанда», верой и правдой служившего им сегодня, все-таки он вполне приличная защита.

Джеймисон задумался, но затем отбросил эту идею.

— Ведь что говорил Стеффансон? — напомнил он Уилеру.— Чтобы мы залезали под землю, и как можно скорее. А уж он-то знает обстановку получше нашего.

Удобная трещина нашлась метрах в пятидесяти от трактора, на склоне гряды, противоположном крепости. Чуть меньше человеческого роста в глубину, она позволяла выглядывать наружу, а дно ее было достаточно ровным, чтобы лежать на нем без особых неудобств. Находка очень обрадовала Джеймисона — настоящий, словно по заказу вырытый окоп.

— Вот только меня беспокоит,— сказал он,— сколько придется тут ждать. Возможно, ничего вообще не будет. Но с другой стороны, вдруг мы решим, что все тихо, и пойдем. Тут-то и начнется, а мы на открытом месте.

После некоторого обсуждения астрономы выбрали компромиссный вариант. Они вернутся в кабину «Фердинанда», где есть хоть какие удобства, но скафандров снимать не будут. Если что — можно добежать до окопа буквально за несколько секунд.

Все началось без малейшего предупреждения. Неожиданно в серые, пыльные камни Моря Дождей плеснул ослепительный свет, невиданный ими за всю их миллионолетнюю историю. Уилеру на мгновение показалось, что кто-то включил рядом с трактором огромный прожектор, но он тут же понял: этот затмевающий солнце взрыв произошел за много километров от них. Высоко над горизонтом образовался сгусток яростного фиолетового пламени, идеально сферический и быстро теряющий по мере расширения свою яркость. Через несколько секунд от него осталось только большое облако фосфоресцирующего газа. Облако это быстро опускалось и вскоре, словно некое фантасмагорическое солнце, ушло за горизонт.

— Это же надо быть такими придурками,— мрачно заметил Джеймисон.— Вполне возможно, что мы с тобой уже покойники.

— Ерунда,— без особой уверенности возразил Уилер.— Тут же километров пятьдесят, не меньше, так что плотность

гамма-излучения не должна быть большой, а стенки «Фердинанда» — экран не хуже любого другого.

Джеймисон не ответил, он уже входил в шлюз. Уилер двинулся было следом, но тут же вернулся и схватил с полки дозиметр. Что бы еще могло пригодиться? Повинуясь внезапному импульсу, он выдернул из пазов штангу занавески, отгораживавшей туалетную нишу, а затем бросился к раковине и сорвал висевшее над ней зеркало.

Догнав в шлюзе нетерпеливо переминавшегося Джеймисона, Уилер сунул ему в руки дозиметр, не утруждая себя объяснениями касательно остальной добычи; для чего нужны эти несколько неожиданные предметы, стало ясно через несколько минут, в окопе, которого они достигли без всяких дальнейших приключений.

— Разве же можно,— проворчал запасливый звездочет,— пропустить такое зрелище.

Он расстегнул один из многочисленных карманов скафандра, вытащил моток проволоки и начал привязывать зеркало к палке. Через пару минут в его руках оказалось грубое подобие перископа.

— Ну вот, купол виден,— с удовлетворением сообщил Уилер.— И ничего с ним вроде не случилось.

— Так и должно быть,— откликнулся Джеймисон.— Похоже, они как-то сумели взорвать эту бомбу за много миль от себя.

— А может, это просто предупредительный выстрел?

— Вряд ли — кто же станет разбрасываться плутонием на фейерверки? Эти ребята стреляли вполне серьезно. Ладно, подождем, что они там еще придумают.

Ждать пришлось долго, минут, наверное, пять. А затем, почти одновременно, в небе полыхнули еще три слепящие звезды. Они двигались с разных сторон по траекториям, сходящимся к куполу, однако далеко не достигли цели, превратившись по пути в реденькие, прозрачные облака.

— Первый и второй раунды за Землей,— прокомментировал Уилер.— Интересно, откуда летят все эти снаряды?

— Взорвись один из них не в той стороне, а над нами,— остудил его Джеймисон,— нам был бы верный конец. Не

забывай, что атмосферы здесь нет, так что все гамма-излучение будет нашим.

— Что показывает дозиметр?

— Совсем немного, а вот сколько мы схватили при первом взрыве, когда еще в тракторе сидели,— это одному Богу известно.

Уилер не ответил — он внимательно оглядывал небо. Где-то там, в этой россыпи звезд (из трещины, куда не достигали прямые лучи Солнца, они свободно различались), кроется изготовившаяся к очередной атаке эскадра Федерации. Увидать корабли надежды мало, но должно же хоть как-то проявить себя их оружие.

Откуда-то из-за Пико в небо метнулись шесть снопов пламени — купол выпустил первые свои снаряды; они неслись с колоссальным ускорением прямо в сторону Солнца. «Лета» и «Эридан» использовали трюк, древний, как сама война,— с этого направления их противник будет частично ослеплен, большие трудности возникнут даже у радара (коммодор Бреннан числил в ряду своих союзников два больших пятна).

Отсюда, из трещины, казалось, что Солнце проглотило ракеты без всякого для себя вреда, но затем, через несколько минут (или секунд?) томительного ожидания, его блеск стократно возрос. Отличное зрелище для землян, подумал, поправляя светофильтр скафандра, Уилер. А атмосфера, так сильно мешающая астрономам, надежно прикроет их от любого излучения.

Было невозможно сказать, причинили снаряды какой-нибудь ущерб противнику или нет. Скорее всего, огромная энергия ослепительного — и совершенно безвредного — взрыва бесцельно рассеялась в пространстве. Странная это будет битва, продолжал рассуждать про себя Уилер. А корабли Федерации, скорее всего, выкрашены в черный цвет, так что увидеть их не удастся.

И тут с куполом стало происходить нечто странное. Если прежде в зеркальной полусфере отражалось только Солнце, то теперь она расплескивала свет во всех направлениях — свет, яркость которого нарастала ежесекундно. Откуда-

то сверху, из космоса, на крепость лились потоки энергии — затерявшиеся среди звезд корабли Федерации скрестили на ней лучи чудовищной, в бессчетные миллионы киловатт, мощности. Но даже и теперь Уилер не различал в небе ничего, кроме привычных созвездий,— вакуум, в котором ничто не оставляет следа, не позволял определить, откуда идет атака.

Сверкание слепило глаза, и он снова отрегулировал светофильтр. Странно, почему сама-то крепость ничем не отвечает? Или просто не могут, пока находятся под таким облучением... И тут он увидел вокруг купола трепещущую корону, нечто вроде тлеющего разряда.

— Гляди, Кон, прямо наверху! — ударил по ушам голос Джеймисона.

Уилер задрал голову и впервые увидел корабль Федерации. Он не мог знать, что смотрит на «Ахерон», единственный в истории человечества космический корабль, построенный специально для военных целей. Низко зависший над поверхностью Луны флагман коммодора Бреннана различался совершенно отчетливо. Между ним и крепостью парил плоский, дискообразный сгусток света. Прямо на глазах этот призрачный, нематериальный щит из тускло-красного стал ярко-голубым, а еще через несколько секунд засверкал ослепительно фиолетовым пламенем самых горячих звезд. Он дрожал и колебался, словно под действием двух огромных, уравновешивающих друг друга сил. Через некоторое время совершенно забывший обо всех возможных опасностях Уилер заметил, что и весь корабль окружен тусклым световым нимбом, накалявшимся в тех местах, куда вгрызалось неведомое оружие крепости.

Чуть позже он обнаружил среди звезд еще два корабля, в таких же сверкающих нимбах. Картина сражения начала проясняться: каждая из сторон опробовала свое оружие и свою броню, и только теперь они начинают меряться силами всерьез.

Словно завороженные, смотрели Джеймисон с Уилером на мечущиеся в небе огненные шары. Они понимали, что видят нечто несравненно более важное, чем любое ору-

жие,— новый даже не двигатель, а способ передвижения, способ, который сделает ионную ракету музейным экспонатом вроде паровой машины. Корабли Федерации были способны зависать абсолютно неподвижно, а затем двигаться в любую сторону с огромным ускорением. Далеко уступая крепости по огневой мощи, они могли сражаться с ней только благодаря своей маневренности и скорости. Беззвучная, как в немом кино, битва достигла апогея. Крепость окуталась облаками светящегося раскаленного пара — вся ярость бессильного пробить ее экран оружия обрушивалась на беззащитные камни Моря Дождей, превращала их в раскаленную лаву, точно такую же, какой они были миллионы лет тому назад. Было невозможно понять, какая из сторон наносит своему противнику больший ущерб. Время от времени какой-нибудь экран ярко вспыхивал; когда это случалось с одним из кораблей, тот с невероятным ускорением уходил в сторону, после чего фокусирующим устройствам крепости требовалось несколько секунд, чтобы снова нащупать цель.

Странное обстоятельство: сражение велось на совсем короткой дистанции; по большей части противников разделяли немногие десятки километров; для смерти, несущейся со скоростью света, а точнее, для смерти, которую несет свет, такие расстояния — чистая ерунда.

Почему космическая битва шла почти врукопашную, астрономы сообразили только потом, когда все уже закончилось. Любое радиационное оружие связано серьезным ограничивающим фактором — законом обратных квадратов. Это не снаряды, в равной степени эффективные на любом расстоянии; если в тебя попала атомная бомба, не имеет никакого значения, пролетела она перед этим десять километров или десять тысяч.

Но удвой расстояние до оружия, поражающего радиацией, и его эффективность уменьшится в четыре раза из-за рассеяния луча. Поэтому мало удивительного, что командир федеральной эскадры подходил к противнику почти вплотную,— только опасность мешала ему подойти еще ближе.

Не имея возможности увернуться, крепость принимала на себя каждый наносимый кораблями удар. Уже после нескольких минут сражения глядеть на юг незащищенными глазами стало невозможно. Снова и снова взмывали к небу облака испарившегося камня, взмывали, чтобы тут же раскаленной, сверкающей росой упасть на землю. Прошло еще какое-то время, и Уилер, продолжавший манипулировать своим неуклюжим перископом, увидел сквозь плотный светофильтр скафандра зрелище совсем уж невероятное. Вокруг основания крепости медленно расплывалось кольцо лавы; словно сделанные из воска, плавились в нем не только мелкие неровности грунта, но даже отдельные холмы.

Он содрогнулся, еще острее ощутив ужасающую мощь невидимых, нематериальных мечей, скрестившихся в немногих километрах от жалкого окопчика астрономов. Случайное отражение бесконечно малой части этих энергий — и они исчезли бы так же быстро и бесследно, как мошка в пламени кислородной горелки.

Три корабля выписывали в небе узоры какой-то сложной тактической схемы, предназначенной, по всей видимости, для того, чтобы подвергать крепость максимальной бомбардировке, уменьшая при этом ее возможность отвечать ударом на удар. Иногда какой-нибудь из кораблей проходил прямо над головой, и тогда Уилер забивался в спасительную трещину поплотнее, опасаясь случайных «зайчиков» отраженной энергетическим щитом радиации. Джеймисон, оставивший уже безуспешные попытки убедить своего коллегу не высовываться без нужды, выбрал себе место чуть поодаль — в той же трещине, но на большей глубине и с солидным каменным карнизом над головой. Малость расстояния позволяла поддерживать радиосвязь, и Уилер вел для товарища непрерывный репортаж о том, что происходило на поверхности — и над ней.

Трудно поверить, но битва продолжалась всего еще каких-то десять минут. Осторожно оглядывая разверзшийся на юге ад, Уилер обратил внимание, что полусфера вроде бы утратила свою симметрию. Сперва он подумал, что отказал один из генераторов защитного поля, но затем пере-

вел взгляд на озеро раскаленной лавы, достигшее уже километра в поперечнике и, судя по всему, подмывшее фундамент крепости. Вполне возможно, ее защитники даже и не подозревали, что находятся на плаву,— термоизоляция, рассчитанная на защиту от опаляющего жара вражеского оружия, вряд ли обратит внимание на такую ерунду, как расплавленный камень.

Происходила еще одна неожиданная вещь. Оружие, которым сражались противники, утратило свою невидимость — крепость больше не находилась в вакууме. Кипящий вокруг нее камень выделял огромное количество газов; в раскаленном этом мареве несущие смерть лучи различались совершенно четко, как прожектора в ночном тумане. Вскоре Уилер заметил, что с неба непрерывным дождем сыплются крохотные пылинки; после секундного недоумения он сообразил, что это сконденсировавшийся каменный пар. Каменные снежинки — или градинки? — были недостаточно тяжелыми, чтобы представлять собой какую-либо опасность, а потому вряд ли стоило говорить о них Джеймисону — ну зачем зря беспокоить товарища? Скафандр — вполне достаточная защита, во всяком случае до тех пор, пока пыль валится не слишком густо. Да и вряд ли она такая уж горячая — вон с какой высоты падает.

При всей своей разреженности и недолговечности атмосфера, окутавшая купол, производила еще один неожиданный эффект. Между землей и небом периодически пробегали извилистые дорожки молний — вырывались на свободу огромные электрические заряды, скопившиеся вокруг осажденной крепости. В другой обстановке некоторые из этих вспышек могли бы произвести большое впечатление, но сейчас, на фоне раскаленных облаков, которые их и порождали, они были едва заметны.

При всей своей привычности к вечному молчанию Луны, Уилер не мог отделаться от ощущения некоторой нереальности разворачивающегося перед его глазами зрелища — смертельная схватка двух огромных, умом непостижимых сил происходила в полной тишине. Время от времени кам-

ни под ногами слегка вздрагивали, но по большей части все это походило на телевизор с выключенным звуком.

Уже через несколько часов молодой астроном схватится за голову — это же надо быть таким идиотом, подвергать себя такому огромному — и ненужному! — риску. Но сейчас никакого страха не было — только любопытство и острое возбуждение. Сам того не подозревая, он был пленен мрачным, смертоносным великолепием войны. В характере почти каждого мужчины присутствует некая фатальная черта, заставляющая сердце его сжиматься и ускорять свой бег при виде развевающихся знамен, при звуках древней, как мир, барабанной дроби. И никакому рассудку с этим не совладать.

Странным образом Уилер не болел ни за одного из противников. Виной тому было крайнее переутомление или еще что, но он воспринимал происходящее как грандиозный спектакль, устроенный сугубо для его личного удовольствия, и смотрел на Джеймисона, в жалкой заботе о собственной безопасности проворонившего столь роскошное зрелище, с чем-то вроде презрения.

Скорее всего, только что избежавший огромной опасности Уилер находился в экзальтированном состоянии, когда сама мысль о какой-то там опасности кажется абсурдной; словно пьяному, ему было море по колено. Он же сумел выкарабкаться из пылевого озера, а значит, наглядно продемонстрировал полную свою неуязвимость.

У Джеймисона не было подобного утешения; он почти не видел битву, однако ощущал ее ужас и величие гораздо глубже, чем неотрывно смотревший в привязанное к палке зеркало товарищ. Жалеть, конечно же, было поздно, однако ему снова и снова приходилось сражаться с собственной совестью. Он проклинал судьбу, поставившую его перед выбором, в значительной степени определившим будущее миров. Точно так же он проклинал Землю и Федерацию, своим ослиным упрямством загнавших себя в такое положение. И главная, самая мучительная мысль — так что же теперь будет с человечеством? Куда оно идет?

Уилер не знал — и никогда уже не узнает,— почему крепость так долго не пользовалась главным своим оружием.

Возможно, Стеффансон — или кто уж там сидел главным — ждал, когда же нападающие немного ослабят напор, чтобы в этот момент отключить защитный экран — совсем ненадолго, на какую-то миллисекунду, необходимую для решающего удара.

Неуклюжий самодельный перископ не помешал увидеть, как оно взметнулось в небо — раскаленное копье, словно пытающееся пронзить звезды. Сразу припомнились ходившие по Обсерватории слухи — так, значит, вот что тогда видели, вот что сверкало над горизонтом. Непонятное оружие диким, грубейшим образом нарушало законы оптики, но думать об этом некогда — Уилер смотрел на космический корабль, убитый чуть не прямо у него над головой. Крепость пронзила «Лету» насквозь с такой же легкостью, как энтомолог протыкает бабочку булавкой.

Вряд ли нашелся бы человек — вне зависимости от его политических пристрастий,— способный без боли смотреть, как экраны огромного корабля мгновенно померкли, оставив его беззащитным и беспомощным. И тут же вступило в действие остальное оружие крепости, оно рвало «Лету» на куски, слой за слоем прожигало ее броню. Даже под этими безжалостными ударами корабль сохранил нечто вроде достоинства — он не перевернулся, а только начал медленно, словно нехотя, опускаться к поверхности Луны. Неизвестно, что прервало его падение, скорее всего, какое-нибудь короткое замыкание в управляющих цепях, ведь нет никаких сомнений, что команда корабля к этому моменту уже погибла. Во всяком случае, «Лета» вздрогнула и по плавной снижающейся траектории ушла на восток. Большая часть ее обшивки успела сгореть, обнажив ребра шпангоутов. Развязка наступила через несколько минут, когда корабль перевалил через Тенерифские горы и исчез из виду. Над горизонтом встало, чтобы тут же снова погаснуть, призрачно-голубое сияние; Уилер начал ждать толчка.

И тут, по-прежнему глядя на восток, он заметил вдали сплошную линию вздымающейся пыли; словно гонимая мощным ветром, она надвигалась прямо на него. Проносясь сквозь скальный грунт, ударная волна швыряла лежащую

на поверхности пыль в небо. Быстрое, неотвратимое приближение серой стены, несущейся со скоростью нескольких километров в секунду, могло бы вселить полный ужас в сердце любого наблюдателя, не понимающего ее природы. Но никакой опасности не было и в помине; пылевая завеса, снизившая видимость до нуля, через несколько секунд осела, а прокатившийся под ногами фронт ударной волны был похож на слабенькое, еле заметное лунотрясение.

Когда Уилер снова взглянул в небо, он едва различил там уцелевшие корабли, они ушли далеко в зенит, превратились в крошечные клубки огня. Но не успел он подумать, что федералы отступили, как эти клубки стали быстро увеличиваться — корабли шли в атаку, пикировали прямо вниз с колоссальным ускорением. Огненные жала лучей впивались в окружающее купол озеро; навстречу им, словно щупальца бьющегося в агонии чудовища, вздымались столбы раскаленной лавы.

«Ахерон» и «Эридан» вышли из пике примерно в километре над крепостью; на какое-то мгновение они зависли совершенно неподвижно и опять рванулись в небо. Но «Эридан» получил уже смертельную рану, хотя внешне это выражалось только в том, что один из огненных клубков уменьшался в размерах значительно медленнее другого, потом застыл — и начал снова увеличиваться. С беспомощной жалостью и одновременно с лихорадочным возбуждением Уилер следил, как падает подбитый корабль. Интересно, воспользуется ли крепость своим загадочным оружием, или они там решили, что в этом больше нет необходимости?

Километрах в десяти над поверхностью Луны экраны «Эридана» словно взорвались, и он остался совершенно беззащитным — черная тупоносая сигара, почти неразличимая в черном же небе. И сразу же эту черноту начали кромсать направленные крепостью лучи; огромный корабль сделался сперва вишнево-красным, а затем раскалился добела. Он клюнул носом и пошел в последнее свое пике, направляясь, как на мгновение показалось Уилеру, прямо к трещине, в которой прятались они с Джеймисоном. Но все оказалось

иначе — исполняя последнюю волю своего капитана, «Эридан» падал на купол «Проекта Тор».

Прицел оказался почти точным. Умирающий корабль врезался в озеро лавы и мгновенно взорвался, накрыв всю крепость огромной, быстро расширяющейся полусферой пламени. А вот это, подумал Уилер, уж точно конец. Он снова увидел бегущую по равнине — теперь на север — серую стену и приготовился к приходу ударной волны. Мощный толчок, пришедший вместе с облаком пыли, сбил астронома с ног; вряд ли можно было надеяться, что кто-нибудь из защитников крепости остался в живых. Уилер отложил зеркало, давшее ему возможность проследить за ходом сражения, и осторожно выглянул из трещины. Он не знал, что заключительный аккорд еще впереди.

Невероятно, но купол, хотя и лишившийся большого куска своей оболочки, все еще стоял на прежнем месте. Но теперь это была слепая, безжизненная груда металла — защитный экран исчез, оружие бездействует, гарнизон, вне всякого сомнения, погиб. Ну что ж, задачу свою они выполнили.

Последний корабль Федерации исчез из виду; с вышедшим из строя оружием, на полуживых двигателях он пытался вернуться домой, на Марс. Первое сражение оказалось для «Ахерона» и последним, его часы сочтены, однако и в эти последние часы ему предстоит еще сыграть некую роль.

— Все, Сид, конец! — крикнул Уилер.— Вылезай и посмотри, теперь уже можно.

Появившийся — метрах в пятидесяти поодаль — из трещины Джеймисон держал перед собой дозиметр.

— Светит тут, как не знаю что,— сообщил он скорее самому себе, чем товарищу.— Уходить отсюда надо. И чем скорее, тем лучше.

— А может,— начал Уилер,— залезем снова в «Фердинанд» и свяжемся по радио...— Он не закончил фразу. С куполом снова что-то происходило.

Казалось, Море Дождей вспомнило свою бурную молодость; яростный, словно извержение проснувшегося вулкана, взрыв вспорол его равнину, на месте в клочья разле-

тевшейся крепости встал чудовищный гейзер, окутанный грозовой тучей пара и брызг, швырявший обломки скал на многокилометровую высоту. Словно невероятное, пытающееся достать до небес дерево, проросшее на бесплодной почве Луны, он тянулся все выше и выше, но затем на мгновение замер и рассыпался, превратился в темное облако, тут же проглоченное пустотой, быстро и без следа.

Тысячи тонн тяжелой жидкости, распиравшей стенки самой глубокой когда-либо пробуренной человеком скважины, дошли до точки кипения, разогретые энергией сражения, просочившейся наконец сквозь скалы. Скважина фонтанировала — как это делают иногда нефтяные скважины на Земле,— попутно доказав, что даже и без помощи атомной энергии можно организовать вполне пристойный взрыв.

ГЛАВА 18

Обсерватория восприняла прошедшую битву как серию слабых отдаленных сейсмических толчков, как еле заметные вибрации грунта, потревожившие покой наиболее тонких и чувствительных приборов, но не причинившие никому и ничему ровно никакого материального ущерба. Психологический же ущерб — дело особое. Знать, что в этот самый момент, и совсем неподалеку, происходят грандиозные, решающие судьбу мира события, и оставаться в полном неведении относительно их исхода — трудно представить себе более угнетающую ситуацию. По Обсерватории гуляли дичайшие слухи, сотрудники осаждали центр связи, но информации не было даже там. Земля перестала передавать выпуски новостей, человечество затаило дыхание, ожидая, когда же стихнет грохот битвы и определится ее победитель. Мало кому приходило в голову, что победителя не будет.

Как только сейсмографы успокоились, а по радио объявили, что вооруженные силы Федерации отступили, Маклорин разрешил всем желающим выходить на поверхность. Сообщения первых добровольцев оказались успокаивающими, атмосфера напряженного ожидания, царившая по-

следние часы в Обсерватории, заметно разрядилась. Радиоактивность грунта немного возросла, но никаких разрушений не наблюдалось. Не вызывало сомнений, что по другую сторону гор обстановка совсем иная.

Известие, что Уилер с Джеймисоном целы и невредимы, вызвало всеобщий вздох облегчения. Частичное нарушение связи заставило их убить на попытки связаться с Землей, а через нее — с Обсерваторией чуть не целый час; эта задержка довела астрономов, не знавших, цела ли Обсерватория, до ярости и отчаяния. Прежде чем возвращаться домой пешком, нужно было выяснить, а есть ли куда возвращаться. «Фердинанд» же стал настолько радиоактивным, что не мог больше служить убежищем.

В тот момент, когда телефонная линия Море Дождей — Земля — Обсерватория была наконец налажена, Садлер находился в центре связи, пытался разобраться в событиях. Судя по голосу, Джеймисон валился с ног от усталости; он дал краткое описание битвы и спросил, что им делать дальше.

— Каков уровень радиации в кабине? — спросил Маклорин.

Джеймисон продиктовал числа; Садлеру все еще казалось диким, что с людьми, до которых какая-то сотня километров, приходится разговаривать через Землю, и он не мог привыкнуть к шестисекундной (четыре дистанции Земля — Луна) задержке.

— Я поручу медикам прикинуть, насколько это опасно,— сказал Маклорин.— Так вы говорите, на открытом месте раза в четыре меньше?

— Да. Мы залезали сюда только раз в десять минут, чтобы попробовать связаться с вами, а так все время сидим снаружи.

— Сделаем, пожалуй, так. Мы сейчас же посылаем за вами трактор, а вы идите навстречу. Может быть, назначите какую-нибудь точку встречи?

Джеймисон секунду подумал.

— Скажите водителю, чтобы держал на пятикилометровую отметку по эту сторону перевала — мы доберемся туда приблизительно тогда же, когда и он. И мы не будем вы-

ключать рации скафандров, так что никак уж не разминемся.

Садлер осторожно поинтересовался, не найдется ли в спасательном тракторе места для пассажира, он хотел расспросить Уилера и Джеймисона прямо на обратном пути, иначе такая возможность представилась бы не скоро. Астрономы и сами еще не знали, что сразу же по возвращении в Обсерваторию лягут в лазарет лечиться от лучевой болезни. Хотя состояние их здоровья и не вызывало особых опасений, Садлер не сомневался, что врачи по всегдашней своей привычке ограничат доступ посетителей.

Маклорин не возражал.

— Но в таком случае,— добавил он,— вам придется сказать им, кто вы такой. А через десять минут об этом будет знать вся Обсерватория.

— Понимаю,— кивнул Садлер.— Теперь это не имеет никакого значения.

А возможно, добавил он про себя, и никогда не имело.

Получасом позже агент Планетарной разведки на собственной своей шкуре познавал разницу между быстрым, плавным бегом монорельса и тракторной болтанкой. Постепенно он привык к головокружительным подъемам, которые с легким сердцем брал водитель, и перестал раскаиваться, что по собственной своей воле напросился в эту поездку. Кроме него и двоих водителей в тракторе находился и главный врач Обсерватории, желавший как можно скорее взять у пострадавших кровь на анализ и сделать им уколы.

Завершение экспедиции было лишено какой-либо драматичности; взобравшись на перевал, спасатели сразу же связались с идущими навстречу астрономами. Через пятнадцать минут на горизонте показались крошечные фигурки; вся церемония встречи ограничилась крепкими до боли рукопожатиями.

Был организован небольшой привал, чтобы дать врачу возможность спокойно заняться своими делами.

— Следующую неделю вы проведете в постели,— сообщил он Уилеру, изучив результаты анализов,— но в общем, ничего страшного.

— А я? — поинтересовался Джеймисон.

— С вами все в порядке, доза совсем маленькая. Хватит и пары дней.

— Оно того стоило,— с преувеличенной жизнерадостностью сообщил Уилер.— Армагеддон из первого ряда партера — да за такое что хочешь отдать можно.

Но первой, немного истерической реакции на ободряющее сообщение врача хватило ненадолго.

— А что там говорят по радио? — В голосе астронома звучала озабоченность.— Были еще какие-нибудь атаки?

— Нет,— покачал головой Садлер.— Федерация нигде больше не нападала и вряд ли сможет в будущем. Но главной своей цели она достигла — помешала нам использовать эту шахту. Так что дальше все в руках политиков.

— Послушай,— прищурился Джеймисон,— а ты-то что здесь делаешь?

— Все то же самое,— улыбнулся Садлер.— Расследую ваши обсерваторские дела. Только, как бы это сказать, в более широком плане, чем это считалось.

— А ты, случаем, не радиорепортер? — с подозрением спросил Уилер.

— Ну... не совсем. Я бы предпочел...

— Понимаю,— перебил его Джеймисон.— Ты имеешь какое-то отношение к органам безопасности. Ну, тогда все в порядке.

Понимаешь, раздраженно покосился на него Садлер, ну и понимай себе потихоньку, а вслух орать нечего. Ну что у этого парня за способность ставить людей в неприятное положение?!

— Это не имеет значения,— сказал он вслух.— Но мне нужно составить подробный доклад обо всем, что там происходило. Ведь вы единственные живые свидетели, если не считать команды третьего корабля Федерации.

— Чего и следовало ожидать,— кивнул Джеймисон.— Так значит, «Проект Тор» уничтожен вчистую?

— Да, но и он выполнил свою задачу.

— Задача задачей, а вот они все погибли, и Стеффансон, и остальные. Если бы не я, он бы, возможно, остался в живых.

— Профессор Стеффансон знал, на что идет,— сухо бросил Садлер,— и сам сделал свой выбор, никто его не принуждал.

(Да, не очень-то удобный получится из этого упрямого астронома герой.)

Следующие тридцать минут, пока возвращающийся домой трактор перебирался через горы, он расспрашивал Уилера. Издалека, с одной точки зрения и без всяких приборов молодой астроном видел совсем не много, однако когда сидящие где-то там на Земле штабные генералы будут ставить свой посмертный диагноз, даже эта ограниченная информация окажется бесценной.

— А вот чего я совсем не понимаю,— заключил Уилер,— так это того оружия, которым крепость уничтожила первый корабль. Похоже на какой-то луч, но это же невозможно. Лучей, видимых в вакууме, не бывает. И почему его использовали только один раз? А вот ты — ты что-нибудь об этом знаешь?

— Боюсь, что нет,— с невиннейшим видом соврал Садлер.

Как раз это оружие — в отличие от остального оснащения крепости — он представлял себе очень хорошо. Струя расплавленного металла, брошенная в пространство самыми мощными из когда-либо построенных электромагнитов и летящая со скоростью сотен километров в секунду,— ее и вправду легко принять за мгновенный проблеск светового луча. И он знал, что это оружие ближнего боя, способное пробивать защитные поля, отражающие любой метательный снаряд. Применимо оно только при идеальных условиях, а для перезарядки гигантских конденсаторов, питающих магниты, требуется много минут.

Но пускай ребята разберутся сами; вряд ли у них уйдет на это слишком много времени — раскинут мозгами, и все станет ясно.

Трактор осторожно сползал с крутого склона, на горизонте уже показались решетчатые фермы телескопов. Совсем, подумал Садлер, как две фабричные трубы, одетые в леса. Несмотря на всю краткость своего пребывания на Луне, он успел проникнуться к этим огромным приборам

нежностью, они стали для него — как и для любого сотрудника Обсерватории — личностями. И он вполне понимал, почему так тревожатся астрономы за свои исполинские глаза, заглядывающие в самые глубины пространства, на расстояния в сотни миллиардов световых лет.

Высокий, отвесный обрыв загородил Солнце, и все вокруг погрузилось во тьму. В небе начали вспыхивать звезды — зрение Садлера автоматически адаптировалось к перемене освещенности. Он взглянул на север, краем глаза заметив, что и Уилер сделал то же самое.

Nova Draconis все еще оставалась ярчайшей звездой небосклона, однако быстро тускнела. Через несколько дней она будет примерно как Сириус, через несколько месяцев ее не различишь невооруженным глазом. Все это имело какой-то скрытый смысл, какое-то символическое значение, недоступное разуму, но наполовину угадываемое фантазией, интуицией. Наука узнает от Nova Draconis очень много, но чему научит эта звезда обычных, живущих своей повседневной жизнью людей?

Только вот этому, подумал Садлер. В небесах могут сверкать какие угодно знамения, Галактика может возжигать маячные огни взрывающихся звезд, а человек, как и прежде, будет заниматься своими делами — с полным безразличием ко всем космическим фейерверкам. У него и с планетами-то дел хватает по горло, так что звезды подождут. Все их выходки не преисполняют человека каким-то чрезмерным благоговением — всему свое время, когда-нибудь он разберется и с этим небесными светильниками.

На последнем, равнинном участке обратного пути ни спасатели, ни спасенные почти не разговаривали. Руки Уилера мелко дрожали — наступила запоздалая реакция на пережитое. Джеймисон просто сидел и смотрел на приближающуюся Обсерваторию, словно видел ее впервые. Когда трактор пересекал длинную тень десятиметрового телескопа, он повернулся к Садлеру и спросил:

— А как они там, все успели убрать?

— Вроде бы все,— откликнулся Садлер.— Я не слышал ни о каких повреждениях.

Джеймисон рассеянно кивнул, не проявляя ни особого облегчения, ни радости. Потрясающие события сегодняшнего дня просто не оставили в нем места для новых эмоций.

Как только трактор остановился в подземном гараже, Садлер распрощался со спутниками и бросился в свою клетушку составлять донесение. Собственно говоря, это выходило за рамки задания, но ведь как приятно сделать наконец хоть что-нибудь по-настоящему полезное.

Его охватило огромное спокойствие — чувство, словно страшная гроза прошла стороной, растратила всю свою яростную мощь и никогда больше не вернется. Сейчас, по завершении битвы, полностью исчезла депрессия, мучившая Садлера последние дни. Ему казалось, что и Земля, и Федерация должны были испытать одинаковое потрясение; узрев воочию, на что способны развязанные ими силы, они должны в равной степени стремиться к миру. Он даже рискнул задуматься о будущем — впервые после отъезда с Земли. Всякое, конечно, бывает, но опасность атаки на Землю казалась теперь практически нулевой. Жанетте ничто не угрожает, и скоро он снова с ней увидится. И сможет наконец рассказать, где он был все это время и чем занимался,— ну какие там могут быть тайны после того, что произошло?

И все равно Садлер испытывал острую, грызущую неудовлетворенность. Он ненавидел бросать какую-нибудь работу на полпути — и вот, судя по всему, этой его миссии суждено остаться незавершенной. Так был, в конце концов, шпион среди сотрудников Обсерватории или нет?

ГЛАВА 19

К тому моменту, когда началась — чтобы тут же и завершиться — война, лайнер «Пегас» (шестьдесят человек экипажа, триста пассажиров) удалился от Земли всего на четыре суточных перехода. Маловразумительные сводки, передаваемые Землей и Федерацией, ничего не проясняли, а только усиливали вспыхнувшую на борту панику. Капитан Холстед принял решительные меры: пассажиров, опасавшихся

попасть на Марсе в лагерь для военнопленных, а потому требовавших немедленного возвращения, пришлось временно изолировать. Положа руку на сердце, их было трудно винить; сквозь иллюминаторы ясно виднелся прекрасный серебряный полумесяц все еще близкой Земли, сопровождаемый вторым, меньшим по размеру и более тусклым. Даже отсюда, с расстояния в миллион километров, ослепительное пламя только что отгремевшей на Луне битвы различалось с полной, пугающей отчетливостью, что также мало способствовало укреплению морального духа.

К сожалению, законы небесной механики непреложны, вынесенный ими приговор не подлежит ни обжалованию, ни пересмотру. Да, «Пегас» едва еще отошел от Земли и находился во многих неделях пути от намеченной цели, однако он достиг уже орбитальной скорости и летел, подобно брошенному камню, управляемый всесильным тяготением Солнца, по тропе, неизбежно ведущей к Марсу. О повороте назад не могло быть и речи, такой маневр потребовал бы совершенно нереального количества отбрасываемой массы. В баках «Пегаса» оставалось вполне достаточно пыли, чтобы в конце пути уравнять его скорость со скоростью Марса, а также для не очень значительных коррекций траектории — но никак не более того. Энергии, которую могли произвести его реакторы, хватило бы и на десяток полетов, но на одной энергии, без отбрасываемой массы, много не полетаешь. Волей-неволей «Пегас» мчался к Марсу; при всей кажущейся свободе космического пространства он мог отклониться от своего пути ничуть не больше, чем следующий точно по расписанию железнодорожный поезд. Капитан Холстед не ожидал от этого рейса ничего хорошего.

Долетевший по радио призыв МЭЙДЭЙ! МЭЙДЭЙ!* сразу же отодвинул все прочие заботы на второй план. Триста уже лет звучит это слово на море, в воздухе и в космосе; повинуясь ему, поднимаются по тревоге спасательные отря-

* Международный радиотелефонный сигнал бедствия (в отличие от радиотелеграфного сигнала SOS). Происходит от искаженного французского m'aidez (помогите мне).

ды, капитаны меняют курс и спешат на помощь своим терпящим бедствие товарищам. Но как же мало может сделать командир космического корабля; за всю историю астронавтики было всего лишь три случая успешных спасательных операций в космосе.

Это связано с двумя основными причинами, хотя пассажирские компании предпочитают говорить только об одной. Серьезные неприятности в открытом космосе — большая редкость, почти все несчастные случаи происходят при взлете или посадке. Выйдя в космос и встав на орбиту, которая без всяких усилий доведет его до цели, корабль оказывается в полной безопасности от всех бед за исключением внутренних механических неполадок. Неполадки эти происходят сплошь да рядом, чаще всего они весьма тривиальны, а потому устраняются быстро и без излишнего шума — ну зачем же попусту тревожить пассажиров? В соответствии с законом, все космические корабли состоят из нескольких независимых отсеков; в случае необходимости любой из них может стать убежищем. Худшее, что грозит пассажирам,— это провести в тесноте и без особых удобств несколько часов, пока разъяренный капитан тяжело дышит своему главному механику в затылок.

Вторая причина, почему космические спасательные операции столь редки, состоит в том, что они почти неосуществимы. Космический корабль перемещается с огромной скоростью по точной, заранее рассчитанной, не позволяющей больших изменений орбите — факт, который начал понемногу доходить до пассажиров «Пегаса». Более того, постоянно меняющаяся расстановка планет делает эти орбиты уникальными, ни один корабль не повторяет пути другого. В космосе нет «судоходных линий», случайное сближение двух кораблей до миллиона километров — редкость необычайная. Но даже если такое и происходит, о непосредственном контакте обычно нет и речи, мешает разность скоростей.

Взяв из рук связиста радиограмму, капитан Холстед сразу же обратил внимание на координаты и курс терпящего крушение судна. Так, скорость с перепугу наврали, столько

не бывает. И сделать тут, конечно же, нельзя ничего — расстояние такое, что и за неделю не доберешься.

Теперь название... Холстед всегда считал, что знает каждый корабль Солнечной системы, но тут было что-то новенькое. В полном изумлении он перечитал радиограмму — и вдруг понял, кто именно взывает к нему о помощи.

Когда люди терпят бедствие — хоть на море, хоть в космосе,— враждебность к ним исчезает. Капитан Холстед наклонился к своему пульту и скомандовал:

— Связь! Дайте мне их капитана.

— Он на связи, сэр. Можете говорить.

Капитан Холстед неловко откашлялся. Ситуация незнакомая и не из приятных. Он должен был сообщить врагу, что ничем не сможет ему помочь, и не испытывал от этого ни малейшей радости.

— Говорит «Пегас», капитан Холстед. Вы находитесь слишком далеко для прямого контакта. Наш оперативный резерв меньше десяти километров в секунду. Невозможность очевидна, нет даже смысла проводить расчеты. У вас есть какие-нибудь предложения? Подтвердите, пожалуйста, свою скорость — там какая-то ошибка.

Четырехсекундная пауза, и в обычной-то обстановке способная довести до белого каления. А затем — ответ, неожиданный и ошеломляющий:

— Коммодор Бреннан, федеральный крейсер «Ахерон». Подтверждаю полученную вами скорость. Мы можем сблизиться с вами через два часа, все коррекции курса осуществим сами. Мы на ходу, однако должны покинуть корабль не позже чем через три часа. Мы лишились радиационной защиты, главный реактор нестабилен. Управляем им вручную, продержимся до момента сближения и приблизительно час еще. Дальше нет никаких гарантий.

Капитана Холстеда бросило в холодный пот. Он не понимал, как реактор может стать нестабильным, но зато прекрасно представлял себе, чем такие вещи кончаются. Да и вообще, непонятного здесь больше, чем понятного,— вот, скажем, откуда у «Ахерона» такая скорость? — но все это

может подождать; Бреннан должен узнать самое главное обстоятельство.

— «Пегас» — «Ахерону». У меня на борту триста пассажиров. Если имеется опасность взрыва, я не могу рисковать своим кораблем.

— Опасности нет, я это гарантирую. Мы сможем дать пятиминутное предупреждение, за это время вы успеете отойти.

— Согласен. Я прикажу приготовить шлюзы, вам перекинут конец.

Долгота этой паузы явно не была связана с медлительностью радиоволн.

— Вот тут-то как раз и главная наша трудность,— произнес наконец Бреннан.— Мы находимся в переднем отсеке. Здесь нет внешних шлюзов, а у нас всего пять скафандров. На сто двадцать человек.

Капитан Холстед присвистнул и, прежде чем ответить, повернулся к стоявшему рядом штурману.

— И ведь мы не сможем здесь помочь,— сказал он.— Чтобы выбраться, им придется проломить обшивку, а тогда всем конец — кроме пятерых, которые будут в скафандрах. Свои скафандры мы передать не можем, без разгерметизации этого не сделаешь.

Он снова включил микрофон.

— «Пегас» — «Ахерону». Чем мы могли бы вам помочь?

Дикое это ощущение, когда говоришь с обреченным человеком, фактически — уже мертвецом. В космосе традиции те же самые, что и на море, и выполняются они столь же неукоснительно. Пять человек покинут борт «Ахерона» живыми, но капитана среди них не будет.

Холстед не знал, что коммодор Бреннан совсем не считает себя мертвецом, что он отнюдь не расстался еще с надеждой, каким бы отчаянным ни казалось положение. План спасения придумал главный корабельный врач, он же и объяснял теперь свою идею команде.

— Вот что нам придется сделать,— говорил невысокий смуглый человек, в недавнем прошлом один из лучших хирургов Венеры.— До шлюзов нам не добраться, со всех

сторон вакуум, а у нас только пять скафандров. Эту посудину строили не для перевозки пассажиров, а для драки; очень похоже, что у ее конструкторов голова болела о чем угодно, кроме стандартных норм и правил космоплавания. Как бы там ни было, положение у нас веселенькое, и нужно из него выпутываться.

Через пару часов мы подойдем к «Пегасу». К счастью для нас, это судно оборудовано большими грузовыми и пассажирскими шлюзами, в каждый из них можно поместить от тридцати до сорока человек, если они ужмутся поплотнее и будут без скафандров. Не шумите, я прекрасно понимаю, что перспективка не из приятных, но это отнюдь не самоубийство. Вы окунетесь в вакуум и вынырнете из него целенькими. Удовольствие, мягко говоря, среднее, но зато вам будет чем хвастаться до конца жизни.

Слушайте теперь внимательно. Первым делом я докажу вам, что вы можете прожить пять минут, не дыша, более того — вам даже не захочется вдохнуть. Трюк предельно простой, многие уже столетия входящий в арсенал йогов и разных колдунов, причем никакой мистики в нем нет, все основано на самой тривиальной физиологии.

Прежде чем продолжить, врач достал из кармана секундомер.

— Когда я скомандую: «Начали!» — каждый из вас сделает полный выдох — выдавит из легких весь воздух, до последнего кубика,— а затем посмотрим, сколько вы сможете выдержать. Только не старайтесь из последних сил, станет трудно — сразу начинайте дышать. Чтобы вы знали свой результат, я буду отсчитывать секунды вслух, начиная с пятнадцатой. Тем, кто не выдержит и четверть минуты, я бы рекомендовал сразу же подавать рапорт об отставке.

Смех заметно разрядил всеобщее напряжение (на что, собственно, и была рассчитана последняя фраза). Врач поднял руку, крикнул: «Начали!» — и резко ее опустил; последовал громкий всеобщий выдох, а затем — полная тишина.

— Пятнадцать.

Те, кто еле-еле справился даже с минимальным нормативом, судорожно перевели дыхание. Счет продолжался

до шестидесяти, под аккомпанемент шумных, взрывоподобных вздохов — члены экипажа один за другим прекращали сопротивление. Но даже и по завершении минуты осталось несколько упрямцев.

— Достаточно,— объявил врач.— А вы, герои, прекращайте — вы мне весь эксперимент портите.

И снова по переполненному отсеку пробежали смешки — впавшие было в отчаяние люди заметно приободрились. Все еще ничего не понимая, они поверили, что есть некий план, дающий надежду на спасение.

— Теперь посмотрим, как у нас все это получилось,— продолжил знаменитый венерианский хирург.— Сперва поднимите руки те, кто продержался от пятнадцати до двадцати секунд... Теперь от двадцати до двадцати пяти... Теперь от двадцати пяти до тридцати. А у тебя-то, Джонс, совесть какая-нибудь есть? Ты же на пятнадцати сломался! Теперь от тридцати до тридцати пяти...

По окончании переклички выяснилось, что примерно половине команды «Ахерона» удалось задержать дыхание на тридцать и более секунд.

— Примерно то, чего я и ожидал,— кивнул врач.— Можете рассматривать этот эксперимент как контрольный, а теперь займемся делом. На всякий случай напомню вам, что мы тут дышим чистым кислородом под давлением в триста миллиметров. Поэтому, хотя давление на корабле составляет меньше половины нормального, ваши легкие получают в два раза больше кислорода, чем на Земле,— о Марсе и Венере я уж и не говорю. Если кто-нибудь из вас пытался, несмотря на запреты, покурить в гальюне, он должен был заметить, что сигареты хватает буквально на несколько секунд — такая мощная здесь атмосфера. И я это не просто так языком чешу — понимая происходящее, вы будете чувствовать себя более уверенно. Сейчас все вы промоете себе легкие и до предела насытите свои организмы кислородом. Делается это при помощи гипервентиляции — то есть, говоря нормальным языком, глубокого, интенсивного дыхания. По моему сигналу каждый из вас начнет вдыхать глубоко, как только возможно, а затем выдыхать полно-

стью, и вы будете продолжать это занятие, пока я не прикажу остановиться. Для первого раза хватит и минуты — кое-кто почувствует к концу легкое головокружение, но вы не бойтесь, это пройдет. С каждым вдохом забирайте в себя как можно больше воздуха, расширяйте грудную клетку до предела, поднимайте руки, это тоже поможет. Через минуту я дам команду выдохнуть, вы перестанете дышать, а я снова начну отсчитывать секунды. Обещаю вам большую неожиданность. Поехали!

Следующую минуту переполненные отсеки «Ахерона» являли собой фантастическое зрелище. Сто с лишним членов его экипажа вразнобой вскидывали и опускали руки; широко раскрытые рты хватали воздух с такой жадностью, словно каждый глоток был последним. Кое-кто из людей хотел бы дышать еще глубже, но не мог — мешала теснота; буквально всем им приходилось за что-нибудь цепляться, чтобы не взмыть от резких движений под потолок.

— Хватит! — крикнул врач.— Кончайте дышать — полный выдох. Теперь посмотрим, сколько вы выдержите. Я снова буду считать, но на этот раз — только с тридцатой секунды.

Результат оказался ошеломляющим. Нашелся, правда, человек, немного не дотянувший до минуты, но большинство остальных выдержали почти две, причем без особого напряжения. Более того, чтобы вдохнуть раньше этого времени, нужно было сделать над собой усилие. Кое-кто чувствовал себя вполне хорошо и через три, даже четыре минуты, а последний прекратил эксперимент только в начале шестой, да и то по приказанию врача.

— Именно это я и пытаюсь вам доказать. Когда легкие тщательно промыты кислородом, первые минуты попросту не хочется дышать — примерно так же, как не хочется есть после сытного обеда. И тут не требуется никаких мучительных усилий — ведь тебе не приходится удерживать себя от вдоха. Ну а когда на карту будет поставлена жизнь, вы покажете такие результаты, что сами потом ахнете, уж это я вам обещаю.

Мы пришвартуемся к «Пегасу» вплотную; чтобы перебраться на него, потребуется не больше тридцати секунд. Ребята с лайнера нас подстрахуют, если кто потеряет сознание или уйдет в сторону, они отловят его и затолкнут в шлюз; как только все будут внутри, люк закроется. Ну а затем пустят воздух, и вы окажетесь в безопасности, целенькие и невредимые, ну разве что у кого-нибудь носом кровь пойдет.

Врач отчаянно надеялся, что говорит этим людям правду. Игра предстояла смертельно опасная и беспрецедентная, но никакой альтернативы ей не было. Во всяком случае, они получат возможность бороться за свою жизнь и хоть какой-то шанс на успех.

— А теперь,— продолжил он,— вы, вероятно, задумываетесь о броске давления. Трудно отрицать, что декомпрессия — вещь неприятная, но пребывание в вакууме будет слишком кратким, чтобы нанести вам существенный вред. Разгерметизация люков будет производиться в два этапа: сперва мы медленно сбросим давление до одной десятой атмосферы, затем резко откроем их полностью и — вперед. *Полная декомпрессия болезненна, но не опасна.* Выкиньте из своей головы всю эту чушь про людей, взрывающихся в вакууме. Человеческое тело — вещь очень прочная, к тому же последний перепад от одной десятой атмосферы до нуля значительно меньше того, что выдерживали добровольцы при лабораторных экспериментах. Держите рты широко открытыми и не стесняйтесь пускать ветры — там вы ничье обоняние не оскорбите. Кожу будет покалывать, но за прочими делами вы сможете этого и не заметить.

Врач замолк и оглядел свою притихшую, внимательную аудиторию. Реакция отменная, иного трудно было ожидать. Ведь у каждого из здесь присутствующих великолепная подготовка, тут собраны сливки инженеров и техников Федерации.

— А теперь,— продолжил он с улыбкой,— я перейду к самой главной опасности, только вы, пожалуйста, не смейтесь. Это солнечные ожоги. Вы окажетесь под прямым воздействием солнечного ультрафиолета, никакая атмосфера защищать вас не будет. Тридцати секунд такого облучения

более чем достаточно, чтобы покрыться крайне неприятными волдырями, поэтому пересадка будет организована на теневой стороне «Пегаса». Если вы вдруг окажетесь на свету, прикрывайте лицо ладонью. У кого есть перчатки — не забудьте их надеть.

Вот, в общем-то, и все. Сам я пойду с первой группой, чтобы показать вам, насколько это просто. Теперь разбейтесь на четыре группы, и я проведу с каждой из них тренировку.

Бок о бок «Пегас» и «Ахерон» мчались к далекой планете, но лишь одному из двух кораблей суждено было ее достигнуть. Лайнер открыл свои шлюзы; настежь распахнутые люки зияли в каких-то метрах от доживающего последние свои минуты крейсера. Среди многочисленных тросов, натянутых между кораблями, парили одетые в скафандры люди, готовые мгновенно прийти на помощь, если кто-либо из недавних врагов Земли станет терять сознание.

К счастью, три переборки «Ахерона» сохранили герметичность, так что можно было разделить его на независимые отсеки и выпускать команду в космос четырьмя отдельными группами — шлюзы «Пегаса» не вместили бы всех сразу.

Решающие эпизоды спасательной операции капитан Холстед наблюдал с мостика. От корпуса крейсера отделился, чтобы тут же сразу раствориться в пустоте, ватный клуб пара; через несколько секунд в том же месте резко распахнулся аварийный люк (вряд ли его конструкторы предвидели такую аварийную ситуацию). Первую секунду вырвавшееся из отверстия облако не давало ничего видеть, однако Холстед буквально собственной кожей ощущал, каково этим людям сейчас, когда уносящийся в пространство воздух пытается унести их с собой, оторвать от перил.

Когда облако рассеялось, оказалось, что часть первой группы уже выбралась наружу. Одетый в скафандр человек — по всей видимости, командир — держал в руках концы трех тросов, к которым были пристегнуты все остальные. Мгновенно подлетевшие члены команды «Пегаса» выхватили у него два троса и бросились каждый к своему шлюзу.

Холстед с облегчением заметил, что люди с «Ахерона» не только не потеряли сознание, но и стараются по возможности помогать своим спасителям.

Казалось, что прошли столетия, пока последняя из болтающихся на тросах фигур не исчезла в люке «Пегаса». Затем прозвучала команда: «Закрывайте третий!» Через секунду закрылся и первый шлюз, но со вторым вышла какая-то долгая, томительная проволочка. Капитан Холстед не видел, что там происходит, скорее всего, кто-то оставался еще за бортом и задерживал остальных. В конце концов все наружные люки были закрыты. Времени заполнять шлюзы нормальным образом — из баллонов и постепенно — не было; резкий поворот аварийных ручных вентилей — и в них хлынул воздух прямо из корабля.

Коммодор Бреннан и девяносто человек его команды, распределенные по остальным трем герметичным отсекам «Ахерона», ждали. Каждая группа уже связалась в три цепочки по десять человек, командиры не выпускали тросов из рук. Все было спланировано и отрепетировано, оставалось только выяснить, не впустую ли прошли их старания.

И тут динамики корабля ожили.

— «Пегас» — «Ахерону».— Голос капитана Холстеда звучал спокойно, почти буднично.— Все ваши люди вышли из шлюзов. Потерь нет. У нескольких кровотечения. Через пять минут мы будем готовы к приему следующей партии.

И все-таки без потерь не обошлось. При четвертом, последнем переходе один из спасаемых отвязался и ударился в панику; чтобы не подвергать риску три десятка жизней, пришлось закрыть шлюз без него. Случай, конечно же, прискорбный, однако, положа руку на сердце, остальные члены экипажа «Ахерона» слишком радовались собственному спасению, чтобы горевать по погибшему товарищу.

Оставалось последнее. Коммодор Бреннан, единственный теперь человек на борту умирающего крейсера, установил таймер, включающий двигатели, на тридцать секунд. Вполне достаточно: даже в неуклюжем скафандре он успеет выскочить из заранее открытого люка и за половину этого времени, а опасность взрыва возрастала ежесекундно. Ни-

кто, кроме Бреннана и его главного механика, так никогда и не узнал, насколько близко подошли они в этот день к критической черте.

Бреннан щелкнул тумблером и бросился к люку. Едва он успел добраться до «Пегаса», как боевой корабль, бывший недавно гордостью Федерации и все еще заряженный миллионами киловатт-веков энергии, отправился в последний свой путь, бесшумно двинулся в направлении звезд Млечного Пути.

Взрыв был отчетливо виден на всех внутренних планетах Солнечной системы. Последние честолюбивые надежды Федерации и последние страхи Земли разлетелись вдребезги.

ГЛАВА 20

Каждый вечер, когда Солнце медленно уходит за одинокую громаду Пико, тень величественной горы накрывает выкованный из металла обелиск, который будет стоять в Море Дождей миллионы лет, пока существует само это море. На обелиске в алфавитном порядке написано пятьсот двадцать семь фамилий. Никакие знаки не отличают здесь тех, кто погиб за Федерацию, от погибших за Землю — лучшее, пожалуй, доказательство, что умерли они не напрасно.

Битва при Пико покончила с господством Земли и возвестила о приходе эры планет. Земля слишком устала от долгой и бурной своей жизни, от усилий, потраченных на завоевание ближайших миров — миров, столь неожиданно против нее восставших, в точности так же, как некогда американские колонии подняли оружие против своей прародительницы Британии. В обоих случаях действовали сходные причины, в обоих случаях все закончилось благоприятно для человечества.

Одержи любая из сторон однозначную, не вызывающую сомнений победу, результат мог бы оказаться катастрофическим. Федерация вряд ли упустила бы шанс навязать Земле унизительные условия мира, не имея никакой воз-

можности добиться их выполнения. Земля же была бы вполне способна обескровить своих непокорных детей, полностью прекратить их снабжение, что задержало бы колонизацию планет на десятки, даже на сотни лет.

Но игра окончилась вничью, привела к патовому положению, каждый из противников получил полезный, хотя и весьма болезненный урок; в первую очередь они научились относиться друг к другу с уважением. Каждому из правительств предстояло трудное и малопривлекательное занятие — объяснить своим гражданам, что и почему делалось от их имени...

Взрывы, несколько часов сотрясавшие Луну, смолкли, но тут же, далеким их отзвуком, на Земле, Венере и Марсе загремели взрывы политические. Когда пыль улеглась и дым рассеялся, оказалось, что многие весьма амбициозные личности куда-то исчезли (навсегда или только на время — это вопрос особый), а оставшиеся у власти захвачены одной главной задачей — восстановить дружеские отношения и, сколько возможно, загладить воспоминания об эпизоде, не принесшем чести никому.

Случай с «Пегасом», перекинувший мостик через порожденную войной пропасть, напомнивший людям, что все они одного племени, значительно облегчил политикам их задачу. По выражению одного историка, Фобосский договор был подписан в атмосфере пристыженного примирения. Стороны пришли к соглашению почти мгновенно — каждая из них имела нечто, жизненно необходимое другой.

Превосходящий научный потенциал дал Федерации то, что теперь широко известно под броским, хотя и неточным названием «ускорение без ускорения»; в то же время Земля готова была поделиться своей лунной добычей. Проникнув сквозь нищенски бедную кору, люди добрались наконец до сокровищ, так долго сберегавшихся в ядре нашего спутника. Содержащиеся там металлы с лихвой обеспечат все нужды человечества на многие столетия вперед.

Прошло несколько лет, и картина расселения людей по планетам стала совершенно иной, лицо Солнечной системы изменилось до неузнаваемости. Самой быстрой и рази-

тельной из этих перемен оказалось превращение Луны из бедной приживалки при скаредной старухе Земле в богатейшую и самую влиятельную из держав. Уже через десять лет после битвы при Пико Суверенная Лунная Республика будет с равной беспристрастностью диктовать условия коммерческих поставок как Федерации, так и Земле.

Но будущее — оно когда еще будет, сейчас главным было другое: война закончилась.

ГЛАВА 21

Да, подумал Садлер, Сентрал-Сити малость подрос. Под любым из его теперешних куполов с легкостью уместился бы весь город, каким он был тридцать лет назад. Если дело и дальше так пойдет, скоро Луну подведут под одну большую крышу. Ему не хотелось до этого дожить.

Теперешний вокзал не уступал размерами любому из старых куполов, а платформ на нем оказалось не пять, как раньше, а тридцать. Однако конструкция монорельса осталась практически прежней, да и скорость вроде бы тоже. Вагон, доставивший Садлера из космопорта, был почти неотличим от того, в котором он четверть жизни назад пересек впервые Море Дождей.

Четверть среднего жизненного срока, отпущенного гражданину Луны,— но только треть жизненного срока, если ты проводишь все свои дни и часы в борьбе с земным тяготением.

Машин на улицах заметно прибавилось — в таком большом городе, как Сентрал-Сити, без пассажирского транспорта просто не обойтись. Зато вот это ничуть не изменилось — над головой голубело земное, усеянное ватными клочьями облаков небо. И дождь, конечно же, идет точно по расписанию, совсем как тридцать лет назад.

Садлер сел в автотакси, набрал адрес и откинулся на спинку сиденья; машина тронулась с места и побежала по незнакомым, живущим какой-то своей — и очень активной — жизнью улицам. Багаж уже уехал в гостиницу, но сам Сад-

лер не торопился за ним последовать. Попадешь туда — сразу увязнешь в делах и, вполне возможно, упустишь последний шанс завершить свою миссию.

Землян — туристов и бизнесменов — было на улицах не многим меньше, чем местных. Они отличались от прирожденных «лунатиков» не столько одеждой и поведением, сколько неумением ходить при низкой гравитации. Хотя Садлер пробыл на Луне всего несколько часов, к приятному его изумлению, автоматическая мускульная адаптация, приобретенная десятилетия назад, вернулась быстро и без всяких усилий. Оказалось, что это вроде езды на велосипеде — раз научившись, не разучишься уже никогда.

Вот у них теперь, значит, как. Настоящее озеро, с островами да лебедями. Про этих лебедей он уже читал, им подрезают крылья, иначе птички могут улететь слишком далеко — или взлететь слишком высоко — и врезаться в «небо». Громкий, неожиданный всплеск, это выпрыгнула из воды здоровенная рыбина. Интересно, нравится ли ей, что здесь можно прыгать так высоко?

Машина сумела каким-то образом выбрать из путаницы направляющих полос нужную и нырнула в туннель, уходящий под край купола. При такой совершенной имитации неба не сразу поймешь, переехал ты из одного купола в другой или нет, но Садлер не сомневался — он заметил посередине туннеля, в самой низкой его точке, массивные металлические створки. Говорят, такие ворота могут закрыться за две секунды — и сделают это автоматически, если с какой-нибудь из сторон давление начнет падать. Интересно, доводят ли подобные мысли кого-нибудь из обитателей Сентрал-Сити до бессонницы? Вряд ли, ведь сколько людей живут рядом с вулканами и плотинами и даже не думают о них, не проявляют ни малейших признаков нервного расстройства. До сих пор был всего один случай, когда население какого-то из куполов эвакуировали, да и в тот раз течь была пустяковой, прошло еще много часов, прежде чем давление заметно снизилось.

Туннель вышел на поверхность в жилом куполе, абсолютно не похожем на предыдущий, деловой и развлекательный.

Купол этот не прикрывал сверху множество маленьких домов, а сам по себе являлся одним огромным домом с движущимися коридорами вместо улиц. Машина остановилась и вежливо сообщила своему пассажиру, что может подождать его здесь тридцать минут за скромное вознаграждение в размере полутора кредитов. Садлер считал, что никак не меньше времени уйдет на одни только поиски нужного ему места, а потому предложение отклонил; машина попрощалась и двинулась искать других клиентов.

В нескольких метрах от стоянки красовалась большая объемная схема здания. На взгляд Садлера, оно сильно смахивало на те муравейники, в которых селились люди несколько веков назад; он видел нечто подобное на картинках старой энциклопедии. Не вызывало сомнений, что найти здесь дорогу до дури просто, если ты знаком со структурой этого лабиринта, но кто же так сразу разберется в бесчисленных его этажах и коридорах, зонах и секторах...

— Ищете кого-нибудь, сэр? — негромко спросил его кто-то сзади.

Садлер повернулся: снизу вверх на него смотрели умные, живые глаза мальчика лет шести-семи. Как раз такого же возраста, подумал он, как внук, Джонатан Питер-второй; господи, как же время-то летит.

— Редко видим тут землян,— доверительно сообщил мальчик.— Заблудились?

— Пока еще нет,— улыбнулся Садлер.— Но скоро заблужусь.

— Куда идете?

Они тут что, вообще местоимениями не пользуются? Просто поразительно, с какой скоростью образуются языковые различия — и это несмотря на межпланетную радиовещательную сеть. Вот этот, к примеру, мальчик наверняка умеет говорить на вполне приличном земном английском, но скорее как на иностранном языке, в повседневной жизни он пользуется местным лунным диалектом.

Садлер вынул записную книжку и прочитал вслух довольно-таки замысловатый адрес.

— Пошли,— скомандовал столь счастливо подвернувшийся под руку юный доброволец; Садлер охотно подчинился.

Короткий пандус перешел в широкую, медленно движущуюся дорожку, которая буквально через несколько метров сменилась другой, более быстрой. Проехав на ней мимо входов в бесчисленные поперечные коридоры по крайней мере километр, они снова перешли на медленную секцию, после чего оказались в огромном шестиугольном зале. Здесь было очень много людей, они выходили из одних коридоров, ныряли в другие, что-то покупали в многочисленных ларьках. Посередине зала винтом извивались два спиральных пандуса с движущимися дорожками. Руководимый мальчиком, Садлер встал на дорожку, бегущую вверх, и поднялся на шесть этажей. Стоя на внутреннем краю пандуса, он перегнулся через перила и увидел, что здание уходит на огромную глубину. Далеко внизу виднелось нечто вроде страховочной сетки; прикинув в уме, Садлер решил, что она, пожалуй, способна спасти дурака, который умудрится упасть в шахту. Легкомыслие, с каким относились к тяготению лунные строители, привело бы на Земле к весьма печальным последствиям.

Верхний зал оказался в точности таким же, как и предыдущий, однако людей здесь толпилось меньше, да и выглядели эти люди слегка иначе. Суверенная Лунная Республика гордилась своей демократичностью, однако и в ней — как и в любой созданной человеком культуре — возникали тонкие классовые различия. Аристократы по праву рождения или богатства давно стали достоянием истории, однако аристократия духа, ответственности будет существовать всегда. Не возникало сомнений, что на этом уровне живут люди, определяющие судьбу своей державы. У этих людей было чуть-чуть больше собственности и неизмеримо больше забот, чем у их сограждан с нижних этажей; кроме того, места на верхнем или нижнем этажах не являлись чем-то раз и навсегда заданными, кто-то переселялся снизу вверх, а кто-то и сверху вниз.

Маленький проводник уверенно направил Садлера в очередной движущийся коридор, а оттуда в неподвижный и не совсем обычный — с узкой полоской газона посередине и с фонтанами по обоим концам. Подойдя к одной из дверей, он произнес: «Вот то место». Краткость и грубоватость этого заявления вполне компенсировались гордой мальчишеской улыбкой, словно говорившей: «А ведь здорово у меня получилось!» Садлер замялся — какой суммой следует ему отблагодарить своего спасителя? А вдруг тот откажется от денег да еще и обидится?

Социальная дилемма разрешилась очень просто; по всей видимости, мальчик правильно понял нерешительность землянина.

— Больше десяти уровней, итого пятнадцать.

Так значит, удивленно подумал Садлер, у них и стандартная такса есть. Он вытащил из кармана монету в четверть кредита и — к еще большему своему удивлению — был вынужден взять сдачу. Судя по всему, знаменитые лунные добродетели — честность, справедливость и предприимчивость — прививались здешним детям чуть не с грудного возраста.

— Подожди немного,— сказал Садлер, нажимая кнопку звонка.— Если никого нет дома, тебе придется проводить меня назад.

— Так вы что,— изумленно уставился на него практичный сын Луны,— не договорились по телефону?

Оправдываться было бессмысленно; причуды бестолковых, старомодных землян не вызывали у энергичных колонистов ничего, кроме насмешки. (Кстати сказать, упаси тебя бог назвать их колонистами.)

К счастью, предосторожность оказалась излишней; нужный Садлеру человек открыл дверь, мальчишка весело попрощался и побежал по коридору, насвистывая свеженький, только-только с Марса мотив.

— Не знаю,— неуверенно начал Садлер,— помните вы меня или нет. Я познакомился с вами в Платоновской Обсерватории, во время битвы при Пико. Бертрам Садлер.

— Садлер? Садлер? Извините, что-то никак не могу припомнить. Но вы заходите, заходите — мне всегда приятно встретиться со старым товарищем.

Садлер с любопытством озирался — в личную квартиру обитателя Луны он попал впервые. Как и легко было ожидать, она ничем не отличалась от привычных, земных. Являясь всего лишь одной из ячеек огромного улья, квартира эта все равно была домом; с той поры, когда многие люди жили еще в отдельных, изолированных друг от друга домах, миновало уже два столетия, за это время слово «дом» сильно изменило свое значение.

И все же была здесь некая вещь, чересчур старомодная для любого земного жилища. Половину одной из стен гостиной покрывала подвижная, меняющаяся роспись, каких Садлер не встречал уже много лет. Заснеженный горный склон, а внизу его — крошечная альпийская деревушка. Несмотря на удаленность пейзажа, каждая его деталь — и кукольные домики, и игрушечная церковь — выступала с кристальной ясностью и отчетливостью, как в перевернутом бинокле. По другую сторону деревушки тянулся новый склон; он поднимался все круче и круче, переходя в величественный пик, увенчанный белым вымпелом сдуваемого ветром снега.

Судя по всему, пейзаж был самый настоящий, написанный лет двести назад. Хотя как знать — на Земле и сейчас всякое можно встретить.

Садлер сел на предложенный ему стул и сумел наконец толком разглядеть человека, ради встречи с которым он, подобно нерадивому школьнику, сбежал от важных и срочных дел.

— Так вы меня не помните?

— Боюсь, что нет; к сожалению, у меня вообще очень плохая память на имена и лица.

— Удивительного мало, ведь я постарел с того времени чуть не в два раза. А вот вы, профессор Молтон, совсем не изменились. Вы были первым человеком, который заговорил со мной по пути в Обсерваторию. Мы ехали из Сентрал-Сити монорельсом и смотрели, как Солнце прячется за Апен-

нины. Это было незадолго до битвы при Пико, в первый мой приезд на Луну.

Садлер видел, что хозяин дома искренне озадачен. (Так ведь тридцать лет прошло, и не суди обо всех по себе — редко у кого бывает такая, как у тебя, фотографическая память.)

— Ничего,— сказал он,— трудно было бы и ожидать, что вы меня вспомните, я ведь не из ваших коллег. Я не работал в Обсерватории, а только заезжал туда, и совсем ненадолго. Я не астроном, а бухгалтер.

— Да?

Было видно, что Молтон силится вспомнить — и не может.

— Однако меня привели в Обсерваторию совершенно другие дела, хотя я и притворялся бухгалтером. В тот момент я был правительственным агентом, расследовал утечку информации.

По лицу Молтона скользнуло удивление, и ответил он не сразу.

— Да, что-то такое припоминаю. Но вот фамилия — фамилия совсем из головы вылетела. Это же так давно было.

— Да, конечно,— откликнулся Садлер,— но есть вещи, которые вы никак не могли забыть. Прежде чем продолжать, я хотел бы подчеркнуть один существенный момент. Мой к вам визит носит сугубо неофициальный характер. Теперь я не имею никаких побочных занятий, я только бухгалтер, и вполне процветающий. Более конкретно, я один из партнеров фирмы «Картер, Харгривз и Тиллотсон» и прибыл сюда для аудирования нескольких крупных лунных корпораций. Если хотите, можете проверить в вашей Торговой палате.

— Я не совсем понимаю...— начал Молтон.

— Какое это имеет к вам отношение? Ну что ж, придется мне освежить вашу память. Меня командировали в Обсерваторию, чтобы расследовать нарушение режима секретности. Каким-то не совсем понятным образом Федерация получала с Луны нужные ей сведения. Если верить одному

из наших агентов, утечка была связана с Обсерваторией — вот меня к вам и направили.

— Говорите, говорите,— кивнул Молтон.

— К сожалению,— чуть горько улыбнулся Садлер,— шпионаж и бухгалтерия — вещи совершенно разные, а потому контрразведчик из меня получился аховый. Я подозревал очень многих людей, но так ничего толком и не узнал — хотя и разоблачил по чистой случайности одного мошенника.

— Дженкинса,— неожиданно откликнулся Молтон.

— Совершенно верно. А ведь не такая у вас, профессор, и плохая память. Короче говоря, никакого шпиона я не нашел; я не смог даже доказать, что таковой существует, хотя и расследовал все мыслимые варианты. Затем эта история перестала кого бы то ни было интересовать, ее спустили на тормозах, так что через несколько месяцев, к превеликой своей радости, я смог вернуться к нормальной работе. И все же эта история продолжала меня мучить, она была чем-то неправильным, незаконченным, этакой неувязкой в балансной ведомости, а я не терплю подобных вещей. Однако надежды разобраться не было никакой — до тех пор, пока я не прочитал книгу коммодора Бреннана. Вам она, кстати, еще не попадалась?

— Нет, к сожалению, но я о ней слышал.

Садлер вынул из портфеля увесистый том и передал его Молтону:

— Вот, возьмите, пожалуйста. Я уверен, что вам будет очень интересно. Книга сенсационная, недаром о ней сейчас говорит вся Система. Многие весьма влиятельные люди из Федерации пришли в полное бешенство — он ведь тут рубит все напрямую, ничего не причесывает. Но меня заинтересовало совсем другое — описание им событий, приведших к битве при Пико. Коммодор Бреннан пишет ясно и недвусмысленно, что из Обсерватории поступала важнейшая информация. Можете себе представить, с каким удивлением прочитал я следующую фразу: «Изумительная по изобретательности техническая уловка позволила одному из ведущих астрономов Земли непрерывно сообщать нам о ходе работ по "Проекту Тор". Вряд ли будет уместным называть

здесь этого человека по фамилии; могу только добавить, что он вышел в почетную отставку и живет теперь на Луне».

В комнате повисла долгая тишина. Морщинистое лицо Молтона закаменело, не выдавало ни малейшего следа эмоций.

— Поверьте, профессор Молтон,— продолжил наконец Садлер.— Я даже не знаю, как вас убедить, что привело меня сюда исключительно личное любопытство. Кроме того, вы — гражданин Республики, и теперь я не могу сделать с вами ровно ничего, даже при желании. Но я знаю, что агентом были вы. Описание вполне к вам подходит, я просмотрел все другие варианты и все их отверг. Более того, у меня есть в Федерации друзья, они заглянули в архивы — опять же сугубо неофициально. Так что нет никакого смысла притворяться, будто вы ничего об этом не знаете. Если вы не расположены к беседе, я уйду. Но ведь мы говорим сейчас о делах прошлых, утративших теперь всякое значение, а я отдал бы буквально что угодно, чтобы узнать, как вы это сделали.

Молтон открыл книгу профессора — в прошлом коммодора — Бреннана, начал просматривать указатель, а затем раздраженно покачал головой:

— Ну зачем было все это писать?

Он ни к кому не обращался и явно не ждал ответа; предвидя дальнейшее, Садлер замер в ожидании. Неожиданно профессор отложил книгу и посмотрел ему прямо в глаза:

— Предположим, я вам расскажу; что будет с этой информацией дальше?

— Ничего, я могу в этом поклясться.

— Кое-кто из моих коллег мог бы оскорбиться, даже по прошествии такого времени. Все это очень и очень не просто. И не доставляло мне никакого удовольствия. Но Землю нужно было остановить, так что я поступил правильно.

— Нынешний директор Обсерватории, профессор Джеймисон, думал примерно так же, но ведь он-то не стал претворять в жизнь свои идеи.

— Знаю. Был момент, когда я чуть ему не признался — и хорошо, наверное, что не признался.

Молтон задумчиво смолк, затем его лицо сморщилось в улыбке.

— Это я вспомнил,— объяснил он.— Я же водил вас по своей лаборатории. Были у меня тогда некоторые подозрения — чего это вы всюду ходите, все высматриваете. Поэтому я показывал вам абсолютно все, пока не заметил, что вы впали в полную тоску и только и мечтаете, чтобы поскорее уйти.

— К сожалению,— суховато заметил Садлер,— так случалось довольно часто, не только у вас. Слишком уж много в Обсерватории оборудования.

— Да, но среди моего было нечто уникальное. Не то что вы, никто из моих собратьев по профессии не смог бы догадаться, для чего предназначена эта техника. И вы, и ваши коллеги искали, скорее всего, какие-нибудь там припрятанные радиопередатчики и прочее в этом роде, так ведь?

— Да. Было организовано круглосуточное прослушивание эфира, но оно ничего не дало.

По лицу Молтона скользнуло что-то вроде самодовольной улыбки. А ведь он, подумал Садлер, тоже, наверное, мучился все эти тридцать лет. Мучился невозможностью похвастаться, как здорово он провел все секретные службы Земли.

— Самая прелесть тут в том,— продолжил старый профессор,— что я никуда и не прятал свой передатчик. Более того, он торчал в Обсерватории на самом виду. Это же был наш десятиметровый прибор.

Глаза Садлера изумленно расширились:

— Простите, что-то я не понимаю.

— А вы задумайтесь на секунду, что именно делает телескоп.— В голосе Молтона появились типичные интонации университетского профессора, каковым он и был после ухода из Обсерватории.— Этот прибор собирает свет, идущий с крошечного участка неба, а затем точно фокусирует его на фотографической пластинке либо на щели спектрографа. Но неужели же вам не понятно, что телескоп может работать и в другую сторону?

— Кажется, начинаю улавливать.

— Моя программа предусматривала использование десятиметрового прибора для исследования слабых звезд. Я работал в невидимой части спектра, в далеком ультрафиолете. И вот, достаточно было заменить обычные приборы на ультрафиолетовую лампу, как в моих руках оказался невиданной мощности и точности прожектор; посылаемый им пучок света мог быть зарегистрирован только на крошечном участке неба. Ну а наложить на пучок сигнал — задача и вовсе тривиальная; я мог бы прямо работать на ключе, но предпочел спаять автоматический модулятор.

Садлер понемногу переваривал услышанное. После объяснения идея казалась до глупости простой. Да, конечно же, любой телескоп, если подумать, способен работать в обе стороны — собирать свет, приходящий от звезд, или посылать практически параллельный луч к ним — достаточно только посветить с того конца, куда обычно смотрят. Молтон сделал из самого крупного в истории телескопа самый мощный в истории электрический фонарик.

— А куда вы посылали свои сигналы? — поинтересовался он без особого уже интереса.

— Примерно в десяти миллионах километров от нас крейсировал корабль Федерации. Даже на таком расстоянии мой пучок оставался очень узким, так что требовалась чрезвычайно точная навигация. Мы договорились, что корабль будет всегда стоять на линии между Обсерваторией и одной слабенькой северной звездочкой, никогда не уходящей у нас за горизонт. При необходимости передать сообщение — у нас, конечно же, были определенные договоренные часы — я попросту набирал на пульте координаты этой звезды и был совершенно уверен, что сигнал дойдет. На борту корабля имелся небольшой телескоп с ультрафиолетовым детектором. А уж дальше они связывались с Марсом по самому обычному радио. Я иногда задумывался, до чего же, наверное, им там скучно — торчать на одном месте, ничего не делая, и только ждать, когда же я соблаговолю послать свою ультрафиолетограмму. А ведь я, случалось, по многу дней ничего не передавал.

— Но есть и другой интересный момент,— заметил Садлер.— Каким образом вся эта информация поступала к вам?

— О, тут был даже не один способ, а два. Само собой, мы получали все, какие есть, астрономические журналы. Мы договорились, что я буду просматривать в некоторых из них — вот, кстати, припоминается «Обсерватория» — определенные страницы. Тайнопись флюоресцировала только в далеком ультрафиолете, никакая обычная ультрафиолетовая лампа ее не обнаруживала.

— А второй способ?

— Каждую неделю я выезжал в Сентрал-Сити и обязательно посещал спорткомплекс. Раздеваясь, ты запираешь свою одежду в шкафчик, но сверху двери этих шкафчиков прилегают неплотно, там такие щели, что можно просунуть что угодно; иногда поверх моего хозяйства оказывалась пробитая перфокарта. Вещь вполне невинная и заурядная, они валяются не только у вычислителей, но и в каждой комнате Обсерватории. Для отвода глаз я взял за привычку всегда иметь при себе пару этих карт. Вернувшись домой, я читал карту и при первой же связи отсылал ее текст. Я даже не знал, что именно посылаю,— все сообщения шли шифром. И я так и не узнал, кто же именно мне их подкидывал.

Молтон замолк и несколько секунд с интересом оглядывал Садлера.

— В целом,— заключил он,— я не думаю, чтобы у вас были какие-нибудь шансы. Единственная опасность состояла в том, что ваши люди поймают кого-нибудь из информаторов и выйдут через него на меня. Но ведь и в таком случае я бы, скорее всего, выкрутился. Каждый элемент использовавшегося мной оборудования имел и другое, самое нормальное назначение, даже модулятор являлся частью неудачного анализатора спектров, который и пора было вроде бы разобрать, но все никак руки не доходили. А каждый сеанс связи продолжался всего какие-то минуты — за это время я успевал передать очень много, а потом переходил к работам по программе.

Садлер смотрел на старого астронома с нескрываемым восхищением. Сам он чувствовал себя гораздо лучше — на-

конец-то удалось справиться с застарелым комплексом неполноценности. Вряд ли нашелся бы гениальный сыщик, способный поймать Молтона за руку,— во всяком случае, пока тот ограничивал свою деятельность пределами Обсерватории. Так что вся вина лежит на контрразведчиках из Сентрал-Сити и «Проекта Тор», которые не сумели обнаружить — и перекрыть — утечку информации.

Однако Садлер хотел и никак не решался задать еще один вопрос. Вопрос, собственно говоря, никаким боком его не касавшийся. Как именно передавалась информация — перестало быть тайной, но вот почему...

Ответы тут могли быть самые разные. Вся прошлая история наглядно свидетельствовала, что люди, подобные Молтону, не становятся шпионами ради денег, или власти, или по иным, столь же тривиальным причинам. Не подлежало никаким сомнениям, что ступил он на этот путь под влиянием сильного эмоционального побуждения и следовал ему с глубокой внутренней уверенностью в собственной правоте. Была, конечно же, и некая логика, подсказавшая профессору, что необходимо поддержать Федерацию против Земли, но в случаях, подобных этому, одной логикой не обойдешься.

Ну что ж, пусть этот секрет так и остается секретом.

Судя по всему, Молтон прочитал мысли Садлера; поднявшись из-за стола, он подошел к большому книжному шкафу и отодвинул в сторону деревянную панель.

— Как-то,— сказал он, не оборачиваясь,— я натолкнулся на одну цитату, доставившую мне большое утешение. Не знаю уж, следует считать эти слова циничными или нет, но в них много правды. Принадлежат они Талейрану, французскому политику, жившему лет четыреста назад. И сказал он следующее: «Что можно считать предательством? Это полностью зависит от даты». Попробуйте задуматься над этим, мистер Садлер.

Молтон вернулся к столу с двумя рюмками и объемистым графином.

— Мое хобби,— сообщил он Садлеру.— Гесперское, урожай прошлого года. Французы, конечно же, смеются, но я считаю, что оно не уступит ни одному земному сорту вина.

Их рюмки соприкоснулись.

— За мир между планетами,— провозгласил Молтон.— И пусть ни одному человеку не придется больше заниматься тем, чем занимались мы тридцать лет назад.

Перед пейзажем, удаленным от них в пространстве на четыреста тысяч километров, а во времени — на два столетия, шпион и сыщик кивнули друг другу, улыбнулись и выпили. Каждого из них переполняли воспоминания, но теперь в этих воспоминаниях не было ни капли горечи. Больше говорить было не о чем, для них эта история закончилась.

Молтон проводил своего гостя по коридору мимо тихо плещущего фонтана и указал ему дорожку, бегущую к пересадочному залу. На обратном пути он задержался около клумбы и чуть не был сбит с ног толпой хохочущих детей, со всех ног мчавшихся в направлении игровой площадки девятого сектора. На какое-то время коридор заполнился их веселым криком, и затем дети исчезли, словно неожиданный порыв ветра, и снова стало тихо.

Глядя, как они уносятся навстречу своему яркому, беззаботному будущему, профессор Молтон улыбнулся — он тоже внес свой вклад в создание этого будущего. Он имел много оснований гордиться прожитой жизнью, но самым важным было, наверное, именно это. Никогда впредь, ни в какие представимые разумом времена род человеческий не разделится, не восстанет сам против себя. Потому что где-то там, вверху, над крышами Сентрал-Сити, неисчерпаемые богатства Луны широкими потоками текли ко всем планетам, которые человечество превращало в части огромного своего дома.

ГОРОД
И ЗВЕЗДЫ

Сверкающей драгоценностью лежал этот город на груди пустыни. Когда-то он знавал перемены, снова и снова перестраивался, однако теперь Время обходило его стороной. Над пустыней ночь и день быстролетно сменяли друг друга, но улицы Диаспара не ведали тьмы — они постоянно были озарены полднем. И пусть долгие зимние ночи припорашивали пустыню инеем — это вымерзала последняя влага, еще остающаяся в разреженном воздухе Земли,— город не ведал ни жары, ни холода. Он не соприкасался с внешним миром: *он сам был вселенная, замкнутая в себе самой.*

Человек издавна строил города, но никогда прежде он не создавал такого, как этот. Множество из возведенных им людских муравейников просуществовали несколько столетий, а некоторые жили и целыми тысячелетиями, прежде чем Время унесло с собой их имена. И только Диаспар бросил вызов самой Вечности, обороняя себя и все, чему дал он приют, от медленного натиска веков, от разрушительности тления и распада.

С той поры, как был выстроен этот город, земные океаны высохли и пески пустыни замели планету. Ветром и дождями были размолоты в пыль последние горы, а Земля оказалась слишком утомлена, чтобы извергнуть из своих недр новые. Городу не было до этого ровно никакого дела; планета могла рассыпаться в прах, но Диаспар все так же защищал бы детей своих создателей, бережно унося их и все принадлежащие им сокровища по реке Времени.

© Перевод Е. Кубичева.

Они многое позабыли, но не понимали этого. Ко всему, что было вокруг них, они приноровились столь же превосходно, сколь и окружающее — к ним, ибо их и проектировали как единое целое. То, что находилось за стенами города, ничуть их не интересовало: эта область бытия была вычеркнута из их сознания. Диаспар — вот все, что существовало для них, все, что им требовалось, все, что они могли себе вообразить. Для них ровным счетом ничего не значило, что когда-то Человеку были подвластны звезды.

И все же время от времени древние мифы оживали, чтобы преследовать воображение жителей этого города, и людей пробирал озноб, когда они припоминали легенды о временах Галактической Империи,— Диаспар был тогда юн и пополнял свои жизненные силы тесным общением с мирами множества солнц. Горожане вовсе не стремились возвратить минувшее — им было так славно в их вечной осени... Свершения Галактической Империи принадлежали прошлому и могли там и оставаться, поскольку всем памятно было, как именно встретила Империя свой конец, а при мысли о Пришельцах холод самого Космоса начинал сочиться в их кости.

И, стряхнув наваждение, они снова погружались в жизнь и теплоту родного города, в долгий золотой век, начало которого уже затерялось во времени, а конец отстоял на еще более невообразимый срок. Многие поколения мечтали об этом веке, но достигли его лишь они...

Так и существовали они в своем неменяющемся городе, ходили по его улицам, и улицы эти каким-то чудесным образом не знали перемен, хотя в небытие уже ушло более миллиарда лет.

ГЛАВА 1

...Им потребовалось несколько часов, чтобы с боем вырваться из Пещеры Белых Червей. Но и сейчас у них не было уверенности, что некоторые из этих мертвенно-бледных тварей не перестали их преследовать, а мощь оружия бегле-

цов была уже почти исчерпана. Плывущая перед ними в воздухе светящаяся стрелка — таинственный их проводник в недрах Хрустальной горы — по-прежнему звала за собой. У них не было выбора — оставалось только следовать за ней, хотя, как это уже не раз происходило, она могла заманить их в ловушки еще более страшные.

Олвин оглянулся — убедиться, что никто из его товарищей не отстал. Алистра шагала вплотную за ним, держа в ладонях шар холодного немеркнущего огня, который с самого начала их приключений в недрах Хрустальной горы вырывал из тьмы то немыслимые ужасы, то неподражаемую красоту. Мягкое белое излучение шара озаряло узкий коридор, блики света плясали на сверкающих стенах; пока этот источник огня не иссякнул, они, по крайней мере, могли видеть, куда направляются, и в случае опасности — сразу же обнаружить любую видимую угрозу. Олвину, однако, слишком хорошо было известно, что самые страшные опасности этих пещер вовсе не относятся к числу видимых.

За Алистрой, покряхтывая под тяжестью видеопроекторов, тащились Нарилльян и Флоранус. Олвин мимолетно подивился, почему это проекторы сделаны такими тяжелыми,— ведь снабдить их гравитационными нейтрализаторами было совсем несложно. Он постоянно задумывался о таких вот вещах — даже в разгар самых отчаянных приключений. И когда его посещали подобные мысли, ему чудилось, будто ткань действительности испытывает какой-то мгновенный трепет, и за пределами мира сиюминутных ощущений он схватывал вдруг проблеск другой, вовсе не похожей на эту действительности.

Коридор оборвался стеной тупика. Неужели стрелка-поводырь снова их предала?.. Но нет — едва они приблизились к стене, как скала начала крошиться в пыль. Поверхность ее пронизало какое-то вращающееся металлическое копье, которое стремительно утолщилось и превратилось в гигантский бурав. Олвин и его друзья отпрянули и стали ждать, чтобы неведомая машина пробила себе путь в пещеру. С оглушительным скрежетом металла по камню — он

наверняка был слышен во всех пустотах горы и разбудил всех ее кошмарных обитателей! — капсула подземного вездехода проломилась сквозь стену и стала. Откинулась массивная крышка люка, в его проеме показался Коллистрон и закричал им, чтобы они поторопились. «Почему вдруг Коллистрон? — поразился Олвин.— Он-то что тут делает?» Через несколько секунд они были уже в безопасности кабины, и машина, кренясь, двинулась вперед — в путь сквозь земные глубины.

Приключение завершилось. Скоро, как это случалось всегда, они окажутся дома, и все чудеса, ужасы и треволнения останутся позади. Они устали, но были довольны.

По наклону пола Олвин догадался, что вездеход направляется куда-то вниз, в глубь земли. Надо думать, Коллистрон знает, что делает, и таков именно и есть путь, ведущий к дому. И все же какая жалость, что...

— Послушай-ка, Коллистрон,— неожиданно нарушил молчание Олвин,— а почему это мы движемся не кверху? Ведь никто никогда не видел Хрустальную гору снаружи. Вот чудесно было бы выйти на одном из ее склонов, поглядеть на землю и небо... Мы ведь черт-те сколько пробыли под поверхностью...

Еще не докончив фразы, он каким-то образом уже понял, что говорит что-то неладное. Алистра придушенно вскрикнула, внутренность капсулы как-то странно заколыхалась — так колышется изображение, рассматриваемое сквозь толщу воды,— и через металл окружающих его стенок Олвин на краткий миг снова увидел тот, иной мир... Две реальности, похоже, боролись друг с другом — отчетливее становился то один мир, то другой. И затем, совсем внезапно, все кончилось. На долю секунды у Олвина возникло ощущение какого-то разрыва, и от подземного путешествия не осталось и следа. Олвин снова очутился в Диаспаре, в своей собственной, такой знакомой ему комнате, покоясь футах в двух над полом в невидимой колыбели гравитационного поля, оберегающего его от соприкосновения с грубой материей.

Он снова стал самим собой. *Это* и была реальность — и он совершенно точно знал, что произойдет вслед за этим.

Алистра появилась первой. Поскольку она очень любила Олвина, то была не столько раздражена, сколько расстроена.

— Ах, Олвин,— жалобно протянула девушка, глядя на него сверху вниз с прозрачной стены, в толще которой она, как казалось, материализовалась во плоти.— У нас же было такое захватывающее приключение! А ты нарушил правила. Ну зачем тебе понадобилось все испортить!

— Извини. Я совсем не хотел. Я просто подумал, что было бы неплохо...

Одновременное появление Коллистрона и Флорануса не позволило ему докончить мысль.

— Вот что, Олвин,— заговорил Коллистрон.— Ты прерываешь сагу уже в третий раз. Вчера все пришлось бросить, потому что тебе взбрело в голову выбраться за пределы Долины Радуг. А перед этим ты все испортил этой своей попыткой дойти по Тропе Времени, которую мы исследовали, до самого Возникновения. Если ты не станешь соблюдать правила, то тебе придется путешествовать одному!

Он исчез — вне себя от возмущения — и увел с собой Флорануса. Нарилльян — тот вообще не появился; вполне возможно, что он уже был сыт всем этим по горло. Осталось только изображение Алистры — она печально смотрела на Олвина.

Олвин наклонил гравитационное поле, встал на пол и шагнул к материализованному им столу. На нем вдруг появилась ваза с какими-то фантастическими фруктами — собственно, Олвин собирался позавтракать вовсе не фруктами, но замешательство, в котором он пребывал, спутало ему мысли. Не желая обнаружить перед Алистрой ошибку, он выбрал из вазы плод, который выглядел наименее подозрительно, и принялся осторожно высасывать мякоть.

— Ну, так что же ты собираешься предпринять? — вымолвила наконец Алистра.

— Ничего не могу с собой поделать,— насупившись, ответил он.— По-моему, все эти правила просто глупы. Да и потом — как же мне о них помнить, если я в данный мо-

мент живу в саге? Я просто веду себя таким образом, чтобы все было естественно. А разве тебе-то самой не хотелось взглянуть на гору со стороны?

Глаза Алистры расширились от ужаса.

— Но ведь для этого пришлось бы выйти *наружу!* — задыхаясь, произнесла она.

Олвин уже знал, что продолжать с ней разговор на эту тему нет никакого смысла. Здесь проходил барьер, который отъединял его от всех остальных граждан Диаспара и который мог обречь его на жизнь, полную отчаяния. Ему-то, сколько он себя помнил, всегда хотелось выйти *наружу* — и в реальной жизни, и в призрачном мире приключенческих саг. А в то же время для любого и каждого в Диаспаре «наружу» означало совершенно непереносимый кошмар... Если в разговоре можно было обойти эту тему, ее никогда даже не затрагивали: «наружу» — означало нечто нечистое и исполненное зла. И даже Джизирак, его наставник, не хотел объяснить ему, в чем здесь дело.

Алистра все еще молча смотрела на него — с изумлением и нежностью.

— Тебе плохо, Олвин,— прозвучал ее голос.— А в Диаспаре никому не должно быть плохо. Позволь мне прийти и поговорить с тобой...

Полагалось бы, конечно, проявить галантность, но Олвин отрицательно мотнул головой. Он знал, к чему приведет этот визит, а ему как раз сейчас хотелось побыть в одиночестве. Разочарованная вдвойне, Алистра растаяла.

В городе — десять миллионов человек, подумалось Олвину, и тем не менее не найдется ни одной живой души, с кем он мог бы поговорить по-настоящему. Эристон с Итанией на свой лад любят его, но теперь, когда период их опекунства подходит к концу, они, пожалуй, даже радуются, что отныне он сам, по своему разумению, станет выбирать себе развлечения и формировать свой собственный образ жизни. В последние годы, по мере того как его отклонение от существующих в городе стандартов становилось

все более и более очевидным, он частенько ощущал холодок со стороны названых родителей. Холодок этот был вызван не его личностью — будь так, уж он смог бы все это правильно воспринять и преодолеть; нет, его породила обида на ничем не заслуженное невезение, в силу которого из всех миллионов горожан именно им, Эристону с Итанией, по воле случая довелось первыми повстречать Олвина, когда в тот памятный день — двадцать лет назад — он вышел из Зала Творения.

Двадцать лет... Он помнил тот первый момент и самые первые услышанные им слова: «Добро пожаловать, Олвин. Я — Эристон, твой названый отец. А это Итания — твоя мать». Тогда эти слова не означали для него ничего, но память запечатлела их с безупречной точностью. Он вспомнил, как оглядел тогда себя; теперь он уже подрос на пару дюймов, но, в сущности, тело его едва ли изменилось с момента рождения. Он пришел в этот мир почти совершенно взрослым, и, когда — через тысячу лет — наступит пора покинуть его, он будет все таким же, разве только чуточку выше ростом.

А перед тем — первым — воспоминанием зияла пустота. Настанет день, и она, возможно, снова поглотит его сознание. Но день этот отстоял еще слишком далеко, чтобы пробудить в душе хоть какое-то чувство.

Олвин снова обратил мысли к тайне своего рождения. Ему вовсе не представлялось странным, что в некий неощутимо краткий миг он мог быть *создан* могуществом тех сил, что создавали и все предметы повседневности, окружающие его. Нет, в *этом-то* как раз не было ничего таинственного. Настоящей загадкой, до разрешения которой он до сих пор так и не смог добраться, которую никто не хотел ему объяснить, была эта его непохожесть на других.

Не такой, как другие... Слова были странные, окрашенные печалью. И ходить в непохожих — тоже было и странно, и грустно. Когда о нем так говорили — а он частенько слышал, что о нем говорят именно так, когда полагают, что он не может услышать,— то в словах этих звучал некий

оттенок многозначительности, и в нем содержалось нечто большее, нежели просто какая-то возможная угроза его личному счастью.

И названые родители, и его наставник Джизирак, и все, кого он знал, пытались уберечь его от тайной правды, словно бы хотели навсегда сохранить для него неведение долгого детства. Скоро все это должно кончиться: через несколько дней он станет полноправным гражданином Диаспара, и ничто из того, что ему вздумается узнать, не сможет быть от него скрыто.

Почему, например, он не подходит для участия в сагах? В городе увлекались тысячами видов отдыха и всевозможных развлечений, но популярней саг не было ничего. В сагах вы не просто пассивно наблюдали происходящее, как в тех примитивных развлечениях бесконечно далекого прошлого, которым изредка предавался Олвин. Вы становились активным участником действия и обладали — или это только казалось? — полной свободой воли. События и сцены, которые составляли основу приключений, могли быть придуманы давно забытыми мастерами иллюзий еще бог знает когда, но в эту основу было заложено достаточно гибкости, чтобы стали возможны самые неожиданные вариации. Отправиться в эти призрачные миры — в поисках тех острых ощущений, которые были недоступны в Диаспаре,— вы могли даже с друзьями, и, пока длилось выдуманное бытие, не существовало способа, который позволил бы отличить его от действительности. Строго говоря, кто мог быть уверен, что и сам Диаспар не был лишь сном?

Никому не удалось бы проиграть все саги, созданные и записанные с начала существования города. Они воздействовали на все человеческие чувства, а утонченность их не знала границ. Некоторые из них — эти были особенно популярны среди молодежи — являли собой драматургически несложные сюжеты, накрученные вокруг всякого рода приключений и открытий. Иные были чистой воды исследованиями психологических состояний человека. Но существовали и особые разновидности саг — экскурсы в область

логики и математики, способные подарить изощреннейшее наслаждение наиболее утонченным умам.

И все же у Олвина эти саги — хотя они, похоже, вполне удовлетворяли его товарищей — порождали ощущение какой-то неполноты. Несмотря на всю их красочность и богатство предлагаемых переживаний, несмотря на калейдоскоп сюжетов и мест действия, ему в них постоянно чего-то́ недоставало.

Да ведь эти саги, подумалось ему, в сущности, всегда бесплодны. Всякий раз они ограничены такими узкими рамками... Саги никоим образом не могли предложить Олвину простора, открытых взору пейзажей, по которым так тосковала его душа. И наконец, ни в одной из них и намека не было на громадность пространств, в которых свершали свои подвиги люди древности,— не было ни малейшего следа мерцающей пустоты между звездами и планетами. Художники — создатели саг — были заражены той же самой удивительной фобией, что владела сознанием всех граждан Диаспара. Даже путешествия в сагах обязательно происходили лишь в тесных, замкнутых пространствах, в подземных пещерах или в ухоженных крохотных долинках в обрамлении гор, закрывающих от взора весь остальной мир.

Объяснение этому могло быть только одно. Давным-давно, быть может еще до основания Диаспара, произошло нечто такое, что не только лишило Человека любознательности, честолюбивого порыва к неизведанному, но и отвратило его от звезд — назад, к дому, искать убежища в узеньком замкнутом мирке последнего города Земли. Он отказался от Вселенной и возвратился в искусственное чрево Диаспара. Пылающее, неостановимое стремление, что вело его когда-то через бездны Галактики, сквозь мрак к островам туманностей за ее пределами, бесследно угасло. На протяжении неисчислимых эпох ни один космический корабль не появлялся в пределах Солнечной системы! Там, среди звезд, потомки Человека, быть может, все еще возводили империи и разрушали светила...— Земля ничего об этом не знала и не хотела знать.

Земле все это было безразлично. Олвину — нет.

ГЛАВА 2

...Все в комнате было погружено в темноту — кроме одной светящейся изнутри стены, на которой, по мере того как Олвин сражался со своими видениями, то отливали, то снова набирали силу разноцветные волны. Кое-что на этой рождающейся картине вполне его удовлетворяло — он, к примеру, прямо-таки влюбился в стремительные очертания гор, вздымающихся из моря. В этих изломанных силуэтах жили сила и горделивость. Олвин долго, изучающе смотрел на них, а затем ввел изображение в блок памяти визуализатора, где оно должно было храниться, пока он экспериментирует с остальной частью картины. И все же что-то ускользало, хотя он никак не мог уразуметь — что же именно. Снова и снова пытался он заполнить зияющие провалы пейзажа — хитроумная аппаратура считывала в его сознании теснящие друг друга образы и воплощала их на стене в цвете. Все впустую... Линии выходили расплывчатыми и робкими, оттенки получались грязноваты и скучны. Когда художнику неведома цель, отыскать ее для него не в состоянии даже самые чудесные инструменты.

Олвин оставил свое никуда не годное малеванье и угрюмо вперился в пустой на три четверти прямоугольник, который ему так хотелось заполнить Прекрасным. Прошла минута, потом еще одна... Повинуясь внезапному импульсу, он вдруг удвоил масштаб оставшейся части этюда и переместил ее в центр «полотна». Нет, такой выход из положения был продиктован просто ленью. И равновесия совсем не получилось. И, что было еще хуже, изменение масштаба обнажило все изъяны исполнения, полное отсутствие уверенности в этих линиях, которые сперва смотрелись такими твердыми. Надо было все начинать сначала.

«Полное стирание»,— мысленно приказал он аппаратуре. Голубизна моря принялась выцветать, горы растаяли, словно туман, и в конце концов не осталось ничего, кроме чистой стены. Будто и не было этих красок и форм — и море, и горы словно бы ушли в то же небытие, в бездне ко-

торого исчезли все моря и горы Земли еще за многие столетия до рождения Олвина.

Поток света опять залил комнату, и фосфоресцирующий прямоугольник, на который Олвин проецировал свои видения, слился с окружающим, снова став просто одной из стен. Но стены ли это были? Человеку, никогда прежде не бывавшему в подобных помещениях, комната и в самом деле представилась бы удивительной. Она была совершенно лишена каких-либо примечательных черт, в ней не было абсолютно никакой мебели, и поэтому наблюдателю со стороны показалось бы, что Олвин стоит в центре какой-то сферы. Взгляд не встречал линий, которые отделяли бы стены от пола и потолка. Здесь не было ровно ничего, за что можно было бы зацепиться глазу: пространство, окружающее Олвина, могло быть и десяти футов, и десяти миль в поперечнике,— вот и все, что могло сказать зрение. Гостюновичку было бы трудно не поддаться искушению двинуться вперед, вытянув руки, чтобы попытаться обнаружить физические границы этого столь необычного места.

Но именно такие вот комнаты и были домом для большей части человечества на протяжении гигантского периода его истории. Олвину стоило только пожелать, и стены превращались в окна, выходящие, по его выбору, на любую часть города. Еще одно пожелание — и какой-то механизм, которого он никогда в жизни и в глаза не видел, наполнял комнату спроецированными, но вполне материальными предметами меблировки — любыми, о каких бы только Олвин ни помыслил. «Настоящие» они или нет, эта проблема на протяжении последнего миллиарда лет мало кого волновала. Каждому было ясно, что все эти возникающие из ничего столы и кресла не менее реальны, чем то, что так успешно скрывается под личиной «твердого», а когда нужда в них проходила, их можно было просто вернуть в призрачный мир городских Хранилищ Памяти. Как и все остальное в Диаспаре, эта мебель не изнашивалась и никогда не изменялась, если только ее матрицы, находящиеся на хранении, не уничтожались преднамеренно.

Олвин уже почти трансформировал свою комнату, когда до его сознания дошел настойчивый сигнал, напоминающий позвякивание колокольчика. Сформировав мысленный импульс, Олвин позволил гостю появиться, и стена, на которой он только что занимался живописью, снова связала его с внешним миром. Как он и ожидал, в обрисовавшемся проеме стояли его родители, а чуть позади них — Джизирак. Присутствие наставника означало, что визит носит не просто семейный характер. Впрочем, даже и не будь здесь Джизирака, он бы все равно догадался об этом.

Иллюзия встречи с глазу на глаз была совершенна, и ничто не нарушило ее, когда Эристон заговорил. В действительности же, как хорошо было известно Олвину, Эристон с Итанией и Джизирак находились во многих милях друг от друга, только вот создатели города сумели подчинить себе пространство с той же безупречностью, с какой они покорили время. Олвин даже не больно-то ясно представлял себе, где именно среди всех этих многочисленных башен и головоломных лабиринтов Диаспара жили его родители, поскольку с того времени, когда он в последний раз видел их во плоти, они переехали.

— Олвин, исполнилось ровно двадцать лет, как твоя мать и я впервые повстречали тебя,— начал Эристон.— Тебе известно, что это означает. Нашему опекунству теперь пришел срок, и ты отныне волен жить, как тебе заблагорассудится.

В голосе Эристона едва уловимо звучала грусть. Значительно ярче слышалось в нем облегчение, и, похоже, Эристон был даже доволен, что ситуация, существовавшая уже так давно, теперь может быть признана на законном основании. В сущности, Олвин обрел свободу взрослого человека за много лет до наступления установленного срока.

— Я тебя понимаю,— ответил Олвин.— Спасибо вам за то, что вы опекали меня, и я буду помнить вас в течение всех моих жизней.

Такова была формула ответа. Ему приходилось слышать ее столь часто, что она совсем потеряла какой-либо смысл,— так, набор звуков, лишенных значения. И все же выражение «в течение всех моих жизней» было, если вдуматься,

странным. Все эти годы он лишь туманно представлял себе, что именно оно означало; теперь наступило время узнать это точно. В Диаспаре было много такого, чего он пока не мог уразуметь и во что ему предстояло вникнуть за столетия, простирающиеся перед ним.

В какой-то миг ему показалось, что Итания тоже хочет что-то сказать. Она подняла было руку, приведя в волнение светящуюся паутинку своего платья, но тотчас снова уронила ее. Потом с выражением явной беспомощности на лице повернулась к Джизираку, и только тут Олвин осознал, что его родители еще и чем-то встревожены. Он быстро перебрал в памяти события последних недель. Нет, в его жизни за это время не произошло ничего такого, что могло бы породить этот вот налет неуверенности и эту атмосферу едва заметной тревоги, что, казалось, окутывала Эристона и Итанию.

Тем не менее Джизирак, похоже, чувствовал себя вполне в своей тарелке. Он бросил вопросительный взгляд на Эристона и Итанию, убедился, что им нечего больше сказать, и начал лекцию, к которой готовился так много лет.

— Олвин,— заговорил он,— ты был моим учеником в течение двух десятилетий, и я сделал все, чтобы научить тебя обычаям этого города, подвести тебя к принадлежащему тебе наследию. Ты задавал мне множество вопросов, и не на все из них я способен был дать ответ. К постижению некоторых вещей ты еще не был готов, а кое-чего я и сам не понимаю. Теперь период твоего младенчества закончился, но детство — оно едва только началось. Направлять тебя — все еще мой долг, если ты, конечно, нуждаешься в моей помощи. Пройдет два столетия, Олвин, и ты, возможно, начнешь разбираться кое в чем, касающемся этого города. Ну и в какой-то степени познакомишься с его историей. Даже я, хоть я уже и приближаюсь к окончанию своей нынешней жизни, видел менее четверти Диаспара и, вполне вероятно,— не более всего лишь одной тысячной доли его сокровищ.

Во всем этом для Олвина пока что не содержалось ничего нового, но как-то поторопить Джизирака — это было

совершенно невозможным делом. Старик пристально смотрел на него через бездну столетий, и его слова падали, отягощенные непостижимой мудростью, накопленной за долгую жизнь среди людей и машин.

— Ответь мне, Олвин,— продолжал Джизирак,— спрашивал ли ты себя когда-нибудь — где был ты до своего рождения, до того момента, когда встретился лицом к лицу с Эристоном и Итанией?

— Я всегда полагал, что меня просто не было... нигде... что я существовал только в виде матрицы в электронном мозгу города и ждал своей очереди быть сотворенным — вот и все.

Тут возле Олвина появился, слабо замерцал и тотчас же стал непрозрачным и твердым низкий диванчик. Он уселся на него и стал ждать продолжения.

— Ты, разумеется, прав,— последовал отклик.— Но это только часть ответа, и, в сущности, очень незначительная часть. До сих пор тебя окружали дети твоего возраста, а они не осведомлены об истине. Все они вскоре вспомнят свое прошлое — они, но не ты. Поэтому мы должны подготовить тебя, чтобы ты смог посмотреть фактам в лицо.

Ибо вот уже более миллиарда лет, Олвин, человеческая раса живет в этом городе. С тех пор как пала Галактическая Империя, а Пришельцы возвратились на свои звезды, это — наш мир. За стенами Диаспара нет ничего, кроме пустыни, о которой повествуют наши легенды.

Мы мало знаем о своих примитивных предках — только то разве, что это были существа с очень коротким жизненным циклом и что они, как это ни странно, могли размножаться без помощи электронных блоков памяти и синтезаторов материи. В ходе сложного и, по всей видимости, неуправляемого процесса ключевые начала всякого человеческого существа сохранялись внутри микроскопических клеточных структур, воспроизводимых в теле человека. Если тебе интересно, то биологи смогут рассказать об этом более подробно. Сам метод, однако, не имеет для нас никакого значения — потому хотя бы, что от него отказались на самой заре Истории.

Человеческое существо, как и любой другой материальный объект, может быть описано матрично — в терминах его структуры. Матрица любого человека, и особенно та матрица, которая точнейшим образом соответствует строению человеческого мозга, является невероятно сложной. И тем не менее природа умудрилась вместить эту матрицу в крохотную клетку — настолько малую, что ее нельзя увидеть невооруженным глазом.

Все, что в состоянии совершить природа, может сделать и человек, хотя и на свой лад. Мы не знаем, сколько потребовалось времени, чтобы решить эту конкретную задачу. Быть может, на это ушло миллион лет — но что такое миллион лет? В конце концов наши предки научились анализировать и хранить информацию, которая в микроскопических деталях характеризует любое человеческое существо, и научились использовать эту информацию для того, чтобы воспроизводить оригинал... ну хотя бы так, как ты только что воспроизвел вот этот диванчик.

Я знаю, Олвин, что все это тебе интересно, но я не в состоянии рассказать в подробностях, как именно это все делается. Каким именно образом хранится эта информация, не имеет значения, важна лишь она сама по себе. Она может сохраняться в виде слов, написанных на бумаге, в виде переменных магнитных полей или как определенным образом расположенные электрические заряды. Человек использовал все эти способы ее консервации, но также и многие другие. Достаточно сказать, что уже задолго до нас он умел сохранять себя или, если выражаться более точно, сохранять бесплотные матрицы, по которым ушедших людей можно было сызнова вызвать к существованию.

Все это ты уже знаешь. Именно таким способом наши предки даровали нам практическое бессмертие и вместе с тем избежали проблем, возникающих одновременно с устранением смерти. Прожить тысячу лет в оболочке одного и того же тела — срок достаточно большой для любого человека. В конце такого периода воспоминания стискивают разум, и он жаждет только одного — отдохновения... либо возможности начать все с нуля.

Пройдет совсем немного времени, Олвин, и я стану готовиться к уходу из этой жизни. Я тщательно просею свои воспоминания, редактируя их и вымарывая из сознания те, которые мне не захочется сохранить. Затем я войду в Зал Творения — через дверь, которой ты еще не видел. Это дряхлое тело перестанет существовать — так же как и само мое сознание. От Джизирака не останется ничего, кроме целой галактики электронов, вмороженных в сердцевину какого-то там кристалла.

Я буду спать, Олвин, спать сном без сновидений. И затем однажды — быть может, через сто тысяч лет — я осознаю себя в новом теле и повстречаю тех, кого изберут на роль моих опекунов. Они станут заботиться обо мне, как заботились о тебе Эристон и Итания, потому что сперва я ничего не буду знать о Диаспаре и мне неведомо будет, кем и чем я был прежде. Воспоминания об этом постепенно возвратятся к концу срока моего младенчества, и на их основе я начну возводить здание нового цикла своего существования.

Такова схема наших жизней, сменяющих друг друга. Все мы уже побывали в этом мире много-много раз, хотя, поскольку периоды несуществования различаются — надо думать, в соответствии с законом случайных чисел,— каждое нынешнее население города уже никогда не повторяется с совпадением на все сто процентов. У нового Джизирака будут и совсем другие новые друзья, и новые интересы... Однако старый Джизирак — ровно такая его часть, какую мне заблагорассудится сохранить,— все же будет существовать.

Но и это еще не все. В каждый данный момент, Олвин, только сотая часть граждан Диаспара живет в нем и разгуливает по его улицам. Подавляющее же большинство его населения спит глубоким сном в Хранилище Памяти в ожидании сигнала, который снова призовет каждого на сцену бытия. И это значит, что мы сочетаем непрерывность с изменчивостью, а бессмертие — с отсутствием застоя.

Я понимаю, Олвин, над чем ты сейчас задумался. Тебе хочется узнать, когда же и ты сможешь вызвать к поверх-

ности сознания воспоминания о своих прежних жизнях, как это уже делают твои товарищи по играм.

Так вот — таких воспоминаний нет, Олвин, поскольку ты единственный в своем роде. Мы пытались скрывать это от тебя так долго, как только могли, чтобы ни единое облачко не затмило твоего младенчества, хотя я лично думаю, часть правды тобой, должно быть, уже угадана. Пять лет назад мы и сами даже не подозревали об этой правде, но теперь не осталось никаких сомнений.

Ты, Олвин, нечто такое, что наблюдалось в Диаспаре всего лишь несколько раз со времени основания города. Очень может быть, что твое «я» дремало в Хранилищах Памяти на протяжении всех этих эпох, но не исключено и то, что ты впервые был сотворен лишь два десятка лет назад в результате стечения каких-то случайных факторов. Быть может, создатели города запланировали твое появление на свет с самого начала, но возможно, что ты всего лишь порождение уже нашего времени, лишенное какого-либо сокровенного смысла.

Мы не знаем. Нам известно только, что ты единственный из всей человеческой расы, кто никогда не жил прежде. В буквальном смысле слова — ты единственный ребенок, родившийся на Земле за последние по крайней мере десять миллионов лет.

ГЛАВА 3

...Когда Джизирак и родители истаяли на стене, Олвин долго еще лежал, пытаясь отрешиться от всего. Он сомкнул комнату вокруг себя, чтобы никто не мог прервать его глубокой и серьезной сосредоточенности.

Он, однако, не спал. Он просто не знал, что такое сон, ибо это состояние было принадлежностью совсем другого мира — мира ночи и дня, а в Диаспаре царил только день. Лежать вот так — это было самое тесное приближение к забытому людьми состоянию сна, и, хотя, в сущности, это было не так уж и нужно, Олвин понимал, что такое отклю-

чение от окружающего поможет ему быстрее собраться с мыслями.

Нового для себя он выяснил мало. Почти обо всем, что сообщил ему Джизирак, он уже догадался раньше. Но одно дело догадаться, и совсем другое — когда твоя догадка подтверждается с полной неопровержимостью.

Как все это скажется на его жизни — и скажется ли вообще? Олвин ничего не знал наверняка, и эта неопределенность была для него ощущением новым. Быть может, никаких перемен и не будет; если он не приспособится полностью к Диаспару в нынешней жизни, это может произойти в следующей... или в той, которая наступит за ней.

Мысль эта еще только формировалась, а мозг Олвина уже отверг ее. Диаспар мог вполне устраивать остальную часть человечества, но только не его. Олвин не сомневался, что человек мог бы прожить в Диаспаре тысячу жизней и не исчерпать всех его чудес, не перечувствовать всех оттенков опыта того бытия, которое предлагал ему город. Все это доступно и ему... Но если он не сможет рассчитывать на большее, то никогда не познает удовлетворения...

Перед ним стояла только одна проблема. Что *еще* мог бы он совершить?

Этот безответный вопрос пробудил его от полузабытья. Он не в силах был долее оставаться здесь, будучи в таком вот взвинченном состоянии, а в городе существовало только одно место, которое обещало ему успокоение.

Дрогнув, часть стены исчезла, когда он вошел в нее и ступил в коридор, и ее поляризованные молекулы на мгновение мягко облегли его тело — словно слабый ветерок дохнул в лицо. Существовало много способов, с помощью которых он мог бы без труда добраться до цели, но он предпочел отправиться пешком. Его комната находилась почти на Главном Уровне города, и короткий проход привел Олвина на спиральный пандус, сбегавший на улицу. Он пренебрег движущимся тротуаром и ступил на узкий неподвижный, что, без сомнения, было причудой, поскольку ему предстояло преодолеть несколько миль. Но Олвину нравилось ходить пешком — ходьба успокаивала. Кроме того, можно было

по пути увидеть столь многое, что ему представлялось просто досадным проноситься на скорости мимо новейших чудес Диаспара, когда впереди у тебя времени — вечность.

У художников города — а в Диаспаре каждый время от времени становился художником — был обычай выставлять свои новые произведения вдоль движущихся тротуаров, чтобы гуляющие могли любоваться работами. При такой системе обычно проходило лишь несколько дней — и все население успевало критически осмотреть каждую стоящую внимания вещь, а также и выразить о ней свое мнение. Окончательный вердикт, автоматически фиксируемый специальной аппаратурой для анализа общественного мнения, которую никому еще не удавалось подкупить или обмануть,— хотя попыток такого рода насчитывалось вполне достаточно,— и решал судьбу шедевра. Если в его пользу подавалось определенное число голосов, матрица произведения помещалась в Хранилища Памяти, и каждый, кто того хотел, в любой момент и ныне, и присно, и во веки веков мог получить копию, абсолютно неотличимую от оригинала.

Менее же удачные работы ожидала судьба всех таких произведений. Они либо распылялись на свои составляющие, либо в конце концов находили себе приют в домах друзей художника.

На всем своем пути Олвину встретилось лишь одно objet d'art, которое ему более или менее пришлось по душе. Это была композиция из чистого света, отдаленно похожая на распускающийся цветок. Медленно вырастая из крохотной цветной сердцевинки, рисунок разворачивался в систему сложных спиралей и занавесов, затем внезапно опадал, и весь цикл начинался сызнова. Но уже не совсем так, как в предыдущий раз, и новый рисунок не совпадал полностью с тем, который был прежде. Олвин наблюдал за картиной на протяжении нескольких пульсаций, и каждый раз возникали едва заметные, почти неощутимые отличия, хотя в целом основа композиции и оставалась неизменной.

Он понимал, почему ему понравилась именно эта вот неосязаемая скульптура, изваянная из света. Ее ритмичное расширение порождало ощущение пространства, даже ка-

кого-то бунта против замкнутого объема. Возможно, что именно по этой причине она не пришлась бы по душе многим согражданам Олвина. Он запомнил имя художника и решил при первом же удобном случае побеседовать с ним.

Все дороги Диаспара — и движущиеся, и неподвижные — кончались у границ Парка, этого зеленого сердца города. Здесь, на круговом пространстве диаметром более трех миль, жила память о том, чем была Земля в те дни, когда пустыня еще не поглотила, как теперь, поверхность планеты, обойдя лишь Диаспар. Сначала шел широкий пояс луга, затем — низкорослые деревья, заросли которых становились все гуще и гуще по мере того, как гуляющий углублялся под их кроны. В то же время уровень Парка постепенно понижался, так что для наблюдателя, вышедшего из узкой полосы леса, город совершенно пропадал из виду, скрытый стеною деревьев.

Широкий поток, струившийся перед Олвином, назывался просто — Река. Другого имени у него не было, да и к чему бы оно ему... Кое-где Реку пересекали узкие мосты, и она текла по Парку, описывая геометрически правильное замкнутое кольцо, время от времени прерываемое плесами. То обстоятельство, что эта Река с довольно быстрым течением могла впадать в себя самое после каких-то шести миль, никогда не поражало Олвина как нечто необычное. В сущности, если даже где-то в своем течении Река потекла бы вдруг вверх по склону, он и на это не обратил бы никакого внимания. В Диаспаре можно было встретить и куда более диковинные вещи.

С десяток девушек и юношей купались на мелководье одного из плесов, и Олвин остановился поглядеть. Лица большинства из них были ему знакомы, многих он знал и по именам, и на какой-то момент ему захотелось принять участие в их забаве. Но затем тайна, которую он нес в себе, взяла свое, и он удовольствовался ролью наблюдателя.

Развитие тел не позволяло судить, кто из этих молодых граждан вышел из Зала Творения в нынешнем году, а кто жил в Диаспаре уже столь же долго, сколь и Олвин. Хотя все они сильно разнились по росту и весу, с их возрастом это

никак не соотносилось. Просто люди рождались уже вот такими, и, хотя больший рост, в общем, означал, что человек этот старше других, это было не слишком-то надежным правилом для определения возраста, если только речь не шла о прожитых столетиях.

О возрасте куда проще было судить по лицу. Некоторых из новорожденных, хотя они и были ростом выше Олвина, отмечала печать незрелости: на их лицах все еще проглядывало восхищенное изумление миром, в котором они обнаружили себя, миром, который в мгновение ока произвел их на свет. Было как-то странно знать, что в их сознании глубоким, непотревоженным сном спала бесконечная череда жизней, воспоминание о которых скоро пробудится. Олвин завидовал им и в то же самое время не был уверен, что тут стоит чему-то завидовать. Самое первое существование каждого было драгоценнейшим даром, которому уже никогда не повториться. Это было восхитительно — наблюдать жизнь впервые, словно бы в свежести рассвета. Если бы только найти других, таких же, как он сам, с кем он мог бы разделить свои мысли и чувства!

И тем не менее физический его облик был создан точь-в-точь в тех же формах, что и у этих детей, играющих в воде. За миллиард лет, протекших со времени создания Диаспара, человеческое тело не изменилось, в сущности, ни на йоту, поскольку основы его конструкции были навечно вморожены в Хранилища Памяти города. И все же оно отличалось от своей первоначальной, примитивной формы, пусть даже бóльшая часть отличий была внутреннего характера и увидеть их было нельзя. В ходе долгой своей истории человек не раз перестраивал себя, стремясь избавиться от болезней, средоточием которых когда-то была его плоть.

Такие ненужные принадлежности, как ногти и зубы, исчезли. Волосы сохранились лишь на голове, на теле же от них не осталось и следа. Но больше всего человека Эпохи Рассвета поразило бы, пожалуй, необъяснимое отсутствие пупка. Это дало бы ему обильную пищу для размышлений, и с первого взгляда он был бы немало озадачен проблемой — как отличить мужчину от женщины. Быть может, он был

бы даже склонен полагать, что этого различия больше не существует, и это стало бы его серьезной ошибкой. В соответствующих обстоятельствах существование сильного пола сомнений не вызывало. Все дело в том, что отличительные черты пола, когда в них не было необходимости, принимали куда более скромные формы.

Конечно, воспроизведение перестало быть функцией тела, будучи делом слишком серьезным, чтобы его можно было отдать игре случая, в которой те или иные хромосомы выпадали, будто при игре в кости. И все же, хотя зачатие и рождение уже совершенно изгладились из человеческой памяти, физическая любовь продолжала жить. Даже в древности едва ли какая-то сотая часть сексуальной активности человека падала на процессы воспроизведения. Исчезновение этого единственного процента изменило рисунок человеческого общества и значение таких слов, как «отец» и «мать», но влечение сохранилось, хотя теперь удовлетворение его преследовало цель ничуть не более глубокую, нежели любое другое чувственное наслаждение.

Олвин покинул своих резвящихся сверстников и пошел дальше, к центру Парка. Он ступал по едва намеченным тропинкам, которые, пересекаясь, вились сквозь низкорослый кустарник и время от времени ныряли в узкие расщелины между огромными, обросшими лишайником валунами. В одном месте он поравнялся с какой-то маленькой машиной многогранной формы, парившей в кроне дерева. Никто не знал, сколько разновидностей роботов существует в Диаспаре: они старались не попадаться людям на глаза и занимались своим делом настолько споро, что увидеть изредка даже хотя бы одного из них было событием весьма необычным.

Наконец поверхность почвы снова стала подниматься — Олвин приближался к небольшому холму, расположенному точно в центре Парка и, следовательно, и самого города. Идти здесь стало легче, и ему уже ясно была видна вершина холма и венчавшее ее здание простых очертаний. К тому моменту, когда Олвин достиг цели, он несколько запыхался и был рад возможности прислониться к одной из

розовых колонн, передохнуть и окинуть взглядом путь, которым он сюда добрался.

Существует несколько архитектурных форм, которые не подвержены изменениям, потому что являют собой совершенство. Усыпальница Ярлана Зея могла бы быть возведена и строителями храмов самых первых цивилизаций из всех известных человечеству, хотя они даже отдаленно не смогли бы себе представить, из какого материала она выстроена. Потолок усыпальницы растворялся в небе, а единственный ее зал выстилали плиты, которые только на беглый взгляд казались вытесанными из камня. В течение многих геологических эпох люди истирали ногами этот пол и так и не оставили на нем ни малейшего следа — столь непостижимо тверд был материал плит.

Создатель этого огромного Парка (а также, как утверждали некоторые, строитель и самого города) сидел, слегка опустив глаза, словно бы изучая какие-то чертежи, расстеленные у него на коленях. Странное, ускользающее выражение его лица ставило в тупик мир на протяжении долгой череды поколений. Одни приписывали это всего лишь праздной причуде скульптора, но иным представлялось, будто Ярлан Зей улыбается какой-то тайной своей шутке...

Да и само по себе все это сооружение было окутано пеленой тайны, потому что в анналах города о нем нельзя было отыскать ни строчки. Олвин не был даже особенно уверен в том, что означало само слово «усыпальница»; возможно, что это ему мог бы разъяснить Джизирак, любивший коллекционировать устаревшие слова и уснащать ими речь, к полному смущению собеседника.

Со своей удобной наблюдательной позиции Олвин мог поверх крон кинуть взгляд на город. Ближайшие здания отстояли от него почти на две мили, образуя вокруг Парка низкое кольцо. За ними, ряд за рядом, наращивая высоту, вздымались башни и террасы — собственно, они-то и составляли город. Миля за милей простирались они, медленно карабкаясь к небу, их формы все усложнялись, они поражали воображение своей монументальностью. Диаспар был спланирован как единство — это была одна могучая машина.

Но хотя уже и сам его облик ошеломлял сложностью, она лишь намекала на те чудеса техники, без которых все эти огромные здания были бы лишь безжизненными гробницами.

Олвин пристально всматривался в границы своего мира. Милях в двадцати — там детали очертаний уже скрадывало расстояние — проходили внешние обводы этой крепости, и на них, казалось, покоился уже сам небесный свод. За ними не было ничего — совсем ничего, разве что тягостная пустота песков, в которой человек, поговаривали, быстро сходил с ума...

Тогда почему же эта пустота влекла его так, как ни одного из окружающих его людей? Олвин никак не мог этого понять. Он все смотрел и смотрел на разноцветные шпили, на зубцы башен, которые теперь заключали в своих объятиях весь человеческий дом,— словно искал в них ответа на свое недоумение и тревогу.

Ответа не было. Но в эти мгновения, когда сердце Олвина тянулось к недоступному, он принял решение.

Теперь он знал, чему посвятить жизнь.

ГЛАВА 4

Джизирак оказался не слишком-то полезен, хотя и проявил большую готовность помочь, чего Олвин все-таки не ожидал. За долгую карьеру ментора Джизираку не раз уже задавали похожие вопросы, и ему как-то не верилось, что даже такой Неповторимый, как Олвин, мог бы сильно удивить его или поставить перед проблемами, которых он не сумел бы разрешить.

Правда, Олвин уже начал проявлять кое-какие черты эксцентрической личности, которые впоследствии могли бы потребовать исправления. Он не принимал в должной мере участия в необыкновенно сложной социальной жизни города и в фантастических затеях своих товарищей. Не выказывал он большого интереса и к горним полетам мысли; впрочем, в его возрасте это едва ли было чем-то необычным.

Куда более примечательной представлялась его беспорядочная любовная жизнь. Конечно, трудно было ожидать, чтобы он установил относительно стабильные отношения с девушками на протяжении еще по меньшей мере столетия, и тем не менее мимолетность его увлечений была уже широко известна. Пока они длились, увлечения эти были всепоглощающи, однако ни одна из связей не продолжалась долее нескольких недель. Похоже было, что в каждый данный отрезок времени Олвин мог глубоко заинтересоваться лишь чем-то одним. Бывали периоды, когда он очертя голову кидался в любовные игры своих сверстников или на несколько дней исчезал с очередной подружкой. Но как только это настроение у него проходило, наступала долгая полоса, когда ему, казалось, было абсолютно наплевать на то, что должно бы было составлять главное занятие в его возрасте. Быть может, это было не слишком хорошо и для него самого, но уж, вне всякого сомнения, совсем не устраивало покинутых им девушек, потерянно слонявшихся по городу. После Олвина им требовался слишком уж долгий срок, чтобы обрести утешение где-нибудь в другом месте. Как обратил внимание Джизирак, Алистра сейчас как раз вступила в эту несчастную стадию.

И дело было вовсе не в том, что Олвину не хватало сердца или заинтересованности. Просто в любви, как и во всем остальном, он, похоже, стремился к цели, которую Диаспар не мог ему указать.

Эти черточки характера мальчика не слишком тревожили Джизирака. От Неповторимого вполне можно было ожидать именно такого вот поведения, но в должный срок Олвин, конечно же, воспримет существующий в городе образ жизни. Ни один индивидуум, как бы эксцентричен, как бы талантлив он ни был, не сумел бы оказать возмущающего влияния на колоссальную инерцию общества, которое оставалось неизменным на протяжении более чем миллиарда лет. Джизирак не просто свято верил в эту стабильность. Ничего иного он и помыслить себе не мог.

— Проблема, волнующая тебя, очень стара,— говаривал Джизирак Олвину.— Но ты удивишься, узнав, какое

множество людей принимают этот мир как нечто само собой разумеющееся — и до такой степени, что проблема эта никогда не только не тревожит их, но и в голову-то им не приходит! Верно, было время — человечество занимало пространство бесконечно большее, нежели этот город. Отчасти ты знаком с тем, чем была Земля до той поры, пока не восторжествовала пустыня и не исчезли океаны. Видеозаписи, которые ты так любишь,— одни из самых ранних, какие только есть в нашем распоряжении. Они единственные, на которых Земля запечатлена в том виде, в каком она была до появления Пришельцев. Не могу себе представить, чтобы записи эти оказались известны заметному кругу людей. Ведь безграничные, открытые пространства — суть нечто для нас невыносимое и непостижимое.

Но ты сам понимаешь, наша Земля была лишь ничтожной песчинкой Галактической Империи. Какие они из себя, черные пространства между звездами,— это такой кошмар, который ни один человек в здравом уме не станет даже и пытаться себе вообразить. Наши предки впервые покорили эти пространства на заре истории, когда они отправились в космос создавать Империю. И они снова пересекли межзвездную пропасть'— в самый последний раз,— когда Пришельцы отбросили их обратно на Землю.

Легенда — и это только легенда — повествует о том, что мы заключили с Пришельцами некий пакт. Они могли забирать себе Вселенную, коли она так уж была им нужна, а мы удовольствовались миром, в котором родились.

Мы соблюдали этот договор, предав забвению честолюбивые устремления своего детства, как оставишь их и ты, Олвин. Люди, выстроившие этот город, создавшие общество, населяющее его, безраздельно повелевали силами человеческого разума — так же как и материей. Они поместили внутри стен этого города все, что могло бы когда-либо понадобиться землянам, после чего постарались, чтобы мы никогда не покинули пределов Диаспара.

О, физические препятствия — они-то как раз наименее существенны. Кто его знает, возможно, и есть пути, которые ведут за пределы города, но я не думаю, что по ним мож-

но уйти далеко, даже если ты их и обнаружишь. Но пусть тебе даже и удастся эта попытка — что толку? Твое тело не сможет долго продержаться в пустыне, где город уже будет не в состоянии защищать и кормить тебя.

— Но если есть какой-то путь, ведущий из города,— медленно проговорил Олвин,— то что мешает мне выйти?

— Вопрос не из умных,— откликнулся Джизирак.— Полагаю, что ответ ты уже знаешь и сам.

Джизирак был прав, но не совсем так, как ему представлялось. Олвин знал ответ — или, лучше сказать, он его угадывал. Истину подсказали ему его товарищи — своим поведением наяву и в тех полугрезах с приключениями, которые он разделял с ними. Они были абсолютно не способны покинуть Диаспар. Джизирак, однако, не знал другого: непреложность этого правила, двигающего их жизнью, не имела ровно никакой силы над Олвином. Чем бы ни была вызвана его Неповторимость — случайностью ли, древним ли расчетом (Олвин этого не знал),— но этот дар явился одним из ее следствий. Снедало любопытство: сколько же еще таких вот, как он сам, встретится ему в жизни?

...В Диаспаре никто никогда не спешил, и даже Олвин редко нарушал это правило. Он тщательно осмысливал свою проблему на протяжении нескольких недель и тратил бездну времени в поисках самых ранних записей Памяти города. Часами лежал он, поддерживаемый неощутимыми ладонями гравикомпенсаторного поля, в то время как гипноновый проектор раскрывал его сознание навстречу прошлому. Кончалась запись, проектор расплывался и исчезал, но Олвин все лежал, уставясь в пустоту, и не спешил возвращаться из глубины столетий к реальностям своего мира. Он снова и снова видел безбрежные пространства голубых вод — куда более громадные, чем пространства суши,— и волны, накатывающиеся на золотые отмели побережий. В ушах у него звенел грохот гигантских валов, отшумевших миллиарды лет назад. Он вызывал в памяти леса и прерии и удивительных животных, которые когда-то делили Землю с Человеком.

Древних этих записей обнаружилось совсем немного. Было принято считать, хотя никто и не знал почему, что где-то в промежутке между появлением Пришельцев и основанием Диаспара все воспоминания о тех примитивных временах были утрачены. Стирание общественной памяти было настолько полным, что невозможно было поверить, будто такое могло произойти в силу какой-то случайности. Человечество забыло свое прошлое — за исключением нескольких хроник, которые могли оказаться не более чем легендами. Все, что было до Диаспара, называлось просто — Века Рассвета. В этой непостижимой временной пропасти буквально бок о бок сосуществовали первобытные люди, едва-едва научившиеся пользоваться огнем, и те, кто впервые высвободил атомную энергию; тот, кто первым выжег и выдолбил каноэ из цельного ствола дерева, и тот, кто первым же устремился к звездам. На той, дальней стороне пустыни Времени все они проживали соседями, современниками...

...Эту прогулку Олвин вознамерился было совершить, как и прежде, в одиночестве, однако уединиться в Диаспаре удавалось далеко не всегда. Едва он вышел из комнаты, как встретил Алистру, которая даже и попытки не сделала показать, что оказалась здесь по чистой случайности.

Олвину и в голову не приходило, что Алистра красива, поскольку ему никогда не случалось сталкиваться с уродством. Когда прекрасное окружает нас со всех сторон, оно утрачивает способность трогать сердце, и произвести какой-то эмоциональный эффект может лишь его отсутствие.

В первое мгновение Олвин испытал раздражение — встреча напомнила ему о страстях, которые его больше не испепеляли. Он был еще слишком молод и слишком полагался на себя самого, чтобы чувствовать необходимость в какой-то длительной привязанности, и, приди время, ему, возможно, будет нелегко такими привязанностями обзавестись. Даже в самые интимные моменты барьер этой непохожести на других вставал между ним и его возлюбленными. Хотя тело его и сформировалось, он тем не менее все еще оставался ребенком, и таковым ему было суждено пребывать на протяжении многих десятилетий, в то время как его това-

рищи один за другим возродят воспоминания о своих прежних жизнях и оставят его далеко позади. Ему уже приходилось сталкиваться с этим, и он приучился быть осторожным и не отдаваться безоглядно обаянию личности другого человека. Даже Алистра, кажущаяся сейчас такой наивной, лишенной какой бы то ни было искусственности, станет вскоре сложным конгломератом воспоминаний и талантов, далеко превосходящих все, что он мог бы себе вообразить.

Но едва проклюнувшееся было раздражение почти тотчас бесследно исчезло. Не существовало ровно никаких причин, по которым Алистра не должна была бы идти с ним, коли уж ей так этого захотелось. Олвин не был эгоистом и не стремился, как нищий суму, ревниво прижимать к груди новый свой опыт. В сущности, он, возможно, сумел бы узнать много интересного для себя по ее реакции на то, что ей предстояло увидеть...

Пока экспресс-тротуар выносил их за пределы заполоненного людьми центра города, Алистра — что было для нее как-то необычно — не задавала никаких вопросов. Вместе они добрались до центральной, самой скоростной линии, не удосужившись и взгляда бросить на чудеса, расстилающиеся у них под ногами. Инженер из мира древности тихо сошел бы с ума, пытаясь, к примеру, уразуметь, каким образом твердое, по всей видимости, покрытие тротуара может быть неподвижным по краям, а ближе к центру — двигаться со все увеличивающейся скоростью. Но для Олвина и Алистры существование вещества, которое обладает свойствами твердого тела в одном направлении и жидкости — в другом, представлялось совершенно естественным.

Здания вокруг них вздымались все выше и выше, словно бы город угрожающе наставлял свои башни против внешнего мира. Как странно было бы, подумалось Олвину, если бы эти громоздящиеся стены стали вдруг прозрачными, будто стекло, и можно было бы наблюдать жизнь, протекающую там, внутри... Рассеянные в пространстве вокруг него, жили друзья, которых он знал хорошо, и те, с кем в один прекрасный день ему еще предстоит познакомиться, и те из сограждан, с которыми ему не встретиться никогда,— хотя как раз

таких-то могло оказаться совсем немного, поскольку на протяжении жизни ему придется повстречаться едва ли не с каждым в Диаспаре. По большей части все эти люди сидят сейчас, вероятно, в своих неприступных комнатах, однако они вовсе не одиноки. Стоит только каждому из них сформировать мысль-пожелание, как он сразу очутится — во всех смыслах, кроме физического,— перед лицом любого избранного им в собеседники жителя Диаспара. Эти люди не ведали, что такое скука, поскольку имели доступ ко всему, что происходило в мире воображения и в реальной жизни с тех самых времен, когда был построен этот город. Людей, чье сознание было устроено таким вот образом, город обеспечивал всем необходимым с безукоризненной полнотой. А того, что такое существование является, в сущности, совершенно бесплодным, не понимал даже и сам Олвин.

По мере того как молодые люди выбирались из центра города к его окраине, число встречных на улицах все уменьшалось, и, когда тротуар плавно остановился у очень длинной платформы, сложенной из яркого мрамора, вокруг них уже не было ни одной живой души. Они пересекли застывший водоворот вещества, из которого эта странная субстанция струящегося тротуара возвращалась к истоку, и остановились перед стеной, пронизанной ослепительно освещенными туннелями. Олвин без колебаний выбрал один из них и ступил в него. Алистра следовала за ним по пятам. Перистальтическое поле тотчас же подхватило их и понесло, а они, откинувшись — ни на что! — удобно полулежали и разглядывали окружающее.

Просто не верилось, что туннель этот проложен где-то в глубочайших недрах города. Искусство, пользовавшееся Диаспаром как одним огромным холстом, проникло и сюда, и им казалось, что небо над ними распахнуто навстречу райски ароматным и свежим ветрам. Сияющие на солнце башни города окружали их. Это был вовсе не тот город, в котором так легко ориентировался Олвин, а Диаспар времен куда более ранних. Большинство всех этих гигантских зданий узнавались, но тем не менее окружающему были присущи и некоторые отличия — впрочем, они делали пейзаж

еще более интересным. Олвину хотелось бы немного задержаться, но он просто не знал способа остановить это плавное движение через туннель.

Вскоре невидимая сила мягко опустила их на пол просторного эллиптического зала, по всему периметру которого шли окна. Через них молодые люди могли охватить взором невыразимо манящий ландшафт — сады, пылающие ярким, пламенем цветов. Да, в Диаспаре были и сады — хотя бы вот эти, но они существовали только в воображении художника, который их создал. Вне всякого сомнения, таких цветов, как эти, на самом деле в природе не существовало.

Алистра была заворожена их красотой. Она, похоже, думала, что Олвин и привел-то ее сюда единственно для того, чтобы полюбоваться на них. Некоторое время он наблюдал за девушкой, весело и легко перебегающей от окна к окну, и делил с нею радость каждого ее открытия. В полупокинутых зданиях по внешней границе Диаспара таились сотни таких вот мест, и какие-то скрытые силы, следящие за ними, непрестанно поддерживали их в безупречном состоянии. В один прекрасный день приливная волна жизни, возможно, снова хлынет сюда, но до поры этот древний сад оставался тайной, существующей только для них двоих.

— Нам дальше,— проговорил наконец Олвин.— Ведь это только начало...

Он прошел через одно из окон, и... иллюзия разрушилась. За пропустившим его «стеклом» не было никакого сада — только круговой проход, круто загибающийся кверху. Олвин все еще видел Алистру — в нескольких шагах от себя,— но знал, что она-то его уже не видит. Алистра, однако, не заставила себя ждать. Секундой позже она уже стояла рядом с ним.

Пол у них под ногами медленно пополз вперед, словно бы изъявляя полную свою готовность незамедлительно доставить их к цели путешествия. Они сделали было по нему несколько шагов, но скорость пола стала уже столь большой, что не было ровно никакой необходимости шагать еще и самим.

Проход все так же поднимался вверх и через сотню футов шел уже под совершенно прямым углом к первоначальному своему положению. Впрочем, постичь эту перемену можно было лишь логикой, ибо чувства говорили, что движение происходит по безупречной горизонтали. Тот факт, что на самом-то деле они двигались вверх по стенке вертикальной шахты глубиной в несколько тысяч футов, совершенно не тревожил молодых людей: отказ гравикомпенсаторного поля был просто немыслим.

Наконец коридор пошел с «наклоном» вниз, пока опять не изменил своего направления под прямым углом к вертикальной плоскости. Движение пола неприметным образом вее более и более замедлялось, наконец он совсем остановился в конце длинного зала, стены которого были выложены зеркалами, и Олвин понял, что уж здесь-то Алистру никак не поторопишь. Дело было не только в том, что некоторые черты женского характера без малейших изменений выжили со времен Евы: просто никто не смог бы не поддаться очарованию этого места. Ничего подобного ему, насколько было известно Олвину, в Диаспаре не существовало. Благодаря какой-то уловке художника только некоторые из этих зеркал отражали мир таким, каким он был на самом деле, и даже они — Олвин был в этом убежден — беспрестанно меняли изображение. Остальные, конечно, тоже отражали нечто, но было как-то жутковато видеть себя расхаживающим среди переменчивой и совершенно нереальной, выдуманной кем-то обстановки.

Порой в этом Зазеркалье возникали и другие люди, они двигались в разных направлениях, и Олвин несколько раз отметил в толпе знакомые лица. Он отлично отдавал себе отчет в том, что это вовсе не были его друзья по нынешнему существованию. Глазами неизвестного художника он глядел в прошлое и видел предыдущие воплощения тех, кто сейчас населял мир. Напомнив о его непохожести на других, пришла печальная мысль, что, сколько бы он ни ждал перед этими переменчивыми картинами, никогда ему не увидеть древнего эха самого себя...

— Знаешь, где мы? — спросил Олвин у Алистры, когда они миновали зеркальный зал.

Алистра отрицательно покачала головой.

— Наверное, где-то у самой-самой окраины города,— беззаботно ответила она.— Похоже, что мы забрались очень далеко, а вот куда именно — я и понятия не имею.

— Мы — в башне Лоранна,— объяснил Олвин,— это одна из самых высоких точек Диаспара. Идем, я тебе покажу.

Он взял девушку за руку и вывел ее из зала. Собственно, никакого видимого выхода здесь не было, но кое-где рисунок на полу указывал, что отсюда ответвляется боковой коридор. Стоило в таком месте приблизиться к зеркальной стене, как отражения в ней, казалось, сплавлялись в светящуюся арку, и через нее можно было проникнуть в еще один проход. Алистру давно сбили с толку все эти повороты, но наконец они вышли в длинный, совершенно прямой тунель, в котором с постоянной силой дул холодный ветер. Туннель простирался горизонтально на сотни футов в обоих направлениях, и окончания его представлялись лишь крохотными светлыми кружочками.

— Не нравится мне здесь,— поежилась Алистра.— Здесь холодно!

Очень могло быть, что ей еще ни разу в жизни не приходилось сталкиваться с настоящим холодом, и Олвин почувствовал себя несколько виновато. Ему следовало бы предупредить девушку, чтобы она прихватила с собой какую-нибудь накидку, и потеплее, поскольку обычная, повседневная одежда в Диаспаре была чисто декоративной и в смысле защиты от холода толку от нее не было никакого.

Поскольку испытываемые Алистрой неприятные ощущения целиком лежали на его совести, он молча передал ей свой плащ. Галантности в этом не было и следа — равенство полов уже слишком долго было абсолютно полным, чтобы такие условности еще имели право на существование. Озябни он — Алистра отдала бы ему свой плащ и он принял бы эту помощь как нечто само собой разумеющееся.

Ветер подталкивал их в спину, идти было даже приятно, и вскоре они добрались до конца туннеля. Широкая решетка из резного камня преградила им путь — и кстати, поскольку они стояли теперь над пустотой. Огромное вентиляционное отверстие открывалось прямо на отвесной стене башни, и под ними зияла пропасть глубиной по меньшей мере в тысячу футов. Они находились высоко на внешнем обводе города, и Диаспар расстилался под ними — мало кто из их мира когда-либо видел его таким.

Им представилась картина, обратная тому, что наблюдал Олвин из центра Парка. Теперь он уже сверху вниз смотрел на концентрические волны камня и металла, многомильными дугами уходящие к центру города. Далеко-далеко, за силуэтами башен виднелись лужайки, деревья и Река с ее вечным круговым течением. А еще дальше к небу снова начинали карабкаться бастионы Диаспара.

Стоя рядом с Олвином, Алистра тоже глядела на открывшийся вид — глядела с удовольствием, однако без малейшего удивления. Ей и прежде приходилось бессчетное число раз видеть свой город с почти столь же высоких точек, разве что только в обстановке куда более комфортабельной.

— Вот он, наш мир, весь, целиком,— проговорил Олвин.— А теперь я хочу показать тебе кое-что еще.

Он повернулся спиной к решетке и двинулся навстречу далекому светлому пятнышку на противоположном конце туннеля. Ветер холодил его едва прикрытое тело, но Олвин не замечал этого и с каждым шагом все дальше и дальше погружался в струи встречного потока воздуха.

Он прошагал всего ничего, когда до него вдруг дошло, что Алистра так и не двинулась с места. Она стояла и смотрела на него. Плащ, который он ей дал, трепетал на ветру, одна рука девушки застыла на полпути к лицу. Олвин видел, что губы ее шевелятся, но слова не долетали до него. Он оглянулся на нее сперва удивленно, потом с нетерпением и не без жалости. То, о чем толковал Джизирак, оказалось правдой: Алистра просто не могла следовать за ним! Она догадалась, что означал этот дальний кружок света, через который в Диаспар от века стремился поток воздуха. За ее спиной

цвел знакомый ей мир, полный чудес, но лишенный тайны, плывущей по реке Времени, подобно блистающему, но наглухо запаянному пузырьку. А впереди, на расстоянии каких-то нескольких шагов, простирались запустение и дикость — мир пустыни, мир Пришельцев...

Олвин возвратился к девушке и удивился, обнаружив, что ее бьет дрожь.

— Чего ты испугалась? — спросил он.— Мы же все еще в Диаспаре, в безопасности! И раз уж мы выглянули в то окошко, что позади нас, то, конечно же, можем поглядеть и в это!

Алистра смотрела на него так, как если бы он был каким-то неведомым чудовищем. Да, собственно, по ее разумению, так оно и было.

— Ни за что не смогу...— прошептала она наконец.— Стоит мне только подумать об этом, как меня прямо мороз пробирает — холодно делается почище, чем от этого вот ветра. Ой, Олвин, не ходи дальше!

— Но ведь в этом же нет никакой логики! — укоризненно настаивал он.— Ну что с тобой может приключиться, если ты дойдешь до того конца туннеля и выглянешь наружу? Конечно, место там странное и пустынное, но ведь в нем нет ничего ужасного. Честно говоря, чем дольше я туда смотрю, тем красивее мне все там кажется.

Алистра даже не дала себе труда дослушать. Она резко повернулась на каблуках и побежала по длинному проходу, который вознес их сюда сквозь пол вентиляционного туннеля. Олвин не сделал ни малейшего движения, чтобы задержать ее. Это было бы вопиющим проявлением дурных манер — навязывать другому человеку свою волю. Ему было понятно, что принуждение в таком вот деле совершенно бесполезно. Он знает, что Алистра теперь не остановится, пока не возвратится к своим друзьям. Опасности, что она заблудится в лабиринтах города, не существовало, поскольку ей совсем не трудно будет восстановить путь, приведший их сюда. Инстинктивная способность отыскивать выход из самых запутанных лабиринтов была еще одним из многочисленных достижений человека, которых он добился с той поры, как начал жить в городах. Вымершие давным-давно

крысы тоже были вынуждены выучиться этому, когда покинули свои норы в полях и присоединились к горожанам.

Олвин постоял еще немного, словно надеясь, что Алистра возвратится. Сама по себе реакция девушки его не удивила. Странными были только бурность ее проявления и полная иррациональность. И хотя ему было искренне жаль, что Алистра ушла, он все же не мог не подосадовать, что она не оставила ему его плащ.

Идти наперекор потоку ветра, вливавшегося в легкие города, было не только холодно, но и просто трудно. Олвину приходилось преодолевать и сопротивление стены воздуха, и ту силу, которая тянула его в город. Только добравшись до решетки и ухватившись за нее, он смог расслабиться. Промежутки в решетке были достаточно велики, чтобы он мог просунуть наружу голову, но все равно поле зрения у него оказалось, в общем-то, ограниченным, потому что входное устье вентиляционной трубы было заметно притоплено в наружной стене города.

И все же, несмотря ни на что, некоторые детали он смог разглядеть достаточно хорошо. Далеко-далеко внизу свет солнца убегал из пустыни. Почти горизонтальные лучи, проходя сквозь решетку, отбрасывали в глубину туннеля перемежающийся узор золота и черни. Слепящее сияние заставило Олвина прижмуриться. Он стал пристально смотреть вниз — на землю, по которой на протяжении неведомого количества веков не ступала нога человека.

Ему представилось, что он разглядывает навсегда замерзшее море. Ибо миля за милей песчаные дюны волнами шли к западу и очертания их странно искажались в лучах заходящего солнца. Там и сям непостижимые капризы ветра изваяли в песке какие-то водовороты и лощины, и порой трудно было поверить, что все это — работа стихии, а не дело рук каких-то разумных существ. Где-то в дальней дали — так далеко, что он просто не в силах был оценить расстояние,— тянулась гряда слегка сглаженных холмов. Холмы эти разочаровали Олвина: он дорого дал бы, чтобы увидеть вздымающиеся вершины, образ которых ему подарили древние видеозаписи и собственные его грезы.

Солнце уже касалось кромки холмов, свет его, ослабленный сотнями миль атмосферы, через которую ему приходилось пробиваться, был красен. На диске светила можно было различить два огромных черных пятна. Олвин знал из уроков, что это в порядке вещей, но подивился, что может, оказывается, наблюдать это явление вот так, запросто. Пятна очень напоминали два каких-то глаза, уставившихся на него, одинокого, скрючившегося в своем наблюдательном пункте, где ветер не переставая свистел и свистел в ушах.

Сумерки так и не наступили. С уходом солнца лужи черной тени, плескавшиеся меж дюн, сразу же стремительно слились в одно необозримое озеро тьмы. Краски схлынули с неба, теплота киновари и золота истаяла, оставив после себя лишь ледяную голубизну, которая становилась все глубже и глубже, оборачиваясь черной синевой ночи. Олвин ждал того дух захватывающего мига, который из всего человечества был ведом только ему одному,— мига, когда самая первая звезда, дрожа, пробудится к жизни.

Много недель минуло с того дня, когда он стоял здесь в последний раз, и он знал, что рисунок ночного неба за это время должен был перемениться. И все равно он оказался не готов к первой встрече с Семью Солнцами.

Они не могли называться никак иначе; его губы непроизвольно прошептали именно эти два слова. Семь Солнц составляли небольшую, очень тесную и удивительно симметричную группу на небе, еще слегка согретом дыханием ушедшего дневного светила. Шесть из них располагались несколько вытянутым эллипсом, который в действительности — Олвин был в этом уверен — являлся безупречной окружностью, только чуть наклоненной по отношению к лучу зрения. Все семь звезд сияли разными цветами: он мог разобрать красный, голубой, золотистый и зеленый — оттенки других не поддавались глазу. И точнехонько в центре всего этого строя сверкал одинокий белый гигант — самая яркая звезда на обозримом небосводе. Вся друза удивительно напоминала драгоценное ювелирное изделие. Казалось немыслимым, выходящим за рамки законов вероятности, чтобы создать столь совершенное произведение могла сама природа.

По мере того как глаза Олвина медленно обвыкались в темноте, он стал различать и гигантский туманный занавес, который когда-то называли Млечным Путем. Он простирался от зенита к горизонту, и Семь Солнц были пришпилены к его складкам. Вот появились и другие звезды, почти столь же яркие, но, разбросанные группами там и сям, они лишь подчеркивали тайну безупречной симметрии Семерки. Казалось, что чья-то неведомая воля сознательно бросила вызов беспорядочности природной Вселенной, пометив звездное небо своей печатью.

Всего десяток раз, не более того, повернулась Галактика вокруг своей оси с тех пор, как Человек впервые пошел по Земле. По собственным масштабам Галактики это было всего́ лишь мгновение. И все же за этот ничтожный срок она изменилась неузнаваемо: куда как больше, нежели имела право по логике естественного хода событий. Великие солнца, что когда-то, во времена своей гордой юности, пылали столь неистово, теперь угасали, приговоренные. Но Олвин никогда не видел неба в его древней красе и поэтому просто не представлял себе, что же оказалось утрачено.

Холод, пронизывающий его до костей, заставлял возвращаться обратно в город. Олвин оторвался от решетки и принялся растираться, чтобы восстановить кровообращение в озябших руках и ногах. Впереди, в том, дальнем конце тунеля, свет, струившийся из Диаспара, был настолько нестерпим, что на мгновение пришлось отвести глаза. За пределами города существовали и день и ночь, но в его стенах сиял вечный полдень. По мере того как солнце садилось, небо над Диаспаром наполнялось рукотворным светом и никто не замечал мига, когда исчезало естественное освещение. Люди изгнали тьму из своих городов еще до того, как научились обходиться без сна. Единственная, так сказать, ночь, которая когда-либо задевала Диаспар своим крылом, наступала во время случавшегося достаточно редко и совершенно непредсказуемого затемнения — время от времени оно окутывало Парк, превращая его в средоточие какой-то тайны.

Олвин медленно двинулся в обратный путь через зеркальный зал. Его сознание все еще было занято картиной

ночи и звезд. Он испытывал и необъяснимый подъем и в то же время был немало подавлен. Он не находил ровно никакого способа, при помощи которого мог бы скользнуть в эту огромную пустоту, да, собственно, не видел и никакой разумной причины так поступить. Джизирак сказал, что человек там, в пустыне, обречен на скорую гибель, и Олвин вполне ему верил. Быть может, наступит день и он отыщет способ покинуть Диаспар, но он знал, что даже в этом случае вскоре ему придется вернуться. Уйти в пустыню было бы забавной игрой, не более того. И игрой, которую он не сможет разделить ни с кем, и сама по себе она не даст ему ничего... И все же на это стоит пойти хотя бы только для того, чтобы унять душевную тоску.

Словно не желая возвращаться в знакомый мир, Олвин бродил и бродил среди отражений прошлого. Остановившись перед одним из огромных зеркал, он стал рассматривать изображения, которые то появлялись, то исчезали в его глубине. Неведомый механизм, управлявший этими образами, контролировался, надо полагать, самим присутствием Олвина и до некоторой степени его мыслями. Когда он входил в это помещение, зеркала вначале всегда были слепы, но стоило ему только начать двигаться, как они тотчас же наполнялись действием.

Было похоже, что он стоит в каком-то просторном открытом дворе, которого он никогда прежде не видел, но который, вполне вероятно, и впрямь существовал где-нибудь в Диаспаре. Двор этот был необычно многолюден, похоже, что здесь происходило какое-то собрание. На приподнятой платформе двое мужчин вели вежливый спор, а их сторонники стояли внизу и время от времени бросали спорящим реплики. Полнейшая тишина лишь добавляла очарования происходящему: воображение немедленно принялось восполнять отсутствующие звуки. О чем они спорят? — думал Олвин. Быть может, это вовсе не какая-то реальная сцена из прошлого? Тщательно продуманная и сбалансированная расстановка фигур, несколько театральные движения — все это делало происходящее в зеркале чуточку слишком «причесанным» для настоящей жизни.

Олвин всматривался в лица в толпе, пытаясь разглядеть хоть кого-нибудь из знакомых, но никого не находил. Впрочем, он, возможно, глядел на лица тех друзей, которых ему не повстречать еще на протяжении нескольких столетий. Сколько существует возможных типов лиц? Число это невообразимо, но все-таки оно не бесконечно, в особенности теперь, когда все малоэстетичные вариации устранены...

Люди в Зазеркалье продолжали свой давно уже никому не нужный спор, не обращая ровно никакого внимания на Олвина, отражение которого недвижимо стояло среди них. В сущности, было очень непросто поверить, что сам он не является реальным участником происходящего,— так безупречна была иллюзия. Когда один из фантомов в зеркале прошелся за спиной Олвина, то фигура последнего перекрыла его, как это было бы в реальном мире. А когда кто-то из присутствующих переместился перед ним, то заслонил его, Олвина, своим телом.

Он уже хотел было уйти, когда обратил внимание на странно одетого человека, стоящего несколько в стороне от основной группы. Его движения, его одежда, все в его облике казалось несколько не в стиле собравшихся. Он нарушал общий рисунок; как и Олвин, он выглядел среди остальных каким-то анахронизмом.

И уж совсем поразительно — он был реален, и он смотрел на Олвина со слегка насмешливой улыбкой.

ГЛАВА 5

За свою короткую жизнь Олвину удалось повстречаться не более чем с какой-нибудь одной тысячной жителей Диаспара. Поэтому он ничуть не удивился, что сейчас перед ним стоял незнакомец. Поразило его лишь то, что оказалось возможным вообще встретить кого бы то ни было в этой заброшенной башне, столь близко от границы неизведанного.

Олвин повернулся спиной к миру Зазеркалья и оказался лицом к лицу с непрошеным гостем. Но прежде чем он успел раскрыть рот, тот уже обратился к нему:

— Насколько я понимаю, ты Олвин. Когда я обнаружил, что сюда кто-то приходит, мне следовало бы сразу же догадаться...

Замечание это, несомненно, было сделано без всякого намерения обидеть, это была просто констатация факта, и Олвин так его и воспринял. Он не удивился тому, что его узнали: нравилось ему это или нет, но уже сам факт его непохожести на других, его еще не раскрывшиеся, но уже прозреваемые возможности делали его известным каждому в городе.

— Я — Хедрон,— сказал незнакомец, словно бы это все объясняло.— Они называют меня Шутом.

Олвин непонимающе смотрел на него, и Хедрон пожал плечами с насмешливой покорностью:

— Вот она, слава! Хотя... ты еще юн, и жизнь пока не выкидывала с тобой никаких своих штучек. Твое невежество извинительно.

Он был какой-то приятно-необычный, этот Хедрон. Олвин порылся в памяти, пытаясь отыскать значение странного слова «шут». Оно будило какие-то туманные воспоминания, но он никак не мог сообразить — какие именно. В сложной общественной жизни Диаспара в ходу было множество всяких титулов и прозвищ, и, чтобы выучить их все, требовалось прожить целую жизнь.

— И часто ты приходишь сюда? — немного ревниво спросил Олвин.

Он уже как-то привык считать башню Лоранна своей собственностью и теперь испытывал нечто вроде раздражения оттого, что ее чудеса оказались известны кому-то еще. Интересно, подумал он, выглядывал ли когда-нибудь Хедрон в пустыню, видел ли он, как звезды скатываются за западный край земли?

— Нет,— ответил Хедрон, уловив эти его невысказанные мысли.— Я не был здесь прежде ни разу. Но мне доставляет удовольствие узнавать о всякого рода необычных происшествиях в городе, а с тех пор как некто посещал башню Лоранна, прошло уже очень много времени.

Олвин мимолетно подивился, откуда Хедрон мог узнать о его предыдущих визитах сюда, но быстро оставил эту те-

му. Диаспар был полон ушей и глаз, а также других, куда более тонких органов восприятия, которые информировали город обо всем, что происходило в его стенах. И если кому-то очень уж приспичило, он, без сомнения, мог найти способ подсоединиться к соответствующим каналам информации.

— Даже если это и необычно, чтобы кто-то приходил сюда,— проговорил Олвин, словно бы защищаясь,— почему это должно тебя интересовать?

— Потому что все необычное в Диаспаре — это моя прерогатива,— ответил Хедрон.— Я обратил на тебя внимание еще очень давно и знал, что нам однажды предстоит встретиться. Я ведь тоже — на свой лад — единственный в своем роде. О, совсем не в том смысле, в каком ты! — я тысячу раз выходил из Зала Творения. Но когда-то давно, в самом начале, меня определили на роль Шута, а в каждый настоящий момент в Диаспаре живет только один Шут. Многие, впрочем, полагают, что и одного-то слишком много.

В голосе Хедрона звучала ирония, удивлявшая Олвина. Было не в лучших манерах задавать прямые личные вопросы, но, в конце концов, Хедрон сам затеял весь этот разговор.

— Прошу простить мне мое невежество,— сказал Олвин,— но что это такое — «Шут» и что он делает?

— Ты спросил — «что?», поэтому я начну с ответа на вопрос — «почему?»,— ответил Хедрон.— История эта довольно длинная, но мне представляется, что тебе будет интересно.

— Мне все интересно,— отозвался Олвин, и это была достаточно полная правда.

— Превосходно! Так вот, те люди — если они были людьми, в чем я порой сильно сомневаюсь,— которые создали Диаспар, должны были решить невероятно сложную проблему. Диаспар — это не просто машина. Ты знаешь — это живой организм, да еще и бессмертный к тому же. Мы настолько привыкли к нашему обществу, что и представить себе не можем, каким странным показалось бы оно нашим первым предкам. У нас здесь маленький, закрытый мирок,

никогда ни в чем не меняющийся, за исключением разве что незначительных деталей, совершенно стабильный — от века к веку. Он, возможно, существует дольше, чем длилась вся человеческая история до него,— и тем не менее в *той* истории человечества насчитывалось, как принято думать, бесчисленное множество тысяч отдельных культур и цивилизаций, которые какое-то время держались, а затем исчезали без следа. Так как же, спрашивается, Диаспар достиг этой своей исключительной стабильности?

Олвину странно было, что кто-то может задаваться столь элементарным вопросом, и его надежды узнать что-нибудь новенькое стали тускнеть.

— Благодаря Хранилищам Памяти, естественно,— ответил он.— Диаспар всегда состоит из одних и тех же людей, хотя их сочетания изменяются по мере того, как создаются или уничтожаются их физические оболочки.

Хедрон покачал головой.

— Это всего лишь очень и очень незначительная часть ответа. С теми же точно людьми можно построить множество модификаций общества. Я не могу этого доказать — у меня нет прямых свидетельств этому,— но я все-таки убежден, что так оно и есть. Создатели нашего города не только строго определили число его обитателей, они еще и установили законы, руководящие нашим поведением. Мы едва ли отдаем себе отчет в том, что эти законы существуют, но мы им повинуемся. Диаспар — это замерзшая культура, которая не в состоянии выйти за свои весьма узкие рамки. В Хранилищах Памяти помимо матриц наших тел и личностей содержится еще так много всего другого... Они хранят формулу самого города, удерживая каждый его атом точно на своем месте, несмотря на все изменения, которые может принести время. Взгляни, к примеру, на этот пол: его настелили миллионы лет назад, и по нему с тех пор прошло бессчетное число ног. А видишь ли ты хоть какие-нибудь следы износа? Незащищенное вещество, как бы прочно оно ни было, уже давным-давно было бы истоптано в пыль. Но до тех пор, пока есть энергия, поддерживающая функционирование Хранилищ Памяти, и до тех пор, пока собранные

в них матрицы контролируют структуру города, физическое состояние Диаспара не изменится ни на йоту.

— Но ведь были же и некоторые изменения,— возразил Олвин.— С тех пор как город был построен, многие здания снесли, а на их месте возвели новые.

— Да, конечно,— но только в результате стирания информации, содержащейся в Хранилищах Памяти, и замещения ее новыми формулами... Как бы там ни было, я упомянул об этом просто в качестве примера работы механизма, с помощью которого город сохраняет свой физический облик. Мне же хочется подчеркнуть, что в то же самое время есть и механизмы, которые сохраняют нашу социальную структуру. Они следят за малейшими изменениями и исправляют их, прежде чем те станут слишком уж заметными. Как это делается? Не знаю — возможно, путем отбора тех, кто выходит из Зала Творения. А может быть, что-то перестраивают матрицы наших индивидуальностей. Мы склонны полагать, что обладаем свободой воли, но можем ли мы быть в этом уверены?

В любом случае эта проблема была решена. Диаспар выжил и благополучно движется от столетия к столетию, подобно гигантскому кораблю, грузом которого являются все и всё, что осталось от человеческой расы. Это выдающееся достижение социальной инженерии, хотя стоило ли всем этим заниматься — совсем другой вопрос.

Но стабильность — это еще не все. Она очень легко ведет к застою, а затем и к упадку. Создатели города предприняли очень сложные меры, чтобы избежать как того, так и другого, хотя эти вот покинутые здания свидетельствуют, что полного успеха они добиться не сумели. Я, Хедрон-Шут, являюсь частью их сложного плана. Очень возможно — весьма незначительной частью. Мне, конечно, нравится думать, что это не так, но я не могу быть в этом уверен.

— И в чем же суть этой роли? — спросил Олвин, который все еще почти ничего не понимал и начал уже понемножку отчаиваться.

— Ну, скажем так — я вношу в жизнь города некоторое рассчитанное количество беспорядка. И объяснить мои дей-

ствия — значит погубить их эффективность. Судите меня по делам моим, хотя их и не много, а не по словам, пусть они и изобильны.

Никогда прежде Олвин не встречал никого похожего на Хедрона. Шут оказался истинной личностью — человеком, который, насколько мог судить Олвин, на две головы возвышался над всеобщим уровнем однообразия, столь типичным для Диаспара. И хотя казалось, что установить в точности, в чем заключаются его обязанности и как он их выполняет, нет никакой надежды, это едва ли имело значение. Важно то, чувствовал Олвин, что существует некто, с кем он может поговорить — случись пауза в этом монологе — и кто в состоянии дать ответы на многие из загадок, мучающих его уже так долго.

Они вместе двинулись в обратный путь по коридорам башни Лоранна и вышли наружу неподалеку от пустынной движущейся мостовой. Только когда они уже очутились на улицах города, Олвину пришло на ум, что Хедрон так и не поинтересовался у него, что же он делал там, на границе с неведомым. Он подозревал, что Хедрон это знал, ситуация представляла для него известный интерес, но он ей не удивлялся. Что-то подсказывало Олвину, что чем-то удивить Хедрона было бы очень нелегко.

Они обменялись индексами связи, чтобы в любое время вызвать друг друга. Олвину очень захотелось почаще встречаться с Шутом, хотя он и задумался, не окажется ли общество этого человека чересчур утомительным, прими беседа более долгий характер. Перед тем как им встретиться снова, он, однако, хотел бы выяснить, что могут сообщить ему о Хедроне его друзья, и особенно — Джизирак.

— До следующей встречи,— проговорил Хедрон и тотчас же растаял.

Олвина покоробило. Принято было, если вы встречались с человеком, всего лишь проецируя себя, а не будучи представленным во плоти, дать это понять собеседнику с самого начала. Иногда, если собеседник не знал, в каком виде вы с ним разговариваете, это могло поставить его в чрезвычайно невыгодное положение. Вполне возможно, что

все это время Хедрон преспокойно сидел дома — где бы он ни был, его дом. Номер, который он дал Олвину, мог обеспечить поступление к нему любой информации, но отнюдь не раскрывал адреса. Впрочем, это-то, по крайней мере, было в рамках принятых норм. Вы могли достаточно свободно раздавать знакомым индексный номер, но адрес — его открывали только самым близким друзьям.

Пробираясь к центру города, Олвин все раздумывал над тем, что сказал ему Хедрон о Диаспаре и его социальной организации. Странно было, что ему до сих пор не встретилось ни единого человека, который был бы не удовлетворен своим образом жизни. Диаспар и его обитатели были созданы в рамках какого-то одного всеобъемлющего плана и сосуществовали в совершенном симбиозе. В течение всей своей неимоверно долгой жизни жители города никогда не испытывали скуки. И хотя, по стандартам минувших веков, мирок их был совсем крохотным, его сложность ошеломляла, а сокровищница чудес и богатств была выше всякого разумения. Человек собрал здесь все плоды своего гения, все, что было спасено им из-под руин прошлого. Считалось, что каждый из городов, которые когда-либо существовали, даровал что-то Диáспару; до нашествия Пришельцев имя его было известно во всех мирах, впоследствии потерянных Человеком. Все мастерство, все художественное дарование Империи воплотилось в строительстве Диаспара. Когда дни величия уже приближались к концу, неведомые гении придали городу новую форму и снабдили машинами, которые сделали его бессмертным. Все могло кануть в небытие, но Диаспар был обречен жить, чтобы в безопасности пронести потомков Человека по реке Времени.

Они не добились ничего, кроме выживания, но были вполне этим удовлетворены. Существовали миллионы дел, чтобы занять их жизнь между моментом, когда, уже почти взрослые, они выходили из Зала Творения, и тем часом, когда — едва ли постарев — они возвращались в городские Хранилища Памяти. В мире, где все мужчины и женщины обладали интеллектом, который в прежние времена поставил бы их на одну доску с гениями, опасности заскучать просто

не существовало. Наслаждение от бесед и споров, тончайшие условности общения — да уже их одних было бы достаточно, чтобы занять добрую часть жизни. Но помимо всего этого проводились еще и грандиозные официальные дискуссии, когда весь город, словно зачарованный, слушал, как его проницательнейшие умы схватываются в споре или борются за то, чтобы покорить вершины философии, на которые никому еще не удавалось взойти, но вызов, который они бросали человеку, никак не может утомить его разум.

В городе не было никого, кем не владела бы какая-то всепоглощающая интеллектуальная страсть. Эристон, например, большую часть времени проводил в собеседованиях с Центральным Компьютером, который, в сущности, и управлял городом, но у которого тем не менее еще оставалась возможность вести неисчислимое количество одновременных дискуссий — с каждым, кто только пожелал бы помериться с ним в остроте разума. В течение трехсот лет Эристон пытался создать логические парадоксы, которые оказались бы не по зубам машине. Он, впрочем, не рассчитывал добиться какого-либо серьезного успеха, не потратив на это занятие нескольких жизненных циклов.

Интересы Итании были более эстетического направления. С помощью синтезаторов материи она изобретала переплетающиеся трехмерные структуры такой красоты и сложности, что это, в общем-то, были уже не просто стереометрические конструкции, а топологические теоремы высшего порядка. Ее работы можно было увидеть по всему Диаспару, и по мотивам некоторых из этих композиций были даже созданы мозаики полов в гигантских хореографических залах — рисунок пола служил своего рода основой для создателей новых танцевальных вариаций.

Все эти занятия могли бы показаться бесплодными тому, кто не обладал достаточным интеллектом, чтобы оценить их тонкость. Но в Диаспаре не нашлось бы ни единого человека, который не смог бы понять то, что пытались создать Эристон и Итания, и кем не двигал бы такой же всепоглощающий интерес.

Физические упражнения и различные виды спорта, включая многие такие, которые стали возможны только после овладения тайной гравитации, делали приятными первые несколько столетий юности. Для приключений и развития воображения саги предоставляли все, что только можно было пожелать. Это был неизбежный конечный продукт того стремления к реализму, которое началось, когда человек стал воспроизводить движущиеся изображения и записывать звуки, а затем использовать эту технику для воссоздания сцен из реальной или выдуманной жизни. Иллюзия саг была безупречной, поскольку все чувственные ощущения поступали непосредственно в мозг, а противоборствующие чувства устранялись. Погруженный в транс зритель был отрезан от реальностей жизни на длительность саги; он словно бы видел сон — с полнейшим ощущением, что все происходит наяву.

В этом мире порядка и стабильности, который в своих основных чертах ничуть не переменился за миллиарды лет, было неудивительным обнаружить и всепоглощающий интерес к играм, построенным на использовании случайности. Человечество издавна завораживала тайна выброшенных костей, наудачу выпавшей карты, каприз поворота рулетки. На самом низменном, первоначальном уровне этот интерес основывался просто на жадности — чувстве, совершенно невозможном в мире, где каждый обладал всем, что он только мог пожелать в необъятно широких рамках разумного. Но даже когда жадность отмерла, чисто интеллектуальное обаяние случая продолжало искушать и самые изощренные умы. Машины, действовавшие по программе случайности, события, последствия которых невозможно было предугадать, сколь много информации ни находилось бы в распоряжении человека,— философ и игрок в равной степени могли из всего этого извлекать наслаждение.

И по-прежнему оставались — для всех мужчин и женщин — сопряженные миры любви и искусства. Сопряженные, поскольку любовь без искусства есть просто удовлетворение желания, а искусством нельзя насладиться, если не подходить к нему с позиций любви.

Человек стремится к красоте во множестве форм — в последовательности звуков, в линиях на бумаге, в поверхности камня, в движениях тела, в сочетаниях цветов, заполняющих некоторое пространство. Все эти способы выражения красоты издревле существовали в Диаспаре, а на протяжении веков к ним прибавились еще и новые. И все же никто не был уверен, что все возможности искусства исчерпаны,— так же как и в том, что оно имеет какое-то значение вне человеческого сознания.

И это же самое можно было сказать о любви.

ГЛАВА 6

Джизирак недвижимо сидел среди вихря цифр.

Первая тысяча простых чисел, выраженных в двоичном коде, которым пользовались во всех арифметических операциях с тех самых пор, как был изобретен компьютер, в строгом порядке проходила перед ним. Бесконечные шеренги единиц и нулей плыли и плыли, являя Джизираку безупречную последовательность чисел, не обладающих, в сущности, ни одним другим качеством, кроме самотождества и принадлежности к некоему единству. В простых числах пряталась тайна, властно очаровывавшая человека в прошлом, но и посейчас не отпустившая его воображения.

Джизирак не был математиком, хотя порой и любил потешить себя мыслью, что принадлежит к их числу. Все, что он мог,— это блуждать среди бесконечной череды математических загадок в поисках каких-то особых соотношений и правил, которые могли бы быть включены в более общие математические законы более талантливыми людьми. Он в состоянии был обнаружить, как ведут себя числа, но не мог объяснить — почему. Для него это было просто удовольствием — прорубаться через арифметические дебри, и порой ему случалось открывать чудеса, ускользнувшие от более подготовленных исследователей.

Он установил матрицу всех возможных целых чисел и запрограммировал свой компьютер таким образом, чтобы

он мог нанизывать на нее простые числа, подобно бусинам на пересечениях ячеек сети. Джизирак делал это уже не одну сотню раз и прежде и так не добился какого-либо интересного результата. Но он был заворожен тем, как простые числа были разбросаны — по-видимому, без какой-либо закономерности — по спектру своих целых собратьев. И хотя законы распределения, к этому времени уже открытые, были ему известны, он все же надеялся обнаружить что-нибудь новенькое.

Вряд ли он мог пожаловаться на то, что его прервали. Если бы ему хотелось, чтобы его не тревожили, он настроил бы свой домашний объявитель соответствующим образом. Когда в ухе у него раздался мелодичный звон сигнала, стена чисел заколебалась, цифры расплылись и Джизирак возвратился в мир простой реальности.

Он сразу же узнал Хедрона и не слишком обрадовался этому визиту. Джизираку не нравилось, когда его отвлекали от заведенного жизненного порядка, а Хедрон всегда означал нечто непредсказуемое. Тем не менее он достаточно вежливо приветствовал гостя и постарался скрыть даже малейшие признаки пробудившегося в душе беспокойства.

Когда в Диаспаре двое встречались впервые — или даже в сотый раз,— было принято провести час-другой в обмене любезностями, прежде чем перейти к делу, если оно, разумеется, было, это самое дело. Хедрон до некоторой степени оскорбил Джизирака, сократив этот ритуал до пятнадцати минут, после чего он внезапно заявил:

— Мне бы хотелось поговорить с вами относительно Олвина. Насколько я понимаю, вы его наставник.

— Верно,— ответил Джизирак.— Я все еще вижусь с ним несколько раз в неделю — не так часто, как ему этого бы хотелось.

— И как по-вашему — он способный ученик?

Джизирак задумался: ответить на этот вопрос было непросто. Отношения между учеником и наставником считались исключительно важными и, по сути дела, были одним из краеугольных камней жизни в Диаспаре. В среднем в городе что ни год появлялась тысяча новых «я». Предыдущая

память новорожденных была еще латентной, и в течение первых двадцати лет все вокруг было для них непривычным, новым и странным. Этих людей нужно было научить пользоваться тьмой машин и механизмов, которые составляли фон повседневности, и, кроме того, они должны были познакомиться еще и с правилами жизни в самом сложном обществе, которое когда-либо создавал человек.

Часть этой информации исходила от супружеских пар, избранных на роль родителей новых граждан. Выбор происходил по жребию, и обязанности их были не слишком обременительны. Эристон и Итания посвящали воспитанию Олвина никак не более трети своего времени, и они сделали все, что от них ожидалось.

В обязанности Джизирака входили наиболее серьезные аспекты обучения Олвина. Считалось, что названые родители должны обучить ребенка, как ему вести себя в обществе, ну и познакомить со все расширяющимся кругом друзей. Они отвечали за характер Олвина, Джизирак — за его интеллект.

— Мне достаточно трудно ответить на ваш вопрос,— проговорил наконец Джизирак.— Разумеется, с мышлением у Олвина все в порядке. Но многие вещи, которые, казалось бы, должны его интересовать, полностью остаются за пределами его внимания. А с другой стороны — он проявляет несколько даже болезненное любопытство к моментам, которые мы обычно не обсуждаем между собой.

— Например — к миру за пределами Диаспара?

— Да. Но откуда вы знаете?

Хедрон какое-то мгновение колебался, размышляя, насколько он может довериться Джизираку. Ему было известно, что наставник Олвина — человек сердечный и намерения у него самые добрые. Но знал он и то, что Джизирак повинуется всем тем табу, которые определяют жизненные установки каждого гражданина Диаспара,— каждого, кроме Олвина.

— Это догадка,— сказал он наконец.

Джизирак устроился поудобнее в глубине материализованного им кресла. Ситуация складывалась интересная, и

ему хотелось проанализировать ее со всей возможной полнотой. Многого узнать он, однако, не мог — разве только Хедрон проявил бы желание помочь.

Ему стоило бы предвидеть, что в один прекрасный день Олвин познакомится с Шутом — со всеми непредсказуемыми последствиями этого знакомства.

Если не считать Олвина, Хедрон был единственным во всем городе, кого можно было бы назвать человеком эксцентричным, но даже и эта особенность его личности была запрограммирована создателями Диаспара. Давным-давно было найдено, что без своего рода преступлений или некоторого беспорядка утопия вскоре стала бы невыносимо скучна. Преступность, однако, в силу самой логики вещей не могла существовать даже на том оптимальном уровне, которого требовало социальное уравнение. Если бы она была узаконена и регулируема, то перестала бы быть преступностью.

Решением проблемы, которое нашли создатели города, решением с первого взгляда наивным, но, строго говоря, очень тонким, было учреждение роли Шута. На протяжении всей истории Диаспара можно было бы насчитать меньше ста человек, чье интеллектуальное достояние делало собственных пригодными для этой необычной роли. Они обладали определенными привилегиями, которые защищали их от последствий их шутовских выходок, хотя были и такие Шуты, что переступили некую ограничительную линию и заплатили за это единственным наказанием, которому мог подвергнуть их Диаспар,— их отправляли в будущее прежде, чем истекал срок их очередного существования.

В редких и трудно предвидимых случаях Шут буквально вверх дном переворачивал город какой-нибудь своей проделкой, которая могла быть не более чем тонко задуманной дурацкой шуткой или же рассчитанным выпадом против популярного в данный момент убеждения, а то и всего образа жизни. Принимая все это во внимание, можно было утверждать, что титул «шут» оказался в высшей степени удачным. В свое время, еще когда существовали короли и их дворы, Шуты решали именно такие задачи и преследовали те же цели.

— Будет полезно,— сказал Джизирак,— если мы будем откровенны друг с другом. Мы оба знаем, что Олвин — Неповторимый, что он никогда раньше в жизни Диаспара не существовал. Очень может быть, что вам легче, чем мне, догадаться о последствиях этого факта. Я сомневаюсь, что хоть что-то из происходящего в городе может быть никоим образом не запланировано, и, стало быть, и в создании Олвина должна заключаться какая-то цель. Достигнет ли он этой цели, какова бы она ни была, мне неизвестно. Не знаю я и того, хороша она или дурна. Я просто не в силах догадаться, в чем она состоит.

— Ну, допустим, она касается чего-то, лежащего за пределами Диаспара?

Джизирак терпеливо улыбнулся: Шут мило пошутил, что, собственно, от него и ожидалось.

— Я уже рассказал ему — что там... Он знает, что за пределами Диаспара нет ничего, кроме пустыни. Пожалуйста, отведите его туда, если можете. Кто знает, вдруг вам известен путь наружу... Когда он столкнется с реальностью, это, наверное, позволит излечить некоторые странности его сознания.

— Мне представляется, что он уже видел наружный мир,— тихо проговорил Хедрон. Но сказал он это себе, а не Джизираку.

— Я не думаю, что Олвин счастлив,— продолжал Джизирак.— Он не обзавелся настоящими привязанностями, и трудно себе представить, как он мог бы это сделать, пока он страдает от этой своей одержимости. Но в конце концов, Олвин ведь еще очень молод. Он может вырасти из этой фазы и стать частью рисунка обычной жизни города.

Все это Джизирак говорил, в общем-то, для того, чтобы успокоить самого себя. Хедрону было небезынтересно, верит ли он собственным словам.

— А скажите-ка мне, Джизирак,— неожиданно задал вопрос Шут,— знает ли Олвин, что он не первый Неповторимый?

Казалось, Джизирак был поражен услышанным и даже до некоторой степени уязвлен.

— Мне следовало бы догадаться, что уж *вам-то* это известно,— с печалью в голосе ответил он.— Ну и сколько же Неповторимых было за всю историю Диаспара? Десять?

— Четырнадцать,— немедленно последовал ответ Хедрона.— Это не считая Олвина.

— У вас информация богаче, чем у меня,— криво усмехнулся Джизирак.— И вы можете сказать мне, что именно сталось с теми Неповторимыми?

— Они исчезли...

— Благодарю. Это мне известно. Именно поэтому я почти ничего и не сообщил Олвину о его предшественниках: знание о них едва ли помогло бы ему в его нынешнем состоянии. Могу я рассчитывать на ваше сотрудничество?

— В настоящий момент — да. Мне хочется самому изучить Олвина. Загадки всегда завораживали меня, а в Диаспаре их так мало... Кроме того, мне кажется, что судьба, возможно, готовит нам такую шутку, по сравнению с которой все мои шутовские проделки будут выглядеть куда как скромно. И в этом случае я хочу быть уверен, что буду присутствовать на месте действия, когда грянет гром.

— Похоже, вам слишком уж нравится говорить намеками,— попенял Шуту Джизирак.— Что именно вы предвидите?

— Я сомневаюсь, знаете ли, чтобы мои догадки оказались хоть в какой-то степени лучше ваших. Но я верю: ни вы, ни я, ни кто-либо третий в Диаспаре не сможет остановить Олвина, когда тот решит, что же именно ему хочется сделать. У нас впереди, на мой взгляд, несколько очень и очень интересных столетий.

Джизирак долго сидел недвижимо, совершенно забыв о своей математике, после того как изображение Хедрона растаяло. Его терзало дурное предчувствие, не сравнимое ни с чем, что он когда-либо испытывал прежде. В какой-то момент он даже задался вопросом: а не следует ли ему попросить аудиенции у Совета? Но с другой стороны, не будет ли это выглядеть как смешная паника без малейшего на то повода? Быть может, вся эта ситуация — не более чем какая-то сложная и непостижимая шутка Хедрона, хотя Джи-

зираку и нелегко было представить себе, почему мишенью для розыгрыша избрали именно его.

Он всесторонне обдумал ситуацию, проанализировал ее со всех точек зрения. Спустя час с небольшим он пришел к характерному для него решению.

Он подождет и посмотрит.

...Олвин не тратил времени зря и немедленно принялся узнавать все, что можно, о Хедроне. Как всегда, основным его источником информации был Джизирак. Старый наставник дал ему строго фактический отчет о своей встрече с Хедроном и добавил к нему то немногое, что ему было известно об образе жизни Шута. В той мере, в какой это вообще было возможно в Диаспаре, Хедрон вел уединенную жизнь: никто не знал ни где он обитает, ни каковы его привычки. Последняя по времени шутка, которую он отмочил, была, в сущности, совсем детской проказой, повлекшей за собой полный паралич всего городского транспорта. Было это пятьдесят лет назад. Столетием раньше он пустил гулять по городу какого-то очень уж противного дракона, который слонялся по улицам и жадно пожирал все работы, выставленные модным в тот момент скульптором. Сам скульптор, справедливо встревоженный, когда разборчивость чудовища по кулинарной части стала очевидной, предпочел спрятаться и не появляться на люди до тех пор, пока дракон не пропал таким же загадочным образом, как и появился.

Из всей этой информации ясно было одно. Хедрон, должно быть, досконально знал функции всех устройств и всех тех сил, которые управляли жизнью города, и мог заставить их повиноваться своей воле в такой степени, какая была не доступна никому другому. И надо полагать, существовал еще один, более высокий уровень контроля, на котором предотвращались любые попытки слишком уж изобретательных Шутов причинить постоянный, неустранимый ущерб сложнейшей структуре Диаспара.

Олвин должным образом усвоил все это, но не предпринял никаких попыток к тому, чтобы увидеться с Хедроном.

Ему хотелось обрушить на Шута целый ворох вопросов, но непреклонное стремление до всего доходить самому — быть может, наиболее неповторимая черта его уникальной натуры — укрепляло решимость выяснить все, что можно, собственными силами, без помощи со стороны. Он взялся за дело, которое могло потребовать от него многих лет, но до тех пор, пока он чувствовал, что движется вперед, к своей цели, он был счастлив.

Подобно путешественнику стародавних времен, который стирал с карты белые пятна неведомых земель, Олвин приступил к систематическому исследованию Диаспара. Дни и недели проводил он, бродя лабиринтами покинутых башен на границах города, в надежде, что найдет где-нибудь выход в мир на той стороне. В ходе этих поисков он обнаружил с десяток огромных воздуховодов, открывающихся вовне высоко над уровнем пустыни, но все они оказались забраны решетками. Хотя, даже и не будь там этих самых решеток, отвесная пропасть глубиной в милю оставалась достаточно серьезным препятствием.

Он так и не нашел выхода из города, хотя исследовал тысячи коридоров, десятки тысяч пустующих помещений. Все эти заброшенные здания были в безупречном — ни пылинки! — состоянии, которое жители Диаспара, кстати сказать, принимали как нечто само собой разумеющееся, как часть нормального порядка вещей. Порой Олвин встречал плывущего робота, совершающего, очевидно, инспекционный обход, и всякий раз задавал машине свой сакраментальный вопрос. Все это было без толку, потому что встречавшиеся ему машины не были настроены на ответ человеческой мысли или речи. И хотя, вне всякого сомнения, они осознавали его присутствие, потому что вежливо отплывали в сторонку, чтобы дать ему пройти, завязывать с ним разговор категорически не желали.

Случалось, что Олвин на протяжении долгих дней не встречал другого человеческого существа. Когда его начинало мутить от голода, он заходил в какое-нибудь из заброшенных жилых помещений и заказывал себе обед. Чудесные машины, о существовании которых он и не задумывался, после целых геологических эпох сна немедленно пробужда-

лись к действию. Программы, которые они хранили в своей памяти, вдруг возникали к жизни где-то на самой границе реального, непостижимым образом преобразуя подвластные им вещества. И вот уже блюдо, впервые приготовленное каким-то безвестным чародеем поварского искусства сто миллионов лет назад, снова вызывалось к существованию, чтобы порадовать человека изысканностью вкусового богатства или, на худой конец, просто утолить его голод.

Пустота этого всеми забытого мира — скорлупы, окружающей живое сердце города,— не подавляла Олвина. Он был привычен к одиночеству, даже когда проводил время среди тех, кого называл своими друзьями. Эти ревностные поиски, поглощающие всю его энергию и весь жизненный интерес, заставляли на какое-то время забыть тайну своего происхождения и ту странность, что отрезала его от всех его товарищей.

Он успел исследовать менее чем одну сотую зданий внешнего пояса, когда пришел к выводу, что тратит время зря. Это не было результатом нетерпения — думать именно так заставлял простой здравый смысл. Если бы было необходимо, он готов был вернуться сюда и довершить начатое, даже если бы на это понадобилось потратить остаток жизни. Но он, однако, увидел уже вполне достаточно, чтобы убедиться, что, если выход из города где-то и есть, его так вот просто ему не найти. Он мог бы потратить столетия в бесплодных поисках, вместо того чтобы обратиться к помощи более умудренного человека.

Джизирак прямо сказал ему, что не знает пути, ведущего из Диаспара, и что сам он сомневается в его существовании. Информационные устройства, когда Олвин задавал им этот вопрос, тщетно обшаривали свою практически безграничную память. Они могли поведать ему мельчайшие детали истории города, вплоть до самого начала периода, записанного в Центральном Компьютере,— вплоть до барьера, за которым, навечно скрытые от человека, лежали Века Рассвета. Но либо информаторы были не в состоянии дать ответ на незатейливый вопрос Олвина, либо какой-то высший авторитет запретил им отвечать.

Ему снова нужно было повидаться с Хедроном.

— А ты не торопился,— сказал Хедрон.— Впрочем, я-то знал, что рано или поздно, но ты придешь.

Олвин вспыхнул раздражением от такой самоуверенности. Не хотелось признаваться себе, что кто-то, оказывается, может с такой точностью предсказать твое поведение. У него даже мелькнуло подозрение — а уж не следил ли Шут за всеми его бесплодными поисками?

— Я пытаюсь найти выход из города,— без обиняков отрезал Олвин.— Ведь должен же быть хотя бы один... и мне думается, помочь найти его можете вы!

Несколько секунд Хедрон сидел в полном молчании. Захоти он — у него еще была возможность свернуть с пути, что простерся перед ним в будущее, которое лежало за пределами всех его способностей к предвидению. Никто другой на его месте не колебался бы ни минуты. В городе не было другого человека, который — даже будь у него силы и возможности — решился бы потревожить призраки века, мертвые уже на протяжении миллионов столетий. Быть может, никакой опасности и не существовало и ничто не могло потревожить преемственную неизменность Диаспара. Но если он все-таки имелся — самый что ни на есть малейший риск пробуждения чего-то странного и неизведанного, грозящего этому миру, то сейчас у Хедрона был последний шанс предотвратить грядущее.

Порядок вещей, каким он существовал, вполне устраивал Шута. Время от времени он мог слегка расстраивать этот порядок, но только едва-едва ощутимо. Он был критиком, а не революционером. На поверхности ровно текущей реки Времени он стремился вызвать лишь легкую рябь. От мысли, что можно изменить и само течение, у него мурашки бежали по коже. Стремление испытать какое-то приключение, кроме тех, что были возможны в сагах, было вытравлено из его сознания так же тщательно и продуманно, как и у всех остальных жителей Диаспара.

И все же в нем еще теплилась — чуть-чуть — искорка того любопытства, что было когда-то величайшим даром Человека. И Хедрон был готов пойти на риск.

Он глядел на Олвина и пытался припомнить собственную молодость, свои мечты того времени, которое сейчас отстояло от него на половину тысячелетия. Любой момент его прошлого, когда он обращался к нему мысленным взором, вырисовывался в памяти ярко и четко. Словно бусины на нитке, простирались от него в минувшее и эта его жизнь, и все предыдущие. Он мог охватить памятью и пересмотреть любую из них. По большей части те, прежние Хедроны были для него теперь чужаками. Основной рисунок характера мог оставаться тем же самым, но его, нынешнего, навсегда отделял от тех, прежних, груз опыта. Если бы ему захотелось, он мог бы навечно стереть из памяти все свои предыдущие воплощения — в тот миг, когда он снова войдет в Зал Творения, чтобы уснуть до поры, пока город снова не призовет его. Но это была бы своего рода смерть, а к ней он еще не был готов. Он по-прежнему жаждал собирать и собирать все, что могла предложить ему жизнь, словно спрятавшийся в своем домике наутилус, терпеливо добавляющий все новые и новые слои к своей медленно растущей спиральной раковине.

В юности он ничем не отличался от товарищей. Только когда он повзрослел и пробудившиеся воспоминания о прежних существованиях нахлынули на него, только тогда он принял роль, для которой и был предназначен давным-давно. Порой все в нем восставало против того, что великие умы, которые с таким бесконечным искусством создали Диаспар, в состоянии даже теперь, спустя века и века, заставлять его дергаться марионеткой на выстроенной ими сцене. И вот у него — кто знает? — появился шанс осуществить давно откладываемую месть... Появился новый актер, который, возможно, в последний раз опустит занавес над пьесой, действие за действием все идущей и идущей на подмостках жизни...

Сочувствие к тому, чье одиночество должно быть куда более глубоким, чем его собственное, скука, порожденная веками повторений, и проказливое стремление к крупному озорству — таковы были противоречивые факторы, подтолкнувшие Хедрона к действию.

— Быть может, я в состоянии помочь тебе,— ответил он Олвину.— А может быть, и нет... Мне не хотелось бы пробуждать несбыточные надежды. Встретимся через полчаса на пересечении Третьего радиуса и Второго кольца. По крайней мере, могу обещать тебе хорошую прогулку — если не сумею сделать ничего большего.

Олвин пришел за десять минут до назначенного срока, хотя место встречи и находилось на противоположном краю города. Он нетерпеливо ждал, глядя, как бесконечной лентой плывут мимо него тротуары, несущие на себе таких довольных и таких скучных ему жителей города, устремляющихся куда-то по своим не имеющим ровно никакого значения делам. Наконец вдалеке показалась высокая фигура Хедрона, и несколькими мгновениями спустя Олвин впервые очутился в обществе Шута во плоти, а не его электронного изображения. Они сомкнули ладони в древнем приветствии — да, Шут оказался достаточно реален.

Хедрон уселся на одну из мраморных балюстрад и принялся разглядывать Олвина с пристальным вниманием.

— Интересно,— протянул он,— отдаешь ли ты себе отчет в том, на что покусился?.. И еще мне интересно — что бы ты сделал, если бы твое желание исполнилось? Неужели ты и в самом деле воображаешь, что в состоянии покинуть пределы города, если найдешь выход?

— В этом я уверен,— ответил Олвин, ответил достаточно храбро, хотя Хедрон и уловил в голосе юноши некоторые колебания.

— Тогда позволь мне сказать тебе кое-что, о чем ты и понятия не имеешь. Видишь вон те башни? — Хедрон простер руку к двойному пику Центральной Энергетической и Зала Совета, которые глядели друг на друга, разделенные пропастью глубиной в милю.— Теперь представь, я положил бы между этими башнями абсолютно жесткую доску — шириной всего в шесть дюймов. Смог бы ты по ней пройти?

Олвин, ошеломленный, медлил.

— Не знаю,— наконец прошептал он.— Мне что-то и пробовать-то не хочется...

— Я совершенно уверен, что тебе не удалось бы по ней пройти ни за что на свете. Закружится голова, и ты рухнешь

вниз, не пройдя и десятка шагов... Но если бы та же доска была укреплена лишь на ладонь от поверхности земли, ты прошел бы по ней без малейшего затруднения.

— Ну и что?

— Мысль очень проста. В этих двух предложенных мной экспериментах доска, заметь, одной и той же ширины. Какой-нибудь из этих вот роботов на колесах, которых мы порой встречаем, прошел бы по ней между башнями с такой же легкостью, что и по земле. А мы — нет, поскольку нам свойственна боязнь высоты. Да, пусть она иррациональна, но она слишком уж сильна, чтобы ее можно было игнорировать. Она встроена в нас. Мы с нею рождены.

Так вот, точно таким же образом нам свойственна и боязнь пространства. Покажи любому в Диаспаре дорогу, ведущую из города, дорогу, которая, возможно, ничуть не отличается от этой вот мостовой, и он далеко по ней не уйдет. Ему просто придется повернуть назад, как повернул бы ты, рискнув пойти по доске между этими двумя башнями.

— Но почему? — запротестовал Олвин.— Ведь было же, наверное, когда-то время...

— Знаю, знаю,— улыбнулся Хедрон.— Когда-то человек путешествовал по всему миру и даже к звездам. Но... Что-то изменило его и вселило в него этот страх, с которым он теперь и рождается. Ты единственный, кто воображает, будто ему этот страх несвойствен. Что ж, посмотрим. Я поведу тебя в Зал Совета...

Зал этот находился в одном из величайших зданий города и был почти полностью предоставлен в распоряжение машин, которые и являлись настоящей администрацией Диаспара. Близко к вершине здания находилось помещение, в котором в тех редких случаях, когда возникала проблема, требующая обсуждения, встречались члены Совета.

Широкий вход поглотил их, и Хедрон уверенно ступил в золотой полумрак. Олвин никогда прежде не бывал в Зале Совета. Это не было запрещено — в Диаспаре вообще мало что запрещалось,— но он, как и все остальные, испытывал перед Советом чувство едва ли не какого-то мистического

благоговения. В мире, где не знали богов, Зал Совета был наиболее близким подобием храма.

Хедрон без малейших колебаний вел Олвина по коридорам и пандусам, которые, судя по всему, предназначались вовсе не для людей, а для колесных роботов. Некоторые из этих пологих спусков зигзагами уводили в глубину здания под такими крутыми углами, что идти по ним было просто немыслимо, и лишь искривленное поле тяготения компенсировало крутизну.

В конце концов они остановились перед закрытой дверью, которая тотчас же медленно скользнула вбок, а затем снова задвинулась за ними, отрезав им путь к отступлению. Впереди была еще одна дверь, которая, однако, при их приближении не отворилась. Хедрон не сделал ни малейшей попытки хотя бы коснуться ее, он просто остановился. Через короткое время прозвучал тихий голос:

— Будьте добры, назовите ваши имена.

— Я — Хедрон-Шут. Мой спутник — Олвин.

— По какому вы делу?

— Да так, любопытствуем...

К удивлению Олвина, дверь тотчас открылась. Он по собственному опыту знал, что если дать машине шутливый ответ, то это всегда приводит к путанице и все приходится начинать сызнова. Видимо, машина, которая задавала вопросы Хедрону, была очень умна и высоко стояла в иерархии Центрального Компьютера.

Им не встретилось больше никаких препятствий, но Олвин подозревал, что их подвергли множеству тайных проверок. Короткий коридор внезапно вывел их в огромное круглое помещение с притопленным полом, и на плоскости этого самого пола возвышалось нечто настолько удивительное, что на несколько секунд Олвин от изумления потерял дар речи. Он смотрел сверху... на весь Диаспар, распростертый перед ними, и самые высокие здания города едва доставали ему до плеча.

Он так долго выискивал знакомые места, так пристально изучал неожиданные ландшафты, что не сразу обратил внимание на остальную часть помещения. Его стены оказались

покрыты микроскопическим рисунком из белых и черных квадратиков. Сама по себе эта мозаика была, казалось, совершенно лишена какой-либо системности, но когда Олвин быстро повел по ней взглядом, ему представилось, что стены стремительно мерцают, хотя рисунок их не изменился ни на йоту. Вдоль этой круговой стены через короткие интервалы были расставлены какие-то аппараты с ручным управлением, и каждый из них был оборудован экраном и креслом для оператора.

Хедрон позволил Олвину вдоволь налюбоваться этим зрелищем. Затем он ткнул рукой в уменьшенную копию города:

— Знаешь, что это такое?

Олвина так и подмывало ответить: «Макет, надо полагать», но такой ответ был бы настолько очевидным, что он решил просто промолчать. Поэтому он только неопределенно покачал головой и стал ждать, чтобы Хедрон сам ответил на свой вопрос.

— Помнишь, я как-то рассказывал тебе, как наш город поддерживается в неизменном состоянии, как в Хранилищах Памяти навечно запечатлен его облик... Эти Хранилища теперь здесь, вокруг нас. Со всем их неизмеримо огромным объемом информации, полностью описывающей город, как он есть в настоящий момент. С помощью сил, о которых мы все позабыли, каждый атом в Диаспаре каким-то образом связан с матрицами, заключенными в этих стенах.

Шут повел рукой в сторону безупречного, бесконечно детального изображения Диаспара, которое распростерлось перед ними:

— Это не макет. То, что ты видишь,— неосязаемо. Это просто электронное изображение, воссозданное по матрицам, хранящимся в Памяти, совершенно идентичное самому городу. А вот эти просмотровые мониторы позволяют увеличить любой требуемый участок Диаспара, посмотреть на него в натуральную величину или даже под еще большим увеличением. Ими пользуются, когда нужно внести какие-либо изменения в конструкцию города, хотя никто не брался за это уж бог знает сколько времени. Если ты хочешь

узнать, что же это такое — Диаспар, то нужно идти именно сюда. Здесь в несколько дней ты постигнешь больше, чем за целую жизнь изысканий там, на улицах.

— Как замечательно! — воскликнул Олвин.— И сколько же людей знает о существовании этого места?

— О, знают очень многие, да только все это редко кого интересует. Время от времени сюда приходит Совет — ведь ни одно изменение в городе не может произойти, если члены Совета не присутствуют тут в полном составе. Но даже и этого недостаточно, если Центральный Компьютер не одобрит предполагаемое изменение. Словом, я сильно сомневаюсь, что хоть кто-то приходит сюда чаще чем два-три раза в год.

Олвину хотелось спросить, откуда же у самого Хедрона доступ в это место, но он вспомнил, что многие из наиболее сложных проделок Шута требовали вовлечения внутренних механизмов города, а знание их работы проистекало из глубокого изучения святая святых Диаспара. Наверное, это была одна из привилегий Шута — появляться где угодно и изучать что угодно. Лучшего провожатого по тайнам города ему нечего было и желать.

— Очень может быть, что предмета твоих поисков просто не существует,— снова заговорил Хедрон.— Но если он все-таки есть, то отыскать его можно только отсюда. Давайка я покажу тебе, как управляться с монитором.

Весь следующий час Олвин просидел перед одним из аппаратов, учась управлять им. Он мог по желанию выбирать какую угодно точку города и исследовать ее при любом увеличении. По мере того как он менял координаты, на экране перед ним мелькали улицы, башни, движущиеся тротуары, стены... Похоже было, что он стал всевидящим, бесплотным духом, который может без всяких усилий парить над Диаспаром, не затрачивая на это ни эрга энергии.

И все же, в сущности, он исследовал не Диаспар. Он передвигался среди клеток памяти, рассматривая идеальный облик города, параллельно которому реальный Диаспар и сохранялся неизменным на протяжении вот уже миллиарда лет. Олвин мог видеть только ту часть города, которая

оставалась незыблемой. Люди, ходившие по его улицам, не существовали в этой застывшей картине. Впрочем, для его целей это не имело значения. Его интересовало сейчас исключительно создание из камня и металла, в котором он был узником, а вовсе не те, кто разделял с ним — добровольно — его заточение.

Он поискал и тотчас нашел башню Лоранна и быстро пробежался по ее коридорам и проходам, уже известным ему. Когда перед его глазами возникло изображение той каменной решетки — крупным планом,— он почти въяве ощутил холод ветра, что дул сквозь нее непрерывно на протяжении, возможно, половины всей истории человечества. Он «подошел» к решетке, выглянул... и не увидел ровно ничего. Мгновенный шок был настолько силен, что Олвин чуть не усомнился в собственной памяти: да уж не во сне ли он видел пустыню?

Но он тотчас понял, в чем тут дело. Пустыня ни в коей мере не являлась частью Диаспара, и поэтому в том призрачном мире, который он сейчас исследовал, не было ее изображения. В реальной жизни по ту сторону решетки могло лежать все, что угодно, но экран монитора был здесь совершенно бессилен.

И все же он мог показать Олвину кое-что из того, чего не видел никто из живущих. Олвин переместил точку зрения через решетку на наружную сторону — в пустоту за пределами города. Он повернул верньер настройки, контролировавший направление обзора, таким образом, что теперь «глядел» в ту сторону, с которой «пришел». И там, впереди, лежал Диаспар, увиденный снаружи.

Для компьютеров, цепей памяти и всех бесчисленных механизмов, создававших изображение, на которое смотрел Олвин, это была просто проблема перспективы. Они «знали» формы города, поэтому могли показать их и так, как они выглядят со стороны. И все же, хотя Олвину и был понятен способ, при помощи которого все это осуществлялось, открывшееся зрелище ошеломило его. Ведь если не физически, то духовно-то он все-таки выскользнул из города! Ему представлялось, что он висит в пространстве в несколь-

ких футах от отвесной стены башни Лоранна. Пару секунд он глядел на ровную серую поверхность перед его глазами. Затем тронул ручку управления, и стена помчалась вверх.

Теперь, когда он знал возможности этого чудесного инструмента, план действий был ясен. Не было никакой необходимости тратить месяцы и годы, осматривая Диаспар изнутри — комнату за комнатой и коридор за коридором. Со своей превосходной новой смотровой позиции он мог, словно на крыльях, облететь весь внешний периметр города и сразу же обнаружить любое отверстие, ведущее в пустыню и раскинувшийся за ней мир.

Радость победы, упоение достигнутым закружили ему голову, и Олвину захотелось поделиться с кем-нибудь радостью. Он обернулся к Хедрону, чтобы поблагодарить Шута за то, что он сделал это возможным. Но Хедрон, оказывается, ушел, и ему понадобилось совсем немного времени, чтобы догадаться почему.

Олвин, возможно, был единственным жителем Диаспара, кто мог без всякого вреда для себя рассматривать изображения, плывущие сейчас по экрану. Хедрон мог, конечно, оказать ему содействие в поисках, но даже Шут разделял с остальными этот странный ужас перед Вселенной, что в течение столь долгого срока держал человечество внутри его крохотного мирка. Шут оставил Олвина продолжать свои поиски в одиночестве.

И ощущение этого одиночества, которое на некоторое время отпустило было Олвина, снова навалилось на него. Но сейчас совсем не время было грустить. Слишком многое нужно было сделать. Он снова обратился к экрану монитора, заставил стену города медленно поплыть по нему и начал поиски.

Диаспар почти не видел Олвина в последующие несколько недель, хотя всего лишь какая-то горстка людей заметила его отсутствие. Джизирак, обнаружив, что его ученик, вместо того чтобы бродить в районе границ города, все свое время проводит в Зале Совета, испытал некоторое облегчение, ибо полагал, что уж там-то с Олвином никакой беды

не приключится. Эристон и Итания раз-другой навестили его комнату, убедились, что сын отсутствует, и не придали этому значения. Что же касается Алистры, то она оказалась более настойчивой.

Для собственного же спокойствия ей следовало бы пожалеть, что она увлеклась Олвином, в то время как перед ней был такой широкий выбор куда более привлекательных вариантов. Поиск партнера никогда ее не затруднял, но... по сравнению с Олвином все ее знакомые мужчины представлялись ничтожествами, отлитыми на один и тот же невыносимо скучный манер. Она не хотела потерять друга без борьбы: отчужденность и безразличие Олвина бросали ей вызов, который она не могла не принять.

И все же, вполне вероятно, мотивы, которые ею двигали, были не совсем уж так эгоистичны и диктовались скорее чем-то, что походило более на материнское отношение к Олвину, нежели было простым влечением. Конечно, деторождение было забыто жителями города, но великие женские инстинкты оберегания и сочувствия все еще жили. Олвин мог казаться упрямым и слишком уж полагающимся на самого себя, куда как полным решимости идти своим путем, и все же Алистра была способна ощутить его внутреннее одиночество.

Обнаружив, что Олвин исчез, она немедленно справилась у Джизирака, что произошло. Джизирак, поколебавшись лишь мгновение, рассказал ей все. Если Олвин не нуждался в обществе другого человека, он сам должен был дать тому это понять. Его наставник относился к их взаимоотношениям с полным безразличием. В целом Алистра ему скорее нравилась, и он надеялся, что ее влияние поможет Олвину приноровиться к жизни в Диаспаре.

Тот факт, что Олвин пропадал теперь в Зале Совета, мог означать только одно — что он погрузился в какие-то исследования, и это, по крайней мере, помогало задушить любые подозрения, которые могли бы возникнуть у Алистры в отношении возможных соперниц. Но хотя ревность в ней и не вспыхнула, зато зародилось любопытство. Порой она упрекала себя за то, что бросила Олвина в башне Лоранна,

хотя и понимала, что, повторись все сначала, она снова бы поступила точно так же. Нет никакой возможности понять, что у Олвина на уме, говорила она себе, до тех пор пока она не докопается, чем же это он занят.

Алистра решительно вошла в главный вестибюль Зала Совета — должным образом пораженная, но ничуть не подавленная глубочайшей тишиной, которая объяла ее тотчас же, едва она переступила порог. Вдоль дальней стены вестибюля сплошной шеренгой стояли информационные машины, и она наудачу подошла к одной из них.

Как только загорелся сигнал приема, она произнесла: «Я ищу Олвина. Он где-то в этом здании. Как мне его найти?»

Даже прожив не одну жизнь, люди так и не могли привыкнуть, что на обычные вопросы машины отвечали мгновенно. Были среди жителей Диаспара такие, кто говорил, что им известно, как это происходит, и с таинственным видом рассуждали о «времени доступа» и «объеме памяти», но окончательный результат не становился от этого менее чудесным. Любой чисто практический вопрос, касающийся чего-то в пределах и в самом деле невообразимого объема информации обо всём происходящем в городе, получал разрешение немедленно. Некоторая задержка бывала только в тех случаях, когда требовалось произвести сложные вычисления.

— Он у мониторов,— последовал ответ.

Это было не слишком много, потому что слово «мониторы» ничего Алистре не говорило. Ни одна машина по своей собственной инициативе никогда не сообщала информации больше, чем от нее требовали, и поэтому умение правильно сформулировать вопрос было искусством, овладеть которым часто удавалось не вдруг.

— А как мне к нему пройти? — спросила Алистра. Она узнает, что такое мониторы, когда доберется до них.

— Я не могу вам это сказать, пока у вас не будет разрешения Совета.

Меньше всего она могла ожидать вот такого, совершенно обескураживающего, поворота событий. В Диаспаре было

совсем немного мест, которые не мог бы посетить всяк кому вздумается. Алистра была совершенно уверена, что у самого-то Олвина не имелось никакого разрешения от Совета, а это могло только означать, что ему помогает кто-то, кто стоит выше Совета.

Совет руководил Диаспаром. Но и сам Совет должен был повиноваться приказаниям еще более высокой инстанции — почти безграничного интеллекта Центрального Компьютера. Трудно было не думать о Центральном Компьютере как о живом существе, локализованном в каком-то ограниченном пространстве, хотя на самом деле он представлял собой сумму всех машин Диаспара. И даже если он и не был живым в биологическом понимании этого слова, ему, во всяком случае, было свойственно не меньше сознания и самосознания, чем человеческому существу. Он обязан знать, чем занят Олвин, и, следовательно, должен одобрять эту деятельность, иначе Олвин был бы остановлен, а его проблема была бы передана Совету — как это сделала информационная машина в отношении самой Алистры.

Смысла оставаться здесь не было никакого. Алистра понимала, что любая попытка найти Олвина — даже если бы она точно знала, где именно в этом огромном здании он находится,— обречена на неудачу. Двери не станут отворяться перед ней, движущиеся полы, ступи она на них, будут изменять направление движения, унося ее не вперед, а назад, гравикомпенсаторные поля эскалаторов загадочным образом потеряют силу, отказываясь опускать ее с этажа на этаж. Если же она проявит настойчивость, то ее выпроводит наружу вежливый, но совершенно непреклонный робот или же ее примутся водить по всему зданию, пока ей это смертельно не надоест и она не уйдет отсюда по своей собственной воле.

Когда она вышла на улицу, настроение у нее было хуже некуда. И в то же самое время она была более чем удивлена, впервые осознав, что существует какая-то тайна, перед которой ее личные желания и интересы выглядят, в сущности, тривиальными. Впрочем, это совсем не означало, что

для нее-то самой они отныне станут сколько-то менее важными. У нее не было ни малейшего представления, что же теперь делать, но в одном она была уверена: Олвин был не единственным в Диаспаре, кто мог быть упрямым и настойчивым.

ГЛАВА 8

...Олвин оторвал руки от панели управления, обесточил все цепи, и изображение на экране угасло. Несколько секунд он сидел совершенно недвижимо, уставившись на пустой прямоугольник дисплея, целиком занимавший его сознание на протяжении всех этих долгих недель. Он совершил кругосветное путешествие вокруг своего мира. По этому экрану проплыл каждый квадратный дюйм внешней стены Диаспара. Он знал теперь свой город лучше, чем любой другой его гражданин — за исключением, возможно, Хедрона,— но знал он теперь и то, что выхода сквозь стены не существует.

Чувство, владевшее им сейчас, было не просто унынием. Откровенно сказать, он, в сущности, и не ожидал, что проблему можно будет решить так вот просто, что с первой же попытки удастся отыскать то, что ему требуется. Важно было, что он устранил еще одну возможность. Теперь предстояло взяться за другие.

Он поднялся из кресла и подошел к изображению города, которое почти заполняло зал. Трудно было не думать о нем как о материальном макете, хотя Олвин и понимал, что на самом-то деле это всего-навсего оптическая проекция сложнейшей матрицы, распределенной по ячейкам памяти, которые он только что исследовал. Когда он поворачивал ручки управления и заставлял свою воображаемую наблюдательную позицию передвигаться по городу, по поверхности этой вот его электронной копии синхронно путешествовало крохотное пятнышко света, и он мог совершенно точно знать, куда именно в данный момент он направляется. В первые дни световой зайчик был очень удобным ги-

дом, но вскоре Олвин настолько напрактиковался в настройке координат, что подсказка эта стала ему уже не нужна.

Город распростерся у его ног. Он смотрел на него, как если бы был Богом. И — едва видел, потому что перебирал в уме один за другим шаги, которые следовало предпринять теперь.

Если все мыслимые решения проблемы и отпали, все-таки оставалось еще одно. Быть может, Диаспар и сохраняется в своем вечном стасисе, навсегда замороженный в соответствии с электрическим узором ячеек памяти, но сам-то этот узор может быть изменен, и тогда соответствующим образом изменится и сам город. Можно будет перестроить целую секцию внешней стены, проломить в ней проход, ввести эту информацию в мониторы и позволить городу переделать себя в соответствии с этой новой концепцией.

Олвин подозревал, что обширные панели пульта контроля за мониторами, функций которых Хедрон ему не объяснил, имеют отношение как раз к такого вот рода изменениям. Экспериментировать с ними было бесполезно. Средства управления, которые могли изменять самое структуру города, были, конечно же, накрепко блокированы, и привести их в действие можно было только с разрешения Совета и с одобрения Центрального Компьютера. Существовало очень мало шансов на то, что Совет пойдет ему навстречу, даже если он приготовится к десяткам лет, а то и к столетиям терпеливейших просьб. Такая перспектива не устраивала его ни в малейшей степени.

Он обратил свои мысли к небу. Порой ему чудилось — в мечтах, о которых он вспоминал потом не без смущения,— что он обрел способность летать, способность, утраченную человечеством так давно. Было время — он знал это,— когда небо Земли заполняли странные силуэты. Из космоса прилетали огромные корабли, они несли в трюмах неведомые сокровища и приземлялись в легендарном порту Диаспара. Но порт находился за пределами города. Целые эпохи прошли с того времени, когда он оказался укрыт кочующими песками пустыни. Олвин, понятно, мог мечтать о том, что где-то в лабиринте Диаспара все еще может таить-

ся одна из этих летающих машин, но, в общем-то, он в это не верил. Представлялось крайне маловероятным, что даже в те дни, когда полеты на маленьких флайерах личного пользования были делом обычным, ими разрешалось пользоваться за пределами города.

На какие-то секунды он забылся в старой, привычной мечте: он вообразил, что небо подвластно ему, что, распростершись, мир лежит под ним, приглашая отправиться туда, куда ему хочется. Это не был мир его времени. Это был утраченный мир Начала — богатейшая, вся в движении панорама холмов, лесов и озер. Он испытал острую зависть к своим неведомым предкам, которые с такой свободой летали над всей землей и которые позволили умереть ее красоте.

Эти иссушающие ум мечтания были бесплодны. Он с трудом вернулся в настоящее — к своей насущной проблеме. Если небо для него недостижимо, а путь по земле преграждён, то что же остается?

Он снова оказался в положении, когда ему требуется помощь, когда только своими силами он не может продвинуться вперед. Ему не хотелось признаваться в этом перед самим собой, но он был достаточно честен и осознал этот малоприятный факт. И мысли его с неизбежностью обратились к Хедрону.

Олвин никак не мог решить, по душе ли ему Шут. Он был очень рад, что они встретились, и был благодарен Хедрону за ту неясно выраженную, но все-таки симпатию, которую Шут проявил к нему в ходе поиска. В Диаспаре больше не нашлось бы ни одной живой души, с кем у Олвина оказалось бы так много общего, и все-таки в личности Хедрона ощущался какой-то червячок, который нет-нет да и действовал ему на нервы. Возможно, это был налет этакой иронической отстраненности, которая порой порождала у Олвина подозрение, что Хедрон втихомолку подсмеивается над всеми его усилиями, даже когда казалось — он делает все, чтобы именно помочь. Из-за этого, а также в силу свойственного ему упрямства и чувства независимости Олвину не слишком хотелось обращаться к Хедрону — разве что в самом крайнем случае.

Они договорились встретиться в маленьком круглом дворике неподалеку от Зала Совета. В городе было множество таких вот уединенных местечек, частенько расположенных всего в нескольких шагах от оживленной магистрали, но совершенно изолированных от людской толчеи. Добраться до них, как правило, можно было только пешком, изрядно побродив сначала вокруг да около. По большей части они, в сущности, являлись центрами умело созданных лабиринтов, что только усиливало их отъединенность. Это было довольно типично для Хедрона — выбрать для встречи именно такое вот место.

Дворик оказался едва ли более пятидесяти шагов в поперечнике и, в общем-то, находился не на воздухе, а глубоко внутри какого-то большого здания. Глазу, однако, представлялось, что у него нет каких-то определенных физических границ, а окружает его нечто из полупрозрачного голубовато-зеленого материала, светящегося мягким внутренним светом. И все же, несмотря на отсутствие этих самых границ, дворик оказался спроектирован таким образом, что не было ни малейшей опасности потеряться в кажущейся бесконечности окружающего его пространства. Низкие стены, высотой в половину человеческого роста, разорванные через неправильные интервалы, с тем чтобы через них можно было пройти, создавали достаточное впечатление замкнутости, без чего никто в Диаспаре не мог чувствовать себя совершенно в своей тарелке.

Когда появился Олвин, Хедрон внимательнейшим образом разглядывал как раз одну из секций стены. Она была украшена хитроумной мозаикой из глазурованных плиток, и узор оказался таким фантастически сложным, что Олвин даже и стараться не стал читать его.

— Посмотри-ка на эту мозаику, Олвин,— молвил Шут.— Не замечаешь ли ты в ней какой-нибудь странности?

— Нет,— бегло взглянув на рисунок, признался Олвин.— Да мне, собственно, все равно — тем более что никакой странности тут нет.

Хедрон пробежался пальцами по разноцветным плиткам.

— Ты не слишком наблюдателен,— укоризненно проговорил он.— Взгляни-ка вот на эти кромки — видишь, как они округлены, какую приобрели мягкую форму? Это нечто такое, Олвин, что в Диаспаре можно увидеть крайне редко. Это изношенность. Вещество выкрашивается под напором времени. Я припоминаю эпоху, когда этот рисунок был совсем новым,— это было всего восемьдесят тысяч лет назад, в мою предыдущую жизнь. И если я вернусь сюда еще через десяток перевоплощений, от этих плиток уже мало что останется.

— Ну а что тут удивительного? — отозвался Олвин.— В городе есть и другие произведения искусства, не такие уж ценные, чтобы хранить их вечно в ячейках памяти, но все-таки достаточно интересные, чтобы не уничтожать их вскоре же после создания. Я полагаю, наступит день, придет сюда другой какой-нибудь художник и сотворит что-то еще более прекрасное. И уж его работе не дадут истлеть.

— Я знавал человека, который составил этот рисунок,— сказал Хедрон. Пальцы его все еще блуждали по поверхности мозаики, исследуя ее трещинки.— Странно то, что я помню сам этот факт, но в то же время совершенно забыл человека, о котором мы сейчас говорим. Надо полагать, он мне не больно-то нравился, поскольку я, судя по всему, стер память о нем из своего сознания.— Он коротко рассмеялся.— Впрочем, может оказаться и так, что это я сам создал этот рисунок во время одной из своих художественных фаз, а когда город отказался хранить его вечно, был так раздосадован, что и решил тогда же забыть об этом эпизоде. Ну вот, так я и знал, что этот кусочек, того гляди, отвалится.

Хедрон ухитрился отколупнуть осколок позолоченной плитки и, казалось, был страшно доволен этим актом мало кого трогающего вандализма. Он бросил крохотную чешуйку наземь:

— Вот теперь роботам-уборщикам будет над чем потрудиться!

Олвин понял, что это урок. Странный инстинкт, известный под именем интуиции, способный приводить к цели

напрямик, срезая углы, тотчас сказал ему об этом. Он уставился на золотистую крошку, лежащую у его ног, пытаясь как-то связать ее с проблемой, занимающей его сознание.

Найти ответ было несложно, коль скоро ему стало очевидно, что ответ такой существует.

— Да, я понимаю, что именно вы стараетесь мне втолковать,— сказал он Хедрону.— Это значит, что в Диаспаре есть объекты, которые не зафиксированы в ячейках памяти. Вот поэтому-то я и не мог найти их с помощью мониторов там, в Зале Совета. Пойди я туда и нацелься на этот дворик, мне бы и следа не углядеть этой вот стенки, на которой мы сейчас сидим.

— Ну, я думаю, что стенку-то ты бы обнаружил. Но вот мозаику на ней...

— Да-да, понимаю...— почти не слушая, продолжал Олвин, слишком занятый сейчас своими мыслями, чтобы обращать внимание на такие тонкости этикета.— И точно таким же вот образом могут существовать и целые районы города... они не отражены в его вечной памяти, но они еще не износились... они существуют... Нет, я все-таки как-то не вижу, чем это может мне помочь. Я же знаю, что внешняя стена стоит как скала и что в ней нет проходов.

— Гм... Возможно, из этого положения и в самом деле нет выхода,— проговорил Хедрон.— Во всяком случае, я ничего не могу тебе обещать. Но все же думаю, что мониторы способны научить нас еще очень и очень многому, если, конечно, Центральный Компьютер им разрешит. А он, похоже, относится к тебе... мм... доброжелательно.

На пути к Залу Совета Олвин раздумывал над этими словами Шута. До сих пор он полагал, что доступ к мониторам ему обеспечило единственно влияние Хедрона. Ему и в голову не приходило, что это стало возможным в силу каких-то качеств, внутренне присущих именно ему самому. Быть Неповторимым означало потерю многого. И было бы только справедливо, если бы ему полагалась какая-то компенсация.

...Ничуть не изменившийся электронный слепок города все так же занимал центр зала, в котором Олвин провел эти

долгие недели. Он смотрел на него теперь с новым чувством понимания: ведь все, что он видел здесь перед собой, существовало в действительности, но могло быть и так, что отнюдь не весь Диаспар отражен в этом безупречном зеркале. Да, разумеется, любые несоответствия должны быть пренебрежимо малы и, насколько он мог видеть, просто неуловимы.

И все же...

— Я, знаешь, попытался сделать это много лет назад,— нарушил молчание Хедрон, усаживаясь в кресло перед одним из мониторов.— Но управление этой штукой никак мне не давалось. Возможно, теперь все будет иначе.

Сначала медленно, а потом со все возрастающей уверенностью — по мере того как в памяти оживали давным-давно забытые навыки — пальцы Хедрона побежали по панели управления, лишь на мгновение задерживаясь в некоторых ее точках.

— Вот, думаю, так будет правильно,— наконец проговорил он.— Во всяком случае, мы сейчас в этом убедимся.— Экран монитора засветился, но вместо изображения, которое ожидал увидеть Олвин, появилась несколько обескуражившая его надпись: «Регрессия начнется, как только вы установите градиент убывания».

— Экая я бестолочь,— прошептал Хедрон.— Вот ведь все сделал правильно, а самое-то важное и забыл...— Теперь его пальцы двигались по панели уже совершенно уверенно, и, когда надпись на экране растаяла, он развернул свое кресло так, чтобы видеть и изображение города в центре зала.

— Гляди внимательно, Олвин,— предупредил он.— Думается мне, что мы оба узнаем сейчас о Диаспаре кое-что новенькое.

Олвин терпеливо ждал, но ничего не происходило. Изображение города по-прежнему стояло у него перед глазами во всем своем таком знакомом великолепии и красе — хотя ни то ни другое им сейчас не осознавалось. Он уже хотел было спросить Хедрона, а на что, собственно, ему смотреть, как вдруг какое-то внезапное движение приковало его внимание и он быстро повернул голову, чтобы уловить его.

Это был всего лишь какой-то краткий миг, что-то на мгновение сверкнуло, и он так и не успел заметить, что же явилось причиной вспышки. Ничто не изменилось: Диаспар оставался точно таким же, каким он его знал. Однако, переведя взгляд на Хедрона, он увидел, что тот наблюдает за ним с сардонической усмешкой, и снова уставился на город. И теперь *это* произошло прямо у него на глазах.

Одно из зданий на периферии Парка неожиданно исчезло, и на его месте немедленно появилось другое — совершенно иной архитектуры. Превращение произошло настолько стремительно, что мигни Олвин именно в этот момент, и он ничего бы уже не заметил. В изумлении смотрел он на слегка изменившийся город, но даже и в этот миг потрясения от увиденного мозг его искал объяснений. Ему вспомнились появившиеся на экране слова: «Регрессия начнется...» — и он тотчас же осознал, что же тут, собственно, происходит.

— Таким город был много тысяч лет назад,— сказал он Хедрону.— Мы словно бы движемся назад по реке Времени.

— Весьма красочный, но вряд ли самый точный способ отразить то, что здесь сейчас творится,— ответил Шут.— На самом-то деле монитор просто вспоминает ранний облик города. Когда в прошлом производились какие-то модификации, ячейки памяти не просто освобождались. Хранившаяся в них информация перекачивалась во вспомогательные запоминающие устройства, чтобы по мере надобности ее можно было вызывать снова и снова. Я настроил монитор на анализ именно этих узлов — со скоростью в тысячу лет в секунду. И сейчас мы видим с тобой Диаспар таким, каким он был полмиллиона лет назад. Но только, чтобы заметить какие-то действительно существенные перемены, нам придется отодвинуться во времени на куда большую дистанцию. Вот я сейчас увеличу скорость...

Он снова обратился к панели управления, и именно в этот момент уже не одно какое-то здание, а целый квартал перестал существовать и сменился гигантским овальным амфитеатром.

— О, да ведь это же Арена! — воскликнул Хедрон.— Я прекрасно помню, какой шум поднялся, когда мы решили от

нее избавиться! Ареной почти не пользовались, но, знаешь, огромное число людей испытывали к ней теплые чувства.

Теперь монитор вскрывал пласты своей памяти с куда большей быстротой. Изображение Диаспара проваливалось в прошлое на миллион лет в минуту, и перемены совершались так стремительно, что глаз просто не мог за ними уследить. Олвин отметил, что изменения в облике города происходили, похоже, циклично: бывали длительные периоды полного равновесия, затем вдруг начиналась горячка перестройки, за которой следовала новая пауза. Все происходило так, как если бы Диаспар был живым существом, которому после каждого взрывообразного периода роста требовалось собраться с силами.

Несмотря на все эти перемены, основной рисунок города не менялся. Да, здания возникали и исчезали, но расположение улиц представлялось вечным, а Парк все так же оставался зеленым сердцем Диаспара. Олвин прикинул, насколько далеко может простираться память монитора. Сумеют ли они вернуться к самому основанию города и проникнуть сквозь занавес, отделяющий непреложно известную историю от мифов и легенд Начала?

Они погрузились в прошлое уже на пятьсот миллионов лет. За пределами стен Диаспара, неизвестная мониторам, лежала совсем иная Земля. Возможно, там шумели океаны и леса, быть может, существовали иные города, еще не покинутые Человеком в его долгом-долгом отступлении к своему последнему пристанищу...

Минуты текли — и каждая была целой эпохой в крохотной вселенной мониторов. Олвину подумалось, что скоро они достигнут самого раннего из доступных уровней памяти и бег в прошлое прекратится. И хотя все происходящее представлялось ему просто-таки захватывающе интересным, он тем не менее никак не мог понять, каким образом это поможет ему вырваться из Диаспара.

...Резким, беззвучным скачком город сократился до незначительной части своей нынешней величины. Парк исчез. В мгновение ока словно бы испарилась ограничивающая город стена, составленная из титанических башен. Этот

новый город был открыт всем ветрам, и его радиальные дороги простирались к границам объемного изображения, не встречая никакого препятствия. Диаспар... Такой, каким он был перед великим превращением, которому подверглось человечество.

— Дальше пути нет,— сказал Хедрон и показал на экран монитора, где появилась надпись: «Регрессия завершена».— Должно быть, это и есть самый первый облик города, запечатленный в памяти машин. Сомневаюсь, чтобы ячейки памяти использовались в период, предшествующий этому,— когда здания еще были подвержены разрушительному действию стихий.

Олвин долго глядел на модель древнего города. Он размышлял о движении, которое кипело на этих дорогах, когда люди свободно приезжали и уезжали во все концы мира — и к другим мирам тоже. Те люди были его предками. Он чувствовал себя куда ближе к ним, чем к своим современникам, которые делят с ним сейчас его жизнь. Ему так хотелось поглядеть на них, проникнуть в их мысли — мысли людей, ходивших по улицам Диаспара миллиард лет назад. Нет, подумалось ему, их мысли не могли быть безоблачными — ведь земляне того времени жили в мрачной тени Пришельцев. И всего через несколько столетий им пришлось отвратить лица свои от славы, завоеванной ими, и возвести Стену, отгородившую их от мира.

Хедрон несколько раз прогнал монитор взад и вперед по короткому отрезку истории, который был свидетелем трансформации. Переход от маленького, настежь распахнутого городка к куда большему по размерам, но уже отъединенному от мира, занял немногим более тысячи лет. За это время, должно быть, и были созданы машины, которые и посейчас так верно служат Диаспару, и именно тогда в их память было вложено знание, обеспечивающее выполнение ими своих задач. В этот же самый период в запоминающие устройства города должны были поступить электронные копии всех живущих ныне людей, готовые по первому же сигналу Центрального Компьютера обрести плоть и заново рожденными выйти из Зала Творения.

Олвин понимал, что и он тоже в некотором смысле существовал в том древнем мире. Хотя, конечно, было возможно, что он-то как раз оказался продуктом чистого синтеза — вся его личность, целиком и полностью, была создана инженерами-художниками, которые пользовались инструментарием непостижимой сложности ради какой-то ясно осознаваемой ими цели. И все же ему представлялось куда более вероятным, что он все-таки был плоть от плоти тех людей, что когда-то жили на планете Земля и путешествовали по ней.

Когда был создан новый город, от старого Диаспара мало что осталось. Парк почти полностью покрыл изначальное поселение, а также то, с чего, собственно, и начинался сам-то этот древний город. Казалось, что в центре Диаспара от века существовало крохотное зеленое местечко, к которому стекались все радиальные улицы города. Впоследствии его размеры разрослись вдесятеро, стерев множество зданий и улиц. Усыпальница Ярлана Зея появилась как раз в это время, заменив собой какую-то очень громоздкую круглую конструкцию, которая возвышалась на месте слияния всех улиц. Олвин, в сущности, никогда не верил легендам о непостижимой древности усыпальницы, но теперь ему стало ясно, что легенды, похоже, говорили правду.

— Но ведь мы...— Олвин был просто сражен внезапно пришедшей ему на ум мыслью,— ведь мы можем изучать это вот изображение в деталях... точно так же, как мы разглядывали и современный нам Диаспар?

Пальцы Хедрона порхнули над панелью управления, и экран тотчас же ответил на вопрос Олвина. Город, давным-давно исчезнувший с лица земли, стал расти у него на глазах, по мере того как взгляд юноши погружался в лабиринт странных узких улочек. Это — почти живое — воспоминание о Диаспаре, который когда-то существовал, было ясным и четким, как и изображение города, в котором они жили сейчас. В течение миллиарда лет электронная память хранила эту информацию, терпеливо дожидаясь момента, когда кто-то снова вызовет ее к жизни. И все это, подумалось Олвину, было даже не памятью — если говорить о том, что он

сейчас искал. Это было нечто куда более сложное — воспоминание о памяти...

Он не знал, что это ему даст и поможет ли его исканиям. Не важно. Было захватывающе интересно вглядываться в прошлое и видеть мир, который существовал еще в те времена, когда человек путешествовал среди звезд. Он указал на низкое круглое здание, стоящее в самом сердце города:

— Давайте начнем отсюда. Это место ничуть не хуже всякого другого для того, чтобы приступить к поиску.

Быть может, это оказалось результатом чистой удачи. Или же подала вдруг голос какая-то древняя генная память. А может быть, сработала и элементарная логика. Это не имело значения, поскольку рано или поздно он все равно добрался бы до этого места — места, откуда начинались все радиальные улицы города.

Ему потребовалось всего лишь каких-то десять минут, чтобы сделать открытие: улицы соединялись здесь вовсе не только из соображений симметрии. Всего десять минут, чтобы понять — долгий его поиск вознагражден.

ГЛАВА 9

Алистре было совсем нетрудно последовать за Олвином и Хедроном так, чтобы оба они и понятия об этом не имели. Они, казалось, очень спешили — что уже само по себе было в высшей степени необычно — и ни разу даже не оглянулись. Забавная игра — преследовать их на движущихся тротуарах, прячась в толпе, не спускать с них глаз... В конце концов цель, к которой они стремились, стала для Алистры очевидной. Раз уж они оставили улицы и углубились в Парк, то могли направляться только к усыпальнице Ярлана Зея. В Парке не было никаких других зданий, а люди, спешащие так, как спешили Олвин с Хедроном, явно не собирались любоваться пейзажами.

Поскольку на последних десятках метров перед усыпальницей укрыться было решительно негде, Алистра выждала, пока преследуемые не углубились в ее мраморный полумрак.

Как только они скрылись из виду, девушка тотчас же поспешила вверх по поросшему травой склону. Она была совершенно уверена, что сумеет скрываться за одной из огромных колонн достаточно долго, чтобы выяснить — чем это таким заняты Олвин и Хедрон. А уж потом, даже если они ее и обнаружат, будет все равно...

Усыпальница состояла из двух концентрических колоннад, ограждающих круглый дворик. Колонны эти — за исключением одного сектора,— перекрывая друг друга, полностью укрывали от взоров центр всего сооружения, и Алистра, не желая рисковать, проникла в усыпальницу сбоку. Она осторожно миновала первое кольцо колонн, убедилась, что в поле зрения никого нет, и на цыпочках подобралась ко второй колоннаде. Между колоннами ей было видно скульптурное изображение Ярлана Зея, устремившего взгляд к входу в усыпальницу и дальше — через Парк, созданный им,— на город, за которым он следил столько тысячелетий.

И мраморное его уединение сейчас не нарушала ни одна живая душа. Усыпальница была пуста.

В эти же самые секунды Олвин и Хедрон находились метрах в тридцати под поверхностью земли — в тесной, напоминающей ящик клетушке, стенки которой, казалось, струились вверх. Это было единственным признаком того, что она движется. Не ощущалось ни малейшей вибрации, которая указывала бы на то, что они постепенно погружаются в недра земли, приближаясь к цели, о которой ни тот ни другой даже и теперь не имели ни малейшего представления.

Все оказалось до смешного просто, потому что искомый путь был прямо-таки подготовлен для них. («Кем? — думалось Олвину.— Центральным Компьютером? Или самим Ярланом Зеем, когда он преображал город?») Экран монитора показал им глубокую вертикальную шахту, уходящую в недра, но они «спустились» по ней не слишком глубоко — экран погас. Это означало, что они затребовали информацию, которой монитор не располагал и которой, возможно, у него и вообще никогда не было.

Олвин едва успел додумать эту мысль, как экран ожил снова. На нем появилась короткая надпись, напечатанная упрощенным шрифтом, которым машины пользовались для общения с человеком с тех самых пор, как они достигли интеллектуального равенства:

«Встаньте там, куда смотрит статуя, и подумайте:

"ДИАСПАР НЕ ВСЕГДА БЫЛ ТАКИМ"».

Последние пять слов были напечатаны прописными буквами, и суть этого послания сразу же была схвачена Олвином. Произнесенные в уме, кодовые фразы такого рода столетиями использовались для того, чтобы открывать двери или включать машины. Что же касается выражения «встаньте там, куда смотрит статуя», то, в сущности, это было уже совсем просто понять.

— Интересно, сколько же человек читало эти слова,— задумчиво произнес Олвин.

— Насколько я знаю, четырнадцать,— ответил Хедрон.— Но возможно, были и другие...— Он никак не прояснил эту свою достаточно загадочную реплику, а Олвин слишком торопился попасть в Парк, чтобы задавать еще какие-нибудь вопросы.

У них не было никакой уверенности, что механизмы все еще способны откликнуться на кодовый импульс. Когда они добрались до усыпальницы, им потребовалось всего ничего времени, чтобы обнаружить ту единственную плиту пола, на которую был устремлен взгляд Ярлана Зея. Это только невнимательному наблюдателю могло показаться, что изваяние смотрит вдаль, на город. Стоило встать прямо перед ним, и сразу же можно было убедиться, что глаза Зея опущены и изменчивая его улыбка адресована как раз плите, расположенной у самого входа в усыпальницу. Как только секрет этот оказался раскрыт, никаких сомнений уже не оставалось. Огромная каменная глыба, на которой они стояли, плавно понесла их в глубину.

Голубое окно над их головами внезапно пропало. Устье этой шахты там, наверху, перестало зиять. Опасность, что

кто-нибудь случайно ступит в провал, перестала существовать. Олвин мимолетно подумал о том, не материализовалась ли внезапно какая-то другая каменная плита, чтобы заменить ту, на которой плыли сейчас они с Хедроном, но затем решил, что вряд ли. Глыба, на которой они стояли, могла в действительности существовать лишь дискретно — неощутимые доли секунды. Она, в сущности, все так же покрывала пол усыпальницы. И снова и снова материализовывалась на все большей и большей глубине — через микросекундные интервалы,— чтобы создать иллюзию плавного движения вниз.

Ни Олвин, ни Хедрон не проронили ни слова, пока стены шахты медленно скользили мимо них кверху. Хедрон снова сражался со своей совестью, размышляя, не зашел ли он на этот раз слишком далеко. У него не было ни малейшего представления, куда ведет этот путь,— если он вообще ведет куда-то... Впервые в жизни Шут начал понимать истинный смысл слова «страх».

Олвину же не было страшно — он был слишком возбужден. Он переживал те же чувства, что и в башне Лоранна, когда взглянул на девственную пустыню и увидел звезды, взявшие в полон небо. Тогда он едва кинул на неведомое беглый взгляд. А вот теперь он приближался к нему...

Стены прекратили движение. На одной из них появилось пятно света, оно становилось все ярче и ярче и внезапно обернулось дверью. Они ступили в ее проем, сделали несколько шагов по коридору и совершенно неожиданно для себя очутились вдруг в огромной круглой камере, стены которой плавно сходились в трехстах футах над их головами.

Каменная колонна, внутри которой они спустились сюда, казалась больно уж хрупкой, чтобы держать на себе все эти миллионы тонн скальной породы. В общем-то, она даже выглядела не как неотъемлемая часть всего этого помещения, а так, словно бы ее добавили сюда значительно позднее основного строительства. Хедрон, проследив взгляд Олвина, пришел точно к такому же выводу.

— Эта колонна,— сказал он, явно нервничая и словно бы испытывая неодолимую потребность хоть что-нибудь да

говорить,— была построена просто для того, чтобы нести в себе шахту, по которой мы сюда и прибыли. Она, конечно же, никоим образом не могла пропускать через себя все то движение, которое, надо полагать, имело здесь место, когда Диаспар еще был открыт миру. Основные потоки шли во-он по тем туннелям... Как — соображаешь, для чего они?

Олвин обвел взглядом стены этой пещеры, отстоящие от того места, где находились они с Хедроном, больше чем на сотню метров. Пронизывая скалу через равные интервалы, зияли жерла огромных туннелей — двенадцать общим числом, и, судя по всему, туннели эти радиально расходились по всем направлениям, в точности повторяя маршруты движущихся улиц там, на поверхности. Приглядевшись, можно было заметить, что туннели имеют небольшой уклон кверху. Олвин тотчас же узнал и знакомую серую поверхность движущегося полотна, но... это были лишь руины великих когда-то дорог. Странный материал, что когда-то давал им жизнь, теперь был недвижим. Когда там, наверху, разбили Парк, ступица всего этого гигантского транспортного «колеса» была похоронена под землей.

И все-таки она не была разрушена.

Олвин направился к ближайшему туннелю. Он успел пройти всего несколько шагов, когда вдруг до него дошло, что с поверхностью пола у него под ногами что-то происходит. Пол становился... прозрачным! Еще несколько метров, и Олвину уже представилось, будто он стоит прямо в воздухе, без какой-либо видимой поддержки. Он остановился и вгляделся в пропасть, разверзшуюся перед ним.

— Хедрон! — позвал он.— Подойдите, подойдите — взгляните-ка только на это чудо!

Шут присоединился к нему, и они вместе стали разглядывать всю эту фантасмагорию под ногами. На неопределенной глубине, едва видимая, простерлась чудовищных размеров карта — сложнейшая сеть линий на ней сходилась точно в колонне центральной шахты. Некоторое время они смотрели на все это молча. Затем Хедрон тихо произнес:

— Ты понимаешь, что это такое?

— Думаю, что да,— так же тихо отозвался Олвин.— Это карта всей транспортной системы планеты, а вон те маленькие кружки — это, должно быть, другие города Земли. Я вижу, что возле них написаны какие-то названия, только вот ничего не могу разобрать.

— В прежние времена там, наверное, было внутреннее освещение,— задумчиво проговорил Хедрон. Он внимательно прослеживал взглядом линии под ногами, отходящие к стенам каверны, в которой они находились.

— Так я и думал! — внезапно раздался его возглас.— Ты вот обратил внимание, что все эти радиальные линии тянутся к маленьким туннелям?

Олвин тоже заметил, что помимо огромных арок самодвижущихся дорог были в стенах еще и бесчисленные туннели поменьше, тоже ведущие куда-то в неизвестность, но вот только уклон у них был не вверх, а вниз.

Хедрон тем временем продолжал, не ожидая ответа:

— Более простую систему трудно себе и представить! Люди сходили с самодвижущихся дорог, выбирали по этой вот карте направление к месту, которое нужно было посетить, и все, что им после этого оставалось делать,— это просто следовать определенной линии на карте.

— И что происходило с ними после этого? — задал осторожный вопрос Олвин.

Хедрон молчал, но глаза его пытливо искали разгадку тайны этих идущих вниз туннелей. Их было три или четыре десятка, и все они походили друг на друга. Различить их можно было только по названиям на карте, но нечего было и думать расшифровать эти едва видимые теперь надписи.

Олвин двинулся с места и пошел вокруг центральной колонны. Внезапно Хедрон услышал его голос — несколько искаженный отголосками от стен этой огромной полости.

— Что-что? — переспросил Хедрон, которому ну никак не хотелось трогаться с места, потому что он уже почти разобрал одну едва различимую группу черточек на карте. Но голос Олвина звучал больно уж настойчиво, и Хедрон пошел на зов.

Глубоко под ногами виднелась вторая половина огромной карты, слабые ее штрихи расходились наподобие «розы» на картушке компаса. Здесь, однако, неразличимы были далеко не все надписи: одна из линий — о, только одна! — была ярко освещена. Впечатление складывалось такое, словно она не имеет никакого отношения к остальной части системы. Сияющая стрела указывала на один из меньших туннелей, ведущих куда-то вниз. Вместо острия у этой стрелы был маленький кружок, возле которого светилось единственное слово: «Лиз». И это было все.

Шут и Олвин долго стояли и смотрели на этот золотой символ. Для Хедрона это был вызов, которого ему — он-то это хорошо знал! — никогда было не принять и который, если уж на то пошло, лучше бы и вовсе не существовал. Но Олвину — Олвину надпись намекала на возможность использования всех его самых заветных мечтаний. И хотя слово «Лиз» было для него пустым звуком, он с наслаждением перекатывал во рту это немного звенящее название, радовался ему, как какому-то экзотическому плоду дивного вкуса. Кровь билась у него в венах, щеки пылали лихорадочным румянцем. Он блуждал взглядом по этой огромной подземной пустоте, пытаясь представить себе, что происходило здесь в древности, когда воздушному транспорту уже пришел конец, но города Земли еще поддерживали какой-то контакт друг с другом... Он думал о бессчетном количестве миллионов лет, которые канули куда-то с тех пор, о том, как с каждым таким миллионом движение здесь все затихало и затихало, а огни на огромной карте угасали один за другим, пока не осталась эта вот единственная линия. Как долго, мнилось ему, сияет она здесь, среди своих погасших товарок, в ожидании человека, которого нужно направить и которого все нет и нет?.. И наконец Ярлан Зей вообще запечатал самодвижущиеся пути и отрезал Диаспар от всего остального мира.

А это было миллиард лет назад. Уже тогда, видимо, Лиз потерял все связи с Диаспаром. Казалось невозможным, чтобы Лиз выжил. Возможно, в конце концов, что эта карта уже не имеет ровно никакого значения.

Хедрон прервал его размышления. Заметно было, что Шут нервничает и чувствует себя не в своей тарелке,— он был совсем не похож на того уверенного и даже самоуверенного человека, каким всегда представлялся там, наверху, в городе.

— Не думаю, что нам надо двигаться еще куда-то дальше,— проговорил Хедрон.— Это может быть... небезопасно, если мы... если мы не будем подготовлены лучше...

Известная мудрость в этом, признаться, была, но Олвин расслышал в голосе Хедрона всего лишь нотку страха. Будь иначе, он, возможно, с большим вниманием отнесся бы к доводам здравого смысла, но слишком острое ощущение собственного мужества вкупе с презрением к робости Шута властно толкало Олвина вперед. Ему представлялось просто глупым — зайти так далеко только для того, чтобы повернуть назад, когда вожделенная цель маячила уже где-то перед глазами.

— Я пойду по этому туннелю,— упрямо заявил он, словно бы даже провоцируя Хедрона остановить его.— Хочу посмотреть, куда он ведет...— Олвин решительно зашагал вперед, и, поколебавшись какое-то мгновение, Шут тоже двинулся за ним вдоль сияющей стрелы, что пылала у них под ногами.

Войдя в туннель, они сразу же ощутили знакомую тягу перистальтического поля, и спустя миг оно без малейшего усилия уже уносило их в глубь земли. Все путешествие продолжалось едва ли более минуты. Когда поле освободило их, они оказались в конце длинного и узкого помещения полуцилиндрической формы. На другом, дальнем его конце два слабо освещенных туннеля уходили куда-то в бесконечность.

Представители едва ли не всех без исключения цивилизаций, которые только существовали на Земле со времен Начала, нашли бы эту обстановку совершенно обычной, но для Олвина и Хедрона это было окном в совершенно иной мир. Загадкой было, к примеру, назначение этой вот длинной, стремительных очертаний машины, которая — так похожая на снаряд — покоилась вдоль стены помещения: хотя

о ее функции, в общем-то, можно было догадаться, но менее таинственной она от этого не становилась. Верхняя часть ее была прозрачна, и, глядя сквозь стенки, Олвин видел ряды удобно расположенных кресел. Признаков какого-либо входа в нее заметно не было. Машина парила на высоте что-то около фута над незатейливым металлическим стержнем, который простирался вдаль и исчезал в одном из туннелей. Несколькими метрами дальше другой такой же точно стержень вел в другой туннель — с той лишь разницей, что над ним не было такой же машины. Олвин знал — как если бы ему об этом сказали,— что где-то под далеким и неведомым ему Лизом еще одна такая же машина в таком же помещении, как это, тоже ждет своего часа.

Хедрон вдруг заговорил — быть может, несколько быстрее, чем обычно:

— Какая странная транспортная система! Она может одновременно обслуживать всего лишь какую-то сотню человек... Из этого следует, что они вряд ли рассчитывали на интенсивное движение между городами. И потом — зачем им все эти хлопоты, зачем, спрашивается, было зарываться в землю при все еще доступном небе? Возможно, это Пришельцы не разрешали им летать, хотя мне и трудно в это поверить... Или, может быть, все это было сооружено в переходный период, когда люди еще позволяли себе путешествовать, но уже не хотели, чтобы хоть что-то напоминало им о космосе? Они могли перебираться из города в город и так и не видеть ни неба, ни звезд...— Он хохотнул — коротко и нервно.— Я в одном только уверен. Когда Лиз существовал, он был очень похож на Диаспар. Все города в основе своей были похожи. И неудивительно, что в конце концов они были покинуты людьми, которые стянулись в один центр — в Диаспар. На кой, спрашивается, ляд было им иметь их больше одного?

Олвин едва слышал Шута. Он был поглощен разглядыванием этого диковинного снаряда, нетерпеливо пытаясь найти вход. Если машина управлялась централизованно или при помощи устного кодового приказа, ему бы ни за что не удалось заставить ее повиноваться ему и она до конца его жизни так и осталась бы сводящей с ума загадкой.

...Беззвучно раскрывшаяся дверь застала его врасплох. Тишина не была тронута ни малейшим шорохом, не прозвучало ни малейшего предупреждения, когда целая секция корпуса просто истаяла и перед ним, готовая его принять, предстала безупречная красота интерьера.

Настал момент выбора. До этого рубежа он всегда мог повернуть назад, стоило ему только захотеть. Но ступи он в эту так гостеприимно раскрывшуюся дверь, и можно было уже не сомневаться в том, что произойдет после этого, хотя Олвин не имел ни малейшего представления о том, куда именно его привезут. Он предался бы попечению совершенно неизвестных ему сил и лишил бы себя возможности распоряжаться собственной судьбой.

Он не колебался ни мгновения. Он страшно боялся промедлить, боялся, что, коли будет раздумывать слишком долго, этот момент никогда уже не повторится,— у него просто не хватит решимости безоглядно отдаться своему испепеляющему стремлению познать неведомое. Хедрон раскрыл было рот в энергичном протесте, но, прежде чем он произнес хотя бы одно слово, Олвин уже переступил порог. Он обернулся к Хедрону, обрамленному едва видимым прямоугольником дверного проема, и на несколько секунд между ними воцарилось напряженное молчание, когда каждый ждал, чтобы первым заговорил другой.

Решение было принято за них. Что-то прозрачно мигнуло, и корпус машины снова сомкнулся. И не успел Олвин и руки поднять в прощальном приветствии, как длинный цилиндр тихонько тронулся вперед. Еще не войдя в туннель, он уже двигался быстрее бегущего человека.

...Были времена, когда, что ни день, миллионы людей совершали такие вот путешествия в машинах — в основном такого же типа, как и эта,— между домом и местом работы. С тех давным-давно минувших времен Человек успел обойти Вселенную и снова возвратиться на Землю — после того как основанную им Галактическую Империю вырвали у него из рук. И вот теперь машина снова работала, человек снова устремился куда-то вперед, сидя в салоне, в котором

легион ныне забытых, совершенно не склонных к приключениям людей в свое время чувствовали себя совершенно как у себя дома.

С одним только отличием — путешествие Олвина было самым примечательным из всех, которые предпринимались людьми за последний миллиард лет.

...Алистра обошла усыпальницу раз десять (хотя, в сущности, вполне хватило бы и одного) — спрятаться здесь было решительно негде. После первого приступа изумления она стала сомневаться: а были ли те, кого она преследовала по Парку, Олвином и Хедроном во плоти, или же она гналась всего-навсего за их электронными фантомами? Впрочем, мысль была не из умных, потому что свой фантом можно было сразу «проявить» в любом месте, которое захотелось бы посетить, и незачем было отправляться куда бы то ни было лично. Ни один человек в здравом рассудке не заставил бы свое отображение отшагать пару миль, затратив на это полчаса, когда на место можно было прибыть мгновенно. Нет, это, конечно же, были Олвин и Хедрон, и именно их она и проводила до усыпальницы.

Следовательно, где-то здесь должен быть тайный вход. И пока она ждет их возвращения, отчего бы его и не поискать?

Так уж получилось, что возвращение Хедрона она прозевала, потому что как раз в этот момент изучала одну из колонн позади скульптуры, а Шут появился совсем с противоположной стороны. Она услышала его шаги, обернулась к нему и сразу поняла, что он один.

— Где Олвин? — закричала она.

Прошло некоторое время, прежде чем Шут ответил. Выглядел он изможденным и каким-то словно в воду опущенным, и Алистре пришлось повторить свой вопрос, и только тогда он обратил на нее внимание. Казалось, он ничуть не был удивлен, увидев ее здесь.

— Я не знаю,— ответил наконец Хедрон.— Могу только сказать, что сейчас он на пути к Лизу. Ну вот... теперь ты знаешь ровно столько же, сколько и я...

Слова Шута никогда не следовало понимать буквально. Но Алистра не нуждалась более ни в каких дополнительных доказательствах того, что сегодня Шут вовсе не играл свою привычную роль. Он говорил ей правду — что бы эта самая правда ни означала.

ГЛАВА 10

Когда дверь закрылась, Олвин рухнул в ближайшее кресло. Ему почудилось, что ноги внезапно отказались ему служить. Наконец-то и он познал тот ужас перед неизвестным, который преследовал всех его сограждан. Каждая клеточка в нем тряслась от страха, глаза застилала какая-то пелена. Сумей он сейчас вырваться из этой набиравшей скорость машины, он сделал бы это с радостью, даже ценой отказа от своей мечты.

Смял его не только страх, но еще и чувство невыразимого одиночества. Все, что он любил и знал, осталось в Диаспаре. Даже если ему и не грозит никакая опасность, он — как знать? — может никогда больше не увидеть своего мира. Как ни один человек на протяжении миллионов лет, он прочувствовал сейчас, что это значит — навсегда оставить свой дом. В этот момент отчаяния ему казалось совершенно неважным, вела ли эта его тропа к опасности или же была безопасна и ничем ему не грозила. Самое главное было то, что она уводила его от дома.

...Шли минуты. Это настроение медленно истаивало. Темные тени покинули мозг. Олвин начал мало-помалу обращать внимание на окружающее и в силу своего разумения разбираться в устройстве невообразимо древнего экипажа, в котором ему довелось путешествовать. Олвина совершенно не поразило и не показалось в особенности странным то обстоятельство, что эта погребенная под землей транспортная система все еще совсем исправно действует после столь невообразимо долгого перерыва. Ее характеристик не было в запоминающих устройствах городских мониторов, но, должно быть, где-то еще сохранялись аналогичные цепи, предохранившие ее от изменений и разрушения.

И тут он впервые увидел индикаторное табло, составляющее часть переборки. На нем горела короткая, но такая ободряющая надпись:

«ЛИЗ.
35 минут».

Пока он разглядывал эту надпись, число сменилось на «34». По крайней мере, это была полезная информация — хотя, поскольку он не имел ни малейшего представления о скорости машины, она ничуть не прояснила для него вопрос о расстоянии до неведомого города. Стены туннеля сливались в однородную серую массу, и единственным признаком движения была совсем слабенькая вибрация, которой ему бы и не заметить, если бы он не стал с особенным вниманием вживаться в окружающее.

К этому моменту Диаспар, должно быть, отстоял от него уже на многие и многие мили, и теперь над головой Олвина, надо полагать, простиралась пустыня с ее неотвратимо перекатывающимися барханами. Очень могло быть, что вот в этот самый момент он мчался как раз под теми древними холмами, которые так часто разглядывал из башни Лоранна.

Его воображение стремглав уносилось к Лизу, словно торопясь прибыть туда ранее тела. Что же это будет за город? Как ни старался Олвин, он мог представить себе всего только уменьшенную копию Диаспара. Да и существует ли он еще? — думалось ему... Но он быстро убедил себя, что, будь иначе, машина не несла бы его с такой стремительностью сквозь пласты земли.

Внезапно вибрация пола приобрела совершенно иной характер. Странный экипаж замедлял движение — это было несомненно! Время, видимо, бежало быстрее, чем казалось Олвину. Он глянул на табло и несколько удивился — надпись гласила: «Лиз. 23 минуты».

Ничего не понимая, немного обеспокоенный, он прижался лицом к прозрачной стенке машины. Скорость все еще смазывала облицовку туннеля в сплошную серую ленту, но все же теперь он уже успевал схватывать взглядом какие-

то загадочные отметки, которые исчезали с такой же стремительностью, как и появлялись. Но всякий раз, прежде чем исчезнуть, они, казалось, уже чуть-чуть дольше задерживались на сетчатке глаза.

Затем, совсем неожиданно, стены туннеля с обеих сторон отпрыгнули в стороны. Все еще на огромной скорости, машина теперь мчалась сквозь огромное пустое пространство — куда более просторное, чем даже та пещера самодвижущихся дорог под Парком.

С изумлением оглядываясь по сторонам, Олвин заметил внизу сложную сеть направляющих стержней, которые сходились, перекрещивались и ныряли в туннели по обе стороны от его экипажа. Поток голубоватого света лился из-под выгнутого купола арочного потолка, обрисовывая силуэты огромных транспортных машин. Свет был настолько ослепительным, что было больно глазам, и Олвин догадался, что место это не было предназначено для человека. Мгновением позже его экипаж стремглав промчался мимо нескольких рядов цилиндров, недвижно паривших над своими направляющими. Они были значительно больших размеров, чем тот, в котором он находился, и Олвин догадался, что они, должно быть, использовались для перевозки грузов. Вокруг них громоздились какие-то совершенно непонятные механизмы — замершие, остывшие...

Это циклопическое и такое пустынное помещение исчезло почти так же стремительно, как и возникло. Образ его вызвал в сознании Олвина что-то похожее на благоговение. Впервые он осознал значение той огромной затененной карты под Диаспаром. Мир оказался куда более полон чудесами, чем ему когда-либо представлялось.

Олвин снова глянул на табло. Ничто не изменилось: ему понадобилось меньше минуты, чтобы промелькнуть через пустынную станцию. Машина снова набирала скорость, и, хотя движение по-прежнему почти не ощущалось, стены туннеля уже отбрасывались назад с быстротой, о порядке которой он не мог и догадываться.

Казалось, целая вечность прошла, прежде чем снова наступило почти неощутимое изменение в характере вибрации. Теперь на табло значилось: «Лиз. 1 минута».

Минута эта оказалась самой долгой в жизни Олвина. Медленно, еще медленнее двигалась машина... И на этот раз она не просто замедляла свой ход. Она останавливалась!..

Плавно, в абсолютной тишине, удлиненный цилиндр выскользнул из туннеля в помещение, которое могло бы сойти за двойника того, что простиралось под Диаспаром. Несколько мгновений сильнейшее волнение мешало Олвину что-либо разглядеть. Двери давно уже были раскрыты, но он как-то не вдруг осознал, что может покинуть свой экипаж. Торопливо выходя из машины, он в последний раз бросил взгляд на табло. Надпись на нем изменилась теперь на противоположную, и смысл ее оказался бесконечно ободряющ: «Диаспар. 35 минут».

Когда Олвин занялся поисками выхода из этого помещения, он углядел первый намек на то, что, возможно, находится теперь в стане цивилизации, отличающейся от его собственной. Выход на поверхность — это-то было ясно — лежал через низкий и широкий туннель в торце станции, и пол в этом туннеле был не чем иным, как лестницей! В Диаспаре лестницы встречались чрезвычайно редко. Архитекторы города везде, где их замыслы сталкивались с перепадом уровней, строили пандусы. Это было отголоском той эпохи, когда роботы передвигались на колесах и ступеньки были для них непреодолимым препятствием.

Лестничный пролет оказался очень коротким и закончился перед дверьми, которые при приближении Олвина автоматически растворились. Он ступил в небольшую комнатку, схожую с той, что опустила его из-под фигуры Ярлана Зея, и совсем не удивился, когда спустя несколько минут перед ним снова растворились двери, открыв взору сводчатый коридор, полого поднимающийся к арке, которая своим полукругом обрамляла кусочек неба. В лифте он опять не почувствовал никакого движения, но понимал, что, наверное, поднялся на многие сотни футов. Он поспешил вверх по коридору к залитому солнечным светом выходу, торопясь поскорее увидеть, что же лежит перед ним, и позабыв обо всех своих страхах.

Он очутился на склоне низкого холма, и на какое-то мгновение ему даже почудилось, будто он снова находится в цент-

ральном Парке Диаспара. Быть может, это и в самом деле был какой-то парк, но разум отказывался охватить его размеры. Города, который он ожидал увидеть, не было. Насколько хватал глаз, вокруг не было ничего, кроме леса и ровных пространств, заросших травой.

Олвин перевел взгляд на горизонт, и там, над кромкой деревьев, простираясь справа налево исполинской дугой, замыкающей в себе мир, темнела каменная гряда, по сравнению с которой даже самые гигантские сооружения Диаспара показались бы карликами. Гряда эта лежала так далеко, что детали ее скрадывались расстоянием, но все-таки угадывалось в ее очертаниях что-то такое, что до глубины души поразило Олвина. Наконец его глаза приноровились к пространствам этого необъятного ландшафта, и он понял, что эти каменные исполины были нерукотворны.

Время поработило далеко не все. Земля и по сей день была обладательницей гор, которыми она могла бы гордиться.

Олвин долго стоял в устье туннеля, постепенно привыкая к этому странному миру, в котором так неожиданно очутился. Он почти лишился дара речи — такое впечатление произвели на него уже просто сами размеры окружающего его пространства. Это кольцо прячущихся в дымке гор могло бы заключить в себе и десяток таких городов, как Диаспар. Но как ни вглядывался Олвин, он так и не мог обнаружить никаких следов присутствия человека. И тем не менее дорога, сбегавшая с холма, находилась в ухоженном состоянии. Ему ничего не оставалось, как довериться ей.

У подножия холма дорога исчезала среди огромных деревьев, почти скрывающих солнце. Странный букет запахов и звуков опахнул Олвина, когда он ступил под их кроны. Ему и раньше знаком был шорох ветра в листве, но здесь, кроме этого, звенела еще и самая настоящая симфония каких-то слабеньких звуков, значения которых он не угадывал. Неведомые ароматы охватили его — ароматы, даже память о которых была утрачена человечеством. Это тепло, это обилие запахов и цвета да еще невидимое присутствие миллионов живых существ обрушились на него с почти ощутимой силой.

Встреча с озером оказалась полной неожиданностью. Деревья справа внезапно кончились, и он очутился перед обширнейшим водным пространством, усыпанным крохотными островками. Никогда в жизни Олвин не видел такой воды. По сравнению с этим озером самые обширные бассейны Диаспара выглядели не более чем лужами. Он медленно спустился к самой кромке воды, зачерпнул в пригоршни теплую влагу и стал смотреть, как она струйками стекает у него меж пальцев.

Огромная серебристая рыбина, внезапно появившаяся из колыхающегося леса водорослей, стала первым живым существом, отличным от человека, которое Олвину довелось увидеть в своей жизни. Рыбина висела в зеленоватой пустоте, и плавники ее были размыты стремительным движением — она была живым воплощением скорости и силы. Претворенные в линиях этого живого тела, продолжали свой век изящные очертания тех огромных кораблей, что когда-то владели небом Земли. Эволюция и наука пришли к одному и тому же ответу, только вот дитя природы просуществовало гораздо дольше.

Наконец Олвин высвободился из-под завораживающего очарования озера и продолжил свой путь по извивающейся дороге. Лес снова сомкнулся над ним — но ненадолго. Дорога внезапно кончилась — обширным пустым пространством шириной в полмили и вдвое большей длины, и Олвин понял, почему до сих пор он не встретил никаких следов человека.

Пространство это оказалось заполненным низкими двухэтажными строениями, выкрашенными в мягкие тона, глядеть на которые глазу было приятно даже при полном сиянии солнца. Большинство этих домов были ясных, простых пропорций, но некоторые выделялись каким-то сложным архитектурным стилем с использованием витых колонн и изящной резьбы по камню. В этих постройках, которые казались очень старыми, была использована даже непостижимо древняя идея остроконечной арки.

Медленно приближаясь к селению, Олвин прилагал все старания, чтобы побыстрее освоиться с новым окружени-

ем. Все здесь было незнакомо. Даже сам воздух был иным — неощутимо пронизанный биением неведомой жизни. А золотоволосые люди небольшого роста, двигающиеся между домами с такой непринужденной грацией, совершенно ясно, были совсем не такими, как жители Диаспара.

Они не обращали на Олвина ни малейшего внимания, и это было странно, поскольку уже и одеждой он отличался от них. Температура воздуха в Диаспаре всегда была неизменной, и поэтому одежда там носила чисто декоративный характер и подчас обретала весьма сложные формы. Здесь же она казалась в основном функциональной, сшитой для того, чтобы в ней было удобно ходить, а не исключительно ради украшательства, и у многих состояла всего-навсего из целого куска ткани, обернутого вокруг тела.

Только когда Олвин уже углубился в поселок, люди Лиза отреагировали на его присутствие, да и то их реакция приняла несколько необычную форму. Двери одного из домов выпустили группу из пяти человек, которая направилась прямехонько к нему,— выглядело это все так, как если бы они, в сущности, ожидали его прибытия. Сильнейшее волнение внезапно овладело Олвином, и кровь застучала у него в венах. Ему подумалось обо всех знаменательных встречах, которые состоялись у Человека с представителями других рас на далеких мирах. Люди, которых он встретил здесь, принадлежали к его собственному виду — но какими же стали они за те эпохи, что разделили их с Диаспаром?

Депутация остановилась в нескольких шагах от Олвина. Ее предводитель улыбнулся и протянул руку в старинном жесте дружбы.

— Мы решили, что будет лучше всего встретить вас здесь,— проговорил он.— Наш дом весьма отличен от Диаспара, и путь пешком от станции дает возможность гостю... ну, что ли, несколько акклиматизироваться.

Олвин принял протянутую руку, но некоторое время молчал, так как был слишком взволнован, чтобы отвечать. И еще ему стало понятно, почему все остальные жители поселка не обращали на него никакого внимания.

— Вы знали, что я иду к вам? — спросил он после паузы.

— Ну конечно,— последовал ответ.— Нам всегда становится известно, что вагон пришел в движение. Но скажите — как вы нашли к нам путь? С момента последнего посещения минуло так много времени, что мы уже стали опасаться — а не утрачена ли тайна безвозвратно...

Говорящего прервал один из спутников:

— Мне думается, Джирейн, что нам пока следует сдержать свое любопытство. Сирэйнис ждет.

Имени Сирэйнис предшествовало какое-то незнакомое Олвину слово, и он подумал, что это, должно быть, титул. Он понимал речь своих собеседников без всякого труда, и ему и в голову не приходило, что в этом заключается что-то удивительное. У Диаспара и Лиза было одно и то же лингвистическое наследие, а изобретение еще в древности звукозаписывающих устройств давным-давно обеспечило речи неколебимость форм.

С видом насмешливой покорности судьбе Джирейн пожал плечами.

— Хорошо,— улыбнулся он.— У Сирэйнис не так уж много привилегий — не стану лишать ее хотя бы этой.

Они двигались тесной группой, все дальше углубляясь в селение, и Олвин с любопытством разглядывал окружающих его людей. Они представлялись добрыми и интеллигентными, но все это были такие добродетели, которые он на протяжении всей жизни принимал как нечто само собой разумеющееся, и теперь он искал черты, которые отличали бы этих людей от диаспарцев. Отличия существовали, только вот четко определить их было бы довольно затруднительно. Все местные были несколько ниже ростом, чем Олвин, и двоих из тех, кто вышел его встречать, отмечали безошибочные пометы возраста. Кожа у всех была коричневого цвета, а движения, казалось, прямо-таки излучали здоровье и энергию. Олвину это было приятно, хотя и казалось несколько удивительным. Он улыбнулся, припомнив предсказание Хедрона, что если он, Олвин, когда-нибудь и доберется до Лиза, то найдет его как две капли воды похожим на Диаспар.

Теперь жители селения уже с открытым любопытством наблюдали, как шагает Олвин среди своих сопровождающих. Никто уже не делал вид, что воспринимает его как нечто само собой разумеющееся. Внезапно из купы деревьев справа раздались пронзительные крики, и стайка крохотных, оживленно галдящих созданий, вырвавшись из леса, подбежали и сгрудились вокруг Олвина. Он остановился, пораженный, не веря глазам своим. Перед ним было нечто утраченное его миром так давно, что теперь относилось уже чуть ли не к области мифологии. Вот так когда-то начиналась жизнь... Эти вот ни на что не похожие, шумные создания были человеческими детьми!

Олвин разглядывал их с изумлением и с изрядной долей недоверчивости. И надо сказать, еще с каким-то чувством, которое щемило ему грудь, но подобрать названия которому он не умел. Ничто другое здесь не могло бы так живо напомнить ему его собственную удаленность от мира, который был ему так хорошо известен. Диаспар заплатил за свое бессмертие — втридорога...

Вся группа остановилась перед самым большим домом из всех, что до сих пор видел Олвин. Дом стоял в самом центре поселка, и на флагштоке над его куполом легкий ветерок полоскал зеленое полотнище.

Когда Олвин ступил внутрь, все, кроме Джирейна, остались снаружи. Внутри было тихо и прохладно. Солнце, проникая сквозь полупрозрачные стены, озаряло интерьер мягким, спокойным сиянием. Пол, украшенный мозаикой тонкой работы, оказался гладким и несколько упругим. На стенах какой-то замечательно талантливый художник изобразил ряд сцен, происходящих в лесу. Картины перемежались мозаикой, мотивы которой ничего не говорили уму Олвина, но глядеть на нее было приятно. В одной из стен оказался притоплен прямоугольный экран, заполненный перемежающимися цветными узорами,— по-видимому, это было приемное устройство видеофона, хотя и достаточно маленькое.

Вместе с Джирейном они поднялись по недлинной винтовой лестнице, которая вывела их на плоскую крышу дома. Отсюда хорошо было видно все селение, и Олвин смог

убедиться, что состоит оно из сотни построек. Там, вдали, лес расступался и кольцом охватывал просторные луга, где паслись животные нескольких видов. Олвин и вообразить себе не мог, чем бы они могли быть. Большинство из этих животных принадлежали к четвероногим, но некоторые, похоже, передвигались на шести и даже на восьми конечностях.

Сирэйнис ожидала его в тени башни. «Сколько же лет этой женщине?» — спросил себя Олвин. Ее длинные, солнечного цвета волосы были тронуты серебром, что, как он догадался, должно было каким-то образом указывать на ее возраст. Дело в том, что существование здесь детей, со всеми вытекающими отсюда последствиями, совсем запутало Олвина. Ведь там, где есть рождение, там, несомненно, должна существовать и смерть; и продолжительность жизни здесь, в Лизе, по-видимому, сильно отличалась от того, что имело место в Диаспаре. Он никак не мог решить — было ли Сирэйнис пятьдесят лет, пятьсот или пять тысяч, но, встретив ее взгляд, он почувствовал ту же мудрость и глубину опыта, которые он порой ощущал в присутствии Джизирака.

Она указала ему на низкое сиденье. Хотя глаза ее приветливо улыбались, она не произнесла ни слова, пока Олвин не устроился поудобнее — или, по крайней мере, настолько удобно, насколько сумел под этим дружелюбным, но достаточно пристальным взглядом. Затем Сирэйнис вздохнула и низким, нежным голосом обратилась к гостю:

— Это случай, который выпадает нечасто, поэтому извините меня, если я не все делаю по правилам. Но у гостя, даже совершенно неожиданного, есть определенные права. Поэтому, прежде чем мы начнем беседу, я хотела бы предупредить вас кое о чем... Видите ли, я в состоянии читать ваши мысли.

Она улыбнулась мгновенной вспышке недоумения, окрашенного неприязнью, и быстро добавила:

— Но вас это вовсе не должно тревожить. Ни одно из прав человека у нас не соблюдается так свято, как право на уединение сознания. Я могу войти в ваше мышление только в том случае, если вы мне это позволите. Однако скрыть от

вас сам факт было бы нечестно, и заодно это объяснит вам, почему мы находим устную речь до некоторой степени утомительной и медленной. Ею здесь пользуются не столь уж часто.

Откровение это хотя и несколько встревожило Олвина, но, в общем-то, не слишком поразило. Когда-то этой способностью обладали и люди, и машины, а механизмы в Диаспаре, не изменяющиеся с течением времени, и по сию пору могли воспринимать мысленные приказы своих повелителей. Но вот сами-то жители Диаспара утратили этот дар, который когда-то они разделяли со своими механическими рабами.

— Я не знаю, что привело вас из вашего мира в наш,— продолжала Сирэйнис,— но коль скоро вы искали встречи с живыми существами, ваш поиск завершен. Если не считать Диаспара, то за кольцом наших гор, кроме пустыни, нет ничего.

Было странно, что Олвин, который прежде так часто подвергал сомнению общепринятые взгляды, ни на мгновение не усомнился в словах Сирэйнис. Единственное, чем откликнулся он на ее лекцию, была печаль по поводу того, что все, чему его учили, оказалось так близко к истине.

— Расскажите мне о Лизе,— попросил он.— Почему вы так долго были отъединены от Диаспара? Хотя, похоже, вы знаете о нас так много...

Сирэйнис улыбнулась его нетерпению.

— Да расскажу я, все я вам расскажу,— почти пропела она,— но сначала я хотела бы узнать кое-что о вас лично. Прошу вас... Как вы нашли дорогу к нам? И еще — почему вы пришли?

Несколько запинаясь поначалу, но потом все более и более уверенно Олвин поведал свою историю. Никогда прежде не случалось ему говорить так свободно. Перед ним был человек, который, как ему представлялось, уж точно не станет потешаться над его мечтами, потому что знает: эти мечты реальны, осуществимы... Раз или два Сирэйнис прервала его короткими вопросами — когда он касался каких-то моментов жизни в Диаспаре, которые не были ей известны.

Ему так трудно было вообразить, что реалии его повседневного существования кому-то покажутся бессмысленными, поскольку вопрошающий никогда не жил в его городе и ничего не знает о его сложной культурной и социальной организации... Но Сирэйнис слушала с таким участием, и он как должное воспринимал, что она все понимает. Много позже он осознал, что помимо Сирэйнис его рассказ слушало еще огромное число людей.

Когда он закончил свое повествование, на некоторое время воцарилось молчание. Затем Сирэйнис взглянула на него и тихо произнесла:

— Почему вы пришли в Лиз?

Олвин посмотрел на нее с изумлением.

— Я же сказал вам. Я хотел исследовать мир. Все твердили мне, что за пределами города нет ничего, кроме пустыни, но я должен был сам в этом убедиться...

— И это единственная причина?

Олвин немного поколебался. И когда он наконец ответил, это был уже не бестрепетный исследователь, а заблудившийся ребенок, рожденный в чужом мире:

— Нет... Не единственная... Хотя до сих пор я этого и не понимал. Я... я чувствовал себя одиноким...

— Одиноким? В Диаспаре? — На губах Сирэйнис играла улыбка, но в глазах светилось сочувствие, и Олвин понял, что этой женщине не нужно ничего объяснять.

Теперь, когда он рассказал свою историю, он ждал, чтобы и его собеседница выполнила уговор. Не мешкая, Сирэйнис поднялась и стала медленно прохаживаться по крыше.

— Я знаю, о чем вы собираетесь спрашивать,— начала она.— На некоторые из этих вопросов я могу дать ответ, но делать это с помощью слов было бы слишком утомительно. Если вы откроете мне свое сознание, я передам ему все, что вам хочется узнать. Можете мне довериться: без вашего разрешения я не прочту ни мысли.

— И что я должен сделать? — осторожно осведомился Олвин.

— Настройтесь на то, чтобы получить мою помощь,— смотрите мне в глаза и постарайтесь забыть обо всем,— скомандовала Сирэйнис.

Что произошло затем, Олвин так и не понял. Все его чувства, казалось, полностью выключились, и хотя он так никогда потом и не мог припомнить, как же это случилось, но, вслушавшись в себя, вдруг с изумлением обнаружил, что знает все.

Он видел прошлое — правда, не совсем отчетливо, как человек, стоящий на вершине горы, мог бы видеть скрывающуюся в дымке равнину. Он понял, что люди не всегда жили в городах и что с тех пор, как машины освободили их от тяжкого труда, начался спор между двумя цивилизациями различного типа. На протяжении столетий и столетий периода Начала существовали тысячи городов, однако бóльшая часть человечества предпочитала жить сравнительно небольшими поселениями. Всеземной транспорт и мгновенные средства связи давали людям возможность осуществлять все необходимые контакты с остальным миром, и они не испытывали ни малейшей необходимости ютиться в тесноте городов, в толчее миллионов своих современников.

Лиз в те ранние времена мало чем отличался от сотен других поселений. Но постепенно, по мере того как проходили столетия, он сумел создать независимую культуру, которая относилась к категории самых высокоразвитых из когда-либо известных человечеству. По большей части культура эта была основана на непосредственном использовании психической энергии, и именно это вот обстоятельство и отъединило ее от остальной части человеческого общества, которое все больше и больше полагалось на широкое использование механизмов.

Эпохи сменяли одна другую, и, по мере того как эти два типа цивилизаций продвигались вперед по своим столь разнящимся путям, пропасть между Лизом и остальными городами все расширялась. Она становилась преодолимой лишь в периоды серьезных кризисов. Когда Луна стала падать на Землю, разрушили ее именно ученые Лиза. Так же было и с защитой Земли от Пришельцев, которых отбросили после решающей битвы у Шалмирейна.

Исполинское это усилие истощило человечество. Города один за другим стали приходить в упадок, и пустыня бар-

ханами накатывалась на них. По мере того как численность населения падала, человечество начало мигрировать, в результате чего Диаспар и остался последним — и самым большим — из всех городов.

Бóльшая часть всех этих перемен никак не отозвалась на Лизе, но ему пришлось вести свою собственную битву — против пустыни. Естественного барьера гор оказалось совсем недостаточно, и прошло множество столетий, прежде чем людям удалось обеспечить безопасность своему оазису. В этом месте картина, возникшая перед внутренним взором Олвина, несколько размывалась. Возможно, это было сделано намеренно. В результате Олвин никак не мог уразуметь, что же обеспечило Лизу ту же вечность бытия, которой обладал его Диаспар.

Впечатление было такое, что голос Сирэйнис пробивается к нему с огромного расстояния, и все же это был не только ее голос, поскольку в мозгу Олвина звучала целая симфония слов — как будто одновременно с Сирэйнис говорили еще многие и многие другие.

— Такова вкратце наша история. Вы видите, что даже в эпоху Начала у нас было очень мало общего с городами, хотя их жители достаточно часто посещали наши земли. Мы никогда им не препятствовали, поскольку многие из наших величайших умов были пришельцами извне, но когда города стали умирать, мы не захотели оказаться вовлеченными в их падение. И вот, когда воздушный транспорт перестал функционировать, в Лиз остался только один путь — через транспортную систему Диаспара. С нашей стороны она была запечатана, когда в центре вашего города разбили Парк, и вы забыли про нас, хотя мы о вашем существовании не забывали никогда.

Диаспар поразил нас. Мы ожидали, что и его постигнет судьба других городов, но вместо этого он сумел развить стабильную культуру, которая, по всей вероятности, будет существовать до тех пор, пока существует сама Земля. Мы не в восхищении от этой культуры и до некоторой степени даже рады, что те, кто стремился ускользнуть от нее, смогли это сделать. Куда больше людей, чем вы можете себе пред-

ставить, предприняли такое же вот подземное путешествие, и почти всегда они оказывались людьми выдающимися, которые, приходя в Лиз, приносили с собой нечто ценное.

Голос сошел на нет. Паралич чувств у Олвина постепенно проходил, он снова становился самим собой. С удивлением он обнаружил, что солнце уже опустилось далеко за деревья, а небо на востоке напоминает о наступлении ночи. Откуда-то плыл вибрирующий стон огромного колокола. Он медленно растворялся в тишине, наполняя воздух напряжением какой-то тайны и предчувствием чего-то необыкновенного. Олвин обнаружил, что слегка дрожит,— и не от первого вечернего холодка, а от благоговения и изумления перед всем тем, что ему довелось узнать. Ему вдруг остро захотелось снова увидеть своих друзей, снова оказаться среди такого знакомого окружения Диаспара.

— Я должен вернуться,— сказал он.— Хедрон... мои родители... они будут меня ждать...

Это не совсем было правдой. Хедрон, конечно, станет удивляться, что это такое с ним приключилось, но, насколько понимал Олвин, о том, что он покинул Диаспар, больше не знал никто. Он не смог бы объяснить побудительные мотивы этой маленькой неправды и, как только произнес эти слова, сразу же застыдился себя.

Сирэйнис задумчиво посмотрела на него.

— Бо́юсь, что все это не так просто,— проговорила она.

— Что вы имеете в виду? — спросил Олвин.— Разве машина, которая привезла меня сюда, не в состоянии отправить меня и обратно? — Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что его могут задержать в Лизе помимо его воли, хотя что-то подобное и промелькнуло у него в голове.

Впервые за все время Сирэйнис, похоже, почувствовала некоторую неловкость.

— Мы сейчас говорим о вас,— сказала она, не объясняя, кто это «мы» и каким образом могла происходить такая консультация.— Если вы возвратитесь в Диаспар, о нашем существовании узнает весь город. Даже если вы пообещаете никому ничего не рассказывать, вы все равно не сможете сохранить наше существование в тайне.

— А зачем хранить его в тайне? — удивился Олвин.— Я уверен, что для обоих наших народов будет только хорошо, если они снова смогут встретиться и начать сосуществовать.

Сирэйнис, казалось, была чем-то недовольна:

— Мы так не считаем. Стоит только воротам раствориться, как нашу землю наводнят праздные, любопытствующие искатели сенсаций. До сих пор до нас добирались только самые лучшие из ваших людей.

Этот ответ содержал в себе столько бессознательного превосходства и в то же время был основан на столь ложных предпосылках, что Олвин почувствовал, как подступившее раздражение совершенно вытеснило в нем тревогу.

— Все это совершенно не так,— без околичностей заявил он.— Я глубоко убежден, что во всем Диаспаре не найдется ни единого человека, который бы покинул город — если бы даже и захотел, если бы даже он знал, что ему есть куда отправиться. Поэтому, если вы разрешите мне вернуться, на Лизе это ну никак не скажется...

— Это не мое решение,— объяснила Сирэйнис.— И вы недооцениваете возможностей и сил человеческого сознания, если полагаете, будто барьеры, которые удерживают жителей Диаспара в границах города, не могут быть устранены. Тем не менее у нас нет ни малейшего желания удерживать вас здесь против вашей воли, хотя, если вы намереваетесь все-таки вернуться в Диаспар, мы будем вынуждены стереть из вашей памяти все воспоминания о нашей земле.— Она чуть помедлила.— Этот вопрос никогда прежде не поднимался. Все ваши предшественники приезжали к нам навсегда.

Олвин оказался перед выбором, который он отказывался принимать. Ему хотелось исследовать Лиз, узнать все его тайны, открыть для себя те его стороны, которыми он отличается от его родины, но в то же самое время он был преисполнен решимости возвратиться в Диаспар, чтобы доказать друзьям, что он вовсе не какой-то праздный мечтатель. Он никак не мог понять этого стремления сохранить тайну Лиза. Но и, пойми он его, это ничуть не сказалось бы на его намерениях.

Он понял, что должен выиграть время или же убедить Сирэйнис в том, что то, о чем она его просит, совершенно невозможно.

— Но ведь Хедрон знает, где я,— возразил он.— Вы же не можете стереть и его память.

Сирэйнис улыбнулась. Улыбка была приятна, и в других обстоятельствах она показалась бы достаточно дружелюбной. Но сейчас за ней Олвин впервые уловил присутствие ошеломляющей, неумолимой силы.

— Вы недооцениваете нас, Олвин,— прозвучал ответ.— Сделать это совсем нетрудно. Я могу добраться до Диаспара куда быстрей, чем, скажем, требуется, чтобы из конца в конец пересечь Лиз. Некоторые из тех, кто прибывал к нам прежде, сообщали друзьям, куда именно они направляются. И все же друзья эти забыли про них. Эти люди просто исчезли из истории Диаспара...

Было бы глупо отвергать такую возможность, и теперь, когда Сирэйнис указала на нее, она представлялась совершенно очевидной. Олвин задумался, сколько раз за эти миллионы лет, протекшие с тех пор, как разделились две культуры, люди Лиза проникали в Диаспар, с тем чтобы охранить свою так ревностно́ оберегаемую тайну. И еще — он задумался и над тем, насколько могущественны силы мозга, находящиеся в распоряжении этих странных людей и без колебаний приводимые ими в движение.

Не грозило ли ему какой-нибудь опасностью строить какие бы то ни было планы вообще? Сирэйнис обещала, что не станет читать его мысли без его согласия, но нет ли обстоятельств, в которых это обещание останется невыполненным?

— Вы, конечно, не ожидаете, чтобы я немедленно принял решение,— проговорил он.— Не могу ли я, прежде чем сделать выбор, хотя бы немного познакомиться с вашей страной?

— Ну конечно же,— немедленно отозвалась Сирэйнис.— Оставайтесь у нас столько, сколько вам захочется, и в конце концов вы все же сможете возвратиться в Диаспар, если не передумаете. Но если бы вы приняли решение в течение

следующих нескольких дней, это бы упростило дело. Вам ведь не хочется, чтобы ваши друзья волновались, а чем дольше вы у нас пробудете, тем труднее для нас будет сделать соответствующие поправки.

Это Олвин мог оценить. Ему бы только хотелось знать, что это за «поправки». По всей вероятности, кто-то из Лиза войдет в контакт с Хедроном — о чем Шут даже и подозревать-то не будет — и займется его сознанием. Сам факт отсутствия Олвина скрыт быть не может, но вот информация, которую они с Хедроном обнаружили, окажется уничтоженной. И по мере того как будут проходить столетия, имя Олвина станет в один ряд с именами тех Неповторимых, которые загадочным образом исчезли без следа и были забыты...

Здесь было множество тайн, и он, похоже, ничуть не приблизился к разгадке хотя бы одной из них. Но существовала ли какая-то цель за этими странными односторонними отношениями Лиза и Диаспара, или же это всего лишь проявлялась некая историческая случайность? Кто и что были эти Неповторимые, и если жители Лиза могли проникать в Диаспар, то почему же тогда они не отключили те цепи Хранилищ Памяти, где содержится информация, дающая ключ к их обнаружению? Это был, видимо, единственный вопрос, на который Олвин и сам мог дать более или менее правдоподобный ответ. Центральный Компьютер, должно быть, оказался слишком неподатливым для такого рода шуток, и вряд ли даже с помощью самых тонких приемов парапсихологии к нему можно было подобрать отмычку.

Он оставил все эти проблемы в стороне. Кто знает, может быть, у него и появится шанс ответить на них, когда он узнает побольше. Что толку предаваться бесплодным размышлениям, возводя пирамиды догадок на песке неосведомленности...

— Что ж, хорошо,— сказал он, может быть, не совсем вежливо, потому что все еще был раздражен этим неожиданным препятствием, вставшим на его пути.— Как только смогу — сразу же дам вам ответ. Если вы покажете мне, какова же она, ваша земля.

— Вот и прекрасно,— воскликнула Сирэйнис, и на этот раз Олвин не усмотрел никакой скрытой угрозы в ее улыбке.— Мы гордимся Лизом, и нам будет приятно показать вам, как это люди могут обходиться без городов. И пожалуйста, ни о чем не беспокойтесь: друзья в Диаспаре не будут встревожены вашим отсутствием. Мы позаботимся об этом — хотя бы ради вашего собственного благополучия.

Сирэйнис впервые в жизни дала обещание, которого она не смогла выполнить...

ГЛАВА 11

Как Алистра ни пыталась, никаких больше сведений выудить у Хедрона ей не удалось. Шут быстро оправился от первоначального шока и от той паники, которая буквально вытолкнула его на поверхность, когда он остался в полном одиночестве под усыпальницей Зея. Кроме того, он стыдился своей трусости и в то же время спрашивал себя: достанет ли у него духу в один прекрасный момент вернуться в пещеру самодвижущихся дорог и расходящихся по всему свету туннелей? Хотя он и понимал, что Олвином двигал не столько здравый смысл, сколько нетерпение, если не глупость, ему, в сущности, не верилось, что тому угрожает какая-то опасность. В свое время он возвратится. В этом-то Хедрон был убежден. Ну почти убежден: сомнений оставалось ровно настолько, чтобы понудить его соблюдать осторожность. Будет мудро, решил он, пока суть да дело, распространяться обо всем этом как можно меньше и представлять все случившееся просто как еще одну свою проделку.

К несчастью для этого превосходного плана, он не сумел скрыть обуревавшие его чувства, когда по возвращении на поверхность перед ним предстала Алистра. Она усмотрела в его глазах страх, безошибочный страх, и тотчас же истолковала его в том смысле, что Олвину грозит какая-то опасность. Напрасны оказались все заверения Хедрона — Алистра злилась на него все больше и больше, когда они вместе возвращались через Парк.

Сначала она хотела остаться около усыпальницы — подождать Олвина, каким бы загадочным образом он ни исчез. Хедрону удалось убедить ее, что это будет зряшная трата времени, и, когда она последовала за ним в город, у него несколько отлегло от сердца. Нельзя было сбрасывать со счетов возможность того, что Олвин вернется почти тотчас же, и Хедрону не хотелось, чтобы кто-то еще оказался посвященным в тайну Ярлана Зея.

К тому времени, когда они достигли первых зданий города, Хедрону стало ясно, что его тактика увиливания от ответов полностью провалилась и ситуация самым драматическим образом вышла из-под контроля. Впервые в жизни Шут просто растерялся и не нашел способа справиться с возникшей проблемой. Изначальная его реакция — подсознательный страх — медленно уступала место более глубокой и более обоснованной тревоге. До сих пор Хедрон придавал мало значения последствиям своих поступков. Его собственные интересы и некоторая совершенно искренняя симпатия к Олвину были достаточным мотивом для всего, что он сделал. Да, он поощрял и поддерживал Олвина, но ему и в голову не приходило, что может произойти что-то похожее на то, что случилось сейчас.

Несмотря на разницу лет и пропасть опыта, разделяющие их, воля Олвина всегда оказывалась сильнее, чем его собственная. С этим теперь уже ничего нельзя было поделать. Хедрон чувствовал, что события уже сами несут его к какой-то высшей точке и от него, собственно, уже ничто не зависит.

Учитывая все это, было как-то не совсем справедливо, что Алистра, по всей вероятности, считала его чем-то вроде злого гения Олвина и вовсю демонстрировала склонность винить во всем случившемся именно его. Алистрой при этом двигала отнюдь не мстительность. Она была просто раздосадована, и часть этой ее досады фокусировалась на Хедроне. И если бы какие-то ее действия причинили Шуту беспокойство, она нимало бы об этом не пожалела.

Они расстались в каменном молчании, когда дошли до могучей кольцевой магистрали, опоясывающей Парк. Хед-

рон глядел девушке вслед, пока она не исчезла из виду, и устало думал о том, какие же еще планы могут созревать сейчас в этой юной головке.

Он мог быть уверен только в одном: отныне на протяжении некоторого времени ему может угрожать все, что угодно, кроме скуки.

Что же касается Алистры, то она действовала быстро и не без некоторого озарения. Она не стала тратить время на розыски Эристона и Итании. Родители Олвина, с ее точки зрения, были не более чем милыми ничтожествами, к которым она относилась не без приязни, однако решительно без всякого уважения. Они только бы упустили время в пустых препирательствах, а затем поступили бы точно так же, как Алистра поступала сейчас.

Джизирак выслушал ее рассказ, не проявляя внешне ровно никаких чувств. Если он и был взволнован или удивлен, то хорошо это скрывал — настолько хорошо, что Алистра даже испытала некоторое разочарование. Ей представлялось, что до сих пор в городе никогда не происходило ничего столь же важного и необычного, и деловой подход Джизирака както несколько охладил ее пыл. Когда она закончила свое повествование, Джизирак задал ей несколько вопросов и намекнул, не выразив этого в каких-то определенных выражениях, что она, возможно, просто ошиблась. Какие у нее были причины полагать, что Олвин и в самом деле покинул город?

Может быть, над ней просто подшутили... То обстоятельство, что во всем этом оказался замешан Хедрон, делало такое предположение в высшей степени правдоподобным. Быть может, вот в этот самый момент Олвин, скрываясь где-то в Диаспаре, тихонько посмеивается над ней.

Единственный определенный ответ, которого она добилась от Джизирака, состоял в том, что он наведет справки и в течение дня свяжется с ней. А она тем временем не должна тревожиться, и было бы лучше всего, если бы она никому ничего не рассказывала о происшедшем. Нет никакой надобности сеять панику по поводу инцидента, кото-

рый, вполне возможно, разъяснится в течение ближайших нескольких часов.

Алистра ушла от Джизирака в состоянии, близком к зарождающемуся отчаянию. Доведись ей увидеть, что он предпринял сразу же после ее ухода, она была бы довольна куда больше.

У Джизирака были друзья в Совете. За свою долгую жизнь он и сам, бывало, состоял его членом и мог бы стать им снова, если бы ему вдруг до такой степени не повезло. Словом, он связался со своими тремя наиболее влиятельными коллегами и осторожно возбудил их интерес. Как наставник Олвина, он хорошо понимал деликатность своего положения и, естественно, стремился обезопасить себя. А пока — чем меньше людей будут знать о происшедшем, тем оно и лучше.

Собеседники его сразу же согласились, что первое из всего, что необходимо предпринять,— это войти в контакт с Хедроном и потребовать объяснений. В этом великолепном плане был только один изъян: Хедрон предвидел такой поворот событий и найти его оказалось невозможным.

Если в положении Олвина и заключалась какая-то двойственность, то его хозяева были достаточно осмотрительны и не показывали ему этого. В Эрли — маленьком поселке, где правила Сирэйнис,— он волен был ходить, где ему только заблагорассудится. Выражение «правила», впрочем, было, пожалуй, слишком уж сильным, чтобы точно обрисовать положение этой женщины. Порой Олвину казалось, что она была снисходительным диктатором, а в иных случаях выходило, что у нее вообще нет никакой власти. До сих пор ему никак не удалось хотя бы приблизиться к пониманию социальной системы Лиза — то ли потому, что она была слишком проста, то ли из-за того, что настолько сложна, что ее суть ускользала от понимания. Наверняка он выяснил только то, что Лиз был разделен на бесчисленные поселки и Эрли среди них считался типичным. Однако, в известном смысле, типичных примеров тут просто не существовало: Олвина заверили, что каждый поселок старается

быть как можно более непохожим на своих соседей. Все это было чрезвычайно запутанно.

Хотя Эрли был очень маленьким и в нем проживало меньше тысячи человек, сюрпризов он таил в себе немало. Все здесь, решительно все отличалось от аналогов Диаспара. Различия распространялись даже на такие фундаментальные вещи, как человеческая речь. Своими голосовыми связками пользовались только ребятишки. Взрослые же очень редко обращались друг к другу со словами, и спустя некоторое время Олвин пришел к выводу, что они поступали так только из вежливости по отношению к нему. Быть окруженным со всех сторон бурей беззвучных слов было странно, непривычно и порой вызывало у Олвина даже что-то вроде отчаяния, но через какое-то время он к этому привык. Вскоре ему уже казалось странным, что устная речь вообще выжила в условиях, когда в ней не было никакой необходимости. Но прошло еще какое-то время, и Олвин с изумлением обнаружил, что жители Лиза очень любят петь и вообще являются поклонниками музыки во всех ее видах. Весьма вероятно, подумалось ему, что, не будь этого, они уже давным-давно стали бы совершенно немы.

Эти люди постоянно были чем-то заняты, их время и внимание поглощали задачи и проблемы, для Олвина абсолютно непостижимые. А когда он все-таки догадывался о том, что именно делает тот или иной житель Лиза, многое из этих трудов представлялось ему совсем ненужным. Значительная часть потребляемых здесь пищевых продуктов самым натуральным образом выращивалась, а не синтезировалась по технологии, выработанной еще столетия назад. Когда Олвин заговорил об этом, ему терпеливо объяснили, что людям Лиза нравится наблюдать за ростом живого, нравится выполнять сложные генетические эксперименты и разрабатывать все более тонкие оттенки вкуса и аромата. Эрли славился фруктами, но, когда Олвин отведал некоторые из самых отборных плодов, они показались ему ничуть не лучше тех, которые он мог сотворить в Диаспаре, едва пальцем шевельнув.

Сперва он задался вопросом: не забыли ли жители Лиза те силы и машины (если они когда-либо обладали ими), которые он принимал как нечто в высшей степени естественное и на которых зижделась вся жизнь в Диаспаре. Вскоре он, однако, обнаружил, что вопрос поставлен некорректно. В Лизе были и необходимые орудия, и умение их применять, но вот прибегали к ним лишь в том случае, когда это было уж совершенно необходимо. Наиболее разительный пример в этом смысле являла собой местная транспортная система — если ее можно было почтить таким названием. На короткие расстояния люди ходили пешком, и, казалось, им это было вполне по душе. Если же человек спешил или нужно было перевезти небольшой груз, то использовали животных, которые, совершенно очевидно, были предназначены именно для этого. В тяжеловозах ходили какие-то низкорослые шестиногие монстры, очень послушные, сильные и умственно не слишком развитые. Быстрые на ногу животные были совсем иными. Обычно они передвигались на четырех конечностях, но когда нужно было развить высокую скорость, то пользовались только задними. Весь Лиз они могли пересечь за несколько часов, и наездник при этом располагался в шарнирном седле, притороченном к спине животного. Ничто в целом свете не заставило бы Олвина рискнуть отправиться в такого рода прогулку, а вот среди местных молодых людей это был весьма популярный вид спорта. Их скакуны превосходных кровей были аристократами здешнего животного мира и, надо сказать, хорошо это понимали. В их распоряжении имелся довольно обширный лексикон, и Олвину нередко случалось подслушать, как они хвастаются друг перед другом своими прошлыми и грядущими победами. Когда Олвин пытался проявить дружелюбие и присоединиться к беседе, скакуны делали вид, что не понимают его, а если он проявлял настойчивость, то убегали с видом оскорбленного достоинства.

Эти вот два вида животных в полной мере удовлетворяли все обычные нужды Лиза и доставляли владельцам огромное удовольствие, которого, конечно, никак нельзя было ожидать от машин. Но когда требовалась особенно высокая

скорость или необходимо было перевезти очень уж значительный груз, то на помощь приходили машины и ими пользовались без малейшего колебания.

Хотя животные Лиза явились для Олвина целым миром, полным интересного и удивительного, более всего его заинтересовали две крайности среди людей. Очень молодые и очень старые — и те и другие в равной степени казались ему странными и даже поражающими. Самый старый обитатель Эрли едва достиг двухсотлетнего возраста, и жить ему оставалось всего несколько лет. Олвин не мог не отметить про себя, что в этом возрасте его собственное тело едва ли претерпело бы какие-либо изменения, в то время как этот человек, у которого впереди не было целой цепочки жизней, воспринимаемой им как своего рода компенсация, почти исчерпал свои физические силы. Волосы его были абсолютно белы, а лицо представляло небывало сложную сеть морщин. Похоже, что бóльшую часть времени он проводит, сидя на солнышке или медленно прогуливаясь по поселку, обмениваясь со всеми встречными беззвучными приветствиями. Насколько мог решить Олвин, старик был совершенно доволен жизнью, ничего большего не требовал от нее и ни в малейшей стéпени не был угнетен сознанием своего приближающегося конца.

Это было проявление философии, настолько отличающейся от взглядов, принятых в Диаспаре, что Олвин никак не мог ее усвоить. Почему кто-то должен столь терпимо относиться к смерти, если она не является чем-то обязательным, если есть возможность жить тысячу лет, а затем совершить скачок через многие и многие тысячелетия, чтобы начать все сначала в мире, черты которого в какой-то степени предопределены и тобой? Это была одна из загадок, разрешить которые он вознамерился, как только у него появится возможность откровенно их обсудить. Ему было очень трудно уверовать в то, что Лиз сделал этот выбор по собственной воле, если ему было хорошо известно об альтернативе, реально существующей в Диаспаре.

Часть ответа на свой вопрос он нашел в детях — этих маленьких созданиях, которые представлялись ему столь же

необычными, как и любые представители животного мира Лиза. Он проводил очень много времени среди них, наблюдал за их играми и в конце концов был принят ими как друг. Часто ему казалось, что они вообще не имеют отношения к человеческому роду, потому что их мотивации, их логика и даже их язык были столь странны. Он недоверчиво смотрел на взрослых и задавался вопросом, как это они могли развиться из этих вот удивительных существ, которые, казалось, бóльшую часть жизни проводят в своем собственном замкнутом мирке.

И все же, даже изумляя его, они пробуждали в его сердце чувство, доселе ему совершенно неведомое. Когда — что случалось нечасто, но все-таки случалось — они начинали плакать или каким-то другим образом проявляли полное отчаяние или подавленность, их маленькие несчастья представлялись ему куда более трагическими, чем даже весь долгий путь отступления Человека после потери Галактической Империи. То было что-то слишком огромное и слишком уж далекое по времени для понимания, а вот всхлипывания ребенка пронзали сердце насквозь.

В Диаспаре Олвин познал, что такое любовь, но теперь перед ним было что-то равно драгоценное, что-то такое, без чего сама любовь никогда бы не могла достигнуть полного своего расцвета, навечно оставаясь ущербной... Он познавал, что такое нежность.

Если Олвин изучал Лиз, то и Лиз не оставлял его своим вниманием и не был разочарован тем, что ему удалось выяснить. Гость находился в Эрли уже три дня, когда Сирэйнис предположила, что он, возможно, хотел бы познакомиться с внутренними районами страны. Олвин без колебаний принял это предложение — при условии, что от него не станут требовать, чтобы он путешествовал верхом на одном из лучших рысаков поселка.

— Могу вас заверить,— с редкой для нее вспышкой чувства юмора ответила Сирэйнис,— что никому здесь и в голову бы не пришло рискнуть одним из своих драгоценных животных. Поскольку случай особый, я предоставлю вам такое средство транспорта, в котором вы будете чувство-

вать себя более привычно. Хилвар поедет с вами гидом, но, разумеется, вы вольны отправиться в любое место, которое только вас интересует.

Олвин поразмыслил — так ли это будет на самом деле. Ему представлялось, что если он попытается возвратиться к тому холму, со склона которого он впервые увидел Лиз, то возникнут возражения. Тем не менее это его пока не слишком беспокоило, поскольку он теперь вовсе не торопился возвращаться в Диаспар и, в сущности, совсем даже и не думал над этим после своей первой встречи с Сирэйнис. Жизнь здесь для него все еще была настолько интересна и так нова, что своим пребыванием в Лизе он оставался вполне удовлетворен.

Он оценил жест Сирэйнис, когда она предложила ему в гиды своего сына, хотя — сомневаться в этом не приходилось — Хилвар, конечно же, и получил детальные инструкции: в оба присматривать за тем, чтобы Олвин не попал в какую-нибудь переделку. Олвину потребовалось некоторое время, чтобы попривыкнуть к Хилвару — по причине, которую он не смог бы толком объяснить, не ранив при этом чувств сына Сирэйнис. Физическое совершенство в Диаспаре было чертой настолько всеобщей, что личная красота полностью потеряла свою ценность. Люди обращали на нее внимания не больше, чем на воздух, которым дышали. В Лизе же все это обстояло далеко не так, и наиболее лестным эпитетом, который можно было бы применить к Хилвару, являлось слово «симпатичный». По стандартам же Олвина он был просто уродлив, и в течение некоторого времени Олвин даже сознательно избегал его. Если Хилвар и отдавал себе в этом отчет, то ничем себя не обнаруживал, и очень скоро присущее ему дружелюбие сломало барьер. Но все еще впереди было время, когда Олвин настолько привыкнет к широкой и несколько кривоватой улыбке Хилвара, к его силе и к его мягкости, что ему едва ли будет казаться правдоподобным, что в свое время он считал этого парня таким непривлекательным, и ни за что на свете не захочется, чтобы Хилвар стал каким-то другим.

Они покинули Эрли вскоре после рассвета в небольшом экипаже, который Хилвар называл мобилем и который, очевидно, действовал на тех же принципах, что и машина, которая доставила Олвина сюда из Диаспара. Экипаж этот парил над поверхностью земли всего в нескольких дюймах, и, хотя не было ни малейших признаков направляющего стержня, Хилвар оговорился, что такие вот машины в состоянии двигаться только по определенным маршрутам. Этим видом транспорта были связаны между собой все населенные пункты, однако за все время своего пребывания в Лизе Олвин ни разу не видел, чтобы кто-нибудь пользовался таким вот мобилем.

Хилвар отдал много сил организации экспедиции и — это было заметно — с нетерпением ждал, когда же можно будет отправиться в путь; так же, впрочем, нетерпелив был и Олвин. Сын Сирэйнис спланировал маршрут, имея в виду и некоторые свои личные интересы, потому что естественная история была его всепоглощающей страстью, а в тех сравнительно малозаселенных районах, которые им предстояло посетить, он надеялся обнаружить новые виды насекомых. Он собирался забраться так далеко на юг, насколько позволит мобиль, а уж остальную часть пути они должны были проделать пешком. Не совсем отдавая себе отчет в том, что это может означать для него на практике, Олвин ничуть не возражал.

В путешествии этом их компанию разделял еще и Криф — наиболее поразительный из многочисленных любимцев Хилвара. Когда Криф отдыхал, шесть его полупрозрачных крыльев, сложенные, покоились вдоль тела, а оно сверкало сквозь них, напоминая осыпанный драгоценностями скипетр. Но стоило ему чем-то встревожиться, как он мгновенно взмывал в воздух блистающей стрелой, слабо жужжа невидимыми крылами. Это огромное насекомое, хотя оно и могло возвращаться по зову человека и даже понимало некоторые самые простые слова, было совершенно безмозглым. И тем не менее оно, вне всякого сомнения, было личностью — на свой лад, конечно, и по каким-то неведомым причинам с явной подозрительностью относилось к Олвину, чьи спо-

радические попытки завоевать его доверие кончались ничем.

Это путешествие через весь Лиз представлялось Олвину каким-то волшебным сном. Их экипаж, беззвучный, точно призрак, скользил по слегка всхолмленным равнинам, змейкой лавировал среди деревьев леса, ни на дюйм не отклоняясь от своей невидимой колеи. Двигался он со скоростью раз этак в десять выше скорости неспешно шагающего человека. В сущности, в этой стране редко когда кто-либо двигался быстрее, чем прогулочным шагом.

Они миновали много селений, некоторые из них были большими, куда больше Эрли, но почти все они оказались построены на тех же самых принципах. Олвин с интересом отметил незначительные, но о многом говорящие различия в одежде и даже физическом облике людей от поселка к поселку. Цивилизация Лиза состояла из тысяч отличающихся друг от друга культур, каждая из которых вносила в общее дело что-то свое. Мобиль был как следует загружен прославленным фруктом Эрли — небольшими желтыми персиками; кому бы Хилвар их ни предлагал, персики эти всегда принимались с благодарностью. Он частенько делал остановки, чтобы поболтать с друзьями и представить им Олвина, не устававшего поражаться той деликатной непринужденности, с которой все тотчас же переходили на устную речь, стоило им только узнать, кто он такой. Для многих это было не просто, но, насколько он мог судить, все мужественно сопротивлялись искушению перейти на обмен мыслями, и поэтому он никогда не чувствовал себя выключенным из общего разговора.

Самая долгая стоянка случилась у них в одной крохотной деревушке, почти пропавшей в зарослях высокой золотистой травы, метелки которой трепетали где-то над их головами и, колеблемые ленивым ветерком, казались чуть ли не живыми. Двигаться сквозь эту траву было все равно что бесконечно преодолевать пенный гребень какой-то неумирающей волны — бесчисленные листья в унисон склонялись к путешественникам. Сначала это немного тревожило Олвина, потому что он никак не мог отделаться от мысли,

что трава наклоняется для того, чтобы поглядеть на них попристальнее, но потом он привык и даже стал находить это непрекращающееся движение успокаивающим.

Вскоре он понял, чего ради сделали они эту остановку. В небольшой толпе, которая, по-видимому, собралась прежде, чем они прибыли в селение, стояла застенчивая темнокожая девушка, которую Хилвар представил как Ньяру. Было нетрудно догадаться, что эти двое страшно рады увидеться, и Олвин испытал даже что-то вроде зависти, наблюдая чужое счастье от короткой встречи. Хилвар просто разрывался между необходимостью исполнять свою роль гида и желанием не видеть рядом никого, кроме Ньяры, и Олвин тотчас избавил его от мук, отправившись на прогулку в одиночестве. В деревушке оказалось не так уж много интересного, но он добросовестно убивал время.

К моменту, когда они снова отправились в путь, у него накопилась целая куча вопросов к Хилвару. Он, к примеру, никак не мог представить, на что может быть похожа любовь в обществе, где люди в состоянии читать мысли друг друга, и после некоторой паузы, продиктованной вежливостью, прямо спросил об этом. Хилвар с готовностью принялся отвечать, хотя Олвин и подозревал, что заставил друга прервать долгое и нежное прощание.

Примерно выяснилось, что в Лизе любовь начиналась с мысленного контакта, и порой могли пройти многие месяцы, а то и годы, прежде чем пара встречалась, так сказать, наяву. При этом, как объяснил Хилвар, каких-либо неправильных представлений друг о друге не могло возникнуть в принципе, и злоупотребление доверием тоже было совершенно исключено. Двое, чьи мысли были открыты «я» другого, не могли иметь каких-то секретов. Даже если бы один из любящих и попытался создать из чего-то тайну, другой тотчас бы обнаружил, что от него что-то скрывают.

Такую открытость и чистоту помыслов могли позволить себе только очень зрелые и хорошо сбалансированные умы. И лишь основанная на полнейшем самоотречении любовь могла выжить в таких условиях. Олвин хорошо понимал, что такая любовь должна быть глубже и богаче всего, что

было известно по этой части его народу. Если вдуматься, то она могла подняться до таких высот совершенства, в существование которых просто трудно было и поверить.

Тем не менее Хилвар уверил его, что такая любовь действительно существует, а когда Олвин прижал его выведыванием подробностей, глаза темнокожего юноши засияли и он... забылся в каких-то своих глубоко личных мыслях. Вероятно, существовали и такие вещи, которые он просто не мог передать словами. Человек либо знал их, либо даже и не догадывался о том, что они есть на свете. И Олвин не без грусти решил про себя, что ему никогда и ни с кем не достичь той степени взаимопонимания, которую эти счастливые люди сделали самой основой своего бытия. Когда мобиль пересек саванну — оборвавшуюся столь внезапно, как если бы существовала какая-то черта, за которой трава просто не могла расти, перед ними открылась гряда низких, сплошь поросших лесом холмов. Хилвар объяснил, что здесь проходит граница главного горного бастиона, оберегающего Лиз. Настоящие же горы лежат еще дальше. Но даже и эти низкие холмы оказались для Олвина зрелищем поразительным и внушающим благоговейное чувство.

Мобиль остановился в узкой, затененной долине, которая, впрочем, пока все еще была согрета теплотой и светом садящегося солнца. Хилвар посмотрел на Олвина широко распахнутыми простодушными глазами, в которых, можно было поклясться, не светилось и намека на какое-то вероломство.

— А вот отсюда мы двинем пешком,— весело сказал он, начиная выкидывать из мобиля их снаряжение.— Дальше не проедешь.

Олвин смотрел на окружающие их холмы, оценивая их, а затем перевел взгляд на комфортабельное сиденье, которое так славно принимало его во время поездки.

— И что — нет никакого окольного пути? — спросил он без особой надежды.

— Есть-то он, конечно, есть,— ответил Хилвар,— да только мы им не пойдем. Нам нужно на самый верх — там знаешь как интересно! А мобиль я переведу в автоматический

режим, так что он будет нас ждать с той стороны, когда мы спустимся снова.

Полный решимости без борьбы не сдаваться, Олвин сделал последнюю попытку:

— Скоро станет совсем темно. До заката-то нам ни за что не осилить всего пути...

— Точно! — согласился Хилвар, с невероятным проворством рассортировывая многочисленные пакеты и свертки.— Поэтому мы проведем ночь на вершине, а путешествие закончим утром.

На этот раз Олвин вынужден был признать поражение.

Снаряжение, которое они несли, было очень объемистым, но не весило практически ничего. Все было упаковано в гравикомпенсаторные контейнеры, которые нейтрализовали вес, поэтому иметь дело приходилось только с массой и, следовательно, с силой инерции. Пока Олвин двигался по прямой, он совершенно не ощущал, что за плечами у него есть какой-то груз. И все же обращение с этими контейнерами требовало известной сноровки, потому что стоило только изменить направление движения, как поклажа немедленно проявляла твердокаменное упрямство и, казалось, прямо-таки из себя выходила, только бы сохранить Олвина на прежнем курсе,— до тех пор пока он не преодолевал инерцию.

Когда Хилвар приладил лямки и убедился, что все в порядке, они медленно двинулись вверх по долине. Олвин оглянулся и с тоской увидел, как мобиль устремился назад по собственному следу и вскоре исчез из виду. Олвин только вздохнул, удрученный тем, что пройдет, должно быть, еще немало часов, прежде чем ему снова доведется расслабиться в комфортабельном чреве их экипажа.

Тем не менее идти все вверх и вверх, ощущать, как солнце мягко пригревает спину, любоваться новыми и новыми пейзажами, разворачивающимися перед глазами,— все это оказалось весьма приятным. Они двигались по почти заросшей тропинке, которая время от времени пропадала совсем, но Хилвар благодаря какому-то чутью не сбивался с нее даже тогда, когда Олвин совершенно терял ее в зарослях. Он

поинтересовался у Хилвара, кто протоптал эту тропку, и получил ответ, что в этих холмах водится великое множество мелких животных — некоторые из них живут поодиночке, другие примитивными сообществами, отдаленно напоминающими древние человеческие племена. Кое-какие их виды даже сами открыли — или были кем-то этому обучены — науку использования примитивных орудий и огня. Олвину и в голову бы не пришло, что такие существа могут проявить по отношению к ним какое-то недружелюбие. И он, и Хилвар принимали такой порядок вещей как нечто совершенно естественное: на Земле прошло слишком много времени с тех пор, как кто-то мог бы бросить вызов Человеку — высшему существу.

Они поднимались уже, должно быть, с полчаса, когда Олвин впервые обратил внимание на слабый, чуть реверберирующий шепот вокруг. Источника его он никак не мог установить, потому что звук этот исходил как бы отовсюду. Он слышался непрерывно и, по мере того как ландшафты перед ними распахивались все шире и шире, становился громче. Олвин непременно спросил бы Хилвара, что это такое, да только оказалось, что дыхание следует беречь для более существенных целей.

Здоровье у Олвина было отменное. В сущности, за всю свою жизнь он и часа не проболел. Но физическое здоровье — свойство само по себе очень важное — оказалось все же не главным для выполнения той задачи, которая теперь стояла перед ним. Его великолепному телу не хватало известных навыков. Летящая поступь Хилвара, та легкость, с которой он, не прилагая, казалось, ни малейших усилий, одолевал всякий подъем, будили в Олвине зависть и решимость не сдаваться до тех пор, пока он еще в состоянии переставлять ноги. Он превосходно понимал, что Хилвар проверяет его, но протеста у него это не вызывало. Шла товарищеская игра, и он проникся ее духом и старался не слишком вслушиваться в то, как ноги понемножку наливаются усталостью.

Хилвар сжалился над ним только тогда, когда они одолели две трети подъема, и они немного отдохнули, подста-

вив натруженные тела ласковому солнышку. Пульсирующий гром слышен был теперь куда яснее, и Олвин спросил о нем, но Хилвар уклонился от ответа. По его словам, это испортит приятную неожиданность, коли Олвин уже сейчас узнает — что там, в конце этого подъема.

Теперь они двигались уже против солнца, и, по счастью, заключительный участок пути оказался довольно гладким и отлогим. Деревья, которыми так густо поросла нижняя часть холма, теперь поредели, словно бы они тоже изнемогли в битве с земным тяготением, и на последних нескольких сотнях метров землю здесь покрывала только жестковатая короткая трава, шагать по которой было приятно. Когда показалась вершина, Хилвар словно взорвался энергией и устремился вверх по склону чуть ли не бегом. Олвин решил не принимать вызова, да, в сущности, ничего другого ему и не оставалось. Его вполне устраивало медленное, размеренное продвижение вперед, и когда наконец он поравнялся с Хилваром, то повалился рядом в блаженном изнеможении.

Только когда дыхание его успокоилось, он смог в полной мере оценить ландшафт, расстилающийся перед ним, и увидеть этот источник бесконечного грома, наполнявшего воздух. Земля впереди круто падала от вершины холма — настолько круто, что на протяжении какого-нибудь десятка метров склон превращался уже в вертикальную стену. И, далеко простираясь от этого обрыва, лежала могучая полоса воды. Прихотливо петляя по плоской поверхности плато, она вдруг в одном месте рушилась на скалы, зловеще торчащие в тысяче футов внизу. Там она пропадала в сверкающем тумане мельчайших брызг, и из этой-то глубины и поднимался непрестанный пульсирующий рев, протяжным эхом отражающийся от склонов холмов по обеим сторонам водопада.

Бóльшая часть этого низвергающегося потока находилась в тени, но солнечные лучи, прорывающиеся между вершинами гор, еще освещали неповторимый пейзаж, добавляя к нему свои прощальные волшебные мазки: подрагивая, у подножия водопада в неуловимой своей красоте стояла последняя на Земле радуга.

Хилвар повел рукой, и этот жест объял весь горизонт.

— Отсюда,— почти прокричал он, чтобы его можно было услышать сквозь гул водопада,— виден весь Лиз!..

Олвин не поверил. К северу от них миля за милей простирались леса, перемежающиеся полянами, протяженными полями, изрезанные ниточками сотен речушек. Где-то среди этой необъятной панорамы прятался Эрли, но нечего было и думать отыскать его. Олвину было показалось, что он разглядел озеро, мимо которого вела тропа, идущая в Лиз, но потом он все-таки решил, что ему померещилось. Еще далее к северу и леса, и просветы в них терялись в сплавленном воедино зеленом покрове земли, кое-где приподнятом выпуклостями холмов. А уж за ними, на самой кромке поля зрения, словно гряда далеких облаков, громоздились горные цепи, отделяющие Лиз от пустыни.

Картина на западе и на востоке мало чем отличалась от того, что наблюдали они на севере, но вот на юге горы, казалось, отстояли от них всего на несколько миль. Олвин видел их очень ясно и в полной мере осознал, насколько же они выше той вершинки, на которой он сейчас находился. От гор их с Хилваром отделяло пространство куда более девственное и дикое, чем то, которое они только что преодолели. Неизвестно почему — он, во всяком случае, не мог бы сказать почему — оно представлялось безжизненным и пустынным, как если бы нога человека не ступала здесь в течение многих и многих лет.

Хилвар ответил на невысказанный вопрос Олвина:

— Когда-то эта часть Лиза была обитаема. Не знаю, почему ее оставили... Вполне допускаю, что, может быть, и снова наступит такой день, когда мы ее займем. А теперь здесь только животные и водятся.

И в самом деле, нигде не было заметно ни малейших следов пребывания человека — ни расчищенных пространств, ни приведенных в порядок обузданных рек. Лишь в одном месте кое-что говорило о том, что когда-то здесь жили люди: за много миль от молодых людей над зеленым покровом леса, как сломанный клык, высились белые руины какого-то здания. На всем же остальном пространстве джунгли взяли свое.

Солнце садилось за горную гряду Лиза. На краткий миг далекие вершины охватило золотое пламя. Но вслед за этим земля, которую они охраняли, погрузилась в тень, и на нее пала ночь.

— Надо было нам раньше за это приняться,— заметил, как всегда практичный, Хилвар, когда начал разбирать снаряжение.— Через пять минут темнотища будет — глаз выколи, да и похолодает.

Трава стала принимать на себя странные на вид части каких-то аппаратов. Из стройного треножника высунулся штырь с утолщением на конце, напоминающим по форме грушу. Хилвар все удлинял и удлинял этот штырь, пока тот не воздвигся над их головами. После этого он послал какую-то мысленную команду, которую Олвин отметил, но не понял. И тотчас же их маленький бивак оказался затоплен потоками света, отодвинувшими тьму. Груша эта излучала не только свет, но и тепло — Олвин сразу же ощутил это нежное, ласкающее излучение, которое, казалось, проникало до самых костей.

Держа треножник в одной руке, а в другой — свой рюкзак, Хилвар стал спускаться вниз по склону, и Олвин поспешил за ним, прилежно стараясь не выходить из круга света. В конце концов Хилвар выбрал место для ночевки в небольшом углублении несколькими сотнями ярдов ниже вершины холма и принялся приводить в действие оставшуюся часть снаряжения.

Первым возникло большое полушарие из какого-то твердого и почти прозрачного материала, которое полностью укрыло их, надежно защитив от холодного ветра, которым потянуло вверх по склону. По-видимому, этот купол генерировался тем самым небольшим прямоугольным ящичком, который Хилвар поставил прямо на землю и больше уже не обращал на него ровно никакого внимания — до такой степени, что в конце концов даже завалил его какими-то другими причиндалами. Очень может быть, что этот же самый ящичек произвел для них и удобные полупрозрачные койки, на одну из которых Олвин с радостью и облегчением сразу же и повалился. Это был первый случай, когда он

увидел в Лизе материализацию мебели. Жилища здесь представлялись ему ужасно загроможденными непреходящими произведениями рук человеческих, а ведь куда как удобнее было хранить их все в памяти электронных машин.

Ужин, который Хилвар сварганил с помощью другого аппарата, тоже был первой синтетикой, которую Олвину пришлось отведать с тех самых пор, как он прибыл в Лиз. Когда преобразователь материи принялся поглощать сырье, чтобы сотворить свое обыкновенное чудо, оба явственно ощутили, как в отверстие на вершине покрывающего их купола хлынул поток засасываемого воздуха. В общем-то, чисто синтетическая пища была Олвину куда больше по душе. Способ, которым приготовлялась та, натуральная, поразил его как исключительно негигиеничный, а уж при преобразователе-то материи вы, во всяком случае, всегда знали, что именно вы едите.

Они принялись за ужин, когда ночь уже полностью вступила в свои права и на небо высыпали звезды. К концу трапезы за пределами их маленького освещенного мирка стало уже совершенно темно, и на самой границе света и тьмы Олвин заметил какие-то движущиеся тени — это обитатели леса выползали из своих дневных укрытий. Время от времени он видел отблески — чьи-то бледные глаза смотрели на него, но, кто бы это ни был, зверье близко не подходило, так что хорошенько разглядеть ничего не удавалось.

Было так спокойно и славно, и Олвин испытывал полнейшее удовлетворение. Некоторое время они лежали и толковали о том, что им сегодня встретилось, о тайне, которая витала над всем происходящим, о множестве различий двух таких разных культур, к которым они принадлежали. Хилвар был просто зачарован волшебством Хранилищ Памяти, которые вырвали Диаспар из цепких объятий Времени, и тут Олвин обнаружил, что найти ответы на некоторые вопросы Хилвара ему исключительно трудно.

— Чего вот я никак не понимаю,— рассуждал Хилвар,— так это как проектировщики Диаспара добились того, что ничто никогда не может произойти с Хранилищами Памяти. Вот ты говоришь, информация, которая полностью опи-

сывает весь город и всех, кто в нем живет, хранится в виде электрических зарядов в кристаллах, расположенных там в определенном порядке. Ну ясно — кристаллы-то могут существовать вечно, а вот как же все соединенные с ними электрические цепи? Неужели же никогда-никогда не бывает никаких отказов?

— Я спрашивал об этом Хедрона, и он ответил, что Хранилища Памяти, в сущности, утроены. Каждое из трех Хранилищ способно и в одиночку обеспечить существование города, и, если что-то случится с одним, два других автоматически исправят поломку. И если только какое-то нарушение произойдет сразу в двух из них, то городу будет нанесен уже непоправимый ущерб. А шансы на то, что такое может случиться, пренебрежимо малы.

— Ну а как же материализуется связь между программами в виде этих самых зарядов и вещественной структурой города? Между планом, как он есть, и теми предметами, которые он описывает?

Тут Олвин понял, что прочно сидит на мели. Ему было известно в общих чертах, что ответ следует искать в технологии, манипулирующей свойствами самого пространства. Но вот каким именно образом удалось на практике жестко удерживать каждый атом города в положении, описанном данными, хранящимися где-то в дебрях Хранилищ Памяти,— к объяснению всего этого он даже и подступиться не мог.

По внезапному наитию он ткнул пальцем в купол, защищающий их от ночи.

— А ты объясни мне, как вот эта крыша над нашими головами получается из того ящика, тогда и я расскажу, как работают Хранилища Памяти,— сказал он.

Хилвар засмеялся:

— Ну, ты в самую точку... Если уж тебе хочется узнать про это, то придется обратиться к нашим специалистам по теории поля. А я-то уж точно не сумею тебе ничего рассказать!

Этот ответ заставил Олвина глубоко задуматься; выходило, что в Лизе все еще были люди, которые понимали,

каким образом действуют их машины. О Диаспаре сказать этого никак было нельзя.

Так они разговаривали и спорили, пока Хилвар наконец не сказал:

— Что-то я устал... А ты собираешься спать?

Олвин потер свои все еще гудящие от усталости ноги.

— Да хорошо бы,— признался он.— Только я не знаю, смогу ли. Для меня сон, знаешь, все еще очень странный обычай...

— Да это куда больше чем обычай,— засмеялся Хилвар.— Мне вот рассказали, что когда-то для любого человеческого организма это была самая настоящая жизненная необходимость. Мы и до сих пор любим поспать — хотя бы раз в сутки, хотя бы всего-то несколько часов, потому что во время сна тело освежается, да и мозг тоже. Неужели же в Диаспаре никто так никогда и не спит?

— Только в очень редких случаях,— ответил Олвин.— Джизирак, мой наставник, спал раз или два — после того как долго занимался очень уж утомительной умственной работой. А так... хорошо спроектированное тело не должно испытывать потребности в таких вот периодах отдыха. Мы с этим покончили миллионы лет назад.

Еще произнося эти несколько хвастливые слова, он уже опровергал самого себя. Усталость — такая, какой он никогда прежде не испытывал,— навалилась на него. Она поднималась от лодыжек и бедер, пока не затопила все его тело. В этом непривычном ощущении не было, впрочем, ничего неприятного — скорее даже наоборот. Хилвар наблюдал за ним с улыбкой, и Олвин еще успел подумать: не испытывает ли его друг на нем свою способность к внушению? Но даже если это и было так, он ничуть не возражал.

Свет, лившийся из «груши» над их головами, померк до слабого тления, но излучаемое грушей тепло не ослабло. При последнем трепетании света сознание Олвина отметило несколько любопытных фактов, значение которых ему предстояло выяснить поутру.

Хилвар сбросил одежду, и Олвин впервые увидел, насколько разнятся две ветви человечества. Некоторые отли-

чия в строении тела касались только пропорций, но другие — такие, например, как гениталии и наличие зубов, ногтей и заметных волос — были более фундаментальными. Больше всего его, однако, поразило странное углубление на животе Хилвара.

Когда спустя несколько дней он внезапно вспомнил об этом, то потребовались долгие объяснения. К тому времени, как Хилвар сделал для него функцию пупка совершенно понятной, он уже произнес несколько тысяч слов и нарисовал кучу диаграмм.

И оба — Хилвар и Олвин — сделали огромный шаг в понимании основ культуры Диаспара и Лиза.

ГЛАВА 12

Глубокой ночью Олвин проснулся. Что-то тревожило его — какой-то шепот или что-то вроде этого проникало в сознание, несмотря на нескончаемый рев падающей воды. Он сел в постели и стал напряженно вглядываться в окутанные тьмой окрестности, затаив дыхание, прислушиваться к пульсирующему грому водопада и к более мягким и каким-то тайным звукам, производимым ночными созданиями.

Ничего не было видно. Свет звезд был слишком слаб, чтобы озарить многомильные пространства, лежащие в сотнях футов внизу. Только иззубренная линия еще более беспросветной черноты, затмевающая звезды, напоминала о горных кряжах на южном горизонте. Олвин услышал, как в темноте купола его товарищ завозился и тоже сел в постели.

— Что там такое? — донесся до него шепот Хилвара.

— Да показалось, что я услышал какой-то шум...

— Какой шум?

— Не знаю... Может, почудилось...

Наступило молчание. Две пары глаз уставились в тайну ночи. Внезапно Хилвар схватил Олвина за руку.

— Гляди! — прошептал он.

Далеко на юге светилась какая-то одинокая точка, расположенная слишком низко к горизонту, чтобы быть звез-

дой. Она была ослепительно белой с едва уловимым фиолетовым оттенком, и, по мере того как они следили за ней, точка эта стала менять цвет по всему спектру, одновременно набирая яркость — пока глазам не стало больно смотреть на нее. А затем она взорвалась — казалось, что где-то за краем света тьму рванула молния. На краткий миг горы и все окруженное ими пространство земли огнем вспыхнули на фоне неба. Вечность спустя докатился звучный отголосок далекого взрыва. В деревьях внизу внезапный порыв ветра потревожил кроны. Ветер этот быстро улегся, и погасшие было звезды одна за другой возвратились на свои места.

Второй раз в своей жизни Олвин испытал чувство страха. Это не был тот страх перед непосредственной угрозой для его «я», который навалился на него там, в пещере самодвижущихся дорог. На сей раз это было скорее благоговение и изумление перед чем-то неведомым и грандиозным. Он глядел в лицо неизвестности, и ему показалось, что он понял: там, у гор, есть нечто, что он просто обязан увидеть.

— Что это было? — спросил он после долгого молчания.

Пауза оказалась столь длинна, что ему пришлось повторить вопрос.

— Да вот пытаюсь выяснить,— коротко ответил Хилвар и снова умолк. Олвин догадался, чем он сейчас занят, и не стал мешать молчаливому расследованию друга.

Наконец Хилвар вздохнул — разочарованно.

— Спят все,— сказал он.— Не нашлось никого, кто смог бы объяснить, что же это такое. Надо нам подождать до утра — если только мне не удастся сейчас разбудить одного из моих друзей. А мне бы, честно-то говоря, не хотелось этого делать — разве что только в самом уж крайнем случае.

Олвин про себя заинтересовался, что же именно Хилвар считал самым крайним случаем. И только он собрался предположить — не без сарказма,— что увиденное ими вполне стоит того, чтобы кого-то и разбудить, как Хилвар заговорил снова:

— Я вспомнил... Я здесь давно не был и поэтому не уверен... Но это, должно быть, Шалмирейн.— Тон у него был какой-то извиняющийся.

— Шалмирейн! Да разве он еще существует?

— Существует. Я почти забыл... Сирэйнис как-то рассказывала мне, что крепость лежит именно в этих горах. Само собой, она вот уж сколько столетий в развалинах, но, может быть, кто-то там еще и живет.

Шалмирейн! Для этих детей двух рас, так сильно различающихся и историей, и культурой,— название, исполненное волшебства. За всю долгую историю Земли не было эпоса более величественного, чем оборона Шалмирейна от захватчика, который покорил Вселенную. Хотя истинные факты давным-давно растворились в тумане, окутывающем Века Рассвета, легенды продолжали жить и будут жить столь же долго, как и сам Человек.

В темноте внезапно снова зазвучал голос Хилвара:

— Люди с юга смогут рассказать нам больше. У меня там есть несколько друзей. Утром я с ними поговорю.

Олвин его почти не слышал. Он был глубоко погружен в собственные мысли, стараясь припомнить все, что ему приходилось слышать о Шалмирейне. Впрочем, вспоминать было почти нечего. По прошествии столь невообразимо долгого времени никто уже не смог бы отсеять правду от вымысла. С уверенностью можно было говорить только о том, что битва при Шалмирейне ознаменовала рубеж между победами Человека и началом его долгого упадка.

Где-то в этих вот горах, думалось Олвину, могут лежать ответы на те загадки, которые мучили его на протяжении всех этих долгих лет.

— А сколько нам понадобится времени, чтобы добраться до крепости? — поинтересовался он у Хилвара.

— Я там никогда не был, но полагаю, что это куда дальше, чем я намеревался пройти. За день нам туда вряд ли и дошагать...

— А если мобиль использовать?

— Не получится. Путь-то туда — через горы, а машина для этого никак не приспособлена.

Олвин поразмыслил над этим. Усталость скрутила его, ноги горели, а мышцы бедер все еще ныли от непривычного усилия. Соблазн плюнуть на путешествие к крепости до следующего раза был слишком велик. Но этого следующего раза могло и не быть.

Под призрачным светом бледнеющих звезд — немало их погасло с тех пор, как отгремела битва при Шалмирейне,— Олвин боролся с собой и наконец принял решение. Ничто не переменилось. Горы снова встали на караул над спящей землей. Но поворотный пункт истории пришел и прошел, и человечество двинулось к своему странному новому будущему.

В эту ночь Хилвар с Олвином уже не заснули и с первыми же лучами солнца свернули лагерь. Холм был осыпан росой, и Олвин, вышагивая, любовался сверкающими драгоценностями, которые огрузили каждую травинку и каждый листок. Свист мокрой травы поразил его, когда он пропахивал ее ногами, и, глядя назад, на холм, он видел, как прорисованный им след темной лентой вьется на алмазном фоне.

Солнце только-только привстало над восточной стеной Лиза, когда они добрались до опушки леса. Природа здесь пребывала в первозданном своем состоянии. Даже Хилвар, похоже, несколько словно бы потерялся среди этих гигантских деревьев, которые заслоняли солнце и выстилали подлесок коврами непроницаемой тени. К счастью, начиная от водопада, река текла на юг линией слишком прямой, чтобы быть естественного происхождения, и им было удобно держаться берега — это позволяло избежать битвы с самой густой порослью нижних этажей леса. У Хилвара пропасть времени уходила на то, чтобы держать в ежовых рукавицах Крифа, который то и дело исчезал в джунглях или вдруг сломя голову бросался скользить по поверхности реки. Даже Олвин, для которого все окружающее было совершенно вновь, чувствовал, что этот лес завораживает чем-то таким, чего лишены меньшие по размерам окультуренные леса северной части страны. Одинаковых деревьев было совсем мало. Большинство исполинов переживали различные стадии регресса, некоторые на протяжении веков почти вернулись

к своим изначальным формам. Какие-то, очевидно, и вовсе были неземного происхождения, а может быть, даже и не из Солнечной системы. Часовыми, возвышаясь над своими менее рослыми собратьями, стояли гигантские секвойи высотой в триста, а то и в четыреста футов. Когда-то их называли самыми старыми из живущих обитателей Земли. И до сих пор они оставались намного старше Человека.

А река вдруг стала расширяться. Теперь она то и дело расползалась в небольшие озера, на которых, словно на якоре, стояли островки. Были здесь и насекомые — ярко окрашенные существа, порхающие и раскачивающиеся над гладью воды. В один из моментов, несмотря на запрещение Хилвара, Криф метнулся в сторону, чтобы присоединиться к каким-то своим дальним родственникам. Он немедленно исчез в облаке блистающих крыльев, и до путников тотчас донеслось сердитое жужжание. Мгновение спустя облако это словно бы взорвалось, и Криф скользнул обратно по поверхности воды — да так стремительно, что глаз почти и не отметил какого-либо движения. После этого случая он все жался к Хилвару и больше уже никуда не отлучался.

Ближе к вечеру сквозь кроны деревьев стали время от времени проглядывать вершины гор. Верный проводник юношей, река текла теперь лениво, словно бы тоже приближалась к концу своего пути. Но стало ясно, что к наступлению ночи гор им не достичь. Задолго до заката в лесу стало так темно, что двигаться дальше было просто немыслимо. Огромные деревья стояли в озерах тьмы, сквозь листву дул пронизывающий ветер. Олвин с Хилваром устроились на ночлег подле гигантского красного дерева, настолько высокого, что ветви на его вершине еще были облиты сиянием солнца.

Когда наконец давно уже невидимое светило зашло, отсветы закатного неба еще некоторое время мерцали на танцующей поверхности воды. Оба исследователя — а теперь они смотрели на себя именно так, да так оно и было на самом деле — лежали в собирающейся темноте, глядя на реку и размышляя над всем тем, что им довелось увидеть в течение дня. Но вот Олвин снова ощутил, как его охватывает

состояние восхитительной дремоты, впервые познанное предыдущей ночью, и радостно отдался сну. Пусть сон и не был необходим в Диаспаре, где жизнь не требовала никаких физических усилий, но здесь он был просто желанен. В последний момент перед забытьем он еще успел подумать — кто, интересно, последним проходил этим вот путем и как давно это произошло.

Солнце стояло уже высоко, когда они вышли из леса и оказались перед горной стеной, ограждающей Лиз. Прямо перед ними поверхность земли круто поднималась к небу обрывами совершенно непреодолимых скал. Река заканчивалась здесь столь же живописно, как и начиналась там, у водопада: прямо по ее руслу земля расступалась, и воды реки с грохотом пропадали из виду в глубокой расселине. Олвину было страшно интересно, что же происходит с рекой дальше, через какие подземные пещеры лежит ее путь, прежде чем ей снова выйти на свет дня. Возможно, исчезнувшие океаны Земли все еще существовали — глубоко внизу, в вечной тьме, и эта древняя река все еще слышит зов, который влечет ее к морю.

Несколько секунд Хилвар стоял, глядя на водоворот и на изломанную землю за ним. Затем он кивнул на проход в скалах.

— Шалмирейн лежит вон в том направлении,— уверенно проговорил он.

Олвин не стал спрашивать, откуда это ему известно. Он принял как должное, что Хилвар в течение некоторого времени поддерживал контакт с кем-то из друзей за много миль от них и ему при полном молчании передали всю необходимую информацию.

До прохода в скалах они добрались довольно быстро, а когда миновали его, то вышли на чрезвычайно интересное плато, полого снижающееся по краям. Теперь Олвин уже не испытывал ни усталости, ни страха — только жадное чувство предвкушения волнующих событий возбуждало его. Он понятия не имел о том, что именно ему предстоит обнаружить. Но то, что что-то будет обнаружено, не вызывало у него никаких сомнений.

Вскоре характер поверхности резко изменился. Нижняя часть склона плато состояла из пористой вулканической породы, собранной там и сям в огромные навалы. Здесь же грунт внезапно превратился в твердые, стеклистые плиты, совершенно гладкие, как если бы когда-то горные породы бежали здесь по склону расплавленной рекой.

Кромка плато оказалась едва ли не у самых их ног. Хилвар первым дошагал до нее, а спустя несколько секунд и Олвин, лишившись дара речи, уже стоял рядом. Он был ошеломлен, потому что оба они находились на краю вовсе не какого-то там плато, как им представлялось поначалу, но огромной чаши глубиной в полмили и диаметром мили в три. Поверхность впереди резко понижалась, плавно выравнивалась на дне этой огромной круглой долины и снова поднималась — все более и более круто — к противоположному краю. Самая низкая часть чаши была занята круглым озером, зеркало которого непрерывно трепетало, словно бы терзаемое непрекращающимся ветром.

Хотя вся картина была залита беспощадным сиянием солнца, эта огромная язва на теле земли оказалась глубокого черного цвета. Ни Олвин, ни Хилвар не имели ни малейшего представления, из какого материала сложен кратер, но он был черен, как скалы мира, которые никогда не знали солнца. Но и это было еще не все, ибо ниже того места, где они стояли, опоясывая весь кратер, шла металлическая, без единого шва полоса шириной в несколько сот футов, потускневшая от непостижимо долгих тысячелетий, но без малейших признаков коррозии.

Когда глаза немного попривыкли к этой фантасмагорической картине, Олвин и Хилвар поняли, что чернота кратера вовсе не столь уж абсолютна, как это им представилось вначале. То тут, то там крохотные блики — такие неуловимые, что их почти невозможно было заметить,— вспыхивали на стенках, черных, будто они были сделаны из эбенового дерева. В сверкании этом не было ни малейшей упорядоченности, блики пропадали, едва родившись, и напоминали отражения звезд на изморщенной поверхности моря.

— Как замечательно! — ахнул Олвин.— Но только... что же это такое?

— Похоже на какой-то рефлектор.

— Но он такой черный...

— Только для наших глаз, не забывай об этом. Мы же не знаем, какой вид излучения они использовали.

— Но ведь должно же быть и что-то еще! Где, например, сама крепость?

Хилвар протянул руку по направлению к озеру.

— Посмотри внимательно,— сказал он.

Олвин уставился на дрожащую поверхность озера, стараясь проникнуть взглядом поглубже, пытаясь понять тайны, которые скрывала вода в своих глубинах. Сначала он ничего не мог разобрать. Затем на мелководье возле самой кромки берега он разглядел едва заметное чередование света и тени. Ему удалось проследить этот рисунок вплоть до самой середины озера, где глубина уже скрадывала детали.

Вот это-то темное озеро и поглотило крепость. Там, внизу, лежали руины того, что когда-то было мощными зданиями, ныне поверженными временем. И все же не все они погрузились в глубину, потому что на дальней стороне кратера Олвин теперь разглядел груды исковерканных каменных блоков и огромные гранитные глыбы, из которых когда-то были сложены массивные стены. Волны плескались вокруг них, но еще не поднялись настолько высоко, чтобы довершить свою победу.

— Давай обогнем озеро,— предложил Хилвар, и голос его был тих, как если бы величественность этих руин наполнила его душу благоговением.— Может, что-нибудь и найдем в этих развалинах...

Первые несколько сот ярдов стенки кратера были такими крутыми и гладкими, что на них трудно было стоять выпрямившись, но вскоре молодые люди достигли более пологого склона и теперь могли передвигаться без особого труда. У самой воды аспидно-черная поверхность кратера была покрыта тонким слоем почвы, нанесенной, должно быть, сюда ветрами.

В четверти мили от них циклопические каменные блоки громоздились друг на друга, словно непомерных размеров кубики, брошенные каким-то гигантским младенцем. Вот тут еще можно было узнать секцию массивной стены... Там — пара изъеденных временем пилонов отмечала место, которое когда-то было позицией грандиозных ворот. Повсюду рос мох и какие-то ползучие растения, крохотные карликовые деревья. Даже ветра и того здесь не чувствовалось.

Так Олвин и Хилвар пришли к развалинам Шалмирейна. Силы, которые были способны потрясти мир и обратить его в прах, обернулись пламенем и громом и потерпели сокрушительное поражение, натолкнувшись на эти стены и на ту энергию, которая ожидала за ними своего часа. Когда-то это такое мирное небо полыхало огнем, вырванным из самого сердца звезд, и горы Лиза, должно быть, стонали, будто живые существа, на которые обрушивается ярость их хозяина.

Шалмирейн никогда не был захвачен кем бы то ни было. Но теперь эта крепость, эта необоримая твердыня пала, захваченная и уничтоженная терпеливыми усиками плюща, поколениями слепых червей, неустанно роющих свои ходы, и медленно наступающими водами озера.

Ошеломленные величием этих колоссальных развалин, Олвин и Хилвар приближались к ним в полном молчании. Они ступили в тень разрушенной стены и углубились в своего рода каньон: горы камня здесь рассеялись. Озеро лежало перед ними, совсем рядом, и вот уже они встали у самой кромки воды, волны плескались у их ног. Крохотные волночки... Высотой не более нескольких дюймов, они бесконечной чередой разбивались об узкую полоску берега.

Хилвар первым нарушил молчание, и в голосе его прозвучала нотка неуверенности, заставившая Олвина взглянуть на друга с некоторым удивлением.

— Что-то тут не так... Ничего не могу понять,— медленно проговорил Хилвар.— Ветра-то нет, а что же тогда морщит воду? Ей бы надо оставаться совершенно спокойной.

Прежде чем Олвин продумал ответ, Хилвар стремительно присел, склонил голову к плечу и погрузил в воду правое

ухо. Олвин не имел ни малейшего представления, что это хочет обнаружить его друг таким вот странным способом и в таком нелепом положении. Потом догадался: Хилвар просто прислушивался. Преодолевая себя, потому что эта мертвая на вид вода выглядела здесь как-то особенно неприветливо, Олвин последовал его примеру.

Холод воды мешал всего несколько мгновений. А потом Олвин услышал слабый, но отчетливый упорный и ритмичный пульсирующий звук. Было похоже, будто в глубинах озера бьется чье-то гигантское сердце.

Они стряхнули воду с волос и остолбенело уставились друг на друга. Ни тому ни другому не хотелось первым высказать поразившую его догадку, что озеро это живое.

— Лучше всего будет порыться в развалинах, а от озера давай-ка держаться подальше,— решился наконец Хилвар.

— Думаешь, там внизу что-то есть? — спросил Олвин, кивнув на загадочные волны, которые все так же разбивались у его ног.— Это может быть опасно?

— Ничто, если у него есть сознание, не представляет опасности,— ответил Хилвар. («Так ли это? — подумалось Олвину.— А Пришельцы?») — Я не могу обнаружить там ни малейшего присутствия мысли, но почему-то убежден, что мы здесь не одни. Очень странно...

Они медленно двинулись назад, к руинам крепости, и каждый нес в памяти звук этой приглушенной непреходящей пульсации. Олвину представлялось, что здесь тайна громоздится на тайну и что, несмотря на все его усилия, он все больше и больше отдаляется от какого-либо понимания истины, поисками которой занялся.

Как-то не верилось, что развалины могут им что-то поведать, но они тем не менее все-таки занялись самыми тщательными поисками среди мусора, скопившегося между нагромождениями огромных каменных глыб. Может быть, здесь нашли свое последнее пристанище машины и механизмы, которые так давно сделали свое дело... Теперь-то от них не было никакого проку, подумал Олвин, если бы Пришельцы и вернулись. Но почему же они так и не возвратились? Впрочем, это была только еще одна мучительная

загадка, а у него и так уже накопилось полным-полно тайн, в которые предстояло проникнуть. Искать новые не было ровно никакой необходимости.

В нескольких ярдах от берега среди всяких мелких обломков они обнаружили небольшое чистое пространство. Его покрывали сорняки: почерневшие и спекшиеся от невообразимого жара, при приближении людей они стали рассыпаться в пыль, пачкая им ноги угольно-черными полосами. В центре пустого пространства стоял металлический треножник, прочно укрепленный в грунте. Треножник этот нес на себе кольцо, несколько наклоненное таким образом, что его ось упиралась в неведомую точку небосвода где-то на полпути между горизонтом и зенитом. На первый взгляд казалось, что кольцо это ничего в себе не заключало. Но затем, приглядевшись повнимательнее, Олвин увидел, что пространство внутри кольца заполнено каким-то слабым туманом, который сильно утомлял зрение, а его и без того нужно было напрягать, чтобы заметить этот самый туман — так близко цвет его находился у самого края видимого спектра. Светилась какая-то энергия, и, вне всякого сомнения, именно этот вот механизм и произвел тот взрыв света, который привлек их в Шалмирейн.

Не решаясь подойти поближе, они остановились и стали наблюдать за странным этим устройством с безопасного, как им представлялось, расстояния. «Мы на верном пути»,— билось в голове у Олвина. Теперь оставалось только выяснить — кто или что установило здесь этот механизм и какой цели он может служить. Это наклоненное кольцо... ясно было, что оно нацелено в космос. Не была ли вспышка, которую они наблюдали, своего рода сигналом? От этой догадки захватывало дух, стоило только поразмыслить о последствиях.

— Олвин! — раздался вдруг голос Хилвара, и в тихом этом возгласе звучала безошибочная нотка предостережения.— У нас гости.

Олвин резко обернулся и обнаружил перед собой треугольник глаз, начисто лишенных век. Таково, по крайней мере, было первое впечатление. Секундой позже за этими

пристально глядящими на него глазами он рассмотрел очертания небольшой, но, по-видимому, очень сложной машины. Она висела в воздухе в нескольких футах над поверхностью земли и ничем не напоминала ни одного из тех роботов, которые когда-либо встречались Олвину.

Когда первоначальное изумление прошло, он вполне почувствовал себя хозяином положения. Всю жизнь он отдавал приказания машинам, и то, что эта вот была ему незнакома, не имело ни малейшего значения. В конце концов, ему приходилось сталкиваться не более чем с несколькими процентами всех разновидностей роботов, которые в Диаспаре обслуживали его повседневные нужды.

«Ты умеешь говорить?» — спросил он.

Ответом было молчание.

«Кто-нибудь тебя контролирует?»

Снова молчание.

«Уйди... Подойди... Поднимись... Опустись...»

Ни одно из этих таких привычных мысленных приказаний не возымело никакого эффекта. Машина оставалась совершенно безответной. Это предполагало две возможности. Либо машина была слишком низкоорганизованной, чтобы понимать его, либо, в сущности, слишком интеллектуальной и обладала собственными представлениями о целесообразности того или иного выбора, поскольку в нее был заложен принцип свободы воли. В таком случае он должен обращаться к роботу как к равному. И даже в этом случае он может недооценить его, только робот на это не обидится, поскольку самомнение не есть болезнь, характерная для машин.

Хилвар не мог удержаться от смеха, глядя на очевидную тщетность усилий Олвина. Он как раз собирался предложить свои услуги по установлению контакта с роботом, когда слова вдруг замерли у него на губах.

Тишина Шалмирейна была нарушена многозначительным и безошибочно знакомым звуком — мокрым шлепаньем какого-то большого тела, выходящего из воды.

Во второй раз с тех пор, как он покинул Диаспар, Олвин пожалел, что он не дома. Затем он сообразил, что с таким

настроением идти навстречу приключению никак не годится, и медленным шагом, но решительно направился к озеру.

Существо, появившееся из темной воды, выглядело как чудовищная, выполненная из живой материи пародия на робота, который по-прежнему молча разглядывал их пристальным взором. Расположение глаз в вершинах равностороннего треугольника — как и у парящего робота — никак не могло быть простым совпадением. То же самое можно было сказать и о щупальцах, и о маленьких суставчатых конечностях. На этом, однако, сходство заканчивалось. У робота не было — они ему, очевидно, просто не требовались — нежных перьев какой-то бахромы, которая в однообразном ритме била по воде, не было великого множества ног, похожих на обрубки, не было и вентиляционных отверстий, которые с натугой сипели в разреженном воздухе.

Бóльшая часть этого существа оставалась в воде. Только головные десять футов или около того проникли в среду, которая, похоже, была для этого животного враждебной. Существо имело в длину футов пятьдесят, и даже человек, совершенно не знакомый с биологией, мог бы догадаться, что что-то с ним было не так. Для облика существа был характерен налет импровизационного — и не слишком поэтому удачного — конструирования, как если бы части его тела лепили без особых раздумий и приставляли одну к другой по мере того, как в этом возникала необходимость.

Несмотря на устрашающие размеры существа и все свои первоначальные сомнения, ни Олвин, ни Хилвар ничуть не встревожились, едва разглядели получше этого обитателя озера. Животное было как-то трогательно неловко, и эта неловкость не позволяла считать его какой-либо серьезной угрозой, даже если бы и возникли подозрения, что оно может оказаться опасным. Люди давным-давно преодолели детский ужас перед тем, что выглядит ни на что не похожим. Этому страху просто не суждено было выжить после первого же контакта с дружественными внеземными цивилизациями.

— Дай-ка я с ним пообщаюсь,— тихонько сказал Хилвар.— Я ведь привык общаться с животными.

— Но это же не животное,— прошептал в ответ Олвин.— Я убежден, что оно разумно, а этот робот принадлежит ему...

— Может статься, как раз оно-то и принадлежит роботу. Во всяком случае, у него какие-то странные умственные способности. Я все еще не могу обнаружить ни малейшего признака мышления... Эй! Что это такое делается?..

Чудище ни на йоту не переменило своего положения у кромки воды, поддерживать которое ему, похоже, приходилось из последних сил. Но в центре треугольника, образованного глазами, начала формироваться какая-то полупрозрачная мембрана — она пульсировала, трепетала и в конце концов стала издавать вполне различимые звуки. Это было низкое, гулкое уханье, никаких слов разобрать в нем было невозможно, хотя неведомое существо явно пыталось что-то сказать.

Было больно наблюдать эту отчаянную попытку вступить в контакт. Несколько минут существо понапрасну пыталось добиться какого-нибудь эффекта. Внезапно оно, видимо, осознало, что совершает ошибку. Пульсирующая мембрана уменьшилась в размерах, а издаваемые ею звуки поднялись в тоне на несколько октав, пока не улеглись в звуковой спектр нормальной человеческой речи. Стало формироваться что-то похожее на слова, хотя они все еще перемежались невразумительным бормотанием. Похоже было, что существо с превеликим трудом вспоминает лексикон, который был ему известен когда-то давным-давно, но к которому оно не прибегало на протяжении многих лет.

Хилвар попытался помочь всем, что только было в его силах.

— Вот теперь мы можем вас понимать,— произнес он, выговаривая слова медленно и раздельно.— Чем мы можем быть вам полезны? Мы заметили свет, который вы произвели. Он и привел нас сюда из Лиза.

При слове «Лиз» существо как-то поникло, словно бы оно испытало жесточайшее разочарование.

— Лиз,— повторило оно. Звук «з» вышел у него не слишком удачно, и слово прозвучало больше похожим на «Лид».— Всегда из Лиза... А больше никто никогда не приходит... Мы называем их Великими, но они не слышат...

— Кто это — Великие? — спросил Олвин, живо подавшись вперед.

Нежные, безостановочно двигающиеся щупальца коротким движением взметнулись к небу.

— Великие...— повторило существо.— С планет Вечного Дня... Они придут... Мастер обещал нам...

Ситуацию это ничуть не прояснило. Прежде чем Олвин смог продолжить свой допрос, Хилвар вмешался снова. Вопросы, которые он задавал, были так терпеливы, он говорил с таким участием и в то же самое время с такой настойчивостью и убедительностью, что Олвин решил ни в коем случае не прерывать его, хотя его так и подмывало вступить в разговор. Ему не хотелось признаваться себе, что Хилвар превосходит его по развитию, но не было ни малейших сомнений в том, что дар друга общаться с животными простирается даже на это фантастическое существо. И более того — чудище, похоже, откликалось. Его речь стала более разборчивой, и если сначала это странное создание отвечало столь кратко, что выходило чуть ли не грубо, то, по мере того как развивалась беседа, оно стало отвечать на вопросы подробно и даже само уже сообщало кое-какую информацию, о которой его и не спрашивали.

Хилвар терпеливо складывал по кусочку мозаику этой невероятной истории, и Олвин совсем потерял ощущение времени. Всей истины они выяснить так и не смогли — для догадок и предположений оставалось места сколько угодно. По мере того как существо все более и более охотно отвечало на вопросы Хилвара, его внешний вид начал меняться. Оно сползло обратно в озеро, и его ноги-чурбачки, казалось, растворились в теле. Внезапно произошла вещь еще более невероятная: три огромных глаза медленно закрылись, стянулись в крохотные точки и бесследно исчезли. Выглядело это так, будто существо уже увидело все, что ему нужно было увидеть, и теперь глаза ему стали просто без надобности.

Олвин никак не мог поверить, что разум может существовать в такой вот нестабильной оболочке, однако впереди его ждал еще и не такой сюрприз. Было очевидно, что их

собеседник — внеземного происхождения, но прошло еще некоторое время, прежде чем даже Хилвар, с его куда более обширными познаниями в биологии, понял, с каким типом организма они имеют дело. В течение всей беседы существо называло себя «мы», и, в сущности, это была целая колония независимых существ, организованных и контролируемых какими-то неизвестными силами.

Животные отдаленно такого же типа — медузы, например,— когда-то процветали в земных океанах. Некоторые из них достигали огромных размеров, занимая своими полупрозрачными телами и лесом стрекающих щупалец пятьдесят, а то и сто футов пространства. Но ни одна из этих медуз не обрела и крупицы интеллекта, если не считать за интеллект способность реагировать на простые раздражители.

Здесь же молодые люди, несомненно, имели дело с разумом, хотя это и был разум вырождающийся. Олвину никогда было не забыть этой необычайной встречи и того, как Хилвар медленно реконструировал историю Мастера, в то время как изменчивый полип судорожно искал полузабытые слова, а темное озеро плескалось о руины Шалмирейна и трехглазый робот, не мигая, наблюдал за происходящим.

ГЛАВА 13

...Мастер вынырнул на Земле в хаосе Переходных Столетий, когда Галактическая Империя уже рушилась, но маршруты, связывающие звезды, еще не были перерезаны окончательно. Был он человеческого происхождения, хотя дом его и находился на планете, кружащейся вокруг одного из Семи Солнц. Еще в ранней молодости он был вынужден покинуть родной ему мир, память о котором преследовала его всю жизнь. Причиной своего изгнания он считал происки врагов, но истина заключалась в том, что он страдал от неизлечимой болезни, которая, похоже, из всех носителей разума во Вселенной поражала только представителей *homo sapiens*. Эта позорная болезнь была религиозной манией.

На протяжении ранней стадии своей истории человечество исторгнуло из себя неисчислимое количество всякого рода пророков, ясновидцев, мессий и провозвестников небесного откровения, которые убеждали своих последователей и самих себя, что тайны Вселенной открыты только им одним, и никому больше. Кое-кому из них случалось основать религии, которые ухитрились выжить в течение многих поколений и оказали влияние на миллиарды людей. Других забыли еще до их смерти.

Расцвет науки, которая с непреложной регулярностью отвергала космогонические построения всех этих болтунов и дарила людям чудеса, о которых ясновидцы и мессии и помыслить-то были не в состоянии, в конце концов не оставил от всех этих верований камня на камне. Наука не уничтожила благоговейного изумления, почтения и сознания своей незначительности, испытываемых всеми разумными существами, когда они размышляют о необъятности Вселенной. Но она ослабила, а в конце концов и вообще отбросила в небытие бесчисленные религии, каждая из которых с невероятным высокомерием провозглашала, что именно она является единственной провозвестницей Истины, тогда как миллионы ее соперников и предшественников — все пали жертвой заблуждений.

И все же, хотя каким-то изолированным культам уже никогда не суждено было обладать какой-то реальной властью, как только человечество в целом достигло самого элементарного уровня цивилизованности, они все же время от времени появлялись на протяжении многих столетий и, как бы фантастично ни звучали их неумные символы веры, им все же удавалось привлечь какое-то число последователей. В особенности процветали они в периоды неразберихи и беспорядка, и было совсем неудивительно, что Переходные Столетия стали свидетелями вспышки иррационального. Когда реальность оказывалась для человеческого духа угнетающей, люди всегда пытались найти утешение в мифах.

Так вот, этот самый Мастер, даже если он и был изгнан из своего собственного мира, вовсе не покинул его этаким

сиротой-сиротинушкой. Семь Солнц являлись центром галактической власти и науки, а он, должно быть, имел чрезвычайно влиятельных друзей. Он бежал на маленьком скоростном корабле, о котором поговаривали, что это был самый быстрый космический корабль из когда-либо построенных. И еще он прихватил с собой в изгнание самый совершенный продукт галактической науки — робота, который спустя столько времени всплыл теперь здесь, у Шалмирейна, неизвестно откуда, перед изумленными Олвином и Хилваром.

Никто так до конца и не исчерпал все таланты и функции этой машины. В сущности, робот этот до некоторой степени стал вторым «я» Мастера. И, не будь его, вера в «Великих», по всей вероятности, благополучно почила бы после смерти Мастера. Вдвоем они довольно продолжительное время блуждали зигзагообразным курсом среди звездных облаков, и курс этот привел их — ясно, что не случайно,— назад, к тому миру, из которого вышли предки Мастера.

Целые сонмы книг были посвящены этому событию, и каждая такая книга вызывала к жизни еще и вороха комментариев, пока в этой своего рода цепной реакции первоначальные произведения не оказались погребены под целыми Монбланами всякого рода глоссов и разъяснений. Мастер останавливался на многих мирах и навербовал себе паству среди представителей множества рас. Надо полагать, он был весьма сильной личностью, если мог с одинаковым успехом воспламенять своими проповедями гуманоидов и негуманоидов, и, видимо, учение, находившее столь широкий отклик, содержало в себе еще и что-то такое, что представлялось людям благородным и чистым. Быть может, этот самый Мастер оказался самым удачливым — как и самым последним — из всех мессий, которых когда-либо знало человечество. Никто из его предшественников не сумел привлечь к себе такого числа адептов или же добиться того, чтобы его догма проложила себе путь через столь огромные пространственные и временные пропасти.

В чем, собственно, состоял смысл догмы Мастера, ни Олвин, ни Хилвар так и не смогли разобраться хотя бы с ка-

кой-то степенью достоверности. Огромный полип отчаянно старался сделать все, чтобы посвятить их в суть дела, но многие из его слов не содержали в себе ровно никакого смысла, и, кроме того, у него была привычка повторять предложения и даже целые пассажи в такой стремительной и совершенно механической манере, что за мыслью невозможно было уследить. И вскоре Хилвар приложил все свои силы, чтобы увести разговор от этих топких теологических болот и сосредоточиться лишь на достоверных фактах.

Мастер и горстка его самых верных последователей прибыли на Землю в те дни, которые предшествовали падению городов, а порт Диаспара еще был открыт для пришельцев из других звездных систем. Они, должно быть, прибывали в космических кораблях самых разных систем — полип из озера, например, в корабле, наполненном водой того моря, которое было естественной средой его обитания. Была ли догма Мастера принята на Земле с терпимостью, оставалось неясным. Но по крайней мере, она не встретила бурной оппозиции, и после долгих блужданий эти фанатики нашли себе окончательное пристанище среди лесов и гор Лиза.

На закате своей долгой жизни Мастер вновь обратил мысли к дому, из которого он был изгнан, и попросил вынести его из помещения на воздух, чтобы он мог смотреть на звезды. Теряя последние силы, он подождал появления Семи Солнц и под самый занавес набормотал еще много такого, что должно было в будущем вызвать к существованию новые груды книг с толкованиями. Снова и снова он распространялся о «Великих», которые сейчас временно покинули эту Вселенную, но которые в один прекрасный день, несомненно, вернутся, и обязал своих фанатиков приветствовать их по возвращении. Это были его последние более или менее разумные слова. После этого он уже не отдавал себе отчета в окружающем, но перед самым концом произнес еще одну фразу, которая пережила столетия, гвоздем засев в головах тех, кому довелось ее услышать: «Как славно смотреть на цветные тени на планетах Вечного Света».

После чего умер.

По смерти Мастера многие из его последователей плюнули на догму, но кое-кто остался ей верен. По мере того

как проходили столетия, она все усложнялась. Сначала веровали, что эти «Великие», кем бы они ни были, скоро возвратятся, но время шло, и надежды на это все тускнели и тускнели. В этом месте рассказ полипа стал очень путаным — похоже было, что правда и мифы переплелись уже совершенно нерасторжимо. Олвин схватил только туманный образ каких-то фанатиков, поколение за поколением ожидающих некоего великого свершения, смысл которого был им абсолютно непонятен и которое должно было произойти неизвестно когда в будущем.

«Великие» так и не вернулись. Пробивная сила догмы мало-помалу иссякла по мере того, как смерть и разочарование все уменьшали и уменьшали число приверженцев. Сначала из мира ушли люди с их короткими жизнями, и было что-то невероятно ироническое в том, что последним деятом мессии-гуманоида стало существо, совершенно не похожее на человека.

Огромный полип стал последним учеником Мастера по причине весьма тривиальной: он был бессмертен. Миллиарды индивидуальных клеток, из которых состояло его тело, естественно, умирали своим чередом, но, прежде чем тому произойти, они воспроизводили себе подобных. Через длительные интервалы чудище распадалось на мириады клеток, которые начинали жить автономно и размножались делением — если окружающая среда оказывалась для этого подходящей. В такие периоды полип уже не существовал как сознательное, разумное существо-единство. И тут Олвин просто не мог не вспомнить о том, как проводили свои сонные тысячелетия в Хранилищах Памяти города обитатели Диаспара.

Но вот в должное время какая-то загадочная биологическая сила снова собирала вместе все эти рассеянные компоненты огромного тела, и полип начинал новый цикл существования. Он опять обретал сознание и воспоминания о своих прежних жизнях — часто не совсем точные воспоминания, поскольку разного рода несчастные случаи время от времени губили клетки, несущие весьма уязвимую информацию памяти.

Не исключено, что никакая другая форма жизни не смогла бы так долго хранить веру в догму, забытую уже на протяжении миллиарда лет. В некотором смысле полип стал беспомощной жертвой собственной биологической сущности. В силу своего бессмертия он не мог изменяться и оказался обречен вечно один к одному воспроизводить все ту же неизменную структуру.

Вера в «Великих» на ее поздних стадиях стала отождествляться с поклонением Семи Солнцам. «Великие» упрямо отказывались появляться, и были сделаны попытки послать на их далекую родину сигналы. Уже в незапамятные времена эта сигнализация стала всего лишь бессмысленным ритуалом, а теперь к тому же ею занималось животное, совершенно утерявшее способность к научению, да робот, который не умел забывать.

...Когда непостижимо древний голос затих и воздух снова зазвенел тишиной, Олвин вдруг понял, что его охватила жалость. Преданность — не к месту, верность, от которой никому не было никакого проку, в то время как бесчисленные солнца и планеты рождались и умирали... он в жизни бы не поверил в такую историю, если бы непреложные свидетельства в ее пользу не находились у него перед глазами. Собственное невежество сильнее, чем когда-либо прежде, печалило его. На некоторое время высветился было крохотный кусочек прошлого, но теперь тьма снова сомкнулась...

История Вселенной, должно быть, состоит из массы таких вот разрозненных ниточек, и кто скажет, какая из них важна, а какая — тривиальна? Фантастическая легенда о Мастере и о «Великих» была, надо думать, просто еще одной из тех бесчисленных сказок, что каким-то странным образом сохранились с времен Начала. Но что ни говори, уже само существование огромного этого полипа и каменно молчаливого робота не позволяло Олвину отбросить всю эту историю как просто какую-то волшебную выдумку, построенную на самообмане и на чистом безумии.

Ему было страшно интересно понять взаимосвязь между роботом и полипом, между двумя этими сущностями, которые, по всем статьям отличаясь друг от друга, умудрились

на протяжении целых эпох поддерживать это вот свое совершенно невероятное партнерство. Почему-то ему сильно верилось, что из них двоих робот был куда более важен. Он ведь ходил в наперсниках Мастера и, должно быть, и по сей день хранил все его тайны.

Олвин кинул беглый взгляд на таинственную машину, которая по-прежнему висела в воздухе, упершись в него, Олвина, пристальным взором. Почему это она не желает разговаривать? Какие, интересно знать, мысли блуждают в ее сложном и, возможно, совершенно чуждом ему сознании? Впрочем, если она и была построена с таким расчетом, чтобы служить единственно этому самому Мастеру, даже в этом случае ее мозг не может быть совершенно уж чуждым и она все равно должна повиноваться приказам человека.

Раздумывая о тайнах, которые столь упорно хранила в себе эта немая машина, Олвин испытывал самый настоящий зуд любопытства — да еще настолько глубокого, что оно уже граничило с жадностью. Ему представлялось простотаки нечестным, чтобы такое знание было укрыто от мира людей. Тут таились какие-то чудеса, которые, возможно, и не снились Центральному Компьютеру Диаспара.

— Почему это твой робот не желает с нами разговаривать? — обратился он к полипу, когда Хилвар на какую-то секунду замешкался с очередным своим вопросом.

И в ответ он услышал именно то, что почти и ожидал:

— Мастер не желал, чтобы робот разговаривал с каким бы то ни было другим голосом, а голос самого Мастера теперь молчит...

— Но тебе-то он станет повиноваться?

— Да. Мастер оставил его в нашем распоряжении. Мы видим его глазами, куда бы он ни направился. Он наблюдает за механизмами, которые поддерживают существование этого озера, содержат его воду в чистоте. И все же будет правильнее называть его нашим партнером, а не слугой.

Над этим Олвин задумался. Некая идея, совсем еще туманная, полуоформившаяся, стала исподволь зарождаться в его мозгу. Вполне вероятно, что толчок ей дала обыкно-

венная жажда знания и силы. Когда впоследствии Олвин мысленно возвращался к этому моменту, он никак не мог с полной уверенностью разобраться в своих мотивах. В основных своих чертах они могли быть продиктованы вполне эгоистическим чувством, но в то же время прослеживался в них и отзвук сострадания. Будь это в его силах, он поломал бы эту скучную череду совершенно тщетной жизни и освободил бы эти создания от их фантастической судьбы. Он не слишком хорошо представлял себе, что именно можно сделать для этого полипа, но вот излечить робот от его религиозного безумия было вполне в человеческих силах, а это, в свою очередь, высвободило бы и бесценную, сейчас наглухо запечатанную память уникального устройства.

— Уверены ли вы,— тщательно произнося слова, обратился он к полипу, хотя, конечно, адресовался и к роботу,— что, оставаясь здесь, вы и в самом деле исполняете волю Мастера? Ведь он хотел, чтобы мир узнал о его учении, а оно, пока вы скрывались здесь, в Шалмирейне, оказалось утеряно. Мы нашли вас по чистой случайности, но ведь могут быть и многие другие, кто хотел бы услышать о Великих.

Хилвар метнул на него быстрый взгляд. Он не понял намерений Олвина. Полип же, казалось, взволновался, и ритмичная пульсация его дыхательных органов дала вдруг мгновенный сбой. Затем последовал и ответ — голосом далеко не бесстрастным:

— Мы обсуждали эту проблему на протяжении многих и многих лет. Но мы не можем покинуть Шалмирейн, поэтому мир должен сам прийти к нам, какого бы времени это ни потребовало.

— Но у меня возникла куда лучшая идея,— живо отозвался Олвин.— Да, это верно, что вы должны оставаться здесь, в озере. Но ведь нет никаких причин к тому, чтобы с нами не отправился ваш компаньон. Он, разумеется, может возвратиться, как только сам этого захочет или же как только понадобится вам. Ведь с тех пор как умер Мастер, многое изменилось, произошли события, о которых вам

следует знать, но о которых вы никогда не узнаете и которых не поймете, если останетесь здесь.

Робот не шелохнулся, но полип, буквально в агонии нерешительности, полностью ушел под воду и оставался там в течение нескольких минут. Вполне могло быть, что в это время у него происходил беззвучный спор с его коллегой. Несколько раз он принимался было снова подниматься к поверхности, но, видимо, передумывал и опять погружался в воду. Хилвар воспользовался представившейся возможностью, чтобы обменяться с Олвином несколькими словами.

— Хотелось бы мне знать, что это ты намереваешься делать,— мягко произнес он, но в голосе его вместе с улыбкой звучала и озабоченность.— Или ты еще и сам не знаешь?

— Знаешь, я не сомневаюсь, что и тебе жалко этих бедняг,— ответил Олвин.— И разве спасти их — не значит проявить доброту?

— Это, конечно, верно. Но я достаточно тебя узнал, чтобы понять, что — ты уж прости — альтруизм доминантой твоего характера совсем не является. У тебя должен быть и какой-то другой мотив.

Олвин улыбнулся. Даже если Хилвар и не прочел его мысли — а у Олвина не было ни малейших оснований подозревать, что он это сделал,— то уж характер-то он действительно мог прочувствовать.

— У твоего народа в повиновении замечательные силы разума,— пытаясь увести разговор с опасного для него направления, сказал он.— Я думаю, вы сможете сделать что-нибудь для робота, если уж не для этого вот животного.— Олвин говорил очень мягко и тихо, опасаясь, что его могут подслушивать. Конечно, эта маленькая предосторожность могла оказаться и тщетной, но если робот и перехватывал их разговор, то не подал виду.

К счастью, прежде чем Хилвар пустился в расспросы, полип снова появился из толщи воды. За последние несколько минут он стал значительно меньше размерами, а движения его приобрели какой-то хаотический характер. Прямо на глазах у Олвина и Хилвара большой кусок этого сложного

полупрозрачного тела оторвался от целого и тотчас же вслед за этим стремительно распался на дюжину комочков, которые столь же быстро рассеялись в воде. Создание начало распадаться прямо на глазах.

Когда оно снова заговорило, голос его оказался неустойчив и понимать его стало куда трудней, чем прежде.

— Начинается следующий цикл,— выдохнуло оно каким-то дрожащим шепотом...— Не ожидали его столь скоро... осталось всего несколько минут... стимулирование слишком сильно... долго нам всем вместе не продержаться...

Во все глаза глядели Олвин и Хилвар на это существо, испытывая нечто вроде восхищения, смешанного с ужасом. Хотя процесс, происходящий на их глазах, и был совершенно естественным, было не слишком-то приятно наблюдать разумное, по всей видимости, существо, бьющееся в агонии. К тому же их еще и угнетало какое-то смутное ощущение собственной вины. Конечно, это было нелепо — думать так, потому что представлялось не столь уж важным, когда именно начинал полип свой очередной жизненный цикл, но они-то понимали, что причиной этой вот преждевременной метаморфозы явилось необычное волнение, вызванное именно их появлением.

Олвин сообразил, что теперь действовать нужно быстро, иначе представившаяся было возможность пропадет,— быть может, всего на несколько лет, но вполне вероятно — и на долгие столетия.

— Так что же вы решили? — с жадным любопытством спросил он.— Что, робот отправится с нами?

Наступила мучительная пауза, в течение которой полип пытался заставить свое расползающееся тело повиноваться ему. Речевая диафрагма затрепетала было, но никакого явственного звука не воспоследовало. Затем, словно бы в отчаянном жесте прощания, существо слабо шевельнуло своими дрожащими щупальцами и снова уронило их в воду, где они немедленно оторвались и куда-то уплыли. Через какие-то считанные минуты трансформация завершилась. Не осталось ни одного кусочка величиной более дюйма. А во-

да кишела крохотными зеленоватыми точками, которые, казалось, жили и двигались по своему собственному разумению и быстро исчезали в пространстве озера.

Рябь на поверхности теперь совершенно исчезла, и Олвин каким-то образом понял, что пульс, бившийся в глубинах озера, теперь умолк. Озеро снова стало мертво — или, по крайней мере, представлялось таким. Но конечно же, это была всего лишь иллюзия: настанет день, неведомые силы, которые безупречно действовали на протяжении всего долгого прошлого, снова проявят себя, и полип возродится. Это был совершенно необычный и исключительно тонкий феномен — но так ли уж он был более странен, чем организованность другой обширнейшей колонии самостоятельных живых клеток — человеческого тела?

Олвин не стал терять время на раздумья над всем этим. Он был подавлен поражением — даже если и не до конца представлял себе цель, к которой стремился. Им была упущена — и вряд ли теперь она повторится — ошеломляющая возможность. Он печально глядел на озеро, и прошло довольно продолжительное время, прежде чем его сознание восприняло какой-то сигнал извне,— это, оказывается, Хилвар что-то нашептывал ему в ухо:

— Слушай, Олвин, мне кажется, что в этом споре ты выиграл.

Олвин стремительно обернулся. Робот, который до сего момента праздно висел в воздухе, не приближаясь к ним больше чем на два десятка футов, оказывается, беззвучно переместился и теперь парил в ярде у него над головой. Неподвижные глаза, полем зрения которых была, по-видимому, вся передняя полусфера, ничем не выдавали, на что направлен его интерес. Но Олвин не сомневался — почти не сомневался,— что внимание робота сосредоточено теперь именно на нем.

Робот ждал его следующего шага. Наконец-то он был под контролем у Олвина! Он мог последовать за ним в Лиз, а может, и в Диаспар, если только не передумает. Ну а пока именно он, Олвин, был его временным хозяином!

ГЛАВА 14

Возвращение в Эрли заняло у них почти три дня — потому отчасти, что Олвин, в силу собственных своих причин, не слишком-то торопился. Физическое исследование страны отступило теперь на второй план, вытесненное более важным и куда более волнующим проектом: медленно, но верно он находил общий язык с этим странным, одержимым интеллектом, который стал отныне его спутником.

Олвин подозревал, что робот пытается использовать его в своих собственных целях. Он не мог до конца разгадать мотивы этого аппарата, поскольку робот по-прежнему упорно отказывался разговаривать с ним. По каким-то соображениям — возможно, из опасения, что робот выдаст слишком уж много своих тайн,— Мастер предусмотрел эффективную блокировку его речевых цепей, и все попытки Олвина снять эти запреты оказались безуспешными. Даже косвенные вопросы типа: «Если ты ничего мне не ответишь, я буду считать, что ты сказал "да"»,— провалились. Робот оказался слишком высокоорганизован, чтобы попасться в такую незатейливую ловушку.

Тем не менее в других сферах он проявил куда большую склонность к сотрудничеству. Он повиновался любым командам, которые не требовали выдачи какой-то информации. Спустя некоторое время Олвин обнаружил, что может повелевать этим устройством с такой же легкостью, как и роботами в Диаспаре,— одними мысленными приказаниями. Это был огромный шаг вперед. А немного спустя это создание — о нем трудно было думать как всего лишь о машине — еще больше ослабило свою настороженность и позволило Олвину пользоваться своими тремя глазами. Одним словом, оно не возражало против любых пассивных форм общения, но решительно пресекало все попытки Олвина сойтись поближе.

Хилвара оно совершенно игнорировало. Оно не повиновалось ни единой из его команд, и, похоже, мозг его был наглухо заперт для всех попыток Хилвара проникнуть в него. Сначала это было для Олвина своего рода разочарова-

ем — ведь он надеялся, что большая, чем у него самого, способность Хилвара к телепатии поможет ему открыть сундук с сокровищами столь надежно спрятанных воспоминаний. И только позже Олвин осознал, какое это преимущество — иметь слугу, не подчиняющегося больше никому в мире.

Членом экспедиции, который резко воспротивился присутствию робота, оказался Криф. То ли он вообразил, что теперь у него появился соперник, то ли из каких-то более общих соображений неодобрительно отнесся к существу, которое может летать без крыльев,— это было неясно. Когда никто на него не смотрел, он сделал несколько попыток напасть на робота, но тот привел его в еще большую ярость тем, что не обратил на эти наскоки ни малейшего внимания. В конце концов Хилвару удалось его успокоить, и, когда они уже возвращались в мобиле, Криф, похоже на то, примирился с ситуацией. Робот и насекомое, словно какой-то эскорт, сопровождали мобиль, беззвучно скользящий по лесам и полям, и каждый держался стороны, где сидел его хозяин, делая вид, что соперника просто не существует.

Когда мобиль вплыл в Эрли, Сирэйнис уже ждала их. Этих людей изумить чем-то просто невозможно, подумал Олвин. Взаимопереплетающееся сознание позволяло им знать все, что происходит в Лизе. Ему была интересна их реакция на его поведение в Шалмирейне, о котором, надо полагать, здесь уже знал каждый.

Сирэйнис казалась чем-то обеспокоенной и еще более неуверенной, чем когда-либо, и Олвин тотчас вспомнил выбор, перед которым его поставили. В треволнениях нескольких последних дней он почти забыл о нем. Ему не хотелось тратить силы на решение проблем, время которых еще не наступило. Но теперь вот срок подошел вплотную: ему предстояло принять решение — в каком из двух миров он хочет жить.

Голос Сирэйнис, когда она заговорила, был исполнен тревоги, и у Олвина внезапно родилось впечатление, что в тех планах, которые Лиз строил в отношении его, что-то не сработало. Что произошло здесь за время его отсутствия?

Побывали ли в Диаспаре эмиссары Лиза, чтобы провести манипуляции с мозгом Хедрона? И не постигла ли их неудача?

— Олвин,— начала Сирэйнис,— есть много такого, о чем я вам еще не рассказала, но теперь вам предстоит все это узнать, чтобы понять наши действия.

Вам известна одна из причин изоляции наших двух сообществ друг от друга. Страх перед Пришельцами, эта темная тень в сознании каждого человеческого существа, обратил ваших людей против мира и заставил их забыться в мирке собственных грез. Здесь, у нас, страх этот никогда не был столь велик, хотя это именно мы вынесли бремя последнего нашествия. За всеми нашими действиями были самые лучшие мотивы, и то, что мы сделали, мы сделали с открытыми глазами.

Давным-давно, Олвин, Человек мечтал о бессмертии и наконец добился своего. Но люди как-то забыли, что мир, отринувший смерть, обязательно должен отринуть и жизнь. Способность продлить свое существование до бесконечности может дать удовлетворение отдельному индивидууму, но она же обеспечивает застой сообществу людей. Много столетий назад мы принесли наше бессмертие в жертву развитию, но Диаспар все еще тешится ложной мечтой. Вот почему наши пути разошлись — и вот почему им никогда уже не соединиться.

Хотя Олвин почти ожидал именно этих слов, удар тем не менее был силен. И все же Олвин отказывался признать крушение своих планов, как бы смутны они ни были, и теперь воспринимал слова Сирэйнис только краешком сознания. Он понимал и фиксировал в памяти все, что она говорила, а сам в это же время мысленно снова возвращался в Диаспар, стараясь представить себе все те препятствия, которые могут оказаться воздвигнутыми на его пути.

Заметно было, что Сирэйнис чувствует себя не в своей тарелке. В голосе у нее звучала едва ли не мольба, и Олвин отлично понимал, что она обращается не только к нему, но и к своему сыну. Она прекрасно отдавала себе отчет в том взаимопонимании, в той приязни, которые выросли

между ними за дни их совместного путешествия. Пока мать говорила, Хилвар внимательно глядел на нее, и Олвину казалось, что в этом его взгляде отражалась не только известная обеспокоенность, но и некоторая доля критицизма.

— Мы вовсе не хотим принуждать вас делать что-либо против вашей воли. Но безусловно, вы должны понимать, что именно произойдет, если Диаспар и Лиз встретятся. Между нашими двумя культурами простирается пропасть столь же бездонная, как и та, что некогда разделяла Землю и ее древние инопланетные колонии. Подумайте хотя бы об одном этом факте, Олвин. Вы с Хилваром теперь одного примерно возраста. Но мы оба — и он, и я — будем уже мертвы на протяжении столетий, в то время как вы все еще будете оставаться юношей. И ведь это только первая из бесконечной череды ваших жизней.

В комнате было очень тихо — так тихо, что Олвину слышны были странные жалостные звуки, издаваемые в полях за поселком какими-то неведомыми ему животными. Наконец, почти шепотом, он произнес:

— Чего же вы хотите от меня?

— Мы надеялись, что сможем предоставить вам выбор — остаться здесь или вернуться в Диаспар. Но теперь это уже невозможно. Произошло слишком многое, чтобы мы могли оставить решение в ваших руках. Даже за то короткое время, что вы пробыли здесь, у нас, ваше влияние на умонастроения людей оказалось в высшей степени дестабилизирующим. Нет-нет, я вас вовсе не упрекаю. Я совершенно уверена, что вы не имели в виду нанести нам какой бы то ни было ущерб. Но было бы куда лучше предоставить создания, которые встретились вам в Шалмирейне, их собственной судьбе... Ну а что касается Диаспара...— Сирэйнис раздраженно повела плечами.— О том, куда вы отправились, там уже знают слишком много людей. Мы не успели вовремя предпринять необходимые действия. И, что уж совсем серьезно, человек, который помог вам открыть Лиз, исчез. Ни ваш Совет, ни наши агенты не смогли его обнаружить, так что он остается потенциальной угрозой нашей безопасности. Возможно, вы удивлены, что я все это вам рассказываю,

но, видите ли, я делаю это без малейшей опаски. Боюсь, Олвин, что теперь перед вами выбора уже нет: мы просто должны отослать вас в Диаспар с искусственным набором воспоминаний. Эти воспоминания сконструированы для вас с огромной тщательностью, и когда вы возвратитесь домой, то не будете помнить о нас ровно ничего. Вы будете убеждены, что пережили скучные, но довольно опасные приключения в каких-то пещерах, где своды то и дело обрушивались за вашей спиной и вы остались в живых потому только, что питались какими-то малоаппетитными сорняками, а воду с огромным трудом добывали в каких-то подземных родниках. Всю свою оставшуюся жизнь вы будете убеждены, что это и есть правда, и все в Диаспаре примут эту историю за истинную. Таким образом спрятана тайна, которая могла бы привлечь новых исследователей. Они будут думать, что уже знают о нашей земле все, что только можно узнать.

Сирэйнис умолкла и посмотрела на Олвина с мольбой. Пауза была недлинной.

— Мы очень сожалеем, что это необходимо, и просим у вас прощения, пока вы нас еще помните. Вы можете не принять наш вердикт и нашу логику, но ведь нам известно множество фактов, которые вам неведомы... По крайней мере, у вас не будет никаких сожалений, потому что вы будете верить, что открыли все, что только можно было обнаружить.

«Так ли это?» — подумал Олвин. Он сильно сомневался, что сможет снова погрузиться в рутину городского существования, даже если и убедит себя, что за стенами Диаспара нет ничего, достойного внимания. И более того, у него не было ни малейшего желания подвергаться такого рода эксперименту.

— И когда же вы намереваетесь произвести со мной эту... операцию? — спросил он.

— Немедленно. Вы уже готовы. Откройте мне свое сознание, как вы уже делали это прежде, и вы ничего не ощутите до тех пор, пока снова не окажетесь в Диаспаре.

Некоторое время Олвин молчал, а затем тихо произнес:

— Я хотел бы попрощаться с Хилваром.

Сирэйнис кивнула:

— Да, я понимаю. Я оставлю вас здесь на некоторое время и вернусь, когда вы почувствуете, что готовы.— Она прошла к лестнице, что вела вниз, внутрь дома, и оставила их на крыше одних.

Олвин заговорил со своим другом не сразу. Он испытывал огромную грусть и в то же самое время непоколебимую решимость не позволить, чтобы все его надежды пошли прахом. Еще раз взглянул он на поселок, в котором обрел известную толику счастья, на поселок, который ему, возможно, уже не увидеть снова, если те, кто стоит за Сирэйнис, все-таки добьются своего. Мобиль все еще парил под одним из раскидистых деревьев, а бесконечно терпеливый робот висел над ним. Несколько ребятишек сгрудились вокруг этого странного пришельца, но из взрослых никто, казалось, не проявлял ни малейшего любопытства к странному аппарату.

— Хилвар,— внезапно нарушил тишину Олвин,— мне очень жаль, что все так получается...

— И мне тоже,— немедленно отозвался Хилвар, и голос его дрогнул от сдерживаемого чувства.— Я так надеялся, что ты сможешь остаться здесь...

— Ты полагаешь, что то, что собирается сделать Сирэйнис,— это правильно?

— Не вини мать. Она только выполняет то, что ее попросили сделать,— ответил Хилвар.

Олвин не получил ответа на свой вопрос, но задать его снова не решился. Было бы непорядочно подвергать преданность друга такому испытанию.

— Тогда ты мне вот что скажи,— продолжал он.— Как твои люди могут меня остановить, если бы я вдруг попытался уйти от вас с нетронутой памятью?

— Это будет совсем нетрудно. Если бы ты сделал попытку уйти, они бы овладели твоим сознанием и заставили тебя вернуться.

Именно этого Олвин и ожидал, и это его не обескуражило. Ему страшно хотелось довериться Хилвару, который — это было совершенно ясно — сокрушался по поводу пред-

стоящего расставания, но он не решился подвергнуть свой план риску. Очень тщательно, выверяя каждую деталь, он снова просмотрел единственный путь, который только и мог привести его обратно в Диаспар — на нужных ему условиях.

Существовал лишь один рискованный момент, на который нужно было пойти и который он никак не мог устранить, чтобы защитить себя. Если Сирэйнис нарушила обещание и в эти вот минуты читала его мысли, то все его скрупулезные приготовления оказались бы ни к чему.

Он протянул Хилвару руку, тот крепко сжал ее, но не мог, казалось, вымолвить ни слова.

— Пойдем встретим Сирэйнис,— предложил Олвин.— Я бы хотел еще повидать некоторых жителей поселка, прежде чем уйти от вас.

Хилвар молча последовал за ним в прохладу дома и потом — через входные двери — на улицу, в кольцо из цветного стекла, окружающее дом. Сирэйнис ждала их там, и вид у нее был спокойный и решительный. Она, конечно, знала, что Олвин пытается что-то утаить от нее, и снова мысленно перебрала все предусмотренные ею меры предосторожности. Как человек, разминающий мускулы перед предстоящим ему большим усилием, она произвела смотр всему, что было в ее силах предпринять в случае необходимости.

— Вы готовы, Олвин? — спросила она.

— Совершенно готов,— ответил Олвин, но в голосе у него прозвучало нечто такое, что заставило Сирэйнис внимательно посмотреть на него.

— Тогда лучше всего будет, если вы сейчас отрешитесь от всех мыслей, как вы это уже умеете. После этого вы ничего не будете чувствовать и ничего не будете знать до тех пор, пока снова не окажетесь в Диаспаре.

Олвин повернулся к Хилвару и быстрым шепотом, которого Сирэйнис не могла услышать, произнес:

— До свидания, Хилвар! Не тревожься. Я еще вернусь.

И снова обратился к Сирэйнис:

— Я не возмущаюсь тем, что вы намереваетесь совершить. Вы, бесспорно, верите, что это лучший выход из по-

ложения, только вот, с моей точки зрения, вы сильно ошибаетесь. Диаспар и Лиз не должны оставаться навечно разобщенными. Надо думать, придет такой день, когда они отчаянно будут нуждаться в помощи друг друга. Вот поэтому-то я и отправляюсь домой со всем тем, что мне удалось здесь узнать, и я совсем не думаю, что вам удастся меня остановить.

Он не стал дожидаться ответа, и правильно сделал. Сирэйнис даже не пошевельнулась, но он тотчас же почувствовал, что его тело перестает ему повиноваться. Сила, столкнувшаяся с его волей, оказалась куда более могущественной, чем он ожидал, и это навело его на мысль, что Сирэйнис, возможно, помогало огромное число людей. Беспомощно повлекся он обратно к дому, и на какой-то ужасный момент ему даже подумалось, что великолепный его план провалился.

Но как раз в этот миг брызнуло сверкание металлического корпуса и кристаллических глаз и руки робота мягко сомкнулись вокруг него. Его тело боролось с ними, и он знал, что оно так и должно себя вести, но борьба эта была бессмысленной. Земля ушла у него из-под ног, и на мгновение он увидел Хилвара, застывшего в совершеннейшем изумлении, с глуповатой улыбкой на лице.

Робот перенес его на несколько десятков футов гораздо быстрее, чем человек мог бы пробежать это расстояние. Сирэйнис потребовалось всего лишь мгновение, чтобы понять его ход, и он перестал извиваться в руках своего робота, когда она сняла контроль над его телом. Но Сирэйнис все еще не была побеждена, и тотчас же наступило то, чего Олвин боялся и с чем приготовился сражаться изо всех сил.

В его мозгу боролись теперь две совершенно различные сущности. Одна из них умоляла робота опустить его на землю. Настоящий Олвин, у которого перехватило дыхание, ждал, лишь вяло сопротивляясь тем силам, которых, он знал, ему не преодолеть. Это был азартный расчет: не существовало никакой возможности заранее предсказать с уверенностью, что робот, этот его ненадежный союзник, станет повиноваться тем сложным приказам, которые он ему отдал.

Олвин сказал роботу, чтобы тот ни при каких обстоятельствах не повиновался его же, Олвина, командам, пока он не очутится в безопасности в Диаспаре. Таков был жесткий приказ. Если он окажется выполнен, то это будет означать, что Олвин вручил свою судьбу силам, которым совершенно не страшно вмешательство человека.

Без малейшего колебания робот устремился вдоль тропы, которую Олвин так тщательно нанес на карту его памяти. Часть сознания юноши все еще гневно умоляла, чтобы его освободили, но он уже понимал, что спасен. И тотчас же это поняла и Сирэйнис, потому что конфликтующие силы в его мозгу прекратили бороться друг с другом. Снова он был спокоен, как был спокоен тысячелетия назад другой путешественник, когда, привязанный к мачте своего корабля, он услышал, как пение сирен затихает над морем цвета темного вина.

ГЛАВА 15

Олвин не успокоился до тех пор, пока вокруг него снова не сомкнулись своды пещеры самодвижущихся дорог. Все еще существовала опасность, что Лиз сможет остановить или даже повернуть вспять вагон, в котором он мчался, и привезти его, беспомощного, в точку старта. Его возвращение, однако, стало ничем не примечательным повторением путешествия в Лиз. Через сорок минут после того, как он покинул станцию отправления, он оказался в усыпальнице Ярлана Зея.

Прокторы Совета, задрапированные в официальные черные одежды, которые были их униформой на протяжении столетий, уже ждали его. При виде этого «комитета по встрече» Олвин ничуть не удивился и почти не испытал никакой тревоги. К этому времени он преодолел такое количество всевозможных препятствий, что еще одно дела не меняло. С тех пор как он оставил Диаспар, он узнал такое количество всего, что с этим огромным знанием пришла и уверенность, граничащая с высокомерием. Кроме того, теперь у

него был могущественный, хотя и не совсем надежный союзник. Лучшие умы Лиза не смогли противостоять его планам. Трудно сказать почему, но Олвин был уверен, что у Диаспара дела пойдут не лучше.

Под этой уверенностью были, конечно, и рациональные основания, но в целом она держалась на чем-то таком, что выходило за пределы рационального,— это вера в свое предназначение медленно, но упрямо укреплялась в сознании Олвина. Загадка его происхождения, успехи в достижении такого, что не удавалось еще ни одному человеку, новые перспективы, открывавшиеся перед ним, и то, что его не смогли остановить никакие препятствия,— все это только укрепляло его самоуверенность. Вера в собственную судьбу была одним из наиболее ценных даров, доставшихся Человеку, но Олвин не знал, сколь многих эта вера привела к полной катастрофе.

— Олвин,— обратился к нему предводитель городских прокторов,— у нас есть приказ следовать за тобой, куда бы ты ни направился,— до тех пор пока Совет не заслушает твое дело и не вынесет свой вердикт.

— И в чем же меня обвиняют? — поинтересовался Олвин.

Он все еще переживал волнение, связанное с побегом, и никак не мог принимать всерьез этот новый поворот событий. А по поводу того, что Шут выдал его тайну, он испытал лишь мимолетное раздражение.

— Никаких обвинений не выдвинуто,— последовал ответ.— Если это окажется необходимым, то обвинение будет сформулировано после того, как тебя выслушают.

— И когда же это случится?

— Очень скоро, я полагаю.

Проктор, по всей видимости, испытывал неловкость и не был уверен, как именно следует ему выполнять свою малоприятную миссию. Он разговаривал с Олвином то как со своим товарищем-согражданином, то вдруг вспоминал о долге стража и напускал на себя преувеличенную отчужденность.

— Этот робот,— произнес он вдруг, указывая на спутника Олвина,— откуда он? Это что, один из наших?

— Да нет,— ответил Олвин.— Я подобрал его в Лизе — ну, в той стране, где я побывал. Я привел его сюда, чтобы он встретился с Центральным Компьютером.

Это спокойное заявление вызвало серьезное замешательство. Нелегко было принять уже тот факт, что существовало что-то и за пределами Диаспара, но то, что Олвин еще и привел с собой одного из обитателей того мира и предполагал познакомить его с мозгом города, было гораздо хуже. Взгляды, которыми обменялись прокторы, были столь беспомощными и тревожными, что Олвин едва удержался от смеха.

Пока они шли через Парк — эскорт при этом держался в почтительном отдалении и переговаривался взволнованным шепотом,— Олвин взвешивал свой следующий шаг. Первое, что он должен сделать, это выяснить в точности, что же произошло здесь за время его отсутствия. Сирэйнис сказала, что Хедрон исчез. В Диаспаре можно было найти бессчетное число мест, где человек мог бы надежно укрыться, а поскольку Шут знал город, как никто другой, маловероятно было, что его найдут, если только он сам не решит снова выйти на люди. Олвину пришло в голову, что, возможно, ему удастся оставить записку где-нибудь в таком месте, что Хедрон просто не сможет ее не обнаружить, и договориться о встрече. Впрочем, присутствие охраны могло этому и помешать.

Ему пришлось признать, что наблюдение за ним вели весьма деликатно. К тому времени, как он добрался до своей комнаты, он почти забыл о существовании прокторов. Он полагал, что ему не помешают передвигаться свободно до тех пор, пока он не вознамерится снова покинуть Диаспар, но сейчас такого намерения у него не было. В сущности, он был твердо убежден, что возвратиться в Лиз прежним маршрутом станет уже невозможно. Подземная транспортная система уже, без сомнения, выведена из строя Сирэйнис и ее коллегами.

Прокторы не прошли за ним в комнату. Им было известно, что выход из нее имеется только один, и поэтому они расположились снаружи. Не имея инструкций касательно

робота, они позволили ему сопровождать Олвина. У них не было ни малейшего желания связываться с этой машиной, чужеземное происхождение которой представлялось столь очевидным. По поведению ее они не могли судить, является ли она пассивным слугой Олвина или же действует, повинуясь собственным установкам. Принимая во внимание эту неопределенность, они, к полному своему удовлетворению, согласились оставить робота в покое.

Как только стена за ним сомкнулась, Олвин материализовал свой любимый диван и бросился на него. Нежась в знакомой обстановке, он вызвал из памяти города свои последние упражнения в живописи и скульптуре и принялся критически их разглядывать. Если они и прежде его не удовлетворяли, то теперь стали вдвойне неприятны, и он уже никак не мог заставить себя ими гордиться. Личности, которая создала их, больше не существовало. Олвину казалось, что несколько дней, проведенных им за пределами Диаспара, вместили в себя впечатления целой жизни.

Все эти многочисленные произведения периода своего отрочества он уничтожил — стер их навсегда, не став возвращать в Хранилища Памяти. Комната снова стала пуста, если не считать этого вот дивана, на котором он развалился, да робота, по-прежнему глядящего на него широко раскрытыми глазами неизмеримой глубины.

«Что думает робот о Диаспаре?» — мелькнула мысль. Но тут же Олвин припомнил, что робот вовсе не является для города чужаком: ведь он знавал город еще во времена его последних контактов со звездами.

Только совершенно освоившись с мыслью, что он снова дома, Олвин начал обзванивать друзей. Начал он с Эристона и Итании, хотя продиктовано это решение было скорее чувством долга, чем желанием снова видеть их и говорить с ними. Он не слишком опечалился, когда домашний коммуникатор приемных родителей сообщил ему, что связаться с ними нельзя, но все же оставил обоим коротенькое уведомление, что вернулся. Это было совсем не обязательно, поскольку теперь о его возвращении знал уже весь город. Тем не менее он надеялся, что они оценят его предусмот-

рительность. Он начал постигать науку осторожности — хотя еще и не осознал, что, как и от множества других добродетелей, от заботливости мало проку, если она не бессознательна.

Затем, действуя по внезапному наитию, Олвин вызвал номер, который Хедрон сообщил ему столь давно в башне Лоранна. Ответа он, само собой, не ожидал, но всегда сохранялась вероятность, что Хедрон все-таки оставил для него весточку.

Догадка оказалась справедливой. Но вот содержание послания было потрясающе неожиданным.

...Стена растворилась, и перед ним оказался Хедрон. Шут выглядел усталым и нервничающим, это был уже не тот уверенный в себе, слегка циничный человек, что направил Олвина по тропе, ведущей в Лиз. В глазах у него притаилось выражение загнанного зверя, а голос звучал так, словно у него уже не оставалось времени на разговоры.

— Это запись, Олвин,— начал он.— Ее можешь просмотреть только ты, и я разрешаю тебе использовать то, что ты сейчас узнаешь, как только тебе заблагорассудится. Мне уже все равно.

Когда я возвратился в усыпальницу Ярлана Зея, то обнаружил, что Алистра, оказывается, следила за нами. Надо думать, она сообщила Совету, что ты покинул Диаспар и что я тебе в этом помог. Очень скоро прокторы начали меня искать, и я решил уйти в подполье. Я к этому привык, мне уже приходилось поступать точно так же, когда некоторые мои шутки не встречали понимания... («Вот он, старый Хедрон!» — подумал Олвин.) Им бы не найти меня и в тысячу лет, но я чуть не попался кому-то постороннему. В Диаспаре есть чужаки, Олвин! Они могли прийти только из Лиза, и они ищут меня. Не знаю, к чему бы это, только мне все это как-то не нравится. То обстоятельство, что они чуть меня не поймали,— это в городе-то, где все для них, казалось бы, необычно и чуждо,— свидетельствует, что они вооружены телепатическими способностями. Я мог бы схватиться с Советом, но тут передо мной какая-то непостижимая угроза, и противостоять ей я не решаюсь.

Вот почему я просто предвосхищаю тот шаг, который мне, как я полагаю, все равно пришлось бы сделать по настоянию Совета,— мне ведь этим уже угрожали. Я отправляюсь туда, где никто уже не может меня настичь и где я пережду любые катаклизмы, какие только могут обрушиться на Диаспар. Быть может, я поступаю глупо. Но докажет это только время. В один прекрасный день я буду знать ответ.

Ты, конечно, уже догадался, что я последовал обратно, в Зал Творения, в безопасный мир Хранилищ Памяти. Что бы ни случилось, я целиком и полностью доверяюсь Центральному Компьютеру и силам, которые подвластны ему во имя процветания Диаспара. Если что-то нарушит работу Цéнтрального Компьютера, то всем нам крышка. Ну а если нет, то мне нечего опасаться.

Мне покажется, что пролетит всего какой-то миг до того момента, когда я снова выйду на улицы Диаспара — через пятьдесят, а то и через сто тысяч лет. Интересно, какой город предстанет передо мной?.. Будет занятно, если я еще найду тебя в нем... И все же, как мне кажется, настанет день, когда мы снова встретимся. Не знаю — жду ли я этой встречи с нетерпением или боюсь ее...

Я никогда не понимал тебя, хотя было время — я оказался достаточно тщеславен тогда, чтобы думать, будто понимаю. Правду знает только Центральный Компьютер, и он же знает всю правду о тех Неповторимых, которые время от времени, на протяжении минувших тысячелетий, появлялись и бесследно исчезали. Интересно, выяснил ты уже или еще нет, что же именно с ними происходило?..

Одна из причин того, что я бегу в будущее, состоит, я полагаю, в том, что я нетерпелив. Мне страстно хочется побыстрее увидеть результаты начатого тобой, но мне нож острый — наблюдать все промежуточные стадии, которые — есть у меня такое подозрение — могут оказаться достаточно неприятными. Было бы интересно увидеть — в том мире, который будет вокруг меня через несколько коротких минут относительного времени,— помнят ли тебя как творца или как разрушителя, да и помнят ли вообще.

До свидания, Олвин. Мне хотелось бы дать тебе несколько советов, но я как-то не думаю, чтобы ты им последовал. Ты пойдешь собственным путем, как ты это всегда и делал, а твои друзья будут для тебя либо инструментами, которые следует использовать, либо ненужным балластом — смотря по сиюминутной ситуации.

Вот и все... Не знаю, что мне еще сказать...

Какое-то мгновение Хедрон — Хедрон, которого больше не существовало, если не принимать во внимание калейдоскоп электрических зарядов в ячейках памяти города,— еще смотрел на Олвина с неприязнью и, похоже, с грустью. После чего экран снова опустел.

Когда изображение Хедрона исчезло, Олвин долго еще оставался недвижим. Ни разу за все прошедшие годы он не вглядывался в себя так, как сейчас, потому что не мог не согласиться с той правдой, что прозвучала в словах Хедрона. Когда это, спрашивается, было, чтобы он остановился, отложил в сторону все свои планы, все свои авантюры, чтобы задуматься — а как все это повлияет на судьбу его друзей? Пока что он доставлял им только беспокойство, но вот вскоре может присовокупить к этому и нечто куда более худшее — и все из-за своей ненасытной любознательности и настойчивого стремления постичь то, что не должно быть постигнуто человеком.

Хедрона он не любил. Эксцентрическая натура Шута как-то не располагала к более теплым отношениям, даже если бы Олвин к ним и стремился. И все же, размышляя сейчас над прощальными словами Хедрона, он был буквально ошеломлен внезапно пробудившимися угрызениями совести. Ведь Шуту пришлось бежать в будущее именно из-за него, Олвина!..

Но уж конечно, нетерпеливо возражал самому себе другой Олвин, винить себя в этом просто глупо. Бегство Шута лишь неопровержимо доказало известное — а именно, что Хедрон был трусом. Очень может быть, он в этом отношении и не выделялся из остальных жителей Диаспара, но ему не повезло — у него оказалось слишком уж сильно развитое воображение. Поэтому если Олвин и мог принять на

себя некоторую долю ответственности за судьбу Шута, то действительно всего лишь некоторую, но уж никак не всю.

Кому еще в Диаспаре он навредил, кого опечалил? Он подумал о Джизираке, своем наставнике, который был так терпелив с ним, своим, должно быть, самым трудным учеником. Он припомнил все самые малейшие знаки доброты, которые проявляли по отношению к нему его родители все эти годы. Теперь это представлялось ему куда более значительным, чем в свое время.

И еще он подумал об Алистре. Она любила его, а он то принимал, то отвергал ее любовь — по своей прихоти. Быть может, откажись он от нее совсем, она стала бы хоть ненамного счастливее?

Теперь он понимал, почему никогда не испытывал по отношению к Алистре ничего похожего на любовь — ни к ней, ни к какой-нибудь другой женщине в Диаспаре. Это был еще один урок из тех, что преподал ему Лиз. Диаспар многое забыл, и среди забытого оказался и подлинный смысл любви. В Эрли он наблюдал, как матери тетешкали на руках своих малышей, и сам испытал эту нежность сильного, нежность защитника по отношению ко всем маленьким и таким беспомощным существам, которая есть альтруистический близнец любви. А вот в Диаспаре теперь не было уже ни одной женщины, которая знала бы или стремилась бы к тому, что когда-то являлось венцом любви.

В бессмертном городе не было ни сильных чувств, ни глубоких страстей. Вполне возможно, подобные чувства могли расцвесть только в силу своей преходящности, ибо не могли длиться вечно и всегда были угнетены той тенью неизбежности, которую Диаспар уничтожил.

Это и был момент — если он вообще когда-нибудь существовал,— такой момент, когда Олвин осознал, какой же должна быть его судьба. До сих пор он выступал как бессознательный исполнитель собственных импульсивных желаний. Будь он знаком со столь архаичной аналогией, он мог бы сравнить себя со всадником на закусившей удила лошади. Она пронесла его по множеству странных мест и могла бы снова это сделать, но дикий ее галоп показал ему ее силу и научил осознанию собственной цели.

Эти раздумья Олвина внезапно прервал мелодичный звонок стенного экрана. Тембр сигнала подсказал ему, что это не был звонок связи — кто-то лично явился навестить его. Он дал сигнал «впустить» и через несколько мгновений оказался лицом к лицу с Джизираком.

Наставник выглядел суровым, но никакой враждебности в нем не чувствовалось.

— Меня попросили привести тебя в Совет, Олвин,— сказал он.— Совет ждет, он хочет послушать тебя.— В этот момент Джизирак заметил робота и принялся с любопытством его разглядывать.— Так это, значит, и есть тот самый спутник, которого ты привел с собой из путешествия! Я полагаю, будет правильно, если он отправится вместе с нами.

Это как нельзя более устраивало Олвина. Робот однажды уже вызволил его из опасной ситуации, и, возможно, ему, Олвину, придется снова прибегнуть к его помощи... Ему было страшно интересно узнать, что думает эта машина о тех приключениях и сложностях, в которые он ее вовлек, и в тысячный раз пожалел, что от него скрыто все, что происходит внутри этого на крепкие замки запертого разума. У него сложилось впечатление, что робот решил пока просто наблюдать, анализировать и делать собственные выводы, не предпринимая никаких самостоятельных действий до тех пор, пока время, по его мнению, не созрело. А тогда — возможно, совершенно внезапно — он может вознамериться начать действовать. Единственное, что никак не устраивало Олвина, так это то, что поступки робота могут не совпасть с его собственными планами. Его единственный союзник был связан с ним чрезвычайно слабыми ниточками собственного интереса и мог покинуть его в любой момент.

Алистра ждала их на пандусе, сбегающем к улице. Даже если бы Олвину и захотелось взвалить на нее вину за ту роль, которую она сыграла в обнаружении его тайны, у него не хватило бы на это духу. Ее отчаяние было слишком очевидным, а когда она метнулась ему навстречу, глаза у нее были полны слез.

— Ах, Олвин! — всхлипывала она.— Что им от тебя нужно?..

Олвин взял ее ладошки в руки с нежностью, которая удивила их обоих.

— Да не волнуйся, Алистра,— проговорил он.— Все будет хорошо. Ведь, в конце-то концов, даже в самом худшем случае Совет может всего-навсего отправить меня в Хранилища Памяти, но, знаешь, мне как-то не верится, что они на это пойдут.

Ее красота и очевидное отчаяние были так привлекательны, что даже в эту минуту Олвин почувствовал, что его тело на свой обычный манер откликается на присутствие девушки. Но это был всего лишь физический порыв. Он, конечно, не относился к нему с презрением, но одного его уже было недостаточно. Осторожно высвободив руки, он повернулся и следом за Джизираком отправился в Зал Совета.

Сердце Алистры изнывало от одиночества, однако горечи она уже не испытывала, когда глядела ему вослед. Теперь она знала, что Олвин не потерян для нее, потому что он никогда ей и не принадлежал. И, приняв это, она стала собираться с силами, чтобы уберечь себя от тщетных сожалений.

Олвин едва замечал любопытствующие или испуганные взгляды своих сограждан, когда он и его свита шли по знакомым улицам. Он все повторял в уме аргументы, которые ему, возможно, придется пустить в ход, и облекал свой рассказ в форму, наиболее для себя благоприятную. Время от времени он принимался уверять себя, что ни чуточки не встревожен и что именно он все еще является хозяином положения.

В приемной они прождали всего несколько минут, но Олвину этого хватило, чтобы подивиться — почему это, если ему ничуть не страшно, он ощущает такую вот странную слабость в коленках. Ощущение это было знакомо — по тем временам, когда он с трудом заставлял себя в Лизе взбираться по склону того холма, с вершины которого Хилвар показал ему водопад и откуда они увидели взрыв света, приведший их обоих в Шалмирейн. Что-то сейчас поделывает Хилвар, подумалось ему, и суждено ли им встретиться снова? И тотчас же ему представилось страшно важным, чтобы это оказалось возможным.

Огромные двери разошлись в стороны, и вслед за Джизираком он вошел в Зал Совета. Все двенадцать его членов уже сидели вокруг своего стола, сделанного в виде полумесяца, и Олвину польстило, что он не увидел ни одного незанятого места. Вполне возможно, Совет в полном своем составе собрался впервые за много столетий. Как правило, его редкие заседания были пустой формальностью, поскольку все текущие дела решались через видеосвязь и в случае необходимости беседой председателя Совета с Центральным Компьютером.

Большинство из членов Совета Олвин знал в лицо, и присутствие такого числа знакомых придало ему уверенности. Как и Джизирак, эти люди не казались настроенными враждебно, они были всего-навсего изумлены и сгорали от нетерпения. В конце концов, все они были носителями здравого смысла. Они могли испытывать раздражение от того, что кто-то доказал им, что они ошибаются, но Олвину не верилось, что они затаили против него недоброжелательство. Когда-то такой вот выход мог оказаться чересчур поспешным, однако человеческая природа в некотором смысле улучшилась.

Они выслушают его без всякой предвзятости, но вся штука-то была в том, что как раз их мнение и не имело решающего значения. Его, Олвина, судьей будет не Совет. Им станет Центральный Компьютер.

ГЛАВА 16

Не было никаких формальностей. Председатель объявил заседание открытым и повернулся к Олвину.

— Мы бы хотели, Олвин,— произнес он достаточно благожелательно,— чтобы ты рассказал нам, что произошло с тобой с того времени, как ты исчез десять дней назад.

Употребление слова «исчез» означает очень многое, подумалось Олвину. Даже и сейчас Совету не хотелось признавать, что Олвин побывал за пределами Диаспара. Он подумал — а знают ли эти люди о том, что в городе бывают

чужие, и, в общем, усомнился в этом. Будь это так, они высказали бы куда больше тревоги.

Он рассказал свою историю ясно и ничуть ее не драматизируя. Она и без того была достаточно невероятна для их ушей и никаких украшательств не требовала. Только в одном месте он отошел от строго фактического изложения событий, ни слова не сказав о том, каким образом ему удалось ускользнуть из Лиза. Представлялось более чем вероятным, что к этому методу ему придется прибегнуть снова.

Было очень интересно наблюдать, как мало-помалу отношение членов Совета к его рассказу изменялось. Сначала за столом сидели скептики, отказывающиеся примириться́ с отрицанием, по сути дела, всего, во что они верили, с разрушением своих сокровеннейших предрассудков. Когда Олвин поведал им о своем страстном желании исследовать мир, лежащий за пределами города, и о своем ни на чем, в сущности, не основанном убеждении, что такой мир в действительности существует, они смотрели на него как на какое-то диковинное существо. Но в конце концов им пришлось допустить, что он оказался прав, а они ошибались. По мере того как разворачивалась одиссея Олвина, сомнения, которые еще могли у них оставаться, постепенно рассеивались. Им могло очень и очень не нравиться то, что он им рассказывал, но они более не в состоянии были закрывать глаза на факты. Если у них и появлялось такое искушение, то стоило только кинуть взгляд на молчащего спутника Олвина, чтобы тотчас избавиться от него.

Лишь один аспект всей этой истории привел их в раздражение, да и то направлено оно оказалось не на него. Гул недовольства пронесся над столом, когда Олвин рассказал о страстном желании Лиза избежать нечистого контакта с Диаспаром и о шагах, которые предприняла Сирэйнис, чтобы избежать этой, с ее точки зрения, катастрофы. Город гордился своей культурой, и к этому у него были все основания. И то обстоятельство, что кто-то позволял себе рассматривать жителей Диаспара как какие-то существа низшего порядка, было для членов Совета просто невыносимо.

Олвин очень старался, чтобы ничем не задеть слушателей. Ему хотелось привлечь Совет на свою сторону. Он все время пытался создать впечатление, что не видит ничего плохого в том, что совершил, и что за свои открытия он скорее надеется получить похвалу, а не порицание. Это была самая лучшая из всех возможных тактик, ибо она заранее обезоруживала возможных критиков. Кроме того, она до некоторой степени возлагала всю вину на скрывшегося Хедрона. Слушателям было ясно, что сам Олвин — существо слишком уж юное — не мог усмотреть в том, что он совершает, какой-то опасности. Шуту же, напротив, следовало бы отдавать себе отчет в том, что он действует исключительно безответственно. Они еще не знали, насколько сам Хедрон был с ними согласен.

Наставник Олвина тоже заслуживал некоторого порицания, и время от времени кое-кто из советников бросал на него задумчивые взоры. Джизирак, казалось, не обращал на это никакого внимания, хотя, конечно, великолепно понимал, какие именно мысли бродят в этих головах. В том, чтобы быть наставником этого самого оригинального ума из всех появлявшихся в Диаспаре со времен Рассвета, была известная честь, и в этом-то никто Джизираку не мог отказать.

Олвин не стал ни в чем убеждать членов Совета, пока не закончил рассказ о своих приключениях. В общем, ему нужно было как-то уверить этих людей в истинности всего увиденного им в Лизе, но как он, спрашивается, мог заставить их сейчас понять и представить себе то, чего они никогда не видели и едва ли могли себе вообще вообразить?

— Мне представляется большой трагедией,— говорил Олвин,— что две сохранившиеся ветви человечества оказались разобщенными на такой невообразимо огромный отрезок времени. Возможно, он и наступит, тот день, когда мы узнаем, почему так произошло, но сейчас куда более важно поправить дело и принять все меры к тому, чтобы впредь такого не случилось. Когда я был в Лизе, то протестовал против мнения, что они превосходят нас. У них может оказаться много такого, чему они в состоянии нас научить, но

ведь и мы можем дать им многое. Если же мы станем считать, что нам нечего почерпнуть друг у друга, то разве не очевидно, что не правы будут и те и другие?

Он выжидательно посмотрел на полукольцо лиц и с воодушевлением продолжил:

— Наши предки построили общество, которое достигло звезд. Люди перемещались между этими мирами, как им заблагорассудится, а теперь их потомки носа не высунут за стены своего города. Хотите, я скажу вам почему.— Он сделал паузу. В огромном пустом помещении никто не шелохнулся.— Да потому, что мы боимся — боимся чего-то, что случилось на самой заре истории. В Лизе мне сказали правду, хотя я и сам давно уже об этом догадался. Неужели же мы должны вечно, как сущие трусы, отсиживаться в Диаспаре, делая вид, что, кроме него, ничего больше не существует, и только потому, что миллиард лет назад Пришельцы загнали нас на Землю?

Он затронул их потаенный страх — страх, которого он никогда не разделял и всей глубины которого он никогда полностью не мог оценить. Пусть-ка теперь поступают как хотят. Он высказал им правду, как он ее понимал.

Председатель Совета, нахмурившись, посмотрел на него:

— У тебя есть еще что-нибудь, что ты хотел бы сказать? Прежде чем мы начнем обсуждение, что же следует предпринять...

— Только одно. Я бы хотел отвести этого робота к Центральному Компьютеру.

— Но зачем? Ты же знаешь, что Компьютеру уже известно все, что произошло в этом зале.

— И все-таки я считаю это необходимым,— вежливо, но упрямо проговорил Олвин.— Я прошу разрешения у Совета и у Компьютера.

Раньше, чем председатель смог ответить, в тишине зала раздался голос — ясный и спокойный. Никогда прежде за всю свою жизнь Олвин не слышал его, но он знал, чей это голос. Информационные машины — не более чем периферийные устройства этого гигантского разума — тоже умели разговаривать с человеком, но в их голосах не было этого безошибочного оттенка мудрости и властности.

— Пусть он придет ко мне,— произнес Центральный Компьютер.

Олвин перевел взгляд на председателя. Надо отдать ему должное, он не пытался торжествовать свою победу.

Он просто спросил:

— Вы разрешите мне покинуть вас?

Председатель оглядел Зал Совета, не увидел ни малейшего движения несогласия и ответил — несколько беспомощно:

— Очень хорошо... Прокторы пойдут с тобой, а когда мы закончим обсуждение, то приведут тебя обратно.

Олвин слегка поклонился в знак признательности, огромные двери снова раздвинулись перед ним, и он медленно вышел из зала. Джизирак последовал за ним и, когда створки дверей снова сомкнулись, повернулся к своему воспитаннику.

— Как ты думаешь, что теперь сделает Совет? — нетерпеливо спросил тот.

Джизирак улыбнулся.

— Нетерпелив, как всегда? Верно? — сказал он.— Не знаю, чего стоит моя догадка, но полагаю — они постановят запечатать усыпальницу Ярлана Зея, чтобы никто никогда не смог повторить твое путешествие... И Диаспар сможет продолжать жить прежней жизнью, не тревожимый внешним миром.

— Этого-то я и боюсь,— горько проговорил Олвин.

— А ты все еще надеешься не допустить этого?

Олвин ответил не сразу. Он понимал, что Джизирак разгадал его намерения, но уж конкретные-то планы его он никак не мог предугадать, поскольку никаких таких планов не существовало. Он вступил в полосу, когда на каждую новую ситуацию он мог откликаться всего-навсего импровизацией.

— Ты винишь меня? — наконец произнес он, и Джизирак удивился новой нотке, прозвучавшей в голосе юноши. Он услышал в нем какой-то намек на униженность и едва заметное напоминание о том, что впервые за все время Олвину понадобилось словечко одобрения от товарища.

Джизирака это тронуло, но он был достаточно мудр, чтобы не принимать всерьез эту слабость. Олвин сейчас находился в состоянии огромного напряжения, и было бы опрометчиво думать, что это вот внезапное исправление его характера может вдруг обернуться чем-то постоянным.

— На этот вопрос ответить очень нелегко,— медленно проговорил Джизирак.— Меня так и подмывает напомнить тебе, что любое знание ценно, и просто глупо было бы отрицать, что ты очень многое добавил к нашему знанию. Но ведь ты также умножил и число подстерегающих нас опасностей... А в конечном счете — что окажется важней? Как часто ты задумывался над этим?

Несколько секунд учитель и ученик пристально смотрели друг на друга, и каждый, возможно, понимал другого яснее, чем когда-либо прежде. Затем, повинуясь одному и тому же импульсу, они направились по длиннейшему коридору прочь от Зала Совета, а их молчаливый эскорт терпеливо последовал за ними в некотором отдалении.

...Эти пространства — Олвин хорошо это понимал — не были предназначены для Человека. Под пронзительным сиянием голубых огней — настолько ослепительных, что от них больно было глазам,— длинные и широкие коридоры простирались, казалось, в бесконечность. Роботы Диаспара, должно быть, скользили по этим переходам с незапамятных времен, но стены здесь еще ни разу не отзывались эхом на звук человеческих шагов.

Здесь раскинулся подземный город — город машин, без которых Диаспар не мог существовать. В нескольких сотнях ярдов впереди коридор открывался в круглое помещение диаметром более чем в милю, свод которого поддерживали огромные колонны,— там, на поверхности, на них опирался фундамент и весь неизмеримо огромный вес Центральной Энергетической.

Это и было помещение Центрального Компьютера. Именно здесь он каждый мельчайший миг размышлял над судьбой Диаспара.

Олвин разглядывал помещение. Оно оказалось даже более обширным, чем он решался себе представить, но где же

был сам Компьютер? Почему-то Олвин ожидал увидеть одну исполинскую машину, хотя в то же самое время и понимал, что такое представление достаточно наивно. Величественная и лишенная всякого видимого смысла панорама, распахнувшаяся перед ним, заставила его застыть в изумлении, сдобренном значительной долей неуверенности.

Коридор, по которому они пришли сюда, обрывался высоко в стене, замыкающей это огромное пространство — самую гигантскую из всех пещер, когда-либо вырытых человеком. По обе стороны устья коридора длиннейшие пандусы полого спускались вниз, к далекому полу. И все это залитое нестерпимым светом место покрывали сотни гигантских белых структур, настолько порой неожиданных по форме, что какое-то мгновение Олвину чудилось, будто он видит необыкновенный подземный город. Это впечатление было поразительно живым и осталось в памяти Олвина на всю жизнь. И нигде глаз его не встречал того, что он так ожидал увидеть,— не было знакомого блеска металла, этой от века непременной принадлежности любого машинного слуги человека.

Здесь находились продукты конечной стадии эволюционного процесса — почти столь же долгого, как и эволюция самого человечества. Его начало терялось в тумане Веков Рассвета, когда люди впервые научились сознательно использовать энергию и пустили по городам и весям свои лязгающие машины. Пар, воду, ветер — все запрягли они в свою упряжку на некоторое время, а затем отказались от них. На протяжении столетий энергия горения давала жизнь миру, но и она оказалась превзойдена, и с каждой такой переменой старые машины предавались забвению, а их место занимали новые. Очень медленно, в течение тысячелетий, люди приближались к идеальному воплощению машины — воплощению, которое когда-то было всего лишь мечтой, затем — отдаленной перспективой и наконец стало реальностью:

НИ ОДНА МАШИНА
НЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ ДВИЖУЩИЕСЯ ЧАСТИ.

Это был идеал. Чтобы достичь его, человеку, возможно, потребовалось сто миллионов лет, и в момент своего триумфа он навсегда отвернулся от машины. Она достигла своего логического завершения и отныне уже сама могла вечно поддерживать свое собственное существование, верно служа Человеку.

Олвин больше не спрашивал себя, какие же из этих не издающих ни звука белых сооружений были Центральным Компьютером. Он знал, что гигантская машина вбирает их все, а сама простирается далеко за пределы этого вот помещения, ибо включает в себя и все остальные машины, имеющиеся в Диаспаре,— движущиеся и неподвижные. Его собственный мозг был суммой многих миллиардов отдельных клеток, собранных в пространстве размерами всего в несколько дюймов, а физические элементы Центрального Компьютера были рассеяны по всему пространству Диаспара. В этом же зале могла располагаться не более чем коммутационная система, с помощью которой мириады отдельных частей Компьютера подключались друг к другу.

Не очень представляя себе, куда же теперь направиться, Олвин смотрел вниз, на огромные пологие дуги пандусов и на все, что простиралось за ними. Центральный Компьютер должен знать, что он уже здесь, как он знает обо всем, что происходит в Диаспаре. Олвину оставалось только ждать от него инструкций.

Уже знакомый, но по-прежнему вызывающий благоговение голос был так тих и раздался так близко от Олвина, что тому даже показалось, что Джизирак вряд ли его слышит.

— Спуститесь по левому пандусу,— сказал голос.— Там я дам вам новые инструкции.

Олвин медленно двинулся вниз по покатой плоскости, и робот по-прежнему реял над ним. И Джизирак, и прокторы остались на своих местах. Интересно, подумалось Олвину, получили ли они приказание оставаться наверху или же решили, что им и отсюда все будет отлично видно и поэтому нет никаких причин к тому, чтобы утомлять себя долгим спуском. Или, возможно, они до такой степени прибли-

зились к святая святых Диаспара, что просто не могли найти в себе решимость двинуться дальше?

Пандус кончился, и тихий голос дал Олвину новое направление. Он выслушал и двинулся по широкой улице между спящими титаническими структурами. Голос еще трижды говорил с ним, и наконец он понял, что достиг цели.

Машина, перед которой он теперь стоял, была размерами поменьше, чем все остальные вокруг, но все равно, стоя перед ней, Олвин ощущал себя каким-то карликом. Пять уровней с их стремительно льющимися горизонтальными линиями отдаленно напоминали какое-то затаившееся перед прыжком животное, и, переведя взгляд с этого сооружения на своего собственного робота, Олвин едва мог поверить, что обе эти машины — продукт одной и той же эволюции и что суть их одна и та же.

Примерно в трех футах от пола по всему фасаду сооружения шла прозрачная панель. Олвин прижался лицом к гладкому, странно теплому материалу и стал вглядываться внутрь. Сначала он ничего не мог разобрать. Затем, загородив глаза ладонями, чтобы унять льющийся с боков ослепительный свет, он различил тысячи и тысячи слабенько светящихся точек, висящих в пустоте. Они образовывали решетку — столь же непостижимую для него и лишенную всякого смысла, какими для древних людей были звезды. Он неотрывно смотрел на этот рисунок в течение нескольких минут и не заметил, чтобы цветные эти огоньки меняли свои места или яркость.

Впрочем, подумал Олвин, загляни он в свой собственный мозг, то понял бы не больше. Машина представлялась инертной и неподвижной, потому что он не мог наблюдать сам процесс ее мышления.

Только теперь он начал смутно догадываться о силах и энергии, обеспечивающих существование города. Всю свою жизнь он, как нечто само собой разумеющееся, воспринимал, скажем, чудо синтезирования, которое из века в век обеспечивало все нужды Диаспара. Тысячи раз наблюдал он этот акт творения, редко отдавая себе отчет в том, что где-то должны существовать прототипы всего, что он видит входящим в его мир.

Подобно тому как человеческий мозг может в течение некоторого времени задержаться на одной-единственной мысли, так и бесконечно более сложные мыслительные устройства, являющиеся всего лишь частью Центрального Компьютера, тоже могли зафиксировать и удерживать — вечно — самые хитроумные идеи. Матрицы всех без исключения синтезируемых предметов были заморожены в этом вечном сознании, и требовалось только выражение человеческой воли, чтобы они стали вещной реальностью.

Мир и в самом деле далеко ушел с той поры, как первые пещерные люди час за часом терпеливо оббивали куски неподатливого камня, изготавливая наконечники для стрел и ножи.

Олвин ждал, не решаясь заговорить, знака, что его присутствие замечено. Ему было любопытно — каким образом Центральный Компьютер знает, что он здесь, как он видит его и слышит его голос. Нигде не было заметно ни малейших признаков каких-либо органов чувств, ни одного из тех бесстрастных кристаллических глаз, акустических решеток и экранов, через которые роботы обычно получали сведения об окружающем.

— Изложите вашу проблему,— раздался вдруг у самого уха все тот же тихий голос.

Было странно, что это гигантское скопление машин может выражать свои мысли столь негромко. Затем до Олвина дошло, что он себе льстит: очень могло быть, что с ним имеет дело едва ли миллионная часть Центрального Компьютера. Олвин был не более чем одним из неисчислимых инцидентов, одновременно занимающих внимание Компьютера, следящего за жизнью Диаспара.

Было совсем нелегко разговаривать в присутствии чего-то, что заполняет все пространство вокруг тебя. Слова, казалось, умирали, едва Олвин их произносил.

— Что я такое? — спросил он.

Если бы он задал этот вопрос одной из информационных машин города, он бы заранее знал, каков будет ответ. В общем-то, он частенько так поступал, и они всегда отвечали: «Вы — человек». Но теперь он имел дело с разумом

совершенно иного порядка, и не было никакой необходимости в семантической тщательности. Центральный Компьютер должен был знать, что именно имеет в виду вопрошающий, но это, правда, вовсе еще не означало, что он обязательно ответит на вопрос.

И в самом деле, ответ оказался именно таким, какого и опасался Олвин:

— На этот вопрос я не могу отвечать. Поступить так — значило бы открыть цель моих создателей и тем самым аннулировать возможность ее достижения.

— Выходит, моя роль была запланирована, еще когда город только создавался?

— Это можно сказать о каждом.

Такой ответ заставил Олвина задуматься. Сам по себе ответ был достаточно корректен: человеческий компонент Диаспара создавали так же тщательно, как и всю машинерию города. То обстоятельство, что Олвин оказался Неповторимым, просто выделяло его из остальных как нечто достаточно редкостное, однако было совершенно необязательно считать, что в этой его особенности заключалось какое-то достоинство.

Он понял, что относительно тайны своего рождения ему здесь больше ничего не узнать. Бессмысленным было даже пытаться заманить в ловушку это гигантское сознание или надеяться, что оно само выдаст вдруг информацию, которую ему приказано было сохранять в глубочайшей тайне. Олвин, однако, не стал убиваться от разочарования по этому поводу. В глубине души он чувствовал, что ему уже удается приблизиться к истине, да и в любом случае цель его прихода сюда состояла вовсе не в этом.

Он взглянул на робота, которого привел из Лиза, и задумался, как же построить свой следующий шаг. Знай робот, что именно он планирует сделать, он вполне мог бы прореагировать весьма бурно. Именно поэтому представлялось таким существенным, чтобы он никоим образом не подслушал то, что Олвин намеревался сейчас сообщить Центральному Компьютеру.

— Можешь ты создать Зону Тишины? — обратился он к Компьютеру.

В тот же самый миг он испытал то самое безошибочное «мертвое» ощущение — результат полнейшего исчезновения даже самых слабых звуков,— которое наступало, когда человек оказывался в такой зоне. Голос Компьютера, теперь странно тусклый и даже какой-то зловещий, обратился к нему:

— Сейчас нас никто не слышит. Что вы хотели мне сообщить?

Олвин кинул взгляд на своего робота. Тот даже не шелохнулся. Вполне возможно, что он ничего и не подозревал и Олвин просто-напросто ошибался, полагая, что у робота есть какие-то свои планы. Вполне вероятно, что робот последовал за ним в Диаспар просто как верный, вполне послушный слуга. В таком случае то, что Олвин сейчас намеревался проделать, представлялось в особенности коварным трюком.

— Ты слышал, при каких обстоятельствах я повстречал этого робота,— начал Олвин.— Как мне представляется, он должен обладать бесценными знаниями о прошлом, которое восходит еще к тем дням, когда наш город — в том виде, каким мы его знаем теперь,— просто не существовал. Робот, вполне может быть, даже способен рассказать нам о других, кроме Земли, мирах, поскольку он сопровождал Мастера в его странствиях. Но вот, к сожалению, его речевой канал заблокирован. Не знаю, насколько эффективен этот блок, но я прошу тебя снять его.

Голос его звучал безжизненно и сухо, потому что Зона вбирала каждый звук, прежде чем он мог вызвать эхо. Стоя внутри этого невидимого душного кокона, Олвин ждал, чтобы его просьбу либо отвергли, либо исполнили.

— Просьба порождает две проблемы,— отозвался Компьютер.— Одна из них нравственная, другая — техническая. Этот робот был сконструирован, с тем чтобы повиноваться приказам совершенно определенного человека. Какое право я имею отменить эту установку, даже если бы и был в состоянии сделать это?

Олвин предвидел такой вопрос, и у него уже было припасено несколько ответов.

— Нам неизвестно, какую конкретно форму приняли запреты Мастера,— сказал он.— Если ты сумеешь заговорить с роботом, то, вероятно, сможешь убедить его, что обстоятельства, при которых был поставлен блок, теперь переменились...

Это, разумеется, был самый очевидный подход. Олвин и сам пытался прибегнуть к такой вот стратегии — без всякого, впрочем, успеха — и надеялся, что Центральный Компьютер с его бесконечно более обширными интеллектуальными ресурсами сможет совершить то, что не удалось ему.

— Все это полностью зависит от характера блокировки,— последовал ответ.— Вполне мыслимое дело — создать такую блокировку, которая, если попытаться ее снять, сотрет содержимое всех цепей памяти. Я, впрочем, не думаю, что этот самый Мастер обладал достаточными навыками, чтобы сделать это,— здесь требуется довольно-таки специфическая техника. Я спрошу твою машину, была ли установлена стирающая цепь в ее блоках памяти.

— Но предположим,— быстро сказал Олвин с внезапной тревогой,— что даже вопрос о существовании стирающих цепей приведет к ликвидации памяти...

— Для таких случаев существует стандартная процедура, и я буду ей следовать. Я выставлю вторичные условия, приказав роботу игнорировать мой вопрос, если такая мера предосторожности была в него встроена. После этого уже весьма несложно обеспечить ситуацию, в которой машина будет вовлечена в логический парадокс, когда и отвечая мне, и отказываясь отвечать, она будет вынуждена нарушить данные ей инструкции. В таких случаях все роботы действуют одинаково, стремясь к самозащите. Они освобождают входные цепи, по которым к ним извне поступают сигналы, и ведут себя так, словно им вообще не задавали никакого вопроса.

Олвин уже испытывал угрызения совести, что затронул эту тему, и после некоторой внутренней борьбы признал, что на месте робота принял бы именно эту тактику и сде-

лал бы вид, что просто не расслышал вопроса. В одном по крайней мере он был теперь уверен: Центральный Компьютер оказался совершенно готов иметь дело с любыми ловушками, какие только могут быть установлены в блоках памяти робота. У Олвина не было ни малейшего желания видеть своего слугу превращенным в груду лома. Он скорее бы добровольно вернул его в Шалмирейн со всеми его тайнами.

Собрав все свое терпение, он ждал, покуда два молчаливых интеллекта общались друг с другом неощутимо для всего остального мира. Это был диалог двух сознаний, каждое из которых было создано человеческим гением в давным-давно минувший золотой век его самых замечательных достижений. А теперь ни тот ни другой разум не могли быть полностью поняты кем бы то ни было из живущих на Земле людей.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем пустой, незвучный голос Центрального Компьютера раздался снова.

— Я установил частичный контакт,— произнес голос.— По крайней мере, теперь мне известен характер блокировки, и я думаю, что знаю, по какой причине она была предусмотрена. Снять ее можно только одним способом: этот робот не заговорит снова до тех пор, пока на Землю не придут какие-то «Великие»...

— Но ведь это же нелепость! — запротестовал Олвин.— Адепты Мастера верили в них, и один даже пытался объяснить нам, что такое эти «Великие»... По большей части это было что-то совершенно невразумительное. Эти самые «Великие» никогда не существовали и никогда не будут существовать!..

Поражение представлялось полным, и Олвин испытал горькое и какое-то еще и беспомощное разочарование. Между ним и Истиной встал человек, который, помимо того что был сумасшедшим, еще и умер миллиард лет назад.

— Возможно, вы и правы,— откликнулся Центральный Компьютер,— когда говорите, что «Великих» не было. Но это совсем не означает, что они не появятся.

Наступила долгая пауза, во время которой Олвин раздумывал над смыслом этого замечания, а две мыслящие машины снова вошли в контакт друг с другом.

И внезапно, без всякого предупреждения, он снова очутился в Шалмирейне.

ГЛАВА 17

Все здесь оставалось в точности по-прежнему. Огромная аспидно-черная чаша пила солнечный свет и ни крупицы его не отражала в глаз человека. Олвин стоял среди руин крепости и глядел на озеро, чьи спокойные воды свидетельствовали о том, что гигантский полип стал теперь не более чем рассеянным облаком живых клеток, не имеющих ничего общего с организованным в определенные формы разумным существом.

Робот по-прежнему находился рядом, но Хилвара не было и в помине. Олвину некогда было размышлять, что бы все это значило, или проявлять беспокойство по поводу отсутствия друга, потому что почти тотчас же произошло нечто столь фантастическое, что оно напрочь выбило из его головы все посторонние мысли.

Небо стало раскалываться надвое. Тонкая полоска черноты протянулась от горизонта к зениту и стала медленно расширяться, как если бы тьма и хаос обрушивались на Вселенную. Неумолимо эта полоса становилась все шире и шире, пока не охватила четверть небесной сферы. Несмотря на все свои познания в области реальных астрономических фактов, Олвин никак не мог отделаться от ошеломляющего впечатления, что кто-то извне вламывается в его мир через щель в огромном голубом куполе неба.

Крыло ночи перестало расти. Силы, породившие его, теперь смотрели вниз, на этот игрушечный мир, который они обнаружили здесь, и, быть может, советовались между собой — стоит ли этот мир их внимания. Олвин не испытывал ни тревоги, ни страха. Он почему-то знал, что находится лицом к лицу с такой силой и с такой мудростью, перед

которыми человек должен испытывать не страх, а только благоговение.

И теперь силы эти пришли к решению: да, они потратят несколько ничтожно малых частиц вечности на Землю и ее обитателей. Они стали спускаться вниз через это окно, проделанное в небесах.

Словно искры от какого-то небесного горна, они падали вниз, на Землю. Все гуще и гуще становился этот поток, пока с высоты не полилась целая река огня, растекающаяся по поверхности земли озерами жидкого света. Олвин не нуждался в словах, которые теперь звучали в его ушах как благословение:

«Великие пришли...»

Пламя достигло и его, но оно не обжигало. Повсюду пылало оно, наполняя циклопическую чашу Шалмирейна золотым сиянием. В изумлении глядя на все это великолепие, Олвин отметил, что поток света вовсе не аморфен, он обладал и формой, и структурой. Жидкий огонь стал принимать определенные очертания, собираясь в отдельные яростные пламявороты. Вихри эти принялись вращаться все быстрее и быстрее вокруг своих осей, а центры их стали подниматься, образуя колонны, внутри которых Олвин мог разглядеть какие-то загадочные образования. От этих сверкающих тотемных столбов исходила едва слышная музыка, бесконечно далекая и бесконечно чарующая.

«Великие пришли...»

На этот раз последовал и ответ. Когда Олвин услышал слова: «Слуги Мастера приветствуют вас. Мы вас ждали»,— он понял, что все барьеры рухнули. Но в этот же самый миг и Шалмирейн, и его странные гости исчезли и он снова очутился перед Центральным Компьютером в глубинах своего Диаспара.

Все это оказалось иллюзией — не более реальной, чем фантастический мир саг, в котором в юности он провел так много часов. Но как она была создана? Откуда взялись эти странные видения, так явственно представившиеся ему?

— Проблема оказалась не совсем обычной,— прозвучал тихий голос Центрального Компьютера.— Я предположил, что у вашего робота должна быть какая-то зрительная кон-

цепция «Великих». Если бы я смог убедить его, что чувственные представления, получаемые им, совпадают с этими зрительными образами, остальное было бы уже просто.

— И как же ты этого достиг?

— В основном расспрашивая робота, на что были похожи эти «Великие», и затем перехватив образ, сформированный его сознанием. Рисунок оказался весьма неполным, и многое мне пришлось вложить от себя, импровизируя на ходу. Раз или два картина, которую я создавал, начинала было резко расходиться с концепцией робота, но уже в самые первые мгновения я успевал отметить нарастающее недоумение робота и изменял образ, прежде чем он становился подозрительно непохожим. Вам, конечно, понятно, что я в состоянии задействовать сотни своих вычислительных цепей, тогда как в его распоряжении лишь одна, и могу переключаться с одной на другую настолько быстро, что этот процесс не может быть воспринят. Это был своего рода фокус: я смог насытить сенсорные цепи робота и в то же время подавить его способность к критическому восприятию. То, что вы увидели, оказалось лишь окончательной — самой правильной — картиной, наиболее полно приближающейся к тому, что представлял себе этот Мастер. Но она не отличалась особой тонкостью, хотя и оказалась вполне достаточной. Робот был убежден в ее подлинности достаточно долгое время, чтобы снять блокировку, и в этот-то момент я и обеспечил абсолютный контакт с его сознанием. Он более не сумасшедший. Он ответит теперь на любой вопрос, какой вы только пожелаете ему задать.

Голова у Олвина все еще шла кругом. Яркое зрительное эхо внезапного апокалипсиса еще горело перед его внутренним взором, он и вида не подавал, что полностью понимает объяснения Центрального Компьютера. Но это все не имело уже никакого значения. Чудо исцеления свершилось, и врата в храм знания широко распахнулись перед ним, маня войти в них.

Но он тут же припомнил предостережение Центрального Компьютера и спросил тревожно:

— А как насчет моральных возражений, которые были у тебя по поводу отмены приказа Мастера?

— Я выяснил, почему он был отдан. Когда вы в деталях узнаете его жизнь — а теперь вы сможете это сделать,— то увидите, что ему приписывали массу чудес. Его паства верила в него, и эта вера многое добавила к его силе. Но разумеется, все эти чудеса имели простое объяснение — если они вообще происходили. Мне представляется удивительным, что люди, во всех остальных отношениях вполне разумные, позволяли надувать себя подобным образом.

— Выходит, этот самый Мастер был шарлатаном?

— Нет, все не так просто. Будь он всего лишь плутом, ему бы никогда не добиться такого успеха, а его учение не продержалось бы так долго. Человек он был неплохой, и многое из того, чему он учил окружающих, было истинным и неглупым. В конце концов он сам уверовал в свои «чудеса», но он понимал и то, что есть один свидетель, который способен его разоблачить. Все его тайны знал робот... Через робота он обращался к своим последователям, и, если бы этого робота подвергли тщательному допросу, его ответы разрушили бы сами основания силы и власти Мастера. Вот он и приказал ему никогда, ни под каким видом никого не допускать к своей памяти — вплоть до последнего дня Вселенной, когда придут «Великие». Трудно, конечно, поверить, что такой странный конгломерат лжи и искренности мог уживаться в одном человеке, но так оно и было.

Олвин был бы не прочь узнать, что испытывает сейчас его робот, освободившийся от столь древнего ига. Он, безусловно, был достаточно высокоорганизованной машиной, чтобы ему было известно такое чувство, как негодование. Он мог бы сердиться на своего Мастера за то, что тот поработил его,— и равно быть недовольным Олвином и Центральным Компьютером, которые обманом вернули его в мир правды.

Зона Тишины была снята — в секретности больше не было никакой нужды. Наступил наконец момент, которого Олвин ждал так долго. Он повернулся к роботу и задал ему вопрос, преследующий его с тех самых пор, как он услышал историю о похождениях Мастера.

И робот ответил.

Джизирак и прокторы все еще терпеливо ждали, когда он снова присоединится к ним. На верхней части пандуса, прежде чем войти в коридор, Олвин оглянулся, чтобы опять оглядеть помещение Центрального Компьютера, и впечатление оказалось еще более сильным. Под ним простирался мертвый город, состоящий из странных белых зданий, город, залитый яростным светом, не предназначенным для человеческих глаз. Быть может, он и действительно был мертв, этот город, поскольку он никогда и не жил, но в нем билась энергия более могущественная, чем та, что когда-то привела в движение живую материю. До тех пор пока мир будет существовать, эти молчащие машины останутся здесь, ничем не отвлекаясь от размышлений и мыслей, вложенных в них гениями человечества столь непомерное время назад.

Хотя Джизирак и пытался спрашивать что-то у Олвина, когда они возвращались в Зал Совета, узнать что-нибудь о беседе с Центральным Компьютером ему не удалось. Со стороны Олвина это было не просто благоразумие. Он был еще слишком погружен в свои думы об увиденном, был еще слишком опьянен успехом, чтобы поддержать какой-либо более или менее содержательный разговор. Джизираку пришлось призвать на помощь все свое терпение и только надеяться, что Олвин наконец выйдет из транса.

...Улицы Диаспара купались в свете, но после сияния машинного города он казался бледным и каким-то даже беспомощным. Олвин едва замечал окружающее. Он не обращал теперь ровно никакого внимания на знакомую красоту огромных башен, проплывающих мимо, и на любопытствующие взгляды своих сограждан. Как странно, думалось ему, что все, что с ним произошло, подвело его к этому вот моменту. С тех пор как он повстречал Хедрона, события, казалось, развивались автоматически и вели к какой-то предопределенной цели. Мониторы... Лиз... Шалмирейн... И ведь на каждой из этих стадий он мог просто отвести в сторону невидящий взгляд... Но что-то продолжало продвигать его — вперед и вперед... Был ли он сам творцом собственной судьбы, или же судьба как-то по-особенному возлюбила его?

Возможно, все это было лишь производным теории вероятностей, действия законов случая... Ведь любой мог обнаружить путь, по которому он сейчас прошел, и бессчетное количество раз за минувшие тысячелетия другие, должно быть, заходили почти так же далеко. Те, ранние Неповторимые, к примеру,— что сталось с ними? Очень может быть, что он просто оказался первым, кому повезло.

На протяжении всего пути по улицам Олвин устанавливал все более тесный контакт с роботом, которого он сегодня освободил от векового наваждения. Робот уже давно мог принимать его мысли, но прежде Олвин никогда не мог быть уверен, что он станет повиноваться всем его приказаниям. Теперь эта неуверенность исчезла. Он мог беседовать с роботом, как беседовал бы с любым человеком, хотя, поскольку они были не одни, он велел роботу не пользоваться речью, а обходиться простыми зрительными образами. Раньше ему, бывало, не нравилось, что роботы могли свободно общаться между собой на телепатическом уровне, в то время как человеку это было недоступно — если, конечно, не считать жителей Лиза. Что ж, это была еще одна способность, которую Диаспар утратил — если не намеренно отказался от нее.

Он все еще продолжал этот неслышимый и несколько односторонний разговор, пока они ждали в приемной перед Залом Совета. Нельзя было не сравнить его нынешнее положение с тем, в котором он оказался в Лизе, когда Сирэйнис с коллегами пытались подчинить его своей воле. Он надеялся, что не будет никакой необходимости еще в одном конфликте, но, если бы такой конфликт и возник, он был теперь подготовлен к нему несравненно лучше.

Уже самый первый взгляд на лица членов Совета подсказал Олвину, каково их решение. Он не был ни удивлен, ни особенно разочарован и не выказал никаких чувств, которых могли бы ожидать от него советники, когда слушал, как председатель подводит итоги обсуждения.

— Мы всесторонне рассмотрели ситуацию, которая порождена твоим открытием, Олвин,— начал председатель,— и пришли к следующему единогласному решению. Посколь-

ку никто не желает каких-либо изменений в нашем образе жизни и поскольку только раз в несколько миллионов лет рождается кто-то, кто способен покинуть Диаспар, даже если средства к этому существуют для каждого из нас, то тунельная система, ведущая в Лиз, не является необходимой и, очень возможно, даже опасна. Вот почему вход в нее отныне закрыт.

Более того, поскольку не исключена возможность, что могут найтись и другие пути, ведущие из города, будет начат их поиск посредством блоков памяти в мониторах. Этот поиск уже начался.

Мы обсудили также, какие меры должны быть предприняты — если они вообще необходимы — в отношении тебя. Принимая во внимание твою юность и своеобразные обстоятельства твоего появления на свет, существует всеобщее ощущение, что порицать тебя за то, что ты сделал, нельзя. В сущности, раскрыв потенциальную опасность для нашего образа жизни, ты даже оказал городу услугу, и мы зафиксируем наше одобрение этого.

Раздались тихие, шелестящие аплодисменты, и на лицах советников появилось удовлетворенное выражение. Они быстро справились с трудной ситуацией, избежали необходимости наказывать Олвина и теперь могли снова приняться за привычные свои занятия, радуясь, что они, влиятельные граждане Диаспара, исполнили свой долг. Если им достаточно повезет, пройдут еще целые столетия, прежде чем подобная необходимость возникнет снова.

Председатель выжидательно посмотрел на Олвина. Возможно, он надеялся, что тот выразит ответное понимание и воздаст благодарностью Совету за то, что с ним обошлись столь милостиво. Он, однако, был разочарован.

— Можно мне задать вам всего один вопрос? — обратился к нему Олвин.

— Конечно.

— Насколько я понимаю, Центральный Компьютер одобрил ваши действия?

В обычных условиях спрашивать такое не полагалось. Было не принято признавать, что Совет должен как-то оправ-

дывать свои решения или же объяснять, каким образом он к ним пришел. Но Олвин сам был облечен доверием Центрального Компьютера — по причинам, известным только тому. И оказался в привилегированном положении.

Было совершенно очевидно, что вопрос вызвал известную неловкость, и поэтому ответ последовал несколько неохотно:

— Естественно, мы проконсультировались с Центральным Компьютером. Он сказал, чтобы мы поступали так, как сочтем нужным.

Олвин этого и ожидал. В те самые минуты, когда машинное сознание города разговаривало с ним, оно, должно быть, обменивалось мнениями и с Советом — в тот же, в сущности, момент, когда заботилось еще о миллионе самых разных вещей в Диаспаре. Компьютер, как и Олвин, понимал, что, какое бы решение ни принял сейчас Совет, оно не будет иметь ровно никакого значения. Будущее совершенно ускользнуло из-под контроля Совета в тот самый миг, когда он, в своем неведении, решил, что благополучно справился с кризисом, порожденным ненасытной любознательностью Олвина.

И Олвин совсем не испытывал чувства превосходства и блаженного предвкушения приближающегося триумфа, когда глядел на этих не слишком умных стареющих мужчин, считающих себя правителями Диаспара. Ведь он-то видел реального хозяина города и даже беседовал с ним в торжественной тишине его блистающего подземного мира. Эта встреча выжгла из его души едва ли не все высокомерие, хотя все же какая-то его часть еще сохранилась — для окончательного предприятия, признанного затмить все, что произошло до сих пор.

Покидая Совет, Олвин размышлял о том, были ли они удивлены его покорностью и отсутствием раздражения по поводу того, что дорога в Лиз теперь закрыта. Прокторы теперь не сопровождали его, он уже не находился под наблюдением — в открытую, по крайней мере. Вместе с ним из Зала Совета на улицы, сияющие красками и заполненные народом, вышел только Джизирак.

— Ну что же, Олвин,— сказал он.— Ты вел себя как нельзя лучше, но меня-то тебе не провести! Что это ты теперь задумал?

Олвин улыбнулся.

— Так я и знал, что ты что-нибудь да заподозришь. Если ты пойдешь со мной, то я покажу тебе, почему подземный путь в Лиз не имеет больше никакого значения. Есть и еще один эксперимент, который мне хотелось бы провести. Он не причинит тебе никакого вреда, но может не прийтись по вкусу.

— Отлично. Подразумевается, что я все еще твой наставник, но похоже на то, что роли-то теперь переменились?.. И куда это ты меня поведешь?

— В башню Лоранна — я хочу показать тебе мир за стенами Диаспара.

Джизирак побледнел, но остался верен своему решению. Словно опасаясь, что слова могут выдать его состояние, он коротко и сдержанно кивнул и вслед за Олвином ступил на плавно плывущий тротуар.

Джизирак не проявил ни малейших признаков страха, когда они шли по туннелю, через который вечно дул холодный ветер. Туннель теперь был уже совсем не тот: каменная решетка, преграждавшая доступ во внешний мир, исчезла. Она не служила никакой конструктивной цели, и Центральный Компьютер по просьбе Олвина убрал ее, не задавая вопросов. Позже он может дать инструкции снова вспомнить про эту решетку и восстановить ее. Но сейчас жерло туннеля, ничем не огражденное и никем не охраняемое, зияющим отверстием выходило прямо на внешнюю стену города.

Джизирак почти подошел к краю пропасти, когда наконец осознал, что внешний мир — вот он, прямо перед ним. Он смотрел на расширяющийся круг неба, и шаги его становились все более и более неуверенными, пока в конце концов ноги не отказались ему служить. Олвин вспомнил, что на этом вот самом месте Алистра просто повернулась и убежала, и подумал: сможет ли он побудить Джизирака пройти немного дальше?

— Я прошу тебя только лишь взглянуть,— умолял он наставника,— а не выходить из города. Уж конечно, это-то ты можешь!

В Эрли, во время своего недолгого пребывания там, Олвин наблюдал однажды, как мать учила своего малыша ходить. Увлекая Джизирака по коридору, он не мог не увидеть аналогии и делал поощряющие замечания по мере того, как его наставник одну за другой переставлял неповинующиеся ему ноги, помаленьку все-таки продвигаясь вперед. В отличие от Хедрона Джизирак не был трусом. Он был готов бороться со своим предубеждением, но это была борьба отчаяния. Когда Олвину удалось-таки привести Джизирака к той точке, откуда он мог видеть всю ширь пустыни без всякой помехи, Олвин был измучен едва ли не так же, как и его пожилой спутник.

Тем не менее, оказавшись у самого края, Джизирак был захвачен необычайной красотой пейзажа, так не похожего на все, что ему приходилось видеть на протяжении всех его жизней. Огромное это пространство, покрытое перекатывающимися дюнами, ограниченное по горизонту древними холмами, покорило его.

— Я попросил тебя прийти сюда, поскольку понимаю — у тебя больше, чем у кого-либо другого, прав увидеть, куда привели меня мои блуждания,— сказал Олвин, проговаривая слова быстро, как если бы он был не в силах сдержать нетерпение.— Мне хотелось, чтобы ты увидел пустыню, а кроме того, я хочу, чтобы ты стал свидетелем — пусть Совет узнает, что я сделал!

Как я и сказал Совету, этого робота я привел из Лиза в надежде, что Центральный Компьютер будет в состоянии убрать блокировку, установленную на его память человеком, известным под прозвищем Мастер. С помощью какой-то уловки, которой я до сих пор не понимаю, Компьютер это сделал. Теперь у меня есть доступ ко всему объему памяти этого робота и ко всем способностям, которые были в него встроены. И вот сейчас одну из этих способностей я и хочу использовать. Гляди!

По беззвучному приказу, о характере которого Джизирак мог только гадать, робот выплыл из отверстия туннеля, набрал скорость и через несколько секунд превратился в далекий, отсвечивающий металлом солнечный блик. Он летел низко над пустыней — над ее песчаными дюнами, которые, словно застывшие волны, заштриховали пустыню косой сеткой гребней. У Джизирака возникло безошибочное впечатление, что робот что-то ищет,— но вот что именно, он, конечно, и представить себе не мог.

И вдруг с пугающей внезапностью сверкающая крупинка метнулась вверх и замерла в тысяче футов над поверхностью пустыни. Олвин испустил шумный вздох удовлетворения. Он кинул на Джизирака быстрый взгляд, как бы говоря: «Вот оно!»

Не понимая, чего же, собственно, ожидать, Джизирак поначалу не заметил никаких перемен. Но затем, едва веря своим глазам, увидел, как с поверхности пустыни начинает медленно подниматься облако пыли.

Нет ничего более ужасного, чем внезапное движение там, где, как предполагается, движения уже не может быть никогда. И тем не менее ни страх, ни изумление не поразили громом Джизирака, когда дюны стали расступаться. Что-то ворочалось под поверхностью пустыни, неведомый исполин просыпался ото сна, и почти тотчас же до слуха Джизирака донесся гром низвергающейся земли и пронзительный вопль скал, раздираемых неодолимой, исполинской силой. Внезапно гигантский песчаный гейзер взметнулся на тысячу футов и скрыл пустыню из виду.

Медленно пыль стала оседать в рваную рану, зияющую теперь на лице пустыни. Но Джизирак и Олвин по-прежнему пристально всматривались в небо, в пустоте которого только что сиял маленький робот. Лишь теперь Джизирак понял, почему Олвин остался столь безразличным к решению Совета и почему он не выказал ровно никаких чувств, когда его поставили в известность, что подземный путь в Лиз отныне закрыт.

Кора приставшей земли и камней лишь отчасти скрывала гордые очертания корабля, который все еще величест-

венно вздымался из недр разодранной пустыни. Джизирак, не отрывая глаз, наблюдал, как корабль неспешно развернулся в их сторону, мало-помалу превратившись в аккуратный кружок. Затем, столь же неторопливо, кружок этот стал увеличиваться в размерах.

Олвин заговорил — стремительно, словно времени у него уже не оставалось:

— Этого робота разработали так, чтобы он стал компаньоном и еще и слугой этого самого Мастера. И кроме того, он должен был пилотировать его корабль. Прежде чем сесть в Лизе, он тогда опустился в космопорту Диаспара, который сейчас лежит там, погребенный среди этих песков. Даже в тб время порт, в сущности, был уже заброшен. Я думаю, что корабль Мастера был одним из последних, прилетевших тогда на Землю. Перед тем как отправиться в Шалмирейн, Мастер некоторое время жил в Диаспаре — в те времена путь, наверное, был еще открыт для всех. Но корабль ему никогда уже больше не понадобился и все эти тысячелетия ждал, погребенный под песками. Как сам Диаспар, как этот робот, как все, что строители прошлого считали действительно важным, он сохранялся с помощью своих собственных схем Вечности. До тех пор пока у него есть источник энергии, он не может износиться или быть уничтожен. Образ конструкции, во всех ее мельчайших деталях хранящийся в его блоках памяти, никогда не потускнеет, а ведь именно этот образ и контролирует его физическую структуру.

Теперь корабль, направляемый роботом к башне, был уже совсем близко. Джизирак прикинул, что он около ста футов длиной. На заостренном с обоих концов корпусе не видно было ни окон, ни каких-либо других отверстий, хотя, в общем-то, толстый слой земли на обшивке и не позволял утверждать это с полной уверенностью.

Внезапно их обдало пылью, посыпались камешки — это одна из секций корпуса откинулась наружу, и Джизираку удалось бросить взгляд на маленькую, голую каморку шлюза, в дальнем конце которой виднелась дверь. Корабль висел в воздухе в каком-нибудь футе от жерла воздушного тун-

неля, к которому он приблизился с крайней осторожностью — будто чувствующее, живое существо.

— До свидания, Джизирак,— проговорил Олвин.— Я не могу вернуться в Диаспар, чтобы попрощаться с друзьями. Сделай это за меня, пожалуйста. Передай Эристону и Итании, что я надеюсь скоро вернуться. Если же не вернусь, то пусть знают — я благодарен им за все, что они для меня сделали. И тебе я благодарен, если ты и не одобряешь того, каким образом я воспользовался твоими уроками. Ну а что касается Совета — скажи им, что пути, которые когда-то были открыты, нельзя закрыть, приняв резолюцию!

Корабль был теперь только темным пятном на фоне неба, а мгновение спустя Джизирак и вообще потерял его из виду. Он не заметил никакого движения, но внезапно с неба обрушилась лавина самых потрясающих звуков из всех, когда-либо сотворенных человеком,— это был долгий гром падающего воздуха: миля за милей он обрушивался в тунель вакуума, в мгновение ока просверленный в атмосфере.

Джизирак не в силах был сдвинуться с места, даже когда последние отголоски этого грома замерли, потерявшись в пустыне. Он все думал и думал о мальчике, который ушел от него,— ведь для Джизирака Олвин навсегда остался ребенком, да к тому же — единственным, впервые пришедшим в мир Диаспара с тех пор, как был разрушен цикл рождения и смерти — тогда, в незапамятные времена. Олвин не может вырасти. Вся Вселенная была для него просто детской площадкой для игр, увлекательной загадкой, которую надо разгадать ради собственного развлечения. И вот, играя, он нашел себе теперь совершенную смертоносную игрушку, которая в состоянии разрушить все, что еще сохранилось от человеческой цивилизации. Но каков бы ни был исход, для Олвина это по-прежнему будет только игра.

Солнце уже склонилось низко к горизонту, и над пустыней потянуло леденящим ветром. Но Джизирак все еще ждал, перебарывая страх. И внезапно — впервые в жизни — увидел звезды.

ГЛАВА 18

Даже в Диаспаре Олвин не видел такой роскоши, которая открылась его взору, когда внутренняя дверь воздушного шлюза скользнула в сторону. Что бы он там ни представлял из себя на самом деле, уж аскетом-то Мастер явно не был. Лишь несколько позже Олвину пришло в голову, что весь этот комфорт мог и не быть пустой экстравагантностью: маленький мирок корабля был единственным домом Мастера во время его продолжительных скитаний среди звезд.

Нигде не было видно никаких приборов управления, но огромный овальный экран, полностью занимающий дальнюю переборку, указывал, что это помещение не просто жилая комната. Дугой перед экраном расположились три низких кресла. Остальное пространство комнаты занимали два столика и несколько мягких стульев — некоторые из них, совершенно очевидно, предназначались совсем не для гуманоидов.

Удобно устроившись перед экраном, Олвин огляделся в поисках своего робота. К его изумлению, тот исчез. Но затем он все-таки обнаружил его — в маленьком углублении под закругляющимся потолком: робот уютно устроился в этой нише. Он привел Мастера через пространства Космоса на Землю, а затем в качестве слуги проследовал за ним в Лиз. Теперь же, словно и не было всех этих минувших эпох, он изготовился снова выполнять свои старые пилотские обязанности.

Для пробы Олвин подал ему команду, и огромный экран, затрепетав, ожил. Перед ним появилась башня Лоранна, странным образом укороченная и даже, судя по всему, лежащая на боку. Еще несколько команд — и он увидел небо, город и бескрайнее пространство пустыни. Четкость изображения была безупречна, почти ненатурально хороша, хотя, казалось, никакого увеличения и не было. Олвин поэкспериментировал еще некоторое время, пока не наловчился получать именно то изображение, которое ему хотелось бы увидеть. И теперь он готов был начать.

— Перенеси меня в Лиз! — Это, конечно, была команда из простых, но как мог корабль повиноваться ей, если он и сам не имел ни малейшего представления о том, в каком именно направлении лететь? Олвин сначала просто не подумал об этом, а когда сообразил, то корабль уже мчался над пустыней на головокружительной скорости. Олвин пожал плечами, с благодарностью принимая то обстоятельство, что теперь в его распоряжении находится слуга куда более знающий, чем он сам.

Определить масштаб изображения, которое скользило сейчас по экрану, было нелегко, но, судя по всему, ежеминутно они, должно быть, покрывали пространство во много миль. Вскоре после района города цвет поверхности внезапно переменился на скучно-серый, и Олвин догадался, что теперь они пролетают над ложем древнего океана. Когда-то, видимо, Диаспар стоял совсем рядом с морем, хотя даже в самых древних хрониках об этом не было ни малейшего упоминания. Как ни древен был город, океаны Земли, видимо, безвозвратно высохли еще задолго до его основания.

Через несколько сот миль поверхность резко поднялась и внизу снова потянулась пустыня. В какой-то момент Олвин остановил корабль над странным рисунком из пересекающихся линий, которые неясно прорисовывались сквозь песчаное покрывало. Некоторое время его мучило недоумение, но затем он понял, что под кораблем лежат руины какого-то забытого города. Он не стал здесь задерживаться: было больно думать, что миллиарды людей не оставили никаких следов своего существования, кроме этих вот борозд на песке...

Ровная линия горизонта вскоре стала изламываться, и прорисовались горы, которые, едва он их увидел, уже замелькали под ним. Корабль стал замедляться, опускаясь к земле по огромной пологой дуге длиной в сотни миль. И затем — под ним оказался Лиз, его леса и бесконечные реки, образующие ландшафт такой несравненной красоты, что некоторое время Олвин был просто не в состоянии двигаться дальше. На востоке земля была затенена, и огромные

озера стояли лужами еще более темной ночи. Но в направлении на запад воды плясали, струились, сверкали острыми бликами, посылая глазу цвета такой яркости и чистоты, о существовании которых Олвин и не подозревал.

Найти Эрли оказалось нетрудно — и это было к счастью, потому что дальше робот уже не мог вести корабль. Олвин ожидал этого и был даже несколько обрадован тем, что обнаружил хоть какой-то изъян во всемогуществе своего слуги. Было маловероятно, что роботу когда-то приходилось пилотировать корабль с Мастером в Эрли, и поэтому месторасположение деревни и не было зафиксировано в его памяти.

С нескольких попыток Олвин приземлил свой корабль на склоне того самого холма, с которого впервые увидел Лиз. Управлять кораблем оказалось совсем просто — требовалось лишь в самых общих чертах сформулировать желание, а уж робот сам прорабатывал все детали. Олвин подумал, что, по-видимому, робот станет игнорировать опасные или невыполнимые приказы, хотя у него-то не было ни малейшего намерения отдавать их без особой к тому необходимости.

Олвин был абсолютно уверен, что никто не мог видеть его прибытия. Он считал это обстоятельство достаточно важным, поскольку не испытывал ни малейшего желания снова вступать в телепатическую схватку с Сирэйнис. Планы его все еще были несколько туманны, но он не подвергался никакому риску, пока у него сохранялись дружественные отношения с обитателями Лиза. Робот мог действовать в качестве посла, в то время как сам он оставался бы в безопасности на корабле.

По дороге к Эрли роботу не повстречалось ни одной живой души. Странно это было — сидеть в неподвижном космическом корабле, в то время как его взгляд без малейших усилий с его стороны скользил по знакомой тропе, а в ушах звучал шепот леса. Он все еще не мог полностью отождествить себя с роботом, и поэтому усилия по управлению им еще приходилось затрачивать немалые.

Почти стемнело, когда он «достиг» Эрли, маленькие домики которого словно бы плавали в озерцах света. Робот держался затененных мест и уже почти доплыл до дома Сирэйнис, когда его обнаружили. Внезапно раздался сердитый высокий жужжащий звук, и поле зрения оказалось закрытым мельтешением крыльев. Олвин невольно отпрянул, но тотчас понял, что произошло. Это Криф снова выражал свою неприязнь ко всему, что летает, не будучи крылатым.

Не желая причинять вреда прекрасному, хотя и безмозглому существу, Олвин остановил робота и, как мог, терпел удары, которые градом сыпались на него. Несмотря на то что он в полном комфорте сидел в миле от места происшествия, он все-таки поеживался и очень обрадовался, когда из дома вышел Хилвар, чтобы выяснить, что тут происходит.

Увидев приближающегося хозяина, Криф отступил, но все еще угрожающе жужжал. Хилвар постоял некоторое время, глядя на робота. А затем улыбнулся.

— Привет, Олвин,— сказал он.— Рад, что ты вернулся. Или ты еще в Диаспаре?

Уже не в первый раз Олвин с некоторой завистью подивился быстроте и точности мышления Хилвара.

— Да нет,— ответил он, отметив при этом, до чего же здорово робот воспроизводит его голос.— Я здесь неподалеку. Но пока останусь на месте.

Хилвар засмеялся.

— Полагаю, что это правильно. Сирэйнис-то тебя простила, но вот Ассамблея... Впрочем, это совсем другая история. Тут, знаешь, сейчас происходит конференция... первая, которая созвана в Эрли...

— Ты хочешь сказать, что ваши советники лично сюда пожаловали? — удивился Олвин.— А я-то полагал, что личные встречи — с вашими-то телепатическими способностями — совсем необязательны.

— Они происходят — только редко. Бывают случаи, когда общее мнение склоняется к тому, что, пожалуй, стоит и собраться. Точная природа нынешнего кризиса мне неиз-

вестна, но три сенатора уже здесь, а остальные вот-вот прибудут.

Олвин не мог не улыбнуться тому, до какой степени события в Диаспаре и Лизе приняли один и тот же оборот. Куда бы он ни направился, он, похоже, везде теперь оставлял за собой след озабоченности и тревоги.

— Мне представляется, что будет совсем неплохо, если я смогу обратиться к этой вашей Ассамблее. Если только я смогу это сделать, не подвергая себя опасности.

— Даже если ты пожалуешь сюда во плоти, это будет вполне безопасно, коли Ассамблея даст обещание не пытаться снова овладеть твоим сознанием,— ответил Хилвар.— А нет — так я бы на твоем месте оставался там, где ты сейчас. Я отведу твоего робота к сенаторам. Ох и расстроятся они, когда его увидят!

Олвин испытывал острое чувство возбуждения и радости, когда за Хилваром проследовал в дом. Теперь он встречался с правителями Лиза куда более на равных, нежели прежде. И хотя он и не испытывал к ним никаких мстительных поползновений, все равно приятно было сознавать, что теперь он — хозяин положения, располагающий силами, истинной мощи которых не представлял себе и сам.

Двери комнаты, где происходила конференция, оказались запертыми, и прошло некоторое время, прежде чем Хилвару удалось привлечь внимание находящихся внутри. Сенаторы, казалось, были настолько поглощены своими проблемами, что пробиться в их раздумья представлялось едва ли не безнадежным делом. Но вот стены словно бы неохотно скользнули в стороны, и Олвин быстро вдвинул своего робота в комнату.

Трое сенаторов так и застыли в своих креслах, когда робот подплыл к ним, но на лице у Сирэйнис просквозил лишь едва уловимый след удивления. Возможно, Хилвар уже послал ей предупреждение, а может быть, она и сама ожидала, что рано или поздно Олвин возвратится.

— Добрый вечер,— вежливо произнес Олвин с такой интонацией, будто столь неожиданное и необычное его появление было самым что ни на есть привычным пустяком.— Я решил все-таки вернуться.

Нечего и говорить — их изумление превзошло все его ожидания. Один из сенаторов, молодой человек с седеющими волосами, первым пришел в себя.

— Как вы сюда попали? — Он едва мог двигать языком — так был поражен.

Причина такой реакции на появление Олвина представлялась совершенно очевидной. Как и Диаспар, Лиз, должно быть, вывел из строя свою сторону подземной дороги.

— Да, знаете, я и на этот раз прибыл сюда точно так же, как и тогда,— ответил Олвин, не в силах удержаться от соблазна немного повеселиться за их счет.

Двое сенаторов не отрывали глаз от третьего, который развел руками в полном отчаянии, непонимании и беспомощности. Тот самый молодой человек, который заговорил с Олвином, снова встрепенулся:

— И вы не встретили... никаких... мм... трудностей?

— Ровно никаких,— ответил Олвин, решивший еще больше усугубить их замешательство. И понял, что своего добился.— Я вернулся,— продолжал он,— по своей доброй воле и в связи с тем, что у меня есть для вас кое-какие важные новости. Тем не менее, помня о наших былых расхождениях, я в настоящий момент нахожусь вне досягаемости. Если я появлюсь здесь лично — обещаете ли вы не пытаться снова задержать меня?

Некоторое время все молчали, и Олвину было страшно интересно, какими мыслями они обменивались сейчас в этой тишине. Затем от имени всех заговорила Сирэйнис:

— Мы не станем снова пытаться контролировать вас... впрочем, я не думаю, что в прошлый раз мы добились в этом больших успехов.

— Вот и хорошо,— ответил Олвин.— Я прибуду в Эрли как можно быстрее.

Он дождался возвращения робота. Затем тщательнейшим образом проинструктировал его и даже заставил все повторить. В том, что Сирэйнис не нарушит данного ею слова, он был убежден, но тем не менее хотел обеспечить себе путь к отступлению.

Воздушный шлюз беззвучно закрылся за ним, когда он покинул корабль. Секундой позже раздалось едва слышное

шипение — будто кто-то изумленно вздохнул. Несколько мгновений темная тень еще закрывала звезды, и корабль исчез.

И только теперь Олвин с неудовольствием подумал, что все-таки допустил небольшой, но досадный просчет, причем просчет такого рода, что он мог повлечь за собой катастрофическое крушение всех его замечательных планов. Он упустил из виду, что чувства у робота куда более остры, чем у него самого, а ночь оказалась темнее, чем он ожидал. Не раз и не два он совершенно сбивался с тропы и едва не расшибал себе лоб о стволы деревьев. В лесу царила кромешная тьма, и в один из моментов что-то большое двинулось к нему по кустарнику. Он услышал едва различимое потрескивание сучьев под осторожной лапой, и вот уже на уровне его живота на него уставились два изумрудных глаза. Он негромко окликнул животное, и чей-то невероятно длинный язык лизнул ему руку. Секунду спустя могучее тело уже доверчиво и нежно терлось о него и вдруг беззвучно исчезло. Он и понятия не имел, кто бы это мог быть.

Наконец между деревьями впереди заискрились огни поселка, но их блеск уже не был ему нужен, потому что тропа у него под ногами превратилась теперь в ручеек неяркого голубого огня. Мох, по которому он ступал, светился, а каждый шаг Олвина оставлял темные отпечатки, которые медленно становились неразличимыми. Это было завораживающе красивое зрелище, и когда Олвин нагнулся, чтобы сорвать пригоршню странного мха, тот еще долго пылал в его ладонях, постепенно угасая.

И снова Хилвар встретил его за порогом дома и опять представил Сирэйнис и сенаторам. Они приветствовали его с вымученным уважением. И если их и интересовало, куда делся робот, они, во всяком случае, ни словом об этом не обмолвились.

— Я искренне сожалею, что мне пришлось покинуть ваш край столь экстравагантным образом,— начал Олвин.— Быть может, вам будет интересно услышать, что вырваться из Диаспара оказалось не легче.— Он сделал паузу, чтобы они смогли в полной мере осознать смысл его слов, а затем

быстро добавил: — Я рассказал своим согражданам все о вашей стране и очень старался, чтобы создать у них о вас самое благоприятное впечатление. Но... Диаспар не хочет иметь с вами ничего общего. Что бы я им ни говорил, они просто одержимы своим стремлением избегнуть осквернения низшей культурой.

Ах, как приятно было ему наблюдать реакцию сенаторов! Даже сдержанная, всегда такая воспитанная Сирэйнис при этих его словах слегка порозовела. Если бы он только смог добиться, подумал Олвин, того, чтобы Лиз и Диаспар преисполнились раздражением друг против друга, то проблема была бы решена больше чем наполовину. Каждый бы так старался доказать превосходство своего образа жизни, что барьерам, разделяющим их, осталось бы жить совсем недолго.

— Почему вы вернулись в Лиз? — спросила Сирэйнис.

— Потому что мне хочется убедить вас — так же как и Диаспар,— что вы совершаете ошибку.— Он не стал распространяться о другой причине: здесь у него жил единственный друг, в котором он мог быть уверен и на помощь которого рассчитывал.

Сенаторы пребывали в молчании, ожидая продолжения, и Олвин отлично сознавал, что, слушая их ушами и видя их глазами, за всем, что происходит в этой комнате, сейчас следит огромное число людей. Он был представителем Диаспара, и весь Лиз судит теперь о таинственном городе по тому, что он, Олвин, говорит, по тому, как он ведет себя, по тому, как он мыслит. Это была неимоверная ответственность, и он чувствовал себя перед нею таким маленьким... Он собрался с мыслями и заговорил.

Его темой был Диаспар. Он рисовал им город таким, каким увидел его в последний раз. Он описывал город, дремлющий на груди пустыни, возводил его башни, сверкающие на фоне неба, подобно словленным радугам. Из волшебного сундучка памяти он извлекал песни, написанные в честь Диаспара поэтами прошлого, он рассказывал о легионе людей, потративших долгие жизни, чтобы приумножить красоту города. Никто, говорил он своим слушателям, не в со-

стоянии исчерпать все сокровища города за любой — даже немыслимо долгий — срок. Некоторое время он подробно живописал чудеса, созданные жителями Диаспара. Он старался заставить своих слушателей хотя бы чуть-чуть проникнуться теми красотами, которые были сотворены художниками прошлого к вечному поклонению человека. И сам спрашивал себя — не без некоторого тоскливого чувства,— правда ли, что музыка Диаспара оказалась последним звуком, который человечество послало в звездные дали?

Они дослушали его до конца — не перебивая и не задавая вопросов. Было уже очень поздно, когда он закончил свой рассказ, и он испытывал такую усталость, что хоть с ног вались. Напряжение и все треволнения долгого дня наконец сказались, и совершенно неожиданно для себя Олвин уснул.

Проснувшись, он обнаружил, что лежит в какой-то незнакомой ему комнате. Прошло несколько секунд, прежде чем он вспомнил, что находится не в Диаспаре. По мере того как сознание возвращалось, свет в комнате становился все ярче и ярче и в конце концов все вокруг оказалось залитым мягким сиянием еще по-утреннему прохладного солнца, струящего свои лучи сквозь ставшие теперь прозрачными стены. Олвин нежился в блаженной полудреме, вспоминая события минувшего дня, и размышлял над тем, какие же силы он привел теперь в движение.

С тихим мелодичным звуком одна из стен стала подниматься, сворачиваясь при этом настолько сложным образом, что сознание было не в силах схватить его. Через образовавшийся проем в комнату ступил Хилвар. Он глядел на Олвина с выражением удовольствия и вместе с тем озабоченности.

— Ну, раз уж ты проснулся,— начал он,— то, может, ты мне наконец скажешь, как это тебе удалось вернуться сюда и что ты собираешься делать дальше? Сенаторы как раз отправляются посмотреть на подземку. Они никак не могут взять в толк, как это тебе удалось использовать ее для возвращения. Ты что, и в самом деле приехал на ней?

Олвин спрыгнул с постели и сладко потянулся.

— Наверное, их лучше перехватить,— сказал он.— Мне не хочется, чтобы они тратили время попусту. Ну а что касается твоего вопроса, то скоро я покажу тебе... мм... ответ.

Они дошли почти до самого озера, прежде чем догнали троих сенаторов. Обе стороны обменялись натянутыми приветствиями. Депутация расследователей поняла, что Олвину известна цель их похода, и неожиданная эта встреча, совершенно очевидно, несколько смутила сенаторов.

— Боюсь, что вчера вечером я до некоторой степени ввел вас в заблуждение,— весело обратился к ним Олвин.— В Лиз я возвратился вовсе не старым маршрутом, так что ваши старания запечатать его оказались совершенно ненужными. Откровенно говоря, Совет в Диаспаре тоже закрыл этот путь со своего конца — и с таким же успехом...

По лицам сенаторов — по мере того как они перебирали в уме один за другим варианты решения этой загадки — можно было бы изучать, что это такое — полное, до онемения, изумление.

— Но как же тогда... как же вы здесь очутились? — задал вопрос предводитель. Внезапно во взгляде его пробудилась догадка, и Олвин понял, что он начинает подбираться к истине. Уж не перехватил ли сенатор ту мысленную команду, которую я послал туда, к горной гряде? — подумалось Олвину. Он, однако, не произнес ни слова и только молча указал рукой на северную часть неба.

Глаз едва мог уследить за тем, как серебряная стрела света прочертила дугу над вершинами гор, оставив за собой многомильный след инверсии. В двадцати тысячах футов над Лизом она остановилась. Ей вовсе не понадобилось торможением гасить свою колоссальную скорость. Она остановилась мгновенно, и глаз, следовавший за ней, по инерции прочертил дугу еще до четверти небосклона, прежде чем сознание ненужности этого смогло остановить его движение. С высоты обрушился чудовищный удар грома — это взревел воздух, смятый движением корабля. Прошло еще немного времени, и сам корабль, празднично сверкая в сол-

нечном свете, опустился на склон холма в какой-нибудь сотне футов от них.

Трудно было сказать, кого это поразило больше, но Олвин первым пришел в себя. Когда они шли — почти бежали — к кораблю, он все думал: всегда ли это создание рук человеческих движется с такой метеоритной скоростью? Мысль эта его тревожила, хотя, когда он сам летел в корабле, быстрота его движения вообще не ощущалась. Значительно более загадочным, однако, было то, что еще позавчера это блистательное создание человеческого гения лежало, скрытое под мощным слоем твердой как сталь скальной породы, остатки которой оно еще сохраняло на себе, когда вырвалось из объятий пустыни. Возле кормы и сейчас еще налипли следы земли, спекшиеся в лавовую корку. Все остальное было снесено движением, и обнажился упрямый корпус, который не поддался ни времени, ни разрушительным силам природы.

Вместе с Хилваром Олвин ступил в раскрывшийся шлюз и обернулся к застывшим, потерявшим дар речи сенаторам. Его очень интересовало, о чем они сейчас думают, о чем, в сущности, думает сейчас весь Лиз. Выражение на лицах сенаторов, однако, было таким, что казалось — им в этот момент вообще не до того, чтобы над чем-то размышлять.

— Я отправляюсь в Шалмирейн и возвращусь в Эрли через часок,— сказал Олвин.— Но это только начало, и, пока я буду там, мне хотелось бы, чтобы вы поразмыслили над одним обстоятельством.

Дело в том, что это не какой-то обычный флайер, на которых люди когда-то путешествовали в пределах своей планеты. Этот космический корабль — один из самых быстрых, которые когда-либо были построены. Если вам интересно узнать, где я его обнаружил, то вы можете найти ответ в Диаспаре. Но для этого вам придется отправиться туда самим, потому что Диаспар никогда не придет к вам первым.

Он повернулся к Хилвару и подтолкнул его к внутренней двери. Тот колебался всего какое-то мгновение. Полуобернувшись, он кинул прощальный взгляд на холм, на траву, на небо — все это такое знакомое — и прошел внутрь.

Сенаторы глаз не отрывали от корабля, пока он — на этот раз достаточно медленно, поскольку путь предстоял близкий — не исчез на юге. Затем седеющий молодой человек, который предводительствовал в группе, с видом философского смирения пожал плечами и повернулся к одному из своих коллег:

— Вы всегда были против того, чтобы мы стремились к каким-то переменам. И до сих пор последнее слово всегда оставалось за вами. Но теперь... я не думаю, что будущее — за какой-то одной из наших фракций. И Лиз, и Диаспар — они оба завершили некий этап своего развития, и вопрос заключается в том, как наилучшим образом воспользоваться создавшейся ситуацией.

— Боюсь, вы правы,— последовал угрюмый ответ.— Мы вступили в полосу кризиса, и Олвин знал, что говорит, когда настаивал, чтобы мы отправились в Диаспар. Они теперь знают о нашем существовании, так что таиться больше нет никакого смысла. Мне представляется, что нам лучше все-таки войти в контакт с нашими двоюродными братьями. Весьма возможно, что мы найдем их стремящимися к сотрудничеству в куда большей степени, чем прежде.

— Но ведь подземка закрыта с обоих концов.

— Мы можем распечатать наш. И пройдет не так уж много времени, прежде чем Диаспар сделает то же самое.

Сенаторы — и те, что находились в Эрли, и остальные, рассеянные по всей территории Лиза,— взвесили это предложение и всей душой невзлюбили его. Но иного выхода, похоже, просто не было.

Росток, высаженный Олвином, начал расцветать быстрее, чем можно было надеяться.

Горы еще зябли в тени, когда корабль достиг Шалмирейна. С высоты, на которой они находились, огромная чаша крепости выглядела совсем крохотной. Казалось просто невероятным, что когда-то от этого вот черного, как ночь, кружка зависели судьбы Земли.

Как только Олвин приземлил корабль среди развалин на берегу озера, леденящая душу атмосфера одиночества и

заброшенности охватила его. Он открыл шлюз, и тотчас же мертвая тишина этого странного места просочилась внутрь корабля. Хилвар, который за все время этого короткого путешествия едва ли вымолвил больше дюжины слов, негромко обратился к Олвину:

— Почему ты снова пришел сюда?

Олвин молчал, пока они не добрались до кромки воды. И только тут он отозвался:

— Мне хотелось показать тебе, что это за корабль. И еще я надеялся, что полип, возможно, снова существует. У меня такое ощущение, что я перед ним в долгу, и мне очень хочется рассказать ему о том, что я открыл.

— В таком случае тебе придется подождать,— сказал Хилвар.— Ты возвратился слишком рано.

Олвин был готов к такому повороту дела. Возможность того, что полип жив, была слишком уж слаба, и Олвин не особенно огорчился тем, что его ожидания обмануты. Воды озера лежали совершенно спокойно, в них больше уже не бился тот напряженный пульс, что так поразил их в первое посещение. Олвин опустился на колени возле воды и стал вглядываться в холодную, темную глубину.

Крохотные полупрозрачные колокольчики, за которыми тянулись почти невидимые хвостики, медленно перемещались в разных направлениях под самой поверхностью. Он опустил ладонь в воду и зачерпнул один такой колокольчик. И тотчас же выплеснул его обратно, ойкнув: колокольчик его стрекнул.

Придет день — возможно, через несколько лет, а то и столетий,— и эти вот безмозглые кусочки протоплазмы снова соберутся вместе, и снова народится огромный полип, его сознание пробудится к существованию, и память возвратится к нему. Было бы интересно узнать, как примет это существо все, что ему, Олвину, удалось узнать. Быть может, ему будет не слишком приятно услышать правду о Мастере. В сущности, оно, возможно, даже не захочет признаться самому себе в том, что все эти столетия и столетия терпеливого ожидания прошли совершенно бесцельно.

Но бесцельно ли? Хотя полип и был обманут, но ведь его столь долгое бдительное терпение оказалось теперь вознаграждено. Чуть ли не чудом он спас из забвения прошлого знание, которое иначе было бы безвозвратно утрачено. Теперь это существо, распавшееся на клетки, сможет наконец отдохнуть, а его символ веры отправится туда, где почили миллионы других верований, полагавших себя вечными.

ГЛАВА 19

В задумчивом молчании шли Хилвар с Олвином обратно, к ожидавшему их кораблю. Как только они взлетели, крепость стала темной тенью среди холмов, она быстро сокращалась в размерах, пока не превратилась в странный черный глаз без век, обреченный на пристальный, вечный взгляд вверх, в пространство,— и вскоре они потеряли его в огромной панораме Лиза.

Олвин ровным счетом ничего не делал для управления кораблем. И все же они поднимались и поднимались, пока весь Лиз не распростерся под ними — зеленым островом в охряном море. Никогда прежде Олвин не забирался так высоко. Когда наконец корабль замер, внизу под ними полумесяцем лежала теперь вся Земля. Лиз отсюда выглядел совсем крошечным — изумрудное пятнышко на ржавом лике пустыни. А далеко, у самого закругления этого полуосвещенного шара, что-то сверкало, будто рукотворный драгоценный камень. Таким Хилвар впервые увидел Диаспар.

Они долго сидели, наблюдая, как Земля проворачивается под ними. Из всех древних способностей человека любопытство, без сомнения, было тем, что он меньше всего мог позволить себе утратить. Олвину хотелось бы показать властителям в Лизе и Диаспаре весь этот мир — таким, каким он видел его сейчас.

— Хилвар,— наконец проговорил он,— а ты уверен, что то, что я делаю, правильно?

Вопрос этот удивил Хилвара, который и понятия не имел о тех внезапных сомнениях, что временами накатывали на его друга, да и, кроме того, он еще не знал о встрече Олвина с Центральным Компьютером и о том отпечатке, который эта встреча наложила на его сознание. Не такой это был легкий вопрос, чтобы ответить на него бесстрастно. Как и Хедрон, хотя и с меньшим основанием, Хилвар чувствовал, что его собственное «я» тонет в личности Олвина. Его безнадежно засасывало в водоворот, который Олвин оставлял за собой на своем пути по пространству и времени.

— На мой взгляд, ты прав,— медленно проговорил Хилвар.— Наши два народа были разделены слишком долгое время.— Это ведь правда, подумалось ему, хотя он и понимал, что личные его ощущения все еще противоречат такому ответу. Но Олвин не успокоился.

— Есть еще одна проблема, которая меня волнует,— обеспокоенно сказал он.— Различие в длительности наших жизней.— Он не добавил больше ни слова, но оба они в этот момент знали, о чем именно думает сейчас друг.

— Меня это тоже тревожит,— признался Хилвар.— Но мне кажется, что к тому времени, как наши народы смогут снова хорошо узнать друг друга, проблема эта разрешится сама собой. Мы оба можем оказаться правы: пусть наши жизненные циклы слишком коротки, но зато ваши, без сомнения, чересчур уж длинны. В конце концов будет найден какой-то компромисс.

Олвин задумался над этим. В самом деле, единственную надежду следовало искать только в этом направлении, однако столетия переходного периода, конечно же, будут очень сложными. Он снова припомнил горькие слова Сирэйнис: «И он, и я будем мертвы уже целые столетия, в то время как вы будете еще молодым человеком...» Что ж, хорошо: он примет эти условия. Даже в Диаспаре все дружеские связи развивались в тени того же самого — сотня ли лет, миллион ли, в конце концов это не имело значения.

С уверенностью, которая выходила за пределы логики, Олвин знал, что благополучие народа требовало сосущест-

вования двух культур. В этом случае индивидуальное счастье окажется на втором плане. На момент человечество представилось Олвину чем-то куда более драгоценным, нежели как просто фон его собственного бытия. И он без колебаний принял ту долю личных потерь, которую, наступит день, принесет ему сделанный им выбор.

Мир под ними продолжал свое бесконечное вращение. Чувствуя настроение друга, Хилвар молчал, пока наконец Олвин сам не нарушил устоявшуюся тишину.

— Когда я в первый раз ушел из Диаспара, я и понятия не имел, а что же я надеюсь найти,— сказал он.— Тогда меня вполне мог удовлетворить Лиз, и он меня и удовлетворил, но теперь все на Земле кажется таким маленьким... Каждое сделанное мною открытие вызывало все более серьезные вопросы, открывало более широкие горизонты... Где, где все это кончится?..

Никогда еще Хилвар не видел своего друга таким задумчивым, и ему не хотелось мешать этой погруженности в самого себя. За последние несколько минут он очень многое узнал о друге.

— Робот сказал мне, что этот корабль может достичь Семи Солнц меньше чем за день,— сказал Олвин.— Как ты считаешь — отправиться мне туда?

— А ты что же — полагаешь, что мне удастся тебя отговорить? — вопросом же негромко ответил Хилвар.

Олвин улыбнулся:

— Это не ответ. Кто знает, что именно лежит там, в пространстве? Может, Пришельцы и покинули Вселенную, но в ней могут найтись и другие разумные существа, враждебные Человеку.

— Да с какой же стати им быть враждебными? — поразился Хилвар.— Эту проблему наши философы обсуждали на протяжении веков. По-настоящему разумная раса просто не может быть враждебной разуму.

— Но Пришельцы...

— Они — загадка, я согласен. Если они действительно были злобны, то к настоящему времени наверняка уже унич-

тожили сами себя. Но даже если этого и не произошло...— Хилвар указал на бесконечные пустыни под кораблем: — Когда-то у нас была Галактическая Империя. Что есть у нас теперь такое, что им хотелось бы захватить?

Олвин был несколько удивлен, что вот нашелся и еще один человек, исповедующий точку зрения, так близко подходящую к его собственной.

— И что — весь ваш народ думает так же? — поинтересовался он.

— Да нет, только меньшинство. Средний человек над всем этим просто не задумывается. Но спроси такого — и он наверняка скажет, что если бы Пришельцы и в самом деле хотели уничтожить Землю, они сделали бы это уже давным-давно. Мне как-то не кажется, что хотя бы кто-то боится их и на самом деле.

— В Диаспаре все совсем по-другому,— вздохнул Олвин.— Мои сограждане — безумные трусы. Они ужасаются при одной мысли о том, что можно выйти за пределы городских стен, и я просто не представляю себе, что с ними станется, когда они проведают о моем космическом корабле. Джизирак сейчас уже, конечно, обо всем рассказал Совету. Хотелось бы мне знать, что они предпринимают.

— Это-то я могу тебе сказать! Сейчас они готовятся принять первую делегацию из Лиза. Мне только что сказала об этом Сирэйнис.

Олвин снова посмотрел на экран. Сам он мог в мгновение ока покрыть расстояние между Лизом и Диаспаром. Одна из целей была достигнута, но теперь это уже не казалось таким уж важным. И все же он был очень рад. Уж теперь-то окончатся долгие века стерильной изоляции.

Сознание, что он добился успеха в том, что когда-то было его главной миссией, выветрило из головы последние сомнения. Здесь, на Земле, он исполнил свое дело быстрее и тщательнее, чем мог надеяться поначалу. Был открыт путь к тому, что могло бы стать его последним и, уж конечно, самым выдающимся предприятием.

— Отправишься со мной? — спросил он, отлично сознавая, чего именно просит.

Хилвар пристально посмотрел на него.

— Мог бы и не спрашивать,— ответил он.— Я сообщил маме и всем друзьям, что улетаю с тобой, и было это добрый час назад!

Они находились очень высоко, когда Олвин закончил отдавать роботу последние распоряжения. Корабль к этому времени почти остановился, и Земля лежала в тысяче миль под ним, едва не закрывая все небо. Вид у нее был какой-то неуютный. Олвину подумалось о том, сколько кораблей в прошлом висело вот тут некоторое время, прежде чем продолжить свой путь...

Пауза затянулась, как если бы робот тщательнейшим образом проверял все органы управления и многочисленные электрические цепи, которыми не пользовались на протяжении целых геологических эпох. Затем раздался какой-то очень слабый звук — первый, который услышал Олвин от этой машины. Это было едва различимое пение, оно быстро меняло тональность — от октавы к октаве, забираясь все выше и выше, и вот уже ухо было не в силах его воспринимать. Они не ощутили никакого изменения в движении корабля, но внезапно Олвин обратил внимание, что звезды поплыли по экрану. Снова появилась Земля — и откатилась назад... появилась опять, но уже в другом ракурсе. Корабль охотился за своим курсом, крутясь в космосе, как крутится стрелка компаса, когда она ищет север. В течение нескольких минут небеса рыскали вокруг них, пока наконец корабль не остановился — гигантский снаряд, нацелившийся на звезды.

В самом центре экрана во всем своем радужном великолепии лежали теперь Семь Солнц. От Земли остался лишь самый краешек — темный серпик месяца, отороченный золотом и пурпуром заката. Олвин понимал, что сейчас происходит что-то, выходящее за пределы его опыта. Он ждал, вцепившись в подлокотники кресла. Секунды капали одна за другой, а на экране сияли Семь Солнц.

Ни звука не раздалось, когда произошел этот внезапный рывок, который на миг замутил зрение, но Земля исчезла,

словно чья-то гигантская рука просто смела ее с небосвода. Они оказались одни в космосе — только они и звезды да странно съежившееся Солнце. Земля пропала, будто ее никогда и не было.

Снова такой же рывок, но на этот раз послышался и едва уловимый звук, как будто бы только вот сейчас генераторы корабля отдали движению более или менее заметную долю своей энергии. И все же какую-то секунду еще казалось, что ничего не произошло. Но почти тотчас же Олвин осознал, что исчезло и Солнце, а звезды медленно ползут назад вдоль корпуса корабля. Он обернулся на мгновение и — ничего не увидел. Все небо в задней полусфере просто исчезло, сметенное тьмой. Он успел заметить, как звезды срываются в эту тьму и гаснут, будто искры, падающие в воду. Корабль двигался теперь со скоростью куда большей, чем скорость света, и Олвин понял, что родной мир Земли и Солнца им с Хилваром уже не принадлежит.

Когда этот внезапный головокружительный рывок произошел в третий раз, сердце у него почти остановилось. Странное затемнение зрения теперь стало очевидно: на какой-то момент все окружающее, казалось, до неузнаваемости изменило свои очертания. Откуда оно — это искажение, Олвин понял в каком-то озарении, происхождения которого он не мог бы объяснить. Мир искривился на самом деле, это не были шутки зрения. Пронизывая тонкую пленку Настоящего, Олвин каким-то образом схватывал основные черты перемен, происходящих вокруг него в пространстве.

И в этот миг шепот генераторов превратился в рев потрясающей силы. Звук этот был в особенности страшен, потому что генераторы корабля зашлись в протесте в первый раз за все это время. Почти тотчас же все и кончилось, и внезапно наступившая тишина, казалось, зазвенела в ушах. Устройства, приводящие корабль в движение, сделали свое дело: теперь они уже не понадобятся до самого конца путешествия. Звезды впереди сияли бело-голубым огнем и пропадали в ультрафиолете. И все же благодаря какому-то чуду природы или науки Семь Солнц видны были по-прежнему, хотя теперь их расположение и цвет все-таки слегка

изменились. Корабль стремглав несся к ним сквозь туннель черноты, за пределами пространства, за пределами времени, и скорость его была слишком громадной, чтобы человеческий разум мог ее оценить.

Было трудно поверить, что их вышвырнуло из Солнечной системы со стремительностью, которая, если ее не обуздать, скоро пронесет корабль через самое сердце Галактики и выбросит в неимоверно пустынные и темные пространства за ее пределами. Ни Олвин, ни Хилвар не могли оценить всей громадности своего путешествия; величественные саги о межзвездных странствиях совершенно переменили взгляд Человека на Вселенную, и даже сейчас, спустя миллионы столетий, древние мифы еще не совсем умерли. Существовал когда-то корабль, шептала легенда, который совершил кругосветное путешествие по космосу за время от восхода до заката Солнца. Все эти миллиарды миль, разделяющие звезды, не значили ровно ничего перед такой скоростью. Вот почему для Олвина этот полет был лишь чуть-чуть более грандиозным, чем его первая поездка в Лиз.

Именно Хилвар вслух выразил их общую мысль при виде того, как Семь Солнц впереди исподволь набирают яркость.

— А ведь такое вот их расположение не может быть естественным,— задумчиво проговорил он.

Олвин кивнул:

— Я думал над этим на протяжении многих лет, но даже сама мысль о такой возможности все еще представляется мне фантастической.

— Возможно, эту систему создали и не люди,— согласился Хилвар,— но все же она должна быть творением разума. Природе никогда бы не сотворить такое вот совершенное кольцо из звезд равной яркости. И в видимой части Вселенной нет ничего похожего на Центральное Солнце.

— Но... зачем же это понадобилось?..

— О, можно напридумывать сколько угодно причин! Вдруг это сигнал, чтобы любой корабль, проникающий в нашу Вселенную, знал, где искать жизнь... Или — указание

на расположение центра галактической администрации... Или, может быть,— и я почему-то склоняюсь к тому, что так оно и есть,— это просто самое величественное из всех произведений искусства. Но что толку-то размышлять об этом сейчас? Мы же через несколько часов все равно узнаем истину.

«Узнаем истину»... Очень может быть, подумалось Олвину, но вот какую часть ее? Казалось странным, что сейчас, когда он покидал Диаспар — а в сущности, и самое Землю — со скоростью, выходящей далеко за пределы самого смелого воображения, его разум обращался не к чему-нибудь, а к самой тайне его собственного происхождения. Но возможно, это было и не столь уж удивительно. Ведь с тех самых пор, как впервые попал в Лиз, он действительно узнал очень многое, но до сих пор у него и минутки свободной не было, чтобы спокойно предаться размышлениям.

А сейчас ему не оставалось ничего другого, кроме как сидеть и ждать. Его непосредственным будущим управляла чудесная машина — без сомнения, одно из самых высоких достижений инженерной мысли во все времена,— которая несла его в самый центр Вселенной. Момент для размышлений и анализа, хотел он того или нет, наступил именно теперь. Но сначала он расскажет Хилвару обо всем, что произошло с ним с момента его торопливого отбытия двумя днями прежде.

Хилвар выслушал одиссею без всяких комментариев и не требуя разъяснений. Казалось, он тотчас схватывает все, что говорит ему Олвин, и он не выказал ни малейшего удивления даже тогда, когда друг рассказал о своей встрече с Центральным Компьютером и о той операции, которую мозг города произвел с сознанием робота. Это, конечно, вовсе не означало, что он был не способен удивляться. Просто известная ему история прошлого изобиловала чудесами, вполне сравнимыми с любым эпизодом из истории Олвина.

— Мне совершенно ясно, что Центральный Компьютер получил насчет тебя какие-то специальные инструкции — еще когда его только построили,— сказал Хилвар, едва Ол-

вин завершил свое повествование.— Теперь-то ты должен бы уже догадаться почему.

— Мне кажется, я знаю. Часть ответа сообщил мне Хедрон, когда объяснил, каким образом люди, разработавшие концепцию Диаспара, предусмотрели все, чтобы предотвратить его упадок.

— Выходит, по-твоему, что и ты сам, и другие Неповторимые, которые были еще до тебя, все вы — часть какого-то социального механизма, который предотвращает полный застой? Так что если Шуты — это только кратковременные корректирующие факторы, то ты и тебе подобные должны работать на долгую перспективу?

Хилвар выразил эту мысль лучше, чем мог бы и сам Олвин, и все же это было совсем не то, что пришло ему в голову.

— Да нет, я убежден, что истина-то куда более сложна. Очень уж похоже на то, что, когда город еще только строился, произошло столкновение мнений между теми, кто хотел совершенно отгородить его от остального мира, и теми, кто выступал за некоторые контакты Диаспара с этим миром. Победила первая группировка, но те, другие, не захотели признать свое поражение. И вот, мне кажется, Ярлан Зей был, должно быть, одним из их лидеров, только он был недостаточно могущественным, чтобы выступить в открытую. Он сделал все, что мог, оставив подземку в рабочем состоянии и предусмотрев, чтобы через долгие интервалы времени кто-то выходил из Зала Творения с психологией человека, ни в малейшей степени не разделяющего страхов своих сограждан. В сущности-то, мне вот что интересно...— Олвин остановился, и глаза его затуманились мыслью до такой степени, что какое-то время он, похоже, просто не отдавал себе отчета в окружающем.

— Ты о чем задумался? — спросил Хилвар.

— Мне просто пришло в голову... может быть, я и есть Ярлан Зей? Это, знаешь, вполне возможно. Он мог внести матрицу своей личности в Хранилища Памяти и возложить на нее задачу взломать форму Диаспара, прежде чем она

закостенеет. Придет день, когда я должен буду выяснить, что же случилось с теми, предыдущими Неповторимыми. Это ведь помогло бы стереть множество белых пятен в общей картине.

— И Ярлан Зей — или кто бы это ни был — также проинструктировал Центральный Компьютер оказывать Неповторимым помощь, когда бы они ни появлялись,— задумчиво произнес Хилвар, следуя линии его логики.

— Вот именно! Ирония же заключается в том, что я мог получить всю необходимую информацию прямо от Центрального Компьютера и мне не нужно было бы потрошить беднягу Хедрона. Мне-то Центральный сообщил бы гораздо больше, чем то, что он когда-либо рассказывал Шуту. Но все-таки Хедрон сэкономил для меня бездну времени и научил многому, до чего я сам никогда бы не додумался.

— Твоя гипотеза вроде бы и объясняет все известные факты,— осторожно сказал Хилвар.— К несчастью, она все еще оставляет открытой самую глубокую проблему из всех — изначальную цель создания Диаспара. Почему ваши люди склонны считать, что внешнего мира просто не существует? Вот вопрос, на который я хотел бы получить ответ.

— Я как раз и собираюсь на него ответить,— сказал Олвин.— Только не знаю — когда и как.

И так они спорили и мечтали, в то время как час за часом Семь Солнц расплывались в стороны, пока кольцо их не обрисовало внешние обводы этого странного туннеля ночи, в котором мчался корабль. Затем одна за другой наружные звезды исчезли на грани черноты, и наконец в центре экрана осталось только среднее солнце Семерки. Хотя корабль все еще пронизывал не его пространство, среднее светило уже сияло тем жемчужным огнем, который выделял его из всех остальных звезд. Яркость его увеличивалась с каждой минутой, пока наконец оно из точки не превратилось в крохотный жемчужный диск. И этот диск принялся увеличиваться в размерах.

Раздалось кратчайшее из кратких предупреждение: на какое-то мгновение в корабле завибрировала глубокая, ко-

локольного тона нота. Олвин стиснул подлокотники кресла — движение это было достаточно бессмысленным.

И снова взорвались жизнью гигантские генераторы, и с внезапностью, которая почти ослепила, на небе появились все его звезды. Корабль снова выпал в пространство, снова появился во Вселенной солнц и планет, в естественном мире, где ничто не может двигаться быстрее света.

Они оказались уже внутри системы Семи Солнц — огромное кольцо разноцветных шаров теперь явно доминировало в черноте космоса. Но разве можно было назвать это чернотой! Звезды, которые были им знакомы, все привычные созвездия куда-то пропали. А Млечный Путь уже не рисовался слабой полоской тумана на одной стороне небосвода. Он гордо пролегал теперь в самом центре мироздания, и широкое его полотно делило Вселенную надвое.

Корабль все еще очень быстро двигался в направлении Центрального Солнца, а шесть остальных звезд системы были словно разноцветные маяки, расставленные кем-то по небу. Неподалеку от ближайшей из них просматривались крохотные искорки планет — должно быть, планеты эти были неимоверных размеров, если их было видно с такого расстояния.

Причина туманного, а потому и жемчужного свечения Центрального Солнца была теперь очевидна: гигантскую звезду окутывала газовая оболочка, она смягчала излучение и придавала ему характерный цвет. Глаз едва различал эту газовую туманность, и вся она была словно бы изломана, но как именно — невозможно было решить. Но оболочка была, и чем дольше на нее смотреть, тем протяженнее она представлялась.

— Ну, Олвин, у нас с тобой теперь достаточно миров, чтобы сделать выбор,— засмеялся Хилвар.— А может, ты нацелился исследовать их все?

— К счастью, в этом нет необходимости. Если мы только сможем где-то войти в контакт, то получим всю нужную нам информацию. Знаешь, логично, наверное, будет направиться к самой большой планете Центрального Солнца.

— Если только она не слишком уж велика. Я слышал, что некоторые планеты так огромны, что человек просто не может на них ступить — его собственный вес раздавит.

— Да навряд ли здесь есть что-нибудь подобное. Понимаешь, я уверен, что вся эта система полностью искусственная. Во всяком случае, мы же еще с орбиты сможем увидеть, есть ли на планете города и деревни.

Хилвар кивнул в сторону робота:

— Эта проблема решена. Проводник-то наш здесь ведь уже бывал. Он ведет нас домой, и мне хотелось бы узнать, о чем он в связи с этим думает.

Олвину это тоже пришло в голову. Но возможно ли, не бессмыслица ли, чтобы робот испытывал хоть что-нибудь, напоминающее человеческие чувства, пусть даже он и возвращался — после столь долгого отсутствия — к древнему дому своего хозяина?

Ни разу за все время с тех пор, как Центральный Компьютер снял блокировку, делавшую робота немым, машина не выказала ни малейшего признака эмоциональности. Робот отвечал на вопросы и повиновался командам, но истинное его «я» было для Олвина за семью печатями. А в том, что робот все-таки был личностью, Олвин был уверен. Иначе он не испытывал бы того туманного ощущения вины, которое охватывало его всякий раз, когда он вспоминал уловку, на которую попался робот.

Этот интеллект по-прежнему верил во все, чему научил его Мастер, хотя и видел, как тот «ставил» свои «чудеса» и лгал пастве. Странно, что эти неудобные факты не поколебали его преданности. По-видимому, он был способен — как и многие человеческие существа до него — примирять два противоречащих друг другу ряда фактов.

Теперь он прослеживал свои воспоминания в обратном направлении — к источнику их происхождения.

...Почти потерявшись в сиянии Центрального Солнца, лежала бледная искорка, вокруг которой поблескивали уж совсем крохотные миры. Необъятное по масштабам путешествие приближалось к концу. Через короткое время Олвину и Хилвару станет известно, не проделали ли они его впустую.

ГЛАВА 20

Планета, к которой они приближались, находилась теперь от них всего в нескольких миллионах миль — красивый шар, испещренный многоцветными пятнами света. На ее поверхности нигде не могло быть темноты, потому что, по мере того как планета поворачивалась под Центральным Солнцем, по ее небу чередой проходили все другие светила системы. И теперь Олвин с предельной ясностью понял значение слов умирающего Мастера: «Как славно смотреть на цветные тени на планетах Вечного Света!»

Они были уже так близко, что различали континенты, океаны и слабую вуаль атмосферы. В очертаниях суши и водоемов тревожило что-то загадочное, и они тотчас же уловили, что границы тверди слишком уж правильны. Континенты этой планеты были теперь совсем не такими, какими создала их природа,— но сколь ничтожной задачей было это преобразование мира для тех, кто построил его солнца!

— Да ведь это вовсе и не океаны! — внезапно воскликнул Хилвар.— Гляди, на них видны какие-то отметины...

Только когда планета совсем приблизилась, Олвин смог ясно рассмотреть, что именно имел в виду его друг. Он заметил слабые полоски, какие-то штрихи вдоль границ континентов — далеко в глубине того, что он принял за океаны. Он пригляделся и тотчас же исполнился сомнением, потому что значение таких же вот линий было ему слишком хорошо известно. Он уже видел такие же раньше — в пустыне за пределами Диаспара, и они теперь сказали ему, что путешествие к планете оказалось напрасным.

— Она такая же сухая, как и Земля! — упавшим голосом выдохнул Олвин.— Вся ее вода исчезла... вон те черточки — это полосы соли, там испарялись моря.

— Они никогда бы этого не допустили,— отозвался Хилвар.— Полагаю, что в конце концов мы опоздали...

Разочарование было таким горьким, что Олвин просто не решался заговорить снова, боясь, что голос выдаст его, и только молча смотрел на огромный мир под собой. С по-

ражающей воображение величественностью проворачивалась планета под кораблем, ее поверхность медленно поднималась им навстречу. Теперь были уже видны и здания — крохотные белые инкрустации всюду, кроме дна океанов.

Когда-то этот мир был центром Вселенной. Ныне же он замер, его воздушное пространство пустовало, и на поверхности не было видно спешащих точек, свидетельствующих о том, что здесь кипит жизнь. И все же корабль по-прежнему неуклонно скользил над этим застывшим каменным морем, которое то там, то здесь собиралось в огромные волны, бросающие вызов небу.

В конце концов корабль остановился, как если бы робот внезапно отыскал в памяти то, что нужно, добравшись до самых ее глубин. Под ними высилась колонна из снежно-белого камня, вздымающаяся из самого центра невероятных размеров амфитеатра. Олвин немного подождал. Корабль оставался неподвижным, и тогда он приказал роботу приземлить его у подножия колонны.

Даже до этого вот момента Олвин втайне еще надеялся обнаружить на планете жизнь. Надежда исчезла, едва был открыт воздушный шлюз. Никогда прежде, даже в уединении Шалмирейна, не обволакивала их такая вот всепоглощающая тишина. На Земле всегда можно было уловить шорох голосов, шевеление живых существ или же, на худой конец, хотя бы вздохи ветра. Здесь ничего этого не было и уже не будет никогда.

— Почему ты привел нас именно на это место? — спросил Олвин у робота. Сам по себе ответ мало его интересовал — просто инерция исследования все еще несла его, хотя он и потерял всякое желание продолжать поиск.

— Мастер покинул планету именно отсюда,— ответил робот.

— Такого вот объяснения я и ожидал,— удовлетворенно сказал Хилвар.— Неужели до тебя не доходит ирония происходящего? Он бежал из этого мира всеми оплеванный — а теперь посмотри только на этот вот мемориал, который воздвигли в его честь!

Каменная колонна, возможно, в сотню раз превышала рост человека и стояла в центре металлического кольца, слегка приподнятого над уровнем равнины. Она была совершенно гладкая и без каких бы то ни было надписей. Сколько же времени, подумалось Олвину, собирались здесь околпаченные этим Мастером, воздавая ему почести? И узнали ли они, что он умер в изгнании на далекой Земле?

Все это теперь не имело никакого значения. И сам Мастер, и его паства были погребены вечностью.

— Выйди,— настойчиво приглашал Хилвар, пытающийся вывести Олвина из этого подавленного состояния.— Ведь мы же половину Вселенной пересекли, чтобы увидеть это место. Уж по крайней мере, ты мог бы сделать над собой усилие и выйти наружу.

Против своего желания Олвин улыбнулся и вслед за Хилваром прошел воздушный шлюз. Но когда он оказался снаружи, настроение его стало мало-помалу подниматься. Даже если этот мир и оказался мертв, в нем должно найтись немало интересного, такого, что позволит ему раскрыть некоторые загадки прошлого.

Воздух был какой-то спертый, но им вполне можно было дышать. Несмотря на множество солнц на небе, жара не чувствовалась. Заметное тепло источал только белый диск Центрального Солнца, но и оно, это тепло, казалось, теряло свою силу, просачиваясь сквозь туманную дымку вокруг звезды. Другие же солнца давали свою долю света, но никак не тепло.

Им понадобилось всего несколько минут, чтобы убедиться, что этот обелиск ни о чем им не поведает. Упрямый материал, из которого он был сделан, ясно демонстрировал отметины, оставленные временем. Кромки его округлились, а металл, на котором он покоился, был исшаркан миллионами ног целых поколений пилигримов и просто любопытствующих. Странно было думать, что вот они двое, возможно, и есть последние из миллиардов человеческих существ, когда-либо стоявших на этом месте.

Хилвар уже хотел было предложить возвратиться на корабль и перелететь к ближайшему из расположенных в окрест-

ностях обелиска зданий, когда Олвин обратил внимание на длинную узкую трещину в мраморном полу амфитеатра. Они прошли вдоль нее на довольно значительное расстояние, и трещина эта все время расширялась, пока наконец не сделалась настолько широка, что уже нельзя было встать, поставив ноги на ее края.

Еще несколько секунд ходьбы — и они оказались возле того, что эту трещину породило. Поверхность амфитеатра в этом месте была расколота и разворочена, и образовалось гигантское углубление — длиной более чем в милю. Не требовалось ни какой-то особой догадливости, ни сильного воображения, чтобы установить причину всего этого. Столетия назад — хотя, несомненно, уже много времени спустя после того, как этот мир был покинут,— какая-то огромная цилиндрическая форма некоторое время покоилась здесь, а затем снова ушла в пространство, оставив планету наедине с ее воспоминаниями.

Кто они были? Откуда пришли? Олвин мог только глядеть и гадать. Ответа ему не узнать, поскольку он разминулся с этими более ранними посетителями на тысячу, а то и на миллион лет.

В молчании двинулись они обратно к своему кораблю. Каким бы малюткой выглядел он рядом с тем, чудовищных размеров межзвездным скитальцем, который когда-то лежал здесь! Поднявшись, они медленно полетели над всей этой местностью, пока не приблизились к самому удивительному из зданий, рассеянных по ней. Когда они приземлились перед изукрашенным входом, Хилвар указал на то, что Олвин заметил и сам:

— Не больно-то эти здания безопасны! Погляди, сколько тут нападало камней,— да это просто чудо, что они еще держатся! Будь на этой планете бури, здания-то уж столетия назад сровнялись бы с землей. Не думаю, что это будет мудро — войти в одно из них.

— А я и не собираюсь. Давай пошлем робота — он же передвигается куда быстрее, чем мы, ни за что там не зацепится и не обрушит на себя перекрытия.

Хилвар такую предосторожность одобрил, но настаивал и еще на одной, которой Олвин не предусмотрел. Прежде чем робот отправился в разведку, Олвин приказал ему записать в память искусственного мозга корабля — почти столь же развитого, как и у самого робота,— подробный набор команд для возвращения на Землю, что бы ни случилось с их пилотом.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы убедиться, что этот мир ничего не в силах им предложить. Сидя перед экраном в корабле, они миля за милей наблюдали пустынные, покрытые слоем пыли коридоры и проходы, которые проплывали перед ними, по мере того как робот исследовал эти безлюдные лабиринты.

Все здания, построенные разумными существами, какой бы формы ни были их тела, должны соответствовать определенным основным законам, и спустя некоторое время даже самые, казалось бы, чужеродные архитектурные формы перестают вызывать удивление, мозг словно бы гипнотизируется бесконечным повторением одного и того же и теряет способность воспринимать новые впечатления. Здания на этой планете, похоже, предназначались исключительно для жилья, и существа, некогда обитавшие в них, по своим размерам приблизительно соотносились с человеком. Очень может быть, что они и были людьми. Верно, что в этом здании было очень много комнат и помещений, проникнуть в которые могли только летающие существа, но это вовсе не означало, что строители зданий и сами были крылаты. Они могли, скажем, пользоваться индивидуальными гравитационными устройствами, которые когда-то были широко распространены, но от которых в Диаспаре сейчас не осталось и следа.

— Да мы можем потратить миллионы лет, исследуя все эти здания,— очнулся наконец Хилвар.— Ясно же, что их не просто бросили — их тщательно освободили от всего ценного, что они могли содержать. Мы только зря тратим время.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Хорошо бы осмотреть еще два или три района планеты, да и убедиться, что все они — один к одному, как я ожи-

даю. Потом нам следует так же быстро ознакомиться с другими планетами, а приземляться только в тех случаях, если какая-то покажется нам сильно отличающейся от всех предыдущих или же если мы заметим что-нибудь необычное. И это все, на что мы можем надеяться, если только не собираемся торчать тут до конца своих дней.

Это было достаточно справедливо. Они собирались войти в контакт с разумными существами, а вовсе не археологическими раскопками заниматься. Первую задачу можно было бы выполнить за какие-то несколько дней — если выполнить вообще. Вторая потребовала бы столетий труда целых армий людей и роботов.

Двумя часами позже они покинули планету и были рады, что так поступили. Олвин решил, что даже в те времена, когда она еще цвела жизнью, мир этих бесконечных зданий был достаточно гнетущ. Они не встретили ни следа парков или каких-нибудь открытых пространств, на которых могла произрастать какая-нибудь растительность. Это был абсолютно бесплодный мир, и им трудно было представить себе психологический склад существ, которые его населяли. Олвин решил для себя, что если и следующая планета очень похожа на эту, то он, скорее всего, тут же свернет поиски.

Она не была очень похожей. Более того — контраст разительнее трудно было бы и представить.

Эта планета находилась ближе к солнцу и даже из космоса выглядела знойной. Часть ее закрывали низкие облака, что указывало на обилие воды, но океанов не было и следа. Не было заметно и никаких признаков разумной жизни: они дважды облетели планету и так и не увидели ни единого создания рук человеческих. Весь ее шар — от полюсов до экватора — был покрыт ковром ярчайшей зелени.

— Вот кажется мне, что здесь нам надо быть очень и очень осторожными,— заметил Хилвар.— Это живой мир, и мне как-то совсем не нравится цвет здешней растительности. Наверное, разумнее всего будет оставаться в корабле и совсем не открывать шлюз.

— И что — даже и робота на разведку не посылать?

— Вот именно. Ты ведь просто не знаешь, что такое болезни, и, хотя мой народ и умеет с ними бороться, мы слишком уж далеко от дома. Кроме того, здесь ведь могут встретиться и такие опасности, о которых мы с тобой просто и не подозреваем. Знаешь, мне кажется, что это мир, который как бы сошел с ума. Когда-то, возможно, он весь был большим таким садом или парком, но потом его забросили, и природа снова взяла свое. Когда вся эта звездная система была обитаема, он просто не мог быть таким, как сейчас.

Олвин ничуть не сомневался в правоте Хилвара. Действительно, чувствовалось что-то зловещее и враждебное тому порядку и всей той правильности, на которых зиждились Лиз и Диаспар, в этой вот биологической анархии внизу, под ними. Миллиард лет здесь бушевала непрекращающаяся битва. И конечно, было бы проявлением мудрости опасаться тех, кто в ней выжил.

Сторожко пробирались они в своем корабле вдоль обширного ровного плато — такого однообразного, что уже само это немедленно поставило их перед загадкой. Плато оказалось обрамлено более высокой местностью, сплошь заросшей деревьями, о высоте которых можно было только догадываться,— стояли они так тесно и были так погружены в подлесок, что стволов просто не было видно. В верхней части крон летало неисчислимое количество каких-то крылатых существ. Но они мелькали слишком уж быстро, и определить, что это — птицы или насекомые или же ни то ни другое,— было просто невозможно.

То тут, то там какой-нибудь лесной исполин ухитрялся вскарабкаться на несколько десятков футов над соперничающими с ним соседями, которые немедленно образовывали короткое содружество, с тем чтобы свалить его и ликвидировать набранное нахалом преимущество. Это была молчаливая война, и велась она слишком медленно, чтобы быть заметной глазу, но впечатление безжалостного, жестокого конфликта было просто ошеломляющим.

Плато же по сравнению с лесом казалось скучным и не обремененным никакими событиями. Оно было плоским,

если не считать нескольких дюймов перепада по высоте между одним его краем и другим, и простиралось далеко, до самого горизонта. Было похоже, что оно заросло редкой, похожей на проволоку травой. Они спустились над ним до высоты в пятьдесят футов, но так и не разглядели никаких признаков животной жизни, что, по мнению Хилвара, было несколько странно. Он решил, что, возможно, приближение корабля загнало обитателей плато под землю.

Они висели над самой поверхностью, пока Олвин пытался убедить Хилвара, что открыть воздушный шлюз — совсем безопасно, а Хилвар, со своей стороны, терпеливо объяснял ему, что такое вирусы, бактерии и грибки, и Олвин не мог их себе вообразить и еще меньше был способен понять, какое они имеют к нему отношение. Спор длился уже несколько минут, когда они не без любопытства заметили, что экран, который лишь минуту назад исправно показывал им панораму леса, стеной стоящего впереди, погас.

— Это ты его выключил? — спросил Хилвар, на мгновение, как обычно, опередив Олвина.

— Да нет,— ответил Олвин, и ледяные мурашки побежали у него по спине, как только в голову ему пришло единственное иное объяснение.— А ты не выключал его? — обратился он к роботу.

— Нет,— эхом его собственных слов прозвучал ответ.

Со вздохом облегчения Олвин отбросил мысль о том, что робот мог начать действовать по собственному разумению, что на борту вспыхнул мятеж машин.

— Тогда почему же экран не работает? — спросил он.

— Рецепторы изображения оказались закрыты.

— Не понимаю,— бросил Олвин, забыв в эти мгновения, что робот способен действовать только по прямому указанию и отвечать только строго в рамках заданного ему вопроса. Он быстро поправился: — Чем закрыты?

— Мне неизвестно.

Краткая точность робота порой может привести в отчаяние ничуть не менее глубокое, чем многословие некоторых людей. Прежде чем Олвин собрался с силами, чтобы

продолжить допрос, в бесплодный этот диалог вмешался Хилвар.

— Скажи ему, чтобы он поднял корабль, но только медленно,— сказал он, и в голосе у него прозвучала нотка настойчивости.

Олвин повторил команду. Как всегда, они не ощутили движения. Затем изображение снова медленно появилось на экране, хотя некоторое время еще и продолжало оставаться каким-то размытым и искаженным. Но они увидели достаточно, чтобы похоронить спор о воздушном шлюзе.

Ровное плато уже не было ровным. Прямо под ними сформировалась огромная выпуклость, разорванная на самой вершине — в том месте, где корабль выпростался из цепких объятий. Гигантские ложноножки в ярости беспорядочно хлестали во всех направлениях над образовавшимся провалом, будто пытаясь вновь ухватить добычу, которая только что ускользнула из их объятий. Глядя на все это с изумлением, к которому примешивалась и немалая доля страха, Олвин успел заметить какое-то пульсирующее алое отверстие — возможно, ротовое, обрамленное хлыстообразными щупальцами, которые бились в унисон, отправляя все, что к ним попадало, в зияющую пасть.

Лишившись своей жертвы, неведомое существо медленно погружалось в землю, и только теперь Олвин понял, что плато внизу оказалось всего лишь тонкой ряской на поверхности загнившего моря.

— Что это за штука? — едва вымолвил он.

— Мне пришлось бы спуститься и изучить ее, а уж тогда я тебе отвечу,— деловито сказал Хилвар.— Может статься, что это какая-то примитивная форма жизни, ну, что-нибудь вроде родственника нашего друга там, в Шалмирейне. Ничуть не сомневаюсь, что это совершенно безмозглая тварь, иначе бы она не решилась сожрать космический корабль.

Олвина чуть ли не трясло, хотя умом он и понимал, что никакая опасность им не угрожала. Некоторое время он фантазировал о том, кто же еще может жить там, внизу, под

этой невинной с виду ряской, которая так и звала опуститься на нее и пробежаться по ее упругой поверхности.

— Я мог бы провести здесь время с немалой пользой,— заявил ему Хилвар, который, судя по всему, был совершенно зачарован тем, что он только что увидел.— Надо думать, эволюция в этих вот условиях пришла к очень интересным результатам. Да и не только эволюция, но и обратный ей процесс — это когда высшие формы жизни начали деградировать после того, как планета была покинута разумными обитателями. Сейчас здесь, надо думать, достигнуто какое-то равновесие и... ты ведь не собираешься улетать немедленно? — Голос его, по мере того как ландшафт внизу ста́новился все мельче и мельче, звучал как-то особенно жалобно.

— Вот именно — собираюсь,— ответил Олвин.— Я видел мир, на котором не было никакой жизни, и мир, на котором ее слишком как-то много, и я не знаю, какой из них не понравился мне больше...

В пяти тысячах футов над поверхностью плато планета преподнесла им свой последний сюрприз. Они вдруг встретили целую флотилию огромных мешковатых пузырей, плывших по ветру. Из каждого этого полупрозрачного мешка свешивались ветви, образуя своего рода перевернутый лес. Некоторые растения в попытке избежать смертоубийственных конфликтов на поверхности планеты приноровились, оказывается, жить в воздухе! Благодаря какому-то чуду адаптации они научились производить водород и запасать его в пузырях, что позволило им подняться в сравнительно безопасные слои нижней части атмосферы.

И все же безопасность эта полной не была. Их перевернутые стволы и ветви буквально кишели целыми выводками каких-то паукообразных животных, которые, должно быть, всю свою жизнь проводили в воздухоплавании над поверхностью планеты, продолжая вести эту всеобщую битву за существование на своих изолированных островах. Весьма вероятно, что время от времени контакт с землей у них все же случался. Олвин увидел, как один огромный пузырь

внезапно схлопнулся и стал падать, причем лопнувшая оболочка действовала как какое-то грубое подобие парашюта. Мимолетно он еще задался вопросом — случайность ли это или же какая-то стадия жизненного цикла этих странных созданий.

...На пути к следующей планете Хилвар немного вздремнул. По какой-то причине, которую робот никак не мог им объяснить, корабль на этот раз двигался медленно — по крайней мере, по сравнению с той скоростью, с которой он мчался по Вселенной. Им понадобилось почти два часа, чтобы добраться до того мира, который Олвин выбрал для третьей остановки, и он был несказанно удивлен, что простое межпланетное путешествие потребовало такого срока.

Хилвара он разбудил, когда они уже погрузились в атмосферу.

— Ну и как тебе нравится вот это? — Он указал на экран.

Под ними простирался унылый пейзаж, окрашенный в серые и черные тона, нигде не видно было ни малейших признаков растительности или каких-нибудь других свидетельств существования здесь жизни. Если они и были, то только косвенными: низкие холмы и неглубокие долины несли на себе прекрасно сформированные полусферы, многие из которых располагались по сложным симметричным линиям.

Предыдущая планета научила их осторожности. Поэтому, тщательно взвесив все возможные последствия, они остались висеть в атмосфере, а вниз, на обследование, послали робота. Его-то глазами они и увидели, как одна из этих полусфер стала приближаться, пока робот не завис всего в нескольких футах над ее абсолютно гладкой поверхностью, на которой глазу не за что было зацепиться.

Не виделось и следа чего-либо похожего на вход, ничто и не намекало даже на цель, которой должно было служить это сооружение. Оно оказалось достаточно велико — более сотни футов в вышину. Иные из этих полусфер были еще выше.

После некоторого колебания Олвин приказал роботу двинуться вперед и притронуться к куполу. К его несказанному изумлению, робот отказался повиноваться приказу. И уж это-то действительно был мятеж — по крайней мере, так показалось сначала.

— Почему ты не выполняешь того, что я тебе приказываю? — спросил Олвин, когда немного опомнился от изумления.

— Запрещено,— последовал ответ.

— Кем это запрещено?

— Я не знаю.

— Тогда как же... Нет, можешь не отвечать. Был ли этот приказ встроен в тебя?

— Нет.

Это устраняло одну из возможностей. Строители этих вот куполов вполне могли оказаться создателями робота и включить свое табу в число фундаментальных принципов работы машины.

— Когда ты получил этот приказ?

— Когда приземлился.

Олвин повернулся к Хилвару. Свет новой надежды блистал в его глазах:

— Здесь есть разум! Ты его не чувствуешь?

— Нет,— ответил Хилвар.— Эта планета представляется мне такой же мертвой, как и первая.

— Я сейчас выйду и присоединюсь к роботу! Что бы это ни было — ну то, что говорит там с ним, оно ведь могло бы поговорить и со мной?..

Хилвар не стал спорить, хотя на лице у него не отразилось ни малейшего энтузиазма. Они посадили корабль в сотне футов от купола, поближе к роботу, и открыли воздушный шлюз.

Олвин отлично сознавал, что шлюз не может быть открыт до тех пор, пока мозг корабля не убедится в том, что атмосфера за бортом пригодна для дыхания. Какое-то мгновение ему казалось, что на этот раз мозг ошибся: слишком уж разрежен был здесь воздух, слишком мало кислорода доносил он до легких. Затем, вдохнув поглубже, Олвин об-

наружил, что кислорода вполне достаточно, чтобы выжить несколько минут по меньшей мере, хотя дольше ему и не выдержать.

Тяжело дыша, они подошли к роботу и к закругляющейся стенке таинственного купола. Шаг... еще шаг — и оба они разом остановились, словно настигнутые внезапным ударом. В мозгу у каждого, будто гулкий гром гигантского колокола, прозвучала одна-единственная фраза:

«Опасно! Ближе не подходить!»

И все. Это были не какие-то слова, а чистая мысль. Олвин был уверен, что любое существо, каков бы ни был уровень его развития, получит здесь то же самое предупреждение в том же самом неизменном виде — прямо в сознание.

При всем при том это было именно предупреждение, а не угроза. И Хилвар, и Олвин каким-то образом поняли, что оно вовсе не направлено против них и, более того, что оно служит их защите. Оно как бы говорило: здесь находится нечто невообразимо опасное и мы, его создатели, исполнены желания никому не причинить вреда...

Молодые люди отошли на несколько шагов и поглядели друг на друга: каждый ждал, чтобы именно другой первым сказал, о чем же он сейчас думает.

Подытожил Хилвар:

— Слушай, а ведь прав я оказался. Никакой разумной жизни здесь и в помине нет. А предупреждение это — оно автоматическое: оно включилось самим нашим с тобой присутствием, когда мы приблизились к дозволенной границе.

Олвин кивнул, соглашаясь:

— Но вот интересно, а что же это они пытаются защитить? Ну, скажем, под этими куполами могут оказаться дома, все, что угодно...

— Нам никак этого не узнать, если каждый купол будет просить нас отойти. Но ведь как интересно — я про все эти различия между тремя планетами! Они все забрали с самой нашей первой... Оставили вторую, не позаботившись о ней ни на вот столько... А тут вот они озаботились прямо сверх всякой меры!.. Может и так статься, что они надеялись в

один прекрасный день возвратиться и поэтому хотели, чтобы к их возвращению все было готово.

— Но ведь они же так и не возвратились, а было это все так давно...

— А может, они передумали?..

Странно, пришло в голову Олвину, как оба они — и Хилвар, и он сам — бессознательно стали пользоваться этим словом... Кто бы и что бы «они» ни были, их присутствие явственно ощущалось на той, первой планете и еще более сильно — сейчас. Перед ними находился мир, который был тщательнейшим образом упакован и, так сказать, отложен про запас, пока он не понадобится снова.

— Пошли к кораблю,— предложил Олвин.— Я даже дышать-то здесь толком не могу!

Как только шлюз за ними закрылся и они снова почувствовали себя в своей тарелке, наступило время обсудить дальнейшие свои шаги. Детальное исследование планеты предполагало проверку огромного числа куполов в надежде, что удастся найти такой, который не станет предупреждать об опасности и в который можно будет проникнуть. Если же и эта попытка провалится, то тогда... Впрочем, Олвин и думать не хотел о такой возможности, пока обстоятельства не заставят его смириться с неизбежным.

С этими самыми обстоятельствами он столкнулся менее чем через час и куда более драматическим образом, чем ему могло представиться. Они посылали робота более чем к десятку куполов — и каждый раз все с тем же результатом,— пока не натолкнулись на сцену, которая в этом аккуратном, тщательно упакованном мире буквально ни в какие ворота не лезла.

Перед ними предстала широкая долина, там и сям испятнанная этими дразнящими, непроницаемыми куполами. В центре ее был виден — перепутать это было невозможно ни с чем — шрам от огромного взрыва, разметавшего обломки во всех направлениях на многие мили и проплавившего в поверхности планеты глубокий кратер.

И рядом с этим кратером валялись останки космического корабля...

ГЛАВА 21

Они приземлились совсем близко от места этой древней трагедии и медленно, щадя дыхание, двинулись к гигантскому остову, возвышающемуся над ними. Лишь одна короткая секция — может быть, это была корма — осталась от корабля, все же остальное, надо полагать, было уничтожено взрывом. Когда они вплотную приблизились к тому, что осталось после катастрофы, у Олвина сформировалась догадка, постепенно перешедшая в уверенность.

— Слушай-ка, Хилвар,— сказал он, думая о том, как же это трудно здесь — двигаться и говорить в одно и то же время,— мне кажется, что это тот самый корабль, который приземлялся на той, первой планете, у обелиска...

Не желая тратить дыхание, Хилвар только кивнул в ответ. Ему в голову уже пришла та же самая мысль. Это был превосходный предметный урок для неосторожных посетителей, подумалось ему. Он очень надеялся, что Олвин этот урок усвоит.

Они совсем близко подошли к корпусу корабля и стали разглядывать его обнаженные внутренности. Это было все равно что смотреть внутрь какого-то огромного здания, грубо разваленного надвое. Полы, стены, потолки, срезанные взрывом, являли глазу своего рода смятый чертеж поперечного сечения. Какие же странные существа, печально подумал Олвин, лежат в этих обломках — там, где застигла их смерть?

— Непонятно...— внезапно произнес Хилвар.— Эта вот часть страшно повреждена, но где же все остальное? Он что, переломился надвое еще в космосе и эта часть рухнула сюда?

Ответ на этот вопрос стал им ясен не прежде, чем они послали робота снова заняться исследованиями, да и сами внимательно изучили местность вокруг обломков. Не оставалось и тени сомнения: на небольшой возвышенности неподалеку от корпуса корабля Олвин обнаружил линию холмиков, каждый из которых был в длину не более десяти футов.

— Выходит, они опустились и пренебрегли предупреждением,— задумчиво произнес Хилвар.— Их распирало любопытство, как и тебя. И они попытались вскрыть один из куполов.

Он указал на противоположную стену кратера, на гладкую, по-прежнему ничем не отмеченную скорлупу купола, внутри которой создатели этого мира запечатали свои сокровища. Но то, что они увидели, куполом уже не было: теперь это была почти полная сфера, потому что грунт из-под нее вымело взрывом.

— Они погубили свой корабль, и многие из них были убиты. Но все же, несмотря на это, они как-то умудрились подремонтироваться и снова улететь, отрезав эту вот секцию и забрав из нее все более или менее ценное. Какой же это был, должно быть, труд!

Олвин почти не слышал друга. Он пристально разглядывал какое-то странное сооружение, которое, собственно, и привлекло его сюда. Это был высокий столб, пронзавший горизонтальный круг, вознесенный на треть его высоты, считая от вершины. Как ни странно, как ни незнакомо было это устройство, что-то в Олвине отзывалось на него.

Под этими камнями, если бы он решился потревожить покой спящих там, находился ответ по меньшей мере на один его вопрос. Но ему предстояло так и остаться без ответа. Кто бы ни были эти существа, они заслужили право покоиться в мире.

Хилвар едва расслышал слова, которые Олвин прошептал, когда они медленно направились к своему кораблю.

— Надеюсь, они все-таки добрались до дома,— сказал он.

— И куда же мы теперь? — спросил Хилвар, когда они снова оказались в космосе.

Прежде чем ответить, Олвин довольно долго в задумчивости смотрел на экран.

— Ты что — считаешь, что надо возвращаться? — вопросом на вопрос ответил он.

— Это было бы только разумно. Удача может нам теперь изменить, и кто знает, какие еще сюрпризы подготовили для нас другие планеты.

Это был голос рассудка и осторожности, и Олвин теперь был склонен придавать ему куда больше значения, чем несколькими днями раньше. Но слишком уж длинный путь лежал у него за спиной, и он всю жизнь ждал этого момента. Он не мог повернуть вспять, когда оставалось увидеть еще столь многое...

— Отныне мы будем оставаться в корабле. И нигде не будем приземляться,— сказал он.— Уж этого-то будет вполне достаточно для обеспечения безопасности, тут и говорить нечего.

Хилвар пожал плечами, словно отказываясь принимать какую бы то ни было ответственность за все, что может произойти в следующий раз. Теперь, когда Олвин выказал известную долю благоразумия и осторожности, Хилвар не считал нужным признаваться, что он и сам в равной степени сгорает от нетерпеливого желания продолжить их исследования, хотя, по правде сказать, он уже оставил всякую надежду повстречать на какой-то из всех этих планет разумную жизнь.

На этот раз перед ними лежал двойной мир — колоссальных размеров планета со спутником, обращающимся вокруг нее. Сама планета, похоже, была двойняшкой той, второй, на которой они уже побывали,— ее покрывала все та же самая ядовитая зелень. Садиться здесь не было никакого смысла — все это они уже изведали.

Олвин опустил корабль пониже к поверхности спутника планеты. Ему не потребовалось предупреждения от сложной системы защиты, чтобы понять, что атмосферы здесь нет. Все тени обрисовывались резко, и не было никакого постепенного перехода от ночи к дню. Кстати сказать, это оказался первый мир, на котором они увидели какое-то подобие ночи, потому что в том месте, где они легли на круговую орбиту, над горизонтом стояло только одно из наиболее удаленных солнц. Пейзаж был залит его унылым красным светом, и впечатление было такое, будто все сущее здесь окунули в кровь.

Миля за милей летели они над вершинами гор, которые и по сию пору оставались все такими же островерхими, как

и в далекие времена своего рождения. Это был мир, в котором такие понятия, как эрозия и перемены, не существовали, который никогда не подвергался разрушительной работе ветров или потоков дождевой воды. Здесь не требовалось Хранилищ Памяти, чтобы оставить в неизменности все элементы этой первозданной планетки.

Но если здесь не было воздуха, то, значит, не могло быть и жизни? Или же она все-таки могла существовать?

— Конечно, в этой идее с точки зрения биологии нет ничего абсурдного,— сказал Хилвар, когда Олвин задал ему этот вопрос.— Жизнь, конечно, не может изначально возникнуть в безвоздушном пространстве, но она вполне в состоянии развиться в формы, способные в нем выжить. Надо полагать, во Вселенной такое происходило многие миллионы раз — когда обитаемые планеты теряли вдруг свою атмосферу.

— Значит, по-твоему, в вакууме могут существовать и разумные формы жизни? Но разве они не смогли бы обезопасить свою планету от потери воздуха?

— Если это произойдет — я имею в виду катастрофу с атмосферой — уже после того, как они достигнут достаточно высокой стадии развития, чтобы предотвратить такое. Но вот если атмосфера улетучится, когда они еще находятся на примитивной стадии развития, им придется либо приспособиться, либо исчезнуть. После же адаптации они вполне могут достигнуть весьма высокого уровня интеллектуального развития. В сущности, это даже неизбежно: их изобретательность будет исключительно велика.

Ну, если говорить об этой вот планете, то рассуждения Хилвара не более чем абстракция, решил Олвин. Не видно было ни малейшего доказательства того, что когда-то здесь существовала жизнь — разумная или какая-то иная. Но в таком случае каково же предназначение этого мира? Ведь вся многообразная система Семи Солнц — теперь он был в этом совершенно уверен — была искусственного происхождения, и этот вот мир тоже должен был быть составной частью великого замысла.

Хотя, по правде сказать, эта планетка могла служить и каким-то чисто украшательским целям — скажем, просто чтобы красоваться луной на небе своего гигантского «хозяина». Но даже в этом случае представлялось вполне вероятным, что ей придумали бы и еще какую-то дополнительную функцию.

— Гляди-ка! — воскликнул вдруг Хилвар, указывая на экран.— Вон там, справа...

Олвин изменил курс корабля, и пейзаж тотчас наклонился. Скалы, освещенные красным, словно бы размывались скоростью их движения. Затем изображение стабилизировалось. И они увидели, что внизу под ними проносится неопровержимое свидетельство чьей-то разумной деятельности.

Да, неопровержимое — и в то же время какое-то сомнительное. На этот раз оно явилось им в виде редкого ряда стройных колонн, каждая из которых располагалась в сотне футов от соседней, а высотой была футов в двести. Колонны эти уходили вдаль, перспектива гипнотически уменьшала их все больше и больше, пока наконец горизонт не поглощал их совершенно.

Олвин бросил корабль вправо, и они помчались вдоль линии этих колонн. Он напряженно размышлял, для какой же цели могли они предназначаться. Все колонны были абсолютно одинаковы и непрерывной линией шагали через нагромождения скал и долины, и не было видно никаких признаков того, чтобы они когда-то что-нибудь поддерживали. Все они были совершенно гладкими и скучными, а к вершине чуть сужались.

Неожиданно череда этих колонн вдруг изменила свое направление под безупречным прямым углом. Олвин по инерции проскочил несколько миль, прежде чем среагировал и смог положить корабль на новый курс.

И снова колонны продолжали тянуться все тем же непрерывным забором, разрезая пейзаж,— все на том же расстоянии одна от другой. Затем, милях в пятидесяти от первого поворота, они снова резко свернули — и опять-таки под пря-

мым углом. Если дело и дальше так пойдет, подумал Олвин, то мы скоро очутимся там, откуда начали.

Бесконечная череда этих колонн так заворожила их, что, когда ей наступил конец, они оказались уже во многих милях от этой последовательности. Только тогда Хилвар закричал и заставил Олвина, который ничего не заметил, повернуть назад. Они медленно снизились, и, пока кружили над тем, что обнаружил Хилвар, у каждого в сознании стала оформляться фантастическая догадка. Но поначалу ни тот ни другой не решались ею поделиться.

Пара колонн оказалась сломана у самого основания. Обе лежали там же, где упали. Но и это еще было не все: две колонны, обрамляющие образовавшийся провал, оказались согнуты в наружном направлении какой-то неодолимой силой.

Было просто некуда деться от внушающего трепет вывода. Теперь Олвин понял, над чем это они летели. Такие вещи он видел в Лизе достаточно часто, но до сего момента поразительная разница в масштабах мешала ему узнать очевидное.

— Хилвар... да ты знаешь, что это такое? — спросил он, все еще испытывая затруднения в формулировании своей мысли.

— В это, конечно, трудно поверить,— отозвался Хилвар,— но... мы летели по периметру загона... Эти колонны — загородка, она вот в этом месте не оказалась достаточно надежной...

— Люди, которые держат домашних животных, должны заботиться о том, чтобы загоны были крепкими,— назидательно проговорил Олвин, стараясь нервным смешком скрыть замешательство.

Хилвар никак не отозвался на вымученную шутку. Насупив в раздумье брови, он глядел на сломанную ограду.

— Нет, не понимаю! — очнулся он наконец.— Откуда, спрашивается, на такой вот планете, как эта, оно могло добывать себе пищу? И почему оно вырвалось на свободу? Эх, я бы многое отдал, чтобы только узнать, что же это за животное такое.

— А может, его здесь просто забыли и оно вырвалось, потому что проголодалось,— предположил Олвин.— Или что-то могло вывести его из себя.

— Давай-ка снизимся,— предложил Хилвар.— Мне хочется хотя бы одним глазком взглянуть на грунт.

Они снижались до тех пор, пока корабль едва не коснулся голых скал, и только тогда заметили, что плато испятнано бесчисленным множеством маленьких дырочек, диаметром не более дюйма или двух. С наружной стороны загона, однако, поверхность была свободна от этих загадочных отметин. Они пропадали сразу же за линией колонн.

— Ты прав. Оно было голодно,— признал Хилвар.— Но это было не животное. Правильнее будет назвать его растением. Оно выело все питательное в своем загоне, и ему понадобилось подыскать себе новое пастбище. Наверное, оно двигалось очень медленно. Вполне может быть, что ему потребовались годы, чтобы сломать эти столбы.

Воображение Олвина быстро дополнило эту картину деталями, которых он доподлинно знать, конечно же, не мог. Он не сомневался, что анализ Хилвара в основном был правильным и что этот ботанический монстр, двигавшийся, возможно, слишком медленно, чтобы его перемещения могли быть отмечены глазом, все-таки выиграл длительную, но бескомпромиссную схватку с барьером, который встал на его пути.

Он и сейчас еще мог быть жив — после всех этих столетий, блуждая, как ему заблагорассудится, по поверхности планеты. Искать его, впрочем, было бы задачей безнадежной, потому что в его распоряжении были многие миллионы квадратных миль. Без всякой надежды на успех они прочесали поверхность в пределах нескольких квадратных миль поблизости от проема в загородке и обнаружили всего-навсего одно огромное круглое пятно, где это существо, по всей видимости, останавливалось покормиться — если только можно было приложить это выражение к организму, который извлекал необходимые ему питательные вещества из монолитной скалы.

Когда они снова поднялись в пространство, Олвин почувствовал, как его охватывает какая-то странная усталость. Увидеть столь многое, а узнать так мало... На всех этих планетах изобилие чудес, но то, поисками чего он занимался, покинуло их еще в незапамятные времена. Он понимал, что лететь к другим мирам Семи Солнц — дело вполне безнадежное. Даже если во Вселенной разумная жизнь еще и существовала, где теперь было ее искать? Он глядел на звезды, пылью рассыпанные по экрану корабля, и его мучила мысль, что время, оставшееся в его распоряжении, не позволяет ему исследовать их все.

Чувство одиночества и подавленности — такое, какого он до сих пор еще не испытывал,— затопило ему душу. Только теперь стал ему понятен ужас Диаспара перед непомерными просторами Вселенной, ужас, заставлявший его сограждан тесниться в микрокосме их города. Трудно было смириться с тем, что в конечном счете правы оказались все-таки они...

Он повернулся было к Хилвару, ища поддержки. Но Хилвар стоял, крепко сжав кулаки, и в глазах у него застыло какое-то неживое выражение. Голова была склонена на сторону: казалось, будто он прислушивается к чему-то, напрягая все свои чувства, пытаясь разумом проникнуть в пустоту, простирающуюся вокруг них.

— Что это с тобой? — с тревогой в голосе спросил Олвин. Ему пришлось повторить свой вопрос, прежде чем Хилвар выказал признаки того, что услышал друга. Но, даже отвечая ему, он все еще смотрел в никуда.

— Что-то приближается,— медленно выговорил он.— Что-то такое, чего я никак не могу постигнуть...

Олвину почудилось, будто в корабле внезапно похолодало. Ужас перед Пришельцами вдруг вынырнул откуда-то из глубин мозга и на какой-то миг затуманил сознание. С усилием воли, на которое потребовалась вся его энергия, он подавил в себе горячую волну паники.

— Оно... дружественное? — спросил он.— Или же нам следует немедленно бежать на Землю?

Хилвар не ответил на первый вопрос — только на второй. Голос его был очень слаб, но в нем не звучало и малой тревоги или страха. В тоне его скорее были любопытство и изумление, как если бы ему встретилось нечто столь удивительное, что теперь ему просто недосуг было откликаться на тревогу Олвина.

— Ты опоздал,— проговорил он.— Это уже здесь...

...Не раз и не два повернулась Галактика вокруг своей оси с тех пор, как Вэйнамонд впервые осознал себя. Он мало что помнил о тех давних-предавних временах и о созданиях, которые пестовали его, но до сих пор в памяти у него осталось то горькое чувство безутешности, которое он испытал, когда они ушли и оставили его одного среди звезд. И вот на протяжении веков и веков, минувших с тех пор, он блуждал от звезды к звезде, исподволь развивая и обогащая свои способности. Когда-то он мечтал о том, чтобы снова отыскать тех, кто позаботился о нем при его рождении. И хотя сейчас эта мечта и потускнела, он все еще не хотел отказываться от нее совсем.

На бесчисленных планетах нашел он останки, в которые обращалась жизнь, но вот разум обнаружил только однажды. От Черного солнца он в ужасе бежал... А Вселенная была громадна, и поиск его едва начался.

И хотя и далеко это было — и в пространстве, и во времени,— но гигантский поток энергии, истекающий из самого сердца Галактики, взывал к Вэйнамонду через пропасти световых лет. Он резко отличался от иррадиации звезд и появился в поле его сознания так же неожиданно, как неожиданно прочерчивает небо планеты внезапный метеор. По пространству и по времени двигался Вэйнамонд навстречу ему, к последнему моменту его существования, снимая с него — а он знал, как это делать,— мертвый, уже неизменимый рисунок прошлого.

Длинная металлическая форма со страшно сложной структурой, которую он никак не мог постигнуть, потому что она была столь же чужда ему, как почти все объекты физического мира. Вокруг нее еще витал призрак силы, влекшей

его через всю Вселенную, но теперь это было ему неинтересно. Осторожно, с оглядкой дикого зверя, готового в случае опасности немедленно обратиться в бегство, он потянулся к двум созданиям, которых тут обнаружил. И тотчас же понял, что долгие его поиски окончились.

Олвин ухватил Хилвара за плечи и бешено затряс, пытаясь пробудить друга к действительности.

— Да что там такое, скажи же мне! — умолял он.— Что я должен делать?

Потустороннее, отрешенное выражение постепенно уплывало из глаз Хилвара.

— Я все еще не совсем понимаю...— проговорил он.— Но вот пугаться не надо — уж в этом-то я совершенно убежден. Что бы это ни было, оно не причинит нам никакого вреда. Похоже, что оно просто... ну, заинтересовалось.

Олвин уже собрался было сказать еще что-то, когда его внезапно охватило ощущение, совершенно не похожее ни на что, что ему приходилось испытывать прежде. Теплая и слегка покалывающая волна пролилась по всему его телу. Странное ощущение это длилось всего несколько секунд, но, когда оно ушло, он был уже не просто Олвином. Что-то еще, что-то новое разделяло его сознание, накладываясь на него, как один круг может лечь на другой. Он отдавал себе отчет и в том, что вот рядом — сознание Хилвара, и тоже как-то связанное с тем самым созданием, которое им только что повстречалось. Ощущение это не было неприятным, скорее — просто новым, и оно-то и позволило Олвину впервые испытать, что это такое — настоящая телепатия, способность, которая в его народе ослабла настолько, что теперь ею можно было пользоваться только для того, чтобы отдавать команды машинам.

Когда Сирэйнис пыталась овладеть его сознанием, Олвин немедленно взбунтовался, но вот этому вторжению в свой разум он сопротивляться не стал. Во-первых, он почувствовал, что это было бы просто бесполезно. А во-вторых, это вот создание, чем бы оно там ни было, никак не представлялось недружественным. Он расслабился, без вся-

кого сопротивления воспринимая вторжение интеллекта бесконечно более высокого, чем его собственный, исследующего сейчас его мозг. Но тем не менее он был не совсем прав.

Вэйнамонд сразу же увидел, что одно из этих двух существ значительно более восприимчиво и относится к нему с большей теплотой, чем другое. Он чувствовал изумление обоих по поводу его присутствия, что его самого несказанно поразило. Трудно было поверить в то, что они все позабыли. Забывчивость, как и смертность, находилась за пределами разумения Вэйнамонда.

Общаться было очень нелегко. Многие из мысленных представлений этих разумных существ были ему в новинку настолько, что он едва мог их осознавать. Он был поражен и немного испуган отголосками страха перед Пришельцами. Этот их страх напомнил ему о его собственных эмоциях, когда Черное солнце впервые появилось в поле его внимания.

Но эти вот двое ничего не знали о Черном солнце, и теперь он уже слышал их вопрос, обращенный к нему:

«Что ты такое?»

Он дал единственный ответ, на который был способен:

«Я — Вэйнамонд».

Последовала пауза (как много времени требовалось этим существам, чтобы сформировать мысль!), и после нее вопрос — что было странно — повторили! Это было так удивительно... ведь это такие же, как они, дали ему его имя, которое и сохранилось в памяти о его появлении в этом мире... Первых этих воспоминаний было очень немного, и все они странным образом начинались лишь в какой-то строго определенный момент времени, но зато были кристально ясны.

И снова их крохотные мысли пробились в его сознание:

«Где те люди, которые создали Семь Солнц?»

«Что с ними случилось?»

Этого он не знал. Они едва могли ему поверить, и их разочарование донеслось до него во всей своей ясности — через пропасть, отделяющую их от него. Но существа эти оказались терпеливы, и он был рад помочь им, потому что

их поиск был сродни его собственному, а они оказались первыми его товарищами за всю его жизнь.

Олвин был убежден, что, сколько бы он ни прожил, никогда уже ему не испытать ничего более странного, нежели этот вот беззвучный разговор. Трудно было поверить в то, что он может стать чем-то большим, чем просто наблюдателем, а все потому, что ему никак не хотелось допустить, даже в глубине души, что мозг у Хилвара во многих отношениях куда более развит, чем его собственный. Он мог только ждать и изумляться, и у него голова чуть ли не кругом шла от этого потока мыслей, который находился далеко за пределами его понимания.

Наконец Хилвар, напряженный и бледный, прервал контакт и повернулся к своему другу:

— Тут что-то странное, Олвин,— устало сказал он.— Ну ничего не могу понять...

Эта новость, конечно же, совсем не способствовала сохранению самообладания. По лицу Олвина Хилвар, должно быть, понял, что тот сейчас переживает, потому что внезапно понимающе улыбнулся.

— Я не могу понять, что же он такое — этот... Вэйнамонд. Это какое-то живое создание, обладающее непостижимо громадными знаниями, но, знаешь, похоже, что разума-то у него просто кот наплакал. Разумеется,— сейчас же добавил он,— его разум может быть настолько отличен от нашего, что мы просто не в состоянии его оценить... и все-таки мне кажется, что правильнее — первое объяснение...

— Ну ладно, а что же все-таки ты узнал? — несколько нетерпеливо спросил Олвин.— Известно ли ему что-нибудь о Семи Солнцах?

Мысли Хилвара, казалось, витали где-то очень и очень далеко.

— Они были созданы множеством рас, включая и человеческую,— рассеянно сказал он.— Вэйнамонд в состоянии сообщить мне такие вот факты, но, понимаешь, как-то не похоже, чтобы он сам ясно понимал их значение. И мне кажется, что хоть он и отдает себе отчет в происходящем, но вот интерпретировать его совершенно не способен. В его

сознании как-то ужасно перепутано все, что когда-либо происходило.

Секунду-другую он размышлял, а затем лицо его осветилось:

— Нам остается только одно: как уж это выйдет — не знаю, только мы должны доставить Вэйнамонда на Землю, чтобы наши философы могли его изучить.

— А это не будет... опасно? — осторожно спросил Олвин.

— Нет,— ответил Хилвар, подумав при этом, насколько нехарактерна для Олвина такая ремарка.— Вэйнамонд — друг. Даже более того, он, похоже, относится к нам прямотаки с нежностью.

И тут мысль, которая все это время блуждала где-то на задворках сознания Олвина, выкристаллизовалась со всей ясностью. Он припомнил Крифа и всех тех мелких животных, которые все время убегали — к неудовольствию или тревоге Хилвара. И припомнил еще — как же давно, казалось, это было! — зоологическую цель их путешествия к Шалмирейну.

Хилвар просто нашел себе нового любимчика.

ГЛАВА 22

Насколько же немыслимой, рассуждал про себя Джизирак, была бы эта конференция всего каких-то несколько дней назад. Шестеро гостей из Лиза сидели лицом к лицу с членами Совета, разместившись вдоль еще одного стола, поставленного у разомкнутой части подковы в Зале Совета. Какая же ирония окрашивала воспоминание о том, как совсем недавно Олвин стоял на этом же самом месте и внимал постановлению Совета о том, что Диаспар должен быть закрыт и будет закрыт для всего остального мира. Теперь же этот самый остальной мир вломился к ним с местью — и не только мир Земли, но и вся Вселенная.

Да и сам Совет был уже вовсе не тот, что прежде. Не хватало по крайней мере пяти его членов. Они оказались не

в состоянии взять на себя ответственность и приняться за решение проблем, которые встали перед ними, и поэтому последовали по пути Хедрона. Это, пожалуй, служит убедительным доказательством того, что Диаспар не выдержал испытания, если так много его граждан не сумели принять первый — за многие миллионы лет — реальный вызов жизни, подумал Джизирак. Тысячи и тысячи их уже бежали в короткое забытье Хранилищ Памяти в надежде, что, когда они снова пробудятся, нынешний кризис будет уже преодолен и Диаспар снова станет самим собой, таким знакомым и привычным. Что поделать — их ожидало разочарование.

Джизирака кооптировали на одно из образовавшихся вакантных мест в составе Совета. Хотя над ним, в силу его положения наставника Олвина, в известной степени и нависли тучи, присутствие его в Совете было настолько существенно (и это было очевидно для всех), что игнорировать его просто не решились. Сейчас он сидел у самого конца подковообразного стола, что давало ему ряд преимуществ. Он не только мог наблюдать в профиль гостей Диаспара, но ему также видны были и лица почти всех его коллег по Совету, и выражение их лиц говорило достаточно о многом.

В том, что Олвин оказался прав, ни у кого не было ни малейших сомнений, и Совет сейчас медленно обвыкался с этой неудобоваримой истиной. Делегаты из Лиза оказались в состоянии мыслить куда живее, чем самые светлые умы Диаспара. И это было не единственное их преимущество. Они еще и демонстрировали необычайно высокую степень координации мышления, что Джизирак относил на счет их телепатических способностей. Его интересовало, читают ли они мысли советников, но по зрелом размышлении он решил, что вряд ли бы они рискнули нарушить торжественное обещание, без которого эта встреча оказалась бы просто немыслимой.

Джизирак не считал, что эта конференция достигла большого прогресса. Строго говоря, он просто не видел, как такой прогресс вообще может быть достигнут. Совет, который с таким большим трудом принял существование Лиза, все еще казался неспособен осознать, что же все-таки про-

изошло. Но было ясно, что советники напуганы, и точно так же, считал Джизирак, были напуганы и гости, хотя им и удавалось куда лучше скрывать свое нынешнее состояние.

Сам же Джизирак вовсе не был столь уж испуган, как он поначалу ожидал. Страхи его, разумеется, оставались при нем, но он наконец вполне научился их обуздывать. Какая-то часть безрассудства Олвина — или, быть может, это была просто отвага? — воспринятая им, стала постепенно менять его взгляды, раскрывая перед ним новые горизонты. Ему все еще не верилось в то, что когда-нибудь он сможет ступить за пределы Диаспара, но зато теперь он вполне понимал те побудительные причины, которые заставили Олвина пойти на все это.

Вопрос председателя застал его врасплох, однако он тотчас собрался с мыслями.

— Полагаю,— сказал он,— что такая ситуация в прошлом не возникла ни разу лишь в силу чистой случайности. Нам ведь известно, что существовали четырнадцать Неповторимых и что за их творением стоял какой-то совершенно определенный план. Так вот, я убежден, что этот план состоял в том, чтобы не оставить Диаспар и Лиз разобщенными навечно. Олвин понял это, но он совершил также и нечто такое, что, по моему мнению, вовсе и не содержалось в первоначальном предначертании. Может ли Центральный Компьютер это подтвердить?

Безличный голос отозвался тотчас же:

— Советнику известно, что я не могу комментировать инструкции, данные мне моими создателями.

Джизирак принял эту мягкую укоризну и продолжил:

— Какова бы ни была причина, мы не можем оспаривать факты. Олвин отправился в космос. Когда он возвратится, вы можете помешать ему снова сделать это, хотя я и сомневаюсь, что кому-нибудь это удастся,— ведь к тому времени он познает чрезвычайно многое. И если то, чего вы все боитесь, к настоящему моменту произошло, то мы уже просто не в состоянии что-то предпринять. Земля совершенно беспомощна — каковой, впрочем, она и была на протяжении миллионов столетий.

Джизирак сделал паузу и оглядел оба стола. Никто от его слов в восторг не пришел, да он этого и не ждал.

— И все же причин для какой-то тревоги я не усматриваю. Земля находится сейчас в опасности не большей, чем она была все это время. С чего бы это, скажите, двум человеческим существам в крохотном космическом корабле вдруг снова навлечь на Землю гнев Пришельцев? Если мы будем честны сами с собой, то тогда мы должны признать, что Пришельцы могли бы уничтожить наш мир еще бог знает когда.

Стояла недоброжелательная тишина. Это была самая настоящая ересь — и были времена, когда Джизирак сам бы так все это и назвал и предал бы такие взгляды анафеме.

Сурово нахмурившись, председатель прервал его:

— Но разве не существует легенды, согласно которой Пришельцы предоставили Землю самой себе только на том условии, что Человек никогда больше не выйдет в космос? И разве мы не нарушаем это условие?

— Легенда — да,— согласился Джизирак.— Но ведь существует множество вещей, которые мы воспринимаем некритично, и эта вот легенда — одна из них. Под ней не лежит никаких доказательств, и мне трудно поверить, что что-нибудь такой-то вот важности не оказалось бы зафиксировано в памяти Центрального Компьютера, а ведь ему тем не менее об этом факте ничего не известно. Я обращался к нему по этому поводу, хотя и лишь через посредство информационных машин. Быть может, Совет озаботится задать этот вопрос напрямую?

Джизирак не видел причин, почему он должен напрашиваться на вторичное порицание, ступая на запретную территорию, и стал ждать ответа председателя.

Ответа этого так и не последовало, потому что именно в этот момент гости из Лиза вздрогнули, а лица их застыли в выражении какого-то недоверчивого изумления и даже тревоги. Казалось, все они прислушиваются к какому-то далекому голосу, нашептывающему что-то им на ухо.

Советники Диаспара замерли в ожидании, и их собственная тревога с минуты на минуту росла по мере того, как

продолжался этот безмолвный разговор. Но вот глава делегации очнулся от транса и с извиняющимся видом повернулся к председателю.

— Мы только что получили из Лиза очень странные и тревожные новости,— сказал он.

— Олвин возвратился на Землю? — спросил председатель.

— Не только Олвин... Там что-то еще...

Когда Олвин привел свой верный корабль на плато Эрли, он не мог не подумать о том, что едва ли за всю историю человечества какой-либо космический корабль привозил на Землю такой вот груз — если, в сущности, Вэйнамонда можно было считать заключенным в физическое пространство корабля. За все время обратного путешествия он не подавал никаких признаков существования. Хилвар полагал — насколько он мог уловить из контакта с этим странным существом,— что о его положении в определенном пространстве можно говорить только применительно к сфере внимания Вэйнамонда, физически же Вэйнамонд не существовал нигде и, возможно, никогда.

Сирэйнис и пятеро сенаторов ожидали их, когда они вышли из корабля. Одного из этих сенаторов Олвин уже встречал во время своего первого посещения Лиза. Остальные двое участников той первой встречи, как он понял, находились сейчас в Диаспаре. Его сильно интересовало, каковы успехи этой делегации и как отнесся его город к первому посещению извне за столько миллионов лет.

— Похоже, Олвин, что вы просто-таки гений по части розыска всяких удивительных существ,— суховато произнесла Сирэйнис после того, как поздоровалась с сыном.— И все же, мне кажется, пройдет еще немало времени, прежде чем вам удастся превзойти нынешнее свое достижение.

Настала очередь Олвина изумляться.

— Так значит, Вэйнамонд прибыл?

— Да, много часов назад. Он каким-то образом ухитрился проследить траекторию вашего корабля на пути туда — само по себе поразительное достижение, которое под-

нимает целый ряд интересных философских проблем. Есть свидетельство того, что он достиг Лиза в тот самый момент, когда вы его обнаружили, а это означает, что он способен развивать бесконечную скорость. Но и это еще не все. За последние несколько часов он дал нам такой объем знаний по истории, который превышает все, что, как мы предполагали, может существовать.

Олвин глядел на нее в полном изумлении. Затем до него дошло: ему было нетрудно представить себе влияние присутствия Вэйнамонда на этих людей — так тонко чувствующих, да еще с их переплетающимися сознаниями. Они отреагировали с удивительной быстротой, и он представил себе Вэйнамонда — возможно, несколько испуганного — в окружении жадных до знаний интеллектуалов Лиза.

— А вы установили, что же он такое? — спросил Олвин.

— Да. Это было просто, хотя мы и до сих пор не знаем его происхождения. Вэйнамонд — так называемый чистый разум, и знания его представляются безграничными. Но он просто ребенок, и я употребляю это слово в его буквальном смысле.

— Ну конечно же! — вскричал Хилвар.— Как же это я не догадался!

Олвин выглядел совершенно ошеломленным, и Сирэйнис стало его жалко.

— Я хочу сказать, что, хотя Вэйнамонд и обладает колоссальным — возможно, безграничным — умом, он еще незрел и неразвит. Его истинная разумность вполовину меньше разумности человеческого существа, хотя мыслительные процессы у него протекают куда стремительнее наших и обучается он очень быстро. У него есть также и еще целый ряд способностей, которых мы пока просто не понимаем. Одну из этих способностей он и использовал, чтобы прийти вашим путем на Землю.

Олвин молчал. Наконец-то хоть что-то его совершенно поразило. Теперь он понял, насколько прав был Хилвар, предложивший привезти Вэйнамонда в Лиз. И еще он понял, до какой же степени ему повезло тогда, когда он все-

таки перехитрил Сирэйнис. Второй раз сделать это ему уже не удастся.

— Вы что же, хотите сказать, что Вэйнамонд только что родился? — спросил он.

— По его меркам — да. Его истинный возраст невероятно велик, хотя он, очевидно, и моложе Человека. Самое удивительное в том, что, по его утверждению, это мы создали его. Вот почему я не сомневаюсь, что его происхождение каким-то образом связано с тайнами прошлого.

— А что с ним сейчас? — осведомился Хилвар, и в голосе у него явственно прозвучала ревнивая нотка хозяина.

— Сейчас ему задают вопросы историки из Гриварна. Они пытаются составить себе более или менее целостную картину прошлого, но, конечно, эта работа займет многие годы. Вэйнамонд в состоянии описывать прошлое в мельчайших деталях, но, поскольку он не понимает того, что видит, работать с ним совсем не просто.

Олвину было бы интересно узнать, откуда все это известно Сирэйнис. Но он тотчас же вспомнил, что едва ли не каждый в Лизе стал свидетелем этого неподражаемого расследования. Он испытывал чувство гордости оттого, что сделал так много для Лиза и для Диаспара, но к этой гордости все же примешивалось еще и чувство беспомощности. Перед ним было нечто такое, чего он никогда не будет в состоянии полностью понять или разделить: прямой контакт между человеческими сознаниями был для него такой же загадкой, как музыка для глухого или цвета для слепого от рождения. А люди Лиза теперь обменивались мыслями даже с этим невообразимо чуждым существом, которое, правда, на Землю привел он, Олвин, но вот обнаружить которое с помощью имеющихся в его распоряжении средств он не сумел бы никогда.

Здесь он был чужим. Когда с вопросами и ответами покончат, ему сообщат результаты. Он отворил врата в бесконечность и теперь испытывал благоговение — и даже некоторый страх — перед всем, что сам же сделал. Ради своего собственного спокойствия ему следует возвратиться в Диаспар, искать у него защиты, пока он не преодолеет свои

мечты и честолюбивые устремления. Здесь таилась некая насмешка: тот же самый человек, который оставил свой город ради попытки отправиться к звездам, возвращался домой, как бежит к матери испуганный чем-то ребенок.

ГЛАВА 23

Диаспар от лицезрения Олвина в восторг не пришел. Город еще переживал стадию, так сказать, ферметизации и напоминал сейчас гигантский муравейник, в котором грубо поворошили палкой. Он все еще с превеликой неохотой смотрел в лицо реальности, но у тех, кто отказывался признавать существование Лиза и всего внешнего мира, уже не оставалось места, где они могли бы спрятаться: Хранилища Памяти отказывались их принимать. Те, кто все еще цеплялся за свои иллюзии и пытался найти убежище в будущем, напрасно входили теперь в Зал Творения. Растворяющее холодное пламя больше не приветствовало их там. Им уже не суждено было снова проснуться спустя сотню тысяч лет ниже по Реке Времени. Обращаться к Центральному Компьютеру тоже было без толку, да он и никогда-то не объяснял своих действий. Потенциальные беженцы печально возвращались в город, чтобы лицом к лицу встретиться с проблемами своего века.

Олвин и Хилвар приземлились на окраине Парка, неподалеку от Зала Совета. До самого последнего момента Олвин не был уверен, что ему удастся провести свой корабль в город, проникнув сквозь силовые экраны, защищающие его небо. Защита Диаспара, как и все в городе, обеспечивалась машинами. Ночь — с ее звездным напоминанием обо всем, что оказалось утраченным Человеком,— никогда не простирала своих крыльев над городом. Защищен он был и от бурь, которые иногда бушевали над пустыней, застилая небеса движущимися песчаными стенами.

Невидимые часовые, однако, позволили Олвину войти, и, когда Диаспар распростерся перед ним, он понял, что все-таки вернулся именно домой. Как бы ни призывала

его Вселенная со всеми своими тайнами, именно здесь он родился и тут было его место. Он всегда будет им недоволен и тем не менее всегда будет сюда возвращаться... Ему нужно было добраться до центра Галактики, чтобы уяснить себе эту простую истину.

Толпы собрались еще до приземления корабля, и Олвин призадумался над тем, как встретят его сограждане. Он довольно легко читал по их лицам на экране — прежде чем открыть шлюз — обуревавшие их чувства. Преобладающим, похоже, было все-таки любопытство — нечто само по себе новенькое в Диаспаре. Вместе с тем на лицах отражалось и беспокойство, а кое у кого можно было заметить и безошибочные признаки страха. Олвин печально подумал, что никто не радовался искренне его возвращению.

С другой стороны, Совет просто-таки радостно приветствовал его прибытие — хотя, конечно, вовсе не из чувства дружеской приязни. Хотя Олвин и был причиной всего этого нынешнего кризиса, он единственный мог сообщить факты, на основе которых следовало строить всю будущую политику. Его слушали с глубоким вниманием, когда он описывал полет к Семи Солнцам и встречу с Вэйнамондом. Затем он ответил на множество вопросов — с терпением, которое, возможно, немало поразило его интервьюеров. Преобладающим в их мыслях, как он скоро понял, был страх перед Пришельцами, хотя никто ни единого разу не упомянул этого имени, и все чувствовали себя прямо-таки как на иголках, когда он сам коснулся этой темы.

— Если Пришельцы все еще находятся в нашей Вселенной, тогда я — тут и сомневаться нечего — встретил бы их в самом ее центре,— сказал Олвин членам Совета.— Но вокруг Семи Солнц нет разумной жизни. Мы догадались об этом еще до того, как это же подтвердил нам и Вэйнамонд. Я совершенно убежден, что Пришельцы убрались еще много столетий назад. Вне всякого сомнения, Вэйнамонд, который — по меньшей мере — находится в возрасте Диаспара, о Пришельцах ничего не знает.

— У меня есть предположение,— раздался внезапно голос одного из советников.— Вэйнамонд может оказаться по-

томком Пришельцев и в некотором отношении быть за пределами нашего сегодняшнего понимания. Он забыл о своем происхождении, но это вовсе не означает, что в один прекрасный день он снова не станет опасным.

Хилвар, который присутствовал здесь в роли простого наблюдателя, не стал даже дожидаться разрешения вступить в разговор. Впервые Олвин видел его рассерженным.

— Вэйнамонд читал мои мысли, а мне удалось прикоснуться к его разуму,— сказал он.— Мой народ уже многое узнал о нем, хотя мы еще и не установили, что же он такое. Но одно не подлежит сомнению: он настроен в высшей степени дружественно и был рад нас найти. Ждать от него какой-то угрозы не приходится!

После этой вспышки наступило недолгое молчание, а Хилвар снова расслабился с выражением некоторой неловкости на лице.

Было заметно, что напряжение в Зале Совета несколько разрядилось — словно бы уплыло прочь облако, затенявшее дух присутствующих. Во всяком случае, председатель даже попытки не сделал выразить Хилвару порицание за вмешательство в ход обсуждения.

Олвин слушал все эти дебаты, и ему было ясно, что здесь, в Зале Совета, определилось три мнения. Консерваторы, которые были в меньшинстве, все еще надеялись, что стрелки часов можно будет отвести назад и как-то восстановить старые порядки. Против всякого здравого смысла они цеплялись за надежду, что можно будет принудить Диаспар и Лиз снова забыть о существовании друг друга.

Прогрессисты тоже составляли незначительное меньшинство. Но тот факт, что они вообще оказались в Зале Совета, порадовал и удивил Олвина. Не то чтобы они приветствовали вторжение внешнего мира, но зато были преисполнены решимости воспользоваться этим наилучшим образом. Некоторые из них зашли так далеко, что даже предположили, что может существовать какой-то способ пробиться сквозь психологический барьер, который так долго запечатывал Диаспар даже еще эффективнее, чем барьеры физические.

Большинство же членов Совета, верно отражая царящие в городе настроения, заняли позицию осторожного выжидания, помалкивая до того момента, пока рисунок будущего каким-то образом не проявится. Они отдавали себе отчет в том, что не могут разработать никакого определенного общего плана политических действий, пока буря не уляжется.

Когда заседание окончилось, Джизирак присоединился к Олвину и Хилвару. Похоже было, что он сильно переменился со времени их последней встречи в башне Лоранна, когда перед ними там простиралась пустыня. Перемена эта была не того свойства, которую ожидал увидеть Олвин, но зато она была уже достаточно распространенной: в ближайшие же дни Олвину предстояло сталкиваться с этим новым умонастроением все чаще и чаще.

Джизирак казался моложе, словно бы огонь жизни в нем обрел себе новую пищу и стал более живо гореть в его крови. Несмотря на свой возраст, он оказался одним из тех, кто уже приготовился принять перемены, принесенные Олвином в Диаспар.

— А у меня для тебя новости, Олвин,— сказал он.— Мне кажется, ты знаешь сенатора Джирейна...

Олвин сначала было задумался, но потом вспомнил:

— Ну конечно! Он ведь был один из первых, кого я встретил в Лизе. Он, кажется, входит в их делегацию?

— Да. Мы с ним хорошо узнали друг друга. Это блестящий ум, и в человеческой душе он разбирается куда тоньше, чем я вообще считал возможным, хотя и говорит мне, что по стандартам Лиза его следует рассматривать только как начинающего. Так вот, пока он здесь, он берется за одно предприятие, которое, надо думать, придется тебе очень и очень по душе. Он, видишь ли, берется проанализировать те побудительные мотивы, которые заставляют нас оставаться в пределах города, и убежден, что, как только ему станет ясно, каким именно образом они были нам... мм... предписаны, он вполне сможет их устранить. Нас — тех, кто с ним сотрудничает,— уже человек двадцать.

— И ты один из них?

— Да,— ответил Джизирак, и при этом он был настолько близок к смущению, как Олвин еще никогда за ним не замечал.— Это нелегко и, уж во всяком случае, малоприятно, но, знаешь, это стимулирует, стимулирует!..

— А как он работает?

— Он взял за основу наши саги. Ему сконструировали целую серию, и он изучает наши реакции на обстановку, когда мы в эти саги погружаемся. Вот уж никогда не думал, что в моем-то возрасте снова займусь развлечениями детства!

— А что это такое — саги? — спросил Хилвар.

— Воображаемые миры мечты,— ответил Олвин.— По крайней мере большинство из них — воображаемые, потому что некоторые-то основаны и на исторических фактах. Их миллионы, записанных в Хранилищах Памяти города. Ты можешь выбрать себе по вкусу любое приключение, и оно будет представляться тебе совершенно реальным, пока соответствующие импульсы поступают в мозг.— Он повернулся к Джизираку: — А в какие же саги приглашает вас Джирейн?

— Да знаешь, бóльшая их часть, как ты и мог бы предположить, касается выхода из Диаспара. Некоторые переносят нас в наши самые ранние существования — настолько близко к основанию города, насколько мы только можем туда подобраться. Джирейн, понимаешь ли, убежден, что чем ближе он станет к источнику тех побудительных причин, тем легче ему будет подорвать их.

Олвина эта новость сильно приободрила. Его собственный труд был бы завершен всего лишь наполовину, открой он крепостные врата Диаспара только для того, чтобы убедиться, что охотников пройти через них нет.

— И вы действительно хотите получить способность выйти из города? — проницательно спросил Хилвар.

— О нет! — без всяких колебаний ответил Джизирак.— Меня при одной мысли об этом в дрожь кидает. Но, видите ли, я отдаю себе отчет в том, что мы были не правы, не правы абсолютно, когда считали Диаспар миром, вполне достаточным для человека, и логика подсказывает мне, что что-

то должно быть предпринято, чтобы исправить эту ошибку. Но вот на эмоциональном уровне я все еще не способен покинуть город. Возможно, именно таким я и останусь навсегда. Джирейн же считает, что сможет добиться, чтобы многие из нас посетили Лиз, и я полон решимости помочь ему в его эксперименте... даже если половину времени я и тешу себя надеждой, что ничего у него не выйдет!

Олвин взглянул на своего старого наставника с новым уважением. Сам-то он уже не отвергал силу внушения и верно оценивал мотивы, которые могут заставить человека действовать в защиту логики. И он не мог не сравнить холодное мужество Джизирака с паническим бегством в будущее Хедрона, хотя теперь, когда он стал лучше понимать человеческую натуру, он уже больше не решался осуждать Шута за его поступок.

Он не сомневался в том, что Джирейну удастся задуманное. Быть может, Джизирак и окажется слишком уж стар, чтобы переломить пожизненную привычку — как бы ему ни хотелось начать все сначала. Но это уже не имело никакого значения, потому что успех все-таки ждал других, направляемых мудрыми психологами Лиза. А как только несколько человек вырвутся из своей миллиарднолетней раковины, последуют ли за ними остальные — станет только вопросом времени.

Он задумался над тем, что же произойдет с Диаспаром и Лизом, когда барьеры рухнут полностью. Лучшие элементы культуры обоих должны быть сохранены и спаяны в новую и более здоровую культуру. Это была задача устрашающих масштабов, и для ее решения потребуются вся мудрость и все терпение, на которые окажутся способны оба общества.

Некоторые из трудностей этого предстоящего притирания друг к другу уже были очевидны. Гости из Лиза — очень вежливо — отказались жить в домах, которые им предоставил город. Они раскинули свое временное жилье в Парке, среди обстановки, напоминающей им родину. Единственным исключением стал Хилвар: хотя ему и не слишком-то по душе было жить в доме с неопределенными стенами и

эфемерной меблировкой, он все-таки отважно воспользовался гостеприимством Олвина, успокоенный обещанием, что они останутся тут недолго.

Никогда в жизни Хилвар не чувствовал себя одиноким, но вот в Диаспаре он познал это состояние. Город оказался для него еще более странным и чужим, чем даже Лиз для Олвина; его подавляла бесконечная сложность общения множества совершенно незнакомых людей, которые, казалось, заселяли каждый дюйм пространства вокруг него. В Лизе он знал каждого, независимо от того, встречался он с этим человеком лично или нет. Но, проживи он и тысячу жизней, он не смог бы перезнакомиться со всеми в Диаспаре, и хотя он и отдавал себе отчет в том, что чувство этой непреодолимости иррационально, оно все-таки подавляло его. Только преданность другу удерживала его в этом мире, не имеющем ничего общего с его собственным.

Он часто пытался анализировать свое отношение к Олвину. Эта дружба, как он понимал, возникла из того же источника, который питал его сочувственное отношение ко всем слабым и борющимся за жизнь существам. Это могло бы удивить тех, кто думал об Олвине как о человеке сильной воли, упрямом эгоцентристе, не нуждающемся ни в чьей нежности и не способном ответить ею.

Хилвар, однако, знал Олвина куда глубже. С самого начала он инстинктивно почувствовал, что Олвин — исследователь, а все исследователи ищут что-то такое, что ими утрачено. Они редко это находят, и еще реже достижение цели приносит им радость большую, чем сам процесс поиска.

Хилвар сначала не понимал, чего же именно ищет Олвин. Им руководили силы, приведенные в движение в незапамятные времена гениями, которые спланировали Диаспар с таким извращенным мастерством, или же еще более талантливыми людьми, противостоявшими первым. Как и любое человеческое существо, Олвин до известного предела был машиной, его действия предопределялись наследственностью. Это, конечно, не отменяло потребности в понимании и добром к нему отношении и в равной же степени не давало ему иммунитета против одиночества и отчаяния.

Для его собственного народа он был настолько непредсказуем, что его сограждане порой забывали, что он живет теми же чувствами, что и они. Понадобился Хилвар — человек совсем иных жизненных обстоятельств, чтобы разглядеть в Олвине просто еще одно человеческое существо.

В течение первых нескольких дней в Диаспаре Хилвар повстречал людей больше, чем за всю свою предыдущую жизнь, но ни с кем не сблизился. Живя в такой скученности, обитатели города выработали известную сдержанность по отношению друг к другу, и преодолеть ее было нелегко. Единственное уединение, которое им было ведомо, было уединение мышления, и они упорно оберегали его, даже когда занимались сложными и бесконечными общественными делами Диаспара. Хилвару было их жаль, хотя он и понимал, что они не испытывают ни малейшей нужды в сочувствии. Они не отдавали себе отчета в том, чего оказались лишены, им неведомо было теплое чувство общности, связывающее всех и каждого в телепатическом социуме Лиза. Более того, значительная часть из тех, с кем ему случалось поговорить, смотрели на него с жалостью — как на человека, ведущего беспросветно скучную и никчемную жизнь, хотя все они были достаточно вежливы, чтобы и виду не показать, что они думают именно так.

К Эристону и Итании — опекунам Олвина — Хилвар быстро потерял всякий интерес, увидев, что это добрые люди, но поразительные посредственности. Его очень смущало, когда он слышал, как Олвин называет их отцом и матерью: в Лизе эти слова все еще сохраняли свое древнее биологическое значение. Ему требовалось постоянное умственное усилие — помнить, что законы жизни и смерти оказались перетасованы создателями Диаспара, и порой Хилвару даже казалось — несмотря на все столпотворение вокруг него,— что город наполовину пуст, потому что в нем нет детей.

Его интересовало, что же теперь станется с Диаспаром, теперь, когда его долгая изоляция подошла к концу. Лучшее, что мог бы сделать город, решил он,— это уничтожить Хранилища Памяти, которые в продолжение столь долгого време-

ни держали его в замороженном состоянии. Столь чудесные сами по себе, вершина, настоящий триумф науки, создавшей их, они все-таки были порождением больной культуры, страшившейся слишком многого. Некоторые из этих фобий основывались на реальностях, но остальные, как теперь представлялось совершенно ясно, покоились лишь на разыгравшемся воображении. Хилвару было известно кое-что о той картине, которая стала вырисовываться в ходе изучения интеллекта Вэйнамонда. Через несколько дней это предстояло узнать и Диаспару — и обнаружить, сколь многое в его прошлом было просто выдумкой.

Но если бы Хранилища Памяти оказались уничтожены, через тысячу лет город был бы мертв, поскольку его обитатели потеряли способность к воспроизводству. Это была дилемма, от которой, казалось, совершенно некуда было уйти, но Хилвар уже нащупал одно из возможных решений. На любую техническую проблему всегда находится ответ, а народ Лиза достиг огромных высот в биологии. То, что было когда-то сделано, можно и переделать — если только Диаспар сам этого захочет.

Но сначала город обязательно должен осознать, что же именно он потерял. Этот процесс займет много лет, быть может — даже столетий. Но это начало. Очень скоро влияние первых уроков потрясет Диаспар так же глубоко, как и сам контакт с Лизом.

Лиз, впрочем, тоже будет потрясен до самого основания. Несмотря на всю разницу этих культур, они возникли из единого корня и питались теми же иллюзиями. Они обе станут здоровее, когда еще раз спокойно и пристально вглядятся в свое утраченное прошлое.

ГЛАВА 24

Амфитеатр был рассчитан на все население Диаспара, и едва ли хотя бы одно из десяти миллионов его мест пустовало. Глядя вниз со своего места далеко наверху на этот огромный овал, Олвин не мог не подумать о Шалмирейне. У обоих

кратеров была одна и та же форма, да и размера они были почти одинакового. Если бы заполнить воронку Шалмирейна людьми, то она стала бы очень похожа на эту.

Была, однако, между ними и одна фундаментальная разница. Гигантская чаша Шалмирейна существовала, так сказать, во плоти, этот же амфитеатр — нет. И никогда прежде он не существовал. Это был просто фантом, рисунок электрических зарядов, дремлющих в памяти Центрального Компьютера, пока не наступала нужда вызвать их к жизни. Олвин отлично знал, что в действительности он находится в своей комнате и что все эти миллионы людей, которые его сейчас окружают, тоже сидят по домам. До тех пор пока он не предпринимал попытки сдвинуться с места, иллюзия оставалась полной. Вполне можно было поверить, что Диаспар опустел, а все его жители собрались здесь, в этой огромной чаше.

Не однажды за прошедшие тысячелетия жизнь в городе замирала, чтобы его население могло собраться на Великой Ассамблее. Олвин знал, что и в Лизе сейчас происходит нечто подобное. Но там встречались просто мыслями.

Большинство из окружающих были ему знакомы — вплоть до расстояния, на котором лицо еще можно было различить невооруженным глазом. Более чем в миле от него и тысячью футами ниже располагалось небольшое круглое возвышение, к которому и было приковано сейчас внимание всего мира. С трудом верилось, что можно будет что-то разглядеть с такого расстояния, но Олвин знал, что, когда начнутся выступления, он будет видеть и слышать все происходящее с такой же ясностью, как и всякий другой в Диаспаре.

Какая-то дымка возникла на возвышении в центре амфитеатра. Тотчас же из нее материализовался Коллитрэкс — лидер группы, в задачу которой входило реконструировать прошлое на основе информации, принесенной на Землю Вэйнамондом. Задача эта была невообразимо трудна, почти невыполнима, и не только из-за того, что были вовлечены непостижимо долгие временные периоды. Лишь однажды, с помощью Хилвара, Олвину удалось прикоснуться к внутреннему миру этого странного существа, которое они откры-

ли — или которое открыло их. Для Олвина мысли Вэйнамонда оказались столь же лишены смысла, как тысяча голосов, надрывающихся одновременно в какой-то огромной резонирующей камере. И все же ученые Лиза смогли разобраться в этом хаосе, записать его и проанализировать уже не спеша. Прошел слух — Хилвар не опровергал его, но и не подтверждал,— что то, что обнаружили ученые, оказалось столь странно, что почти ничем не напоминало ту историю, картины которой все человечество считало истинными на протяжении миллиарда лет.

Коллитрэкс начал речь. Для Олвина, как и для любого другого в Диаспаре, его чистый и ясный голос исходил, казалось, из точки, расположенной от слушателя всего в нескольких дюймах. Затем — было трудно понять, каким образом (точно так же, как геометрия сна отрицает логику и все же не вызывает никакого удивления у спящего),— Олвин оказался рядом с Коллитрэксом в то же самое время, как он сохранял свое место высоко на склоне амфитеатра. Этот парадокс ничуть его не изумил. Он просто принял его, как воспринимал и все другие манипуляции с пространством и временем; возможность которых была предоставлена в его распоряжение.

Очень коротко Коллитрэкс коснулся общепринятой истории человечества. Он говорил о загадочных людях цивилизаций эпохи Рассвета, которые не оставили после себя ничего, кроме горстки великих имен и каких-то тусклых легенд об Империи. Даже в самом начале — так принято было считать — Человек стремился к звездам и в конце концов достиг их. В течение миллионов лет он бороздил пространства Галактики, прибирая к рукам одну звездную систему за другой. Затем из тьмы за краем Галактики Пришельцы нанесли свой удар и отобрали у Человека все, что он уже считал своим.

Отступление в тесные рамки Солнечной системы было горьким и продолжалось несколько столетий. Сама Земля едва избежала уничтожения благодаря легендарным битвам, которые гремели вокруг Шалмирейна. Когда все кончи-

лось, Человеку остались только его воспоминания и мир, на котором он родился.

С тех пор все было лишь затянувшимся антипиком. И, как крайняя ирония, Галактическая Империя, которая надеялась повелевать Вселенной, покинула даже бо́льшую часть своего собственного мирка и раскололась на две изолированные культуры Лиза и Диаспара — оазисы жизни в пустыне, разделившей их столь же эффективно, как межзвездные пропасти.

Коллитрэкс остановился. Олвину, как и каждому в гигантском амфитеатре, казалось, что историк смотрит ему прямо в глаза — взглядом свидетеля таких вещей, в которые он и посейчас еще не в силах поверить.

— Вот и все, что касается сказок, в которые все мы свято веруем с тех самых пор, как началась наша писаная история,— снова заговорил Коллитрэкс.— А теперь я должен вам сообщить, что все эти сказки лживы — лживы в каждой своей детали, лживы настолько, что даже сейчас мы еще не сумели полностью соотнести их с действительностью...

Он подождал, чтобы значение сказанного дошло до каждого. После чего, медленно и тщательно выговаривая слова, передал Лизу и Диаспару знание, которое было получено от Вэйнамонда.

— ...Даже то, что Человек достиг звезд, было неправдой. Вся его крохотная империя ограничивалась орбитой Плутона и Персефоны — межзвездное же пространство оказалось таким барьером, преодолеть который Человек был не в силах. Вся его цивилизация теснилась вокруг Солнца и была еще очень молода, когда... звезды сами пришли к ней.

Влияние этого, должно быть, оказалось потрясающим. Несмотря на все свои неудачи, Человек никогда не сомневался, что настанет день — и он покорит глубины пространства. Он верил и в то, что, если Вселенная и населена равными ему, в ней тем не менее нет никого, кто превосходил бы его по развитию. Теперь же Земле стало ясно, что она была не права в обоих случаях и что в межзвездных глубинах существуют умы куда более великие, чем человеческий. На протяжении многих столетий — сначала в кораблях, по-

строенных другими, а позже — и собственной постройки на основе заимствованных знаний — Человек исследовал Галактику. И повсюду он находил культуры, которые мог оценить, но с которыми не мог сравниться, а время от времени ему встречался и разум, обещавший вскоре вообще выйти за пределы человеческого понимания.

Удар этот был невообразимо тяжек, но человечество не было бы самим собой, если бы не справилось с ним. Став печальнее и неизмеримо мудрее, Человек вернулся в Солнечную систему — безрадостно размышлять над приобретенными знаниями. Он готовился принять вызов Галактики, и постепенно возник план, порождавший кое-какие надежды на будущее.

Когда-то физические науки представляли для Человека самый большой интерес. Теперь же он с еще большим горением накинулся на исследования в области генетики и науки о мозге. Он был преисполнен решимости любой ценой добраться до самых пределов своей эволюции.

Этот великий эксперимент на протяжении миллионов лет поглощал всю энергию человечества, но Коллитрэкс сумел уложить все эти страдания, все эти жертвы всего в несколько слов. Впрочем, эксперимент принес Человеку его самые замечательные достижения. Человек уничтожил болезни. Он мог бы теперь жить вечно, если бы пожелал. А овладев телепатией, он подчинил себе самую неуловимую силу из всех.

Он был готов снова, опираясь уже на собственные завоевания, ринуться к звездам — туда, в непомерные просторы Галактики. Он хотел встретить как равных обитателей тех миров, от которых когда-то отвернулся в уязвленном самолюбии. Он хотел сыграть и свою роль в истории Вселенной...

И все это он исполнил. Вот с тех-то времен — самых, возможно, продолжительных в истории — и появились легенды о Галактической Империи. Но все это оказалось забыто в ходе трагедии, которая подвела Человека к его концу...

Империя существовала по меньшей мере миллион лет. Надо полагать, она пережила множество кризисов, возможно, даже войн, но все это просто потерялось на фоне вели-

чественного движения социумов разумных существ в направлении зрелости.

— Мы можем гордиться той ролью, которую наши предки сыграли во всей этой истории,— сказал Коллитрэкс после очередной паузы.— Даже достигнув плато в развитии культуры, они ничуть не утратили инициативы. Здесь нам придется иметь дело скорее с умозаключениями, нежели с конкретными фактами, но представляется, что эксперименты, которые одновременно ознаменовали падение Империи и венчание ее славой, были вдохновлены и направлялись именно Человеком.

Философия, лежавшая в основе этих экспериментов, выглядит следующим образом.

Контакт с другими представителями разумной жизни показал землянам, насколько глубоко суждение мыслящего существа об окружающем мире зависит от его физического облика и от тех органов чувств, что находятся в его распоряжении. Много спорили о том, можно ли представить себе истинный облик Вселенной — если вообще вообразить ее себе — только с помощью разума, свободного от всех физических ограничений, иначе говоря — Чистого Разума. Это была концепция, обычная для множества древних верований, и представляется странным, что идея, не имевшая под собой ни малейшего рационального основания, стала в конце концов одной из величайших целей науки.

— В естественной Вселенной никто никогда не встречал *интеллект, лишенный телесной оболочки,— продолжал* Коллитрэкс.— Ученые поставили себе целью создать таковой. Навыки и знания, которые сделали это возможным, забыты нами вместе со многими другими. Ученым того времени были подвластны все силы природы, все тайны времени и пространства. Так как наши мысли являются продуктом неимоверно сложной структуры мозговых клеток, связанных друг с другом сетью нервных проводников, то ученые стремились создать мозг, компоненты которого не были бы материальны на молекулярном или атомном уровне, а состояли бы из элементов самого вакуума. Такой мозг, если его, конечно, можно так называть, использовал бы для своей

деятельности электрические силы или взаимодействия еще более высокого порядка и был бы совершенно свободен от тирании вещества. И действовал бы он с куда большей скоростью, чем любой мозг органического происхождения. Он смог бы существовать до тех пор, пока во Вселенной оставался хотя бы один-единственный эрг энергии, а для возможностей его вообще не усматривалось границ. Созданный однажды, он сам стал бы развивать свои потенциалы — да такие, какие не в состоянии были предвидеть и сами его создатели.

И вот, опираясь в основном на опыт, накопленный за время своего собственного возрождения, человечество Земли предположило, что стоит попытаться приступить к созданию такого существа. Никогда еще перед суммарным интеллектом Вселенной не ставилось проблемы более фундаментальной и сложной, и после нескольких столетий споров вызов был принят. Все разумные обитатели Галактики объединили свои усилия, чтобы сообща выполнить замысленное.

Более миллиона лет отделило мечту от ее воплощения. Поднялись и склонились к закату многие цивилизации, впустую тратился тяжкий труд множества миров на протяжении целых столетий, но цель никогда не тускнела. Возможно, настанет день, когда мы в подробностях узнаем всю эту историю, это самое грандиозное и самое продолжительное усилие в истории человечества. Сегодня же нам известно только то, что все это закончилось катастрофой, которая едва не погубила Галактику.

Мозг Вэйнамонда отказывается детально следовать перипетиям этого периода. Существует некий узкий промежуток времени, который для него заблокирован, но, как нам представляется, заблокирован он лишь его собственным страхом. В начале этого промежутка мы видим межзвездное сообщество разумных существ на вершине своей славы, в нетерпеливом ожидании триумфа науки. В конце же, спустя всего какую-то тысячу лет, эта могучая организация покалеблена и сами звезды потускнели, словно бы лишенные

части своей энергии. Над Галактикой простирается крыло страха, связанное с понятием «Безумный Разум»...

— Нетрудно догадаться, что же именно произошло в этот короткий промежуток,— продолжал Коллитрэкс.— Чистый Разум был создан, но либо он оказался безумен, либо, как с большей вероятностью следует из других источников, оказался неумолимо враждебен веществу. В течение столетий он терзал Вселенную, пока его не обуздали силы, о которых мы можем только догадываться. Какое бы оружие ни использовала доведенная до крайности Галактическая Империя, оно истощило энергию огромнейшего числа звезд. Из воспоминаний об этом трагическом периоде и возникли некоторые — хотя и не все — легенды о Пришельцах. Об этом я сейчас расскажу подробнее.

Безумный Разум не мог быть уничтожен, поскольку был бессмертен. Его оттеснили к краю Галактики и там каким-то образом заперли — мы не знаем как. Его тюрьмой стала созданная искусственно странная звезда, известная под названием Черное солнце, и там он и остается по сей день. Когда Черное солнце умрет, он снова станет свободен. Сказать, насколько далеко в будущем лежит этот день, не представляется возможным.

Коллитрэкс умолк, словно бы забывшись в собственных размышлениях, совершенно безразличный к тому, что на него глядели глаза всего мира. Воспользовавшись этим долгим молчанием, Олвин стал оглядывать тесно сидящих вокруг него людей, стремясь прочесть, угадать, что у них на уме теперь, когда они познали откровение и ту таинственную угрозу, которая отныне призвана заменить миф о Пришельцах. По большей части на лицах его сограждан застыло выражение крайнего недоверия, они все еще не могли отказаться от своего фальшивого прошлого и принять вместо него еще более фантастическую версию реальности.

Коллитрэкс заговорил снова. Тихим, приглушенным голосом он принялся описывать последние дни Империи. По мере того как перед ним разворачивалась картина того времени, Олвин все больше понимал, что это был век, в котором ему очень хотелось бы жить. Век приключений и

не знающего преград сверхъестественного мужества, которое все-таки сумело вырвать победу из зубов катастрофы.

— Хотя Галактика и была опустошена Безумным Разумом,— говорил Коллитрэкс,— ресурсы Империи оставались еще огромными и дух ее не был сломлен. С отвагой, которой мы можем только поражаться, великий эксперимент был возобновлен ради поиска ошибки, которая привела к трагедии. Разумеется, теперь нашлись многие и многие, кто выступил против этой работы, предрекая усугубление катастрофы, но все-таки возобладало противоположное мнение. Проект продвигался вперед во всеоружии знания, добытого такой дорогой ценой, и на этот раз он привел к успеху.

Народившийся новый вид разумных существ имел интеллект, который просто невозможно было измерить. Но этот разум был совершенно ребяческим. Мы не знаем, был ли это расчет его создателей, но представляется вероятным, что они считали это неизбежным. Потребовались бы миллионы лет, чтобы он достиг зрелости, и ничего нельзя было предпринять, чтобы ускорить этот процесс. Вэйнамонд оказался самым первым из этих созданий. По Галактике должны были быть рассеяны и другие, но мы считаем, что создано их было не так уж и много, поскольку Вэйнамонд никогда не встречал своих собратьев.

Создание этого разума стало величайшим достижением галактической цивилизации. Человек играл в ней ведущую, даже, возможно, абсолютно доминирующую роль. Я не упоминаю здесь население собственно Земли, поскольку ее история — не более чем ниточка в огромном ковре. В силу того, что на протяжении всего этого периода наиболее предприимчивые люди уходили в космос, наша Земля неизбежно стала в высшей степени консервативной и в конце концов даже выступила против ученых, которые создали Вэйнамонда. И уж конечно, она не сыграла никакой роли в заключительном акте.

Труд Галактической Империи был теперь завершен. Люди той эпохи смотрели на звезды, которые они исковеркали в своем отчаянном стремлении побороть опасность, и приняли решение. Они постановили оставить нашу Вселенную в распоряжении Вэйнамонда.

Здесь чувствуется какая-то тайна... тайна, которой нам никогда не постичь, потому что Вэйнамонд не в состоянии оказать нам помощь. Нам известно только, что Галактическая Империя вошла в контакт с чем-то очень странным и обладающим необычайным величием, с чем-то, что находилось далеко за кривизной пространства, на другом конце самого Космоса. Что это такое было — мы можем только гадать. Но контакт был, вероятно, необыкновенно важен, а обещания столь же велики. В течение очень короткого промежутка времени наши предки и все дружественные им сообщества разумных существ прошли путь, оценить который мы не в состоянии. Мысли Вэйнамонда, похоже, ограничены нашей Галактикой, однако, читая их, мы смогли проследить за самым началом этого великого и загадочного предприятия. Вот образ того, что нам удалось реконструировать. Сейчас вы увидите то, что происходило более миллиарда лет назад.

...Бледный венок минувшей своей славе висит в пустоте — медленно вращающееся колесо Галактики. По всей его ширине тянутся огромные пустые туннели, вырванные из структуры Галактики Безумным Разумом,— в веках, которые воспоследуют, эти раны будут затянуты дрейфующими звездами. Но никогда уже этим страницам не восполнить былого великолепия.

Человек собирался покинуть Вселенную — так же как давным-давно он покинул свою планету. И не только Человек, но и тысяча других рас, трудившихся вместе с ним над созданием Галактической Империи. Они собрались все вместе здесь, на самом краю Галактики, всей своей толщиной лежащей между ними и целью, которой им не достичь еще долгие века.

Они собрали космический флот, перед которым было бессильно воображение. Его флагманами были солнца, самыми маленькими кораблями — планеты. Целое шаровое скопление со всеми своими солнечными системами, со всеми своими мирами готовилось отправиться в полет через бесконечность.

Длинная струя огня пронзила вдруг сердце Вселенной, скачками передвигаясь от звезды к звезде. В кратчайший миг умерли тысячи солнц, отдав свою энергию чудовищному шару из светил, который метнулся вдоль оси Галактики и теперь становился все меньше и меньше, уходя в неизмеримую глубину космической пропасти.

— Таким вот образом Империя покинула нашу Вселенную, чтобы встретить свою судьбу в ином месте,— продолжил Коллитрэкс.— Когда ее восприемники, интеллекты типа Вэйнамонда, достигнут своей полной формы, она, возможно, возвратится снова. Но этот день еще далеко впереди.

Вот она, в самом кратком и самом поверхностном описании,— история Галактической Империи. Наша собственная история, которая представляется нам такой важной,— не более как запоздалый и, в сущности, тривиальный эпилог, хотя он и настолько сложен, что мы до сих пор не можем разобраться во всех деталях. Представляется, что многие из старых рас, не снедаемые жаждой приключений, отказались покинуть свои родные планеты. Большинство из них постепенно пришли в упадок и более не существуют, хотя некоторые все еще живы. Наш собственный мир едва избежал подобной же участи. Во время Переходных Столетий, которые в действительности-то длились миллионы лет, знание о прошлом было либо утрачено, либо уничтожено преднамеренно. Последнее представляется более вероятным, хотя в это и трудно поверить. В течение столетий и столетий Человек тонул в исполненном предрассудков и все же научном варварстве, искажая историю, чтобы избавиться от ощущения своего бессилия и чувства провала. Легенды о Пришельцах абсолютно лживы, хотя отчаянная борьба против Безумного Разума, несомненно, способствовала их зарождению. И наших предков ничто не тянуло обратно, на Землю, кроме разве что душевной боли.

Когда мы сделали это открытие, одна проблема в особенности нас поразила. Не было никогда никакой битвы при Шалмирейне, и все же Шалмирейн существовал и сущест-

вует и по сей день. Более того, это было одно из величайших орудий уничтожения из всех когда-либо построенных.

Потребовалось некоторое время, чтобы разрешить эту загадку, но, когда ответ был найден, он оказался очень простым. Давным-давно у Земли был ее единственный спутник — Луна. Когда в бесконечном противоборстве приливов и тяготения Луна наконец стала падать, возникла необходимость уничтожить ее. Шалмирейн был построен именно для этой цели, и только позже вокруг него появились легенды, которые вам известны.

Коллитрэкс улыбнулся своей огромной аудитории. Улыбка эта была несколько печальна.

— Таких легенд — частью правдивых, частью лживых — много. Есть в нашем прошлом и другие парадоксы, которые еще предстоит разрешить. Но это уже проблемы скорее для психолога, нежели для историка. Даже сведениям, хранящимся в Центральном Компьютере, нельзя доверять до конца, поскольку они несут на себе явственные свидетельства того, что в очень далекие времена их подчищали.

На Земле лишь Диаспар и Лиз пережили период упадка — первый благодаря совершенству своих машин, второй — в силу своей изолированности и необычных интеллектуальных способностей народа. Но обе эти культуры, даже когда они стремились возвратиться к своему первоначальному уровню, уже не могли преодолеть искажающего влияния страхов и мифов, унаследованных ими.

Эти страхи не должны больше преследовать нас. Не дело историка предсказывать будущее — я должен только наблюдать и интерпретировать прошлое. Но урок этого прошлого вполне очевиден: мы слишком долго жили вне контакта с реальностью, и теперь наступило время строить жизнь по-новому.

ГЛАВА 25

В молчаливом удивлении шагал Джизирак по улицам Диаспара и не узнавал города — настолько он отличался от того, в котором наставник Олвина провел все свои жизни.

Но он все-таки знал, что это Диаспар, хотя и не задумывался над тем, откуда это ему известно.

Улицы были узкими, здания — ниже, а Парка и вовсе не было. Или, лучше сказать, его еще не было. Это был Диаспар накануне перемен, Диаспар, еще распахнутый в мир и Вселенную. Город накрывало бледно-голубое небо, усеянное размытыми перьями облаков,— они медленно поворачивались и изгибались под ветром, который мел по поверхности этой еще совсем юной Земли.

Пронизывая облака, летя и выше их, в небе двигались и более материальные воздушные странники. На высоте многих миль над городом корабли, связывающие Диаспар с внешним миром, мчались по своим маршрутам в самых разных направлениях, прошивая небеса кружевными строчками инверсионных следов. Джизирак долго смотрел на эту загадку, на это чудо — распахнутое небо, и страх касался его души неосязаемыми холодными пальцами. Он почувствовал себя голым и беззащитным, ошеломленный осознанием того, что весь этот такой мирный голубой купол — не более чем тончайшая из скорлупок, за которой простирается космос, таинственный и угрожающий.

Но этот страх был недостаточно силен, чтобы парализовать волю. Какой-то долей сознания Джизирак понимал, что все это сон, а сон не причинит ему ровно никакого вреда. Он просто проплывет сквозь это наваждение, пробуя его на вкус, пока не проснется в городе, который ему хорошо знаком.

Он направлялся в самое сердце Диаспара, к той его точке, где в его эпоху будет стоять усыпальница Ярлана Зея. Сейчас, в этом древнем городе, ничего еще не было, стояло только низкое круглое здание, в которое вело множество сводчатых дверей. Около одной из них его дожидался какой-то человек.

Джизираку следовало бы онеметь от изумления, но теперь его уже ничто не могло удивить. Почему-то это казалось совершенно правильным и естественным — оказаться лицом к лицу с человеком, построившим Диаспар.

— Полагаю, вы меня узнали,— обратился к нему Ярлан Зей.

— Ну конечно! Ведь я тысячи раз видел ваше изображение. Вы — Ярлан Зей, а это все — Диаспар, каким он был миллиард лет назад. Я понимаю, что все это мне снится и что ни вас, ни меня в действительности здесь нет.

— Тогда, что бы ни произошло, вам не следует тревожиться. Поэтому идите за мной и помните: ничто не может причинить вам никакого вреда, поскольку стоит вам только пожелать — и вы проснетесь в Диаспаре своей эпохи.

Джизирак послушно проследовал за Ярланом Зеем в здание. Свой мозг в эти минуты он мог бы сравнить с губкой — все впитывающей и ничего не подвергающей сомнению. Какое-то воспоминание или даже всего лишь отдаленное эхо воспоминания предупреждало его о том, что именно должно сейчас вот произойти, и он знал, что в былые времена при виде *этого* он сжался бы от ужаса. Теперь же он совсем не испытывал страха. Он не только сознавал себя под защитой понимания того, что все здесь происходящее — нереально, но и присутствие Ярлана Зея казалось неким талисманом против любых опасностей, которые могли бы ему встретиться.

На движущихся тротуарах, ведших в глубину здания, стояли всего несколько человек, и поэтому, когда Джизирак с Ярланом Зеем остановились наконец в молчании возле длинного, вытянутого цилиндра, который, как знал Джизирак, может унести его в путешествие, сведшее бы его в будущем с ума, рядом с ними никого не оказалось. Его проводник жестом указал ему на отворенную дверь. Джизирак задержался на пороге не более чем на какую-то долю секунды, а затем решительно ступил внутрь.

— Вот видите,— улыбнулся Ярлан Зей.— Ну а теперь расслабьтесь и помните, что вы в полнейшей безопасности... никто и ничто вас не тронет.

Джизирак верил ему. Только едва уловимую дрожь беспокойства ощутил он, когда в полной тишине вход в туннель перед ними скользнул навстречу и машина, внутри которой они находились, двинулась в глубь земли, набирая скорость. Какие бы страхи он ни испытывал прежде, все они теперь были прочно забыты — смятые, оттесненные горячим же-

ланием поговорить с этой загадочной личностью, явившейся из такого далекого прошлого.

— Не кажется ли вам странным,— обратился к нему Ярлан Зей,— что, хотя небо для нас и открыто, мы пытаемся зарыться поглубже в землю? Это, знаете ли, начало той болезни, закономерное окончание которой вы наблюдаете в своей эпохе. Человечество пытается спрятаться, оно страшится того, что лежит там, в пространстве, и скоро оно накрепко запрет все двери, которые еще ведут во Вселенную.

— Но ведь я только что видел в небе над Диаспаром космические корабли,— возразил Джизирак.

— Больше вы их не увидите. Мы уже потеряли контакт со звездами, а очень скоро мы уйдем и с планет Солнечной системы. Нам потребовались миллионы лет, чтобы выйти в космическое пространство, и только какие-то столетия, чтобы снова отступить к Земле. А спустя совсем непродолжительное время мы покинем и бо́льшую часть самой Земли.

— Но почему? — спросил Джизирак. Ответ был ему известен, но что-то тем не менее все-таки заставило его задать этот вопрос.

— Нам необходимо было убежище, которое избавило бы нас от страха перед смертью и от боязни пространства. Мы были больным народом и не хотели более играть никакой роли во Вселенной, и вот мы сделали вид, будто ее попросту не существует. Мы видели, как хаос пирует среди звезд, и тяготели к миру и стабильности. А из этого со всей непреложностью следовало, что Диаспар должен быть закрыт, с тем чтобы ничто извне не могло в него проникнуть.

Мы создали город, который вам так хорошо известен, и сфабриковали фальшивое прошлое, чтобы скрыть от самих себя нашу слабость. О, мы были не первыми, кто прибегнул к такому способу, но мы оказались первыми, кто проделал все с такой тщательностью. И мы переделали сам дух Человека, лишив его устремлений и яростных страстей, дабы он был вполне доволен миром, которым теперь обладал.

Понадобилась тысяча лет, чтобы возвести город со всеми его механизмами. По мере того как каждый из нас завершал свою профессиональную задачу, из его памяти стирали все

воспоминания, замещая их тщательно разработанным рисунком новых, фальсифицированных, и личность человека оказывалась погребенной в электронных катакомбах города до тех пор, пока не придет время снова вызвать ее к жизни.

И вот настал день, когда в Диаспаре не осталось ни единой живой души. Бодрствовал только Центральный Компьютер, повинующийся внесенным в него указаниям и контролирующий Хранилища Памяти, в которых спали мы все. Не осталось ни одного человека, который сохранил бы хоть какой-то контакт с прошлым. Таким вот образом в этот самый момент и начала свою поступь новая История.

Затем, один за другим, через определенные интервалы, мы были вызваны из электронных лабиринтов компьютерной памяти и снова облеклись плотью. Как механизм, который был только что построен и теперь получил толчок к действию, Диаспар принялся выполнять обязанности, для которых он и был создан.

И все же некоторых из нас с самого начала обуревали сомнения. Вечность — срок долгий. Мы отдавали себе отчет в том, на какой риск идем, не предусматривая никакой отдушины и пытаясь полностью отгородиться от Вселенной. С другой стороны, мы не могли обмануть ожиданий всего нашего сообщества, и поэтому работать над модификациями, которые представлялись необходимыми, нам пришлось втайне.

Неповторимые были одним из наших изобретений. Им предстояло появляться через весьма продолжительные интервалы времени, с тем чтобы, если позволят обстоятельства, обнаруживать за пределами Диаспара все, что было достойно усилия, потребовавшегося бы для контакта. Нам и в голову не приходило, что понадобится так много времени для того, чтобы одному из Неповторимых сопутствовал успех. Не ожидали мы и того, что успех этот окажется столь грандиозен.

Несмотря на заторможенность своих способностей к критическому анализу, составляющую самую суть сновидения, Джизирак бегло подивился тому, как это Ярлан Зей может с таким знанием дела рассуждать о вещах, которые имели

место спустя миллиард лет после того времени, когда он существовал. Это было очень странно... он, видимо, просто потерял ориентировку — где находится во времени и пространстве.

А путешествие между тем подходило к концу. Стены туннеля уже больше не мелькали молниями мимо окон. И Ярлан Зей начал говорить с настойчивостью и властностью, которых у него только что и в помине не было.

— Прошлое кончилось. Мы сделали свое дело — для хорошего ли, для дурного ли, и с этим — все! Когда вы, Джизирак, были созданы, в вас был вложен страх перед внешним миром и то чувство настоятельной необходимости оставаться в пределах города, которое вместе с вами разделяют все граждане Диаспара. Теперь вы знаете, что страх этот ни на чем не основан, что он был навязан вам искусственно. И вот я, Ярлан Зей, тот, кто дал его вам, освобождаю вас от этого бремени. Вы понимаете?

На этих последних словах голос Ярлана Зея стал звучать все громче и громче, пока, казалось, не заполнил собой весь мир. Подземный вагон, в котором Джизирак двигался с такой скоростью, стал расплываться, дрожать, как будто сон подходил к концу. Изображение тускнело, но он все еще слышал повелительный голос, громом врывающийся в его сознание: «Вы больше не боитесь, Джизирак! *Вы больше не боитесь!*»

Он отчаянно пытался проснуться — так вот ныряльщик стремится вырваться на поверхность из морской глубины. Ярлан Зей исчез, но все еще продолжалось какое-то междуцарствие: голоса, которые были ему знакомы, но которые он не мог точно соотнести с определенными людьми, поощрительно обращались к нему, он ощущал, как его поддерживают чьи-то заботливые руки. И вслед за этим стремительным рассветом произошло возвращение к реальности.

Он открыл глаза и увидел Хилвара, Джирейна и Олвина, которые стояли подле него с выражением нетерпения на лицах. Но он едва обратил на них внимание: его мозг был слишком полон чудом, которое простерлось перед ним и над ним,— панорамой лесов и рек и голубым куполом открытого неба.

Он оказался в Лизе. И ему не было страшно!

Никто не беспокоил его, пока бесконечный этот миг навсегда отпечатывался в его сознании. Наконец, насытившись пониманием того, что все это действительно реальность, он повернулся к своим спутникам.

— Благодарю вас, Джирейн,— произнес он.— Мне, знаете ли, никак не верилось, что вы добьетесь успеха.

Психолог, выглядевший очень довольным, осторожно подкручивал что-то в небольшом аппарате, который висел в воздухе рядом с ним.

— Вы доставили нам несколько весьма неприятных минут,— признался он.— Раз или два вы начинали задавать вопросы, на которые невозможно было ответить в пределах логики, и я даже опасался, что вынужден буду прервать эксперимент.

— А... предположим... Ярлан Зей не убедил бы меня? Что бы вы тогда делали?..

— Пришлось бы сохранить вас в бессознательном состоянии и переправить обратно в Диаспар, где вы пробудились бы естественным образом и так бы и не узнали, что за время сна побывали в Лизе.

— Но тот образ Ярлана Зея, который вы мне внушили... как многое из того, что он мне рассказывал,— правда?..

— Я убежден, что бóльшая часть. Меня, впрочем, куда сильнее заботило то, чтобы моя маленькая сага оказалась не столько исторически безупречной, сколько убедительной, но Коллитрэкс изучил ее и не обнаружил никаких ошибок. Вне всякого сомнения, она полностью совпадает со всем тем, что нам известно о Ярлане Зее и основании Диаспара.

— Ну вот, теперь мы можем открыть город по-настоящему,— сказал Олвин.— На это, само собой, уйдет уйма времени, но в конце концов мы сумеем нейтрализовать все страхи, и каждый, кто пожелает, сможет покинуть Диаспар.

— Уйма времени — это уж точно,— сухо отозвался Джирейн.— И не забывайте, что Лиз едва ли достаточно велик, чтобы принять несколько сот миллионов посетителей, если все ваши вздумают вдруг явиться сюда. Я не считаю, что это так уж вероятно, но и исключать такую возможность не стоит.

— Проблема решится автоматически,— возразил Олвин.— Пусть Лиз крохотен, но мир-то — велик! И с какой стати мы должны оставлять его в распоряжении пустыни?

— Экий ты все еще мечтатель, Олвин,— с улыбкой произнес Джизирак.— А я-то все думал — что же еще осталось для тебя?

Олвин промолчал. Джизирак задал вопрос, который все настойчивей и настойчивей звучал в его собственной голове — все последние несколько недель. Он так и остался в задумчивости, бредя позади всех, когда они стали спускаться с холма в направлении Эрли. Не станут ли столетия, лежащие перед ним, спокойными, лишенными каких бы то ни было новых впечатлений?

Ответ был в его собственных руках. Он разрядил заряд, уготованный ему судьбой. Теперь, возможно, он мог начать жить.

ГЛАВА 26

В достижении цели есть некоторая особенная печаль. Она — в осознании того, что цель эта, так долго остававшаяся вожделенной, наконец покорена, что жизни теперь нужно придавать новые очертания, приспосабливать ее к новым рубежам. Олвин в полной мере познал эту печаль, когда бродил в одиночестве по лесам и полям Лиза. Даже Хилвар не сопровождал его, потому что в жизни у каждого мужчины наступает момент, когда он отдаляется и от самых близких своих друзей.

Блуждания эти не были бесцельными, хотя он никогда не решал заранее, в каком селении остановится на этот раз. Не какое-то определенное место искал он. Ему нужно было новое настроение, какой-то толчок... в сущности, новый для него образ жизни. Диаспар теперь в нем уже не нуждался. Семена, которые он занес в город, быстро прорастали, и он теперь ничего не мог сделать, чтобы ускорить или притормозить перемены, которые там происходили.

Этому мирному краю тоже предстояло перемениться. Олвину частенько приходило в голову, правильно ли он поступил, открыв в своем безжалостном стремлении удовлетворить собственное любопытство древний путь, связывающий обе культуры. Но конечно же, лучше было, чтобы Лиз узнал правду,— ведь он, как и Диаспар, почивал на своих собственных опасениях и совершенно беспочвенных мифах.

Иногда Олвин задумывался и над тем, какие же черты приобретет новое общество. Он всей душой верил в то, что Диаспар должен вырваться из темницы Хранилищ Памяти и снова восстановить цикл жизни и угасания. Знал он и то, что, по глубочайшему убеждению Хилвара, в этом нет ничего невозможного, хотя детали предлагаемой другом методики и оказались для Олвина слишком уж сложны. Что ж, тогда, может быть, снова наступят времена, когда живая человеческая любовь не будет для Диаспара чем-то недостижимым.

Неужели, раздумывал Олвин, любовь и была тем, чего ему всегда не хватало в Диаспаре, и ее-то на самом деле он и стремился найти? Теперь он слишком хорошо понимал, что, когда играющая молодая сила натешена, честолюбивые устремления и любознательность удовлетворены, остается еще нетерпение сердца. Никому не дано было жить настоящей жизнью, если его не осенял прекрасный союз любви и желания, который и не снился Олвину, пока он не побывал в Лизе.

Он бродил по поверхности планет Семи Солнц — первый человек за миллиард лет. Но теперь это для него мало что значило. Порой ему представлялось, что он отдал бы все свои достижения, если бы только мог услышать крик новорожденного и знать, что это дитя — его собственное...

В Лизе он в один прекрасный день мог найти то, к чему так стремился. Людям этого края были свойственны сердечная теплота и понимание других, чего — ему теперь это было ясно — не было в Диаспаре. Но прежде чем он мог предаться отдыху и обрести покой, ему предстояло принять еще одно решение.

В его руки пришла власть. Этой властью он все еще обладал. Это была ответственность, которой он когда-то искал и взвалил на себя с радостью, но теперь он понимал, что не найдет успокоения, пока эта ответственность будет лежать на нем. И вместе с тем отказаться от нее означало предать оказанное ему доверие.

Он обнаружил, что находится в селении, изрезанном массой каналов, и стоит на берегу большого озера. Разноцветные домики, замершие, словно на якорях, над едва заметными волнами, составляли картину почти неправдоподобной красоты. Здесь была жизнь, от домиков веяло теплотой человеческого общения и комфортом — всем, чего ему так не хватало там, среди величия и одиночества Семи Солнц. Здесь он и принял свое решение.

Настанет день, когда человечество снова будет готово отправиться к звездам. Какую новую главу напишет Человек там, среди этих пылающих миров, Олвин не знал. Это будет уже не его заботой. Его будущее лежит здесь, на Земле.

Но прежде чем повернуться к звездам спиной, он совершит еще один полет.

•

Когда Олвин пригасил вертикальную скорость корабля, город находился уже слишком далеко внизу, чтобы можно было признать в нем дело рук человеческих, и уже заметна была кривизна планеты. Еще немного спустя они увидели и линию терминатора, на которой — в тысячах миль от них — рассвет свершал свой бесконечный переход по безбрежным пространствам пустыни. Над ними и вокруг них сияли звезды, все еще блистающие красотой, несмотря на то что когда-то они утратили часть своего великолепия.

Хилвар и Джизирак молчали, догадываясь, но не зная с полной уверенностью, чего ради Олвин затеял этот полет и почему он пригласил их сопровождать его. Разговаривать не хотелось. Под ними медленно разворачивалась безрадостная панорама, лишенная даже малейших признаков жизни. Ее опустошенность давила и того и другого, и Джизирак неожиданно для себя самого почувствовал, как в нем

вспыхнул гнев на людей прошлого, которые благодаря своему небрежению позволили угаснуть красоте Земли.

Ему страстно захотелось верить, что Олвин прав, говоря о том, что все это еще можно переменить. И силы, и знания все еще находились в распоряжении Человека, и необходима была только воля, чтобы повернуть столетия вспять и заставить океаны вновь катить свои волны. Вода еще была — там, глубоко под поверхностью. А если необходимо, то можно создать заводы, которые дадут планете эту воду.

За годы, лежащие впереди, предстояло сделать так много! Джизирак знал, что стоит на рубеже двух эпох: он уже повсюду чувствовал убыстряющийся пульс человечества. Предстояло, конечно, столкнуться с гигантскими проблемами, но Диаспар пойдет на это. Переписывание прошлого набело займет многие сотни лет, но, когда оно будет завершено, Человек снова обретет почти все, что оказалось им утрачено.

И все же в состоянии ли он будет обрести действительно все? — подумал Джизирак. Трудно было поверить в то, что Галактика снова может быть покорена, и если даже это и будет достигнуто, то ради какой цели?

Олвин прервал его размышления, и Джизирак отвернулся от экрана.

— Мне хотелось, чтобы вы это увидели,— тихо произнес Олвин.— Другой возможности вам может не представиться.

— Разве ты покидаешь Землю?

— Нет. Я по горло сыт космосом. Даже если другие цивилизации еще и выжили в Галактике, я как-то сомневаюсь, что они стоят того, чтобы их разыскивать. Так много работы на Земле! Теперь я знаю, что мой дом — она. И я не собираюсь снова покидать этот дом.

Он смотрел вниз, на бескрайние пустыни, но глаза его видели воды, которые будут плескаться на этих пространствах через тысячи лет. Человек снова открыл свой мир, и он сделает его прекрасным, пока останется на нем. А уж потом...

— Мы не готовы уйти к звездам, и пройдет очень много времени, прежде чем мы снова примем их вызов. Я все думал — что мне делать с этим кораблем? Если он останется здесь, на Земле, меня все время будет подмывать воспользоваться им и я потеряю покой. В то же время я не могу распорядиться им бездарно. У меня такое чувство, будто мне его доверили и я просто должен использовать его на благо нашего мира.

Поэтому я решил вот что: я пошлю его в Галактику с роботом в роли пилота, чтобы выяснить, что же произошло с нашими предками, и, если возможно, узнать, ради чего они покинули нашу Вселенную, что они собирались найти. Это, должно быть, представлялось им чем-то невообразимо чудесным, если в стремлении к нему они оставили столь многое.

Робот не знает усталости, сколько бы времени ни заняло у него это путешествие. И настанет день, когда наши двоюродные братья получат мое послание и узнают, что мы ждем их здесь, на Земле. Они вернутся, и я надеюсь, что к тому времени мы станем достойны их, сколь бы велики ни были они в своем знании.

Олвин умолк, устремив взор в будущее, контуры которого он определил, но которого ему, возможно, и не суждено увидеть. Пока Человек перестраивает свой мир, этот корабль будет пересекать пропасти тьмы между галактиками и возвратится лишь через многие тысячи лет. Может быть, он, Олвин, еще будет здесь, чтобы встретить его, но даже если нет, он все равно был вполне удовлетворен своим решением.

— Мне представляется, что ты рассудил мудро,— отозвался Джизирак. И тут же, в последний раз, отголосок былого страха вспыхнул в его душе, чтобы помучить его: — Но предположим, что корабль войдет в контакт с чем-то таким, встречи с чем мы бы не хотели...— Голос его упал, поскольку он осознал источник своей тревоги, и он улыбнулся кривой улыбкой, в которой был упрек самому себе и которая тотчас же прогнала последний призрак Пришельцев.

Олвин, однако, отнесся к делу куда серьезнее, чем того ожидал Джизирак.

— Ты забываешь, что скоро у нас помощником будет Вэйнамонд,— сказал он.— Мы еще не знаем, какими возможностями он располагает, но в Лизе все, похоже, думают, что возможности эти потенциально безграничны. Разве не так, а, Хилвар?

Хилвар ответил не сразу. Вэйнамонд был еще одной огромной загадкой, этаким гигантским вопросительным знаком, который всегда будет нависать над будущим человечества, пока это существо остается на Земле,— это было верно. Но очевидно было и то, что эволюция Вэйнамонда в сторону самоосознания ускорилась в результате его общения с философами Лиза. Они страстно надеялись на сотрудничество в будущем с этим супермозгом-ребенком, веря в то, что человечеству удастся в результате сэкономить целые эпохи, которых бы потребовала его естественная эволюция.

— Я не совсем уверен...— признался Хилвар.— Я думаю, что мы не должны ожидать слишком многого от Вэйнамонда. Мы теперь можем ему помочь, но ведь в его бесконечной жизни мы промелькнем всего лишь ничтожнейшим эпизодом. Я не думаю, что его конечное предназначение имеет к нам какое-либо отношение.

Олвин с изумлением уставился на него.

— Почему ты так считаешь? — спросил он.

— Мне трудно объяснить... Просто интуиция,— ответил Хилвар.

Он мог бы добавить еще кое-что, но сдержался. Такие вещи как-то не предназначались для передачи, и, хотя Олвин, конечно же, не стал бы смеяться над его мечтой, он не решился обсудить проблему даже со своим другом.

Это было больше чем мечта, в этом он был уверен, и она отныне постоянно станет преследовать его. Каким-то образом она завладела его сознанием еще во время того неописуемого, ни с кем не разделенного контакта, который случился у него с Вэйнамондом там, у Семи Солнц. Знал ли сам Вэйнамонд, какой должна быть его одинокая судьба?

Наступит день, когда энергия Черного солнца иссякнет и оно освободит своего узника. И тогда на окраине Вселенной, когда само время начнет спотыкаться и останавливаться, Вэйнамонд и Безумный Разум должны будут встретиться среди остывших звезд.

Это столкновение может опустить занавес над всем мирозданием. И все же оно не будет иметь ничего общего с маленькими заботами Человека, и он так никогда и не узнает о его исходе.

— Смотрите! — воскликнул внезапно Олвин.— Вот это-то я и собирался вам показать. Знаете, что это такое?

Корабль находился над полюсом, и планета под ними представляла собой безукоризненную полусферу. Глядя вниз на пояс сумерек, Джизирак и Хилвар в одно и то же мгновение видели на противоположных концах мира и рассвет, и закат. Символика была столь безукоризненна и так поражала душу, что они запомнили этот момент на всю жизнь.

В этой Вселенной наступал вечер. Тени удлинялись к востоку, который не встретит еще одного рассвета. Но повсюду вокруг звезды были еще юны, а свет утра еще только начинал брезжить. И в один прекрасный день Человек снова двинется по тропе, которую он избрал.

БОЛЬШАЯ ГЛУБИНА 5
Перевод Л. Жданова

ЗЕМНОЙ СВЕТ 203
Перевод М. Пчелинцева

ГОРОД И ЗВЕЗДЫ 391
Перевод Е. Кубичева